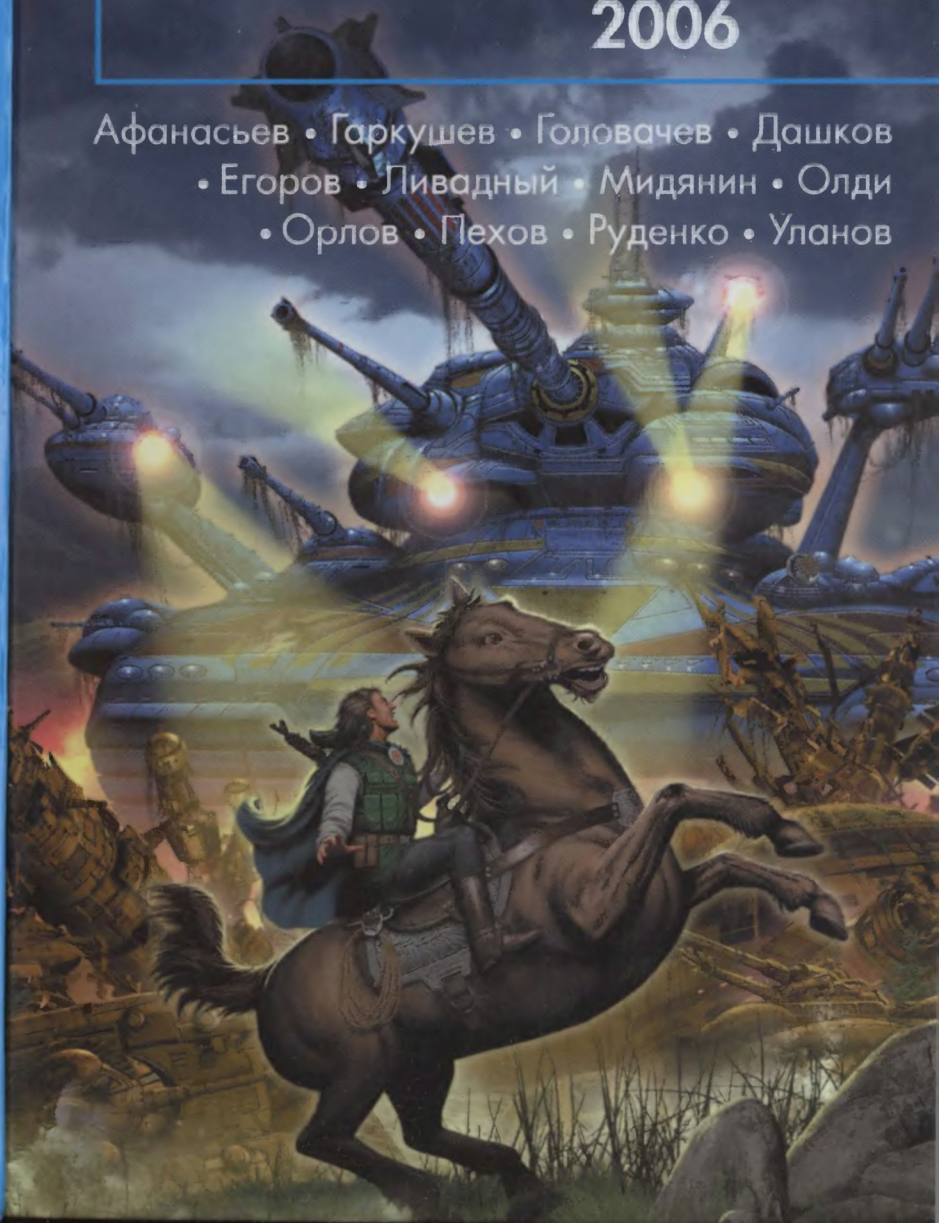

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

2006

Афанасьев • Гаркушев • Головачев • Дашков
• Егоров • Ливадный • Мидянин • Олди
• Орлов • Пехов • Руденко • Уланов

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

2006

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ 2006

Роман Афанасьев
Андрей Басирин
Людмила и Александр Белаш
Евгений Бенилов
Владимир Березин
Елена Бычкова
Дмитрий Володихин
Евгений Гаркушев
Василий Головачев
Андрей Дашков
Андрей Егоров
Екатерина Камынина
Андрей Ливадный
Василий Мидянин
Генри Лайон Олди
Антон Орлов
Алексей Пехов
Вадим Проскурин
Борис Руденко
Олег Сеницын
Наталья Турчанинова
Андрей Уланов
Борис Фокин

ГОРОДСКАЯ
ФЭНТЕЗИ

2006

МОСКВА
«ЭКСМО»
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 70

Составитель *В. Мельник*
Оформление серии *Е. Савченко*
Серия основана в 2003 году

Г 70 **Городская фэнтези — 2006: Фантастические повести и рассказы.** — М.: Эксмо, 2006. — 544 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-16506-1

Множество странных и загадочных происшествий ежедневно происходит в большом городе. Порой в час пик все светофоры начинают работать таким образом, словно кто-то незримый для непонятных целей пытается внести максимальную сумятицу в дорожное движение. Рассказывают, что на городском пляже можно поймать настоящую фею. По слухам, где-то на окраине материализуются из воздуха несокрушимые големы, чтобы покарать погрязших в гордыне людей, в обычных малогабаритных квартирах открываются порталы между мирами, бок о бок с нами живут кланы вампиров и оборотней, а полученная в подарок старинная книга может стоить души. О том, какие причудливые твари обитают в наполненных водой ямах на городских полях аэрации, лучше даже не знать...

Об этом и о многом другом — в новом сборнике отечественных писателей-фантастов «Городская фэнтези — 2006».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-16506-1

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

БЕЖЕНЕЦ

Как отвратительно в России по утрам...
Телефон пиликал с наслаждением бывалого инквизитора — громко, заливисто, выплевывая из своих электронных потрохов одну пронзительную трель за другой. Проклятье... какому кретину взбрело в голову установить именно эту мелодию?

Ах да... ему самому...

Протянувшаяся рука смела с низкой тумбочки часы, едва не отправив в след полупустую чашку и наконец нащупала источник раздражения. Правда, поднести невесомую пластиковую игрушку точно к уху удалось лишь со второй попытки.

— На связи.

— У нас засечка.

По идее, у лежащего на кровати после этих слов остатки сна должны были улетучиться наносекунд за двадцать. Однако этого отчего-то не произошло — мысли продолжали ползти по извилинам все в том же улиточном темпе.

— Я при чем?

— Ты поедешь на осмотр.

А вот при этих словах тонус явно повысился — человек с телефоном резко сел.

— Какого... в списке же еще двое впереди!

— Васильченков на «цоколе», а Пека вчера днем улетел в Красноярск, — с ноткой сочувствия поведала трубка. — Так что... Да ты не психуй так, Леха. Обычная засечка, ничего, — в трубке явственно хихикнули, — сверхъестественного... для нас. Составишь отчет — и свободен.

— Кто со мной будет?

— Прапорщик Шептало. Он за тобой заедет двадцать минут через.

— Ясно... Документы какие брать?

— Наши, конторские. — В трубке хихикнули снова. — Ну и еще чего-нибудь... класса второго возьми для прикрытия, чтобы лишний раз грозным выменем... гы... народец не пугать. Лучше ментовские — тебе ж, лейтенант, с людьми общаться, а людишки у нас в провинциях темные и ФАПСИ с «Педигри» запросто перепутают.

— Понял.

— Ну и лады. Координаты я сейчас скину эсэмэской, а насчет вертолета уже распорядились...

* * *

Они остановились, не доехав до «точки» примерно полкилометра. Вышли из машины. Потрепанный «Ниссан Патрол», с виду обычная машина не самых преуспевающих фирмачей и бандитов средней руки. Форсированный же движок, стоящий дорожке каждого второго из местных авто, заметен, понятное дело, не был. Равно как и иные... отличия.

Лейтенант почти сразу надел широкие зеркальные очки, чем вызвал у своего спутника едва заметную усмешку...

— Агент Смит...

— Агент Купер...

Шутка была, что называется, для своих — несколько лет назад их «контору» пытались окрестить «русскими икс-файлами», на что один из ее руководителей ехидно заметил: сходство примерно такое же, как между формулой Планка и излюбленным логотипом российских заборов.

Затем лейтенант вытащил из бардачка черную коробочку GPS и, полминуты поколдовав с ней, мотнул головой в сторону квадратного красного здания, украшенного — или, в зависимости от уровня эстетического воспитания наблюдателя, изуродованного — гирляндой неоновых трубок, в сумме образующих надпись «Спутник».

— Туда.

— Далеко?

— Не очень.

Прапорщик повел плечами, озабоченно покосившись при этом влево — стильные «асфальтовые» костюмы шились по спецзаказу, но устроившийся до поры в кобуре под

мышкой табельный «ПБ» был предметом отнюдь не малогабаритным.

Метрах в ста за «Спутником» лейтенант, оглядевшись, потянул было из кармана мобильник — и замер, озадаченно злобно уставясь на мигающую надпись «Идет поиск сети».

— А все потому, что дерьмо эти «Сименсы», — ехидно заметил прапорщик, снимая с пояса свой телефон. — Не то что моя старушка... Да, Василич... на месте... почти. Давай наводи нас... угу, вижу. Как ты сказал? Не, слышимость нормальная, просто я не врубаюсь... А, все, увидел... Здесь это было, — заявил он полминуты спустя, указывая на участок асфальта, на первый взгляд ничем особым не выделявшийся. — Ну, плюс-минус пара метров.

— Допуски были сделаны минимальные, с точностью до плюс-минус лапоть, — тихо пробормотал лейтенант, снимая очки и опускаясь на корточки. То же самое секундой позже проделал его напарник.

Цепкий тренированный взгляд медленно прошелся по серой шершавости асфальта, привычно фиксируя бумажные обрывки, окурки, камни, рваный кулек... то, что на сухом языке этих двоих называлось «детали места происшествия и их взаимное расположение».

— Снимать будешь?

— Надо бы...

— А по мне, так не стоит, — задумчиво сказал лейтенант. — Только пленку зря тратить.

— У меня ж цифровик.

Лейтенант неопределенно хмыкнул и, качнувшись вперед, осторожно, упершись подушечками указательных пальцев в торец и грифель, оторвал от асфальта тонкий золотистый карандаш. Мигом позже карандаш уже очутился в подставленном прапорщиком пакетике.

— Думаешь, клиент обронил? — хмыкнул прапорщик.

Лейтенант пожал плечами.

— Жаль, погода сухая, — сказал он, разгибаясь.

— А что б мы имели с сырости?

— Следы. Ну или протектор...

— Тоже верно.

Мимо них медленно прошуршал старый «двестивосьми-

★

десятый» «мерин». Высунувшийся в боковое окно бритый браток недоуменно уставился на мужика в дорогом костюме, сидевшего на корточках в метре от края проезжей части и разглядывавшего дорогу перед собой с таким вниманием, словно посеял минимум бриллиантовую запонку от Картье. Он даже хотел было скомандовать сидевшему за рулем притормозить, но тут прапорщик поднял голову — и от его взгляда грозу шести привокзальных киосков враз пробрал озноб...

— У тебя сегодня крыша какая? — негромко спросил Алексей, провожая взглядом серый с ржавыми потеками багажник «мерина».

— Ментовские, отдел особо тяжких.

— Местный?

— Нет, московский, — прапорщик отрывисто хохотнул, — мы ж их не на принтере печатаем... а заранее кто знает, в какую дыру нестись придется. Ну а столица — она и в Африке столица.

— Угу. Не поспоришь.

— А у тебя?

— Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

— Ни х... себе! — неожиданно удивился прапорщик. — А что, у дури законный оборот бывает?

— Видимо, да. — Лейтенант медленно обвел взглядом выстроившиеся вдоль улицы коробки домов. — Ну, как дело будет — кто направо, кто налево?

— Да мне, — равнодушно отозвался прапорщик, — в общем-то по фигу.

* * *

На большинство звонков не отзывался никто — рабочий день, время, не очень-то располагающее к домоседству. Лейтенанта это устраивало — те, кто его интересовал, в большинстве своем на работу не ходили. Уже не ходили... или в крайнем случае еще.

— Кто там?

— Милиция, — отозвался лейтенант, привычным жестом поднося распахнутые корочки к выпуклости глазка. —

Откройте, пожалуйста, я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Ходят тут, ходют, — раздраженно прошамкал старческий голос за дверью. — Всякие. А эта... ордер у табе есть? Без ордеру не пуцу.

«А адвокат из Чикаго тебе не нужен, карга старая? Насмотрелась сериалов...» — раздраженно подумал Алексей, но, продолжая удерживать на лице фирменную приклеенную улыбочку, примирительно произнес:

— Ну что вы, право, гражданка, какой ордер? Я ведь не с обыском пришел.

— А пошто?

— Плановый сбор информации. Гражданка, может, все-таки пустите меня, а то неудобно как-то через дверь разговаривать?

— Ходют тут всякие, — судя по раздававшемуся за дверью звону и лязгу, по количеству запоров этот шедевр местных слесарей вполне мог поработать люком на атомной подлодке, — открывай им...

Дверь наконец приоткрылась, и вырвавшаяся на лестничную клетку волна тяжелого нафталинового аромата заставила лейтенанта отступить.

— Проходи!

За дверью была тьма, нарушаемая лишь шуршанием шлепанцев да четким кап-кап-кап, доносящимся откуда-то справа.

— Что, лампочка перегорела?

— Экономим мы.

Лейтенант покосился на выставленные вдоль стены обувные пары — кроме расхоженных до потери формы туфель, там явно присутствовало несколько пар обуви, не принадлежащих старухе, — и мысленно посочувствовал людям, вынужденным делить жилплощадь с реликтом эпохи динозавров. Раскольников бы сюда...

— Сюды.

«Сюды» означало трехногий табурет на кухне. Этот трехножка, шаткий светло-коричневый столик, возле которого табурет стоял, да еще, пожалуй, давно уже не мытая четырехконфорочная газовая плита, как мысленно констатиру-

вал «агент Купер», отлично сочетались со старухой, но чрезвычайно плохо — со всей остальной кухонной обстановкой начиная от подвесных шкафчиков и заканчивая импортными моющимися обоями и столь же не российским огромным белым айсбергом в углу, до поры до времени притворяющимся обычным холодильником «Бош».

— Документы покажь.

— Я ж их вам недавно показывал, — протягивая старухе корочки, сказал Алексей.

— А через тую дверную гляделку шиш чего углядишь, — бойко парировала старуха, извлекая откуда-то из-под шали очки. — Ну-кось... старший... е-е-е... лейтенант... е-е-е... хорода Москвы... Это што ж, ты к нам из самой столицы пожаловал?

— Из столицы, — подтвердил лейтенант.

— Далеко забрался.

— Да уж, не близко, — согласно кивнул «агент Купер», выкладывая на стол диктофон.

— Эт еще что? — обеспокоенно дернулась старуха.

— Это вместо блокнота, чтобы возни меньше было.

— Магнитофон, что ль? Их ты, кроха какая... импортный небось, — завистливо вздохнула старуха. — Видать, хорошо вас там снабжают, в столицах-то...

— Так ведь и работы у нас, в столицах, куда больше. Вы, гражданка...

— Галина Никитичная, — произнесла старуха, особо выделив «я» в окончании отчества.

— Вы, Галина Никитичная, новости-то по телевизору смотрите?

— Ужасы сплошные в том телевизоре, — проворчала старуха. — Как не включишь — то наводнение, то землетрясение, то теракт...

— Вот-вот, — поддакнул Алексей. — А не будь нас...

— Ты ж вроде не по этой... которые террорюг ловят...

— Так ведь оно по-всякому бывает, — лейтенант перешел на доверительный шепот, — Галина Никитичная. Сегодня он кило героина привез, а завтра и взрывчатку тем же путем потащит.

— А может, он ее уже привез! — Шепот старухи оказал-

ся еще более визгливым, чем предполагал лейтенант. — Я давно за ним следю, с осени еще, аккурат как он у Любки комнату снял!

Следующие пятнадцать минут лейтенант старательно выслушивал подробнейший отчет о последних девяти месяцах жизни азербайджанского торговца фруктами, который, если поверить в сообщаемые Галиной Никитичной сведения хотя бы на четверть, был куда более опасным международным террористом, чем вся Аль-Каеда с Аль-Джазирой в придачу. Хранимого им в квартире арсенала по крайней мере должно было хватить на вооружение двух-трех мотострелковых дивизий, а уж количество находящихся там трехлитровых банок с красной ртутью и вовсе не поддавалось никакому подсчету.

Пожалуй, мысленно усмехнулся «агент Купер», захоти он и впрямь арестовать этого страшного Камаза Отходовича, то свободных от уже ведущихся контртеррористических и миротворческих операций частей Российской армии могло бы и не хватить. Разве что у американцев поддержки попросить.

Он живо представил себе плывущий по Москве-реке атомный авианосец «Честер Нимитц», с огромным трудом сдержал рвавшийся наружу приступ хохота... и едва не пропустил *главное*.

— ...а ночью-то сегодня... лежу я, сердешко пошаливает, потому, значит, валокординчик под язык, и вдруг за окном ка-ак ударит! Чисто гром, да только грозы и в помине нет на сто верст, уж я-то со своими косточками не ошибусь, любой дождик за полдня в суставах аукается. Бросилась к окну, гляжу — батюшки-светы, посреде улицы по асфальту молнии так и пляшут, так и прыгают, выгибаясь, здоровущие такие, синие, а посреде улицы — стоять!.. Точно говорю, ето он со светофором нашим учинить чего-то пытался.

— И долго эти молнии... прыгали? — деловито спросил «агент Купер».

— Долго, долго, — закивала старуха, — минут шесть, никак не меньше.

— Сколько? — враз севшим голосом проговорил Алексей.

— Я ж говорю, минут шесть, а то и того дольше. — Слова Галины Никитичны звучали словно издалека... или сквозь беруши. — Я ж как с кровати-то вскочила, на часы гляжу, они у меня на тумбочке рядом, электронные, специально, чтоб ночью глядеть, цифирьки светятся. Три часа семнадцать минут было, как сейчас помню, я еще подумала, батюшки-светы, да что ж это такое, где ж это видано, чтоб посреде ночи эдакое непотребство...

«Шесть минут, — огромным ночным мотыльком билось в голове лейтенанта. — Шесть минут». Шесть минут — здесь вам не тут... это уже не мелочь, не рутина.

— ...я уж в милицию звонить хотела, гляжу — подруливает к нему, значит, машина, он мигом внутрь нее — шась и сразу ходу, моргнуть не успела, как и след простыл.

— А машину вы хорошо запомнили? — спросил лейтенант.

— Запомнить-то запомнила, — поскучнела старуха. — Токо не разбираюсь я в иномарках ентих. Понавезли, понимаешь, всяких черокров и хюндаев... То ли дело в прежние времена: ежли не «жигуль», то уж точно «Москвич», потому как с «Волгой» или «Запорожцем» даже я без очков не спую.

— Ну а хотя бы примерно, Галина Никитичная? Цвет, размеры?

— Большая. — Старуха сосредоточенно разглядывала узор на потертой скатерке. — А цвету... ночь ведь... вроде зелены... темно...

— Большая темно-зеленая, — повторил лейтенант. — А тип кузова: седан, купе?..

— Ох, говорю ж — не разбираюсси я в ентих иномарках. Седан оно там или «Мерседес»... Хотя не, «Мерседесы» знаю, они завсегда черные, и морда у них приметная. То не «Мерседес» был.

Лейтенант скрипнул зубами, затем чертыхнулся, мысленно, конечно же, и выдернул из нагрудного кармана наладонник.

— Вот, Галина Никитичная, посмотрите, — произнес он полминуты спустя. — Какая больше всего похожа на ту, что ночью останавливалась?

* * *

— Вот и моя девчонка сказала — джип, — задумчиво произнес прапорщик.

— Это, конечно, весьма сужает область поиска, — саркастически заметил лейтенант. — От «иксовых» «бээмвух» до «УАЗ-патриота».

Шептало махнул рукой.

— Будем проще, рассудим логически. Улица, где, как принято сейчас неправильно говорить, имел место быть наш «прокол», далеко не центральная. И к магистрали тоже не выходит — вспомни, сколько мы петляли, при спутниковой-то карте. Так что навряд ли сюда мог заехать какой-то случайный проезжий. Ну а в здешних палестинах много темно-зеленых джипов быть не может. Уездный городишко, не «рай внутри МКАД».

— Губернский...

— Что?

— Губернский городишко, — повторил Алексей. — Областной центр как-никак. И потом... если остаточное напряжение в самом деле искрило пять-шесть минут, радиус притяжения запросто мог добить километров на сто.

— Да ну...

— Антилопа-гну! Вспомни девяносто седьмой!..

Сентябрьский денек был совершенно не по-осеннему теплый, типичное бабье лето. Но слова лейтенанта ничуть не хуже ледяного шквала заставили прапорщика вздрогнуть.

— Лучше не вспоминать! — тоскливо произнес он. — Такое... До сих пор мурашки по коже. Чудом ведь успели, в последний, считай, момент.

— Ну, можешь еще Владик прошлогодний вспомнить, — пожал плечами лейтенант. — «Прокол» был всего ничего, двухсотграммовая «посылка». А зацепило того матросика за семьдесят километров.

— Что в ней, кстати, было, в той шкатулке? — спросил прапорщик.

— А неизвестно. Ее почти не смотрели — в самолет, на базу, в пятый корпус и в распыл.

— Ну, у нас-то явно не шкатулка и даже не сундучок, —

вздыхнул прапорщик. — Жизненная форма, причем двуногая прямоходящая.

— И вдобавок разумная.

— Это я бы не торопился констатировать, — сказал Шептало. — Это еще сильно неизвестно. С той стороны могло вылезть всякое.

— Раз двуногое прямоходящее, да еще в одежде — значит, разумное, — возразил Алексей. — А уж есть у него приставка «псевдо» или нет — пусть товарищ полковник определяет или научники. После. Нам-то, сам понимаешь, сейчас лучше из худшего исходить.

— Лучше из худшего — это ты хорошо сказанул, — усмехнулся прапорщик. — Лады. План действий?

— Стандартный. Катим в местную ментовку. Я по дороге связываюсь с начальством и докладываю, в какое именно отверстие на теле афроамериканца мы все вот-вот попадем. По прибытии ты идешь трясти картотеку на предмет темно-зеленых джипов со здешней пропиской, а я, соответственно, попробую выбить информацию по ночной смене блокпостов.

— Думаешь, «гость» непременно ушел по магистрали?

— Сам прикинь шансы, — сказал Алексей. — Если не брать в расчет, что в этот раз к нам пожаловало нечто принципиально новое... семь из десяти, что «гость» первым делом захочет выбраться из города. Причем выбраться как можно дальше. А при таком раскладе хоть джип, хоть танк — скорость по федеральному шоссе и проселочным ухабам различается, сам понимаешь, не слабо.

— Слушай, лейтенант, — с подозрением глянул на него прапорщик. — Ты все это излагаешь с таким видом, будто уже знаешь, кто к нам в теремок пожаловал.

— Знать не знаю, — мотнул головой лейтенант, — но догадочка одна имеется.

— Ну?! — Прапорщик подался вперед. — Давай не томи, колись!

— Эльф!

* * *

На шоссе они выехали через сорок минут. Мигалку прапорщик вешать не стал, а просто вдавил педаль газа — и водитель новенькой «трехи» только и успел что разинуть рот,

когда потрепанный с виду джип сделал его за какую-то пару секунд.

— Видел? Ну, рожа... как же так? Конфетку у ребенка отобрали...

— Думал, типа черный «бумер» круче яиц, — ухмыльнулся прапорщик. — Ну-ну. Индюк типа тоже думал, что в джакузи.

— Угу. Черный «бумер», черный «бумер», стоп-сигнальные огни...

— Да ерш твою! — Прапорщик резко крутанул руль, обходя бело-желтую тушу междугородного автобуса, и сразу же выкрутил обратно, выпрыгнув чуть ли не из-под бампера встречного «МАЗа». — Хоть ты не начинай! И так уже задолбала эта... Дочь на мобильник поставила, я как услышал, чуть об стену не шваркнул. Лучше на карту глянь.

— Сейчас... выведу...

— Ну-ка... это у тебя чего, GPS с наладонником коннектится?

— Конниктится... или коннектится... На дорогу смотри!

— А не проскочим?

— Не проскочим! — уверенно сказал Алексей. — Последний блокпост, где видели клиента, на мосту. До него шпарь спокойно.

— Шпарю... Что с вертолетом?

— Сказали: вылетает.

— «Восьмушка» или «крокодила» дали?

— «Крокодила».

— Это хорошо. Считаю, час выигрыша.

Сразу за мостом Шептало сбросил скорость до двадцати — после предыдущей бешеной гонки лейтенанту в первый миг почудилось, что машина даже не стоит на месте, а медленно катится назад. Шуточки вестибулярного аппарата, мысленно усмехнулся он и, опустив стекло, принялся внимательно вглядываться в зеленую стену справа от шоссе.

Впрочем, еще через двадцать минут, за поворотом, выяснилось, что они с прапорщиком совершенно напрасно зарабатывали резь в глазах — стоявший в пяти метрах от шоссе у кромки леса темно-зеленый «Лендровер Дискавери» не пропустила бы даже Галина Никитичная.

Пистолеты они выхватили почти одновременно — привычным, отработанным на сотнях тренировок движением. Шептало, изогнувшись, перекинул левой рукой рычаг на третью скорость, одновременно лоя стволом тушу чужого джипа. Лейтенант в этот миг уже летел через кювет. Два шага, пережат с выходом в нижнюю стойку, вправо-вправо-вправо, еще пережат... Он выпрямился точно перед дверцей «Ленд-ровера», черный прямоугольник мушки почти не дрожал... взгляделся, опустил пистолет, махнул рукой прапорщику.

Тот, недолго думая, скатился с шоссе, развернув машину и, подъехав к лейтенанту, остановился точно между шоссе и «Дискавери». Вышел... и тихо присвистнул.

— Вот и я о том же, — вполголоса произнес лейтенант.

— Спит. — Прапорщик осторожно потянул дверцу «Дискавери». — Черт, заблокировано.

— Ну и хорошо.

— Чего ж хорошего-то?

— Он с той стороны как раз к стеклу головой привалился, — пояснил Алексей.

— И что с то... — Шептало, не договорив, осекся. Медленно прошел вокруг машины и остановился напротив водительской дверцы.

— Думаешь — так вот просто, и все?

— Как и положено по инструкции.

— А он спит.

— И?.. Ты хочешь дождаться, пока «кукла» проснется? Или очень хочешь увидеть, как он проснется?

— Нет, конечно, но... — Прапорщик на миг замялся. — Можно ведь аккуратнее сработать. Тюбик ему вколоть или...

— Он почти час был под воздействием! — рявкнул лейтенант. — В этой долбаной колымаге «гость» сидел! А ты в нее лезть собрался?! Хочешь весь следующий месяц из карантина не вылезать? Радовался бы, что клиент смиренно сидит и проблем напоследок не создает!

— Ладно, ладно, не ори, — примирительно произнес Шептало. — Понял, осознал и проникся. Баллончик с замазкой приготовь.

— Уже.

Прапорщик быстро глянул по сторонам — шоссе было

пустым, лишь у самого горизонта серела крохотная коробочка удалявшегося трейлера. Он вытянул руку, приставив «ПБ» почти вплотную к стеклу, и нажал спуск. Негромкий щелчок почти сразу же перекрыло шипение, и уже через секунду причудливо застывшая белая пена скрыла крохотное отверстие в стекле и темно-красный ореол вокруг него.

* * *

«Ми» «двадцать четвертый» опустил прямо на шоссе, напрочь перегородив его — но еще прежде, чем пневматики коснулись асфальта, створки десантного отсека откинулись, и зеленые фигуры, пригибаясь, бросились к замершим у леса джипам.

Лейтенант очень не любил такие вот моменты — он слишком хорошо представлял, что делает с человеком пуля «вала», чтобы спокойно разглядывать десяток направленных тебе в лицо стволов... зная при этом, что обладатели этих автоматов сейчас очень нервничают.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем низенький очкарик осторожно коснулся щупом его шеи чуть пониже уха и, обернувшись, крикнул:

— Все в норме!

Рядом шумно выдохнул прапорщик. Стволы автоматов дрогнули, медленно, нехотя опускаясь.

— Чэпэшники! — стоявший позади врача человек в офицерском бушлате произнес это... вкусно произнес, подумал Алексей. Полковник не ругался, не возмущался — нет, он всего лишь констатировал факт. А факт ЧП имел место быть, другой вопрос, что произошло это ЧП независимо от их с прапорщиком действий.

— Посылаешь их на обычную, рядовую, можно сказать, засечку — и на тебе! «Гость»!

— Мы, товарищ полковник, и сами бы куда больше радовались, если б это была просто «посылка», — буркнул прапорщик.

— Да уж... особенно ты, Шептало. Как в Ялте, что ли? Я ведь не забыл, ты не думай. У нас никто не забыт и ничто не забыто.

— Я не думаю, товарищ полковник, — угрюмо произнес

прапорщик. — Я бы лучше с десятков раз нырнул, как в Ялте, чем с «гостем» возиться.

— Да уж пожалуй. — Полковник вздохнул. — Закурить есть?

— Нам не положено, товарищ полковник!

— Знаю я, чего вам не положено... Давай, лейтенант, в правом брючном, пачка «голубого» «Барклая». Свои я в столе забыл, черт, зажигалку взял, а сигареты забыл. Леня, а ты пока выкладывайся...

Лейтенант протянул пачку, подумав, взял и сам, прикурил от командирской зажигалки. Курить ему хотелось уже давно, но дымная горечь принесла лишь тень облегчения.

Адъютант тем временем осторожно поставил на капот «Ниссана» тяжело лязгнувший чемоданчик — «тошнiba бронированная», как именовали это чудо самурайской техники в отделе, — открыл, щелкнул антенной и, чуть согнувшись, застучал по клавиатуре.

— Какой масштаб запрашивать, товарищ полковник?

— Масштаб? — Полковник, прищурившись, выдохнул дымное колечко и ткнул в его центр сигаретой, словно пытаясь нанизать сизую баранку. — Бери три, не ошибешься. А то, говорят, «гость» у нас в этот раз пряткий.

— Готово, товарищ полковник.

А командир-то тоже нервничает, подумал лейтенант, глядя, как полковник ожесточенно, словно какое-то особо мерзкое насекомое, затапывает бычок. Сам он щелчком отправил недокуренную сигарету в сторону леса и, развернувшись, попытался разглядеть сквозь блики экран ноутбука.

— Ты глаза не лмай, стань удобнее, — ворчливо сказал полковник. — И докладывай имеющиеся соображения.

— Соображения на самом деле простые, товарищ полковник. Наш «гость», если я правильно его классифицировал, будет стараться уйти как можно дальше в глубь леса. Выбор у него при этом — юг, юго-восток и юго-запад. Я предлагаю следующее: на юго-западе, как раз между шоссе и железной дорогой, военная база, МПД мотострелкового полка. Если приказать им устроить учения... с беготней по лесу...

— Разве что учения... Их же на что серьезное пошли — друг друга перестреляют.

— На юго-востоке, квадрат бэ-пять и выше, лес идет как бы клином, с двух сторон поля. Что, если организовать там вертолетный барраж, без всяких хитростей, просто пусть летают взад-вперед на бреющем?

— Это если исправные «вертушки» отыщутся ближе чем в Чечне, — вздохнул полковник. — Ладно. Остается юг. Болото. Но болото нашего «гостя» не остановит.

— Здесь. — Лейтенант осторожно коснулся ногтем диска. — Вот этот... полуостров... Короче, здесь самое узкое место болота, и «гость» наверняка захочет воспользоваться этим. Поставить «гребенку» — метров семьсот, не больше — и все!

Полковник задумчиво крутил в руке серебристый прямоугольник зажигалки.

— Если это и в самом деле эльф, — заметил он, — то «гребенка» может и не сработать. Почует.

— Значит, — спокойно произнес лейтенант, — на крючок нужно подвесить живца.

— Живца... а если он этого живца попросту зачарует?

— Так я, — сказал лейтенант, — простого живца посылать и не предлагаю.

* * *

Он остановился в полусотне метров от края болота. Сбросил рюкзак, потянулся, с наслаждением выгибая поясницу.

И пошел искать хворост для костра.

Ему повезло, долго искать не пришлось: пройдя ровно дюжину шагов, лейтенант обнаружил поваленное дерево — считай, готовый топливный склад. Сучья, разумеется, были мокрыми, словно майка после марш-броска, но Алексей предвидел это заранее. Предвидел и запасся старой литровой флягой. С содержимым, правда, в последний момент едва не вышла накладка — их «Ниссан Патрол» был дизелюхой, вдобавок топлива осталось меньше полбака, пока добудешь... Хорошо, у саперов в их «микробусике» нашлась канистра.

Пока он возился с костром, стемнело. Впрочем, подумал

он, тут наверняка сказался субъективный фактор — яркое пламя, очертив светлый круг на два-три метра, превратило осенние сумерки за его пределами в почти непроницаемую для человеческих глаз темень.

Лейтенант усмехнулся.

— Темнота — друг человека! — доверительно сообщил он соседнему кусту. — Если, конечно, этот человек — *наш* человек!

Куст никак не прореагировал на фирменную шутку «русских икс-файлов», — зато обиженный костер стрельнул одним из сучьев. Пара угольков крохотными светлячками прилипла к куртке, и лейтенант торопливо стряхнул их на траву, а затем отодвинулся на полметра — на фиг, на фиг, понаделаешь вот так дыр в казенном имуществе, и прости-прощай хорошие отношения с прапорщиком Иевлевым. А прапорщик... у-у-у, иной раз бывает полезнее целого майора.

Да и куртку жалко — хоть и казенная, но шита на него, из «мембранки». Пока новую выпишут, зима в окно метелью постучится.

Кстати, о «постучится»...

С виду направленный микрофон был похоже на обычный охотничий — штучка, постепенно входящая в моду, благо и цены год от года кусаются все меньше. Разумеется, у этого микрофона начинка была куда серьезнее, а идти по болоту абсолютно бесшумно не может никто, но лейтенант знал, что этой ночью от микрофона толку не будет, и установил его исключительно для галочки. Инструкции пишутся для того, чтобы их выполнять, как говорил его первый, еще в училище, ротный, а использовать их по прямому назначению допустимо лишь в экстр-ремальной обстановке.

Первые десять минут Алексей вслушивался в симфонию ночного болота полусидя. Затем перекатился на спину и принялся разглядывать небо. Здесь, вдали от электрического сияния городов, было на что посмотреть... обычно. Но сегодня небосвод был напрочь затянут тучами и лишь изредка сквозь разрывы промелькивал одинокий бриллиантовый лучик.

Делать было нечего. Абсолютно. Вернее, надо было просто ждать.

«Самое забавное, — подумал он, — что я даже для себя не могу внятно сформулировать, за каким лешим тут лежу. Интуиция, черт бы ее взял... Нет, — мысленно поправился он, — так думать нельзя, а то и впрямь обидится и уйдет, а в нашей работе без нее никак и никуда. Специфика... избранного поля деятельности. Не реши полковник тогда, в девяносто седьмом, подстраховать кольцо вокруг «прокола» снайперами... хотя, казалось бы, никаких видимых поводов не имелось.

Казалось... казалось, что все будет просто — взять и скрутить пришедших с той стороны, возымевших наглость использовать стационарный «прокол». А «гости» оказались не такие уж самонадеянные и, прежде чем лезть самим, пальнули... Так и не знаем, чем они пальнули, был это газ, излучение или еще какая-то чертова хрень. Мы знаем только, что группа захвата полегла — тридцать два человека, причину смерти так и не смогли определить ни эксперты отдела, ни лучшие приглашенные — естественно, под десяток грозных подписок о неразглашении — специалисты. Лишь потом они вылезли, трое в черном, и оставшийся вне зоны поражения их оружия снайпер снес одному из них голову, двенадцать и семь миллиметров, как воздушный шарик проколоть. И они быстренько слиняли обратно, не забыв прихватить тело сотоварища, так что для ученых осталось только разбрызганное по площадке содержимое черепной коробки «гостя», мозги да кости — совершенно ничего сверхъестественного. А когда семь часов спустя «прокол» открылся в следующий раз, выйти из него уже никто не успел, потому что никакой группы захвата на этот раз вокруг не было. Напротив «прокола» стояло самоходное орудие «Конденсатор», в ствол которого можно без труда засунуть голову — даже с плечами, если ужаться — или атомный снаряд.

Мы не знаем, что было на той стороне «прокола» — но если там имелся город, значит, быть ему побратимом Хиросимы.

Вот и сейчас я не могу объяснить, откуда берется эта клятая уверенность, что наш нынешний «гость» — эльф. И что только мой след, отпечаток моих кроссовок на раскисшей от дождей тропинке способен убедить его пройти по «гребенке».

Должен убедить.

«Гребенка»... мысль ускользала, стиралась... он попытался ухватить ее кончик, но скользкая нить просочилась между пальцев.

Блокировка сработала. Наконец-то.

В прошлый раз получилось очень некрасиво. Нашумели. Хоть взвэшники и проглотили байку о свихнувшемся ролевике, повадившемся отстреливать из лука мирных грибников, но вышло грязно. Семь убитых, тринадцать раненых... Хорошо, что нагрудные пластины новых броников стрелы не пробивали. Да и то — не зацепи его с вертолета, мог бы и уйти от собак, запросто мог. Он был очень хорош, даже раненый. Мечом отбил от собак, получил две пули и все равно успел расстрелять половину колчана, прежде чем его закидали из подствольников.

Плохо в прошлый раз получилось.

Неэстетично.

Миг, когда она появилась у костра, лейтенант пропустил. И лишь когда повернул голову глянуть, не пора ли подкинуть ветку-другую, увидел...

Листья...

Это были листья, обычные листья всевозможных зеленых оттенков — просто все они вдруг отчего-то решили собраться вместе...

...и сложиться в тонкую фигурку, очень похожую на человеческую.

Только у людей не бывает миндалевидных желтых глаз, расколотых пополам черным вертикальным зрачком.

Лейтенант сел. Медленно. Хотя затейливо изогнутый лук и лежал в полуметре от хозяйки, никаких иллюзий Алексей не питал — вся его тренировка позволит разве что дотянуться до кобуры, а затем он станет очень похож на подушечку для игл.

Первая мысль была: она красивая. Очень. Вторая: полгода карантина. Минимум. С головнойкой. Некоторые выйдут из карантина напрямиком на пенсию.

И всей надежды — на крохотный, с ноготь большого пальца приборчик, вшитый под кожу на сантиметр ниже правого уха. Сорок пять процентов за то, что чудо микро-

электроники сумеет защитить его мозг от воздействия «гостя» и целых семьдесят два — что факт этого воздействия будет зафиксирован. Это, если вдуматься, чертовски много, потому что вначале, когда приборчиков еще не было, с такими вот потенциальными «куклами» могли бы и не рискнуть возиться.

Красивая... Ладно, будем считать, что Париж стоил мессы. И знание — как выглядит *настоящая* нечеловеческая красота — стоит седых висков в неполных двадцать шесть.

— Ты... охотник на меня.

Знакомые вроде бы с детства слова прозвучали чертовски непривычно. Вроде бы все правильно и даже ударение верно расставлено, но все же... Лейтенант несколько секунд пытался поймать, понять, что же это за странность, иобразил-таки: сами звуки были иными. Даже не акцент, а нечто более глубокое... словно кто-то записал фразу, а перед тем, как проиграть ее, изрядно пошалил с настройками.

— Да. Я — охотник на тебя.

Так вот и попадают на страницы истории, подумал он. В анналы. Седьмой по счету зарегистрированный случай полноценного контакта с «гостем» за всю историю отдела. Впрочем, поправился он, пока еще незарегистрированный. И очень даже просто может таковым и остаться.

— Почему? — спросила она.

— Ты пришла в наш мир.

Она тихонько охнула.

— Вы убили того, кто помог мне... кого я призвала.

— Да.

— Почему? Я пришла в этот мир... Разве это наказуемо смертью?

— Ты сама — смерть.

Кажется, она удивилась. Кажется — потому что на самом деле это почти незаметное движение лицевых мышц могло означать все что угодно. Удивилась... рассердилась... поразилась... расстроилась... Кто знает, как отражаются чувства на лицах обитателей Зазеркалья? И есть ли у них чувства вообще?

— Я — не смерть.

— Ты несешь ее в себе, — тихо сказал лейтенант.

Какой-то дурацкий разговор получается, тоскливо подумал он. Так же могли бы беседовать, скажем, скальпель хирурга и раковая опухоль. Можно ли убедить метастазу, что жрать здоровые клетки — нехорошо?

— Не понимаю.

Лейтенант вздохнул.

— На тебе отпечаток твоего мира. Вернее, — он досадливо поморщился, — в тебе. В твоей голове. Его часть. Ты — его часть. И то, к чему ты прикасаешься, тоже получает этот отпечаток. Чем больше таких следов, тем тоньше грань между мирами. Однажды эта грань может попросту исчезнуть, и тогда, — лейтенант резко развел ладони, — все. Большой бум. Взаимоаннигиляция... если ты сумеешь понять это слово.

— Конец всего?

— Конец обоих миров, — сказал он. — Того, где мы сейчас, — и того, из которого ты пришла. Остальные уцелеют. А может, — коротко усмехнулся лейтенант, — и нет. Может, все мироздание махом накроется.

— Из-за меня... смерть всего мира! Только из-за меня? Одна... — Следующее слово Алексей не смог даже разобрать, настолько непривычным было его звучание. И уж тем более воспроизвести его в виде букв. Шелест весенних листьев, плеск ручья, крик осенней стаи и хруст первого снега — попробуйте-ка сплавить все это в единое целое. — Одна может погубить миры? В любой миг?

— Нет. — Врать лейтенант не хотел, да и, наверное, не смог бы. — Одна — не сможет. Потребуются миллионы таких, как ты... и пара сотен лет.

«...теоретически, — мысленно закончил он. — Теоретически... потому что мы слишком мало, ничтожно мало знаем о том, как устроены грани Зазеркалья. Какие уж точные расчеты — просто с ученых потребовали хоть какую-то цифру, они и выдали... какую-то. Всего лишь одна из теорий, далеко не самая обоснованная, с кучей дыр и белых пятен, но слишком уж высока ставка, чтобы рисковать. Как там у Стругацких: «Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флюктуациях — мы обязаны предположить, что где-

то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах». Это сказал тамошний гэбэшник, и, понятное дело, никаким производством святой воды он не занимался, а занялся он тем, что у человечества пока что — да и в будущем, скорее всего, тоже — получается лучше всего. Убийством. Вот и мы, обнаружив новую игрушку, придумали, что это большая бомба, и теперь с радостным повизгиванием занимаемся отстрелом потенциальных «детонаторов». Шлеп-шлеп, на «раз-два-три»... вот идет защитник человечества, да что мелочиться — Вселенной, а как его узнать? Да очень просто — по кровавым следам!

И этот путь уже привел нас к «Конденсатору», а думать, куда мы пойдём по этой лихой дороженьке дальше, очень не хочется, потому что исторический опыт нашептывает: на войне как на войне. А войны, как известно генералам и политикам, — которые, если всмотреться, тоже в общем-то генералы, только без погон, — не выигрываются сидением в пассивной обороне, и пора бы уже определиться с врагом и направлением главного удара, ну а на их удар нужно отвечать нашим контрударом, да так, чтобы... и вообще, линия обороны наших родных «граней» должна проходить по «граням» вражеских миров, ясно вам?! Это ж как аксиома Пифагора...»

— Тогда... почему охота?

— Потому что у правила не должно быть исключений. И если сквозь плотину... Ты знаешь, что такое плотина?

— Да. У нас есть звери... как ваши бобры.

— ...если сквозь плотину просочится одна капля, вскоре за ней последуют десять других. За ними — сто. И однажды какая-то капля станет той самой, последней.

Лейтенант замолчал.

Она сидела, обняв руками колени и спрятав лицо — точь-в-точь как обычная девчонка. И тонкие плечики едва заметно вздрагивали.

Но когда она подняла голову, лицо ее было сухим.

— Смерть. Там, откуда я пришла... большая беда. Враг, с которым нет сил бороться. Мрак и отчаяние. Лес, что дарил нам жизнь, отравлен черной ненавистью.

— Наши леса тоже не очень-то дружелюбны.

— Ваши леса... — На миг она замялась, подыскивая нужное слово. — Угнетены. Много железа. Больны, но в них есть жизнь, есть надежда. Там надежды нет. Впереди только тьма. Понимаешь?!

— Понимаю, — тихо отозвался лейтенант.

— Мы... — Она вновь замялась, досадливо мотнув подбородком. — Беженцы. Так это называется у вас. Мы никому не желаем зла. Неужели это настолько страшно вам?..

— У правила не должно быть исключений, — медленно повторил Алексей. — Ни-ка-ких.

«Прекрати! — крикнул кто-то внутри его. — Ненормальный, псих! Что ты делаешь? Жалость? С чего бы? Только потому, что этот «гость» так похож на несчастную девчонку?! Да ты на лук ее посмотри! И вспомни тех, со стрелами в башке, которых ты помогал закидывать в кузов грузовика! А год назад, помнишь... тот, похожий на огромного фиолетового червяка... у него-то никакого лука не было, и «куклу» он притягивал, и даже когда в него начали стрелять, он всего лишь пытался уползти прочь. Не защищался... Не мог? Не умел? Или не хотел? Огнеметом бы его, сказал тогда ты, а Латохин заржал и выкрикнул сквозь рев турбин: ну да, «шмелем», чтоб наверняка! Вертолет развернулся, и на кончике черного хоботка под кабиной расцвел ярко-рыжий цветок, белая нить коснулась земли, кустарник сразу же вспыхнул, и со сна качнулась, медленно заваливаясь назад, «двойные» пули ЯкБ выбивали целые гейзеры песка, щепок и хвои...»

— Просто мы хотим спастись. Жить.

— Не повезло. Ты выбрала неправильный мир для бегства.

— Я не хочу исчезать, — прошептала она. — А ты... ты ведь не хочешь убивать, я чувствую! Почему же тогда?! Почему?!

— Выбора нет.

Он почти ненавидел себя за эти слова.

Скорее бы уже все кончилось...

— Не верю!

Вскочив, она вскинула руку, словно пытаясь отмахнуть-

ся от назойливого насекомого. А в следующий миг сжала ладонями виски.

— Не верю тебе! Слышишь! Страх... ложь... ненависть... движет вами! Не хочу! Почему... Просто оставьте меня!

— Все уже решено, — выдохнул лейтенант. — Так или иначе, но финал будет один.

— Не верю, — в третий раз повторила она. Уже почти спокойно. И подняла лук. — Ты не хочешь убивать меня. Твой... пистолет не выстрелит. А значит — выбор есть. И есть надежда. Прощай.

И в этот миг он вспомнил — «гребенка»! Медленно, словно во сне, начал открывать рот, чтобы сказать... но слишком поздно. Она уже шагнула назад — и растворилась в темноте.

Еще можно было крикнуть. Можно было... можно... можно... пока еще...

Лейтенант отвернул манжету куртки и посмотрел на часы.

Секундная стрелка почти не шевелилась. Ползла, словно парализованная улитка, судорожными рывками, подолгу зависая у каждого деления.

А крохотный, с ноготь большого пальца, приборчик под правым ухом так и не подал сигнал. Семьдесят два процента за то, что воздействия на его мозг не было. Целых семьдесят два.

И всего лишь двадцать восемь — что теперь она знает.

Он уже почти поверил в то, что взрыва не будет, — и как раз в этот миг рвануло!

Грохот разрыва — и короткий пронзительный визг, который, услышав хоть раз, уже никогда не спутаешь ни с чем иным. Так умеет визжать только «злюка»... она же «ведьма», она же противопехотная мина ОЗМ-72.

Лейтенант вздохнул. Затем встал, неторопливо поднял рюкзак, щелкнул кнопкой фонаря и зашагал по тропе.

Думать ему не хотелось. Точнее, он не хотел думать об одной вполне конкретной вещи — сейсмическом датчике. Простенькая электронная штучка, созданная лишь для одного — узнавать о приближающемся двуногом, узнавать безошибочно, бежит ли он, ползет или шлепает на лыжах. Опо-

завать в любую погоду, выделять на фоне движения животных и техники.

И активировать ближайшую к цели мину.

Лейтенант очень не хотел думать о том, что из-за взрыва тонкая настройка датчика могла сбиться — и тогда прибор «забудет», что двуногая цель весом более восьмидесяти килограммов является для него запретной. Что штатно, ехидно напомнила ему память голосом полковника Кобаевского, в комплект «Охота» входит пять мин, и ставят их с расчетом на взаимоперекрытие зон поражения.

Он очень не хотел думать об этом — и потому старательно считал шаги.

Сделав шаг номер двести сорок восемь, лейтенант увидел иссеченный роликами ствол молодого клена, ободранные кусты и комья земли. Шагнув еще раз, он услышал стон.

Она лежала рядом с тропой, свернувшись, словно пыталась согреться.

Медленно, будто во сне, лейтенант расстегнул боковой карман рюкзака и вытащил черный пенал телефона.

— «Орлиное гнездо» слушает.

— Возникли. Непредвиденные. Обстоятельства. — Горло болезненно саднило, словно его долго и старательно пытались чистить ершиком со стальной щетиной.

— Что? Какие еще непредвиденные обстоятельства? Седьмой, доложите толком!

— Она. Жива. — Лейтенант сглотнул вязкий комок и, зло мотнув головой, добавил уже почти нормальным тоном: — Объект не погиб на «гребенке».

— В каком... — На этот раз проблемы с голосом, похоже, возникли по ту сторону трубки. — В каком состоянии находится объект?

— Объект... истекает кровью, — прошептал лейтенант.

— Что? Вас не слышно, повторите!

— Состояние объекта визуально оцениваю как критическое, — четко проговорил лейтенант.

— Возможна ли эвакуа... — Трубка на миг замолкла. — Ты сможешь вынести ее?

Вот он и прозвучал, тоскливо подумал лейтенант. Тот вопрос, который ты задал себе, едва увидев ее... и, едва сфор-

мулировав его, ты уже знал ответ. Знал — но так упрямо не хотел это признать.

Кого ты хотел этим обмануть, лейтенант? Неужели самого себя?

— Маловероятно.

— Что? Седьмой, говорите громче, вас плохо слышно!

Опустить на колени рядом с ней. Взять на руки. Встать... Нет, с ней и рюкзаком он не встанет точно. Сбросить рюкзак, потом встать...

Брось, резко скомандовал его внутренний голос, прекрати! Ты же сам понимаешь: шансов дотащить ее живой хотя бы до машины — не говоря уж о *вашем* госпитале, потому что обычные врачи почти ничем не смогут помочь ей, — этих шансов практически нет. Ноль целых шиш десятых. А стоит тебе неловко качнуться, оступиться — датчик щелкнет крохотным реле, и где-то рядом выпрыгнет из-под палой листвы еще одна «злюка».

Ты, скорее всего, не спасешь ее, вкрадчиво прошелестел этот проклятый, засевший под черепом голос, а вот погибнуть самому — легче легкого. Оно тебе надо?

— Седьмой, ответьте! Седьмой!

— Я считаю, — лейтенант снова сглотнул, — товарищ полк... товарищ «Орлиное гнездо», я считаю, что успешная эвакуация объекта невозможна.

Трубка молчала.

Лейтенант зачем-то попытался вспомнить, сколько стоит минута спутниковой связи. Вроде бы и немного... Ну да, как раз месяц назад говорили, что тариф будет снижен... Ромка из отдела техобеспечения говорил.

Он попытался вспомнить, какой свитер был на технике, не смог, разозлился и в какой-то миг едва не шарахнул телефоном о ближайшую лиственницу. Но сдержался — вовремя.

— Седьмой, — ожил телефон, — вертолет к тебе не успевает, два часа лету. Посему... пункт четыре-один. Действуйте.

— Вас понял, — отозвался лейтенант.

Он был спокоен. *Теперь*, когда черта подведена и все решено... осталась лишь последняя деталь, формальность, а затем эта история наконец получит свой финал.

* * *

Ей было очень больно.

Боль была везде, и она ясно чувствовала, как с каждой секундой, каплями протекающей сквозь пальцы крови, из нее уходит жизнь. Но все же она сумела открыть глаза...

...и увидела низкое серое небо над лесом. Чужое небо.

...и зелень листвы незнакомых деревьев.

...и черное, круглое, заслонившее собой...

Не было ни вспышки, ни грохота — только негромкий щелчок выстрела.

ИЗМЕНЕННЫЙ

Изменение застало меня в огромном городе, и виной тому был лишь случай — из тех, что невозможно предугадать, и оттого именуемых несчастными. Я оказался здесь в краткой однодневной командировке, которую, по сути, и называть-то так неудобно: мне нужно было всего лишь передать смежникам нашего предприятия кое-какую техническую документацию. Два часа на электричке туда, два обратно, плюс еще какое-то время на все дела в городе. Вернуться домой я намеревался даже раньше окончания официального рабочего дня на нашей фирме.

Я стоял на остановке автобуса в плотной кучке горожан, когда ревущий, объятый сизым облаком выхлопа «КамАЗ», не снижая скорости, въехал на тротуар. Не знаю, что стало причиной аварии — внезапный отказ рулевого управления или ошибка водителя. Все произошло в течение одной-двух секунд, этого времени мне было достаточно, чтобы избежать опасности, отпрыгнув в сторону, но вокруг меня стояли люди. Единственное, что мне удалось, — вытолкнуть из-под надвигающегося бампера какого-то парня в вязаной шапочке, а потом надолго наступила темнота.

Сознание возвращалось ко мне медленно. Вначале пришли запахи. Остро пахло лекарствами, дезинфекцией и чужими вещами, эти запахи были так сильны и неприятны, что меня затошнило, я дернулся и очнулся. Стояла ночь. В больницы палате реанимации я оказался один, и в этом мне чрезвычайно повезло, потому что Изменение, которое приходит к нам каждый месяц в отведенные сроки, уже совершилось. Палата освещалась лишь слабым отблеском уличного фонаря, но сейчас этого зыбкого полусвета мне было уже достаточно. Помогая себе зубами, я высвободился из бинтов и тесного гипсового кокона, в который было заковано правое плечо, бесшумно спрыгнул на пол и отряхнулся. Я чувств-

вовал себя вполне здоровым — после Изменения наши раны заживают поразительно быстро.

Нужно было немедленно выбираться отсюда. Я подошел к двери и прислушался. Где-то в десятке метров по коридору от моей палаты на дежурном посту медсестра читала книгу: я отчетливо слышал шорох перелистываемых страниц. Этот путь мне не годился, пугать до смерти ни в чем не повинный персонал было совершенно лишним. Я подбежал к окну и поднялся передними лапами на подоконник. Кажется, мне повезло еще раз. Палата находилась на втором этаже, да к тому же окно оказалось открытым.

Фыркнув от отвращения, я взял в зубы гипс, провонявшие антисептиком повязки, больничную одежду и вытолкнул все это на улицу. Мне придется зарыть эти вещи где-нибудь подальше. Не стоило давать врачам повода для ненужных фантазий. Ночное бегство пациента может выглядеть странным, но все же хоть как-то объяснимым, если, конечно, он отправляется в путь не нагишом. Гипс почти без звука упал на мягкую почву, а следом прыгнул и я.

К сожалению, я совершенно не представлял, в каком районе города нахожусь и куда следует двигаться, чтобы поскорее выбраться за его пределы. И даже мои чувства, как обычно, необычайно обострившиеся, тут ничем не могли помочь. Отовсюду одинаково пахло бетоном, асфальтом и автомобилями. Я решил, пока позволит темнота, бежать в юго-восточном направлении. Если же мне не удастся достичь окраин до утра, придется потратить какую-то часть темного времени на поиски убежища, где я буду ждать наступления следующей ночи. Для передвижения по улицам днем мой вид слишком необычен, и дело не столько в моих размерах — в конце концов, доги и мастифы выглядят не менее внушительно. В состоянии Изменения я похож на огромного волка-альбиноса: совершенно белая шерсть и красноватые глаза. Этакая причудливая и непонятная игра генов, удивляющая и друзей, и родственников. Тем более что в другом моем облике я шатен с самой рядовой внешностью.

По человеческим меркам на улице было темно, и это меня радовало. В последние годы горожане, напуганные ростом преступности, старались не выходить на улицу в темное

время суток, и по дороге мне почти никто не встречался. Я бежал широкой, ровной рысью, избегая освещенных мест, быстро минуя перекрестки, и в какой-то момент мне стало казаться, что самый трудный участок пути мне удастся преодолеть еще до наступления утра. От городской черты до дома мне предстояло пробежать почти двести километров, но это не имело никакого значения: в состоянии Изменения нам случается покрывать и гораздо большие расстояния. В одном из дворов ко мне, не разобравшись сгоряча, со свирепым рыком ринулась крупная овчарка, гулявшая с хозяином без поводка. Не сбавляя шага, я лишь повернул голову в ее сторону. Овчарка затормозила всеми четырьмя лапами и опрометью бросилась прочь, оглашая воздух жалобным воем.

Я повернул за угол дома и замедлил шаги, учуяв острые людские запахи. Впереди была станция метро. Последние пассажиры растекались редкими ручейками по улицам и переулкам. Чтобы не оказаться замеченным, мне пришлось осторожно красться, скрываясь за густым кустарником бульвара, и в этот момент я услышал разговор двух мужчин. Собственно, это был не разговор, а короткий обмен репликами, настолько тихий, что в своей человеческой ипостаси я бы не услышал ни слова, даже находясь в двух шагах от них. Но сейчас слух мой позволял различать намного больше. Мужчины стояли возле старого тополя, скрытые тенью его толстого ствола, и пристально смотрели на другую сторону улицы, освещенную яркими фонарями.

— Вон она! — сказал один.

— Вижу! — отозвался второй. — Пошли. Только тихо!

От них исходил острый запах угрозы и предвкушения насилия, по которому я всегда узнаю этих существ. Он настолько отличается от обычного человеческого запаха, что я не считаю его обладателей людьми в полном смысле этого слова. Большинство моих собратьев не разделяют этого мнения, хотя некоторые старики со мной согласны.

Они пошли по краю тротуара, стараясь держаться в тени. Я следовал за ними, движимый не столько любопытством, сколько тем простым обстоятельством, что путь мой лежал в том же направлении. Очень скоро я обнаружил объект их внимания. Это была молодая женщина, девушка. Прижав к

груди сумочку, пугливо озираясь, она быстро шла по освещенной стороне и, конечно же, не могла видеть своих преследователей. На перекрестке она чуть помедлила, а потом направилась через бульвар, в темноту. Она ускорила шаг, почти бежала, не подозревая, что опасность ждет ее именно там, куда она так поспешно стремится.

Двое появились перед ней настолько внезапно, что девушка даже не успела вскрикнуть. Один из нападавших тут же зажал ей рот ладонью, и они потащили ее к стоявшей у поребрика машине. В измененном состоянии мы обычно не вмешиваемся в дела двуногих. Просто потому, что не хотим привлекать к себе излишнего внимания. Но сейчас я находился далеко от дома, в огромном городе, полном людей и животных. Здесь гнездились достаточно своих собственных страхов, чтобы придумывать новые легенды или вспоминать старые. К тому же я всегда испытывал к этим существам, так похожим на человека, сильнейшую неприязнь.

Я двигался бесшумно и не предупреждал о нападении. Существа поняли, что атакованы, лишь когда мои клыки сомкнулись на ягодице одного, превратив ее в месиво изодранной плоти, а спустя всего полсекунды распорили бедро другого. Дикая вопли боли и ужаса одновременно исторглись из их глоток. Забыв о своей жертве, они бросились бежать, пока еще у них хватало на это сил, хотя я был уверен, что, по крайней мере один из них уже через час истечет кровью. Хлопнули дверцы машины, взревел мотор, и черная иномарка, даже не включив огней, умчала нападавших.

Я облизнулся и сел на задние лапы. Девушка была перепугана моим появлением ничуть не меньше своих врагов. Она неподвижно сидела на траве, боясь шелохнуться. Я слышал пулеметный стук ее сердца и судорожное дыхание, которое она безуспешно пыталась сдержать. На вид ей было лет двадцать. Худенькая, с трогательным детским выражением испуга на лице, она вдруг остро напомнила мне Лизу — в тот день, когда мы с ней впервые встретились. Моя жена погибла много лет назад, и я не мог ее спасти, потому что находился слишком далеко от нее в тот час...

К сожалению, наша анатомия такова, что имитировать в полной мере поведение собак мы не можем. Например, ви-

лять хвостом. В некоторых случаях я пытался это делать, но подозреваю, что зрелище выглядело не вполне эстетично. Поэтому я просто улегся и положил морду на лапы, всем своим видом показывая, что я обыкновенный и вполне безобидный для нее пес, хотя и очень большой. Я лежал совершенно неподвижно, и постепенно девушка начала успокаиваться. Не спуская с меня взгляда, она нашарила оброненную сумочку и осторожно поднялась. Я не шевелился. Она сделала шаг назад, еще один, потом повернулась и тихо пошла, то и дело на меня оглядываясь. Тогда я тоже встал, демонстрируя полнейшее равнодушие к девушке, отряхнулся и тихонько затрусил параллельным маршрутом.

Она тут же остановилась. Не пересекая ее пути, я забежал чуть вперед и уселся. Я не смотрел на нее — просто ждал, когда она продолжит движение. После первого ее нерешительного шага я поднялся, выражая готовность продолжать совместный путь. Девушка все еще боялась меня, но я ясно ощущал, что страх ее быстро уходит, сменяясь любопытством. Кажется, мои маневры приносили первые плоды, она начинала понимать, что большая белая собака ведет себя просто как спутник, вовсе не лишний для нее в этот час в этом городе.

— Хорошая собачка, — дрожащим голоском проговорила она.

Низко опустив морду, я подошел к ней и лизнул в ладонь. Новая волна ужаса охватила ее, но она с ним успешно справилась. Ее рука легла мне на загривок и робко погладила густую шерсть. Кажется, контакт был установлен. Я развернулся и побежал вперед, изредка оглядываясь на свою спутницу, как бы приглашая спокойно следовать своей дорогой в моем сопровождении. Девушка так и сделала. Мы перешли улицу и углубились во дворы. Я молил небеса лишь о том, чтобы на нашем пути не затесалась какая-нибудь собака, и небеса меня услышали. Хозяева вместе со своими шавками в этот поздний час благополучно сидели в квартирах, и до подъезда мы добрались без приключений.

Девушка отомкнула дверь подъезда и задержалась на пороге.

— Спасибо тебе, собачка, — сказала она. — До свидания.

Такой финал меня ни в коей мере не устраивал. До рассвета оставалось не более двух часов, мне необходимо было какое-то убежище на дневное время, и по справедливости я вправе был рассчитывать на минимальную благодарность девушки, спасенной мной от немалых неприятностей. Поэтому я принялся старательно изображать, как мне хочется, чтобы меня пригласили в дом: повизгивал, поскуливал, поднимал то одну, то другую лапу и жалобно смотрел ей в глаза. И по-своему она меня поняла.

— Кушать хочешь? — спросила она. — Ладно, заходи. Только маму не перепугай. Договорились?

В маленькой кабине лифта мы с ней едва уместились. Показывая свою воспитанность, я скорчился и прижался к стенке, стараясь занять как можно меньшую площадь, однако это было уже ни к чему. Страх оставил девушку окончательно, она вновь потрепала меня по загривку словно давнего знакомого и нажала кнопку седьмого этажа.

Предвидя реакцию мамы и остальных домашних девушек на свое появление, я хотел сразу же спрятаться перед квартирой за ее спиной, но не успел. Дверь квартиры открылась немедленно после остановки лифта: девушку давно и с тревогой ждали. Женщина средних лет ступила на площадку и тут же, охнув, отпрянула.

— Мамочка, не пугайся! — твердо сказала девушка. — Это... Джек. Да, Джек. Он очень хороший, я тебе сейчас все объясню. Джек! Заходи!

Опустив голову и прижав уши, я — живая иллюстрация покорности и смирения — вошел в квартиру, плюхнулся на половик, уткнул нос в стену и замер в ожидании дальнейших команд.

— Что это? Откуда? Леночка, почему ты так поздно? Я так беспокоилась, — бормотала мама, перескакивая от испуганного потрясения с темы на тему. — Где ты его взяла?

— Джек меня спас, — объяснила девушка. — Мамочка, ты даже не представляешь, что со мной произошло. Они меня выследили, мама! Они напали на меня только что на бульваре! Если бы не Джек...

Она всхлипнула, и мать девушки, тут же вспомнив дру-

гую, видимо, главную для них опасность, на какое-то время позабыла о моем присутствии.

— Этого не может быть! — с отчаянием сказала она. — Никто не может знать, что мы сюда переехали!

— Это были они, мама, — грустно кивнула девушка. — Я узнала одного из них. Помнишь, такой гадкий, с короткой стрижкой и бычьей шеей?

Приметы эти отнюдь не показались мне исчерпывающими, но мама девушки поняла, о ком идет речь, и вновь потрясенно охнула.

— Но как же... Что же нам делать?

— Сначала надо накормить Джека, — сказала девушка. — Он хочет есть и пить. Мама, что у нас есть из еды?

— Борщ, — растерянно ответила мама. — И колбаса. Разве он будет есть борщ? — Она взглянула на меня и непроизвольно вздрогнула. — Что это за порода? Я никогда не видала таких собак.

— Очень хорошая порода, — ответила девушка. — Просто замечательная. Давай, мамочка, свой борщ. Джек! Пойдем на кухню!

Честно говоря, есть мне совершенно не хотелось. Тем более борщ с колбасой. В состоянии Изменения мы предпочитаем питаться свежим мясом. Разумеется, не человеческим; большая часть того, что говорится о нас в сказках и легендах, — выдумка или преднамеренная ложь, растиражированная профессиональными рассказчиками. Мы отнюдь не людоеды, а в лесах для хорошего охотника до сих пор достаточно разнообразной дичи. Но выхода у меня не было. Вслед за девушкой я поплелся на кухню и покорно засунул морду в кастрюлю с предложенной мне едой, стараясь не чавкать, хотя в нынешнем моем обличье такие попытки не только невыполнимы, но и просто смешны.

Пока я возился с кастрюлей, девушка рассказывала матери о происшедшем. Та всплескивала руками, ахала, хваталась за голову, но к концу рассказа смотрела на меня ничуть не благосклонней.

— Он бросился на них? — спросила мать. — И тебя не тронул?

— Мама! Ну ты же сама видишь! — недовольно ответила Лена. — Я цела и невредима. А они... им Джек показал!

— Откуда ты знаешь, что его зовут Джек?

— Потому что он откликается, — сказала девушка с легкомысленной уверенностью. — Джек!

Я повернулся в ее сторону и шевельнул хвостом. Не могу сказать, что я испытал восторг от своего нового имени, первого пришедшего девушке на ум, но делать было нечего.

— Ну вот! — торжествующе воскликнула она. — Что я тебе говорила!

— Странно, — с сомнением произнесла мать, но мысли ее уже переключились на иную, гораздо более тревожную тему. — Как же они смогли тебя найти, Лена?

— Я не знаю. — В отчаянии Лена всплеснула руками. — Давыдов гарантировал, что об этой квартире никто не может знать. Нужно ему позвонить, прямо сейчас...

Она потянулась к телефону, но мать перехватила ее руку.

— Подожди! Никому не звони. Собирайся! Мы должны немедленно уехать!

— Куда, мама?

— Туда, куда я хотела с самого начала. У меня ключи от Вериной дачи. Там они нас не найдут, не смогут найти.

— Но следователь сказал...

— Он обещал нас охранять, твой следователь! Он уверял, что ты будешь в безопасности! Зачем ты вообще в это ввязалась?!

— Они убийцы, мама, — тихо сказала девушка. — Они убили человека у меня на глазах.

— Нас они тоже убьют, — горько проговорила мать. — Если только мы немедленно не уедем. Собирайся!

На дачу — значит, туда, где есть лес. Это меня устраивало. Если, конечно, они возьмут меня с собой. Вот об этом следовало позаботиться. Я встал, подошел к матери и положил голову ей на колени. Она машинально коснулась меня и тут же отдернула руку.

— Ты что? — неуверенно проговорила она. — Ну, перестань.

— Нужно взять его с собой, — сказала девушка. — Мама, пусть Джек поедет с нами.

— Ты с ума сошла! — воскликнула мать. — Как мы его доведем? Что мы там с ним будем делать? Его же нужно кормить! Не выдумывай, Лена. Мы выпустим его на улице, если он такой умный, как ты говоришь, он спокойно отыщет свой дом.

Я поднял голову и посмотрел ей в глаза. Она испуганно отвела взгляд.

— Скажи ему, чтобы сел на место, — попросила она.

— Место, Джек! — приказала девушка, и я покорно вернулся в угол.

— Ты видишь, какой он умный! — торжествуя сказала она. — Он все понимает. Его нельзя отставлять, он хочет поехать с нами. А повезем очень просто: сначала в такси, потом в электричке. Поезда сейчас идут совсем пустые, никто нам ничего не скажет.

— Даже слишком умный, — заметила мать. — И от этого мне почему-то жутковато.

Я принялся старательно чесаться: нет и не может быть во мне ничего страшного, я просто обыкновенная большая собака.

— Ну, мама! Ты пойми, кроме него, у нас нет никакой защиты, — настаивала девушка.

— Даже это чудовище не защитит нас от бандитов, — горько усмехнулась мать. — Впрочем, поступай как знаешь.

Небольшой дачный поселок находился на востоке в тридцати километрах от города, и мы добрались туда без особых приключений. Всю дорогу я вел себя словно многократный победитель соревнований по служебной выучке — шел строго рядом с девушкой, ни разу не натянув веревку, привязанную к импровизированному ошейнику из старого ремешка. Я боялся, что некоторые проблемы моему имиджу создадут сторожевые дворняжки, но собаки учуяли мой запах задолго до того, как мы подошли к воротам, и благоразумно разбежались.

Аккуратный домик стоял на участке, обнесенном сплошным полутораметровым забором. Участок густо зарос плодовыми деревьями и кустарником и не просматривался на

сквозь. Девушка заперла калитку на задвижку и сняла с меня ошейник — этот символ собачьей несвободы.

— Вот мы и пришли, Джек, — сказала она. — Теперь можешь отдохнуть.

Все складывалось как нельзя более удачно. Метрах в двухстах от забора начинался лес. В выходные дни он наверняка был полон грибников и дачников, но сегодняшним утром поселок был практически пуст, я мог в любую минуту отправляться домой, что, собственно, и намеревался сделать немедленно. Я легко перепрыгнул забор и широкой рысью помчался прочь.

— Джек! Джек! — услышал я растерянный оклик девушки, но бега не замедлил. Увы, наш совместный путь завершился навсегда.

Густой кустарник обдал меня росистым ливнем, на полянке я остановился и отряхнулся, с наслаждением ощущая лесные запахи. Этот лес был полон жизни и свежей пищи, меня ждали прекрасные шесть дней измененного состояния.

— Мама, Джек убежал, — пожаловалась девушка.

— Ну и слава богу, — ответила мать с немалым облегчением. — Он на меня просто ужас наводил, твой Джек.

Хотя сейчас нас разделяла четверть километра, в утренней тишине я слышал их разговор совершенно четко.

— Он вернется, — убежденно проговорила девушка. — Погуляет и вернется.

Я услышал пение мобильного телефона.

— Да! — сказала девушка. — Сережа, это ты?.. Мы уехали из города... На дачу к тете Вере, так было нужно... Не волнуйся, Сережа, у нас все в порядке... Никому ничего не говори, пожалуйста!.. Хорошо, приезжай, если хочешь.

— Не надо было ему говорить, где мы, — проворчала мать.

— Ну, мама! — обиделась девушка. — Это же Сережа! Ты готова всех подряд подозревать. Очень хорошо, что Сережа придет, мы с ним сходим за грибами.

Пожалуй, все устроилось к лучшему. Этот неведомый Сережа послужит им защитой и поддержкой, теперь я могу уходить со спокойной совестью. Так бы я и поступил, если

бы не ощущение неясной тревоги, зашевелившееся где-то в отдаленном уголке сознания. В состоянии Изменения мы становимся особенно чуткими, иначе нашему виду трудно было бы выжить в течение тысячелетий. И сейчас я ощутил запах опасности. Запах этот всегда означал, что я должен уходить. Но опасность не грозила немедленно, к тому же сейчас она была адресована вовсе не мне. Я сел и задумчиво обвил хвостом передние лапы.

Конечно, мы не должны вмешиваться в дела людей, если хотим оставаться для них незамеченными, однако мне не хотелось бросать девушку, в судьбе которой я уже принял участие. И она была так похожа на Лизу... От дома меня отделял всего лишь один ночной переход, до окончания Изменения у меня оставалась масса времени. Я решил задержаться. К тому же мне нравился этот лес. Толстые сосны и ели, из-под крон которых в солнечный день не увидеть неба, сменялись дубовыми и березовыми рощицами; маленькие болотца в оврагах были наполнены прохладной, вечно спокойной темной водой, а подлесок, в котором так уютно отдыхать после охоты, в иных местах совершенно непроходим для двуногих.

Лес звал меня с такой силой, что я не мог не ответить на его зов. Я побежал, заложив широкую дугу с центром в дачном поселке, и уже через сотню шагов наткнулся на свежий след дичи. Это был заяц — мускулистый неутомимый бегун в расцвете сил. Гнаться и настигнуть его, ощутить на зубах вкус живой плоти — вот что означает наслаждение настоящей охотой. В упоении погони я забыл обо всем, моя жертва увела меня глубоко в чащу, и, лишь заканчивая трапезу, догрызая нежные сахарные косточки добычи, я вновь подумал о девушке.

Охота и возвращение заняли немало времени. Когда я добрался до поселка, уже смеркалось. К несчастью, перепрыгнув через забор на улицу, я угодил точно в середину стаи дворняжек, которая бегала по поселку, почитая себя его хозяевами. Жуткий вой и визг бросившихся врассыпную животных означал смертельный ужас, и этот сигнал был понятен всем живым существам одинаково. Хорошо, что ни девушка, ни ее мать не оказались свидетелями происшедшего, хотя поднявшийся шум услышали наверняка. Чтобы его

не связали со мной, прежде чем поскрестись в дверь, я минут десять пролежал в кустах смородины возле крыльца дачи.

Друг девушки, которого она называла Сережей, был уже здесь, я услышал его запах, и он мне не понравился. Человеческий запах имеет множество оттенков. Он передает внутреннее состояние не в пример точнее и правдивее, чем лицо или голос. Именно поэтому, преуспев в искусстве изощренно лгать друг другу, люди не в состоянии обмануть даже комнатную собачонку. Радость и горе, боль, злоба, страдание, страх — все имеет свой собственный запах. Друг девушки источал острый запах предательства.

— Джек вернулся! — обрадовалась девушка, впуская меня. — Сережа! Это Джек, который меня спас.

Молодой человек посмотрел на меня с неприязнью и опаской.

— Какое кошмарное чудовище, — пробормотал он.

У него были длинные волосы и смазливое лицо с безвольным подбородком.

— Джек красивый и умный, — обиделась за меня девушка. — Не говори так про него: Он все понимает.

— Это меня и пугает, — негромко сказала мать.

В углу стояла предназначенная мне кастрюлька с какой-то человеческой едой. Я вежливо понюхал и отвернулся, показывая, что вполне сыт. Постукивая по полу когтями, я пересек комнату и улегся рядом с креслом девушки. Мужчина с некоторым усилием отвел от меня взгляд, возвращаясь к прерванному разговору.

— Ты должна отказаться от своих показаний, Лена, — убеждал он. — Ну зачем тебе это нужно?!

— Но я не могу, как ты не понимаешь? — возразила девушка. — Я опознала его, я уже рассказала все, что видела.

— Наплевать! — воскликнул мужчина. — Ты скажешь, что ошиблась, что тебя ввел в заблуждение следовательно, что ты находилась в состоянии стресса... да что угодно, в конце концов!

— И тогда дело закроют?

— Не знаю... Да какое нам до этого дело?!

— Он убийца, — сказала девушка. — Он убил человека на моих глазах. Он и меня бы убил, если бы мне не удалось

убежать. Ты хочешь, чтобы его выпустили, чтобы он ходил по улицам рядом с нами как ни в чем не бывало? Чтобы он убил кого-нибудь еще?

— Как ты не понимаешь? — взмахнул руками мужчина. — Ну, как ты не можешь понять? Тебе никогда не справиться с ними. Неужели тебя ничему не научил последний урок? Несмотря на все обещания следователя, они легко нашли тебя, и просто чудо, что все закончилось благополучно.

— Не чудо, — поправила девушка, — а Джек.

Мужчина поглядел на меня с явным отвращением.

— Джек, Джек! — раздраженно сказал он. — Даже эта зубастая тварь тебя не защитит. Если не смогла защитит даже милиция...

— Чего ты хочешь? — спросила девушка. — Чтобы я отказалась от всего? Думаешь, это что-нибудь изменит? Они все равно не оставят меня в покое.

— Ты не права, Леночка! — торопливо проговорил мужчина. — Мне точно известно, что они не желают тебе ничего плохого. Они даже готовы заплатить.

— Откуда ты это знаешь, Сережа? — настороженно спросила мать.

— Просто знаю... — Глаза его забегали. — Они отыскали меня, их человек со мной разговаривал. Он просил убедить тебя принять правильное решение. Поверь мне, с ними можно иметь дело.

— С ними? С убийцами? — Девушка смотрела на него с гневным возмущением. — О чем ты говоришь?

— Да открой ты глаза наконец! — воскликнул он. — Ну я тебя очень прошу! Посмотри, что делается вокруг! Неужели ты надеешься что-то переменить? У них деньги, сила, власть. Ну что мы можем сделать?

— Может быть, Сережа не так уж не прав? — вздохнула мать. — Действительно, что мы можем сделать? Сейчас такое время...

— Я не знаю, — беспомощно сказала девушка. — Не знаю.

— Вот и хорошо. — Мужчина облегченно вздохнул. — Не нужно совершать необдуманных поступков. Мы спокой-

но, разумно разрешим ситуацию. Пусть каждый занимается своим делом: милиция — своим, мы — своим.

— А убийцы — своим? — спросила девушка. — Ты это хотел сказать, Сережа?

— Ну что ты, — испугался он, — я вовсе не это имел в виду! Они получают свое, я не сомневаюсь, но сейчас мы должны думать прежде всего о твоей безопасности. У нас просто нет иного выхода. Ну, скажите же ей, Наталья Петровна!

— Лена... — начала мать, но девушка ее перебила:

— Я все поняла, не нужно повторять все сначала. И я не хочу больше об этом говорить.

— Я правильно тебя понял?.. — осторожно произнес мужчина.

— Ты меня понял правильно, — подтвердила девушка. — Извини, Сережа, я очень устала. Мы совсем не спали прошлой ночью.

— Да-да, конечно, — заторопился он. — Я не буду больше вам надоедать.

— Сережа, ты можешь остаться переночевать, — предложила мать. — Свободных комнат достаточно.

— Нет-нет, я должен ехать, у меня завтра с самого утра очень много дел.

Собираясь, он говорил что-то незначительное искусственно бодрым тоном, пытался шутить, но ответом ему было молчание. Наконец он попрощался и исчез.

— У меня такое ощущение, будто меня вываляли в грязи, — пожаловалась девушка. — Неужели все действительно так плохо?

— Ты же сама все понимаешь, — махнула рукой мать. — Мы совершенно беспомощны перед ними.

Я встал, потянулся и неторопливо подошел к двери, оглянувшись на женщин.

— Он хочет погулять, — сказала девушка.

— Он весь день гулял, неужели еще не нагулялся? — проворчала мать, но тем не менее откинула задвижку и запахнула дверь, выпуская меня на улицу.

Мужчина не успел уйти далеко, я ощущал его верхним чутьем. Миновав ворота поселка, он шел по лесной дороге. И хотя он очень торопился, почти бежал, я легко догнал его

через несколько минут, двигаясь по лесу параллельным маршрутом. Меня изрядно удивила его поспешность. Электрички здесь ходили каждые пятнадцать минут, он отнюдь не был обречен на долгое ожидание и, конечно же, знал об этом. На развилке он свернул вовсе не к станции, а к шоссе, озадачив меня еще больше.

Размышляя о происходящем, я сопровождал его, пока до шоссе не осталось не более двухсот метров. И здесь я затормозил всеми четырьмя лапами. Легкий ветерок, дувший со стороны шоссе, донес до моего носа запахи людей, горячего металла, оружейного масла и собак. Собак! Насколько я мог определить, там было пятеро людей и четверо злобных тварей, натасканных на охоту за человеком, хотя их взяли, конечно же, из-за меня. Собаки мне были не опасны: древний жуткий ужас, который мы вызываем у псиного племени, непреодолим никакой дрессировкой. Однако они могли меня обнаружить. Пока этого не произошло только потому, что я находился с подветренной стороны. По лесу я передвигаюсь почти бесшумно, но сейчас я превратился в абсолютно бесплотную тень. Последние десятки метров до рубежа, за которым меня неминуемо обнаружат, я не шел, а скользил, плыл, не потревожив ни листа, ни ветки. Зато отсюда я слышал все, что происходило на шоссе, ветерок помогал мне и в этом: нетерпеливое поскуливание собак, шаги и короткие реплики их хозяев.

— Ты чего так долго? — спросил грубый и хриплый голос. — Они там?

— Там, — с готовностью труса ответил Сергей.

— А эта тварь четвероногая?

— Тоже. На вид вполне добродушный пес.

— Добродушный! — раздраженно сказал Хриплый. — Двоих пацанов в клочки порвал. Один даже до больницы не дожил. Нет, эта девка за все ответит. И старуха тоже.

— Вы же обещали! — занервничал Сергей. — Вы говорили, что, если мне удастся ее уговорить, им не сделают ничего плохого. И я ее действительно убедил. Она изменит свои показания.

— А кто говорит о плохом? — вмешался новый голос — молодой тенорок. — С бабами по-плохому нельзя. Только

лаской да любовью. Вот мы полюбим ее все вместе раза по три — она еще нам спасибо скажет.

Раздалось довольное ржание. Почувствовав возбуждение хозяев, затавкали собаки.

— Но вы не можете так поступить! — плачущим голосом заговорил Сергей. — Вы мне твердо обещали...

— Ладно, глосни! — оборвал его Хриплый. — Что обещаю, то получишь, я свое слово держу. Вот твоя штука баксов. Бери и вали отсюда.

— Подождите! Не делайте этого! Я вас прошу!..

— Ты что, не понял? — мерзким тоном произнес Тенор. — Тебе что, специально объяснять надо?

— Нет-нет! — испугался Сергей. — Я все понял.

— Тогда вали отсюда, тебе же сказали. И не вздумай где-нибудь пасть открыть не по делу. Закопаем. Ты мне веришь?

— Верю, — покорно отвечал предатель.

— Тогда иди.

Я услышал торопливые удаляющиеся шаги. Я не видел его, но ясно представлял трусливо сгорбленную спину и опущенную голову и от отвращения негромко фыркнул.

— Не надо было его отпускать, — сказал Тенор.

— Ничего, пусть еще почирикает, — ответил Хриплый. — Ладно, братаны, кончай курить, дело делать надо.

— Не заплутаем в темноте? — спросил Тенор.

— Чего тут плутать? — удивился Хриплый. — Одна дорога всего. Не бойся, в случае чего собачки выведут. Ну, пошли!

В тот же момент я развернулся и понесся обратно что было сил. Я не мог остановить вооруженных бандитов. Вся моя стремительность и мощные клыки — слабые аргументы против пуль, потому что собаки не дадут мне приблизиться незамеченным на расстояние броска. Единственное, что мне оставалось, — как можно скорее увести девушку с матерью из дома, который очень скоро превратится в ловушку. Сколько у меня в запасе? Пожалуй, не более получаса. Не слишком много, если учесть, что мне предстояло еще сообщить жертвам о приближающейся опасности и заставить их следовать за собой. Впервые в жизни я остро пожалел, что

вместе с человеческим обликом утратил способность к разумной речи.

Недалеко от перекрестка я старательно пометил дорогу. Это заставит собак поволноваться, а их хозяев — потратить некоторое время на то, чтобы успокоить своих животных и заставить их продолжить путь. Значит, в моем распоряжении будет еще десять минут.

Дверь, к счастью, была не заперта. Я ворвался в комнату, демонстрируя всем своим обликом крайнюю тревогу. Осторожно, нежно сжал клыками руку девушки, потянув ее к двери. Отпустил, подскочил к матери и точно так же деликатно принялся подталкивать ее мордой в том же направлении. Снова отпрыгнул к девушке, толкнул ее, вернулся к матери и потянул за подол.

— Джек, ты что, Джек? — растерянно и взволнованно спросила девушка.

— Он хочет, чтобы мы вышли на улицу, — сказала мать, несказанно меня обрадовав, и тут же огорчила: — Может быть, с Сергеем что-то случилось?

Они поспешили на крыльцо в чем были — в домашних тапочках и халатиках, что меня никак не могло устроить. Поэтому, прыгнув, я сдернул с вешалки куртку девушки, потом матери, выволок их на улицу, бросил наземь и проделал то же самое с обувью. Теперь уж только совсем тупой не догадался бы, что мне нужно, поэтому реакция обеих женщин — полное замешательство, переходящее в ступор, — меня здорово разозлила. Я даже секунду колебался перед искушением: а не куснуть ли их легонько для придания сообразительности и скорости? Но вместо этого я принялся подпрыгивать перед ними на всех четырех лапах, поскуливать и бросаться к калитке.

— Ну, конечно, что-то случилось с Сережей, — определила девушка. — Джек хочет нас отвести к нему. Пойдем скорее, мама!

Они быстро натянули обувь и куртки и выбежали на улицу, явно намереваясь направиться к станции, однако я преградил дорогу и грозно зарычал, заставив их отпрянуть.

— Ты что, Джек? — опять спросила девушка.

И тут возле ворот взлаяли, взвыли, всхрипели собаки.

Местная свора отметила появление пришлой и обменялась с ней любезностями. Тревогу, угрозу, опасность несли эти звериные вопли, и женщины оценили их правильно.

— Мама! Мы должны бежать за Джеком! — негромко вскрикнула девушка, увлекая за собой мать.

Приноравливаясь к их скорости, я трусил впереди к маленькой калитке, что выводила из поселка в лес, и думал о том, что преследователи добрались до ворот слишком быстро. Собаки не могли не заметить моих меток, если только их хозяева не избрали иной путь, который просто не имело смысла искать.

Лес принял нас, объял и укрыл мраком. Женщинам нетрудно было следовать за мной: даже в темноте ночи моя белая шерсть была достаточно хорошо видна, я не убежал слишком далеко и старательно выбирал наиболее удобную дорогу. Проблема была в том, куда она могла нас привести. Путь к железнодорожной станции и к шоссе оказался отрезан. Сейчас я вел их на юг, к небольшой деревеньке, на которую наткнулся сегодня во время охоты. Деревенька была из тех, в которых заканчивается асфальт. Но асфальт там действительно был, а значит, начинался он непременно на какой-то магистрали, которая должна была увести девушку и ее мать от опасности. Беда в том, что от деревеньки нас отделяло около двенадцати километров (менее часа спокойного, размеренного бега для меня), которые для этих женщин сейчас были совершенно непреодолимы даже с моей помощью в качестве проводника.

Но самым неприятным было то, что за нашими спинами я ощущал погоню. Собаки шли по нашему следу, и мой запах их не отпугивал, хотя и заставлял волноваться. Такое случилось со мной впервые. О причинах смелости животных я пока что мог лишь догадываться, и догадка эта совсем меня не радовала. Как бы то ни было, погоня приближалась и через час или меньше неминуемо должна была нас настигнуть. Поэтому я решил сделать единственное, что мне оставалось. Под кроной огромного дуба я остановился. Женщины были благодарны мне за возможность передохнуть и тут же повалились в изнеможении на мягкий мох. Тогда я помчался назад по собственному следу, надеясь, что девушка с матерью не тронутся с места до моего возвращения.

Через несколько минут стремительного бега я услышал впереди возбужденный лай: собаки почуяли мой запах верхним чутьем и рвались с поводков. Мой замысел увенчался успехом, и дальше все будет намного проще. Я уведу погоню за собой далеко в лес, женщины окажутся вне опасности. Теперь я не торопился, выдерживая между собой и преследователями минимальное расстояние, все больше распаляя охотничий азарт зверей, который передавался их хозяевам. Через полчаса я почти успокоился и был наказан за легкомыслие. Собачий лай вдруг зазвучал совсем близко: хозяева спустили их со сворок, схватки было не избежать.

Выбирая место боя, я помчался изо всех сил. Деревья расступились, я выбежал на небольшую поляну, поросшую низкой травой, и развернулся. Через минуту они выскочили сюда, все четверо, и в полусвете наступающего утра я наконец смог их разглядеть. Три из них меня не беспокоили: мощные ротвейлеры, смертельно опасные для человека, все же были обыкновенными собаками. Но четвертый, огромный мохнатый зверь со стальными клыками, нес в себе настоящую угрозу. К несчастью, догадка моя подтвердилась. Это был потомок генби — древнейших родичей измененных, сотни тысяч лет назад утерявших по прихоти природы способность к Изменению. По отношению к нам генби занимали на древе эволюции примерно такое же положение, как человекообразные обезьяны к человеку. Обладая зачатками разума, генби были свободны от инстинктивного страха перед нами. Напротив, они питали к нам инстинктивную смертельную ненависть, причины которой до сих пор остаются тайной. На протяжении веков и тысячелетий мы вели с ними кровавую борьбу за существование, борьбу, закончившуюся нашей победой. Однако генби не исчезли с лица земли бесследно. Их гены, растворенные среди собачьего племени, время от времени взрывались мутациями.

Результат одной из них мчался сейчас на меня, роняя на траву клочья пены. Он был вожаком, именно его воля сумела подавить в остальных собаках на время погони страх передо мной, но сейчас ротвейлеры вовсе не рвались в схватку. Смущенные, они даже не осмеливались выйти на поляну и лишь взволнованно брехали из-под деревьев. Много лет на-

зад стая генби убила мою жену Лизу. Мы все охотились за ними до самого конца Изменения, пока не уничтожили...

Генби следовал обычной тактике псового боя. Он собирался сбить меня широкой грудью и вцепиться в горло, однако противостояла ему вовсе не собака. Неуловимым движением я ушел с линии атаки, ударил его в плечо и полоснул клыками по загривку. Генби потерял равновесие и покатился по земле, однако, извернувшись, вскочил с быстротой, которой я от него не ожидал. Мы вновь стояли друг перед другом. Теперь генби не спешил. Он принялся медленно кружить, выбирая момент для броска. Секунды текли слишком быстро, у меня было слишком мало времени в запасе. Хозяева псов ломались через лес с обнаженным оружием в руках, и все должно было решиться немедленно.

Я бросился прочь, имитируя паническое бегство. С победным рычанием генби прыгнул за мной, и тогда я упал ему под ноги, сомкнув челюсти на правой передней лапе. Хрустнула перекушенная кость, генби вновь упал, и теперь уже я не позволил ему подняться. Мой удар в сонную артерию оказался точен. Генби бился в агонии, почва под ним быстро темнела. Гибель вожака оказала на ротвейлеров ошеломляющий эффект: визжа, словно беспородные дворняги, они бросились врассыпную и тут же исчезли в лесу.

И все же я опоздал. Сильный удар в плечо свалил меня, а спустя мгновение я услышал грохот выстрела.

Теперь мне нужно было бороться за свою жизнь. Прижимаясь к земле, я метнулся под защиту растительности. Пули вспарывали вокруг меня воздух, но ни одна из них больше не попала в цель. Кровь из раны обильно заливала мою белую шерсть, однако я чувствовал, что ни один жизненно важный орган не задет. Боль достигла моего мозга, затопила его и выплеснулась лавиной оглушающей ярости. Мы опасны, когда на нас нападают, смертельно опасны тем, что становимся не в состоянии контролировать свое животное начало. Мрак безумия словно штормкой отделил сознание от рефлексов, дальнейшее я воспринимал лишь урывками.

Если бы преследователи держались тесной группой, у них бы оставался какой-то шанс выжить. Но в азарте погони они рассыпались по лесу, теряя друг друга из виду, и это ре-

шило все. Первый погиб сразу же, не успев этого осознать: я практически оторвал ему голову. Второму перекусил руку с пистолетом и вспорол живот. Третий, напуганный истошным криком умирающего, вертел оружием из стороны в сторону, но, конечно же, не смог заметить и предупредить моего броска. Я прыгнул ему на спину и прокусил затылок. В этот момент двое оставшихся поняли, что гибель неминуема. Выпустив веер пуль, они бежали в панике и ужасе. Сейчас они ничем не отличались от своих перепуганных псов и сделались легкой добычей. Смерть в образе белого окровавленного зверя следовала за ними, она была вокруг них, невидимая и неслышимая. Я забежал вперед, напал из засады и тут же исчез, оставив за собой еще одно агонизирующее тело. Перед угрозой неминуемой гибели последнему удалось на какое-то время взять себя в руки. Прижавшись спиной к толстому древесному стволу и выставив перед собой пистолет, он некоторое время чутко вслушивался в звуки леса, пытаясь обнаружить источник опасности, а потом зашагал, то и дело озираясь, выбирая наиболее открытые участки. Я крался за ним в отдалении, поджидая удобный момент для последней атаки.

Развязка не заставила бы себя ждать, но моему врагу повезло. Почувствовав сильное головокружение, я был вынужден остановиться. Моя жизненная мощь огромна, но отнюдь не беспредельна. Я потерял слишком много крови, и плечо продолжало кровоточить. Тела наши устроены так, что травмы и раны приближают начало Изменения, и сейчас я почувствовал, что пребывать в ипостаси зверя мне осталось недолго, максимум до следующей ночи. С этим нужно было немедленно что-то делать; перспектива оказаться голым среди леса меня никак не устраивала. Добраться к себе домой я был не в состоянии. Силы стремительно покидали меня с каждой каплей выплескивающейся крови. Хромая, я побежал в направлении поселка.

Летний рассвет наступал быстро, но мне повезло не встретить на пути ни единой живой души. Я думал об оставленных мной в лесу женщинах. Сейчас я ничем не мог им помочь. Надежда была лишь на то, что от поселка их отделяет чуть более километра и они сумеют отыскать дорогу самостоятельно.

Последние десятки метров я преодолевал с огромным трудом. Меня шатало из стороны в сторону, я спотыкался, глаза то и дело застилала чернота. Дверь в дом была закрыта на защелку, не стоило даже пытаться отворить ее сейчас. Я потащился к дощатому сарайчику в глубине участка, набитому садовым инвентарем и разным старым хламом. Мне еще достало сил протиснуться в щель меж подгнивших досок пола и забиться в темный угол, а потом слабость и темнота навалились на меня окончательно. Я потерял сознание с последним мысленным вопросом: удастся ли мне очнуться на этот раз?..

...Мне было холодно, рука затекла так, что я ее почти не чувствовал. Я открыл глаза. В щели сарая пробивался дневной свет. Я лежал голым на подстилке из старого тряпья. Плечо мое стискивала невыносимо тугая повязка, от которой я немедленно освободился — когда ее накладывали, она предназначалась вовсе не для человеческой руки. Значит, с девушкой и ее матерью все в порядке, они выбрались из леса, нашли меня и перевязали. Изменение произошло со мной этой ночью, следовательно, я пролежал в сарае больше суток. Снаружи раздавались голоса — мужские и женские. Лена и ее мать (я поспешил вспомнить, что ее зовут Наталья Петровна) разговаривали с несколькими мужчинами, но в тоне разговора я не услышал опасности. Видимо, за время моего беспомощного состояния ситуация намного улучшилась. Однако нужно было поскорее привести себя в надлежащий человечески разумный вид. Стараясь не шуметь, я поднялся и осмотрелся. На стенах была развешена какая-то старая одежда — рабочий комбинезон, брезентовая куртка, а возле двери стояли разбитые кирзовые сапоги. На первое время сойдет! Я заканчивал одеваться, когда голоса начали приближаться к сараю.

— Вы о чем думаете, женщины? — возмущенно выговаривал мужчина. — Таких зверей держать! Это же опаснее, чем огнестрельное оружие! Шутка ли — четыре трупа за одну ночь! Милиция со всего района съехалась, прокурор области... Тут вам что, Африка, что ли?!

— Я вам повторяю, что это не наша собака, — со сдер-

жанным нетерпением говорила девушка. — У нас собак никогда не было, мы вообще не видели никакой собаки.

— Зато ее с вами видели, — настаивал мужчина. — Сторож нам рассказал, как вы сюда приехали.

— Что он мог рассказать? — вмешалась мать. — Что видел какую-то собаку? Но мы-то здесь при чем? Да и вообще, там у ворот полно собак бегают, я сама их боюсь.

— Что у вас в сарае? — спросил мужчина.

— Ничего, — ответили женщины в один голос. — Лопаты, инструменты... всякая мелочь.

— Ну, а это что такое? — торжествующе воскликнул мужчина. — Это же кровь! Засохшая кровь!

— Почему кровь? — нерешительно возразила девушка. — Это... это краска.

— Ну-ка, показывайте, что у вас там в сарае, — распорядился мужчина. — Пойдемте! Открывайте дверь, открывайте! Нет, погодите. Самсонов, приготовь автомат! Ты затвор передерни! Вот теперь, женщина, открывайте. И сразу в сторону.

— Там никого нет! Что вы выдумываете?! — закричала девушка. — И вообще вы не имеете права!

— Отойдите в сторону! — разозлился мужчина. — А то за сопротивление сотрудникам оформлю на пятнадцать суток. Ну, что я вам сказал!

Я быстро спрятал бинт в карман куртки и осторожно тронул дверь. Она приоткрылась медленно, с противным скрипом. Я высунул наружу голову. Два милиционера — лейтенант и сержант с выпученными от возбуждения глазами — целились в меня из автомата и пистолета.

— Здравствуйте, — смущенно проговорил я. — Я тут... по хозяйству разбирался.

— Собака там? — спросил лейтенант.

— Нет, — сказал я с недоумением. — Какая собака?

— А ну-ка, отойди!

Лейтенант отпихнул меня в сторону, осторожно заглянул внутрь и покрутил головой.

— А где собака?

— Да не было тут никакой собаки, — пожал я плечами. —

Позавчера одна забегала из этих, уличных. Вообще-то они возле сторожки живут...

— Ты мне не крути, — погрозил лейтенант. — А ты вообще кто такой? Бомж, что ли?

— Да нет, что вы, — сказал я. — Вообще я под Калугой живу и работаю там же. А тут просто немного помогаю по хозяйству Наталье Петровне и Лене. У меня сейчас отпуск...

Лейтенант смотрел на меня с сильным недоверием, хотя пистолет убрал в кобуру.

— Документы! — потребовал он.

— Вот с этим у меня проблема, — вздохнул я. — Обчистили меня на вокзале какие-то жулики. И документы, и деньги, и вещи — все отобрали. Хорошо еще, что сюда ехать недалеко. Вот жду, когда друзья подъедут, подвезут документы и деньги. Но вы можете позвонить в мое отделение и все проверить.

С минуту лейтенант колебался, не забрать ли меня в участок. Но, видимо, представив, что возня со мной затянется надолго и никакого толку не принесет, передумал.

— Значит, большой белой собаки ты тут не видел?

— Не видел, — подтвердил я.

— А кровь откуда?

— Кровь? Да это же я гвоздем плечо пропорол! — Я с готовностью сбросил куртку и показал ссадину на плече, открытую свежей коростой.

— Ты мне баки не заливай, — без особого убеждения сказал лейтенант. — У тебя ссадина недельной давности, а кровь на траве максимум вчерашняя.

— Моя это кровь, моя, — настаивал я. — Просто на мне все заживает как на собаке. Лена, подтвердите товарищу лейтенанту!

— Это правда, — быстро и механически проговорила она. — Гвоздем... заживает...

— Ну да, — невозмутимо продолжал я, вытаскивая из кармана бинт. — Вот только сегодня утром повязку снял. Чего ее зря носить.

Лейтенант посмотрел и брезгливо отвернулся.

— Завтра зайду и проверю. Смотри, если документов не окажется! Пошли, Самсонов!

Он вышел с участка, хлопнув калиткой. Лена и ее мать стояли совершенно неподвижно, глядя на меня с изумлением, к которому примешивалась изрядная доля страха.

— Кто вы такой? — спросила мать. — Как вы здесь оказались? Откуда знаете, как нас зовут?

— Не бойтесь меня, прошу вас, — сказал я. — Я здесь совершенно случайно. Я сказал правду, меня ограбили на станции. Я долго шел пешком и утром забрался от холода в ваш сарайчик. Извините, если я вас побеспокоил. Но вы не должны волноваться, я сейчас уйду. Только я должен попросить вашего разрешения воспользоваться этой одеждой. Я ее обязательно верну...

— Откуда вы знаете наши имена?

— Просто услышал... сейчас услышал, когда вы разговаривали с сотрудниками. Извините, что я на вас сослался, иначе они бы от меня так быстро не отстали.

— Но они вовсе не называли нас по имени! — воскликнула мать.

— Мама, перестань! — вдруг сказала Лена. — Человек попал в трудное положение, нечего его допрашивать. Ты не следователь, в конце концов. Вы хотите есть?

— Нет, — сказал я и автоматически сглотнул слюну. — Спасибо. Я лучше пойду.

— Нет, сначала вы должны поесть. — Она подошла ко мне, взяла за плечо и тут же испуганно отдернула руку. — Вы правда не видели в сарае собаку?

— Не видел, — ответил я, бестрепетно глядя в ее глаза. Ведь это была чистая правда. — Мне действительно нужно идти. Извините меня еще раз.

Я шагнул по дорожке к калитке, и мать отпрянула в сторону. Лена шла за мной, провожая.

— Джек, — сказала она совсем негромко, словно бы сама себе.

— Что вы сказали? — переспросил я.

— Ничего. Просто так. У меня была однажды собака по имени Джек. У вас действительно не болит рука?

— Совершенно, — подтвердил я. — Пустяковая царапина. — Я вышел на улицу и остановился. — До свидания.

— Вы... вы к нам еще зайдете? — спросила она. — Мне

хотелось бы... я бы хотела кое о чем с вами поговорить. Произошло так много странного...

— Обязательно, — сказал я. — Мне ведь нужно будет вернуть вам одежду.

Она была так похожа на Лизу. В моей груди вдруг образовался горький комок. После гибели Лизы я оставался один и, вероятно, теперь так будет всегда. Подруг мы могли находить только среди измененных. Любовь к обычным женщинам имела слишком дорогую цену, хотя такое — очень редко — все же случалось.

— Когда вы придете? — требовательно спросила она.

— Скоро, — улыбнулся я. — Очень скоро. Я обещаю.

Я вышел на улицу и зашагал к лесной калитке.

— Подождите! — окликнула она меня. — Вы не сказали, как вас зовут?

Прежде чем исчезнуть за оградой, я смотрел на нее несколько мгновений.

— Джек, — сказал я.

Потом закрыл калитку, сбросил тяжелые неудобные сапоги и побежал к лесу.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Понимаев включил мигалку и сирену, только сообразив, что опаздывает. Но и имея преимущества как работник госавтоинспекции, он не особенно преуспел в своем стремлении доехать до места работы вовремя. Потоки машин забили не только основные магистрали, но и улочки и переулки старой Москвы, поэтому надо было ехать буквально по встречной полосе, чтобы успеть к месту службы. А этого Понимаев не любил, даже будучи офицером ГИБДД.

Валерию Николаевичу Понимаеву исполнилось тридцать шесть лет. Он родился в Смоленске, закончил местный институт авиастроения, потом школу милиции, переехал в Москву и был взят на службу в столичную ГИБДД — разработчиком компьютерных систем поиска угнанных автомобилей. В настоящее время он был уже экспертом Центра поиска и получил недавно звание подполковника. Что, впрочем, не служило основанием для оправдания опозданий на работу. Опаздывал же он часто, так как жил в районе Хорошевского шоссе, а ехать надо было на другой конец города, в район стадиона «Авангард», где располагался Центр, да еще к девяти часам утра, когда поток машин становился максимальным. Не спасала и служебная «Волга» с мигалкой.

Получив очередной нагоняй от начальства за получасовое опоздание, обозленный Понимаев сел в своем кабинете к компьютеру. Но обида требовала выхода (до сих пор ему выговаривали как мальчишке), и он позвонил своему другу и бывшему однокурснику Олегу Кобринскому, ныне также обитающему в Москве, но в другой епархии: Олег работал главным специалистом по компьютерным сетям Московского института информатики.

— Привет, Кобра, уже на работе?

— Давно, — отозвался Олег флегматично.

- А я опять опоздал. Сплошные пробки на дорогах.
- А ты ездил на работу, как я, на метро.
- Спасибо за совет.
- Пожалуйста. Не понимаю, чем ты недоволен. Ты же гаишник, имеешь право ехать на красный свет.
- Во-первых, я не гаишник, во-вторых, таких умников, которые норовят ехать на красный свет, развелось, как в том анекдоте, — миллионы.
- И вы не можете с ними справиться?
- Не с ними — с пробками. Количество автотранспорта в Москве растет на полмиллиона машин в год! А пропускная способность улиц остается той же, не помогают ни новые развязки, ни транспортные кольца.
- И чего ты хочешь от меня?
- Да ничего, — вздохнул Понимаев, — пожаловаться-то некому, вот я и плачу тебе в жилетку. Вечером ты что делаешь?
- Как всегда, сижу у ящика.
- Может, сходим в кафе, пивка попьем?
- Машка не одобрит... а с другой стороны — почему бы и не сходить? Позвони мне после шести, договоримся. — Голос Олега вдруг изменился. — Слушай, Понимаша, а давай я вам помогу.
- Как? — не понял Валерий Николаевич.
- Проанализирую потоки машин, все пробки, вычислю векторы движения, основные узлы напряженности, пути объезда и так далее. Или у вас уже проводился такой анализ?
- Нечто подобное было, — Понимаев поскреб макушку, — но для сугубо утилитарных целей. Мы искали способы нейтрализации пробок.
- Результат есть?
- Ты же видишь — в Москве сплошные пробки, особенно по утрам и к концу рабочего дня. Про пятницу вообще молчу. Такое впечатление, что кто-то специально дезорганизует все движение. А ведь мы внедряем системы наблюдения за улицами, ставим телекамеры, пытаемся управлять потоками с помощью адаптивных светофоров и компьютеров...
- Пришли мне ваши наработки.

— Зачем?

— Не с нуля же начинать? Мне будет гораздо легче составить карту прогнозов, имея статистику и динамические показатели по городу, да и схема не помешала бы.

Понимаев оглянулся, будто страхуясь от подслушивания.

— Вообще-то это секретные данные... но я пришло. Только никому не говори.

— Само собой.

На этом разговор и закончился.

Понимаев погонял компьютер, отыскивая в недрах служебных баз данных необходимые файлы, отправил Олегу обещанное и вернулся к исполнению своих непосредственных служебных обязанностей. Однако вечером его машина снова попала в пробку, и он добирался до своего дома почти два с половиной часа. В кафе с Олегом пойти не пришлось, Понимаев просто напрочь забыл об утреннем разговоре с другом и предложении посидеть с ним в кафе, побаловаться пивком.

Следующий день — четверг — прошел без особых напруг и волнений.

А вот в пятницу Валерий Николаевич снова опоздал на работу, хотя выехал заранее, за два часа до начала — в семь утра, и уже в кабинете вспомнил о предложении Олега. Расстроенный, позвонил другу без всякой надежды на помощь, но в ответ услышал нечто странное. Необычно оживленный Кобринский заявил:

— Ты не представляешь, что я откопал! Движение машин по Москве образует некий странный аттрактор! Я такого еще не видел!

→ При чем тут аттрактор? Это же чисто математическое понятие...

— Скорее физическое, и вообще это термин из теории игр и управления...

— Короче!

— Короче, получается, что в часы пик движение приобретает почти осмысленный логический порядок! Хотя эта

логика нелинейна и не подчиняется нашим вероятностным распределениям типа гауссовых и...

— Еще короче!

— Давай лучше встретимся у меня дома, и я тебе все покажу на пальцах. То бишь на мониторе. Я же говорю, впечатление создается такое, будто движение машин регулирует некий процесс, на который накладываются волновые колебания плотности...

— Олег, мне пора к начальству на доклад, но я тебе еще позвоню, договоримся на вечер.

— Хорошо, жду, а я пока покумекаю тут с дополнительными информационными связями. В вообще картина получается сногшибательная. Как ты вовремя мне эту задачку подсунул, я тут закис совсем.

Понимаев положил трубку, посидел, улыбаясь, вполне сочувствуя горячности приятеля, и засобирался на совещание, которое на этот раз проводил в Главном управлении ГИБДД сам министр внутренних дел.

Министр был во гневе.

Он только что получил сдержанный нагоняй от президента «за бардак на улицах столицы» и теперь разгружал эмоции на подчиненных. В основном выговаривал он начальнику столичной автоинспекции, но досталось и аналитикам Центра, и руководителям ГИБДД округов, плохо обеспечивающим порядок на транспортных артериях столицы, а также строителям, слишком медленно выполняющим план по реконструкции улиц и объездных путей.

Естественно, директор Центра, также схлопотавший долю критики, устроил разнос и своим подчиненным, в том числе Понимаеву, отвечавшему за конкретное направление поиска угнанных автомашин и разработку систем защиты от угона. Он было заикнулся о системном анализе ситуации, который якобы готовило его подразделение, но директор пропустил его замечание мимо ушей, посоветовав заниматься своим делом.

В шесть часов вечера Валерий Николаевич, потный и злой, позвонил Олегу и договорился с ним о встрече, но не дома у Кобринского, который жил с женой, тещей и двумя детьми в двухкомнатной квартире, а у метро «Беговая», в

районе которого жил сам. Олег снова начал было рассказывать о своем открытии, однако Понимаев прервал его, пообещав внимательно выслушать в домашних условиях, с банкой пива в руке. Жил он один, разведясь с женой год назад; как говорят в таких случаях — не сошлись характерами.

Домой Понимаев поехал в скверном настроении, размышляя над словами министра и убеждаясь, что по большому счету тот прав.

Порядка на дорогах Москвы было мало, несмотря на все усилия автоинспекции и дорожных служб создать оптимальные условия для проезда. Мало того, пробки на дорогах, как заметил Понимаев, возникали циклами, пульсируя, как бы и в самом деле подчиняясь некоему алгоритму. Но кто этот алгоритм создает и каким образом управляет движением транспорта, понять было невозможно. Лишь одно приходило на ум: «командовала парадом» не чья-то злонамеренная воля. Потому что невозможно было представить, чтобы кому-то были выгодны забитые машинами дороги.

Странный аттрактор, вспомнил Понимаев термин Олега и передернул плечами. От этих слов веяло мистикой и «киберпространственной войной». В мистику Валерий Николаевич не верил, а «киберпространственная война» для него была лишь термином из фантастического романа.

Разумеется, к назначенному часу — девять часов вечера — он опоздал. Выскочил из машины, вертя головой в поисках Олега, и взгляд его наткнулся на толпу у тротуара и стоявшие там же машины «Скорой помощи» и милиции.

Екнуло сердце.

Чувствуя неладное, Понимаев метнулся туда, показал удостоверение остановившему его инспектору.

— Что здесь произошло?

— Наезд, товарищ полковник, — козырнул сержант. — Черный «бумер» сбил человека и скрылся с места происшествия. Вот опрашиваем свидетелей.

— Пострадавший?

— Умер, к сожалению. Черепно-мозговая травма, переломы ребер, рук...

Не слушая парня, Понимаев протиснулся к машине

«Скорой помощи» и под белой простыней на тележке увидел окровавленное тело. Это был Олег Кобринский.

— Олег!

— Молодой человек! — попытался остановить его врач.

— Это мой друг, — проговорил Валерий Николаевич глухо.

— Ему уже не поможешь, не мешайте.

— Я хотел бы...

— Здесь я командую! Отойдите! Закончим — сообщим окончательные выводы.

Понимаев отошел, не сводя глаз с бледного, разбитого, окровавленного лица компьютерщика, взял за локоть сержанта.

— Вы его обыскали?

— На всякий случай, — смутился инспектор. — В карманах ничего, только проездной и дискета в коробке. А на нем был такой наушник, вроде рации, и еще в пяти шагах нашли мобилбук.

— Он всегда держал связь с Интернетом... Где дискета?

— В машине.

— Дайте... и все остальное тоже. Я передам его родственникам.

— Не имею права...

— Я работаю в той же конторе, и убитый — мой друг. Понадоблюсь — позвоните по телефону. — Понимаев продиктовал номер.

Сержант принес вещи Кобринского, сложенные в прозрачный пакет.

Понаблюдав за действиями инспекции и работников «Скорой помощи», дождавшись их отъезда, Понимаев сел в «Волгу» и буркнул водителю:

— Домой, Саша.

— Да, вот так живешь, живешь, — сочувственно проговорил пожилой водитель, — и вдруг — бац! — и ты уже труп! Я бы этих лихачей мочил без суда и следствия!

Понимаев не ответил. Ему вдруг пришла в голову мысль, что смерть Олега не случайна. Он сделал какое-то открытие в области организации автодвижения, и за это его убрали. Кто? — на этот вопрос у Валерия Николаевича ответа не было.

От Беговой до улицы Розанова ехали нервно. Дважды

«Волгу» подрезали крутые тачки, а уже при подъезде к дому впереди идущий джип «Вольво» вдруг резко затормозил, и если бы не реакция и мастерство водителя, сумевшего быстро вывернуть руль и избежать столкновения, «Волга» неминуемо врезалась бы в джип, а следовавший за ним пикап обязательно сделал бы «коробочку», въехав в корму «Волги».

Наверное, так и было рассчитано, поскольку оба автомобиля разом остановились, из них выскочили какие-то парни и бросились к машине Понимаева, но «Волга», попрыгав немного по бордюрам и плитам тротуара, уже свернула в арку дома, оставив обе машины позади. Вспомнил же о своем мелькнувшем в уме подозрении Понимаев только гораздо позже.

Он отпустил водителя, поднялся на пятый этаж, перебирая в памяти события минувшего дня. Не раздеваясь, подсел к компьютеру и вставил дискету в дисковод.

На дисплее появилась карта Москвы, расчерченная по районам разными цветами. Обозначились улицы, также раскрашенные разными цветами.

— Видишь? — зазвучал из динамиков голос Олега. — Я нанес на карту основные потоки машин в час пик. Красные линии — это въезд в Москву, зеленые — выезд. Потом я загрузил твои данные в комп, и вот что получилось.

Карта Москвы исчезла, вместо нее появилась мигающая огнями схема, повторяющая большинство главных магистралей столицы.

— Смотри, что будет дальше.

Схема, оживила, окрасилась в разные цвета преимущественно красного диапазона.

— Это въезд. В семь часов утра светофоры работают еще вразнобой. А в восемь...

Понимаев затаил дыхание.

Схема запульсировала как единый организм!

— Видишь? — хихикнул Олег. — Чем тебе не странный аттрактор? Система светофоров как бы работает в режиме «всех впускать, никого не выпускать»! А по вечерам наоборот, хотя и с одной существенной оговоркой: «всех выпускать», но — м е д л е н н о! Понимаешь?

— Нет... — прошептал Валерий Николаевич, словно разговаривал с живым Олегом.

Кобринский снова хихикнул, что говорило о его возбуждении и удовольствии.

— Если аттрактор характеризует конечное состояние любой динамической системы, то московский «странный аттрактор» описывает самую настоящую л о г и ч е с к у ю систему. Понимаешь?

— Н-нет...

— В часы пик в Москве образуется псевдоразумная автосистема, осознающая себя как «динамический мозг». О чем такая система может «думать»?

— О чем?!

— Конечно же, о том, чтобы продлить существование! Понимаешь? Вот и возникают у п р а в л я е м ы е через компьютерную связь и светофоры пробки. Особенно по пятницам, когда народ кидается на дачи, стремясь выехать за пределы города. А когда пробки рассасываются, пропадает и «разумность» системы.

— Не может быть! — Перед глазами Понимаева встали гигантские автомобильные хвосты на выезде из Москвы. — Фантастика...

— Такие вот пироги, — закончил Олег.

Схема в дисплее изменила цвет на коричневый и снова запульсировала, подчиняясь вполне определенному ритму. И вдруг буквально п о с м о т р е л а на подполковника как живое существо!

Понимаев отшатнулся от экрана.

— Это ее конечное состояние, — донесся как сквозь вату голос Кобринского. — Шесть часов вечера, пятница, вся Москва практически стоит. Но мы еще поговорим, Валера, я тут кое-что дополнительно посчитаю.

Голос Олега пропал.

Дрожащей рукой Понимаев выключил компьютер, налил воды. выпил залпом.

«А ведь за это открытие его и убили!» — пришла в голову пугающая мысль.

«Кто?» — возразил скептик в душе Валерия Николаевича.

Если Олег прав, возникающая «псевдоразумная систе-

ма» должна заботиться об утечках информации, чтобы люди не догадались об истинном положении дел.

Чушь!

Не чушь! Олег убит! А ты — следующий!

Почему это?

Потому что узнал недозванное. И вообще, получается, что мы становимся лишними.

Чушь! Машины без людей не ездят!

А если этот «автомозг» найдет способ обходиться без водителей?

Понимаев с силой потер лоб, не зная, что делать дальше: звонить начальству или подождать? Но его опередили.

Зазвонил телефон.

Он вздрогнул, нервно схватил трубку.

— Слушаю вас...

— Ты — следующий! — заговорил в трубке странный, вибрирующий, гулкий голос. — Если не будешь молчать.

— Кто говорит?! — выкрикнул Понимаев. — Что вы имеете в виду?

— Посмотри в окно...

Понимаев сглотнул горький ком в горле, подошел к окну, сжимая в потной руке трубку, и увидел забитую машинами улицу.

Была пятница, время перевалило за десять часов вечера, но пробка не рассасывалась. Москвой владел автотранспорт, десять миллионов машин, связанных в единую систему, которая училась м ы с л и т ь...

НАВАЖДЕНИЕ

...И что для нас, обычных смертных, — лишь гаданье,
То для пророка — скрытый смысл и тайна.

Омар Хайям.

1

Привокзальная площадь, густая толпа, шум, говор сотен людей, где-то играет музыка, под ногами прохожих разгуливают обнаглевшие голуби, вспархивая только тогда, когда им наступают на хвост. На стоянке, не отличаясь ничем от соседних машин, стоит автомобиль. В автомобиле трое: ничем не примечательный человек рядом с таким же неприметным водителем, а на заднем сиденье дама, одетая элегантно, но не броско.

Все трое сидели молча, дама листала журнал, водитель глазел в окно, его напарник поигрывал брелоком.

— Он вышел из вагона, — сообщило радио.

Неприметный сунул брелок в карман и усталвился на правый выход из вокзала.

— Вы полагаете, он появится оттуда? — спросила дама.

Неприметный пожал плечами.

— Правый выход хорошо просматривается, и вы его отлично отсюда увидите. А если он предпочтет иной путь, вам придется обойтись видеозаписью.

Эти слова показались даме неучтивыми, и она подумала, что этого человека надо бы заменить; но в это время рация передала, что объект направляется к правому выходу, и дама устремила взгляд на выходящих из здания. В деле была только одна фотография — любительский снимок волейбольной команды, и его лицо совершенно нельзя было рассмотреть. В сущности, этот снимок ничего не давал, и дама перебирала глазами всех выходящих мужчин.

— Вот он, — сказал неприметный. — В светло-коричневой куртке, видите?

Дама увидела. «В бежевой куртке», — мысленно поправила она, жадно вглядываясь в лицо, которое несколько мгновений назад она пропустила, сочтя незначительным. Он шагнул из тени здания на свет и остановился, щурясь и приглядываясь. Дама опять оценила его лицо как незначительное, слишком обыкновенное.

— Ничего демонического, — сказала она. — Как, вы говорите, его прозвище?

— Тихоня, — сказал неприметный и добавил: — С детства еще.

Дама опять подумала, что этого придется заменить.

Тихоня между тем или кого-то увидел, или что-то придумал, потому что пошел в направлении автостоянки, неуверенно — или близоруко? — поглядывая вперед. Дама оглянулась, неприметный тоже окинул взглядом стоящие дальше машины. Тихоня был уже не дальше как в десятке шагов, он замедлил ход, растерянно оглядываясь.

Дама спросила тихо:

— Какое у него зрение?

— Очень хорошее, — ответил неприметный, и его интонации опять не понравились даме.

А Тихоня был уже у самой машины. Дама нервно сжала кулачок, устремляя невидящий взгляд в журнал на коленях. Дверь открылась, рядом с дамой на сиденье опустилась дорожная сумка, сел Тихоня.

Дама не нашла, что сказать, зато неприметный, обернувшись, спросил возмущенно:

— Эй, что вы себе позволяете?

Тихоня проигнорировал его возмущение и сказал, обращаясь к даме:

— Вы ведь звали меня?

— Я? — изумилась она.

— Вы думали обо мне, — пояснил он.

— Кто вы такой, чтобы я о вас думала? — сказала она как могла надменно.

Он усмехнулся.

Неприметный пожал плечами и отвернулся.

— Да, — неожиданно для себя ответила она. — Я думала о вас. Вы умеете читать мысли?

— Нет, — ответил Тихоня просто. — Я не умею читать мысли. Если бы я умел читать мысли, я бы, наверное, не сел в вашу машину. Впрочем, не знаю. Бесплодно думать о том, что сделал бы, если б умел нечто делать.

— Слишком кудряво, — прокомментировал не оборачиваясь неприметный.

— Может быть, — согласился Тихоня.

— Будем стоять или поедем? — спросил неприметный.

— Как вам угодно, — ответил Тихоня.

Неприметный толкнул локтем водителя. Машина тронулась с места, выехала на площадь, и кто-то из внешнего сопровождения, видимо, совсем ошалев от непредусмотренного поворота событий, сообщил по рации: «Машина поехала».

— Идиот, — прошипел неприметный и выключил рацию.

2

— Как это вас осенило! — возмущался плотный пожилой человек. — Как это вас осенило привезти его сюда?

— Надо было выставить его из машины? — спросил неприметный.

Пожилой иронии не заметил, вопрос воспринял всерьез и призадумался. Не по плану прошла операция; что делать? Дернуло же эту вертихвостку поехать поглазеть на Тихоню! Может быть, не пояись она там, все прошло бы как надо: установили бы наблюдение, взяли бы под контроль связи, понемногу накапливали бы материал... А что делать с ним теперь? Посадить в клетку и исследовать, как диковинное животное? Да это и не удастся, не допустит такого Тихоня.

— Пусть он лучше будет рядом, чем где-то в городе, — сказала дама. Пока пожилой возмущался, она молча сидела в мягком кресле; теперь, когда он поостыл, она сочла нужным вставить словечко.

— Это для нас удобнее? — усомнился пожилой.

— Это безопаснее для города, — пояснила дама.

Неприметный позволил себе улыбнуться. Пожилой от-

крыл рот, собираясь что-то сказать, но его перебил селекторный вызов:

— Говорит второй пост. Тихоня только что прошел мимо.

— Как прошел? Как вы посмели его пропустить?! — опешил пожилой, но добила его не предназначенная для начальственных ушей реплика, просочившаяся сквозь селектор:

— Обыкновенно прошел, ногами...

Неизвестно, что мог ответить на это пожилой, но подскокившая к селектору дама хлопнула ладонью по кнопке и вызвала третий пост:

— Непременно задержите Тихоню!

— Невозможно, — меланхолично ответил третий пост. — Он прошел пять секунд назад. Я должен написать рапорт?

— Разумеется, — сказала дама и отключила селектор. Медленно, очень медленно она обернулась к неприметному и посмотрела на него. Неприметный поймал ее взгляд, вскопчил и выбежал.

— Я считаю, — молвила дама, опустившись в кресло, — что ошибки совершено не было.

— Этот парень себе многое позволяет, — сердито проговорил пожилой. — Наглый, самоуверенный не по чинам...

— Значит, надо его повесить, — пожала плечами дама. — Я полагаю, он этого вполне заслуживает.

— Повесить?! — возмутился пожилой. — Я его разжалую, если он упустит Тихоню!

— А если не позже чем через час привезет его обратно?

— Почему вы так заботитесь о его карьере? Он вам нравится?

— Став чином старше, он не так много будет отираться у меня на глазах, — пояснила дама. — Он мне не нравится даже больше, чем вам. Но повышения он вполне достоин. Не представляю как, но Тихоню он задержит.

Тихоня тем временем шел по обочине шоссе, особо не торопился, просто шаг у него был широкий, а дорога впереди длинная.

Прошуршал автомобиль, обогнал, остановился.

— А, — приветливо сказал Тихоня, увидев неприметного, — тоже в город? Подвезешь?

— Я за тобой. Куда это ты собрался? Тебе что-то не понравилось?

— Мне разонравились мои ботинки, — сказал Тихоня и глянул на свои ноги, обутые в почти новые туфли. — Подбрось меня к ближайшему универмагу, на машине мы быстрее обернемся.

Он обошел машину и сел на переднее сиденье. Незаметный помедлил, не торопясь занимать водительское место.

— Ну, что же ты? — удивился Тихоня.

— погоди, — отмахнулся незаметный, — дай подумать.

Он подумал, потом сел в машину и сказал:

— Шеф в панике. Решил, что ты совсем уходишь.

— Да нет, — усмехнулся Тихоня. — Зачем уходить? У вас так занято... А она что думает?

— Зачем ей думать? Ты лучше ответь, давно ли тебе не нравятся твои ботинки?

— Я просто проснулся сегодня среди ночи и решил, что надо купить новую обувь.

— Где-то в полчетвертого? — спросил незаметный, заранее предчувствуя ответ.

— Пожалуй, — согласился Тихоня. — Как раз светать начало.

— Тогда покупать новые ботинки нет смысла, — сказал неприметный. — Как раз в полчетвертого я прицепил на твой каблук «микрошу».

Тихоня бросил взгляд на свой правый ботинок и согласился:

— В таком случае действительно не стоит. Но все-таки не верится, что ты при микрофоне даешь нелестные характеристики своим начальникам.

— Там не микрофон, — объяснил неприметный. — Просто пищалка, чтобы постоянно можно было определить твое местонахождение.

— Ну знаешь, — удивился Тихоня. — Что-то это чересчур. Я же у вас под неусыпным наблюдением. Или это на случай, что убегу?

— Просто после твоей вчерашней выходки...

— Разве я что-то вчера натворил?

Неприметный не сразу нашелся, что ответить.

— Ты что, чудеса творишь, даже не замечая? — спросил он наконец.

— Я не чудотворец, — сказал Тихоня. — Чего не умею, того не умею.

— Хорошо, вернемся, покажу тебе кое-что, — пообещал неприметный.

— Почему же мы стоим на месте?

— Потому что я хочу с тобой поговорить.

— Говори, — сказал Тихоня, но усмехнулся он так лукаво, как будто знал наперед, о чем с ним хочет поговорить неприметный.

— Ты сумасшедший? — был задан ему вопрос. — Зачем ты разрешаешь наблюдать себя так близко? Ты не боишься? Ведь ты представляешь собой известную опасность для государства. Человек, которого не могут удержать никакие часовые... Человек, который умеет читать в мозгах высокопоставленных чиновников секреты...

— Да не умею я читать мысли! — возразил Тихоня. — Да и подумай хорошенько, много ли секретов в голове твоего шефа?

— Содержимого его черепа вряд ли хватит, чтобы заполнить грецкий орех, это всем известно, тем он и ценен, — сердито сказал неприметный. — Не понимаю, чем думали его начальники, когда поручали ему твое дело.

— Очевидно, полагали, что она сумеет его направить.

Неприметный промолчал.

— Странную игру ты затеял, — сказал он наконец. — Ну что ж, не мне тебя судить. — Он развернул машину и поехал обратно.

Ехать было недолго, недалеко успел уйти Тихоня. Они проехали мимо почтительно притихших охранников, мимо дома, из окна которого строго глядела на них элегантная дама, остановились у флигеля.

— Пойдем, — сказал неприметный. — Я обещал показать тебе кое-что интересное.

Этим интересным оказалась видеокассета, на которой была заснята беседа пожилого с Тихоней.

— Что же тут особенного? — спросил Тихоня.

— Ты смотри, смотри, — сказал неприметный.

Тихоне на экране наскучило общество шефа, он встал и

пошел к двери, оглянулся и вышел. Шеф же продолжал беседу с оставшимся сидеть полупрозрачным фантомом.

Нельзя сказать, что у Тихони челюсть отвисла при виде такой картины, но удивлен он был изрядно. Ошалевшими глазами он глянул на неприметного, перевел дух и сказал удивленно:

— Такого я за собой не замечал. Я-то решил, что твой шеф такой говорун, что ему никаких слушателей не надо.

— А может быть, и сейчас со мной разговаривает фантом, а сам ты продолжаешь идти по дороге?

Тихоня, не отводя глаз от своего двойника, покачал головой:

— Фантом больше чем на «ага» и «уту» не способен, мне кажется. Интересно, из какой он субстанции, что его сумел засечь объектив? Ты не пробовал взять анализ?

— Издеваешься?

Но Тихоня не издевался.

— Нет, ты посмотри, какое чудо! — восхищался он, забыв, что сам же был его создателем. — Он как живой! Смотри, заложил ногу на ногу, улыбнулся, поддакнул... Вы меня морочите! Это какой-то видеофокус...

— Если бы так, — хмуро сказал неприметный.

Воодушевление Тихони его раздражало. К сожалению, он знал, что сейчас за ними следят несколько объективов и каждый жест, каждое слово будет занесено в досье. Если бы не это, он бы сказал: «Неужели ты не можешь держаться в тени? Неужели ты не замечаешь, что ты не такой, как все?» Но он знал, что ответом на эти слова была бы безмятежная невинная усмешка Тихони, не выдающего в своих действиях ничего особенного. Вот и сейчас он уже забыл свое удивление и как ребенок радовался своим чудесным способностям. «Дебил, — думал неприметный, — инфантильный дурак. Господи, что же ты с собой делаешь? Да понимаешь ли ты, к какой пропасти идешь?»

Дама спускалась в холл, а в холле пел телевизор, и Тихоня дремал в кресле. Душный вечер. Сгущаются сумерки.

Тихоня лениво открыл один глаз, потом другой.

— Если хотите спать, надо спать, — рассмеялась дама, — а не притворяться, что смотрите телевизор.

Тихоня тоже рассмеялся, отгоняя сон.

— Детское время, — сказал он. — стыдно идти спать так рано.

Вся смелость дамы исчерпалась одной фразой. Не зная, о чем говорить дальше, она оглянулась кругом, заметила на столе лист бумаги.

— Вы что-то писали? — спросила она, беря листок в руки. — Письмо? — Она сделала жест, будто хочет положить его на место.

— Кто в наше время пишет письма? — Тихоня поднялся из кресла и встал рядом с ней. — Да вы взгляните, не стесняйтесь.

Дама опустила глаза и прочла первую строчку: «Розовый блеск среди зеленых листьев».

— Стихи? — спросила она. — Я ничего не понимаю в стихах.

— Я тоже, — сказал Тихоня, осторожно отбирая листок. — Фантазия какая-то в голову стукнула.

Листок был скомкан и метко брошен в корзину с прочитанными газетами. Его все равно разглядят, приложат к доске, и какой-нибудь психолог будет практиковаться в выводах, но дама потеряла к нему интерес.

— Я все-таки пойду спать, — сказал Тихоня, и на его открытом лице появилось виноватое выражение. — Почему-то болит голова.

— Гроза идет.

— Гроза идет, — повторил Тихоня, глянув в окно на небо, где ползли только редкие облака. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — кивнула дама.

Тихоня ушел в свою комнату, на ходу снял и бросил на кровать рубашку, напрямик направился в ванную. Очень, очень плохо было Тихоне. Он и в обычных-то условиях трудно переносил первую в году июньскую грозу, а тут, под постоянным наблюдением, у него зудела кожа. От холодного душа стало легче — ненадолго и ненадолго. Он повалился на кровать, долго лежал, пытаясь думать о чем-то легком и приятном, но лезла в голову мысль, что он сваял дурака, сев вчера на привокзальной площади в серый автомобиль. Нель-

зя было так поступать. Но накопившаяся за зиму и бестолковую какую-то весну усталость мешала ему держать контроль над собой. Прорывались инстинктивные поступки. Таким поступком был и случай с назойливым говоруном-шефом. А в автомобиль элегантной дамы его привело излучаемое ею жгучее любопытство, которому он не смог противостоять. Он вообще не мог оставаться равнодушным, чувствуя внимание к себе. Но тупая, бездушная слезка, которую он ощущал последние дни, вызывала у него аллергию. Внимание дамы было совсем иным. В нем было что-то опасное, Тихоня чувствовал это, но враждебности или злобы не было. Враждебность была у пожилого шефа, и там Тихоня начинал приходить в бессильное бешенство. Этому бешенству нельзя было поддаваться. Тихоня уткнулся головой в подушку и стал вспоминать, сколько яблонь было в саду, окружавшем дом, где он жил мальчишкой. Так он и заснул.

Снилось ему, что он снова мальчик и вырезает из пластмассового слитка игральные кубики. Слиток был цветом от нежно-лимонного до оранжево-красного — мальчишки считали, что это кубики «из слоновой кости». Кубики были чудодейные. Если подбросить и загадать желание, то оно непременно исполнялось, если хоть на одном из трех выпадала шестерка. Полагалось только по три исполнившихся желания, потом бросай не бросай, хоть со всеми шестерками, ничего не получишь. Только подарив их, можно было оживить их силу.

Потом вдруг наступила апрельская ночь, и случилась первая гроза.

Снилось ему, что он проснулся среди ночи, двенадцатилетний мальчик по прозвищу Тихоня. Встал, подошел к настежь открытому окну и увидел зарницу, а потом услышал гром. Дождь еще не стучал на улице, и ветра не было; тихо, душно, темно и где-то далеко идет гроза. Она уже обманула его неделю назад, пройдя стороной; и сейчас он гадал, как будет этой ночью. Но нетерпение, охватившее его, не давало ему стоять на месте. Он вылез в окно. Босые ноги неприятно шлепнулись в стынущую на цементной плите лужу, натекающую от поливочного шланга, и он торопливо ступил на теплую землю.

Совсем тихо было в саду. Ни один пес не зарычал, не

гавкнул, когда он, скрипнув калиткой, вышел со двора и пошел, то и дело срываясь на бег, по ровному шершавому асфальту туда, где улица, круто повернув у луга, превращалась в шоссе и уходила куда-то в темную даль.

На краю насыпи он остановился и оглянулся. Тучи он не видел, но она потушила уже звезды на половине неба, и молнии били уже где-то совсем рядом. По осыпающемуся песку обрыва он спустился на луг и побежал дальше, к реке. На полпути остановился. Здесь примерно в прошлый раз он понял, что гроза его обманула. Он прислушался. Тихо. И все же...

Тихий такой шелест донесся до него от нескольких тополей, что стояли поодаль. И раньше чем он успел насторожиться, налетел на него порыв горячего, пахнущего весенними травами воздуха. Он повернулся навстречу ему и захлебнулся пыльным ветром, закрыл лицо руками и стал ждать. Ожидание было недолгим. Скоро упала на него одинокая капля, потом вторая. Вдруг сразу много капель обрушилось на его плечи. Стало зябко. Он заорал что-то восторженное и побежал по лугу, не разбирая дороги, и все это время вокруг него били молнии.

Как он почувствовал свою молнию, он никогда не смог бы объяснить. Просто почувствовал, остановился и, растягивая мгновения, поджидал ее. Как долго падала она на него с небес, потрескивая громом! Он устал ее ждать, но наконец она упала в подставленные руки, огнем прошла тело и ушла в землю, одарив его волшебной силой. И, не вынеся тяжести этой силы, он упал, обжигая жаром мокрую траву, и лежал так, пока подаренная небом сила осваивалась в его теле.

Прилетел откуда-то огненный шарик, покрутился вокруг. Мальчик протянул руку, приглашая шар сесть на ладонь, а потом сжал кулак, и огненные ленточки, пройдя меж пальцев, скрутились в маленькие шарики.

А когда он вернулся домой, на кухне горел свет, и мама поджидала своего полуночника-сына, рассеянно листая страницы книги.

— Мама, — сказал он ей, отмывая ноги и переодеваясь в сухое. — Мама, я волшебник! Я все могу!

— Не говори глупости, — сказала мама. — Никто не умеет все.

Она отправила сына в постель, затем полотенцем выгнала в открытое окно шаровую молнию. На кухне сразу стало темно, только на столе мерцали лиловыми и зелеными, как камень александрит, сполохами стеклянные банки с зарничным вареньем.

4

Автомобиль выехал на раскисший от ливня луг и остановился. Дама мрачно смотрела на суету, близкую к растерянности, заполнившую это темное ночное пространство. Стояло кругом несколько машин, зажигались прожекторы; скоро стало совсем светло от их лучей. Еще капал дождь, но это были только остатки той воды, которая час назад вылилась на это место.

Подошел к даме неприметный, поздоровался хмуро. Хорош был его вид: босой, в подвернутых брюках, обляпанный желтой глиной, промокший насквозь, и на лице написана смертельная усталость.

— Что там? — спросила дама.

— Кажется, в него попала молния, — ответил неприметный.

— Кажется? — переспросила дама.

— Они так полагают, — ответил неприметный.

— А что думаешь ты?

— Ничего не думаю, — пожал плечами неприметный. — Но на то похоже.

— Это место далеко?

— Да вот же, — указал неприметный на освещенный круг.

Дама глянула на мокрый луг и решила выйти из машины.

— Не надо бы вам, — сказал неприметный. — Там сыро и грязно. Туфли испортите.

Дама решительно сняла туфли и ступила на холодную влажную траву.

— Лучше не надо, — повторил неприметный, не делая, впрочем, никаких попыток преградить ей дорогу.

Она вышла к освещенному кругу и сразу увидела горе-

лое место. Трава выгорела, очертив силуэт упавшего навзничь человека.

— Не осталось даже праха, — сказал ей кто-то. — Дождь и ветер все развеяли.

— Невозможно! — крикнула она, прижимая руку к горлу. Крик получился как вскрик, чья-то холодная рука взяла ее за локоть, и тот же голос сказал:

— Ему некуда было деться, разве что он умел летать. Он был как лунатик, когда вышел под грозу, даже не оделся. В таком виде бегут только сумасшедшие.

Она молча слушала. Но слова доходили к ней гулками, отстраненными от того, что она видела. Не дослушав, она вернулась к машине и обнаружила рядом с собой неприметного.

— Подвезти тебя? — спросила она. — Или останешься?

— Я грязный, — сказал он, разводя руками.

— Почистят, — небрежно сказала она.

Она высадила его у дома и сама вышла на мощенную плитами площадку.

— Мы убили его, — сказала она вдруг негромко, и неприметный, уже было совсем попросившийся, повернулся к ней.

— Стихия, — проговорил он. — Грозе не прикажешь. Не думайте об этом. — Он сунул руку в карман и вытащил оттуда три самодельных пластмассовых кубика. — Знаете, что это? Это волшебные кубики. Их подарил мне двоюродный брат, когда было нам лет по двенадцати. Надо загадать желание и бросить. Если выпадет шестерка, оно исполнится. За все эти годы у меня шестерка выпадала только два раза. Сейчас загадаю... — Он встряхнул кубики в ладонях и уронил их на плиты площадки.

Дама невесть почему заинтересовалась этой чепухой.

Выпали три шестерки.

— Твое желание исполнится, — сказала она.

— Подарить их вам? — с готовностью предложил неприметный. — Вам они тоже исполнят три желания.

Она взяла из его рук кубики, встряхнула, зажмурилась, загадывая желание, и бросила. Три шестерки.

— Ерунда какая-то...

— Может быть, мы загадали одно и то же желание? —

предположил неприметный. — Я загадал, чтобы Тихоня был жив и здоров, и все у него было в порядке.

— Я тоже, — призналась она. — Но так не бывает.

5

Мчалась машина по утреннему, еще не проснувшемуся городу. Летний рассвет уже развеял тьму на северо-востоке, но улицы пустынные, в окнах редко где горит свет. Очень рано.

Этюд в серых тонах: железобетонные дома серые, асфальт серый, уходит за ночью серая туча; седой от росы кажется трава на газонах, и в серой машине едет дама в сером костюме.

Слишком рано, чтобы проявились другие цвета большого города.

Мрачный, унылый урбанизированный пейзаж.

И в сердце элегантной дамы невыносимый мрак.

— Остановите, — говорит она водителю, когда они едут мимо сквера.

Дама выходит из машины и идет по каменной дорожке под липами, без цели, без мыслей, просто потому, что не было больше сил оставаться в машине. Здесь, в сквере, она уже не ощущает гнетущего одиночества. Вокруг деревья, цветущие кусты — все живое. В ветвях чирикают какие-то пичуги. А дальше, за сквером, живой шум просыпающегося города. Даже шелест автомобильных шин кажется одушевленным.

Вспомнилось вдруг даме:

Розовый блеск среди зеленых листьев!

Полураскрывшийся бутон пиона — город на рассвете!

Щебечут птицы. Чисто, мирно, тихо.

Покой и красота разлиты над Вселенной.

Покой и красота...

Дама прикрыла на мгновение глаза, а когда открыла, краем глаза заметила среди темно-зеленого куста что-то розовое. Пион. Он был еще недавно плотно сжатым шариком, а теперь чуть раскрылся, застенчиво показывая свету свои рядные лепестки.

Подступили к горлу слезы, закружилась голова, и услышала дама возмущенный голос за спиной:

— Что вы делаете!

Дама оглянулась. Пожилой уборщик, мимо которого она прошла, не заметив, как мимо неизменной принадлежности сквера, смотрел на нее, и лицо его было уже не сердитое, а участливое:

— Вам плохо?

Она покачала головой и торопливо пошла к машине, водитель быстро открыл дверь и глянул ей в лицо, ожидая приказа. Усаживаясь на заднем сиденье, дама чувствовала, что разрыдается, если произнесет хоть слово; она просто махнула рукой, и автомобиль поехал. И только сейчас дама заметила, что из сжатого ее кулачка выглядывает розовый лепесток. Она раскрыла ладонь — смятая головка пиона упала на ее колени. Она схватила ее и выбросила в окно, но легче ей не стало.

Серый автомобиль замер у светофора, а рядом остановился междугородный автобус, и, скользнув взглядом по сидящим в нем пассажирам, дама чуть не закричала. Тихоня, живой и здоровый Тихоня сидел у окна, рассеянно поглядывая на улицу. Видение? Вот он встретился глазами с ее испуганным взором, узнал, улыбнулся, кивнул, шевельнул губами... Наваждение?

Красный цвет сменился зеленым, ряды машин неровно тронулись с места. Тихоня помахал ей рукой, она подняла ладонь; и серый автомобиль поехал прямо, а автобус свернул на перекрестке.

ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ

ОХОТА НА БЕЛОГО ОЛЕНЯ

Жил в одном королевстве на юге Италии король. Был у него единственный сын, стройный, как кипарис, ловкий и сильный, как молодой лев, красивый, как месяц на небе. Больше всего на свете он любил охоту.

Однажды прослышал он, что на западе Италии, за десятью горами, за десятью долами, за девятью лесами в десятом лесу живет белый олень. Взял король своих егерей и поскакал на дальнюю охоту.

*«Третья сказка попугая» из сборника
«Итальянские сказки»*

Белый Олень только что сел завтракать, когда без стука, пинком отворив дверь, вошел Рысь. Он всегда так входил — как на загривок с дерева кидался. — Сидит как ни в чем не бывало, — фыркнул Рысь вместо приветствия. — Можно подумать Сороку не слышал!..

Олень насторожился — стрекотуха и впрямь что-то трещала на заре, но далеко, и он не разобрал спросонья.

— Едет какой-то принц с юга. — Рысь сел на свободный табурет. — Он тебя убить хочет.

Олень отложил ложку и с трудом проглотил то, что успел разжевать.

— Ты серьезно?

— Куда уж серьезней! — Рысь нервно побарабанил по столу когтями, исподлобья глядя Оленю в глаза. — Он уже развернул базовый лагерь на Чистом Урочище.

От Чистого Урочища до Оленьего Дола ходу было всего ничего, если быстрым бегом, а напрямик и того скорее.

Олень медленно поднялся, упираясь в край стола костяшками сжатых кулаков. Хотелось крепко выругаться, но даже для этого слов не нашлось — лишь зубами заскрипел. Рысь сочувственно вздохнул, отводя враз потускневшие желтые глаза — плохо быть черным вестником, тягостно, противно и даже как-то совестно, что не тебя пришли убить.

— Ну спасибо, — процедил Олень, обводя взглядом небогатое, но исправное и чистое жилье холостяка. Вот так-то, Олешка, — обзавелся, обустроился, наладил хозяйство, думал — на годы вперед, а остались — минуты. Все брось — и беги. Ты дичь, и если промешкаешь, то часть тебя пойдет на вертел и в котел, часть скорняку, а голова чучельнику, чтобы потом тарачиться стеклянными глазами со стены над камином.

Шумно выдохнув, Олень потер лицо ладонью, отгоняя темные мысли.

— Я помогу тебе собраться, — предложил Рысь, — вдвоем быстрее управимся. А то хочешь, к Лани сгоняю, скажу, чтоб сюда не ходила, а ждала тебя где скажешь...

— А кто сказал, что я уйду?! — со злостью обернулся Олень.

— Сдурел! — вскинулся Рысь. — Ты что, не понял, да? Конкретно за тобой пришли! Думаешь, логово сменишь — и все? Как же! Они весь лес перероют, чтоб тебя найти!.. Уходить надо, пока тропы капканами не утыкали.

— Надо будет — без тропы уйду, — бросил Олень, наскоро опоясываясь, и добавил, натягивая сапоги: — Пошли вместе, глянем на этот лагерь.

Рысь плюнул, ругнулся — но пошел.

Сорочья болтовня уже до всех дошла, и, завидев издали приятелей, многие старались не встречаться лицом к лицу с Белым, чтобы не вымучивать из себя натужно бодряческие приветствия или, того хуже, бесполезные соболезнования. Медведь в малиннике сделал вид, что рот набит, и неразборчиво буркнул что-то. Вепрь прикинулся, будто до самозабвения занят поисками желудей, а мать-Кабаниха сердито прихрюкнула на деток, когда те по наивности стали сочувственно повизгивать. Один Тур глянул понимающе и приветливо кивнул.

На подходе к охотничьей базе Олень и Рысь перешли на неслышную поступь и затаились в подлеске.

С первого взгляда стало ясно, что принц не собирается уходить из Леса без добычи. На Урочище ровным квадратом стояли вместительные армейские палатки, чуть в отдалении виднелась цистерна бензовоза, по другую сторону лагеря рядом выстроились тягачи и джипы; люди в полувоенной форме поднимали и ставили на растяжки большую антенну, разворачивали переносной вольер для собак и ладили коновязь; там дымила полевая кухня, там с платформы осторожно скатывали вертолет со сложенными веером лопастями несущего ротора, там сгружали брикетированный корм для лошадей и что-то тяжелое, зачехленное в брезент цвета хаки...

— РАС-С... РАС-С... — прогрохотал громкоговоритель, отпугивая с опушки Леса стайки птиц. — РАС-С — ДВА — ТРИ... РАС-С — ДВА — ТРИ...

Его Высочество принц Джуанин изучал опушку в артиллерийский бинокль. Для семейной хроники принца снимали на видео, для газет фотографировали, и еще вокруг него вертелся обозреватель из рубрики «Записки охотника».

— Только во время спортивной охоты, — вещал принц, очень красивый в своем охотничьем костюме, — в равной схватке с диким зверем человек может испытать себя на пределе возможностей, проверить, достоин ли он называться царем природы.

Репортер движением пальца понизил уровень записи, чтобы на пленку диктофона не попал металлический лязг — чуть ниже лагеря, у ручья, устанавливали минометы.

— Это звание ко многому обязывает, — продолжал принц. — Считая зверя-противника равным себе, мы должны дать ему возможность свободного выбора. В этом проявляется свойственное лишь человеку благородство.

Опять загромыхал репродуктор на крыше микроавтобуса:

— Внимание! Внимание всем обитателям Леса! Сейчас девять часов семнадцать минут. Ровно в полдень к опушке Леса у Чистого Урочища должен выйти Белый Олень. Повторяю: Белый Олень! Принцу нужен только Белый Олень! Лес блокирован со всех сторон. В случае выполнения ультиматума все ограничения на выход из Леса будут сняты. В случае

невыполнения принц сохраняет за собой право использовать более серьезные меры воздействия. Повторяю: Лес заблокирован по периметру и контролируется с воздуха...

Над лагерем пронесся вертолет с королевским гербом на борту и низко пошел над Лесом, глядя вниз шестиствольными пулеметами и головками неуправляемых реактивных снарядов.

— Принц взывает к благоразумию обитателей Леса, — продолжал греметь репродуктор. — Белый Олень должен выйти ровно в полдень к опушке Леса у Чистого Урочища. В противном случае...

— А ты говоришь — уходи... — прошептал Олень, тихо отступая под большие деревья.

Они присели на бугристые корни. Рысь нашел сигареты и протянул Оленю; даже прикуривая от одной спички, они не встречались глазами.

— М-да-а... сложная ситуация, — фальшивым голосом заговорил Рысь.

— А если без предисловий? — обрезал Олень. — Говори сразу — иди, сдавайся на убой.

— Я ничего такого не имел в виду!..

— Имел, да еще как, — буркнул Олень. — Mamka-Рысь, рысята, твоя Рыся... Я все понимаю...

Рысь в сердцах стал жевать фильтр, а потом с яростью задушил окурок о подметку.

— А ты придумай что-нибудь!..

Олень промолчал, щурился от падавшего сквозь листву на лицо солнечного луча. Пока он щурился, подошел будто невзначай Волк и подпер дерево плечом; потом явились Паленая Лиса и Ласка — последняя все время поглядывала на ручные часики.

— Шли бы вы куда подальше, — глядя в сторону лагеря принца, промолвил наконец Олень. — Достали уже.

Он хотел видеть рядом только Лань, но где она была сейчас — не знал.

— Никто тебя не достает, — примирительно сказал Рысь. — И ты нас не отпихивай, Белый. Не ты один, мы все для них — звери. Сегодня им нужен Белый Олень, а завтра, может, Пушистый Рысь.

— Или Серый Волк, — показал клыки Серый.

— Или захотят мантию из горностаев, — шмыгнула носом Ласка, которая была близко знакома с одним из кандидатов в мантию.

— Они нас всех по одному на опушку вызовут, — глухо молвила Паленая, садясь на корточки. — А мы всех будем провожать по одному. Эх, будь я бешеная, всех бы их перекусала! По крайней мере не за так бы сдохла...

— Что им нужно от нас? — опять шмыгнула Ласка. — У них есть коровы, овцы, свиньи — шли бы с ружьями на ферму.

— Не-ет, — покачал головой Олень, нехорошо усмехаясь. — Корову в стойле грохнуть — кайф не тот. Они и меня, выйди я к ним, не сразу кончат, это им неинтересно. В рога будут трубить, на коней сядут, спустят псов и будут гнать, пока не загонят. Им не шкура нужна, не мясо — они убить хотят, и с удовольствием — вот что им нужно. А голову к стене прибьют — на память о том, как убили. Коровьи головы развесить над камином — это пошло, Ласонька; коров-то на свете — тьма-тьмущая, а Белый Олень — один. Это гордость у людей — убить кого-нибудь неповторимого.

— Слышь, — покосилась Лиса, — а когда у них охота на людей бывает, ну... эта... война то есть, они головы своих выходящих врагов на стену вешают? Или шкуры их под ноги стелят?..

Олень пожал плечами.

— Не о том речь, — ответил за него Волк. — Что делать-то будем?..

— Что делать? — поднял глаза Олень. — Если вы не затем собрались, чтоб меня на опушку вытолкать...

Все протестующе загадели хором, но Олень пресек галдеж резким жестом:

— Тогда вот что... Обзвоните всех, чтобы прятались по норам, по берлогам и оврагам, чтоб зарывались в землю. А кому Лес еще нужен — пусть идут сюда, и поживей, времени в обрез. Отсиживаться без толку, надо драться. Рыжая права — на мне эта охота не кончится. Я видел в лагере и клетки, и рефрижератор.

— Чего-чего? — не врубилась Лиса.

- Морозильник для убоины, вот чего! — рывкнул Олень.
— Эту братию хвостом не заметишь, — заметил Рысь, — и когтями не зацапаешь. У них техника.
— А у нас — мозги, — ответил Олень.

* * *

- Я кусаю, только когда на меня наступают, — резонно заметила Гадюка, но Олень эту отмазку не принял.
— Так-то оно так, но что ты скажешь, когда в твою кладку яиц попадет мина?
— А... м-м-м... такое может случиться? — обеспокоилась гибкая красавица.
— Да, через два часа. — Олень сверился с циферблатом на левом запястье. — Могу дать совет — кого жалить в первую очередь...

* * *

- Ваше Высочество, — подбежал к принцу старший егерь, — у нас неприятности.
— Да? — величаво обернулся Джуанин.
Следом за егерем двое ловчих волокли слабо извивающуюся Гадюку — рот у нее был в крови, зубы выбиты прикладом.
— Эта гадина перекусила минометный расчет, Ваше Высочество.
— Медицинская помощь пострадавшим оказана?
— Так точно — в санчасти им ввели противозмеиную сыворотку.
Ловчие бросили Гадюку к ногам Принца, и один придавил ее сапогом — впрочем, стоять или ползти с перебитой спиной она все равно не смогла бы.
— У-у, змеища! — выдохнул второй, с размаху пиная лежащую в бок. — Трех наших уложила.
— Из Леса? — поинтересовался принц, приподнимая Гадюке голову носком ботфорта. — Кто послал?
Она едва шевелила разбитыми губами.
— И это после того, как мы объявили вполне приемлемые условия. — Принц сокрушенно покачал головой. — Вот

цена, которую приходится платить за человеческое отношение к животным. Они не понимают нас, людей. Они кусают нас исподтишка ядовитыми зубами вместо того, чтобы пойти навстречу и с пониманием отнестись к нашим условиям. На мирные предложения они отвечают террором. При всей моей любви к животным я вынужден...

Он не стал договаривать — лишь прижал пальцы к ладони, отставив большой палец книзу. Ловчие дружно кивнули.

Тело Гадюки насадили на железный штырь, а штырь воткнули в рыхлую землю на берегу ручья — так, чтобы Гадюку хорошо было видно из Леса.

Однако вместо криков ликования из лагеря до Леса донеслись вопли — это Гад, Гадюкин муж, напал на второй расчет, а двоюродная Гадюкина сестра вскоре ужалила личного пилота принца. Из соображений безопасности принца окружила охрана с саперными лопатками, готовая перерубить шею любой змее.

Несмотря на террор жителей леса, принц проявил завидную выдержку и твердо выжидал до срока, объявленного в ультиматуме. Единственное, о чем он распорядился, — чтобы снайперы сбивали всех появляющихся над Лесом птиц, особенно Сорок: ни к чему зверям в подробностях знать о приготовлениях к охоте.

Между тем в Лесу царил переполох. Сначала ультиматум принца, затем отчаянный призыв Белого Оленя — тут было от чего сойти с ума. Повсюду стоял птичий и звериный крик; родители прятали птенцов по норам и гнездам, а те, что посмелей и помоложе, сбегались в Дубняк, где был сейчас Олень.

Не всем пришлось по душе решение Оленя, кое-кто был не прочь проводить его — даже силой — до опушки Леса, но многих смущали аргументы Паленой Лисы и вести о том, что с охотниками прибыли клетки и холодильник для мяса. Оказаться в зверинце или на блюде никому не улыбалось.

— Это наш Лес! — кричала Лиса, взобравшись на сваленный молнией дуб. — Меня не колышет, если люди придут сюда за грибами, за ягодами, рыбку поудить — этого добра всем хватит, поделимся, не пообедем, — но когда придут меня убить, или тебя, или тебя, — тыкала она пальцем в

собравшихся, — то я буду кусаться! Если стерпеть одно убийство, будет второе, если второе — пойдут одно за другим! Я могу улизнуть, чихала я на их капканы — но я не уйду! Не за Оленя — надо драться за Лес!

Ей отвечали дружным ревом. Собравшихся было немного — но случайных зевак тут не было.

Лиса слезла с дуба отдышаться, ей протянули банку пива, а на ораторское место поднялся Олень. Оленя в Лесу любили. Во-первых, за то, что травоядный и не кусается. Во-вторых, за то, что не дурак. В-третьих, свою силу он пускал в ход редко, но метко и всегда по делу. В-четвертых, он был Белый, других таких не было.

К тому же если кто-то влез на Лежачий Дуб — значит, ему есть что сказать и его стоит выслушать.

— Осталось сорок две минуты, — сухо отметил Олень. — Надеюсь, всю детвору рассредоточили и укрыли. Пока есть время, напомним: всем, кто не полезет в драку, надо рассыпаться по Лесу мелкими группами. У каждой группы должна быть аптечка и те, кто может оказать помощь. Связь — по телефону; если ее не будет — через птиц. Летать ниже листьев! Мы уже потеряли Сойку и двух Сорок...

Собрание вздохнуло, глухо зарычало.

— ...и погибли три Гадюки. Им мы обязаны тем, что принц будет стрелять реже, чем мог бы.

С минуту лесные жители помолчали о храбрых Гадюках.

— Сколько у нас портативных раций? — спросил Олень поверх голов, и поднялось несколько рук с уоки-токи. — Вижу, семь. Этого мало, но для начала хватит... Значит, так... С базовым лагерем нам сейчас не справиться, силы не те. Надо прощупать врага по окоему Леса и попытаться расчислить тропы. К ночи я должен точно знать, где блокада слабее всего. Там и ударим, чтобы отвлечь людей принца, а молодежь поведем другой тропой — в Буреломную Пущу, туда людям не пройти ни верхом, ни на колесах.

Он быстро распределил роли — Медведю беспокоить противника в слабом месте кольца, семейству Кунных — оповещать о путях отхода и организовать эвакуацию, Волкам готовиться встретить атаку охотничьих псов, Туру с родней — обеспечить фланговый удар по людям, если попрут. Всем на-

шло что делать, а Рысь и Паленая оставались при нем вроде адъютантов.

Едва Олень успел растолковать всем, что к чему, как раздался рокот вертолета, и звери брызнули из Дубняка враспынную.

— Первый, я над дубравой, — доложил пилот. — Большое скопление животных внизу, они разбегаются... Вижу Оленя! Хорошо вижу Оленя!.. Уходит!

— Не стрелять! — Принц с трудом удержался от команды на поражение, даже поморщился. — Он мне нужен живым.

Олень проводил глазами железную стрекозу — сделал несколько кругов над Дубняком, вертолет качнулся, приподнял хвост и быстро пошел к востоку.

Все оговорено, все сказано — но, кроме напряженного ожидания, в душе Оленя шевелилась и своя тревога: где Лань? Ее домашний телефон не отвечал, никто из знакомых ее не видел, а сам он был слишком крепко связан обязанностями вожака, чтобы все бросить и сломя голову искать ее.

Он коротко глянул на Рыся — тот понял без слов, дернул плечом:

— Я всех спрашивал про Лань — никто ничего не знает. Лес большой.

* * *

Без четверти двенадцать принц выпил стакан апельсинового сока и скушал сэндвич с сыром — он и в полевых условиях не изменял своим здоровым привычкам. Утренняя пробежка, гимнастика, личное присутствие при подъеме штандарта — все как во дворце.

Затем он вышел из палатки — проверить в последний раз готовность своих людей. Увы, звериный террор лишил его минометную батарею половины стволов, и пилотировать вертолет, видимо, придется самому, но принц не гнушался благородного мужского труда.

Снаружи его ожидал довольно приятный сюрприз — там стоял старший егерь, держа на поводке молоденькую Лань.

— О! — Принц изумленно приподнял брови. — Какое прелестное животное!.. Кто ее добыл?

— По правде сказать, никто, Ваше Высочество. Сама вышла к нашему посту на периметре и добровольно сдалась. Прямо как ручная!..

— Как это мило, — молвил принц, взяв Лань за подбородок, — что в диких Лесах есть непуганные звери... Не то что ружье — рука не поднимается на такую невинную красоту.

— Она утверждает, что хочет что-то вам сказать, Ваше Высочество.

— М-м-м! Вот как... Ты что же, вроде парламентарера? — Голос принца стал чуть строже. — Говори, не бойся.

— Я... — Лань не знала, как начать. — Вы...

— Ну-ну, — ободрил ее принц.

— Вы пришли за Оленем... так вот я подумала, что вы могли бы вместо него...

— Так-так, — улыбнулся принц.

— ...взять меня.

— Чушь какая-то! — хохотнул принц. — Я ничего не понимаю!..

— Ну зачем вам Олень?! — заговорила торопливо Лань, боясь, что принц перестанет ее слушать. — Не все ли равно, кого поймать? Вот я, пожалуйста, берите, только не трогайте его. Пусть он живет.

— Увы, — покачал головой принц, не переставая тихо смеяться, — ни о какой замене Оленю в ультиматуме речи не было, и переговоров на эту тему я вести не собираюсь. Только Олень, милочка, мне нужен только Олень. — Он обратился к егерю: — Разберитесь, какое отношение она имеет к этому Оленю, но постарайтесь ее не портить — она может пригодиться как заложница, и потом... кажется, она достаточно грациозна, чтобы украсить собой дворцовый парк.

Лань с криком кинулась на принца, но егеря рванул за поводок, подножкой свалил ее и умело стреножил, а стоявший наготове ловчий обуздал Лань намордником.

— Клетку зачехлите, — добавил принц, пока упирившуюся Лань тащили к импровизированному зверинцу. — Не стоит, чтобы ее увидели раньше времени. И еще... о результатах допроса доложите мне немедленно!

Свалив на других эту малочетную работу, принц вздохнул полной грудью — как легко и приятно здесь ды-

шится!.. До конца срока четыре минуты, расчеты на местах, ящики с минами раскрыты... Самое время показать себя достойным охотником, но принц размышлял: каким образом? Дать лесным обитателям отсрочку просто так — глупо. Обратиться лично к Оленю насчет Лани — рано; она может оказаться просто сумасбродной фэнкой этого парнокопытного, и он ради нее на опушке не выйдет...

Как трудно быть гуманным!..

Принца выручил случай — на опушке кто-то замахал белым платком на палке.

— Отставить готовность! — крикнул принц и поманил к себе ловчего с мегафоном.

— Кто идет? — гаркнул ловчий.

— Не стреляйте! — еле слышно донеслось с той стороны. — Мы выходим из Леса, не стреляйте!..

Принц быстро нашептал оператору акустической установки канву текста, и тот рысью припустил к микроавтобусу.

— В связи с тем, что часть жителей, возмущенная поведением Белого Оленя, покидает Лес в районе базового лагеря, — заревела установка, — Его Высочество из любви к животным приостанавливает действие ультиматума на двадцать минут! Всем вышедшим из Леса без оружия и с поднятыми руками гарантируются безопасность, корм, хорошее содержание и ветеринарная помощь!

Вот что значит правильно организовать охоту! Принц внутренне ликовал, глядя, как автоматчики образуют коридор для прохода зверей и как звери, держа руки на затылке, торопливо переходят вброд ручей и бегом, понукаемые его людьми, устремляются между шеренгами к зверинцу. Добыча без единого выстрела, с помощью одного только словесного внушения и трех гадючьих трупов!

Он мог бы дать и больше времени этим лесным, но ему не терпелось приступить к самой зрелищной части акции.

Подозвав ветеринара, он вполголоса дал указания — прямо на сортировочной площадке отбраковать старых и больных животных, которых затем поместить в фургон с подачей выхлопных газов внутрь кузова, а затравку произвести, отогнав фургон подальше от лагеря; там же, на площадке, отобрать молодых травоядных для банкета, сообразуясь

с требованиями лейб-повара, этих забить инъекциями под предлогом прививок от ящура.

Некоторая суматоха, связанная с приемом и размещением зверья, скоро улеглась — люди Джуанина были вымуштрованы и действовали весьма оперативно. Подошел и раскрасневшийся от работы старший егерь.

— Ну-с? — милостиво улыбнулся ему принц.

— Самочка в связи с самим Оленем, — браво козырнул старший. — Сработано чисто — на ней ни царапинки.

— Благодарю за службу. — Джуанин соблаговолил хлопнуть егеря по плечу. — Надеюсь видеть вас за ужином.

— Сегодня на столе — дичь, Ваше Высочество? — лукаво подмигнул егерь, чувствуя минутную склонность принца к фамильярности, и оба рассмеялись.

Когда истекли условные двадцать минут, принц махнул перчаткой и скомандовал:

— Огонь!

* * *

Олень слышал, как в Урочище гавкнули минометы — и следом раздался надрывный вой летящих мин. Разрывы ударили справа и слева, где-то поодаль. С далеким клетотом вертолета смешалось пронзительное шипение НУРС — их дымные молнии проносились над кронами и обрывались в гуще Леса грохотом взрывов.

Расстреляв кассеты, вертолет обрушил на Лес крупнокалиберный дождь из крутящихся шестистволок, но не прицельно, а наобум, абы в кого попасть.

Оставалось только ждать — боекомплект у вертолета не бездонный, он отстреляется и улетит на перезарядку, а вот минометы стреляли хоть и медленнее, но дольше — пока облуга не сочтет, что пора дать роздых стволам.

Мина упала рядом, закладывая уши — и Олень, подняв голову, увидел, что над воронкой вздувается бледно-желтое облако.

Тут они с Рысем и Паленой кинулись галопом, без оглядки, подалее от газа, в наветренную сторону.

— Гады, сволочи... — бормотала Лиса, прочистив уши

пальцем. — Химию пускают — это ведь даже на охоте нельзя!..

— Ага, на людей нельзя, — отозвался Рысь, — а мы звери. Э!.. Все, слушайте меня! — потряс он хрипучий уоки-токи. — Химическая атака! Берегитесь газа! И гасите все, что там загорелось!..

Оперативные группы армии Олень откликались одна за другой, и из их донесений Белый понял, что принц хочет создать отравленную зону в виде дуги, отсекая отход к периметру; в условном центре круга, частью которого была дуга, находился базовый лагерь. Газ — кое-кто смог оценить его действие — был нервно-паралитический, но не поражал насмерть, а только обездвизивал.

Дуга пока не была сплошной — у принца не хватало стволов, чтобы быстро ее замкнуть, но бесперебойная работа наводчиков и заряжающих ясно намекала на то, что расчеты не успокоятся, пока не отрежут выбранный сектор. А вертолет опять показался в небе. Теперь стала ясна и его функция — закрыть огнем проходы в дуге.

— У них нет гаубиц и систем залпового огня, — бормотал Олень, глядя в небо. — Они не могут накрыть Лес целиком. Эх, как бы эту стрекозу заставить замолчать!..

Рысь помотал головой — пустое дело. Ни одна птица, даже самая геройская, не кинется в воздухозаборник; воздушный поток от ротора сметет ее вниз.

— Разве что на заправке поджечь, да там, поди, снайперы кругом.

С сознанием полной безнаказанности вертолет низко полз над Лесом, аккуратно рассыпая очереди и снаряды, — а Волчата, которых обыскался отец и старший брат (прежде чем ушел с отрядом), тащили в сарай поржавевшую пятидюймовую трубу. Трое с кувалдами, один с ножовкой — работа у них кипела, хотя под конец инструменты валялись из рук от усталости. Двухногую подпорку от козлов примотали к задранному вверх стволу стальной проволокой. Из фейерверочных ракет натрясли чуть не ведро пороха.

— Разорвет! — скулил меньшей, пока средний, Волчок, палкой от швабры яростно забивал в трубу тряпочный пыж. Запыхавшись, он отер пот и выдохнул:

— Гайки, болты — все тащи!.. Пшли отсюда! — рыкнул Волчок на братишек, когда заряд был втолкан в ствол, а сам повалился на колени и дрожащими руками взял трубу за нижний, с горем пополам сплющенный конец, подергал и, рассыпав половину спичек, стал ждать.

Он прилетит. Он не может не прилететь. Иметь такую убойную мощь и не разнести вдребезги все рукотворное, что видишь, — это выше человеческих сил. Он прилетит.

Вертолет возник над волчьим логовом, как грозный призрак; стволы пулеметов пригляделись к дому, полоснули по крыше, раздробили оконные стекла — силуэт боевой машины завис над коньком.

Волчок из последних сил повернул трубу на нужный угол и прижал вспыхнувшую спичку к пороховому шнуру.

— Н-на, гадина! — И откатился, закрывая голову руками.

Гигантский самопал жажнул, вмялся в землю, расколов подпятник, ствол треснул, но заряд железного лома все же достал летучую машину: вертолет накренился и, полоща лопастями, покатился по наклонной вниз.

* * *

— Молодчина! — Олень крепко пожал темную, в синих пятнах порошинок, ладонь Волчка; тот, с забинтованной головой, еще не совсем пришел в себя и в ответ лишь слабо улыбнулся. — Из тебя добрый Волк вырастет.

— Да ладно, че там... — хмыкнул Волчок.

— Не шатает? — положил ему лапу на плечо Рысь. — Башка не трещит?

— Не-а. — Волчок шикарно сплюнул за плечо, всем видом показывая, что он в норме.

— Ну что, пусть с нами пацан потаскается? — подмигнув Волчку, спросил Рысь.

— Как врач скажет. — Олень вопросительно глянул на Бобра, уже сложившего санитарную укладку.

— Контузии вроде бы нет, голова цела, царапина пустячная, — оценил пациента Бобр. — Везет оторвыгам...

— Герой! — Рысь ткнул Волчка кулаком. — Ну, оставайся.

Волчок чуть не лопнул от счастья. Это он! Он, а не кто-

нибудь, сбил «вертушку», он припер вожакам пистолеты стрелка и пилота с запасными обоймами! Жаль, нельзя было снять с разбитой машины подвесные пулеметы — пока он обшаривал мертвяков, в небе показался второй вертолет, и пришлось бежать...

* * *

Принц лично слетал к месту аварии и убедился, что первая машина безнадежно испорчена, а экипаж погиб. Он и мысли не допускал, что у зверей мог оказаться переносной ЗРК или иное средство для поражения воздушных целей — скорее можно было предположить, что пилот совершил роковую оплошность, задев ротором за дерево на предельно низкой высоте. Но даже беглый осмотр пострадавшей машины отменил догадки об ошибке в пилотировании — на телах пилота и стрелка ясно были видны множественные повреждения типа осколочных, кабина во многих местах пробита, личное оружие экипажа исчезло. Без труда нашлась и самодельная пушка волчат.

Пока тела грузили в вертолет принца, Джуанин с телохранителем осмотрели дом; принц взял фотоальбом волчьей семьи, а бодигард наскоро заминировал жилище. Пришлось скрепя сердце расстрелять сбитый вертолет НУРСами, чтобы пулеметы не достались зверью.

Вернувшись на базу, Джуанин приказал размножить фотографии и раздать егерям-командирам с пометкой «Лютые Волки. Уничтожить в первую очередь» — и указанием премиальных сумм за головы. Одно фото было передано репортеру — для готовившейся к завтрашнему выпуску статьи «Звери убивают людей».

Группы загонщиков с собаками вышли на позиции и приготовились к облаве — прочесать отрезанный сектор лучше всего засветло, но сперва следовало дать Оленю понять, насколько бессмысленно дальнейшее сопротивление и чем оно чревато лично для Оленя.

— Я обращаюсь к вам, жители Леса, — с чувством начал принц, — я скорблю вместе с вами о жертвах и призываю вас — одумайтесь! К вам обращаются ваши братья, находящиеся сейчас в моем лагере. Они живы, здоровы и сыты, о

них заботятся. Пока не поздно, одумайтесь! Я верю в ваш здравый смысл и благоразумие... Вы стали заложниками безрассудства Белого Оленя. Сплотитесь — и заставьте его отказаться от безумных решений! Ваша жизнь — в ваших лапах!..

— Белый Олень! — продолжил он после паузы. — Я обращаюсь к тебе... и не только я — голоса всех жертв взывают — выходи на опушку! Или тебе мало крови? Освободи Лес — и я обещаю тебе честную охоту один на один. Я, принц людей, и ты, принц зверей, сойдемся в поединке — и пусть победит сильнейший! Залогом будет Лань — как только ты выйдешь из Леса, я позволю ей уйти...

Красноречия принцу было не занимать — эту дисциплину он изучал в университете.

— Покажите Лань, — мягко сказал он, отключив на секунду микрофон. — Снайперам — не стрелять, пусть птицы ее узнают.

Выкатили клетку в чехле поближе к ручью, сняли брезент и палкой сквозь прутья заставили Лань подняться на ноги.

* * *

От этой новости Оленю захотелось грызть кору на дереве, но даже отойти и побыть в одиночестве он не мог; к нему прибегали с донесениями, что-то говорили, перечисляли жертвы, он отвечал, кивал, приказывал, но словно во сне — и это был неотвязный, страшный сон про Лань. Мысли бежали по кругу, возвращаясь к одному и тому же: к ней.

Рысь сумел оттеснить от него публику, закрыл Оленя спиной и сам стал распоряжаться, пока не разогнал последних.

— Я бы принцу не поверил, — бросил он мрачно, когда к ним перестали соваться. — Ни на грош бы не поверил. А?

— Ага, — сквозь зубы ответил Олень, не оборачиваясь.

— И подарил-то всего час, — зло дернулся Рысь. — На что рассчитывает? Не пойму.

— На нервах сыграть хочет. — Голос Оленя был глух. — Через час атакуют загонщики, будут оттеснять к газовой полосе. Собак спустят. Но сперва он нам еще что-нибудь скажет умное, для дураков. Может, кто и клюнет.

— Но не ты.

— Но не я. И все, давай замнем.

Из тех немногих, что остались сейчас при Олене, не доставал его только радиолюбитель Дятел — птицы растянули на деревьях антенну, и он сгорбился над маломощным передатчиком, передавая в эфир сочинения Паленой Лисы:

— Всем, всем, всем! Мы обращаемся к обществу защиты животных и организации «Гринпис»! Принц Джуанин охотится на безоружных жителей Леса, применяя авиацию и химическое оружие. В лесу пожары, гибнут наши детеныши и беременные самки. Мы отрезаны блокадой, у нас мало продовольствия и медикаментов. Кто может помочь нам — помогите! Пожалуйста, запишите и передайте текст нашего обращения в газеты и на телевидение.

Пока Олень — чтоб ум и руки были заняты — изучал один из наскоро сработанных Енотами аляповатых арбалетов, вокруг вертелся Волчок, измученный мрачной замкнутостью вожака. Волчок едва не скулил, чтобы привлечь к себе внимание, но добился лишь того, что его сцапал за ворот Рысь.

— Эт-то что у тебя?

— Во! — Волчок радостно сунул ему в руку бутылку с фитилем в горлышке и мятую консервную банку, тоже с каким-то жеваным шнурком, замазанную по разрезу пластилином. — Это вот — зажигалка, а это — дымовуха! — Голос он нарочно повысил, чтобы услышал Олень.

— Н-да? — с сомнением взял бутылку Рысь. — А работает? Эту фигню еще проверить надо.

— Проверено, будь спок, — горячо убеждал Волчок тонном спеца, в чьей компетенции усомнился дилетант.

— Ишь ты, поджигатель!.. Белый, глянь, чем у нас хулиганье развлекается.

— А давно ли ты сам завязал? — зыркнул Олень исподлобья. — Волчок, поди сюда. Часто твои шутихи отказывают?

— Н-ну... — замылся парнишка, — не так чтобы... Может, из десяти одна.

— Так, — кивнул Олень и повернулся к Рысю. — Кто у нас из молодняка ловкий на мотоцикле гонять?

— Я! — твякнул Волчок.

— Цыц, тебя я знаю, — отмахнулся Олень.

— Я, например, — с подозрением сощурился Рысь. — Ты чего удумал, Белый?

— Так, чепуховину одну — перехватить у принца инициативу. Нужны три-четыре исправные машины и водилы, у которых мухи в руках не плодятся. Только живо.

* * *

Звери вышли на позицию тихо — даже мотоциклы катили вручную. Олень шепотом разъяснил порядок действий и расставил бойцов по местам.

У принца в лагере все шло своим чередом — уверенная деловая суета. До сгюка оставалось минут семь.

Оленя Джуанин не ждал — глупо ждать, если насчет Лани не высказано никаких угроз. Но разброд и шатание в Лесу, несомненно, начались — в любом случае последний сеанс вещания даром не пропал. Даже если Олень ранен или убит, найдутся те, кто вытолкнет его на опушку в надежде головой Оленя купить себе жизнь и свободу.

Пока принц принимал донесения, военный химик напомнил ему, что газ постепенно инактивируется и размывается током воздуха, теряя необходимую концентрацию; сейчас ОВ уже наполовину неактивно, а с вечерним холодом осядет на грунт — и о нем можно забыть. Связист сообщил о перехвате радиопередачи из Леса — звери пытаются докричаться до борцов за права мяса и шкур. Запеленговать или глушить? Глушить, велел Джуанин, а для средств массовой информации смонтировать видеоматериал об укушенных Гадюками и об экипаже патрульного вертолета.

Третье донесение принес запыхавшийся ловчий:

— Олень! Ваше Высочество — Олень!..

— Где?! — поднялся принц с раскладного походного стула.

— На опушке!

Губы принца растянулись в улыбке — наконец-то!.. Он быстро вышел из палатки, нетерпеливым жестом потребовал бинокль.

Никаких сомнений — это сам Олень! Великолепный самец редкого окраса, исключительная по красоте и стати мо-

лодая особь. Принц даже губу закусил — так волнительно было предвкушение охоты.

— Пусть подойдет ближе, — вполголоса сказал он егерю с мегафоном, — к ручью.

— БЛИЖЕ! — кашлянул рупор. — К РУЧЬЮ!

Олень сделал несколько шагов вперед — одинокий, незащищенный, но гордый — ишь, как голову держит!..

— Я здесь! — крикнул он. — Принц, отпусти Лань!..

Егерь вопросительно глянул на принца, тот едва покачал головой — нет, ни в коем случае.

— ЕЩЕ БЛИЖЕ!

— Парни с пневматикой и гранатами готовы?

— Да, Ваше-ство!

— Пусть выдвигаются на огневой рубеж. Если шприцпули пройдут мимо — залп гранатами, сети и газ одновременно. Он не должен уйти.

К ручью не спеша вышли четверо ловчих — двое с ружьями, снаряженными снотворными зарядами, двое с барабанными ручными гранатометами.

— Где Лань?! — громко спросил Олень.

— Переходи ручей, — сказал кто-то из ловчих, — здесь и потолкуем.

И двое с пневматикой взяли Оленя на прицел.

Тут справа, в полусотне метров, с опушки на открытое пространство вылетело несколько темных предметов с тонкими хвостиками дыма. Глухо полыхнул огонь, и взметнулись дымовые столбы. На мгновение внимание стрелков было отвлечено от неподвижного Оленя, но пока взгляды метались, за листвой защелкали арбалеты, и короткие толстые стрелы полетели в тех четверых; бодро взревели мотоциклы, вырываясь из прикрытия. Олень прыгнул в седло за спиной притормозившего Волчка, выхватывая сзади из-за пояса пистолет, и последний непораженный стрелок у ручья выронил ружье и повалился в траву.

— К оружию! — завопил принц. — Огонь! Загонщики — вперед! Собак! Спускайте собак!

Стая мотоциклов ушла за дымовую завесу, прежде чем со стороны лагеря захлопали недружные выстрелы, и тотчас

свернула в Лес, а с двух сторон на шум стычки уже спешили конные загонщики, и впереди них с лаем неслись псы.

— Отрежьте их! — бесновался принц, в ярости топчя брошенный наземь бинокль.

Охота! Вот она — охота! Началось!.. Гикая и улюлюкая, загонщики горячили коней: Лес — не гоночный трек, колеса и копыта здесь наравне! Они врезались в Лес, пригибаясь от ветвей.

...И тут же напоролись на отряды Тура, его зятя Корнута и Волков. Хотя загонщики были вооружены и их поддерживали псы — в зарослях им пришлось не слаще, чем тореадору, которого катает рогами по арене черный камаргский бык. Лесорубные топоры на длинных топорницах замахали, разваливая собачьи головы, торцы жердей вышибали всадников из седел, и атака прочно увязла, позволяя Оленю уйти, а тут и быстроногие арбалетчики ударили людям в спину.

Предсмертный визг псов, испуганное ржание коней, крики и беспорядочная пальба убедительно доказали принцу, что на этот раз он лажанулся. Пока его люди поняли, что надо делать, пока форсировали ручей, уцелевшие загонщики уже отступили, кто верхом, кто бегом, отстреливаясь и многоэтажно матерясь; более азартные псы в самозабвении грызлись в Лесу с Турами, но лезвия и обухи обрывали один лай за другим. Заливистый свист — и Туры с Волками волной пошли прочь от схватки, унося своих раненых и трофейное оружие, добывая на ходу еще живых псов. Мало что изменил и град осколочных мин, когда расчеты поспешно перевели прицел и ударили по ближнему Лесу — лесная сила, минуту назад сжатая в кулак, внезапно рассеялась, словно пыль.

Совладав с неудержимым желанием убить кого-нибудь прямо сейчас, Джуанин быстро распорядился вызвать два санитарных вертолета, запросить еще пару машин огневой поддержки и... Нет, пожалуй, король-отец не сочтет возможным отправить сюда установки залпового огня — он сторонник хирургически точного, цивилизованного насилия, бескровных методов, но если такой беспредел продлится еще сутки, аргументы сына могут показаться ему достаточно весомыми.

Вглядываясь сузившимися глазами в стену Леса, Джуанин страстно мечтал увидеть эту зеленую мешанину сверху, сидя в кабине штурмовика...

Но ужин все-таки состоится! Пусть не банкет, а тризна, но охотники должны получить моральное удовлетворение, видя врага поверженным на тарелку.

Перед обедом принц дал эксклюзивное интервью для программы теленовостей канала ТВ-2:

— Неспровоцированное, варварское нападение на охотников, совершенное со звериной жестокостью, вынуждает меня к ответным мерам. Сначала диверсиями, а затем своей кровавой вылазкой животные лишней раз доказали нам всем, сколь велика пропасть между наделенным разумом человеком и зверем, руководимым инстинктом. Звания наших меньших братьев достойны только ручные одомашненные животные, а пресловутая свобода дикого зверя есть не что иное, как свобода со всей кровожадностью посягать на жизнь и достоинство человека. Этому должен быть положен предел. Нам надо сделать выбор, трудный выбор, иначе рассуждения некоторых безответственных краснобаев приведут к тому, что Лес придет на улицы наших городов.

Затем, когда телевизионщики увезли кассету с записью на студию, были предприняты те самые меры — отряду, который перегородил текущую через Лес реку противоакульей сеткой, было приказано изготовиться к спуску в реку жидкого цианида, а к вертолетной площадке подтащили контейнеры с отравленными приманками. Там были мясные консервы со стрихнином и грифом «Гуманитарная помощь», жевательные резинки, шоколад, леденцы, банки с бисквитами и многое другое. Имелись в запасе и начиненные взрывчаткой игрушки для зверят.

Акустическая установка изрыгнула на Лес новую серию уговоров. От имени принца Джуанина страдающим от блокады мирным жителям Леса был обещан корм в виде сухого пайка (завтра, доставка по воздуху), а немирным — прощение, если до заката они сложат оружие и сдадутся. Лично для Белого Оленя было зачитано повторение условий, но несколько других, чем прежде, — ему давались сутки на размышление, а если он не одумается, то Лань будет умерщвлена и освежевана.

* * *

Олень упал духом, но Рысь и Паленая с двух сторон плечами подперли и кое-как выровняли его настроение, твердя ему в уши, что все о'кей, что есть кое-какое оружие и недалеко до ночи, Медведь готов к обманной вылазке и что сдуру метнувшуюся через полосу отравы турью телку скорчило не так уж сильно.

Волчок — тот вообще вокруг Оленя чуть не на руках ходил, горя желанием совершить какой-нибудь подвиг, а то вот он прямо на врага выехал, а все кавалерийские карабины и ножи загонщиков достались Турам и взрослым Волкам. Волчок затер свой белый бинтовой хайратник жеваной листвой, и другие вьюны и вьюницы по его примеру тоже перетянули волосы кто чем, для героической красоты.

Примчался юный Тарпан на мокике и поведал, что газ — вообще туфта, на скорости газовую зону запросто можно проскочить, если задержать дыхание; выглядел он чуток обалдевшим — похоже, не один раз ставил опыт.

— Молоток, Тарпашка! — Волчок позавидовал лютой завистью, что ему самому это в голову не пришло, но виду не подал. — Дай пять!

— Не, вы слушайте! — взволнованно встряхивал гривой Тарпан. — Там, за газом — люди в Лесу!..

— Где? Сколько?! — тотчас наскочил на него Рысь.

— Двое. — Тарпан растопырил пальцы победным знаком. — Это не охотники — пацан с девкой, без оружия. Из какого-то... Он — наморщил лоб. — Союза не-пойми-чего, вроде — «Наслаждайтесь, но не разрушайте» — я не врубился. Они наше радио слышали.

— По машинам! — скомандовал Олень, и Волчок мухой взлетел в седло, глазами пожирая жожака. — Рысь, возьми Паленую, а ты, — обратился он к Тарпану, — поедешь первым, покажешь дорогу.

* * *

Людей они нашли в доме Куниц-Еловых — и, судя по тому, как люди выглядели, встретили их неласково. Кое-кто из Кунных погиб сегодня; женщины семейства были в черных

платках и с опухшими глазами, а у мужчин злоба и траур были написаны на лицах. Волчок плаксиво ощерился и судорожно сглотнул, завидев вытянувшихся на столе под простынями двух знакомых кунят — их кроссовки он знал не хуже, чем лица.

Пожалуй, только Олень холодно глядел на сжавшуюся в углу парочку.

— Гвалт их зарезать хотел, — буркнул парень с дубиной и мотнул головой в сторону стола. — Его ребята...

Гвалта, отца, видно не было — где-нибудь в сарае об стенку бился или нож точил.

Волчок шумно, неровными рывками, задышал носом, медленно стек на корточки и тонко завыл, сунув лицо в ладони.

Олень бегло оглядел содержимое рюкзаков, вываленное на пол, — сигареты, сухое молоко, сахар, мука в пакетах, масло, походные аптечки, два «Полароида».

— Ну, что с ними делать? — строго спросил он.

— Мы вам помочь пришли, — всхлипнула исцарапанная девчонка. — Вы же звали...

— Мы сразу сказали, что и как. — Паренек еле сдерживался, чтобы не сорваться. — Как так можно?!

— А это — можно?! — указывая на кунят, завизжала одна из Куниц. — А еще люди называетесь!..

Востря когти, Куница напирала на людей — но наткнулась на протянутую поперек руку Оленя.

— Тихо, — осек он. — Хватит.

Отрезвев, Куница отступила.

— Я слушаю, — обратился Олень к людям.

— Мы из природоохранительного союза, — затравленно озираясь, начал паренек. — У нас союз «Наслаждайтесь, но не разрушайте»...

— То есть филиал, тут, в городе, — прибавила девчонка. — Мы услышали вашу передачу и сразу...

— ...пошли сюда.

— А патрули на периметре? — поинтересовался Олень.

— А! Эти... — хмыкнул парнишка. — Они не в ту сторону смотрят.

— Вот мы хотели принести, — девчонка носом показала

на рассыпанные продукты. — И заснять, что тут происходит, чтобы потом в газету...

— Ну что ж, спасибо, — кивнул Олень, — а за прием не обижайтесь. Больше вас никто не тронет, но лучше вам тут не маячить. Идемте наружу.

— Вы и есть тот самый Олень? — спросила девчонка уже на дворе.

— Да, тот самый.

— А меня зовут Эва, Эва Пинто.

— Альдо Гиберти, — хмуро назвался парнишка.

— Честно говоря, — скопился на них Белый, — вы меня крупно озадачили...

— ??? — Две пары глаз удивленно заморгали.

— Я о том, как вы будете выбираться отсюда. Войти-то было легко, а выйти — проблема.

— О, нет! — замахала руками Эва. — Никаких проблем, синьор Олень! Мы все обдумали... Я выйду к лагерю принца, а Альдо с фотографиями перейдет через периметр ночью.

— Стрелять будут на шорох, — Олень встретился с Альдо испытующим взглядом, — а звери и люди шуршат одинаково, когда загибают ногами.

— Я бойскаут, — выпрямился Альдо.

— Лучше бы ты был Росомахой. — Олень отвернулся и коротко свистнул. К нему порхнула Горлинка. — Быстро найди Хоря и скажи: двое людской породы будут обходить Лес для съемки. Пусть им покажут работу принца. И еще... Нетопырям и Совам собраться у родника на инструктаж, когда стемнеет.

Отрыдавшийся Волчок вышел от Куниц, растирая глаза кулаком, когда Олень заканчивал краткую речь:

— ...за домашнюю живность я говорить не буду, она рождается приговоренной, но людям не мешало бы изредка мысленно примерять нашу шкуру, чтобы понять, каково тому, на кого охотятся. В конце концов, люди — тоже немножко звери.

— Они хуже зверей, — выдавил Волчок, нагнув лобастую голову, и глаза его были как угли. — Звери не убивают ради потехи. Вся их ублюдская порода...

— Остынь, — промолвил Олень. — А то сам глядишь как охотник.

— А как мне на них глядеть?! — взорвался Волчок, вновь чуя подступающее слезное удушье. — Это у них, что ли, друзья там на столе лежат?!

— Нам очень жаль... — нерешительно начала Эва, но Волчок не дал ей договорить:

— Ни хрена вам не жаль! Вам все до лампочки! Вам Лес нужен, только чтоб сюда приехать, развалиться на лужайке, похавать, выжрать и обломать все, что цветет! И слить в родник масло из мотора, потому что в городе нельзя, а тут можно! Все можно — и помыть свою тачку в ручье, откуда мы пьем, и мусор вывалить, и муравейник разбросать, и кучу наложить, и на березе вырезать, что вы тут были! Почему вы дома на обоях ножиком не царапаете, а?! А чуть кто вылезет и скажет — Лес не твой! — вы сразу: ах, зверье! — и за ружье! А вот этого не хотите?! — Он выкинул вперед руку, оттопырив средний палец.

— Зря ты на них напустился, — ответил Олень. — Эти не такие.

— Все они такие, — прорычал Волчок в сторону. — Душегубы.

— Будешь возить Эву по Лесу, — приказал Олень спокойно. — И чтоб волос с нее не упал.

Вздыхнув со стоном, Волчок брезгливо фыркнул и скривил рожу, но перечить главнокомандующему не стал, только спросил:

— Где ее потом свалить-то?

Для Альдо выкатили «Харлей» старшего сына Куницы.

* * *

Дороги Альдо и Эвы разошлись — пока светло, надо было заснять как можно больше материала о преступлениях охотников.

Волчок гнал так, словно надеялся, что Эва не удержится в седле и на очередной колдобине сломает себе шею, но девочка словно примерзла к седлу — умеет ездить вторым номером, зараза!..

Кроме того, его подмывало тормознуть, обернуться и вы-

ложить ей все, что он думает о людях. Он так и ждал, что она даст ему повод для ядовитых откровений, но девчонка нарочно вела себя как паинька, аж зло брало.

А у Эвы язык едва не отвалился извиняться всюду, где ей приходилось щелкать «Полароидом» над трупами и ранеными. Бывало и так, что Волчку приходилось вступаться за нее и в крик объяснять, что она чужим горем торговать не будет, а фотки сдаст в газету, чтоб все узнали о бойне в Лесу. И столько он косых горящих взглядов перехватил, покрывая Эву, и столько раз отвечал недобрим волчьим прищуром, что к сумеркам уже чувствовал себя настоящим телохранителем.

— Все, снимать больше нечем. — Эва затолкала в пакет последние отснятые карточки. — Надо отвезти это к Альдо.

— Без проблем. — Стараясь выглядеть бывалым парнем, Волчок красиво и длинно сплюнул сквозь зубы. — Давай сюда, щас отправим...

На свист к нему неслышно подлетел Нетопырек — и взвился, унося пакет.

Волчок понимал, что Олень рассердится, если узнает, что природозащитница ушла из Леса не только битой и обруганной, но и голодной, да и воды ей никто не предложил. В надежде на похвалу командира и еще на что-то неопределенное он набулькал воды во фляжку и у кого-то — вроде для себя — взял пару толстых бутербродов с ветчиной; ему, как бойцу, дали сразу.

— На, закуси, — пихнул он добычу Эве, сидевшей, вытянув усталые ноги, на пеньке. — А то еще скажешь, что тебе куска не дали.

— О, спасибо! — вздохнула Эва, впиваясь в бутерброд зубами.

Чуть погодя она подвинула второй Волчку.

— Да ты хавай, — скрестил он руки на груди с видом полного безразличия к пище, хотя живот у него подвело и пустой желудок тихо скручивался в узел. — Мы не то что вы — мы и последнее можем отдать, даже человеку.

Глаза у Эвы сразу стали скучные; она через силу запила съеденное мелким глотком. Торжества от упрека Волчок по-

чему-то не почувствовал, зато в душе появилась кислятина типа изжоги, и он больше старался не глядеть на Эву.

«И дернуло меня на подлянку!.. — Со злой тоской он вперился в тускнеющее небо между ветвей. — И зачем я ее пнул, если ответить не может?..»

— Извини, — еле-еле проговорил он, переведя дыхание, но ему не полегчало — Эва молчала, а второй раз извиняться было глупо. — Ну, ты понимаешь...

— Понимаю, — тихо отозвалась она.

Волчку представились кунята — и зашипало в носу; он напрягся, упреждая недостойную Волка слабость.

— Я думаю, — осторожно начала Эва, стараясь не досаждать Волчку взглядом, — что можно попытаться поговорить с принцем. У него тоже есть потери, он может одуматься...

Волчок вздохнул, как три взрослых Волка разом не вздыхают.

— О-ох... да не будь ты такой душой. Может, ты и из лучших людей, и твой кореш тоже, но только поэтому думать, что принц точно такой же, — это дурь. Он хищник, понимаешь? Он как бешеный — такого только пристрелить. Вы бы вместо макарон и спичек нам патронов принесли — оно бы лучше было...

— И что? — подняла глаза Эва. — Опять стрелять, убивать? Разве к этому надо стремиться? Лучше найти общий язык...

— Во-во, общий, — скрипнул зубами Волчок. — Как он с нами, так и мы с ним говорить должны — огнем. Вот к тебе в дом маньяк влезет — будешь ты с ним общий язык искать?..

— И все же стоит попытаться, — гнула свое Эва. — Если я, человек, выступлю от вас парламентаром, он не сможет не прислушаться.

— Делай как знаешь, — дернул плечами Волчок. — Я бы на это не надеялся. Все эти хурды-мурды с переговорами — как воду в ступе толочь. Еще скажи — договор о ненападении с ним заключать!

— Если все проявят добрую волю и понимание... — Эва опять закурила шарманку, но Волчок уже встал.

— Айда, провожу тебя к опушке. И не надо мне мораль читать, лады? У меня к этим, в лагере, свои претензии есть.

Ближе к опушке они шли крадучись. Волчок нервно шевелил ноздрями, держа ладонь на рукоятке ножа, — тут пахло кровью, порохом, смертью. Заслышав посторонний звук, он крепко схватил Эву за локоть.

— Что?! — встрепенулась она.

— Тс-с... — Волчок вглядывался в заросли, немного скаля клыки. — Там кто-то есть... Чужой. А... вон он — лежит.

Здоровенный Пес лежал на боку, редко и тяжело дыша; обметанный кровью сухой язык вывалился из пасти. Ран видно не было — должно быть, в горячке погони он слишком оторвался от своих и его крепко приложили чем-то тупым.

— Отойди и отвернись, — велел Эве Волчок, доставая нож.

— Нет-нет, — она растопырила руки, заслоняя Пса, — так нельзя! Он еле живой!

— А будет совсем неживой, — отстранил ее Волчок, но она повисла на нем, отгибая руку с ножом. Боролся Волчок с опаской — не поранить бы девуку.

Странно стало Волчку, как горячим его обдало — ни одна волчушка так тесно к нему не жалась, не дышала так близко в лицо. Холодная, черная злость на полудохлого Пса и власть над мыслями зажатого в руке ножа дрогнули, расклеились, размякли — от неловкости и непонятного испуга он стал пятиться, чтобы отстраниться от Эвы.

— Пусти, ты...

— Не пуцу! Это подло — бить безоружного!..

— А как они нас?!

— И ты вроде него стать хочешь? Тогда и меня давай тоже, ну?!

Эва так и лезла на нож, тянулась к нему горлом — будто Пес ей родня!.. Резать Волчку расхотелось — девчонка ему настрой перебила.

— Тьфу, полоумная!.. — Ворча, Волчок опустил руку. — Ну, тащи его — все равно сдохнет!

— Помоги мне. — Эва подхватила Пса под мышки, но поняла — тяжело для нее одной.

— Еще не хватало.

— Да помоги же!

— Совсем очертенела... — покрутил башкой Волчок, но послушался.

Расстались они хмуро, вполголоса облаяв друг дружку — Волчок посулил ей медаль от принца за спасение волкодава, а Эва что-то съязвила насчет кровожадности. Однако напоследок Волчок ее окликнул:

— Э, гринпис, держи на память...

— Это что? — Она взяла гладкую гнутую железяку, которую Волчок извлек из набитого всяким хламом кармана.

— Отмычка, — буркнул Волчок, показав ей спину. — Пригодится в жизни...

Пес, за все время не проронивший ни слова, отследил полуприкрытыми глазами путь отмычки в карман Эвиных джинсов — и сомкнул ресницы.

— Фляжку оставь, — попросила Эва.

— Да на, подавись! — Волчок швырнул флягу. На кого он был зол сейчас и почему, и была ли это злоба — он и сам не понимал.

Пес дернул губой, когда в пасть ему полилась струйка воды.

— Идти сможешь? — кое-как напоив Пса, спросила Эва. — Ты очень тяжелый...

Он напрягся, крупно дрожа, чуть приподнялся — и не удержался на трясущихся ногах.

— Плохо дело. — Эва села рядом. — Ну, дотащу тебя как-нибудь.

— Зря... — прохрипел Пес.

— Что?

— Зря ты... не дала добить. Не жилец я. Откобелился...

— Перестань, — нахмурилась девчонка. — Тебя вылечат, вот увидишь.

Пес закашлялся — она не сразу поняла, что это горький смех.

— Плохо ты... охоту знаешь. Я... был нужен, пока здоров... а теперь я падаль... Усыпят уколом — и все...

— Я не позволю!

— А... тебя не спросят. Да ты... не плачь. Не о чем... Как у вас говорят, собаке собачья смерть... — Пес медленно, со стоном, выгнулся — что-то разорванное внутри сочилось

кровью, спирая дыхание. — Э... слышь... отмычку спрячь за щекой...

— За... чем? — слезно моргнула Эва, придерживая ему голову.

— Тебе говорю — спрячь. — Глаза Пса заволакивало му-
тью. — Потом спасибо скажешь. Ты... погладь меня.

Под ее рукой Пес словно придремал тихонько — и скоро совсем заснул. Эва не сразу это заметила и все гладила, пока не догадалась приложить ладонь к его груди.

Лес не склонил над ним ветвей — недостойн скорби тот, кто за еду служил врагам и с гордостью носил ошейник.

* * *

Солнце склонялось к закату, и под кронами Леса стала накапливаться предвечерняя мгла — огней сегодня не зажигали, соблюдая светомаскировку. Олень у родника беседовал с ушастыми Нетопырями, Совами и Змеиным родом — теми, кому предстояла ночная работа. К сумеркам оживились все лесные разведчики и диверсанты — под кустом хмурые Кроты обсуждали планы подкопов и совещались Ежи, а Рысь шипел на Рысю:

— Я говорил тебе — сиди дома? Говорил?

— Сам сиди, — шипела в ответ подружка. — Тоже высис-
кался самец на мою шею! Покомандуй еще!..

В семейство кошачьих вклинилась бой-деваха Росомаха, которой черт не брат, — в черном комбезе, голова повязана банданой, прямо ниндзя — и приобняла окрысившихся Рысей:

— Та-ак, нет ласки без таски? Кошки дерутся — котят хотят? О чем лай, мяуки?

— А, вот и мать-Росомаха подвалила! И с ножом, как на танцы! — Рысь обрадовался поводу прервать склоку с когтистой лапулей, от которой уступки только смертным боем добьешься.

— С чем еще ходить?! Турьи морды и Волчары все винтари захапали!.. Как шеф? — спросила она тише и доверительнее.

— Шеф у нас кремень, — вздохнул Рысь.

— И на последний их свист не сорвался?

— Ни-ни. Как на замок заперся и ключ выкинул. Но по глазам видно...

— Если Лань обдерут, — засопела Росомаха, — я им вендетту устрою. А пока так — по тылам для разминки пройду. — Что ее слова — не пустой звук, показал нож, сверкнув тусклой круговой молнией. — Что, Рыси, со мной?

— Он с Оленем, — поставила Рыся крест на любимом, — а я пойду.

Рысь было опять зашипел проколотой шиной, но тут гомон в стороне отвлек их всех.

— Что там? — повернул голову и Олень.

— К нам гость! — откликнулся один из Волков, которые под конвоем вели к роднику здорового парнюгу в маскировочной форме и ботфортах. С виду это был человек, но пахло от него зверем, да и лицом и взглядом он чем-то походил на зверя.

— Нелюдь, — принюхиваясь, вытянула лицо Росомаха. — Волколак какой-то...

— Нет, Гиена, — сказала Рыся. Многие ее услышали и мысленно с ней согласились.

— Кто тут главный? — не выказывая ни капли страха, спросил Гиена, оглядывая сходку. — Я буду говорить только с ним.

— Говори, — вышел навстречу Олень.

Гиена смерил его взглядом и сдержанно кивнул — словно документы проверил.

— От вас было радио, нужна подмога и всякое такое. Ну и вот — предлагаю свои услуги.

— И что за услуги? — Олень чуть склонил голову набок.

— По специальности. Я служил в десантном спецназе, потом по найму. Боевой стаж — восемь лет. Азия, Африка, Балканы.

Лесные жители с мрачным любопытством разглядывали Гиену, а он выкладывал свои анкетные данные:

— Владею всеми видами холодного и стрелкового оружия, вожу авто- и бронетехнику, имею навыки сапера, связиста. Диверсионная практика — в полном объеме.

— Ты наемник, — не спросил, а как бы поставил точку Олень.

— Так точно, — согласился Гиена с достоинством. — Оплату предпочитаю смешанную — твердая ставка плюс сделщина по головам и единицам техники. За набор отряда — коммиссионные. К завтрашнему дню могу вызвонить сюда примерно взвод проверенных парней.

— ...и тебя, — не замечая, что Гиена уже начал оговаривать условия контракта, продолжал Олень, — интересуют только деньги.

— Разумеется, — подтвердил тот.

— И если бы принц платил тебе за наши головы, ты за деньги убивал бы нас.

— Это гипотетическая ситуация. — В голосе Гиены прозвучала легкая досада. — Давайте исходить из того, что сейчас я готов сотрудничать с вами.

— Похоже, охотникам мало платят, — заметил Рысь. — А то бы мы с Гиеной по-другому познакомились...

— Кто из вас, — Олень обвел глазами своих, — готов верить ему как другу?

Росомаха так звучно фыркнула при всеобщем молчании, что иного ответа и ждать не стоило.

— А ты, — обратился Олень к Гиене, — готов помочь нам за большое спасибо, паек и медицинскую помощь? Ничего другого у нас нет.

— Н-ну, — Гиена озадаченно свел брови, — мы могли бы как-нибудь договориться... А почему бы вам не взять краткосрочный кредит в банке под залог вашего Леса?

— А потом спилить Лес, чтобы рассчитаться с процентами? — продолжил его мысль Рысь.

— А что вам дороже — свои шкуры или древесина? — отпарировал Гиена.

— Нет, вы гляньте! — возопил Рысь. — Это ж надо! Оказывается, чтобы спасти дом, надо его спалить! Классно мы жить будем, когда этот парень и банк нам помогут, — на вырубке за пнями прятаться!..

— Можете подрядиться сдавать приплод на звероферму, тоже неплохие деньги, — чистосердечно предложил альтернативный вариант Гиена, но его как-то неправильно поняли — и только окрик Оленя да карабины Волков сдержали вскипевшую публику.

— Убирайся, — сказал Олень, когда страсти чуть улеглись.

— Не пойму, чего вы хорохоритесь, — с опаской, но не теряя выдержки, заметил Гиена. — И почище меня нанимают ребят — не брезгают, а у вас гонора многовато. Ладно, дело ваше — пропадайте.

— Уж как-нибудь мы без тебя не пропадем, — успокоил Олень и дал знак Росомахе: — Проводи его с Волками к Чистому Урочищу и смотри, чтоб дорогой не спер чего — с него станется.

— Его — к принцу? — взметнула брови Росомаха.

— А... — В лице Гиены оборвалась жилка, на которой держалась вся его невозмутимость. — Почему к принцу? Э, нет, так не пойдет! Выводите той же дорогой, как привели!..

— Иди-иди, — подбодрил Олень, — принц оценит твою смекалку насчет торговли детьми. Может, повезет к нему за вербоваться.

Гиена стал горячо и шумно протестовать, но Росомаха поиграла ножом рядом с его физиономией, а Волки многозначительно приставили к его спине карабины.

* * *

Званный ужин у Джуанина состоялся в шатре, по-походному, без излишних церемоний. Лица присутствующих были скорбно-строги, на рукавах — траурные повязки. Вступительную речь принца слушали стоя с бокалами в руках.

— ...навек в нашем строю, — говорил мрачно-торжественный принц, — останутся те, кто самоотверженно вступил в бой с диким зверьем и отдал свою жизнь за право человека именоваться Царем Природы!..

Осушив бокалы, гости Джуанина приступили к трапезе. К столу была подана аппетитная, мастерски приготовленная плоть молодых травоядных, которые лишь за сутки до ужина ревели, играли, влюблялись, ссорились, мечтали, танцевали и читали книжки. Лейб-кухня потрудились на славу — сочное, сдобренное пряностями мясо легко жевалось и побуждало к новым возлияниям.

Где-то на второй перемене блюд камердинер попросил принца выйти по неотложному делу.

— Вот, — Джуанину указали на насупившуюся девчонку. — Она из Леса вышла.

Он присмотрелся — лицо и руки в царапинах, джинсы на коленях в грязи и зелени.

— Обнаружено при ней, — ловчий показал «Полароид», носовой платок, связку ключей, початую пачку жевательной резинки, деньги бумажками и мелочью, автобусный билет, а также мятый членский билет природоохранительного союза.

— Как тебя зовут? — ласково спросил принц, убедившись, что фотоаппарат разряжен.

— Эва. Эва Пинто, — ответила она глуховато; нынешняя молодежь, даже беседуя с членами царствующих династий, не считает нужным вынуть из-за щеки жвачку.

— Я — принц Джуанин.

— Я знаю. Видела вас по телеку.

— Синьорине известно, что в такое время небезопасно гулять в Лесу?

— Да, — кивнула она, — я видела, что там творится. Я как раз хотела вам сказать...

— ...что это жестоко, недопустимо, возмутительно? — спросил принц со снисходительной улыбкой.

— А разве не так?

— Я уважаю и поддерживаю усилия «зеленых» по охране живой природы, — заговорил принц серьезней, — но считаю недопустимым столь узкий и односторонний взгляд на события. Моя охотничья экспедиция была предпринята с единственной целью — отловить и перевезти в заповедник уникальный экземпляр Белого Оленя. Только так мы можем спасти от истребления редкие виды животных. Но что в итоге? Не прошло и суток, а у нас есть убитые и раненые. Погибли люди! Вы понимаете? Вот о чем следует сообщить общественности! А вы, — принц потряс «Полароидом», — кажется, собираетесь зачеркнуть человеческие потери, презреть скорбь семей погибших! Разве можно сейчас, когда мы соблюдаем траур по людям, говорить о животных? Где ваш гуманизм? Фотодокументы, которые вы отсняли, — извращенная пародия на достоверность, которой не место в средствах массовой информации!

— Но... это правда, — попыталась возразить Эва. — Там убитые, покалеченные, отравленные газом детеныши...

— Каким газом? — возмутился принц.

— Из химических боеприпасов!

— Это ложь. Это оскорбительная ложь! Как вы могли подумать, что уважающие себя охотники способны применять отраву?! И вы собираетесь заявить об этом публично? А вам не кажется, что всякий порядочный человек вправе и обязан защищать себя от клеветнических нападок? И что он вправе пресекать распространение порочащих слухов о себе?

— Ну... — немного растерялась Эва. — Тогда... мы потребуем вызвать независимых экспертов! Пусть они определят, был газ или нет!

— Непременно, — сурово согласился принц. — Я заинтересован в этом не меньше, чем ваш союз. Когда охота закончится, я сам об этом позабочусь. А вы пока побудьте моей гостьей. — И, обернувшись к старшему егерю, Джуанин добавил: — В клетку ее. В зверинец.

— Вы не имеете права! — вопила Эва, отбрыкиваясь, когда ловчие волокли ее. — Я человек! Я на вас в суд подам!... Отпустите меня!

— О правах заговорила!.. — хохотнул хмельной егерь, услужливо поднося огня к сигарете в зубах принца. — Разузнать у нее насчет фотографий? Она быстро расколется.

— Из Леса они не сумеют их вынести, — выпустил струйку дыма принц. — Будет лучше, если ее найдут со следами зверского насилия — это материал прямо для первой полосы... Но спешить не стоит — нам надо углубиться в Лес, чтобы найти ее там.

— Постараемся, Ваше Высочество, — уверенно кивнул старший. — У меня ребята — звери, а если узнают, на кого она работает...

Принц с ходу придумал заголовок: «Девушка из «зеленых» — трагическая жертва доверия к животным».

Перекурив, он собрался вернуться в шатер, когда из темноты вышли его парни, подталкивая перед собой молодчика в камуфляжном комбинезоне.

— Это еще что такое? — Джуанин удивился обилию незваных гостей в этот вечер. — Браконьер?

— Не похож, Ваше Высочество, — заметил один из конвоиров, — выправка не та.

И верно, принц тоже отметил, что ни осанкой, ни повед-

ками этот субъект не напоминает пойманного с поличным вредителя заповедных лесов. Держался он прямо, уверенно, полувоенная форма смотрелась на нем как собственная кожа, аккуратно сложенный зеленый берет заправлен под погончик на плече — и только глаза настрожены.

— Хотел краем Леса уйти, — доложил старший, — но мы его засекали. Оружия и документов нет.

— Ну-с, любезный, — кивнул принц, поощряя парня начать оправдания, — мы вас слушаем. Какую версию своего появления здесь вы нам предложите?

— Я осматривал Лес, — соврал Гиена для пробы. — Наш клуб собирается провести военно-спортивную игру — выживание, ориентирование на местности и так далее. Случайно оказался в районе вашей охоты...

— Так-так, — согласно покивал принц. — Пожалуйста, разденьтесь до пояса.

— Меня уже обыскивали. И к тому же это незаконно...

Принц дал знак конвоирам и один из них без замаха ударил Гиену прикладом в живот. Тот согнулся со сдавленным хрипом, а когда распрямился, стал расстегивать комбез.

— Я так и думал. — Принц улыбнулся, разглядывая многоцветные татуировки на груди и плечах Гиены. — Вашего брата подводит тщеславие... Ведь надо же оставить какую-то память о своих подвигах, правда? Вся биография и послужной список — на коже.

— Но на Лес я не работал, — предупредил Гиена.

— Однако оказался в Лесу. Какими судьбами? По наводке их радио? Впрочем, это не главное. Надеюсь, вы не откажетесь дать интервью для телевидения? Скажем, завтра, с утра — чтобы пленка к вечерним новостям была на студии и пошла в эфир.

— Какое интервью?!

— Ну, нечто вроде откровенного рассказа о том, как вы нанялись к Белому Оленю. Наемник-человек на службе у зверей — это пикантно. Вы опишите, какие человеконенавистнические планы вынашиваются в Лесу, каким издевательствам подвергаются люди, оказавшиеся в лапах зверья, и как вы сами в этом участвовали. Вот и все, что от вас требуется. Текст вам приготовят.

— Это мне не нравится, — медленно помотал головой Гиена. — Я предлагал зверям свою работу, но они отказались.

— Возможно, это понравится вам гораздо больше после сухой голодовки и уговоров без слов — мои ребята умеют уговаривать.

— Ну... ладно. — Гиена поискал во рту слюну, чтобы слотнуть, но слюны не оказалось. — А потом? Вы не сможете пришить эти дела мне, суд не примет такое шитье белыми нитками.

— А потом, — сказал Джуанин, — вы исчезнете, как утренняя роса. Мы вас отпустим.

Это обещание прозвучало двусмысленно, но ни на какое другое Гиене рассчитывать не приходилось.

* * *

В зверинце Джуанина не было особых клеток для людей. Эву бросили в обычную клетку — решетчатый контейнер, приспособленный к строповке и погрузке подъемником на колесную платформу. Она забилась в угол, обняв руками поджатые ноги и спрятав лицо между колен — кожа горела там, где ее касались цепкие лапы людей принца, в ушах жгло от похабщины, а их отвратительные взгляды словно песком наполнили ей глаза.

Даже когда они, лязгнув запором, ушли и стихли их голоса, Эва долго не могла оторвать лица от колен. Казалось, что все и вся видят ее в клетке и только ждут, чтобы вновь загоготать, когда она поднимет затравленный взгляд.

Обозленные Куницы круто обошлись с ней, но то, что сделали сытые, уверенные в своей безнаказанности люди, было куда круче! Любишь животных? Вот и побудь с ними на равных — без одежды ты будешь совсем как они. И попробуй докажи, крича из клетки, что ты человек.

Тишина мало-помалу наполнилась вздохами, шорохом и шуршанием. Замершие в присутствии людей звери теперь зашевелились, забормотали полужшепотом; какой-то звереныш захныкал — мать погладила его с торопливым приговором.

— Э-э... — Эва пугливо дернулась, когда ее кто-то тронул за плечо. Растрепанная рыжая Лисичка прислонилась к ре-

щетке, вцепившись пальцами в прутья. — Ты что — человек, да?..

Эва кивнула.

— А зачем тебя — сюда?

— Я... была в Лесу с другом. Мы собирали фотоматериал о том, что натворил принц.

— Фотки целы? — Лисичка всунулась лицом в ячейку решетки.

— Да... наверное, целы. Их должны переправить в газету.

— Молодцы вы... — Нерешительно помявшись, Лисичка пропустила руку между прутьев: — Дай лапу.

Они с невеселыми улыбками обменялись рукопожатием и придвинулись поближе друг к другу; к диковинной соседке поневоле подтянулись и матерый Лис, и худая Лиса.

— Олень жив?

— Жив. — Эва рада была поговорить, почувствовать, что не одинока, но подарок Волчка за щекой мешал, и она вынула отмычку изо рта. Лисьи глаза удивленно и заинтересованно изучили странный металлический крючок в пальцах девочки.

— Это ключ, — одними губами произнесла Эва. — Ключ к любому замку. Но я не умею...

В проходе между клетками опять затопали. Эва и Лисы отпрянули от решетки, отступили к задним стенкам.

— Куда его?

— Давай сюда. — Ловчие отперли клетку в противоположном ряду и втокнули внутрь рослого парня в полувоенной форме.

— Не врубаюсь, — краем рта прошипела Лисичка, — на кого принц охотится? Этот — не из его людей...

В слабом свете фонаря, что освещал проход, Гиена приоткрыл глаза к заключенным импровизированной тюрьмы. Сплошь звери. Вот только... Напротив, чуть наискось — вроде бы из дочерей Евы, но в полутьме толком не разобрать.

Он просто оценивал обстановку — и обзор только добавил ему камней к тяжести на душе.

Звери сдали его людям — и ладно бы за дело! За слова, из вредности сдали, чтоб ему солоно пришлось. А принцу зверячья выходка оказалась в масть — отснять его наколки ка-

мерой «Панасоник», из-под палки заставить оболгать этот захранный Лес и себя самого, только ради того, чтобы кретинская аудитория ТВ хлопала принцу в ладоши, когда тот накроет Лес ковровым бомбометанием. И если потом хватятся — где ж тот наемник? — пресс-секретарь Джуанина, поддыгало поганое, бесстыже поморгает в камеру и с достоинством ответит: сбежал наемник. Испарился яко дым. Не уследили. Решетку разорвал зубами — и утек.

А он, о котором идет речь, будет гнить в скотомогильнике.

Гиена чуть не зарычал от бессильной ярости. Он был зол на всех — на себя, на зверей, на принца. И надо ж было ляпнуть тогда Оленю про этот приплод!..

Он долго сидел, погрузившись до оцепенения в свою злую тоску и безнадегу, пока не услышал тихий звук металла, царапающего металл. Что это?

На другой стороне Лис и девчонка — теперь видно, какой она породы, — с опаской и оглядкой пытались что-то сделать с замком клетки.

— Не получается... — донеслось до него.

— Дайте мне, у меня получится, — громко прошептал он, припав к своей дверце; девчонка и Лис недоверчиво посмотрели на него, переглянувшись.

— Дайте! — Он вытянул руку. — Кидайте сюда, я подберу.

— погоди, Эва. — Лис придержал девочку, уже готовую бросить ему отмычку. — Слушай, человек, ты должен освободить нас всех...

Гиена представил, сколько времени займет эта возня, и выругался шепотом.

— Если ты вздумаешь уйти один, — продолжил Лис с расстановкой, — мы поднимем крик — все, хором. И тебя схватят. Ну что, согласен?..

Быстренько обдумав ситуацию, Гиена принял условия Лиса, и Эва, рассчитав бросок, кинула к дверце его клетки драгоценную вещицу. С хмурой сосредоточенностью Гиена поколодовал над своим замком — и под вздох зрителей выбрался из клетки.

Однотипные замки открывались легко.

— Куда теперь? — За его рукав, как за спасательный круг, уцепилась та девчонка, Эва.

Да, это был вопрос! Проход, по обе стороны которого стояли сомкнутыми рядами клетки, был открыт только с одного конца — другой был перегорожен дощатым щитом. Сам он легко перескочил бы, но выпущенные им из клеток звери словно налагали на него командирские обязанности и чуть не в рот смотрели — что он скажет? Убирать щит — много шума, надо воспользоваться открытым выходом из зверинца.

Необъяснимым образом Гиена понял, что не сможет бросить эту ораву толпящихся в проходе. Они — пусть не без шантажа — негласно выбрали его предводителем и одним видом своим требовали, чтобы он командовал и распоряжался. Они дали ему власть над собой — и он ее принял, хотя эта власть сильно сковала его. Их было слишком много, чтобы он отказался от роли лидера.

Он плотно нахлобучил на свою стриженую голову берет — очень кстати, что его не отняли! — смачно плюнул себе под ноги и, намешав пятерней немного грязи, растер ее себе по лбу и щекам на манер лесного рейнджерского макияжа — такие узоры на рожах носил кое-кто из людей принца. Вот так, с первого взгляда никто не признает в нем парня из клетки, а второго взгляда не будет.

— Пошли. — Он крепко взял Эву выше локтя. — Неплохо бы тебе распустить нюни, но станешь орать — первой шею сверну. Ясно? Держись рядом и делай что скажу. Эй, вы! Все! Когда свистну — выбегайте без суматохи и дуйте в Лес.

Они прошли под фонарем — Эва играла почти натурально, хныча и вырываясь, — и сразу напоролась на празднично-шатающегося охранника с автоматом на боку. Тот пригляделся к ним, понимающе ухмыляясь, а Гиена пошел прямо на него, волоча Эву.

— Браток, дай закурить, — он охлопал свободной рукой карманы, — в палатке забыл...

Эва ахнула, затыкая рот кулачком, когда Гиена отпустил ее и бросился на автоматчика.

Вынимая из подсумка и рассовывая за пояс магазины, Гиена пронзительно свистнул — звери гурьбой рванули из зверинца, сразу сворачивая налево, к Лесу, — а потом крикнул Эве:

— Беги с ними, я прикрою! Пригнись!

Он действовал быстро и хладнокровно — перевел автомат на одиночный огонь и первыми выстрелами погасил ближайшие фонари: незачем торчать на свету вроде мишени. Затем настал черед выскочивших на звук охранников — Гиена бил только тех, кто с оружием, по старому пиратскому правилу: «Сначала убрать офицеров и канониров». Ему удалось занять неплохую позицию — за углом зверинца, но было ясно, что пробиться к стоянке автомобилей и мечтать не стоит: слишком много людей у Джуанина, и через минуту-две они скоординируют свои действия. Сейчас важно было не дать себя окружить, не подставить спину — и вовремя отойти...

Прожектор! Вспыхнув, чаша белого огня повернулась на штативе, обводя режущим глаза лучом пространство между ручьем и лагерем, нащупала колышущиеся спины и затылки беглецов и с грохотом погасла, когда по лампе и зеркалу ударила очередь Гиены.

Крики, топот, сумятица — и трескучий перестук автоматов. В короткой паузе Гиена взметнулся на крышу ближайшей клетки, пока противники били по углу и, пользуясь преимуществом высоты, заставил замолчать еще двоих.

...И заметил странное — охранник, перебежкой меняя укрытие, словно ухнул в яму, нелепо взмахнув руками, — дерн просел по краям неровно круглой дыры, в которой он исчез; потом в дыре мелькнула, высунувшись на миг, ребристая строительная каска — и оттуда вылетела, кувыряясь, словно бы граната с горящим фитилем.

Плеснуло жидкое пламя, обливая залегшего автоматчика. Тот вскочил и заметался с воем, покатился по траве, пытаясь сбить с формы огонь.

Ага! Еще!.. Две, три вспышки! Гиена радостно оскалился, мысленно — как спец — одобрил выдумку лесной братии. По подкопам — в тыл, удар прямо по лагерю! Не слабо! Долго эта вылазка Кротов не продлится — силы неравны, но ходить теперь будут ощупью!..

Все, пора в лес. Он спрыгнул с клетки и с оглядкой понесся в темноту, к ручью. Другого пути к отступлению у него не было.

* * *

Ужин пошел насмарку. И это еще не все: минута в минуту с побегом зверья — как сумели? — в семи местах лагеря из земли через подкопы вышли Кроты и, бросив бутылки с зажигательной смесью, ушли снова в землю, а периметр в самом слабом его месте атаковали Медведи с карабинами. Принц орал, брызгал слюной, рассылал людей не только по делу, но и по матери, а затем сел в вертолет и улетел на подмогу к своим, которых Медведи уже сильно теснили на позиции.

О, главный козырь он не упустил, отнюдь нет! Клетка с Ланью стояла не в зверинце, а рядом с псарней, под надежной охраной, закрытая тентом. Но удар зверья был силен — сильнее, чем он мог ожидать. Лагерь он велел прочесать с собаками — не притаился ли кто из лесных, выбравшись из кротового тоннеля? — а ходы Кротов обвалить.

Охота затягивалась — его люди несли потери, а до цели было так же далеко, как и вначале...

«Ничего, — успокоил себя Джуанин. — Завтра у меня будут две машины воздушной поддержки. Для начала протравлю реку, затем Лань — после всего случившегося придется ею пожертвовать, чтобы хоть кто-то заплатился перед охотниками, — а потом массированная атака по земле и с воздуха. Олень здесь, иначе кто так управляет зверьем, а после забоя Лани он сам будет искать схватки. И он ее получит...»

То, что наемник сбежал, принца мало тревожило — этот не из тех, кто любит выступать публично, этот промолчит. Но девчонка...

Надо распорядиться, чтобы она не ушла живой ни в коем случае.

* * *

Не всем беглецам удалось войти под сень Леса, хотя снайперы Джуанина и отвлеклись на заваруху в лагере. Пущенные наобум очереди охотников и огонь винтовок с ночными прицелами «упырь» оставили восьмерых лежать на кочкогатом берегу. Семеро были ранены тяжело — их пришлось нести, — и трое легко, эти добирались до Леса без посторонней помощи. В руку навывлет клюнуло Лисичку. Эва

увидела это на бегу, но перетянуть рану было нечем и некогда, она только замедлила бег и держалась рядом, чтобы рыженькая не осталась одна.

В Лесу они встретили отряд прикрытия — Волков и Енотов. Было ясно, что Кроты сделали свое дело и ушли подземными ходами. Теперь отряду предстояло быстро отвести беглых в глубь чащи — лагерная сволочь не пустила следом собак, нутром чуя, что ночью в Лесу можно без толку ополовинить псарню.

Отступали лесные быстро, молча, но к горечи утрат теперь примешалась и злая радость — наконец удалось потрепать воинство принца! Не так он и силен с вертолетами и минами!

Эва спешила, стараясь не отстать от быстроногих зверей и не обращать внимания на боль в исколотых, ободранных о корни босых ногах. Никто не ободрил ее, никто не сказал ни слова — ее просто приняли в компанию, и все. Она устала не только идти размашистым шагом, но даже и думать, когда кто-то придержал ее за плечо:

— Пришли. — Это был плечистый Волчище, а темные тени вокруг были хижинами. — Вон там, — указал он, — есть где лечь, отдохни.

— Н-нет, — помотала головой Эва, — я сперва Лисичке помогу.

— Валяй, — без одобрения, просто и устало ответил Волк. — Раненые там...

Показав ей кивком направление, он скрылся в темноте.

* * *

Второй раз Белый Олень и Гиена встретились при копилке, у стола с разложенной картой, и вновь в присутствии Рыся. Росомаха, как и собиралась, ушла с Рысей, и, судя по настроению девчат, одному из постов на периметре не суждено было дожить до рассвета.

— Прогнали одного, пришел другой, — спокойно ответил Олень, протягивая наемнику руку. — Спасибо тебе за наших, парень. А за старое зла не держи.

— Хочется все же тебе врезать, — сказал Гиена, пожимая руку Оленю.

— Врежь, только ведь я отвечу, и крепко.

— Ладно, разменялись. — Гиена бухнулся на табурет, положив оружие перед собой на стол. — У меня полмагазина и один полный. Говори, что делать.

— А у нас денег-то нет, — криво хмыкнул Рысь.

— А я для хохмы поработаю задаром.

— До коих пор? — Олень сел напротив.

— До похорон Джуанина.

— Это мало. — Олень потер наметившуюся на подбородке щетину.

— Чего же больше?

— Вообще-то словам веры нет, — задумчиво прищелкнул языком Олень, — но есть слова, которые нельзя нарушить безнаказанно, даже если никто не следит за их соблюдением. Пойди и скажи Лесу, что ты никогда не причинишь вреда живущим здесь. Тогда мы тебя примем.

— Кому сказать? — не уловил Гиена.

— Лесу.

— А... Что именно?

— Да что на ум придет, только честно.

— Хм... Ну а если...

— А если обманешь — тогда лучше в Лес тебе не входить. Ни в наш, ни в какой другой.

— Ну а если я откажусь?

— Заберешь свои полтора магазина и пойдешь воевать один, — вставил Рысь. — Сам по себе. Ни мешать, ни провожать не станем.

— Попробую сказать. — Гиена поднялся. — Один в поле не воин.

— Мы будем здесь, — промолвил Олень ему вслед.

* * *

Предвидя важность процедуры и не желая быть на виду, Гиена отошел от строений подальше — туда, где Лес был особенно тихим. Лес словно ждал его, но ждал настороженно, недоверчиво.

Гиена постоял молча — нужные слова никак не приходили на ум, а трепаться впустую он не любил. Лес веял на него запахом трав и листвы, сухой коры и ночных цветов.

— Я не охотник, — наконец вымолвил Гиена, сам над собой насмехаясь в душе — что за дурь? Лесным колдовством решил заняться, как пацан... Неужели это кто-то услышит и примет как обещание? — Я не охотник, — повторил он, точно зная, что не врет. — Никогда этим не увлекался. Так вот, тут я никого не убью и зазря пальцем не трону.

Ответа не было — Лес молчал, ожидая еще чего-то, пока не сказанного.

— Я хотел сказать, — уточнил Гиена, — не только здесь, но и вообще — ни в каком Лесу, сколько их ни есть. Честное слово.

Лес вздохнул, зашелестел — или то был порыв ветра? Напряжение и неловкость Гиены как рукой сняло.

— Ну, все. — Гиена сдвинул берет на затылок. — Значит, поговорили...

— А мне ты ничего сказать не хочешь? — мягко проурчал голосок сзади. Гиена крутанулся винтом, принимая боевую стойку и готовый въехать ногой в любую подвернувшуюся челюсть. Изящно подбоченясь, позади стояла Росомаха и посмеивалась сквозь сжатые губы, щуря глаза.

— Ты, с-стерва... — выдавил Гиена. Он тут всерьез зарекается не губить зверей, а эта тварюга за спиной хихикает!

— Но-но! — Росомаха отпрянула гибким движением. — Ведь обещал зазря не трогать... Я ведь... м-да... по следу пришла, на два словечка...

— Ну?!

— Ну, раз уж так... — Она поискала глазами вверху что-то такое, чего там отродясь не было. — Короче, мы в расчете, да? Ты не в обиде? Ты что, — разъярилась вдруг она, — в натуре ждешь, чтоб я тут извинялась?!

— А-а, ты насчет ножичка, — процедил Гиена, нехорошо улыбаясь. Нож Росомахи он помнил — совсем недавно она так близко его показывала, что любой суд признал бы это за угрозу оружием. — Я принимаю извинения только в письменной форме, но для тебя сделаю исключение. На колени — и в голос.

— А хи-хи не хо-хо?! — совершенно взъерепенилась Росомаха. — Иди ты в баню!..

— Только с тобой, — схамил Гиена — и едва не пропус-

тил удар ногой. Обиженная лесная деваха была не шутя, в полный контакт, но и Гиена знал кой-какие блоки и выпады, так что махала Росомаха в основном по воздуху, в котором изредка мелькал Гиена.

— Вертлявый! — фыркнула она, отпрыгнув и опять приняв стойку.

— А то! — в тон ответил Гиена.

— Заболталась я с тобой. — Стойка единоборца плавно сменилась у Росомахи стойкой манекенщицы. — Чао, придурок!

— Про должок не забудь! — бросил ускользящей тени Гиена.

* * *

Эве пригодились скудные познания по доврачебной помощи — там, где Бобр пользовал раненых, она лишней не оказалась. Нашлись для нее и стоптанные кеды, и брюки (Слону впору), и рубашка с отпоротыми рукавами, ожидавшая разжалования в половые тряпки, но это все же лучше чем ничего.

Только она наметилась упасть куда-нибудь мешком и задрыхнуть, как вдруг, будто чертик из шкатулки, перед ней выскочил запыхавшийся Волчок, от неудержимой радости скалясь широоченной улыбкой и откровенно горя счастливыми глазами.

— Ну, ты! — он не нашел других слов для приветствия. — Как сама-то? Слышь, у меня кофе есть, горячий — хочешь?

Словно не дрались над Псом, и фляжку не он ей швырял!.. Но встреча была так приятна Эве, что и ее радость открылась навстречу легким, слабым, светлым смехом устало человека, и она качнула головой — пойдем!..

Кофе и впрямь оказался огненным, а заварен был — чтоб мертвого поднять. Эва, обжигая губы и пальцы, пила маленькими глоточками из крышки термоса, а Волчок говорил быстро, будто боялся, что в паузе она скажет что-нибудь наотрез:

— ...ты понимаешь — наши стали сюда просачиваться! Мало, правда, пришло, но команда подбирается — на отрыв! И оружие подтаскивают — вон Вук, наш родич с Боснии, че-

го-то приволок такое... — Он показал руками, как рыбак — сорвавшуюся щуку.

— Так скоро?.. Как он успел?

— У нас свои дороги, — жестом старого партизана успокоил Волчок, — получше ваших, а границ мы не знаем... Эх, подольше бы продержаться! Может, и русские, и шведские волки придут — эти тоже крутые. Ну, в общем — все за Оленя и Лес, даже герр Татцельвурм с Альп приполз...

— Татцельвурм? — ахнула Эва, округлив глаза. — Он же реликтовый, его ученые ищут — ему нельзя в бой!..

— Ага, значит, все же — бой? Сообразила, что иначе с принцем не договоришься?

Эва вздохнула, сжимая стынувшую крышку в ладонях. Что-то сдвинулось в мыслях — еще днем она была убеждена, что взаимопонимания можно добиться путем переговоров, но после того, что с ней сделали...

* * *

В штабе Оленя было накурено и шумно. На Гиену поглядывали косо, но после зарока он стал лесным гораздо симпатичнее — и о делах с ним говорили как с равным.

Боснийский Вук всех просто очаровал — когда распустил ремни на длинном тяжелом свертке и раскрыл кодовый чехол, Рысь даже присвистнул.

— Это «стингер», — коротко отрекомендовал оружие Вук. — Переносной зенитный комплекс. Мне его подарил Снежный Барс с Гиндукуша — он там распотрошил людской тайник в горах, а я дарю вам.

Реликтовый Татцельвурм, занесенный в людские книги под знаком вопроса и поименованный натуралистами-криптозоологами «европейским ядозубом» — по предположительному родству с американским ядозубом Жилатъе и мексиканским Эскорпионом, — неторопливо покуривал в углу короткую трубочку, набитую душистым табаком; огонек коптилки отражался в его выпуклых глазках. Как он доковылял сюда на кривых коротких ногах? Глядя на Татцельвурма, слыша его медленное шипучее дыхание, теплокровному молодяку невольно хотелось жить еще горячее, любить еще жарче, лишь бы не уподобиться этому ползучему реликту,

пережившему свою эпоху. Но старик приполз не умирать в дом престарелых: при нем был аккуратно вычищенный и заботливо смазанный немецкий пистолет-пулемет времен последней войны. Вук, из вежливости спросивший Татцельвурма о здоровье, неожиданно узнал, что его собственный прадед, сбежав из зоопарка в Граце, партизанил в ту пору именно с этим альпийцем, в одном отряде.

— Тот Вук был хороший боец, — пыхнул трубочкой Татцельвурм, — настоящий горец. Вы, Вуки, я знаю, умеете защищать свои логова и братьев в беде не бросаете.

С городских свалок, с помоек, из подворотен в Лес пробралась дружная стайка молодых Бездомных Псов — худые, нечесаные, грязные, в репьях, они пахли бензиновой гарью и походили на панков; долговязый вожак — помесь колли с дворнягой — то и дело дергал головой, и цепи на потертой кожанке бряцали в такт нервному тикю.

— К-кароче, — заявил он за всех, — мы б-будем д-драться. За Лес. К-кто не сдохнет — ост-тается жить у вас.

Псы и их подруги показали оружие — ножи, кастеты, цепи, пару нунтяку, а Заика — револьвер.

Рысь поморщился на Заику, Заика на Рыся, и Рысь велел им выбросить всю наркоту, включая сокровенные заначки. Бездомные порычали, но послушались.

От семейства Собачьих явился еще взбудораженный своей решимостью черный Пудель, стыривший у хозяина охотничий дробовик и патронташ, — этот все трогал себя за нагрудный карман с фотографией хозяйских детей-близняшек, от которых он ушел, едва не плача. Сломав зуб, перегрызла цепочку и прискакала в Лес красавица Пума — любимица жены какого-то генерального директора; она прихватила с собой карманный «браунинг» госпожи, пару коллекционных кинжалов и ятаган.

Белый Олень оглядывал пришедших, расспрашивал — и принимал.

Никто не пойдет в осажденный Лес ради забавы или встряски нервов, зная, что войти туда можно кое-как, а выйти — совсем никак. Сейчас годилась любая помощь — и сухое молоко Эвы, и ятаган Пумы.

Но организационная суета понемногу стихала — Оленю

доложили, что конвой со зверятами благополучно прошел периметр и добрался до Буреломной Пущи, что Медведи отступили с малыми потерями, что в лагере принца удалось взять немного оружия, да еще три ствола принесли Рыся с Росомахой, что человечьего подростка с фотографиями проводили до безопасной дороги в город. Оговорив все дела, Олень велел Рысю разбудить себя через два часа, а при необходимости и немедленно — и лег (точнее, упал) на койку.

* * *

Сон, добрый сон простерся над Лесом, разлился тягучей дремой, отяжелил веки, объял усталой истомой тела, наполнил мысли неудержимым желанием спать, спать, спать...

Приоткрыв рот, постанывая, спал Олень — и во сне бежал по выгоревшему, сожженному Лесу на далекие крики Лани, терявшиеся в едкой гари, и ноги вязли в пепле, будто в болоте.

Волчок и Эва долго шептались, но сон поборол в них кофейную бодрость, повалил рядом — они успели найти в темноте руки друг друга и поплыли вместе по медленному волнам серебряного лунного моря.

Гиена, взваливший на себя многотрудные обязанности военного советника, занял за столом опустевшее место Оленя и совещался с командирами боевых отрядов — надо было уточнить в деталях план Белого, а без звериного знания Леса тут было не обойтись. Говорили и Волки, и Медведи, и Туры, добавил кое-что и Рысь; с вниманием выслушали Вука, чей род волей-неволей уже не впервые был замешан в людских войнах; пару слов по теме проронил Татцельвурм — дед оказался куда головастей, чем можно было подумать на первый взгляд. Гиена подвел в уме итог — лесное войско пестрое, рьяное и необстрелянное, но другого нет, и потому первое — не терять связи, чтоб не рассыпаться на действующие вразнобой кучки. Кротам вести тоннели под лагерь с новых направлений. Куницы зашли в тыл противника и ждут сигнала? Отлично, а для завязки боя создадим группу из Бродячих и Пуделя — этим взять дымовые шашки и коктейль Молотова. Пусть принцева сволота боится шаг ступить из лагеря. Не давать им ни минуты покоя!

— Наши патрули все на связи? — осведомился под конец Гиена, и Дятел кивнул — ему хватило провода, чтобы разнести по Лесу несколько полевых телефонов, переделанных из детских игрушечных.

— Собирать их донесения каждую четверть часа. Приготовить снаряжение, поесть — и спать. В три часа выходим.

Заснул он сразу, сунув под голову сумку с бинтами; он не видел, как ему улыбнулась одними глазами Росомаха, бесшумно проходя мимо, не слышал, как Пума льет оливковое масло на клинок ятагана, чтоб тише выходил из ножен, и как Рыся щелкает трофейным «узи». Вскоре легли и они. Один Татцельвурм, прикрыв перепонками глаза, остался бодрствовать у коптилки, да бессонный Дятел переговаривался с постами охранения.

Гиене снилось, что он снова стоит в Лесу, окруженный деревьями, а они смотрят на него. Ох как смотрят! Он был рад попятиться, но некуда — сзади тоже деревья.

Что вы уставились? Я все сказал!

Нет, — шевелил листву ветер.

Ты охотился на людей, — шептала трава.

А вам-то что?

Ты убивал.

Я боец, но не каратель, — объяснял он. Поймут ли?.. — Я детей не трогал, по женской части не марался. Я человек, а не скот...

Да, человек, — промолвило раскидистое дерево, — но до скота тебе недалеко, если считаешь, что одних людей можно убивать, а других нет.

Я так не считаю... — пробовал возразить он.

Считаешь. В своей стране ты вел себя как человек, но когда тебя звали поохотиться в чужие земли — охотно ехал, оставив имя Человека дома и прихватив только остаток совести. Скоро ты потеряешь его где-нибудь в аэропорту или забудешь в камере хранения, а на других людей будешь смотреть как на дичь только потому, что они грязнее тебя или беднее твоих нанимателей. А человечесью маску ты будешь одевать на родине, чтобы люди не пугались твоих клыков.

Хватит! — оборвал он шум деревьев. — Не вам меня учить!

Не нам... не нам... — затихал Лес, и Гиене вдруг стало страшно — то, что говорило с ним, исчезло, но слова все звучали в голове. Он побежал, запнулся о корягу, но успел смягчить падение, выбросив руки вперед. И ладони заскользили по закраине ямы со стоячей водой, из водяного зеркала к нему метнулась оскаленная морда в жесткой шерсти и остановилась нос к носу. Тут он понял, что видит себя, закричал, вскочил, сжал голову ладонями...

— Э, ты чего? — потрясла его за плечо Росомаха, когда он с криком проснулся и сел. Он встrepенулся, сбрасывая с себя ее ладонь:

— Отвянь! Без тебя тошно...

— Лес испытывает тебя, — покачала она головой, глядя печально и понимающе. Куда девалась прежняя крутость?

— Что ты тут разлеглась — для тепла поближе? Ведь не холодно, — сощурился он, а сердце все не унималось, все стучало изнутри о ребра.

— Да так. — Беззаботно тряхнув волосами, она поднялась и стала заправлять гриву под платок. — Скоро время, пора... Рыська, вставай, — потормошила она подругу.

С легкой Росомахиной руки зашевелился весь лесной табор, спавший вповалку. Олень встал чуть раньше — они с Рысем проверяли оружие.

— Доктор! Бобер! — Вопль поднял Эву, и Волчок тоже вскинулся. Бегом несли кого-то на носилках, а Бобр, мгновение назад спавший, уронив голову на стол, уже спешил на встречу, заправляя дужки очков за уши.

Маленькая Выдра бессвязно бормотала, металась, задыхаясь, мордочка у нее странно розовела.

— Из реки напилась. А мать-Выдра... — Барсук безнадежно махнул рукой.

Бобр засопел — его родня и детишки тоже были на реке.

— Мы всех упредили насчет водопоя... И водозаборный насос застопорили. Что с ней?

— Давайте зонд, — буркнул Бобр, — и раствор марганцовки. Эва, помоги — надо промыть желудок. Быстро ей метиленовую синьку — в вену, пятьдесят кубов. Многие пострадали?

— Да, их несут сюда.

— Бегите к Оленю, — вскинул глаза Бобр. — Надо разрушить Бобровую Плотину.

— Как можно?! — оторопел Барсук. — Строили-строили...

— В реке отравы, что-то цианистое. Выше плотины яд накапливается — надо дать воде сойти, смыть все. Пить только из родников. Выполняйте!

От новости, принесенной Барсуком, Гиену замутило, и он невольно сплюнул, словно во рту уже запахло горьким миндалем. Ну, принц...

— Й-ад? — Заика облизнул желтые зубы. — Живод-де-ры, п-пас-куды... П-пашли, ребя!

Пришлось пересмотреть план — часть народа Олень отправил на расширение стока в Плотине, а Росомаху с ее девушками бросил на поиски отравителей вверх по течению. Расставание отрядов было коротким и деловым — хлопки по плечу, быстрые рукопожатия, проверка связи, подгонка ремней. Росомаха — замоталась так, что одни глаза на лице, — протолкалась к Гиене и серьезно подала руку.

— Свидимся — сочтемся.

— Договорились.

Винтом завертелся Волчок, зыряка то на медпункт, то на Оленя — его разрывало от желания и драться, и остаться с Эвой. Равновесие страстей нарушил Заика:

— Волчара, б-браток, д-давай с нами! Мы их г-голыми руками...

— Ага! — твякнул Пудель. — Устроим шор-р-рох! — В его звонком голосе слышалось рычание диких предков.

— Иди, — поймав его взгляд, кивнул Олень.

* * *

— Боевые вертолеты на подходе, Ваше Высочество! — козырнул радист.

Джуанин, обнаженный по пояс и разутый, сидел на табурете, внимательный медик делал ему акупунктуру — чтобы снять нервность и усталость, медсестра массировала активные точки на ступнях.

— Перед посадкой пусть пройдут над Лесом, — велел принц, — но пока не стрелять.

Он обдумывал, как бы подольше убивать Лань — теперь, после вылазки Кротов, все обещания, данные лесным жителям, недействительны; пусть вместо уговоров послушают через усилитель ее предсмертные крики. Это надежное средство, должно подействовать; часть парализует страхом, часть поднимет на безумный порыв — тем лучше.

Принц не замечал, как намерение красиво поохотиться пожухло и слиняло в пылу разгоревшейся жажды уничтожения.

Две узкие, длинные, будто летучие крокодилы, темные машины пронесли над лагерем с оглушительным рокотом и свистом рассекаемого лопастями воздуха — и лагерь приветствовал их дружными криками. Вот это техника! Будет зверям потеха!..

Крякнув, Вук поднял «стингер» на плечо и припал бровью к мягкой окантовке прицела. Первая позиция — щелкнул палец — поиск, вторая — щелк! — цель зафиксирована, третья — пуск...

— О, дьявол! Пресвятая дева! — возопил пилот, увидев, как из мрака навстречу ему несется смерть с ярким хвостом. Он резко взял вверх и в сторону, но ракета повторила маневр и впиалась острым носом в манящую теплом турбину.

В небе над Лесом ударил гром и вздулся огненный пузырь.

Второй вертолет тотчас пошел на разворот, прижимаясь брюхом к верхушкам деревьев.

— Ваше Высочество, номер первый сбит! — дребезжа голосом, докладывали с борта. — Сбит зенитной ракетой! Вы не предупреждали, что в Лесу есть такие средства поражения!.. В подобных случаях нам предписывается вернуться на базу и ждать дальнейших распоряжений командования!

— Я — ваше командование! Немедленно вернитесь! — неистовствовал принц, с которого как рукой сняло благотворное действие иглоукалывания и массажа. — Разрядите все стволы по Лесу! Я вам приказываю!

— Позвольте возразить, Ваше Высочество. — Из жестяного голос командира номера второго стал тупо-деревянным. — Мы приданы вам для содействия охоте, а не для ве-

дения боевых действий. Мы вынуждены следовать установленным инструкциям...

— Можете считать себя уволенным! — рявкнул принц и отбросил наушники с такой силой, что тонкий стебелек микрофона сломался.

Страшно стало охотникам, когда принц вырвался с перекошенным лицом из палатки радистов. Они слышали его переговоры с воздухом и поняли, что летуны струхнули, поддержки не будет. Это было слишком! Ночь еще не прошла, небо на востоке едва начало светлеть, а в лагере никто и не ложился. Они тушили пламя, разбросанное Кротами, проверяли землю щупами в поисках кротовых ходов и прочесывали лагерь, высматривая затаившихся диверсантов. Неизвестный зверь с автоматом, освободивший своих из зверинца, уложил пятерых насмерть и семерых ранил, одному свернули шею Кроты в подземелье, многие получили ожоги. Пришлось вернуть оба санитарных вертолета, чтобы вывезти пострадавших... А теперь — вдали в Лесу огонь хлопотал над останками боевой машины, бросая багровые отсветы на клонящийся под ветром пышный султан черного дыма.

Суток не прошло с начала охоты — и столько потерь! Поганое зверье подстерегало за ручьем, нападало в темноте, нападало — и откатывалось, исчезая в Лесу, как в дыму. Охотники считали только своих убитых, а из зверей убитыми видели лишь тех, кого удалось подстрелить при побеге. Это охота?! Это развлечение?!

Принц вышел прямо навстречу сомкнувшейся толпе. Многие еще с вечернего налета надели каски и кевларовые жилеты. Они не сговаривались — просто такая охота вызвала у всех одинаковые чувства и одинаковые претензии к предводителю.

— Сколько можно! — заревело сборище. — Вызывайте самолеты, принц! Прикажите начать артподготовку! Поджечь Лес с наветренной стороны! Пусть огонь гонит их на нас — мы встретим! Вызовите подкрепление! Долго нас будут здесь класть?! Дайте нам Лань — выпотрошим ее живьем!..

Последний вопль встретил бурное одобрение — на ком еще сорвать злость, как не на пленнице? Идти в Лес и мстить

за своих в бою? Ну нет, это опасно, себя лучше побережь, а эта беспомощная животина под рукой, вот пусть и ответит за все своей кровью! Что Лань пришла к людям по своей воле, желая купить жизнь за жизнь, свободу за свободу и прежде вызывало смех, а сейчас вовсе было забыто.

— Лань! Давайте Лань! — напирала охотники, и принц решил разрядить атмосферу.

— Хорошо! — вскинул он руки в успокаивающем жесте. — Я дарю ее вам!

Легко было принцу дарить то, что никогда ему не принадлежало, — жизнь свободнорожденного существа! Напряженное рычание толпы сменилось восторгом — выкрикивая благодарности щедрому господину, толпа полилась в сторону псарни.

— Затравить ее собаками! Уши гадинеотрежем и накормим псов!.. — Что только не приходило охотникам в голову, какие только мысли не выплескивались вслух!

Лань это слышала — и что она чувствовала, объяснять не стоит; от растерзания ее спасли чьи-то неловкие руки, уронившие ключ от клетки, который был тут же затоптан в толчее, но другие руки тянулись к ней через прутья решетки...

Тут хлопнули первые разрывы бутылок с огненной смесью.

От границ лагеря до невысоких густых зарослей, обрамлявших Чистое Урочище с двух сторон — третья открыта, — было метров по семьдесят с каждой стороны. Бутылки летели недалеко, но огонь растекался по траве, сливаясь в пламенные заслоны, и тепловые прицелы сразу стали бесполезны, а когда с наветренной стороны через огонь полетели дымовые шашки, стрелкам изменили и собственные глаза.

— Занять круговую оборону! — загремел принц. — К бою! Огонь по кустарнику!

Сквозь переполох он побежал к радиостанции, но застал, увидев, как внутри палатки полыхнуло и вместе с воплями радистов из нее выплеснулось пламя.

— Внимание под ноги! Они проложили новые подкопы!..

— Вы окружены, — глухо прокаркал за огненной стеной старенький мегафон, вызывая на себя суматошные выстрелы. — Приказываю сложить оружие и сдаться. Сопrotивление бесполезно. Выходите к ручью с поднятыми руками.

Кто-то прыгнул в джип и, не слыша окриков, понесся к третьей, открытой стороне — туда, откуда приехал вчера караван принца, — но две короткие очереди сделали машину неуправляемой. Виляя, она запрыгала по кочкам и перевернулась.

— Сколько вас еще надо убить, чтобы вы поняли? — хрипло спросил мегафон.

Из неслышно открывшегося подкопа выглянул герр Татцельвурм и мастерски прострочил несколько повернутых к нему спин и затылков, прежде чем нырнуть обратно в родную стихию темной норы.

— Вы окружены и сверху, и снизу, — продолжал вещать рупор, укрытый от пуль за пнем, заставляя охотников ошупывать землю под ногами и затравленно озирать тьму над головой — кто там? Бесшумные Совы с зажигалками в когтях?..

Олень добился своего — охотники не знали, откуда будет нанесен удар, они были растеряны, охотничьи кони тревожно ржали и рвались с привязи, псы жалобно скулили в вольере... Пожалуй, один принц сохранил достаточно самообладания, чтобы принять верное решение.

— Олень, у нас твоя Лань! — хрипу мегафона ответил громовой рев акустической установки. — Один выстрел с твоей стороны — и она мертва! Ты слышишь?! К ее горлу приставлен нож!

И это была правда.

— Вот мои условия, — импровизировал принц, пока старший егерь щекотал шею Лани широким лезвием. — Мы организовано уходим с оружием на машинах, и ты не преследуешь нас. Я оставляю Лань в десяти километрах отсюда, на развилке шоссе...

— Правда, не целиком, — пошутил егерь вполголоса. — Голова пойдет нам в коллекцию.

Рот у Лани был заткнут, руки скручены, а глаза — будь они огнями — прожгли бы егеря насквозь.

— Ты принимаешь условия?! Да или нет?..

Кашляя, Татцельвурм выбрался из земли — охотники, пусть с опозданием, кинули в подкоп свою дымовуху; Кро-ты — хоть и в респираторах — тоже давились дымом.

— Да или нет?!

— Куда?! — Рысь попытался сгрести Волчка за шиворот, но юркий паренек оказался проворнее — шмыгнул в нору, только его и видели. Глаза у него сразу заслезились, и он едва не лоб в лоб столкнулся с ползущим Кротом.

— Прямой ход есть туда? — показал Волчок.

— Не, — замотал головой Крот, — не лаз! — Но Волчок сдернул с него респиратор и очки-консервы, нахлобучил на себя и зашуршал вперед. — Во, бешеный! Вернись!..

— Да, — всхрипнул мегафон.

— Кончать ее? — осведомился егерь.

— Не сейчас.

Волчок подвысунулся макушкой из дымящей ямы, сбил на лоб очки — только бы не заметили! Нет, все сгрудилось у автобуса с рупорами на крыше... Который принц? А, вон он, распоряжается, тычет руками... Рядом верзила держит Лань — у него пистолет в кобуре, а принц без оружия...

Вскинув нож в ладони, Волчок примерился и метнул — как раньше метал для тренировки в чурбак.

Лань почувяла, что егерь странно дернулся и отвел руку с лезвием от ее горла. Он стал оседать с силовым звуком, заваливаясь назад, нащупывая что-то у себя на спине, а принц, оттолкнув ее, потянулся за оружием на поясе егеря.

Волчок успел вложить гайку в рогатку и оттянуть резину, когда принц коснулся пальцами рукоятки пистолета.

Попал в глаз, не попал — этого Волчок не понял, но принц вскрикнул и прижал ладони к лицу, забыв об оружии, а Лань заметила, куда направлен взгляд Джуанина, увидела Волчка и припустилась к спасительной дыре. Согнувшись, прыгнула вниз, и Волчок потащил ее подальше от входа. Остановились они лишь затем, чтобы волчонок разгрыз пути.

Сзади в лаз кто-то свесился и стал стрелять наудачу, но пули вязли в земляных стенах.

— А вот и мы. — Перхая, Волчок еле всполз на закраину лаза; ноги почему-то ему изменили. Олень помог выбраться Лани и сжал ее руками — никогда так не сжимал. Волчка вместо Оленя облапил Рысь.

— Уходим? — спросил Рысь, встрепав с дружеской грубостью шевелюру полузадушенного Волчка.

— Нет, — ответил Олень. — Мы не за тем сюда пришли.

* * *

Уходить по воздуху принц боялся, уйти по земле не мог: путь отхода оказался усеян железными колючками, одинаково легко протыкавшими и шины, и подошвы, — тут Куницы постарались на славу. На ободьях, хлопая спущенными камерами, вырвался один грузовик — и получил горячей бутылкой по капоту. Лесные стреляли редко, но метко, а уж совсем плохо стало, когда взорвался бензовоз. Видя такое дело, лесные полезли и из зарослей, и из-под земли.

Не успело взойти солнце, как над лагерем затрепыхался белый флажок — люди принца окопались вокруг его шатра, сдерживая лесную братию огнем, но вырваться не хватало ни духу, ни сил. Мегафон Оленя был разбит, акустическая установка сгорела, и теперь противники просто перекрикивались из-за укрытий.

— Даю три минуты на размышление! — орал Рысь, пока Оленю делали перевязку за опрокинутой набок машиной. — Пусть выйдет принц! Нам нужен только он один — остальных отпустим!..

Геройства и верноподданничества у охотников заметно поубавилось — еще раз для гарантии помахав белым, они вытолкали вперед Джуанина. На скуле у того расплылся кровоподтек от гайки Волчка, вид был довольно жалкий, но гонора он не утратил. Позади него охотники складывали в кучу оружие; их обыскивали — и прогоняли.

— Я протестую, — с холодным возмущением начал принц. — Жестокое обращение со мной будет наказано немедленно и беспощадно. Авиация Его Величества сровняет ваш Лес с землей, если вы нанесете мне хоть одну царапину.

— А как насчет расплатиться с нами? — сжав зубы, выдавил Рысь.

— Я признаю, что в ходе охоты Лесу нанесен некоторый поправимый ущерб, — надменно кивнул Джуанин, видя, что рвать на куски его не собираются. — Разумеется, ни о каких репарациях в отношениях с животными речь идти не может, но из соображений гуманности я готов оказать вам безвозмездную помощь — продукты, медикаменты, одеяла, палатки... Могу содействовать в придании Лесу статуса заповедной зоны. Думаю, здесь можно открыть ветеринарный пункт... Обо всем этом вы подробнее поговорите с моим сек-

ретарем, которого я пришлю, и только в том случае, если я немедленно вернусь во дворец.

— Ты что-то говорил про честную охоту один на один, — напомнил Олень, впервые нарушив свое молчание.

— Надеюсь, ты не принял это всерьез? — улыбнулся принц.

— А честно — это как? — продолжил Олень, словно не слыша принца. — Ты с ружьем и верхом, а я без оружия и бегом? Давай сделаем наоборот. А?

— Вы не посмеете. — Принц вновь стал холоден. — Я — человек, а вы — животные. Никто не позволит вам безнаказанно унижать человеческое достоинство... Или вы думаете, что это была последняя охота?

— Для тебя — последняя. — Олень достал пистолет.

— Нет... — попятился принц. — Нет-нет... Не-ет!!!

Этого не может быть... Разве он допустил какую-то ошибку?

Почему не сработали гладкие, правильные, убедительные слова?!

— Ты пришел сюда, — наступал Олень, — чтобы позабыться, убивая нас. У нас нет таких забав — я убью тебя только затем, чтобы другим nepовадно было лишать жизни ради кайфа, поганого кайфа преследовать и убивать. И пусть другие подумают на твоей могиле, прежде чем входить в Лес. Ты — как заразная падаля, тебя не должно быть.

Принц не успел ни разрыдаться, ни взмолиться — Олень быстро, брезгливо разрядил в него весь магазин и плюнул на слабо корчащееся тело.

— Собирайте оружие! — обернулся он к соратникам. — Мы возвращаемся.

* * *

— И что же? — спросите вы. — Неужели, как в сказке, случилось чудо и король не отомстил зверям за сына?

Чудес не бывает, однако после битвы в Чистом Урочище Лес приобрел дурную славу. Цивилизованные люди всегда не прочь безнаказанно убить кого-нибудь, но быстро становятся пацифистами, если за охоту надо платить жизнью. Щедрые на смерть для братьев меньших, цивилизованные

люди терпеть не могут, когда с охоты вместо трофеев поступают гробы, а если такая охота затягивается, пресса и ТВ поднимают вой и с ярой гуманностью требуют отозвать охотников.

Чаще всего к таким злым Лесам применяются разнообразные санкции и блокирование; их поливают с воздуха дефолиантами, проводят мелиорацию вплоть до засухи, устраивают на опушке свалку токсичных отходов. Но над этим Лесом летать больше никто не решался, равно как и подъезжать к опушке на мусоровозе или экскаваторе.

Вообще об охоте Джуанина постарались забыть — складывалось впечатление, что она торжественно началась и не закончилась. Цивилизованный мир признает и приветствует только победоносные охоты. Средства массовой информации скороговоркой сообщили о случайных жертвах вследствие неосторожного обращения с оружием и ядохимикатами — и заглохли. Как-то неловко и досадно было говорить о том, что дикие, плохо вооруженные звери с треском разгромили прекрасно экипированный охотничий отряд. Зато во множестве появились статьи о болезнях, распространяемых животными, и о необходимости ограничить миграцию из Леса. Это было тем более актуально, что в Лесу — нежданно-негаданно, как-то сами собой — случились вспышки сапа и чумки, на возможность которых пресса неоднократно намекала, а затем невесть откуда объявилась африканская мышинная лихорадка — должно быть, ветром занесло. Благо Бобр с коллегами был начеку, а природоохранный союз помог медикаментами, включая средства вакцинации.

Сеятелей морового поветрия изловить не удалось, а то бы торчать им ногами из осинового гнезда...

Могил на лесном кладбище прибавилось, и траур долго был привычным цветом в Лесу. Потом горе минуло, но не забылось. Память о павших была и скорбью, и вдохновением, ведь живым предстояло очищать и заново засаживать пожарища и думать о том, как бы не оказаться в будущем застигнутым охотой врасплох.

Боевое братство крепко спаяло местных и пришлых — прижилась в Лесу Пума (ее приняли в свой дом Рыси), Бро-

дядиче Псы подружились с Волками, а Пудель утешил одну из Бродяжек, чей парень погиб в Урочище. Звали остаться в Лесу и Вука, но у того была за морем молодая жена и волчата — правда, он твердо обещал наведаться сюда при удобном случае, а с двоюродным братом прислать оружия и патронов. Герр Татцельвурм вернулся в Альпы — воздух долин был для него тяжеловат, — заверив Оленя, что помощь свободному Лесу станет отныне долгом альпийцев.

Лесное население пополнили не только союзники — некоторые из охотничьих коней и псов, которых звери отпустили на свободу, не захотели возвращаться в конюшни и псарни, сбросили узду и ошейники и взамен сытой неволи выбрали трудную волю. Как после этого было не взять их в Лес?

Организационные таланты Оленя все воспринимали как нечто само собой разумеющееся, а вот Волчок за свои подвиги был удостоен всеобщего восхищения и едва не умер от гордости и желания придать своему ломающемуся голосу оттенок взрослой хрипотцы; специально для ушей Эвы он раза три заметил невзначай, что Волки рано мужают. Альдо, вернувшийся в Лес сразу после событий, с грустью отметил, какие знаки внимания оказывает волчонок его девчонке и как та их принимает, но поделаться ничего не мог и надеялся на то, что городские удобства отучат Эву от гостевания в Лесу. Оно, может, так бы и случилось, но Волчок сам повадился шастать в город, чтобы не прерывать знакомства, а Псы-побратимы научили его городским уловкам и рассказали о безопасных тропках в городе, где нет риска нарваться на собак.

Возраст влюбленности и широкое сердце позволяли Волчку одинаково сильно любить и Эву, и Оленя, а для полноты счастья он по уши втрескался в Гиену — когда тот приметил в пареньке задатки бойца и взялся учить его всему, что умел сам.

Да, Гиена застрял в Лесу. В Урочище он был ранен в бедро и лечился у Бобра — не хотел ложиться в людскую больницу, чтобы не пришлось объяснять что да как, да тут еще Росомаха — просто из альтруизма — вызвалась зализывать его рану, чередуя лечение с пространными рассказами об

изначальном родстве людей и зверей, а когда она на пальцах и губах доказала, что в его жилах течет кровь предка-тотема, Гиена совсем размяк, и вышло так, что однажды в Кругу Зверей объявили себя супругами и Олень с Ланью, и Гиена с Росомахой, и шведский Вольф со здешней серой красоткой Вульфи.

— Учти, я бродяга, — предупредила Росомаха после прилюдного поцелуя.

— Да я сам такой, — ответил Гиена.

Росомаха очень хотела затащить в Круг и Рыся с Рысей, но эти влюбленные все еще собачились по-кошачьи и на пире выступали как сотрапезники и собутыльники, не более того. Разумеется, тут были и Волчок, и Эва; Альдо отговорился тем, что готовится к экзаменам, хотя его усердно зазывали.

Здесь было бы уместно написать КОНЕЦ, но мне больше по душе другая надпись — ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ. Я не люблю, когда сказка кончается.

ВОССТАНЬ, ЛАЗАРЬ

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Апостол Павел.

Послание к Коринфянам, гл. 13, 1—3.

пьялиться на чужих людей некрасиво!..

— Кто сказал?

— Мама! — Кудрявый бутуз лет шести подумал, сунул палец в нос и уточнил с гордостью урожденного жадины: — Моя мама!

— Ну раз мама... тогда да, конечно... Ты не в курсе: кто здесь Жора Мясник?

— Дядя Жорик вон там, на ящике!

Мужчина поправил очки: дорогие, французские, в золотой оправе от «Antoine Bourgeois». Антибликовый пластик зловеще сверкнул зеленою, как глаза хищника.

— Они все на ящиках...

— Дядя Жорик с бухлом!

— Они все с бухлом...

Очкарик был прав: трое грузчиков, коротавших обеденный перерыв во дворе, у черного входа в гастроном, сидели на дощатых ящиках и трепетно разливали вторую бутылку портвейна «Таврического» в пластиковые стаканы. Стаканы были пивные, поллитровые, с жеваными краями. От вина посуда отсвечивала густо-лиловой тьмой, напоминая гроздь персидской сирени.

— Дядя Жорик самый главный!

— Э-э... В каком смысле?

Бутуз аж подпрыгнул от такой вселенской тупости собеседника:

— На разливе сидит! Ну вы ваще...

— Ага, я ваще...

Соглашаясь, очкарик явно имел в виду что-то свое, непонятное чужому человеку. Так сознаются на приеме у венеролога в дурной болезни, подхваченной в командировке.

— На, держи, умница... Привет маме!

Он сунул бутузу пачку жевательной резинки. Мальчишка возликовал, сунул в рот горсть мятных подушечек и умчался играть в «банки». Еще за три метра от «стартовой» черты он запустил битую — обломок держака от швабры — в полет, и та лихо снесла пустую жестянку из-под ананасных ломтиков. Девчонки, оккупировавшие неподалеку раздолбанную карусель, брызнули прочь, спасаясь от снаряда. Старушки на лавочке заворчали с неодобрением, вспоминая, как в мезозойскую эру претерпели от таких же хулиганов. Бутузовы соратники хором завопили: кто от зависти, кто от восторга, кто просто так, за компанию.

А грузчиков пустые банки интересовали мало. Грузчики сказали тост: «Ну!..», выпили портвейн, отдали бутылки сборщику стеклотары, деду в потертом камуфляже и принялись деловито закусывать хлебом со шпротами.

— Серый, жди здесь, — сказал очкарик шоферу, высушившемуся из окна черного «Лексуса». Шофер кивнул. У него было глуповатое и добродушное лицо человека, достигшего предела личных амбиций.

— Проходимец! — внятно сказала одна из старушек, ткнув спицей в сторону машины. Наверное, имела в виду ходовые достоинства джипа.

Очкарик пересек двор и остановился возле грузчиков.

— Добрый день! — сказал он. — Жора... э-э... Георгий? Извините, отчества не знаю...

Мордатый детина поднял голову.

— Ну, — сказал детина не пойми к чему.

Радушия в его голосе не ощущалось.

— Вот деньги. — Очкарик достал из бумажника крупную купюру и протянул ее другому грузчику, молодому пар-

ню с рябыми щеками. — Сбегайте в магазин, возьмите водки. И закуски получше. А вы, — это уже адресовалось третьему, — прогуляйтесь за компанию. Чтоб правильно скупился. Хорошо?

В голосе очкарика сквозила определенная харизма. Обращаться к грузчикам «на вы» не всякий умеет.

— Ну, — без большого одобрения, но и не возражая, повторил мордovorот Жора. — Палыч, сходи с Хлебчиком. Водки не надо, она вся паленая. Бери крепленое. И сала венгерского, с красным перцем. И черного хлеба буханку. Сдачу вернешь начальнику.

Оставшись наедине с очкариком, он уцепил шпротину за чухлый хвостик, заглотил целиком и в третий раз сообщил:

— Ну?

— Меня зовут Лазарь Петрович. — Очкарик присел на освободившийся ящик, поддернув отутюженные брюки. — Меня к вам направил Глеб Артюхов. Ваш клиент. Вы помните Глеба?

— Ну, — кивнул Жора, не балуя гостя разнообразием. — Какие проблемы, Лазарь?

— Я жену не люблю.

Наверное, любой собеседник должен был удивиться такому ответу. Любой, но не Жора Мясник.

— Я тоже, — сказал он. — Хрена их любить, жен?

— Вы не понимаете. Я ее раньше любил. Очень. Мы со школы встречались. У нас двое детей. Мальчик и девочка. И жизнь вполне... достойная. Я хорошо зарабатываю. И вот однажды смотрю: не люблю я ее, и все.

— Заведи бабу на стороне, — посоветовал Жора. — Или секретаршу, с ногами.

— Заводил.

— С ногами?

— С рогами. А толку?

— Ты ко мне зачем пришел? — Мордovorот подозвал деда в камуфляже и отобрал дареную бутылку. Обнаружив на доньшке жалкие остатки портвейна, он допил прямо из горлышка и вернул бутылку огорченному деду. — В любовники звать?

Очкарик оставался спокоен. Чувствовалось, что спокойствие дается ему с трудом.

— Глеб предупреждал, что вы станете хамить. И сказал, чтобы я не обращал внимания. У вас, значит, стиль такой. Нет, Жора, как любовник вы меня интересуете мало. Вы мне любовь к жене верните, я рассчитаюсь и уйду. Глеб сказал, вы можете.

— Что я могу? — хмыкнул Жора.

— Восстановить. Любовь, дружбу, уважение. Если какое-то чувство было и умерло, вы умеете его воскресить.

Мордатый детина расплылся в щербатой ухмылке.

— И ты поверил? Слышь, Лазарь, скажи честно: поверил?!

— Я поверил, — кивнул очкарик Лазарь.

— Ну и правильно сделал. Вера, она горами движет. Только на кой она тебе?

— Вера?

— Любовь.

— А это уже, извините, не ваше дело.

— Нет, Лазарь. Это не я к тебе, это ты ко мне пришел. Сам пришел, я тебя не звал. Теперь у нас одно дело, общее. Зачем тебе жену любить?

— В каком смысле — зачем?

— В прямом. Ну, разлюбил, бывает. Сам говоришь: двое детей у тебя, баба, секретарша, заработки. Живи с супругой, как все. Без любви. Небось, раз со школы, надоела до чертиков?

— Нет. Просто разлюбил. Была любовь и сплыла. Равнодушие. Вы, наверное, не поймете: это как счет в банке. Или дом. Или привычные тапочки. Смотришь однажды, а счет пустой, дом кто-то перекупил... тапочки сносились. Я привык, Жора. Привык любить жену. Мне без этого не по себе. Словно обокрали.

— Тапочки — это да, — согласился Жора. — Тапочки я понимаю.

Он расстегнул рубашку, почесал волосатую грудь и внезапно спросил:

— Глеб — твой друг?

— Какой Глеб? А-а... ну да, конечно. Друг.

— Близкий.

— Близкий?

— Самый лучший? — настаивал Жора без видимой связи с предыдущим разговором. Видимо, Мяснику было очень важно узнать, что Глеб Артюхов, приславший к нему очкастого Лазаря с пропащей любовью, находится с этим самым Лазарем в наитеснейших дружеских отношениях.

— Самый. Мы знакомы с детства. И работаем вместе: Глеб — мой комдир. Ну, коммерческий директор. А что?

— Ничего. Давай дальше про тапочки.

— Хватит про тапочки. У меня любовь умерла. — Очкарик сказал это без малейшей патетики, скучно и обыденно. Так обсуждают деловой вопрос с малознакомым бизнес-партнером, которого хорошо отрекомендовали люди, заслуживающие доверия. — Глеб сказал, что вы можете поднять. Мертвую любовь — поднять. Беретесь или нет? Если нет, я пойду. Выпивка и закуска за мой счет.

— Твой счет... — буркнул Жора. — Любовь, говоришь, поднять? Сама, говоришь, не стоит?

Он долго хохотал. Потом взял веточку акации и написал на земле цифру.

Длинную.

— Вот твой счет. За подъем. Потянешь?

Очкарик с уважением посмотрел на цифру.

— Однако у вас и тарифы... Потяну. Легко. Только, Жора, вы запомните на всякий случай: я — человек простой. Если что, я вернусь. И за каждую копейку спрошу.

— А ты меня не пугай. — Мордатый доел последнюю шпротину и лениво поднялся с ящика. — Я страх какой пугливый. Начну тебе любовь поднимать, а руки, понимаешь, дрожат... Она и не встанет. Ладно, пошли в подвал.

— Зачем в подвал? — не понял очкарик.

— Поднимать. Я обожаю, когда в подвале, возле холодильника. Там мясо на леднике хранится, мне от мяса сил прибывает.

— Ага, — догадался Лазарь, — поэтому вас Мясником и прозвали.

— Ни фигя подобного. Фамилия у меня такая: Мясник.

Георгий Мясник, по паспорту. Пошли, чего зря базлать! Скоро Палыч с Хлебчиком вернутся...

Уже у черного входа, ведущего в мясные подвалы гастронома, очкарик снова подал голос.

— А вы не боитесь, Жора, — спросил он, — что я вас обману? Вы мне любовь поднимете... воскресите, а я вам денег не дам? Уйду, и все?

Жора Мясник бросил на клиента веселый разбойничий взгляд.

— Не боюсь, Лазарь. Вот этого не боюсь ни капельки. Дашь ты мне денег. Глеб твой дал, и ты дашь. До последнего грошика. Я честный, и со мной по-честному.

— А что вы Глебу поднимали? — внезапно спросил Лазарь.

— Не твое дело, — мстительно отрезал Жора.

— Подняли?

— Поднял, — со странной интонацией ответил мордатый. — Еще как поднял. Иначе с чего бы он тебя ко мне направил? Ты не спрашивай, ты иди и молчи...

Кудрявый бутуз запустил им вслед палкой, но промахнулся.

* * *

Святое время — август.

Еще стоит жара, мужчины ходят в шортах и сандалиях на босу ногу, девицы щеголяют обнаженными пупками, гроза собирается где-то далеко, за новостройками, за зелеными тучами листвы в сквере. Шелестят пыльные акации, но по вечерам становится прохладно, зябкий шепоток бродит в кронах тополей, осторожно трогая их желтыми пальцами. Из открытой форточки плывет баритон полузабытого изгнанника: «Ах, если бы только не август, не чертова эта пора!..», и вторит ему из другого окна не менее забытое меццо-сопрано: «Скоро осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты, и я знаю, что я тебе нравлюсь...» Два голоса сливаются за спиной у случайного прохожего, отойдя на двадцать шагов, уже не поймешь, где чей, и только понимаешь, что лето у тебя было, оно еще здесь, в руках, протянутых за подающим, но горячий август проливается сквозь пальцы на се-

рый асфальт, лето было, лето есть, это ненадолго, так ненадолго, что словно и нет его, лета, и не было никогда, а жалко...

Осени не ждешь. Ждешь разве что Нового года.
Начинается дождь.

* * *

— Извините... Не подскажите, где живет Степан Поликарпович?

Сухонькая старушка чопорно поджала губы. Коротко, с неприязнью зыркнула на очкарика снизу вверх. Ничего не ответив, она поглубже упрятала руки в антикварную муфту — когда-то норковую, а теперь вытертую до неузнаваемости.

— Может быть, вы?

Вредная старушенция скосила глаз на толстую подругу — цыц, мол, дура! — и демонстративно отвернулась. Весь вид ее ясно говорил, что она будет молчать, как подпольщик на допросе. Не исключено, что и молчала в свое время. В гестапо.

— А я знаю, я знаю!

— Что ты знаешь?

— Где Пан Карпыч живет! Ростовщик!

Знакомый бутуз. «Вождь краснокожих», зимний вариант. Шапка-«петушок» лихо сбита набекрень, куртка расхристана, на левом ботинке развязался шнурок. В правой руке зажат крепко слепленный снежок.

— Ну и где?

— В угловом подъезде.

— В правом или в левом?

Мальчишка задумался. Видимо, с определением «правого» и «левого» у него возникли проблемы. Посему, не мудрствуя лукаво, он просто указал рукой:

— Вон в том. Третий этаж, тридцать первая квартира. Код на дверях...

Обе старушки пронзили бутуза огненными взорами. Но тот, игнорируя намеки, не замедлил выболтать страшную военную тайну:

— ...двадцать одно!

— Спасибо, Штирлиц. — Улыбка вышла тоскливой. Даже солнце в пластике дорогих очков сверкнуло на миг и угасло. — Ты хоть в курсе, кто такой ростовщик?

— Так Пан Карпыч и есть ростовщик! Который с Ростова приехал.

Шоколадный батончик «Lion» обрадовал мальчишку не меньше, чем в прошлый раз жевательная резинка. Юный информатор с гиканьем припустил к дружкам, возводившим в середине двора монументального снеговика. Вместо классической морковки нос снеговика заменял ржавый водопроводный кран с маховиком-вентилем, глаза — катафоты от велосипеда. Шляпа — крышка от маслофильтра — завершала футуристический дизайн. На бегу мальчишка с силой запустил в голема снежком, угодив прямо в глаз. Уцелевший катафот кроваво блеснул, словно у замороженного Терминатора.

— Эй! А еще Пан Карпыч всякую фигню берет! — юное дарование выказало неожиданную эрудицию. — Под проценты! У вас фигня есть?

Двор пересекали хорошо укатанные «скользанки». В чисто вымытых окнах красовались наряженные елки. Легкий морозец покусывал нос и щеки. Пахло праздником: Новым годом, подарками, хлопушками, шампанским и непременно салатом оливье. Хотелось присоединиться к мальчишкам: веселиться и дурачиться. Но очкарик Лазарь шел вперед, и плечи его сутулились, словно длиннополое пальто было изготовлено из дубовых досок.

Код оказался верным. Замок лязгнул затвором автомата, открывая затхлое нутро подъезда. В нос шибанула вонь кошачьей мочи и застарелого табачного перегара. Лазарь то ропливо зашагал по лестнице. На третьем этаже он остановился перед квартирой с бронзовой табличкой «31» и, собравшись с духом, решительно утопил кнопку звонка.

Долгое время ничего не происходило. Затем в дверном глазке мелькнул свет, и глазок тут же вновь потемнел. Очкарик чувствовал, что за ним наблюдают, и стоял спокойно.

— Вам кого?

— Я к Степану Поликарповичу.

— Фамилия! Фамилия как?!

— Моя?

— Нет, Степана Поликарповича!

Было неясно, издевается хозяин или говорит всерьез.

— Моя фамилия Остимский. Лазарь Петрович Остимский. Но это вам, скорее всего, ни о чем не скажет. А фамилия Степана Поликарповича — Ватрушев.

— Откуда? Откуда знаете?!

— Меня направил к вам мой друг. Артюхов, Глеб Артюхов.

— Отчество?

— Чье? Глеба?

— Ага! — торжествующе взвыли из квартиры. — Не помните! И врите вы все: кто да как...

— Тьфу ты, из головы вылетело! Мы с Глебом друзья детства, по отчеству редко... О, вспомнил! Игоревич.

В квартире долго сопели, булькали, потом защелкали замки.

Замков было много. Не меньше пяти.

Наконец дверь приоткрылась. Слегка, но вполне достаточно, чтобы понять: рассохшееся дерево, выкрашенное пузырчатым суриком, — чистой воды бутафория. Тут в случае чего плечом не пробьешься. Над стальной цепочкой из сумрака проступило востроносое личико. Цепкие глазки обшарили лестничную площадку.

— Чего стоите? Заходите скорее! — Металлической змеей зашелестела, опадая, цепочка. — Знаете, сколько всяких прохиндейцев кругом шляется? А потом ценные вещи пропадают, гортензии сохнут... На какой щеке у Глеба Игоревича родинка?

— Нет у Глеба никакой родинки. В смысле, на щеке. На шее есть, у кадыка.

— Чудненько, чудненько! Душевно рад знакомству. — Узкая ладонь ростовщика оказалась подозрительно твердой. — Прощу в комнату. Чаю? Кофе? Коньячку?

— Кофе. У меня принцип: вести деловые переговоры на трезвую голову. Вот позже, когда мы договоримся...

— Если договоримся, Лазарь Петрович. А принцип ваш мудрый, одобряю...

Квартира Ватрушева напоминала лабиринт. Не пред-

ставлялось возможным определить, сколько здесь комнат и коридоров. Все пространство занимали шкафы, шкафчики, шифоньеры, полки и полочки, комоды и этажерки. Под потолком тянулись пыльные антресоли. «Всякая фигня», пользуясь определением бутуза, водилась тут в изобилии. Старые велосипеды, настольные лампы, наборы гаечных ключей, штабеля граммофонных пластинок, типографский резак, фарфоровые безделушки, телефонные аппараты в черных эбонитовых корпусах, пишущие машинки, радиолы, гусли с порванными струнами, портсигары с вензелями, бронзовые канделябры для роялей, напольные часы с гирями и маятником...

И всюду, на полках, шкафах и подоконниках — горшки с цветами, кактусами и прочими фикусами. Возможно, редкими и экзотическими — очкарик был не силен в ботанике. В воздухе, приятно радуя после миазмов подъезда, витал аромат тропиков.

— Осторожно, не зацепите агаву! Располагайтесь, вот кресло.

Посреди с трудом отвоеванного у вещей пяточка разместился вполне современный мягкий уголок: диванчик, журнальный столик и два кресла, обитых клетчатой тканью. Точь-в-точь такой расцветки, как халат на Степане Поликарповиче.

— Я пошел за кофе...

Вспыхнула паника. Сейчас хозяин сгинет в дебрях необъятной квартиры и больше не вернется. Никогда. А гость проведет остаток жизни, ища выход и рыдая от безнадеги. Наваждение накатило и схлынуло. Очкарик снял пальто, поискал, куда бы его пристроить, и к собственному удивлению обнаружил вешалку, приколоченную к дверце шкафа.

— Вешайтесь, вешайтесь, оно свободно...

Сварить кофе за это время было невозможно. Но ростовщик уже семенил к столику, неся поднос с полным кофейником, сахарницей и чашками. Над ним витал божественный аромат мокко, имбиря, кардамона, черного перца...

«Надо бы спросить рецепт», — отметил Лазарь.

— Ну-с, к делу. С чем пожаловали к старику?

— С предложением. Глеб сказал, что вы даете ссуды под залог... скажем так, некой нематериальной сущности.

— Оставьте ваши эвфемизмы. Не бойтесь, я не сочту вас сумасшедшим.

— Хорошо. Я бы хотел оставить в залог одно чувство.

— Какое именно?

— Любовь.

— К женщине? К родине? К вкусной и здоровой пище?

— К жене.

— Что ж, это интересно. Редкий товар. Но, позвольте полюбопытствовать, зачем вам мои гроши? Вы — человек обеспеченный. Если вам нужен кредит, обратитесь в банк. Или в ломбард.

— Как вы верно заметили, я человек обеспеченный. Но сейчас испытываю финансовые затруднения. Временные, разумеется. Деньги есть, но они вложены в дело. Мои партнеры по бизнесу против того, чтобы я закладывал основные фонды. А без их письменного согласия... Короче, я пришел к вам.

— На любовь, конечно, спрос есть, тем паче к жене... Чувство дефицитное. Однако мои возможности ограничены. Боюсь, предложенная сумма вас не устроит.

— Сколько?

— Вы собираетесь со временем выкупить залог?

— Да.

— И вас не интересуют сроки? Проценты?

— Конечно, интересуют. Но в первую очередь меня интересует сумма!

— Поспешность не идет на пользу, Лазарь Петрович. Скажем, пять тысяч.

— Евро?

— Да.

— Мне нужно больше. Дайте пятнадцать.

— Нет. Слишком много для меня. И слишком мало для серьезной инвестиции. У меня складывается впечатление, что вы просто хотите избавиться от своего чувства. А деньги вас не волнуют. И, получив их, вы сюда больше не вернетесь. Впрочем, это не мое дело. Семь тысяч. Это последняя цена.

— Согласен.

— Полгода под пятнадцать процентов за весь срок.

— Тридцать годовых? Да это же... Согласен!

— Сначала мне надо убедиться в качестве товара. Если залог не подойдет, я немедленно верну его вам.

— Хорошо.

— Сидите где сидели. Не вставайте. Не делайте резких движений. Думать можно о чем угодно. Хоть обо мне, в самых нелицеприятных выражениях. Я вхожу.

Ростовщик аккуратно поставил чашку с недопитым кофе на журнальный столик. Откинулся на спинку кресла. Смежил морщинистые, черепашьи веки. На лице его проступило выражение благожелательной сосредоточенности — как у человека, занятого кропотливым, ответственным, но при этом любимым делом.

«Садовник за работой», — пришло на ум.

Лазарь перевел взгляд на картину, стоявшую на комодe за спиной ростовщика. Новодел в манере пейзажистов позапрошлого века. Масло, холст. Стилизация удачная, даже трещинки-кракелюры имеются. Запущенный парк, на переднем плане — клумба с георгинами, дальше — кипень жасмина, заросли шиповника, узловатые стволы вязов, под которыми все тонет в сумраке. На клумбе лежит густая тень — от человека, которого на картине нет.

Его отвлек хриплый стон. Ростовщик, неестественно запрокинув голову, судорожно пытался сделать вдох. Лицо старика пошло пятнами, глаза закатились, побелевшие пальцы мертвой хваткой вцепились в подлокотники кресла.

— Вам плохо?! Воды? «Скорую»?! Где у вас телефон?

О мобильнике, лежащем в кармане пиджака, очкарик забыл.

— На кухне... коньяк... Мне помог-х-х-ха...

Лазарь метнулся в ту сторону, куда раньше уходил хозяин. Зацепил стеллаж: посыпались картонные коробки, рулоны обоев, жестяные баночки с диафильмами. Против ожидания, кухня нашлась быстро. Контраст с остальной квартирой оказался разительным: стерильная белизна, блеск металла, стройные ряды тарелок в сушке, аккуратные пирамиды кастрюль, посудомоечная машина... Коньяк нашелся сразу, в первом же открытом шкафчике. «Remi Martin XO»,

едва початая бутылка. Рядом стояли пузатые коньячные бокалы.

Очкарик не помнил, чтобы он так спешил в последнюю пару лет.

Ростовщик был жив: тяжело дышал, массируя виски. Лазарь щедро плеснул коньяку в бокал, поднес к губам хозяина. Внезапно Степан Поликарпович перехватил его руку и взял бокал сам. Наклонил, едва не опрокинув. Задергался как дык. По подбородку потекла маслянистая струйка. Лазарь машинально налил и себе. Выпил залпом, как водку.

— Под монастырь меня подвести вздумал?! — Голос ростовщика напоминал кашель туберкулезника. — Почему не сказал, что ходил к Мяснику?! Налей еще.

Ослушаться Лазарь не посмел.

— Разве это имеет...

— Смерти моей хочешь? Любовь, значит? К жене, значит?!

— Любовь...

— Сперва уморил, потом Мясника уговорил поднять — и ко мне в залог?! Нет уж... сам расхлебывай... Ты! Ты специально! — Ростовщик вдруг сорвался на визг. — Убить меня решил?! Кто тебя подослал?!

— Никто. Я просто хотел избавиться от этой новой любви. Продать кому-нибудь...

— Продать?! Ты в своем уме?! Кто ж такую пакость купит? Кто, я тебя спрашиваю?! Вот ты, ты сам — купил бы?

— Я?!

— То-то же. И не стыдно, молодой человек? — Степан Поликарпович опять перешел на «вы». Было в этом что-то от объявления войны. — Пытались меня обмануть, чуть не уробили...

— А я?! А мне как с этим жить?! Не могу больше, сил никаких нет! Да, я ее люблю! Люблю! Ревную ко всякой тени! Увижу, что с кем-то двумя словами перекинулась, готов и ему голову проломить, и ее удавить... Или самому — с моста в реку. Следить начал. Из дому ее не выпускаю. Допросы устраиваю... Потом каюсь, прощения прошу. Она плачет... К бесу такую любовь! В пекло! Заберите ее! Даром заберите! Хотите, я еще и приплачу? Пять! Десять тысяч! Это хоро-

шие деньги! Хотите больше? Ну, говорите свою цену! Забирайте и делайте с ней что хотите! Выбросьте, продайте, подарите, изничтожьте...

— Изничтожить? Вы меня с кем-то путаете. Я ростовщик, а не, простите, киллер. Я за такое дело не возьмусь. Даже за миллион, которого у вас все равно нет. Жизнь, знаете ли, дороже. Покойнику деньги ни к чему.

— А что мне делать? Что?! Погодите... Вы сказали — «киллер»? Есть киллеры по этой части? Есть?! Вы их знаете?!

— По-моему, вам пора, Лазарь Петрович. Я ничем не могу вам помочь.

Уже в дверях его догнал вкрадчивый голос ростовщика:

— Да, кстати... Вдруг вас заинтересует? Ревность-то у вас настоящая — в отличие от... Я мог бы купить... вернее, взять в залог. Разумеется, за куда меньшую сумму. Сами понимаете — неходовой товар...

* * *

Декабрь. Порог зимы.

Начало мгlistых, долгих, как отчаяние, сумерек, что наползают на город вскоре после обеда, пора тоскливых ночей, царство стылой поземки, блуждающей меж домов с упорством пьяницы, забывшего дорогу домой. Грядущий Новый год, мальчишка в потешном колпаке, лишь ненадолго завертит хмельной, бестолковой круговертью, чтобы сгинуть без следа, оставив после себя муторное похмелье. Старенький Окуджава из приемника тихо прощается с желтеющей елкой, сплошь в шарах и серпантине, как с утомленной женщиной в ярком вечернем макияже, спрашивая без надежды на ответ: «Что же надежные руки свои прячут твои кавалеры?» Серость будней, ледяная скользота под ногами — время падений и травм, время бессонных ночей в «неотложке», время сломанных костей и судеб. Безмолвие слезавшегося снега под ногами, безмолвие тусклых фонарей, безмолвие низкого неба над головой. И ты без слов, со злобой солдата, ведущего неравный бой, движешься сквозь зиму и ночь, оскальзываясь и стараясь не упасть, остаться на ногах, дойти, доползти, дожить, дотянуть до такой далекой весны...

Где-то там, говорят, апрель.

* * *

— Ты, наверное, и Гицеля знаешь?

— Ну...

Кудрявый бутуз не спешил отвечать. Он терзал «змейку» на синей ветровке, задумчиво прикусив нижнюю губу. От ближайшего подъезда за двумя людьми — очкариком и мальчишкой — следил большой дог. Печальные глаза собаки сочлились скукой. «Рокки, сидеть!» — крикнула от карусели толстая старуха, хотя в этом не было никакой надобности.

— И где мне его найти?

— В подвале.

— В каком подвале? Почему в подвале?

Очкарик сильно сдал. Осунулся, побледнел, не брился по крайней мере неделю. Щетина на его щеках отливала сизым — ранней сединой. Даже модный кардиган крупной вязки висел на Лазаре как на вешалке.

— Гицель в подвале сидит. Там тепло, там трубы. К Пан Карпычу — наверх, а к Гицелю — вниз.

— Код на дверях — очко? В смысле — двадцать одно?

— Ага...

Лазарь порылся в карманах. Вместо жвачки или шоколадки достал бумажник и протянул мальчишке десятку.

— Извини, вкусностей сегодня нет. Забыл. Держи, купи себе сам.

Бутуз денег не брал. Он молча пятился назад, словно очкарик держал в руке какую-то гадость, обманку, пытаясь злоупотребить доверием ребенка.

— Бери, бери... Чего ты?

Не отвечая, бутуз развернулся и побежал прочь, к приятелям, увлеченно палившим из рогаток по аптечному пузырьку, подвешенному на бечевке. На бегу он выхватил свою рогатку и навскидку разнес пузырек вдребезги. Глядя ему вслед, очкарик пожал плечами, спрятал невостребованный червонец и побрел к знакомому подъезду. На ходу он насвистывал хабанеру из оперы «Кармен». Выходило фальшиво. Дважды Лазарь вступил в лужу, сильно забрызгал брюки, но не обратил внимания.

— И ходит, и ходит, а чего ходит? — громко сообщила хозяйка дога Рокки.

Собака тоскливо завyla. Соглашаясь или протестуя — неясно.

В подъезде, как обычно, воняло кошками и табаком. Спускаясь в подвал, Лазарь почувствовал, что к знакомому букету добавляется новый оттенок — сырая гнильца. Видимо, трубы, которых в подвале много, частенько прорывало. Входная дверь, к счастью, оказалась не заперта. Пройдя мимо ряда дощатых створок, украшенных в большинстве резбовыми замками «Антипаника», за которыми обитатели подъезда хранили запасы солений и барахло, он углубился дальше. Потянулись трубы: толстые, лоснящиеся, обросшие плесенью.

По одной из труб метнулась крыса, скрывшись во мгле.

— Здравствуйте, — вежливо сказали оттуда, где исчезла крыса.

Лазарь пригляделся. У стены, подстелив клеенчатый дождевик, а поверх дождевика — старый бушлатик, сидел худой, как скелет, человек. Одет человек был в спортивный костюм, аккуратно заштопанный в самых неожиданных местах.

«Бомж», — равнодушно догадался очарик.

— Здравствуйте. Это вы Гицель?

— Да. А вы, наверное, господин Остимский? Лазарь Петрович?

— Вы меня знаете?

— Мне про вас Мясник рассказывал. И Степа.

— Так что, возьметесь? — без предисловий спросил очарик.

— Нет, — так же кратко ответил Гицель.

— Почему? Вы же можете?

— Убить чувство? Могу. Но я ведь сказал вам: Мясник... и Степа. Я про вас все знаю. У вас сейчас не чувство, а фикция. Тень. Призрак. Я не берусь сражаться с тенями и экзорцировать призраки.

— Экзорцировать! — с горькой насмешкой передразнил Лазарь. — Бесов экзорцируют. А призраки, они вроде бы расточаются. С рассветом. Что ж это вы, с такими мудреными словечками, в подвале сидите?

— Здесь тепло, — объяснил Гицель. — Здесь трубы.

В углу, болтаясь на коротком шнуре, тускло горела сорокасвечовая лампочка.

— А Глеб сказал мне, что вы — последняя надежда.

— Да, он был у меня, ваш друг детства Глеб. Тоже после Степы и Мясника.

— И ему вы тоже отказали?

Гицель пошевелился. Скрестил ноги каким-то маловероятным образом, словно у него вместо костей были резиновые жгуты. Улыбнулся, показав отсутствие многих зубов.

— Нет. Согласился. Мне Мясник уже потом про него и про вас рассказал. А сам определять я тогда еще не умел. Ни разу не сталкивался, понимаете? Ну и... Короче, еле выжил. До сих пор в боку стреляет. И голова по утрам болит. Нет, извините, не возьмусь.

— Двор у вас... — буркнул очкарик. — Веселенький дворик.

Тощий Гицель пожал плечами:

— Двор как двор. Обычный.

Из пакета, который принес с собой, Лазарь достал бутылку текилы. С натугой скрутил пробку. Протянул бутылку собеседнику:

— Выпьешь, Гицель?

— Спасибо. Я не пью.

— И не куришь?

— Курил. Раньше.

— Небось и по утрам бегаешь. Между помойками, а?

Гицель внимательно смотрел на собеседника. Взгляд его напомнил Лазарю дога у подъезда. Казалось, бомж сейчас завоюет с сочувствием. Чтобы отвлечься, очкарик запрокинул голову, поднеся бутылку ко рту. Из-за дозатора струйка текла медленно, текила обжигала горло. По подвалу распространился запах дешевого самогона.

— Я пойду? — спросил очкарик, отдышавшись и закрутив пробку.

Только сейчас он заметил, что бомж, в отличие от него самого, чисто выбрит.

— Всего доброго.

Снаружи шел мелкий дождь. Старушки раскрыли зонты, бутуз с дружками дождем пренебрегли. Первое, что бро-

силось в глаза слегка захмелевшему Лазарю, — машина у подворотни. Знакомый черный «Лексус». Шофер скучал за рулем, читая газету. У машины о чем-то спорили двое: высокий брюнет в длинном кожаном плаще и женщина средних лет, одетая в легкое пальто.

Сегодня Лазарь приехал на такси, и «Лексус» должен был стоять в гараже.

— Вон он! — Брюнет замахал очкарику руками. — Что, отказал?

Сунув текилу обратно в пакет, очкарик медленно зашагал к машине.

— Танюха, это он из-за тебя ходит! — не унимался брюнет. — Это я ему сказал: из-за такой бабы, как Танюха, не ходить — бегать надо! Я — лучший друг, я в курсах! Лазарь, плюнь: не этот Гицель, так другой найдется! Танюха, ты посмотри, как мужика коробит! Ничего, поправим, поможем... На то и друзья!..

Очкарик уже подходил к машине, когда кудрявый бутуз зарядил рогатку стеклянным шариком. Почти не целясь, мальчишка выстрелил. Солнце на миг пробилось меж облаками, узкая радуга прочертила двор — и шарик впился Лазарю в правую ягодицу. Вскрикнув, очкарик ухватился за пострадавшее место.

Приятели бутуза разразились приветственными возгласами.

— Ну, шпана! — с сочувствием сказал брюнет. — Плюнь, Лазарь. Тюрьма по ним, сямкам, плачет. Пошли, спасать тебя будем. Тут один вариант наклеывается: полный вперед!

Женщина молчала и смотрела на очкарика.

— На то и друзья! — с удовольствием повторил брюнет.

Без слов очкарик поставил пакет с текилой на асфальт, неумело размахнулся и ударил брюнета в ухо.

— Ты! Ты чего?! — Брюнет отступил на шаг. — Меня? Лучшего друга?

Очкарик пнул его ногой в живот, промахнулся и ухватился за лацканы кожаного плаща. Оба мужчины упали, покатались по мокрой земле, по лужам, пытаясь оседлать один другого. Залаял дог Рокки. Загомонили старушки, колеблясь

между вызовом милиции, «Скорой» и управдома. Мальчишки зашлись от восторга.

— Танька! — пробился из какофонии отчаянный крик очкарика Лазаря, давно потерявшего в свалке свои замечательные очки. — Танька, это он... он меня посылал! Он за дружбой сюда ходил, сволочь!... А я, дурак!.. Тань...

Женщина у машины следила за дракой, не вмешиваясь.

Наконец мужчины встали, тяжело дыша. У брюнета был разбит нос, тоненькая струйка крови текла по губам на подбородок. Очкарик хрипел, держась за помятые ребра. Пакет с разбитой бутылкой текилы валялся поодаль, от него резко тянуло спиртным.

Дог Рокки подошел, обнюхал обоих и брезгливо удалился.

— Поехали домой, Лазарь, — сказала женщина. — Поехали, дурачок.

Очкарик разогнулся.

Стеклянная, весенняя, летящая радуга полыхала в его близоруких глазах.

— Поехали, — изумленно сказал он. — Серый, заводи тарантас.

— Ага, — кивнул меланхоличный шофер.

Выбравшийся из подвала Гицель внимательно следил за отъезжающей машиной. Потом бомж поднял голову и встретился взглядом со Степаном Поликарповичем, высунувшимся в открытое окно. Старик погрозил бомжу пальцем и укрылся за шторой.

— Эй! — заорал Жора Мясник от черного входа в гастроном. — Ну, люди! Такое бухло ногами топчут!.. Звери, не люди...

Гицель засмеялся.

— Апрель, — сказал он. — Сумасшедший месяц.

ОСТРОЕ РЕШЕНИЕ

Механизатор Зюзиков брел по раскисшей земле, с трудом сохраняя равновесие. Земля была скользкой, под ватник задувал холодный ветер, но Паше все равно было хорошо. Он отлично потруился и славно отдохнул.

Коровник остался позади, свинарник словно бы промелькнул в тумане — а ведь длинный, зараза! Легко идти, когда на душе спокойно, когда сердцу весело. Даже встреча с Зинкой Зюзикова не пугала. Где он, а где Зинка? Идти еще и идти...

Карман приятно согревали триста рублей. Пусть Зинка подавится. Не будет ныть, что сожигатель — никчема, не в состоянии зашибить копейку. Вот она — копейка! И не одна, а даже... Сколько в трехстах рублях копеек? Зюзиков остановился, напряженно задумавшись. Три миллиона? Или три тысячи? Если в килограмме — тысяча граммов, когда продавщица Манька не обвешивает, если в центнере — сто кило, а в литре — две поллитровки или десять полноценных стопок, сколько копеек в трех розовых бумажках? Эх, задачка на сообразительность!

Стоять на месте было тяжело. Все время бросало в разные стороны. Механизатор отошел с дороги к огромной, еще прошлогодней скирде из посеревшей от солнца и дождей соломы и попытался на нее опереться. Да только скирда — не стенка. Паша долго приноравливался, потом ухватился за свисающую откуда-то сверху веревку.

Тонко пискнуло. Зюзиков не боялся мышей и только проворчал себе под нос:

— Но-но, нечего тут пищать! Человек думает! Человек — это звучит гордо, тварь дрожащая!

Громогласная тирада далась Зюзикову нелегко. Он даже запыхался.

— Я не пищу, — отозвался тонкий голосок. — Я пытаюсь привлечь ваше внимание, повелитель!

Зюзииков заорал пронзительно. Так, что было слышно на другом конце деревни. Правда, крик оборвался быстро — непривычные к экстремальным нагрузкам голосовые связки отказались повиноваться. Ведь Паша не пел в хоре, не занимался китайской дыхательной гимнастикой, как его сосед Лопатин, и даже говорил крайне редко и преимущественно матом. Но, несмотря на смятенное состояние души, веревку механизатор не выпустил.

— Отпусти, повелитель, а? — попросил все тот же голосок.

Подняв глаза, Паша увидел на верхушке скирды мохнатое тельце.

— Обезьяна? Говорящая? — просипел Зюзииков.

— Да-да, — радостно согласилось мохнатое существо.

— Обезьяна — это хорошо. Обезьяны в наших краях больших денег стоят, — рассуждал Паша, отчаянно хрипя. — Я тебя сдам в зверинец. Ты-то на сколько копеек потянешь? А?

Приятно, что ничего страшного не произошло. Подумай, говорящая обезьяна! Паша утер пот со лба свободной рукой и подтянул обезьяну поближе к себе — рассмотреть. Та тонко запищала и взмолилась:

— Не надо меня в зверинец, повелитель!

Зюзиикову было приятно, что глупая тварь зовет его повелителем. Но отпускать ее за здорово живешь? Нет уж...

— Холодно будет тебе. Зима на носу, — степенно объяснил обезьяне Зюзииков. — Тебе в зверинце лучше будет. Бананы там всякие, яблоки. Я вон, думаешь, каждый день бананы ем? А тебе все время давать будут. Вам это положено.

— Отпусти хвост, а? — Обезьяна зло ощерилась.

— Смотри у меня — будешь скалиться, и по зубам недолго получить, — предупредил Паша. — За хвост я тебя удержу. А за что еще вас берут — за шкуру там или за лапу — я не знаю. Ошейника-то у тебя нет? Вот дома я тебе ошейник прилажу...

— Нет! — диким голосом заорала обезьяна, заставив Зюзиикова в который раз за вечер вспомнить Маньку из магази-

на. — Только не ошейник! Я тебе все сделаю! Хочешь, будешь каждый день бананы есть?..

Зюзииков усмехнулся, сплюнул сквозь зубы.

— В зверинец, что ли, с собой возьмешь? Не надо. Как-нибудь сам по себе проживу... Мне бананы без надобности — не люблю я их, дрянь закуска. Если б ты мне водочку на каждый день предложила... И тоже нельзя. Зинка со свету сживет. Для печени опять же вредно.

— А если когда захочется? — спросила обезьяна.

— В смысле?

— Ну, как захочется тебе водки — так она у тебя и появится?

— Утону я, — вздохнул Зюзииков. — Водки мне все время хочется, от жизни тяжелой. Столько водки в мире нет. Ладно, холодать стало. Пошли, хвостата!

Обезьяна заверещала, цепляясь за старую солому. Да только разве за солому уцепишься? Паша упорно тащил верещащую тварь за хвост. Обезьяна волочилась по грязи, пачкая мохнатую шкурку.

— Эй, Зюзииков! — прокричала обезьяна, когда механизатор направился напрямик через глубокую, отливающую антрацитом лужу. — Не прикидывайся пьяным! Прости, погорячился! Я для тебя все сделаю!

— Прямо-таки все? — хмыкнул Паша. — И что это ты себя в мужском роде называешь? Ты же обезьяна!

— Я мальчик, — попыталось схитрить мохнатое существо.

— Какой, на хрен, мальчик? Ты обезьяна! — возмутился Зюзииков. — Нешто ж я ребенка стал бы за хвост по грязи тащить? Да и нет у детей хвостов!

— Я обезьяна-мальчик! Обезьяна мужского пола!

— Ну, мне-то, по большому счету, все равно... Я, знаешь, к обезьянам ровно дышу. И насчет «все для тебя сделаю» — это ты зря... Я и обидеться могу. За кого ты вообще меня принимаешь?

— Стандартный договор! — поднимая голову над лужей и отплеываясь от грязи, крикнула обезьянка. — Зюзииков, стандартный договор!

— Чего? — не понял механизатор. — И откуда ты фамилию мою знаешь, животное?

— Да уж выяснил, — клацая зубами посреди лужи, заявила мокрая обезьяна. — А стандартный договор — это удача! Удача во всем и всегда! Деньги будешь находить, в лотерею выигрывать, пить бросишь! Что захочешь, практически. В пределах разумного, конечно. Звезду с неба не достану, вечной жизни не обещаю. Но и скорой смерти не будет.

Паша поморщился.

— Плетешь ты невесть что... Разве ж желания исполняются?

— Да!

— Врешь, — вздохнул Зюзиков, крепче наматывая хвост на руку.

— Не вру! Правда! Представь — идешь сейчас по дороге, находишь пачку долларов! Десять тысяч!

— Хм... Это сколько ж в копейках будет? Сомнительно что-то, что у нас на дороге такие пачки валяются, — вздохнул механизатор. — Пошли, пожалуй. Надо тебе кличку дать, кстати. А то без клички плохо. Назову-ка я тебя Манькой. В честь одной не очень приятной женщины.

— Я мальчик! — скрипнула зубами обезьяна.

— Ты — обезьяна, — констатировал Паша, дергая вредную тварь за хвост.

— Зюзиков! Задумайся хоть на минуту! Дом двухэтажный! Автомобиль «Мерседес». На председателя колхоза поплевывать свысока будешь. Вся деревня почти на тебя работать станет!

Паша поскользнулся в грязи на границе лужи и грязно выругался.

— Дороги замостят! Асфальт везде! Магазин рядом с твоим домом построят!

— Асфальт — это хорошо, — задумался механизатор.

— Согласись!

— На что согласиться, Манька-дура? — спросил Паша. — Я в сказки ведь не верю. Думаешь, отпущу тебя? Нашла дурака!

— Если веришь мне...

— Я и людям не верю, а животным — тем более.

— Если хочешь, чтобы твои желания исполнялись, удача тебе всюду сопутствовала — только согласишься мысленно,

чтобы я стал свободен! Ну согласишься, пожалуйста! Только помни — сосед твой, Лопатин, втрое больше тебя удачи иметь будет. Тебе удача — и ему удача.

— Ему-то за что? — равнодушно поинтересовался механизатор.

— Так положено.

— Тогда лучше, чтобы председателю фартило. Или учительнице, Татьяне Ивановне... А Лопатин — сволочь, чмо болотное.

— Нет, только Лопатин. В том и соль, чтобы зеркалом враг твой был. Положено так.

Зюзиков, не переставая широко шагать, начал рассуждать:

— Хм... Если бы и правда, удача во всем, так и хрен с ним, с Лопатиным... И не нужна ты тогда мне...

Паша осекся. Обезьяньего хвоста в руках не было. Как и самой обезьяны.

— Бывает, — вздохнул Зюзиков. — Еще и не такое бывает... А долларов найти неплохо было бы. Хотя бы сто... Или все-таки десять тысяч? Это сколько — десять пачек? Нет, столько не найдешь...

Сделав еще несколько шагов, Паша заметил в траве на обочине почти чистую, только сильно промокшую пачку купюр.

— Гы! — только и смог сказать Зюзиков. — Сплю, наверное?

Подобрал пачку, рассмотрел.

— Ван хандрид долларс... Сто долларов, стало быть. Пачка. Сто штук. Сто на сто — тысяча. Обманула, обезьяна подлая! Ну ничего — Зинка все равно удивится!

Спрятав три бумажки в карман ватника — на водку, механизатор положил остальное к сотням.

«Сапоги себе купит. И дубленку. Ну и мне какой-нибудь плащ», — размышлял Паша.

О широте своей души Зюзиков едва не пожалел — Зинка встретила его на пороге с чугунной сковородкой в руках.

— Я с заработка, Зина! — обратился к подруге Паша.

— Пропил все, наверное!

— Нет, не пропил. Держи!

Паша сунул сожительнице пачку зеленых купюр. Зина ахнула и схватилась за голову, не выпуская из рук сковороду.

— Посадят тебя, сволочь! Ты убил кого-то? Кассу ограбил?

— На улице нашел, — счастливо вздохнул Зюзииков. — И еще будут.

Зина хотела ударить гражданского мужа, но передумала.

— Пойдем спать, Павел, — тихо сказала она словно против своей воли. — А утром я тебе за пивом сбегаю...

«Вот это жизнь! — подумал Зюзииков, засыпая. — Жаль, что все мне только снится».

Проснувшись, однако, на следующий день с головной болью, Паша увидел на столе три бутылки пива и Зину в белом фартуке, жарящую картошку.

— Были доллары? — прохрипел спросонья Паша, откупоривая первую бутылку.

— Были, — кивнула Зина. — Я уже сто баксов в сберкассе обменяла. Настоящие. Повезло тебе вчера!

— И обезьяна была?

Зина жалостливо взглянула на Зюзиикова.

— Обезьяна? Скорее уж белочка...

— Белочка? — задумался Паша. — Нет, не белочка... Хвост гладкий...

Больше к теме загадочного животного Паша и Зина не возвращались. А расписались в районном загсе, купили два грузовика кирпичей и начали строить новый дом — благодаря размерам подворья позволяли.

Пить Зюзииков почти бросил.

Дом рос как на дрожжах. Счастье, казалось, сыпалось на Зюзииковых со всех сторон. Купит Зина лотерею — если не главный приз, то пару тысяч всегда выиграет. Пойдет Паша по улице погулять — хоть сто рублей, а найдет. Или кольцо золотое. Или цепочку порванную. И откуда в деревне столько денег да золота?

Начальство уважительно относиться стало. Председатель бригадиром поставил, должность оказалась хорошей. Работать меньше можно было, а получал Зюзииков гораздо больше. Украсть возможность была всегда, деталь на машину или там корма...

Одно не давало Паше покою. Лопатин богател гораздо быстрее. Его председатель сразу взял к себе заместителем. Зина у Зюзикова похорошела, а жена Степки, Лариса, стала такой красавицей, что Паша не мог спокойно мимо пройти. Но взгляд упорно отворачивал. Знал — затащить Ларису в постель труда не составит, та совсем не... против была бы, да только и Лопатин тогда с его женой вдоволь натешится. Обезьяна ведь как говорила? Втрое больше... А отдавать Зину заклятому врагу Зюзикову совсем не хотелось.

Когда Паша, провернув несколько выгодных сделок с комбикормами и удобрениями, купил себе новую «десятку», Лопатин уже ездил на джипе «Чероки». К тому времени, как двухэтажный дом Зюзиковых был отстроен, ненавистный сосед отгрохал такой особняк, что у односельчан дыхание захватывало. Мраморные лестницы, лифт на третий этаж, пирс в выкопанный по заказу Лопатина пруд...

— Не могу я так жить, Зина, — признался Паша супруге.

— Тебе-то что? — полируя длинные ногти, поинтересовалась Зина. — Живем как люди. Домработница вон есть готовит, полы моет... Садовника, что ли, завести?

— Ага! У Лопатина сейчас шофер, садовник и кухарка. А заведу я садовника — он вообще толпу слуг наймет!

— Да при чем здесь Лопатин?

— Обезьяна...

— И слышать ничего не хочу о твоей обезьяне!

Зюзиков помрачнел. Хорошо, конечно. Только не совсем. А точнее, совсем не. Не получал Паша от жизни удовольствия! Даже когда сильно напивался.

— Обезьяна! Отпустил тварь неблагодарную! — ругался Паша, слоняясь по просторным комнатам огромного дома.

Когда Паша купил себе джип и нанял садовника, Лопатин приобрел вертолет и завел трех телохранителей. Ездил он теперь не иначе как в сопровождении милицейской машины.

«Удавалось, — думал Зюзиков, распивая сам с собой вторую бутылку армянского коньяка. — Захотеть, что ли, удавиться? Не выход. Это же не удача, а глупость. Глупости мои

Лопатину не передаются в тройном размере... Лучше найду ту обезьяну да удавлю ее...»

Прихватив бутылку, Паша отправился к изъеденной мышами и ветром скирде.

— Здесь она, если не сдохла, — бормотал он себе под нос. — Здесь! Куда она по полям ушла бы? Сидит, солому жрет!

Подойдя к скирде, Паша позвал:

— Обезьяна!

— Чего тебе? — отозвался со скирды низкий и довольно противный голос. Зюзикову даже не по себе стало — принадлежал он какому-то крупному зверю.

— Это ты, обезьяна?

— Тебе не все равно? — спросило мохнатое существо, вылезая из скирды и отряхивая с себя солому. Было оно раза в два больше прежней обезьяны. И мех другого цвета — не рыжий, а темный, с седыми подпалинами.

— Ну... Ты можешь обратно все сделать? — спросил Паша.

— Обратно? То есть?

— Чтобы мне удача так не перла. И чтобы Лопатин наконец в заднице оказался. Он ведь тупой. Ему и везет только потому, что мне везет. В условиях конкурентной борьбы я его задавлю. Как таракана!

— Ой ли?

— Точно говорю!

Обезьяна задумалась, с интересом посмотрела на Зюзикова.

— Так дело не пойдет. Средства на тебя истрачены, думаешь, можно так вот взять и назад отыграть?

— А нет?

— Наверное, нет...

— Ну, должен же быть какой-то выход?

— Выход всегда имеется, — гадко ухмыльнулась обезьяна. Ухмылка на зверином лице смотрелась просто отвратительно.

Зюзиков постарался ухватить обезьяну за хвост, чтобы аргументировать свою позицию сильнее, но та не далась, поспешно отпрыгнув в сторону.

— Я тебе не Манька! — хихикнула она. — Мы из разных ведомств!

— Она в цирке работала, а ты, наверное, неудавшийся эксперимент военных?

— Вроде того...

— И какой ты предлагаешь выход?

— А ты соломку разрой, — предложила обезьяна, указывая мускулистой лапой на угол скирды. — Может, найдешь какое решение...

Зюзикив порылся в скирде, наткнулся на что-то твердое, выудил на свет старый ржавый топор.

— Ну и что?

— Ничего в голову не приходит? — хмыкнула обезьяна.

— Топор. Что тут может в голову прийти...

Обезьяна покачала головой.

— Ты прямо вроде и не простой русский человек, Павел! Все святым прикинуться норовишь?

— Это в каком смысле? — взвешивая топор в руке, недобро воззрился на животное Зюзикив. — Ты, мохнатая образина, будешь мне такие слова говорить?

— Книжки в детстве читал?

— Читал. Я и сейчас читаю иногда...

— Проблема «соседу больше, чем тебе» решена уже давно. Американский фантаст, известный очень, про желания что-то придумывал... Когда с соседом делиться надо... Вроде как пожелай себе женщину, которую едва-едва можешь удовлетворить, а сосед обломается. Потому как ему больше достанется. Только в нашем случае это ведь не поможет?

— Не пойму я, о чем ты... С женщинами — отдельная история. Я любовницу найду — сволочь Лопатин ее себе переманивает. Хоть не смотри на девчонок. А что — он богаче и спортом занимается...

— И вообще лучше тебя, — твердо заявила обезьяна.

— Вот я тебя сейчас! — крикнул Паша, замахиваясь на зверюгу топором.

— Мысль работает в правильном направлении! — радостно взвизгнула обезьяна, ретируясь на скирду. — Один великий русский писатель замечательно описал применение

топора! Книжки читай, Зюзиков, если додуматься не можешь, как от соседа избавиться!

— Убить? — не поверил Паша.

— Почему нет? Очень острое решение!

— Но ведь тогда...

— Что тогда? Тебе обещали удачу на всю жизнь? Обещали. Соседу втрое больше обещали? Так пусть и будет ему удача. А нет соседа — нет проблемы!

— И мне за это ничего не будет?

— Во всяком случае, удачи твоей отсутствие Лопатина никак не коснется!

Зюзиков думал.

— У него три телохранителя...

— А у тебя — удача! Неужто думаешь, не встретишь его на узкой дорожке? Твой сосед, между прочим, сюда идет!

Со стороны свинарника к скирде действительно кто-то шел.

— И без телохранителей?

— Он Анечке из поссовета свидание назначил. Она девочка романтичная, просто в машину не сядет. Ей нужны встречи при луне. Вот этот козел машину подальше поставил, чтобы жена не засекала, и пешком идет.

— Сволочь! — побагровел Зюзиков. — Он и к Анюте добрался! Я ж ее только в углу председательского кабинета один раз зажал и поцеловал два раза...

Кудрявая шевелюра Лопатина плыла над ветхим забором свинарника. Зюзиков подкрался, поднял топор и обрушил его на голову ненавистного соседа.

Лопатин упал без крика. Рухнул, как куль с мукой.

— Можешь не проверять. Готов, — ухмыльнулась обезьяна. — Удача тебе не изменила.

— И все? Так просто? — не поверил Паша. — Я могу делать что хочу? Желать что хочу? А ему ничего не достанется?

— Ему — точно не достанется. А тебе... Тебе, может, и достанется. Воздастся. Потом. Вне рамок соглашения, так сказать... Но пока можешь наслаждаться. В полную силу! Что я могу поделывать, если жизнь тебе укорачивать запретили?

Обезьяна вновь жутко усмехнулась. В лунном свете на покато-мохнато-черепа блеснули небольшие, едва заметные рога.

«Это от военных экспериментов, наверное, — с запоздалым раскаянием подумал Зюзиков. — Генная инженерия. У обычных обезьян ведь рога не растут!»

Но что-то подсказывало новоявленному миллионеру и первому парню на деревне, что военные здесь ни при чем. И от этого Зюзикову было очень тоскливо.

СТАНЦИЯ БЕСПЕЧНЫЙ БЕРЕГ

Нто-то забыл закрыть окно в тупиковом коридорчике на втором этаже, и ночью в гостиницу залетел медузник. Само собой, Бернару пришлось хватать швабру и выгонять опасную тварь наружу.

Разбуженный хозяином, спотыкаясь спростонья, он побрел к распахнутой двери, возле которой столпились перепуганные полуодетые постояльцы. Увидев человека со шваброй, они воспряли духом: наконец-то!

— Вон там он. — Растрепанная женщина с заплаканным морщинистым лицом и моложавым телом профессиональной спортсменки показала на интригующе темный проем. — Смотрите, какая пакость!

Из темноты доносились хрипы и сдавленное мычание. Бернар остановился на пороге, выставив перед собой оружие. Пакость, кто бы спорил...

Человек, лежавший на кровати, судорожно дергался. Казалось, его лицо зачем-то накрыли абажуром из полупрозрачного белого стекла, влажно поблескивающим в полутьме, а там, где шея и грудь, извиваются мохнатые черно-белые черви.

Подбадриваемый возгласами из коридора, Бернар подошел к кровати и хрястнул шваброй по куполу — фиксированный удар с таким расчетом, чтобы не сломать пострадавшему нос и не выбить зубы. Абажур, на поверку скользкий и упругий, недовольно дрогнул. Бернар колошматил кровососа до тех пор, пока тот не отлепился от жертвы и не взмыл к потолку.

Тучный мужчина на кровати был до синевы бледен, под полуприкрытыми веками белели закатившиеся глаза, на

шее и на груди остались багровые следы присосок. Бернара беглый осмотр удовлетворил: «Главное, я его не зашиб, остальное — не моя проблема».

Медузник парил под потолком, словно воздушный шар, его полосатые черно-белые щупальца меланхолически извивались. Размахнувшись, Бернар огрел гадину шваброй, направляя к двери, и столпившиеся в проеме люди подались назад. Этап номер два: загнать незваного гостя в тупичок с открытым окном, через которое он проник внутрь, потому что на всех остальных окнах ставни и жалюзи на ночь закрыты, как предписывает инструкция.

Постояльцы на всякий случай попрятались по своим номерам, а хозяин следовал за Бернаром на дистанции в несколько метров и давал бесполезные советы. Медузник, хоть и отяжелел от выпитой крови, плавал в воздухе, как рыба в воде, и уворачивался от швабры без видимых затруднений.

— Гони, гони его! — надрывался господин Милош, сердитый краснолицый коротышка в пижаме с вышитым воротом. — Э-эх, да откуда у тебя руки растут?! Вот как надо, смотри!

И он посредством энергичной пантомимы показывал, как надо гонять медузников, однако Бернар не обращал на него внимания. Хоть бы кто помог... Но помощников рядом не было, одни советчики.

Обиднее всего то, что в другом месте и при других обстоятельствах он справился бы с этой задачей шутя, ведь он колдун не из худших. Но прибегнуть сейчас к чарам — это значит заявить о своем присутствии, и тогда пропадай пропадом все то, ради чего Бернар уже больше года торчит в этой дыре.

— Нет уж, не дождешься... — прошипел он с ненавистью, замахиваясь на медузника, устремившегося было к парадной лестнице.

Тварь разочарованно колыхнула щупальцами и поплыла дальше по коридору.

— А стрельнуть в него?!

Из приоткрытой двери высунулась любопытная худощавая физиономия с оттопыренными ушами, а потом и рука с иноземным автоматическим пистолетом, но господин Ми-

лош ринулся на умника и заставил его отступить обратно в номер.

Стрельнуть! Брызги темной крови и пахучей маркой слизи разлетятся по всему коридору, а уж запах будет стоять... Стрелять в медузников рекомендуется только на открытом воздухе.

Бернар услышал, как хозяин вкрадчиво спрашивает:

— Вы, если не ошибаюсь, иноземный турист?

— Да, я путешествую уже третью неделю. — Голос слегка прерывистый, но самоуверенный и по-юношески высокомерный, акцент не слишком заметен. — У вас потрясающий мир!

Ясно, кто открыл окно и с кого можно содрать компенсацию за медузника, если у Милоша хватит ума вывести парня на чистую воду. Такую глупость мог выкинуть только турист с Земли Изначальной — чтобы посмотреть, что будет. Но с Бернара тоже спросят: проглядел туриста и не проявил повышенной бдительности, как полагается в подобных случаях.

Некстати вспомнилось, что на Земле Изначальной тоже есть животные, с виду похожие на медузников, но там они обитают не в воздухе, а в воде и не забираются по ночам в дома, чтобы набрасываться на спящих.

Вот и боковой коридорчик, возле прикрытого окна дежурит заспанная горничная. Распахнув обе створки, она отступила к стене. Бернар в последний раз наподдал кровососу, и тот вылетел в черноту, где в этот час не было ничего, кроме печального иссиня-белого лунного диска. Горничная испустила вздох облегчения — измученный, со стоном.

Аккуратно прислонив швабру к стене, Бернар с лязгом захлопнул решетчатые ставни и защелкнул задвижки, потом закрыл окно, опустил жалюзи — все в соответствии с правилами техники безопасности.

Когда он повернул в основной коридор, украшенный незамысловатой добротной лепниной, Милош все еще беседовал с молодым туристом.

— ...Я собираю материал для диссертации, и меня интересуют ваши легенды, всякие поверья, — увлеченно расска-

зывал ушастый парень. — Например, об этом вашем политическом деятеле, которого называют Темным Властителем...

Бернар сплюнул. Три раза, через левое плечо. Тоже, нашел, кого посреди ночи помянуть!

Утро выдалось солнечное и безмятежное, в алмазной росе (алмазы! из-за них-то Бернар здесь и мается), и он разговаривал на веранде с Филиппом, предполагаемым виновником ночного безобразия. Тот потягивал кофе, откинувшись в плетеном кресле, а Бернар стоял напротив, прислонившись к резной деревянной балюстраде. Его должность в гостинице называлась впечатляюще: «менеджер по работе с клиентами». На деле это означало, что, помимо записей в конторской книге, ответов на дурацкие вопросы и выслушивания жалоб, он должен таскать чемоданы, а также заменять уборщицу с буфетчицей, если те не выйдут на работу. У него была репутация бесхарактерного парня, который не умеет себя поставить. Пускай. Когда он узнает секрет, все перенесенные мытарства окупятся с лихвой.

Сейчас клиентов, кроме Филиппа, в буфете не было, они всем скопом ушли на корт. В гостинице проходил тренинг-семинар общественного движения «Всем миром против стресса», о чем сообщала веселая красно-желто-голубая растяжка над входом. Станция Беспечный Берег — местечко тихое, словно созданное для таких мероприятий. Правда, после того, что здесь было минувшей ночью, противники стрессов могут разочароваться... Но пока они как ни в чем не бывало отправились на запланированное занятие, в номере остался только мужчина, пострадавший от медузника.

Врач его уже осмотрел, а после хозяин, чтобы подстраховаться, вызвал еще и местную колдунью, Домну Растороши. Ее низкий, грубоватый, почти мужской голос доносился из окна на втором этаже. Домна читала исцеляющий заговор, и Бернар, как профессионал, не мог не оценить искусные перепалы ее интонаций и выверенный ритм речитатива.

Он застрял здесь из-за Домны, из-за этой полусумасшедшей старухи. Вернее, из-за ее тайны, манящей, как россыпь Драгоценностей в застекленном прилавке ювелирного магазина.

— Мое исследование... э-э... как бы вам объяснить... призвано скоррелировать вымысел с историческими истоками и протоистоками. — Филипп рассуждал с нервным оживлением и раздражающим налетом высокомерия, не особенно заботясь о том, слушает его невзрачный молодой человек из гостиничного персонала или нет. — Например, ваша знаменитая, и тэ дэ, и тэ пэ, каждому младенцу известная легенда о Темной Весне. Доказано, что Валеас Мерсмон — реальная историческая фигура, что около двухсот лет назад он узурпировал власть и объявил себя абсолютным монархом Долгой Земли, но через три года был свергнут, и сейчас у вас популярны ругательства: «Мерсмоново отродье», «Мерсмон тебя заberi», «чтоб тебя Мерсмон поимел», «иди ты к Мерсмону»...

Каждый раз, как этот болтун произносил имя Темного Властителя, Бернар внутренне напрягался и складывал пальцы левой руки в охранный знак. Руку он держал за спиной, чтобы турист не заметил. Подобные ругательства в ходу у невежественных масс, а человек знающий никогда себе такого не позволит.

— Да, вы же местный, с вашей точки зрения все это очень грубо, вроде мата, — неверно истолковав его неодобрительную гримасу, снисходительно усмехнулся Филипп.

— Не говорите так больше. Тот, кого вы упоминали, может услышать свое имя, не стоит привлекать его внимание, — насколько мог терпеливо объяснил Бернар. — Это чревато неприятностями.

— А вы, значит, суеверны? Кстати, странно, что смертную казнь ему заменили на пожизненное заключение. Или это была туфта и на самом деле его казнили? И почему у вас народ так нервничает, когда о нем заходит речь?

— Тот, о ком вы говорите, был и остается самым сильным магом за всю историю Долгой Земли, — процедил сквозь зубы Бернар. — Возможно, сейчас он нас слышит. Не удивляйтесь, если у вас сломается фотоаппарат или вытечет в кармане авторучка. Другие персонажи этой легенды вас тоже интересуют?

— Эфра Прекрасная и Залман-герой? С ними вопрос пока не прояснен, и насчет прототипов нет однозначного мне-

ния. Например, по одному варианту легенды Залман был красавцем, а по другому, менее распространенному, — человеком с изуродованным лицом и добрым сердцем. Противоречие, и оно заставляет думать, что Залман-герой, антипод Темного Властителя, — собирательный образ.

— Может быть, может быть, — негромко отозвался Бернар. — Это ведь вы вчера вечером открыли окно?

— Какое окно? — Вопрос не в тему заставил Филиппа недоуменно содрогнуться и поглядеть на чашку с кофе, а потом на собеседника так, словно это какая-то невидаль. — Я никаких окон не открывал. Кстати, что это за шум? У вас тут лес рубят или стройка поблизости?

С веранды открывался вид на зеленую лужайку, за которой находился огороженный корт, дальше — россыпь бревенчатых домиков с надворными постройками, все крепкое, сколоченное на совесть и вдобавок украшенное резьбой, а еще дальше — облитая утренним солнцем десятиметровая береговая стена, сложенная из бетонных блоков, и за ней темнеют кроны громадных деревьев. Медузники по ночам прилетают оттуда, из-за стены. С той стороны уже часа полтора доносились мощный рокот множества моторов, а также треск и удары, словно вдали падало что-то тяжелое.

— Это идет караван с Кордеи, — объяснил Бернар. — К нам он заворачивать не будет, напрямик на Магаран. Если хотите посмотреть, садитесь на двенадцатичасовой поезд и поезжайте в Дубаву. Обгоните его и с вокзала на такси в самый раз успеете.

С этим караваном — точнее, с тем фактом, что караван пройдет вблизи Беспечного Берега и после него останется просека, — Бернар связывал кое-какие сокровенные надежды. Может быть, на этот раз ему наконец-то повезет?

— Экологические варвары. — Филипп покачал головой не то с осуждением, не то с невольным восхищением. — На нашей Земле вашу Трансматериковую компанию давно бы засудили, закрыли, разорили на штрафы. Как вы калечите свой Лес... Пишете с большой буквы — и калечите.

— А ему ничего не сделается. Просека, оставленная танк-машинной, летом зарастает за полтора месяца, зимой — за два-три года. Я имею в виду не наш долгий год, а тот, что по

вашему исчислению — триста шестьдесят пять дней. Этот Лес переполнен магией, как лейденская банка — электричеством, за него беспокоиться не нужно. И если сегодня вечером кто-нибудь опять откроет окно, последствия могут быть похуже вчерашних.

— Ваша армия воюет с Лесом! — Предупреждение насчет окна турист откровенно пропустил мимо ушей. — Окружить поляну, пиф-паф по кустарнику...

— Не с Лесом, а с племенами кесу, — спокойно поправил Бернар, прислушиваясь к звукам наверху (Домна закончила свой речитатив и разговаривала с пациентом, тот что-то бормотал слабым голосом в ответ на ее вопросы). — Это лесные дикари, автохтонная раса.

— А, красноглазые демонические женщины, покрытые серой шерстью, с острыми клыками, длинными ногами и соблазнительными формами? Ни разу их не видел...

«Сегодня вечером на все ставни повешу амбарные замки, — глядя на него с опаской, решил Филипп. — А то, чует мое сердце, ты нам устроишь, так что борцы со стрессами отсюда сбегут, побросав чемоданы, и потом подадут в суд на администрацию гостиницы. И я тоже хорош — «автохтонная»! Я, скромный гостиничный мальчик, знать не знаю таких словечек».

— Кесу не демоны, но кесейская магия — это серьезно, — сказал он вслух. — Они съедают большую часть своих младенцев мужского пола, поэтому у них матриархат. Людей они тоже едят, причем считают, что самое сладкое мясо у ваших соотечественников.

Напугать Филиппа не удалось, с его мальчишеского острого лица не сходило восторженно-мечтательное выражение.

Голоса в номере наверху смолкли. Хлопнула дверь, потом заскрипели ступеньки деревянной лестницы под тяжелыми шагами Домны.

— Не изволите ли еще кофе? — нарочито громко, с подобострастными нотками осведомился Бернар (он — менеджер по работе с клиентами и больше никто).

— Давайте, — секунду поразмыслив, улыбнулся турист. Домна Растороши появилась из-за угла гостиницы и не-

спешно, вперевалку, побрела по тропинке мимо корта к деревне. Грузная, на рукавах и на подоле длинного коричневого платья сверкает на солнце золотое шитье. Черные с проседью толстые косы уложены венком, воткнутый в прическу полукруглый позолоченный гребень усыпан алмазами и жемчугом. На таком расстоянии не разглядишь, но Бернар знал, что у нее там алмазы и жемчуг. Окаянная ведьма, сидит на своем секрете, как... как... Он не мог подобрать достаточно хлесткого сравнения.

— Сколько ей лет?

— Много. Триста с лишним.

— Она у вас считается ведьмой?

— Она опытная колдунья, — сухо сказал Бернар (как бы он сам ни относился к жадной, скрытной и недалекой Домне, ему не понравилась пренебрежительная интонация, с какой этот самоуверенный чужак говорит о его коллеге).

— Да, у вас же тут все поголовно верят в магию, в колдовство... — Филипп насмешливо сморщил свой бледный незагорелый нос. — И что они могут, ваши колдуны?

«Много чего. Я могу, например, проникнуть в твои мысли и знаю, что это ты открыл окно, сколько бы ты ни изображал удивленную невинность. Было бы справедливо, если бы медузник заглянул поужинать к тебе, а не к этому несчастному шеф-повару из Дубавы, который приехал сюда, бедняга, снять стресс после развода с женой. Но справедливости нет — ни на нашей Долгой Земле, ни на вашей Изначальной, иначе я давно бы уже выведал волшебный секрет старой дуры...»

— А вам сколько лет?

Бернару недавно стукнуло семьдесят четыре, но он, как и Домна Растороши, принадлежал к подвиду долгоживущих и выглядел ровесником Филиппа. На работу к Милошу он устроился с поддельными документами.

— Двадцать восемь.

— Интересно, как у вас тут люди делятся на три типа — нормальные, те, кто стареет за двадцать лет, и те, кто остается молодым очень долго. Вы, наверное, нормальный, не мутант — угадал? Это сразу видно. — На его лице появилась по-мальчишески высокомерная проницательная усмешка.

ка. — Я бы хотел посмотреть на какого-нибудь двадцатилетнего старика... — Филипп прищелкнул пальцами. — Как же они называются?..

— Подвид А. Один из них живет вон в том крайнем доме — видите, крыша с коньком в виде женской головки?

Турист допил кофе и поднялся из-за столика, поглядывая в сторону деревни.

«Дурак», — холодно подумал Бернар. Он эту публику не любил. От них одни неприятности. Возможно, будь он настоящим гостиничным менеджером, он бы относился к ним с большей терпимостью (как-никак источник дохода!), но он был колдуном, в настоящее время — охотником за профессиональным секретом своей сбрендившей коллеги.

На Земле Изначальной он побывал прошлым летом — то есть около тридцати лет назад, — и ему там не понравилось. Во-первых, магия, эффективная на Долгой Земле, там не работает или почти не работает, из-за этого Бернар, способный начинающий колдун, чувствовал себя незащищенным, едва ли не голым. Во-вторых, сумасшедшая чехарда времен года: не успела начаться зима, уже наступает весна, а лето может промелькнуть так, словно его и не было вовсе. Эту круговерть он до сих пор вспоминал с оторопью. То ли дело дома: восемь лет длится жаркое лето, восемь лет — осень, и сезонные изменения происходят постепенно, черепашьими шажками, так что к ним успеваешь привыкнуть и приспособиться, а потом восемь лет зима, восемь лет весна... Истинный миропорядок, чего не скажешь о том климатическом бардаке, который имеет место на Земле Изначальной, недаром самые умные из людей, в том числе предки Бернара, в былые времена переселились оттуда на Долгую Землю.

А страхи иноземцев по поводу зимнего голода просто смехотворны: за весенне-летне-осенний период столько припасов можно накопить — склады будут ломиться; что же касается сохранности продовольствия, на то есть чары. Минувшей зимой Бернар работал на одном из магаранских продуктовых складов в штатной должности мага-смотрителя — синекура. У складских кошек с бирками на ошейниках, ловивших мышей и крыс, и то было больше хлопот.

А те любители иноземной экзотики, кто захлеб восхи-

щается радиосвязью, телевидением, компьютерами и прочими техническими игрушками, которые там работают, а здесь нет, пусть отправляются туда жить, если хотят, — скаattered дорожка. Бернар был патриотом и консерватором.

Во время ужина он зашел в обеденный зал со шваброй наперевес и объявил, что на будущее администрация гостиницы гарантирует постояльцам безопасность, и он обломает вот эту самую швабру о бока того безответственного экстремальщика, который еще раз откроет на ночь окно. Смотрел он при этом на Филиппа.

Хозяин потом сказал:

— Слишком жестко, Серж. — Под этим именем Бернар оформился в гостиницу. — Умно, эффективно — да, но жестко... Люди начнут нас бояться.

— Пусть бояться, — не согласился Бернар. — Лишь бы окна не открывали.

И завел разговор о том, что переволновался, пока выгонял медузника, поэтому завтра ему нужен выходной за свой счет; буфетчица завтра выйдет на работу, и обе горничные будут на месте. Милош не возражал, даже наоборот: тихий и покладистый менеджер устраивал его больше, чем крутой и опасный, как полчаса назад в обеденном зале, поэтому пусть парень отдохнет и успокоится.

Закрывшись в своей крохотной, как стенной шкаф, комнате, Бернар позволил себе скупую улыбочку: все получилось, как он запланировал, остается одержать завтра главную победу — над Домной.

Ночь прошла спокойно. Швабры Филипп испугался.

Утром Бернар покинул гостиницу, едва взошло солнце. Беспечный Берег просыпался, деревенские выгоняли скотину и собирались на огороды, а те, кто посмелее, собирались с корзинами в Лес, на просеку — чем-нибудь да разживешься. Возле одного из домов хозяева сокрушались над обескровленным трупом овцы, найденным под забором, — ночью здесь опять побывали медузники. Соседи неодобрительно переглядывались: сами виноваты, раззявы! Мертвую овцу уже облепили шмыргали, похожие на темные мохнатые клубки, и успели попортить шкуру, а к полудню в траве останется один скелет.

Домна тоже проснулась и низким густым голосом звала завтракать внучку — тихую, до прозрачного бледную девочку лет четырнадцати-пятнадцати, сидевшую с куклой на скамье под окном.

— Мерлиза, иди кушать, кому говорю! Мерлиза!

Девчонка была слегка тронутая, дошло до нее только с пятого раза. Усадив куклу на скамейку, она поплелась к крыльцу, украшенному нарядной резьбой. Бернар знал историю Мерлизы, и удивляло его не то, что она такая вялая и апатичная, а скорее уж то, что Домне удалось-таки выходить ее до состояния, близкого к нормальному.

Девять лет назад родителей Мерлизы съели кесу. Начало весны, затяжные снегопады, бури, температура держалась низкая, в Лесу было холодно и голодно. Мелагара — небольшой островок на окраине Магаранского архипелага; кесу из кочевого племени прорыли там подкоп под береговую стену, рассудив, что в такую погоду проще охотиться в человеческих деревнях, чем в заваленной непролазными сугробами чащобе.

Однажды после полуночи нападению подверглась семья Домниной дочери. Обычная история: серые демоны из Леса выбили дверь, растерзали и сожрали находившихся в доме людей и унесли с собой полмешка сахара. В живых осталась только Мерлиза, мать успела столкнуть ее в подпол и крышку сверху задвинула диваном. После этого девочка перестала разговаривать и часами сидела неподвижно, словно чахлое увядающее растение. Домна забрала ее из лечебницы, зная, что сама будет о ней заботиться.

Те кесу потом получили по заслугам. Потайной лаз в конце концов нашли, солдаты из местного гарнизона устроили засаду и перестреляли красноглазых хищниц, а подземный ход замуровали и засыпали.

Упрямая старуха сумела добиться многого. Девчонка постепенно оживала — очень медленно, так же медленно, как меняются времена года на Долгой Земле. Оцепенение, которое сковало ее той страшной ночью, таяло крупинка за крупинкой. Мерлиза отставала в развитии от своих сверстников, но начала произносить короткие фразы, понимала, что ей говорят, если речь шла о простых вещах, и бывало, что по-

могала Домне по хозяйству. Любая мысль, любое высказывание или действие давались ей с трудом, однако ее поведение было адекватным, хотя и сильно заторможенным. Даже за тот год, что Бернар прожил на Беспечном Берегу гостиничным менеджером, состояние Мерлизы очевидно улучшилось — он мог бы это засвидетельствовать, возникни такая нужда.

Из-за занавески с вышитыми подсолнухами доносился властный бас Домны, Мерлиза что-то отвечала монотонным надтреснутым голосом. Бернар, направлявшийся к местному вокзалу, такому же бревенчатому и резному, как все остальные постройки Беспечного Берега, не замедлил шага, лишь мимоходом покосился на дом колдуньи.

На скамье под окном одиноко сидела большая беловолосая кукла с фарфоровой головкой, в платье из грязноватой потускневшей парчи. Она изображала Эфру Прекрасную — Весеннюю Королеву, добрую сказочную красавицу, на которой насильно женился Темный Властитель. Когда Эфра плакала (а плакать ей приходилось часто, с таким-то супругом!), слезы, капавшие из ее правого глаза, превращались в алмазы, а из левого — в жемчужины. К кукольному личику под правым голубым глазом был приклеен алмаз величиной с просыное зернышко, под левым — такого же размера жемчужинка. Варварство — и по отношению к дорогой игрушке, и по отношению к драгоценностям, но Домна еще не на то пойдет, чтобы порадовать свое болезненное дитяtko.

Домна умела делать алмазы и жемчуг. Из чего и каким образом — именно это Бернар и хотел бы узнать. Именно из-за этого он и убивал время на Беспечном Берегу. Его коллеги хранят свои профессиональные тайны как зеницу ока, но он надеялся, что Домна рано или поздно допустит какой-нибудь промах — она ведь немного чокнутая. Иначе почему она, при таких талантах, до сих пор живет в этой дыре, вместо того чтобы перебраться в глубь Магарана, в большой город или в уютный респектабельный городок, купить там недвижимость, нанять прислугу?.. Она могла бы разбогатеть, но свои драгоценности она не продавала. Вначале, когда поползли слухи, ее осаждали и всякое жулье, и крутые банди-

ты, но Домна на таких визитеров мигом наводила порчу, и скоро ее оставили в покое.

Со своего ювелирного волшебства она ничего не имела и порой делала довольно-таки странные вещи. Кукле вон мордашку украсила... Маловероятно, что у Мерлизы попытаются отнять любимую игрушку (кто же посмеет обидеть колдуньину внучку?), но ведь и проку никакого! По расхожему представлению, колдуны — практичный народ и своей выгоды не упустят, а Домна Растороши как будто задалась целью этот тезис опровергнуть.

Дойдя до вокзальчика, Бернар миновал вонючий туннель и оказался на перроне по ту сторону береговой стены. По металлическому мостику, перекинутому через транспортные траншеи с мутной водой, разделенные бетонными платформами, тянулся до зубов вооруженный народ с корзинами. Ожидающих на перроне было немного, в том числе Филипп. К нему-то Бернар и направился: нужно дождаться, когда Домна пройдет по мостику и скроется в Лесу, и только после этого вторгаться в ее жилище.

Турист первым делом пожаловался на вонь, как в зоопарке: не могли за столько веков путем целенаправленной селекции вывести зверопоезда без неприятного запаха! — а после на то, что не может отправиться в Лес за компанию с местными жителями. В Дубаве сегодня открытие церемонии благодарственных танцев перед портретом Летней госпожи, и он не хочет ничего пропустить, но послезавтра навестает упущенное.

«Что ж, на два дня дольше проживешь», — подумал Бернар, разглядывая заносчивое бледное лицо, затененное козырьком забавной шапочки с непонятной надписью, фасонистую рубашку с короткими рукавами, поросшие светлыми волосками незагорелые руки, фотоаппарат в кожаном футляре. На Беспечном Берегу такие, как Филипп, появляются редко. Хотя в конце весны, когда начали открываться порталы, соединяющие две параллельные Земли, господин Милош предвкушал туристический бум и заоблачные барыши: протоportal обнаружили на Канфе, скалистом острове в пяти километрах к западу отсюда.

На Канфе никто не живет, там даже береговой стены

нет, и порталов там сроду не бывало. Деревенские радовались нежданному везению и будущие денежки в уме считали, а потом этот самый портал открылся, но вместо официальной делегации оттуда вылез большой белый зверь с черным носом, похожий на медведя. Он выглядел ошалевшим и разъяренным, и члены комиссии, приехавшей из Дубавы смотреть портал, еле спаслись от него, успев добежать до машин. Когда тронулась с места таран-машина, зверь испугался и отступил, но обратной дороги в свой мир так и не нашел. Он еще несколько дней бродил по окрестностям и ревел, жалуюсь на судьбу, а потом его задрала стая саблезубых собак.

По ту сторону канфийского портала была смертельная стужа, снежная пустыня, сверкающие ледяные гребни да кое-где как будто темнела в трещинах вода — и больше ничего. Может, это вообще не Земля Изначальная, а непонятно что. На Канфе вокруг неправильного портала даже почва заиндевела, и там поставили щиты с надписью «Опасная зона», чтобы никто сдуру не совался, но сорвиголовы из деревни все равно ходят туда за льдом для своих погребов. Милош тоже покупал у них лед на случай, если в гостинице холодильники сломаются.

Глядя на высокомерного и любознательного Филиппа, Бернар подумал: к лучшему, что канфийский портал обманул ожидания, а то началось бы нашествие... Нам тут и одного такого хватит.

— Берег Леса, остров в Лесу — это звучит немного по-дурацки, вы не считаете? У нас говорят: берег реки, берег моря, остров в океане... Видите, все понятно, а у вас какая-то излишняя метафоричность определений, это вводит в заблуждение... Около берега должна быть вода.

— Вот вам вода, — не удержался от остроты Бернар и показал на ближайшую траншею (пахучая, с примесью слизи жидкость в ней подернулась рябью, несмотря на отсутствие ветра, — это означало, что зверопоезд приближается). — Наш Лес — такая же стихия, как ваши океаны, и те участки суши, на которых могут жить люди, — самые настоящие острова. Караваны Трансматериковой компании водят через Лес капитаны, а штурманы, шоферы, следопыты, механики — это вроде команды корабля, который плавает по мо-

рям на вашей Земле. В Лесу есть свои пираты — кесу, а иногда и человеческие банды, караванщикам приходится с ними драться.

— Откуда вы все это знаете? Я имею в виду — как у нас?

— Фильмы смотрел, — вывернулся Бернар. — В гостинице есть кинозал, и раз в неделю крутят кино, в том числе купленное у вас. Вся деревня ходит.

Лес поднимался к голубым небесам по ту сторону траншей (первая — морщинистая от набегающей ряби, в двух других вода неподвижна, как в стоячих канавах) и невысокого бетонного ограждения. Коричневые, красноватые, фиолетово-серые стволы выше десятиметровой береговой стены, кроны сливаются в сплошную массу, кое-где меж деревьев виднеются «русалочьи хвосты» — конусовидные растения, покрытые плотно прилегающими серо-зелеными кожистыми листьями, похожими на чешую, — и все это окутано маревом испарений и цветущими лианами.

— Смотрите, какая атаманша!

Бернар оглянулся: турист показывал на Домну, неторопливо поднимавшуюся на мостик. Оделась она, как полагается для вылазки в Лес: шаровары заправлены в туго зашнурованные сапожки, поверх фуфайки — безрукавка с оттопыривающимися накладными карманами, голова замотана платком. Необъятное брюхо перетянута широким кожаным ремнем, две кобуры с револьверами и тесак в ножнах.

— Почему атаманша? — в недоумении спросил Бернар.

— Настоящая бой-баба, огромная и вооруженная! — Филипп хихикнул.

— Так она же в Лес пошла, а не в магазин за нитками. Все правильно, грамотно... — отозвался Бернар, провожая взглядом старую колдунью.

— Интересно, умеет она стрелять?

— Те, кто не умеет стрелять, в Лес не ходят. А если ходят, то всего один раз — насовсем.

Станционные рабочие подкатили к лебедке в конце перрона тачку с помятой металлической лоханью. Они суетились, потому что запаздывали: поезд уже близко, и если кормежки не будет — он может проскочить мимо, не останавливаясь. Лязгнули цепи, заскрипел ворот. С другой стороны

нарастал шум: гоня впереди себя волну, по траншее двигалось что-то темное в пестрых пятнах. Бернар вовремя отступил от края, а замешкавшемуся Филиппу забрызгало ботинки.

Спустить на цепях лохань с угощением рабочие успели вовремя. Зверопоезд (а если по-научному, то гигантский пустотелый червь-путешественник обыкновенный) замедлил ход и остановился, вытянувшись вдоль платформы. В его бугристых шершавых боках открылись складчатые диафрагмы. Внутри было темно и затхло. На Беспечном Берегу никто не выходил, и отъезжающих набралось не больше десятка. Подвыпивший пожилой мужчина принялся доказывать проводнику, что он активный участник антимерсмонинанского движения и поэтому имеет право на бесплатный проезд, но его удостоверение куда-то запропастилось.

— Гнали мы Темного Властителя до самого Кесуана пинками и прибаутками, мечами и магией!.. — разносился его нетрезвый голос над почти обезлюдившим перроном, осененным тенью береговой стены.

— А у него авторучка в кармане не вытечет? — с усмешкой спросил Филипп.

— Все может быть... — рассеянно пробормотал Бернар, глядя на мостик, по которому несколько минут назад проществовала Домна, большая, грузная, с такой же большой корзиной. Вернется она, скорее всего, только к вечеру, так что время есть. Сейчас он отправится в ее берлогу (там никого, Мерлизу она, если отлучается надолго, отводит к соседке), и в этот раз ему наконец-то повезет, должно повезти! Он найдет то, что ищет, разгадает ее проклятый секрет...

Его вернул к действительности мальчишески восторженный возглас туриста:

— Что это?!

На шкуре зверопоезда, напоминающей расцветенную пестрыми лишайниками поверхность камня, на высоте человеческого плеча сверкнуло нечто невероятно красивое. Брошь из переливчатых самоцветов, невесть как тут оказавшаяся и прилепленная к боку живого поезда. Филипп потянулся ее схватить — и схватил бы, не успей Бернар дать ему по руке.

В течение трех-четырёх секунд он испытывал всепоглощающее удовлетворение: ему давно хотелось стукнуть туриста, да повода не было.

— Вы чего?.. — Растерявшийся Филипп попятился от него. — Больно же!

— Не трогайте. Перекидников видели? Это вроде них, только насекомые. Паразиты. Вы схватите, и они вам под кожу яички отложат, намучаетесь потом. Вот, смотрите!

Он вытащил складной нож и ткнул острием в «драгоценность» — та зашевелилась и распалась на отдельные блестящие «камешки», которые сразу же расползлись в разные стороны.

— Это они так людей приманивают, — наставительно добавил Бернар. — С учетом человеческих склонностей и привычек.

Турист разглядывал сверкающих паразитов с опаской.

Впустив ветерана в вагон под честное слово, проводник объявил, что посадка заканчивается.

— Идемте? — предложил Филипп.

— Я не еду. Не люблю эти поезда. Во-первых, вонь. Во-вторых, иногда на них нападает бешенство, и тогда они ломятся в Лес, не разбирая дороги, бьются о деревья, завязываются узлами — а пассажиры внутри... Каждый раз садишься и думаешь: доеду куда нужно или сгину?

Видно было, что Филиппу не по себе, однако билет уже куплен, и церемония благодарственных танцев открывается в Дубаве сегодня вечером, и проводник глядит с нетерпением... Побледневший, с гримасой смертника, турист забрался в вагон.

«Это тебе за окно», — подумал Бернар.

Входные щели в боках зверопоезда закрылись, потом раздался протяжный крик погонщика, и станция опустела, только вода в транспортной траншее беспокойно колыхалась.

Бернар ухмыльнулся. Насчет бешенства он сказал чистую правду. Забыл только добавить, что таких катастроф давно уже не случалось, потому что ветеринары научились выявлять недуг по характерным признакам еще во время инкубационного периода.

В деревне было затишье — кто ушел в Лес, кто на огорды, — но из окон гостиницы его могли заметить, поэтому он воспользовался отводящими глаза чарами.

Он уже много раз посещал Домнино жилище, но до сих пор не обнаружил никакого ключа к ее тайне — ни подсказки, ни намека.

Добротная деревенская мебель. Дорогие ковры. Много игрушек и детских книжек с картинками. По стенам развешаны пучки сухих трав, окунуться после вокзала в их благоухание — лучшей ароматерапии не придумаешь, но он пришел сюда не за этим.

Бернар не чувствовал себя вором. Все, что он делал, не выходило за рамки принятой в его среде профессиональной этики. Шпионить за коллегами и красть их секреты — это допустимо, а Домна, в свою очередь, может устроить ему какую-нибудь каверзу. Правила это позволяют. Другое дело, если бы он, к примеру, похитил Мерлизу — вот это была бы мерзость, за это его бы осудили, но Бернар и в мыслях такого не держал. Существующие правила ему нравились: изящные и удобные, как в шахматной игре. Будучи по натуре консерватором, он следовал им с удовольствием и того же самого требовал от других.

Шкаф темного дерева, с дверцами из помутневшего рифленого стекла. На полках — флаконы и баночки, сырье для снадобий, приготовленные на продажу обереги, всевозможные лесные диковинки вроде высушенного «чертова капкана» (зубастая пасть с желудочным мешком, покрытым желтовато-серой колючей шкуркой) или завораживающего своей сложной, как у снежинки, структурой звездчатого корня. В плотно завинченной трехлитровой банке плавает розоватый мерцающий пух. Интересно, в прошлый раз этого не было. Но явно не то, что ему нужно.

Бернара снедали нарастающая досада и настойчивое, непримиримое желание все-таки докопаться до разгадки. Нет уж, он не отступит...

В каждой комнате расставлены по углам грубо вылепленные глиняные чаши, разрисованные непонятными символами. Зачем они — одна Домна знает. Во всяком случае, он

их предназначения определить не смог. Тоже не то, сразу видно.

Лаз в подполье. Но там никакой подпольной лаборатории, только лед из канфийского портала и всякая снедь — в этом он еще в прошлые разы убедился.

На столике под зеркалом лежит птичье крыло, черные шелковистые перья с радужным отливом. Рядом, в стеклянной вазочке для варенья — несколько мелких алмазов и жемчужин.

Бернар стиснул зубы. Все равно рано или поздно он эту загадку разгадает!

А на часах уже половина четвертого, пора уходить. У Домны Растороши, хоть она и чокнутая, репутация вполне приличная, и можно надеяться, она его не убьет, если внезапно вернется, а он все еще будет заниматься изысканиями в ее доме. Она из тех, кто правила уважает. Но дожждаться здесь ее возвращения — вот это уже будет не по правилам, потому что наглость.

Несмотря на бушующие в душе эмоции, Бернар тщательно уничтожил все материальные и нематериальные следы своего вторжения. Потом, вновь прикрывшись отводящими глаза чарами, быстро вышел из дома, стянул и спрятал в карман резиновые перчатки и направился к деревенскому магазину. Поболтав со скучающей продавщицей, купил тюбик крема для бритья и две пары носков, после чего, уже не таясь, пошел к гостинице.

Его по-прежнему грызла досада. Ничего, опять ничего... Сколько это может продолжаться? Он почувствовал легкую зависть к Филиппу: тот, наверное, уже в Дубаве и скоро удовлетворит свое неприхотливое любопытство — увидит благодарственные танцы перед портретом Летней госпожи. А то любопытство, которое мучает Бернара, каждый раз остается неутоленным, раз за разом, раз за разом... Он не мог бы сказать, что для него важнее: разбогатеть за счет Домниного секрета или заполнить некую умственную лакуну, выяснив наконец-то, как старая ведьма это делает? Наверное, то и другое напополам.

Заметная издали разноцветная растяжка над гостинич-

ной дверью приглашала желающих присоединиться к общественному движению «Всем миром против стресса».

Бернар кисло усмехнулся: может, махнуть на все рукой да вступить в их ряды?

Домна вернулась, когда начало смеркаться. В первый момент ей показалось, что в ее отсутствие никто сюда не приходил, но потом она обнаружила, что рано расстроилась: молодой колдун из гостиницы искусно стер все следы — и все-таки он здесь побывал, чаши полны до краев.

Она провела ладонью над разрисованной магическими символами посудинной (глина из особого месторождения да кое-какие примеси, иначе эта чаша не могла бы вобрать в себя и удержать то, что в ней находится) и ощутила усиливающееся покальвание, рвущийся наружу нематериальный жар. Его упрямство, его энергия, его яростное любопытство и желание во что бы то ни стало добиться намеченной цели... После такого вливания Мерлиза оживет, как засохшее дерево после дождя.

Домна не умела делать алмазы и жемчуг. Зато она знала, как можно вылечить человека, чья жизненная сила вытекла, рассеялась, собралась в чуть тепленькие вялые комочки. Дело долгое, но терпения у нее хватит.

Она ничего у них не отнимала — брала только то, что они сами отдавали. За приманку (немного речного жемчуга и алмазов посредственного качества) ей пришлось выложить все свои сбережения, зато Мерлиза пошла на поправку. Если упрямый Бернар задержится тут еще на полгода, она, глядишь, и читать научится, хотя бы по складам. А если уедет — новые охотники набегут.

Домна принялась закрывать чаши с невидимой субстанцией крышками из глины с секретными примесями. Что ее считают дурой — неважно. Главное, чтобы они ни о чем не догадались. Свою уловку Домна позаимствовала у тех насекомых из Леса, которые прикидываются разными съедобными и несъедобными предметами, в том числе драгоценными украшениями.

ЛГУНЬЯ

1. НАЙДЕНКА

 — человек рациональный. И совсем не религиозный. Более того, как всякий порядочный ученый, верю своим глазам: если что-то вижу, то считаю увиденное реальным, а не плодом воображения. Даже если объект сей за тридцать пять лет, которые я прожил на белом свете, не попадался мне ни разу.

Так что, увидев голую девицу ростом двадцать сантиметров, я не счел ее ни галлюцинацией, ни мистификацией. Девица стояла на песке посреди пустынного пляжа и ежилась от ветра. Было поздно и, соответственно, уже темно, однако я видел ее вполне отчетливо в свете расположенного рядом фонаря.

— Помогите, пожалуйста! — Девица говорила по-английски с очаровательным, но лишенным географической привязки акцентом.

— Как? — спросил я, присаживаясь на корточки.

— Мне холодно, я голодна и хочу спать. — Она помолчала, а потом добавила: — Мне некуда пойти, ибо я потерялась.

— Это не ответ на мой вопрос, — сказал я, маскируя растерянность логикой. — Я спросил, как именно вам помочь.

На лице моей собеседницы появилось раздражение.

— Вы должны согреть меня, накормить и отнести в такое место, где я могла бы поспать, — сказала она, надменно сморщив нос.

Хм... У меня в номере есть мини-бар, а в мини-баре — какие-то пакетики... орешки или, может, чипсы. Для такой малышки хватит за глаза.

— Мне придется посадить вас в карман, — сказал я, протягивая руку и складывая ладонь стульчиком.

— В карман я не сяду, — рассердилась девица. — Я вам не кошелек.

Она сложила руки за спиной и отвернулась. Грудь ее — кстати сказать, довольно большие — колыхнулись вверх-вниз.

— Но как же я пронесу вас в гостиницу?

— Я готова ехать, — она так и выразилась: «ехать», — у вас за пазухой.

Не дожидаясь согласия, девица села в мою (все еще протянутую) ладонь и для равновесия уцепилась за большой палец. От ее попки исходило ровное приятное тепло.

Я расстегнул пиджак, затем рубашку и осторожно подсадил девицу в образовавшееся отверстие.

— Не застегивайте пуговицу, — приказала она, высунув на мгновение голову, — а то я задохнусь.

Я почувствовал, как она устраивается у меня за пазухой... Стало щекотно. Наконец возня под рубашкой прекратилась.

— Я готова, — девица хлопнула меня по животу.

Увязая в песке, я доковылял до лестницы и поднялся на набережную.

— Ступайте плавно, а то меня укачает, — услышал я тонкий капризный голосок.

2. В ГОСТИНИЦЕ

Я не фаталист. Скорее наоборот: считаю, что судьба соткана из случайностей. Взять хоть сегодняшнее приключение: приехал человек на конференцию в Ниццу, пошел с друзьями в ресторан, потом решил прогуляться по набережной... Интересно, что бы это создание делало, если бы я не захотел узнать, теплая ли вода? Так бы и тряслось от холода на пляже до утра?...

Моя гостиница располагалась неподалеку; через десять минут я уже входил в номер.

Первым делом я отыскал табличку «Не беспокоить» и повесил на дверную ручку с внешней стороны двери. Затем встал на колени перед журнальным столиком так, чтобы сто-

лешница оказалась на уровне пояса, и отодвинул в сторону галстук.

— Выходите, мисс...

Теплый клубок у меня за пазухой не шевельнулся. Я заглянул внутрь рубашки: свернувшись калачиком, девица спала.

— Просыпайтесь, пожалуйста! — сказал я, осторожно касаясь ее плеча.

Она вздрогнула и села, чуть не вывалившись наружу. Вид у нее был всклокоченный и недовольный.

— Сейчас... — пробурчала она, потягиваясь.

Она неловко выползла и встала на столе. Тут я разглядел ее получше: пышные формы, смуглая кожа, буйная черная шевелюра. Сквозь пряди волос торчат розовые ушки — не круглые, как у человека, а заостренные. Черты лица не вполне пропорциональные, но очень привлекательные... можно сказать, красивые: огромные, как у куклы, голубые глаза, ярко-красные губы. Для оголодавшей, охолодавшей сиротки она была на удивление упитанной и гладкой.

— Меня зовут Алексей... Алекс, — сказал я. — А вас?

— Мари.

— Кто вы?... Вы ведь не homo sapiens, верно?

— Я фея. — Мари подбоченилась и высокомерно вздернула голову.

— Фея?... — удивился я. — А вы умеете исполнять желания?

— Исполнять желания мужчины умеет любая женщина. — Мари загадочно улыбнулась.

— А крылья у вас, извините, есть? — Я заглянул ей за спину, но увидел лишь волосы до попы.

Мари раздраженно фыркнула.

— Я хочу есть, — объявила она, оставив вопрос без ответа.

— Да-да, конечно. Простите!... — смутился я.

В мини-баре обнаружился пакетик соленых орешков — я разорвал упаковку и положил на стол. Присев на корточки, Мари заглянула внутрь.

— Я такое есть не могу, — пренебрежительно сказала она, вставая. — Я ем только свежие овощи и фрукты.

— Но где же я достану овощи и фрукты в двенадцать ночи?

— В ресторане гостиницы, — последовал незамедлительный ответ. — Сходите на кухню и попросите... — Фея на мгновение задумалась, — ...морковку, яблоко и мандарин.

Тащиться вниз и вступать в переговоры с официантами мне, ясное дело, не хотелось, но что я мог поделаться?.. Вдохнув, я направился к двери.

— И еще минеральную воду! — услышал я, когда выходил из номера.

3. КОРМЛЕНИЕ СТРОПТИВОЙ

Когда я вернулся, Мари лежала на кровати, томно развалившись на подушке.

— Мандаринов нет, — сказал я извиняющимся тоном. — Я купил апельсин.

— Хорошо, — сдержанно ответила фея.

Она грациозно перепрыгнула на журнальный столик — я поставил перед ней тарелку с нарезанными овощами и фруктами. Потом откупорил бутылку с водой.

— Спасибо. — Мари послала мне воздушный поцелуй.

Пока она ела, я сходил в туалет, а когда вернулся, морковка и половина яблока уже исчезли. Слегка осоловевшая фея доедала апельсиновую дольку. Сок стекал по ее подбородку и капал на раздувшийся животик. Воду она не тронула.

— Я наелась, — сказала Мари, бросая на тарелку апельсиновую косточку. — Отнесите меня, пожалуйста, в туалет.

Я исполнил ее желание: поставил фею на стульчак и вышел. Интересно, хватит ли у нее сил нажать ручку унитаза?... В туалете было тихо, потом послышался звук спущенной воды. Ага, хватило... не такая уж она и беспомощная. Затем раздалось гудение крана и журчание: очевидно, Мари взобралась на раковину и стала умываться. Наконец журчание стихло.

— Алекс! — услышал я.

Фея сидела на краю раковины и болтала ногами. По ее коже стекали капли воды.

— Дайте мне полотенце.

Я взял с полки чистое полотенце и подал, развернутое, на сложенных вместе ладонях. Мари осторожно спрыгнула мне в руки. Вспоминая, как я играл со своей старшей дочерью в куклы, я вытер фею и отнес в номер.

— Где вы хотите спать?

— На кровати. Постелите мне рядом с вашей подушкой.

Просьба сия повергла меня в смущение. То есть кровать в номере была двуспальная, и задавить Мари во сне я не боялся, однако же... Так и не сумев сформулировать свои сомнения, я достал из чемодана чистую футболку и соорудил для феи нечто вроде гнезда.

— Спокойной ночи, — сонно проворковала Мари, заползая в рукав футболки. Она подложила ладошку под щеку и закрыла глаза.

— Спокойной ночи, — ответил я, выключая свет.

Когда я вернулся, обернутый полотенцем, из ванной, Мари уже спала: я мог различить еле слышное сопение. Наконец-то утомилась... Я завел будильник, сбросил полотенце на пол и полез под одеяло.

4. НЕДОРАЗУМЕНИЕ ПРИ ПРОБУЖДЕНИИ

Би-ип!.. Би-ип!.. Би-ип!..

Не раскрывая глаз, я отключил будильник. Потом потянулся. И вдруг понял, что левая моя рука почему-то легче правой.

Я с удивлением поднес последнюю к глазам: прицепившись руками и ногами, на ней висела кукла... нет, маленькая живая девица. Веки ее были сомкнуты, по лицу разлито умиление.

Несколько секунд я молча таращил глаза... А-а, ну конечно! Это Мари — найденная вчера фея! События прошедшего вечера ожили в моей памяти.

Но почему она прицепилась к моей руке?! Я легонько потряс ладонью... однако фея держалась крепко.

Что делать?

Я осторожно поддел ее ногу кончиком пальца... Та-ак, теперь руки... Отцепившись, Мари упала на постель, глаза ее раскрылись (я опять поразился их голубой пронзительности) и... наполнились слезами. Перекатившись лицом вниз, фея разрыдалась — ягодицы ее круглой попки жалостливо вздрагивали.

Женские слезы всегда повергали меня в смятение.

— Пожалуйста, не плачьте! — взмолился я. — Я не хотел вас обидеть.

Эффекта мои слова не произвели.

— Простите, пожалуйста! Хотите, я принесу воды?

Я вскочил с постели, придерживая обернутое вокруг чресел одеяло, бросился к столу. Скрутил с бутылки крышку и накапал туда минеральной воды...

Когда я вернулся, Мари все еще лежала лицом вниз, но уже не плакала.

— Простите, пожалуйста! — повторил я, глядя кончиком пальца по ее волосам.

Фея всхлипнула и села, подогнув ноги. Вид она имела настолько жалкий, что я готов был провалиться на месте.

— Выпейте воды. — Я протянул ей крышку.

Мари исподлобья посмотрела на меня, но крышку приняла и, шмыгая носом, стала пить.

— Расскажите, пожалуйста, где вы жили и как потерялись, — попросил я, чтобы отвлечь ее.

Фея поставила пустую крышку на постель и вытерла ладошками глаза.

— Я жила в лесу, на острове... Не помню, как он называется на вашем языке. А вчера меня унес морской орел. — По ее лицу пробежала гримаска испуга. — Он нес меня, нес... а потом я изловчилась и укусила его за ногу. И тогда он меня выронил... Я упала в море, и волны вынесли меня на берег. — Она со слабой улыбкой посмотрела на меня.

— А откуда вы так хорошо знаете английский?

— Учила в школе... Знаете, Алекс, это *вы* извините меня! — выпалила она вдруг.

— За что? — удивился я.

— Разрыдалась, как последняя дура, — сказала фея с досадой. — Вы просто не обращайте на меня внимания...

Бедняжка отвернулась и потупилась.

— Я нисколько не обиделся, — заверил я.

Мари закрыла лицо руками.

— Давайте так, — объявил я неестественно бодрым голосом. — Я сейчас пойду умываться, а когда вернусь — об утреннем недоразумении мы забудем.

Не дожидаясь ответа, я вскочил и направился в ванную.

5. НЕДОРАЗУМЕНИЕ ПРИ РАССТАВАНИИ

Когда я вернулся, единственным напоминанием об утреннем инциденте был румянец на щеках Мари. Я стал торопливо собираться: до начала заседания осталось полчаса — только-только добраться до Конгресс-Холла, где происходила конференция. На завтрак времени не хватало.

Я оделся, собрал портфель.

— Я вернусь к ланчу. Что вам купить из еды?

— Одна я здесь не останусь.

Я с удивлением посмотрел на фею:

— Вы хотите, чтобы я взял вас на конференцию?

Мари вскочила и умоляюще сложила ладошки у груди.

— Я буду сидеть у вас за пазухой и слова не скажу, клянусь... — Она замешкалась, очевидно переводя с фейского на английский. — ...Отцом Всех Волшебных Тварей.

Я — человек неконфликтный, а женщины и дети из меня вообще веревки вьют. Но в данном случае уступать было нельзя.

— Поймите меня правильно: это невозможно... — Я поднял руку, отменяя возражения. — Вам захочется в туалет или станет дурно из-за духоты — и что тогда?

На глаза феи опять навернулись слезы — мгновенно, будто кто-то открыл кран. Р-раз, и огромные капли одна за другой текут по щекам.

— Да в чем же дело?! — Я попытался вытеснить жалость

раздражением, но преуспел лишь наполовину. — Неужели вам трудно побыть четыре часа одной?

— Трудно.

— Почему?!

— Я в вас влюблена.

Мари закрыла руками лицо и медленно опустилась на постель. Я с изумлением уставился на нее.

— Феи всегда влюбляются в своих спасителей, — объяснила Мари сквозь пальцы.

Я украдкой глянул на часы: до начала заседания оставалось двадцать пять минут. Ничего, возьму такси...

— Я сейчас пойду на конференцию...

Фея с надеждой отняла ладони от лица.

— ...один, — поспешно добавил я. — Но постараюсь вернуться побыстрее, и мы спокойно все обсудим.

Мари упала на постель и разрыдалась. Раздираемый жалостью и раздражением, я бросился вон.

6. ДУЭЛЬ

Поймать такси не удалось, в результате чего последние триста метров до Конгресс-Холла мне пришлось бежать... С трудом переводя дыхание, я ворвался в зал, отведенный нашей секции. Все было готово — ждали только меня, ибо я являлся председателем. Техник прицепил мне к лацкану микрофон, я объявил название первого доклада; заседание потекло по накатанной колее. Однако мысли мои витали далеко от уравнения Буссинеска, о котором толковал докладчик. Меня мучил более важный вопрос: а хватит ли феи еды? Насколько я помнил, у нее остался почти целый апельсин и пол-яблока, однако при ее аппетите...

Наконец наступил перерыв. Разговаривать ни с кем не хотелось, я отцепил микрофон и торопливо вышел в коридор. Кругом толпились участники других секций, из буфета высовывался хвост очереди... Мои надежды на чашечку кофе увядали на глазах. Впрочем, на другом этаже очередь, возможно, меньше... Я устремился к лифту.

Я поднялся на самый верх Конгресс-Холла — там было пустынно. Ни людей, ни буфета... Похоже, этот этаж пустовал. Для верности я заглянул в одну из комнат — действи-

тельно, никого. Ладно, обойдусь без кофе. Я разочарованно повернулся и...

В полуметре от моего лица висел голый маленький человечек в блистающем шлеме. В руке он держал меч. Слившись в полупрозрачную пелену, за его спиной бешено работали крылья.

— Защищайся, презренный! — Пронзительный голосок гулко раскатился по пустому коридору.

— Почему «презренный»? — удивился я.

— Потому что я тебя презираю! — вскричал человечек с яростью.

Он выставил вперед меч и стал медленно налетать на меня. Я опасливо попятился: несмотря на свои размеры, малютка вполне мог выколоть мне глаз. Или, например, перерубить сонную артерию...

— Презираете за что? — спросил я, чтобы выиграть время.

— За то, что ты соблазнил мою возлюбленную Мари!

Физиономия человечка исказилась от злобы — с быстрой молнии он метнулся мне в лицо. Я попытался уклониться, но преуспел лишь частично: удар пришелся не в глаз, а чуть выше брови. Острая боль пронизала меня; заливая глаз, из раны хлынула кровь.

Человечек взмыл вверх, сделал мертвую петлю и опять застыл в полуметре от моего лица.

— Получил? — злорадно пропищал он.

— Получил, — согласился я, стискивая зубы.

Путаясь в рукавах, я стащил пиджак... Сейчас мы с тобой разберемся! Я сделал отвлекающий выпад левой, а потом махнул пиджаком, пытаясь сбить гаденыша на землю. Но тот ловко вывернулся — и опять бросился мне в лицо. Р-раз... на моей скуле появился длинный глубокий разрез.

— Получил?

Кровь застучала у меня в висках. Что же это такое? Неужели я не могу справиться с двадцатисантиметровым супостатом?! Издав воинственный клич, я бросился вперед.

Если честно, мне просто повезло: не наткнись враг на люстру, меня бы, наверное, уже не было в живых. Но он, ду-

рашка, наткнулся — и, потеряв равновесие, закувыркался вниз.

Тут-то я и огрел его пиджаком — что называется, от души. Малютка врезался в стену и шмякнулся на пол.

Первым делом я подобрал меч (тот вонзился в паркет) и, завернув в носовой платок, сунул в карман. Потом посмотрел на поверженного врага — человечек сидел на полу и ошалело крутил головой. Видимых повреждений у него было... разве что слегка помяты крылья.

— Получил? — спросил я.

Человечек не ответил... по его щекам потекли слезы. Кряхтя от унижения, он встал и сначала медленно, а потом быстрее заработал крыльями. Когда те слились в полупрозрачную пелену, он снялся с пола. Я проводил его взглядом. Летел он как-то боком и странно тряс головой под съехавшим набекрень шлемом.

Перед тем как вылететь в форточку, он повернулся и угрозил кулаком.

— Пр-роклинаю! — донесся до меня писклявый голосок.

7. КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ?

Когда я вышел от доктора, о возвращении на конференцию не могло быть и речи... Хватит того, что меня, залитого кровью, при всем честном народе увезла машина «Скорой помощи». Лицо мое ныло, будто под кожу загнали две ржавые иголки, голова кружилась — то ли от боли, то ли от потери крови. Уж не знаю, поверил ли врач моему рассказу о хулигане с бритвой... Так или иначе, он наложил с десятков швов, посоветовав немедленно показаться пластическому хирургу — если я не хочу, конечно, чтобы на лице остались шрамы. За услуги он слупил некруглую сумму в 94 евро и попросил медсестру вызвать для меня такси.

Когда я вошел в номер, Мари лежала на постели лицом к стене. Пошатываясь от слабости и головокружения, я рухнул рядом.

— Посмотри, что наделал твой кавалер! — сказал я сердито.

Вздвогнув, фея села.

— Ой! — ужаснулась она.

Несколько секунд она изучала мои повреждения. Потом вскочила на ноги.

— Ну и коновалы эти ваши доктора! — сварливо сказала она. — Ложись!

Сил спорить у меня не было; не снимая ботинок, я вытянулся на постели.

Мари подошла вплотную и склонилась надо мной — груди ее повисли в сантиметре от моего глаза (должен признать, что зрелище сие оказалось весьма приятным... соски феи подходили на крошечные вишенки). Я почувствовал, как она ощупывает мое лицо.

— Не шевелись.

Она ловко отодрала пластырь. Боли я не почувствовал... И все же: что она делает?

— Не волнуйся, — проворковала фея. — Все будет в порядке.

Маленький теплый язычок прикоснулся к ране... Ощущение было на редкость странное, но опять-таки не лишено приятности. Потом я почувствовал, как Мари перекусывает швы.

— Можешь посмотреть в зеркало.

Я поднялся и подошел к висевшему на стене зеркалу: разрез выше брови исчез, кожа на этом месте ничем не отличалась от кожи в других местах лба.

— Как это у тебя получилось?!

— Иди сюда, я обработаю рану на скуле, — ласково сказала Мари.

Пока она возилось со вторым порезом, я рассказал о случившемся. Фея молча выслушала, но от комментариев воздержалась.

Наконец вторая рана затянулась. Мари перепрыгнула на журнальный столик и села против меня.

— Нам нужно уезжать, — сказала она.

— Нам? — переспросил я саркастически. — И куда же мы поедем?

— Куда хочешь. — Фея пожала плечами. — Мне все равно, лишь бы с тобой.

Я помолчал, собираясь с мыслями.

— Пойми меня правильно, Мари, — сказала я мягко, — но я вообще-то женат... причем второй раз.

На лице феи появилось страдальческое выражение.

— И у меня двое детей: десятилетняя дочка от первого брака и десятимесячная — от второго.

Слезы текли по щекам Мари ручьями... Господи, как это создание может выделять столько жидкости?

— Посуди сама: какое у нас будущее? — воскликнул я с досадой. — Ведь я больше тебя в девять раз!

Фея вытерла глаза и жалобно сложила ладошки у груди.

— Ты мог бы носить меня за пазухой и заботиться обо мне. — Она заискивающе заглянула мне в глаза. — А я бы лечила тебя и защищала от чар.

— Не надо защищать меня от чар! — вскричал я с такой экспрессией, что Мари испуганно пригнулась. — Ты б лучше не натравливала на меня летающих террористов... Кстати, я, помнится, спрашивал, есть ли у тебя крылья?..

— Есть.

Фея перебросила волосы на грудь и повернулась: на спине у нее имелась пара прозрачных, будто слюдяных, крылышек. Я осторожно провел пальцем по одному из них: оно было гладким и вздрагивало от прикосновения.

— Щекотно... — хихикнула Мари.

— Почему ты не ответила, когда я спросил о крыльях в первый раз?... — Я пытливо посмотрел ей в глаза. — Хотела, чтобы я таскал тебя на руках?

Фея стыдливо потупилась.

— Ладно, проехали... — Я устало откинулся на подушку. — А на каком острове ты живешь, не вспомнила?

— На Корсике, — не поднимая глаз, ответила Мари.

— Ты сама туда долетишь или тебя отвезти на самолете?

Мари испуганно всплеснула руками:

— Не отправляй меня на Корсику, пожалуйста!

— Почему?

— Марк... ну, тот фей, с которым я была до тебя, — он меня убьет... Ей-богу, убьет — ты его видел!

— Не убьет, — усмехнулся я. — Нечем ему тебя убить. —

Я достал из кармана завернутый в платок меч, развернул и показал Мари: — Смотри.

Глаза феи расширились от ужаса.

— Что ты наделал?! — вскричала она страшным голосом. — Ведь мечи принадлежат не отдельным феям, а всему роду! Теперь на нас ополчатся они ВСЕ!!!

Мари взмыла вверх (прямо из положения сидя, не вставая) и метнулась к моему лицу, затормозив в миллиметре от переносицы.

— Собирай вещи, скорее! — заверещала она так, что у меня заложило уши. — Мы срочно едем в аэропорт!

8. МЫ ПРИЕЗЖАЕМ В АНГЛИЮ

Я — человек высоких моральных устоев и от своей жены секретов не имею. То есть не имею секретов от второй жены, а от первой, если честно, имел... хотя и развелись мы не из-за этого. Если уж на то пошло, мой первый брак пал жертвой весьма распространенного среди русских эмигрантов явления: Ира, моя супруга, ушла к местному жителю, в данном случае — англичанину. Я, собственно, ее не виню: согласно биологической стратегии своего пола, самка ищет самца, способного обеспечить наилучшие условия ее детенышам, а я этому условию не удовлетворял: сидел на временной должности с нищенской зарплатой, да еще и пропал в университете с утра до вечера. А с вечера до утра мы с ней ругались... Надо ли удивляться, что она спуталась со своим ризлитором? И, кстати, похоже, что просчиталась, ибо стоило ей уйти, как дела мои пошли в гору.

Однако нет худа без добра: если бы Ирка со мной не развелась, я бы, наверное, по сю пору с ней воевал. А так наслаждаюсь счастьем во втором браке... Нет, все-таки англичанки удивительные женщины! Сдержанны, независимы, практичны, правдивы. И никаких тебе истерик: за прожитые со Сьюзен два года мы поссорились с ней ровно один раз, и продолжалась эта ссора меньше десяти минут.

Тем не менее, когда я вылезал из машины во дворе нашего дома, на душе у меня скребли кошки. Причем непонятно

почему, ведь я не чувствовал за собой никаких грехов! Кто виноват, что в меня влюбилась фея?.. (Тщательно проинструктированная Мари сидела как мышь у меня за пазухой; время от времени я чувствовал, как она там возится.) И вообще, кто сказал, что фея в меня влюбилась?..

Когда я поднимался на крыльцо, дверь распахнулась.

— Здравствуй, дорогой.

Я залюбовался своей женой: гладко причесанные волосы, выглаженная до последней складки одежда.

— Здравствуй, дорогая.

Мы поцеловались, я вошел в дом.

— Ты вернулся на два дня раньше... Что, неинтересная конференция?

— Да так... — сказал я фальшивым голосом и, чтобы исправить впечатление, повертел рукой. — Приму душ — расскажу.

— Ужин в духовке, — сказала Сьюзен. — Я накрою на стол через пятнадцать минут.

— Джэнет спит?

— Да.

Я поднялся к дочери. Малышка спала, засунув в рот большой палец... Поумилявшись несколько мгновений, я пошел в супружескую спальню. Там было тепло и пахло лепестками роз (Сьюзен никогда не забывает положить сухие цветы на трюмо). Бросив сумку в угол, я сел на постель, стянул свитер и распахнул рубашку.

— Выходи, — прошептал я.

Мари выползла мне на колени. От долгого пребывания за пазухой волосы ее свалились... и вообще, вся она была какая-то помятая.

— А пахнет-то здесь как!... — Фея демонстративно зажала нос. — Терпеть не могу запах мертвых цветов.

— Не брызжи, — отмахнулся я. — Я сейчас пойду в душ, а ты посиди в шкафу.

До пререканий Мари не снизошла. Гордо вскинув подбородок, она залетела в шкаф, уселась на верхнюю полку и стала прихорашиваться. Осторожно прикрыв дверцу, я пошел в ванную.

Через пятнадцать минут, приглаживая мокрые волосы, я

спустился в столовую. Стол был уже накрыт, верхний свет погашен, свечи зажжены.

— Ты хотел рассказать о конференции, дорогой. — Сьюзен поставила жаркое на стол. — Ой, что это?..

Удивленно выпрямившись, она уставилась на сидевшую на моем плече фею.

— Это что, подарок для Джэнет?.. — Сьюзен подошла поближе и усмехнулась: — Впрочем, что я говорю?.. Эта кукла, верно, куплена в секс-шопе. — Поджав губы, она попыталась снять Мари с моего плеча...

— Сами вы куплены в секс-шопе! — окрысилась фея, взмывая в воздух.

Сьюзен отдернула руку и побледнела. Я обхватил ее за талию и усадил на стул. Мари сердито кружила под потолком, пламя свечей на каминной полке колебалось в такт. По стенам метались тени.

Впрочем, через минуту английская невозмутимость вернулась к моей жене.

— Рассказывай, не пропуская ни одной подробности, — приказала она.

9. НОЧНОЙ РАЗГОВОР

В спальне было темно. Аромат розовых лепестков клубился вокруг, смешиваясь с ночной свежестью из форточки.

— Она мне совсем не нравится, дорогой.

Я повернул голову. Приподнявшись на локте, Сьюзен глядела мне в лицо блестящими немигающими глазами.

— Почему?

— Потому что она лжет.

— Лжет?.. — удивился я. — О чем?

— Обо всем. — Сьюзен придвинула подушку к спинке кровати и откинулась на нее. — Лжет, что потерялась. Лжет, что не может вернуться... — Она помолчала. — Странно, что ты этого не замечаешь.

— А что здесь замечать? — пожал плечами я. — Ты дума-

ешь, что Мари лжет; я думаю, что она говорит правду... Ни ты, ни я доказать ничего не можем.

— Здесь и доказывать ничего не надо. — Сьюзен хмыкнула. — Вспомни ее рассказы — там же сплошная путаница!.. Например, как вас отыскал ее бойфренд?

— Она же объяснила, — сказал я. — Он погнался за орлом, но догнать не смог, а когда подлетел к пляжу, Мари уже беседовала со мной. А у них такой закон: людям без крайней нужды не показываться, вот он и...

— Тогда почему он напал на тебя на следующий день? — перебила Сьюзен. — Закон отменили?

— Мари говорит, что он обезумел от ревности...

— В том-то и беда, — опять перебила Сьюзен, — что ты веришь всему, что говорит Мари.

— А по-моему, беда в том, что ты меня ревнуешь, — начал закипать я (уж больно этот разговор напоминал наши разборки с Ирккой). — Причем совершенно необоснованно. Неужели ты боишься, что я изменю тебе с двадцатисантиметровой феей? — Я саркастически рассмеялся.

Прежде чем ответить, Сьюзен выдержала паузу.

— Не знаю я, чего боюсь. Но я вижу, что она использует все женские хитрости, существующие на свете: прикидывается беспомощной, требует, плачет... Я чувствую, что ей чего-то надо!

— Чего?

Еще одна пауза.

— Не знаю.

— Тогда скажи, что я, по-твоему, должен сделать?

— Сдай ее в музей. — Сьюзен вдруг рассмялась. — Помнишь тот музей в Санкт-Петербурге?.. Ну, с заспиртованными двухголовыми младенцами...

— Ценю твое остроумие, — кисло отвечал я, — но эта шутка мне не нравится. Я не вижу, почему мы должны относиться к Мари хуже, чем твое правительство относится к беженцам из Конго... — Я попытался придать голосу рассудительную интонацию. — Возможно, нам удастся отыскать другую колонию фей, и мы пристроим Мари туда.

Сьюзен промолчала. Она отодвинула подушку от спинки кровати и легла, укрывшись до подбородка. Стало тихо.

Я придвинулся к ней поближе.

— Я по тебе соскучился. — Неуверенно протянув руку сквозь темноту, я погладил Сьюзен по щеке.

— У меня болит голова, дорогой, — холодно отвечала моя жена.

10. УТРОМ

Проснулся я с неприятным осадком, оставшимся от ночного разговора. Сьюзен уже поднялась. В доме было тихо.

Я оделся, умылся и спустился на кухню.

— Доброе утро! — улыбнулась Сьюзен.

Судя по тону, она поняла, что была вчера не права. Слава богу!.. Настроение у меня улучшилось.

— Доброе утро.

— Порридж в кастрюле. Тосты и кофе будут готовы через минуту.

Я помог ей накрыть на стол. Мы сели завтракать.

Интересно, как Сьюзен удастся выглядеть по утрам столь идеально свежей?.. И ведь не скажешь, чтобы она тратила много времени на наведение красоты: пять минут в душе, три раза щеткой по волосам — и все. И одежду носит самую простую — сейчас, например, одета в черные облегающие брюки и снежно-белый свитер... Я вдруг вспомнил Ирку: вот уж кто выглядел по утрам солоха солохой!

Закончив завтрак, я стал складывать тарелки в посудомойку.

— Алекс!

Я обернулся — и чуть не наткнулся на неслышно подошедшую Сьюзен.

— Прости меня. — Она прижалась ко мне и, глядя снизу вверх, коснулась моей щеки. — Я была не права. Ревновать в такой ситуации глупо.

— Ничего страшного, малышка! — Чтобы поцеловать ее, мне пришлось наклониться (из-за стройности и великолепной осанки Сьюзен выглядит довольно высокой, но на самом деле роста она небольшого).

— И еще... Если у тебя есть настроение... — продолжала

она с нехарактерной робостью. — Пока Джэнет не проснулась... В общем, голова у меня больше не болит.

Она улыбнулась и потянула меня за руку в сторону спальни.

11. СЬЮЗЕН И МАРИ

Когда я уходил на работу, ничто не предвещало беды. После обсуждения со Сьюзен Мари была оставлена в гостевой комнате — там, где она провела ночь. Заготовив для феи еду и отразив с десяток ее попыток увязаться со мной, я отбыл в университет. Единственное, чего я не учел, это что в гостевой комнате нет туалета, так что фее придется пользоваться общим санузлом второго этажа.

Весь день я крутился как белка в колесе: разгребал накопившиеся дела. Наконец около восьми вечера поехал домой.

Я почувствовал неладное, лишь только переступил порог: электричество висело в воздухе, будто после удара молнии.

— Добрый вечер, дорогой, — сказала Сьюзен, выходя из кухни. Три пальца ее правой руки и два левой были залеплены пластырем.

— Что у тебя с пальцами?

— Это? — фальшиво удивилась Сьюзен, поднося ладони к лицу. — Почему бы тебе не спросить свою возлюбленную феечку?

Я устало опустил на стул и стал стаскивать ботинки.

— Ты можешь рассказать, что произошло?

— Слушай, — со зловещим спокойствием отвечала моя жена.

Дело обстояло так.

Часа два после моего ухода все было спокойно. Сьюзен готовилась к лекциям — она преподает в нашем же университете французскую поэзию. Мари сидела в своей комнате, Джэнет — в своей (последняя с утра кашляла, так что в ясли мы ее не повезли). А потом фее понадобилось в туалет... И тут же, как назло, в коридор выползла Джэнет (ходить она еще не умеет, но ползает очень ловко и с огромной скоро-

стью). А дабы довершить скандал, на второй этаж поднялась Сьюзен.

В результате Мари был поставлен ультиматум: или она одевается, как человек, и перестает трясти сиськами перед всеми желающими и нежелающими, или же Сьюзен будет вынуждена ограничить свободу ее передвижения.

— Но она же объяснила! — с досадой перебил я. — Феи не носят одежды. Если им холодно, они больше едят!

— Плевать мне, сколько она ест! — вскричала моя жена. — Но, если она хочет жить у меня в доме, ей придется выполнять *правила!*

Я с удивлением посмотрел на Сьюзен: откуда такие страсти?..

— Остынь... — Я миролюбиво потрепал ее по плечу. — Я с ней поговорю, о'кей?.. Где она?

— У себя в комнате, — со странной интонацией отвечала Сьюзен.

По-моему, она чего-то недоговаривала... Впрочем, я с тем же успехом мог распросить Мари.

Первым, что я увидел, войдя в комнату феи, была стоявшая на столе клетка (раньше в ней жил купленный для Джэнет хомяк, но он почему-то почти сразу сдох, а нового мы пока не купили). Потом я заметил Мари: забившись в угол клетки, фея съежилась в жалкий комочек.

Когда Мари увидела меня, она ничего не сказала, лишь вцепилась в решетку замурзанными пальчиками и заплакала. С разрывающимся от жалости сердцем я отпер дверцу... Пулей вылетев из клетки, Мари бросилась мне на грудь и прицепилась к свитеру.

Я накрыл ее ладонью и почувствовал, как рыдания сотрясают ее крошечное тело.

— Теперь ты понял, почему у меня заклеены пальцы?

Я обернулся. У двери стояла Сьюзен и, подбоченясь, с вызовом глядела на меня.

— Как ты могла?! — с укоризной воскликнул я.

— А в чем дело? — притворно удивилась моя жена. — Почему мы не можем держать ее в клетке из-под хомяка?

12. СНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

В тот вечер никто ни с кем не разговаривал: я обиделся на Сьюзен за то, что та обидела Мари, а фея обиделась на меня за то, что я отказался выгнать Сьюзен из дома и побить палкой. В результате я ушел в кабинет работать, моя жена читала в спальне книгу, а Мари сидела у себя в комнате на карнизе для занавесок и дулась.

В двенадцать я пошел спать. Свет в спальне уже не горел; я на ощупь разделся и лег. Сьюзен, по-моему, бодрствовала, но разговаривать с ней желания у меня не возникло. Лучше всего побыстрее уснуть. Я вытянул руки вдоль тела и попытался расслабиться: начиная с век и лицевых мускулов, продолжая мышцами рук и тела, кончая пальцами на ногах. Вскоре мир стал тускнеть и терять отчетливость...

И приснилось мне, что я стою в саду позади нашего дома. На небе висит полная луна и горят звезды. Воздух теплый — намного теплее, чем бывает в апреле... но я почему-то не удивляюсь.

Вдруг я слышу, как кто-то зовет: «Алекс... Алекс...» Я верчу головой, пытаюсь понять, откуда доносится голос... Кажется, с улицы. Деревья шелестят черными кронами в перелуке позади нашего дома; меж стволами виден неясный силуэт... тень, отступающая в сумрак. «Алекс...» — слышу я опять. Я устремляюсь за тенью, но догнать не могу и стараюсь хотя бы не отстать... Мы движемся, будто соединенные жестким стержнем. Затем нас обступает лес... Я озираюсь по сторонам — куда я забрел?

Но тут тень приближается ко мне — это Мари... Я не сразу узнаю ее. Во-первых, она стала размером со взрослого человека. Во-вторых, у нее изменились пропорции: исчезла кукольная большеголовость и круглоглазость, передо мной стоит изящная девушка с тонкой талией и высокой грудью. Я касаюсь ее руки, потом шеи... затем обнимаю и целую. Мы опускаемся на мягкую траву. «Мари...» — шепчу я, целуя податливые губы. «Мари...» — повторяю я в маленькое заостренное ушко. Одежда моя куда-то исчезает; теплый ветер

касается голой спины, подо мной трепещет горячая, упругая плоть...

«Вон из моего дома!» — вдруг слышу я смутно знакомый женский голос. Что-то острое бьет меня в плечо.

Кто это?.. Что эта женщина делает здесь?

Лицо Мари искажается гримасой досады... нет, боли. Фея исчезает — я обнимаю пустоту. Все вокруг меняется... Я не могу понять, где нахожусь. Почему я лежу на постели?.. Кто эта женщина и зачем она раз за разом бьет меня в плечо острым злым кулачком?

— Вон из моего дома! — повторяет Сьюзен стеклянным голосом.

13. НОВАЯ ЖИЗНЬ

Остаток ночи я провел на диване в кабинете. Заснуть так и не смог. Произошедшее было настолько нелепым, что я все порывался пойти к Сьюзен и урезонить ее — объяснить, что человек не в ответе за свои сны!..

Когда наконец наступило утро и жена вышла из спальни, я с ней поговорил, однако ничего не добился. Она находилась в невменяемом состоянии: в ответ на все аргументы твердила, чтобы я убирался. А деньги, которые я выплатил за наш дом, она вернет — пусть я не волнуюсь. Эти «деньги за дом» меня доконали... Я вспылil и наговорил грубостей.

После ланча я собрал вещи, погрузил в машину, посадил Мари за пазуху и переехал в гостиницу. А еще через два дня снял маленькую квартирку возле университета.

У меня началась новая жизнь: дни бежали мимо, похожие, как братья.

Обычно мы с Мари вставали в восемь (фея спала, прижавшись к моей руке) и завтракали. Затем я сажал ее за пазуху и шел на работу. Чтобы ей легче было дышать, я стал носить костюмы и всегда держал пиджак расстегнутым. Под рубашкой фея вела себя тихо — я без проблем мог брать ее на лекции. Мы разговаривали, лишь когда я запирался в кабинете и выпускал ее на стол. Более того, пока мы оставались в университете, она даже не просилась в туалет (я пред-

лагал завести в кабинете что-нибудь вроде ночного горшка, но она из стеснительности отказалась).

На ланч мы ходили домой, из-за чего с сослуживцами я общаться практически перестал. С приятелями тоже: те из них, которые изначально были друзьями Сьюзен, исчезли сразу, да и от своих друзей я почему-то отдалился — мне стало неинтересно таскаться с ними в паб и вести никчемные разговоры о футболе, музыке и кино. Вечера я обычно проводил дома — читал или работал, а Мари сидела у меня на плече — так, чтобы касаться плечом моей щеки, — и пела. У нее оказался замечательный голос — негромкий, но очень мелодичный, а слух был просто потрясающий: она могла назвать каждую ноту в аккорде из пяти звуков. Все ее песни были исключительно романтического содержания (фея перевела мне некоторые): они повествовали о принцессах, рыцарях, драконах и несчастной любви.

Иногда мы слушали музыку человеческих композиторов — оказалось, что Мари неплохо ее знала. Особенно она любила Баха и часто импровизировала под него, искусно вплетая свой голос в и без того сложную полифонию. А вот кинематограф оказался ей практически неизвестен, так что я купил для нее DVD-плеер и телевизор. Фильмы действовали на фею завораживающе: она смотрела все подряд — Феллини вперемешку со Шварценеггером — и задавала десятки наивных вопросов. Иногда мы с ней ходили в кинотеатр. Я старался сесть на отшибе, и Мари выглядывала у меня из-под рубашки.

Через несколько дней после того, как мы поселились вместе, я заметил, что фея стала намного менее капризной и требовательной, а может, просто получала все нужное без просьб, не знаю. Я с ней никогда не спорил, тем более что нуждалась она в немногом: еде и внимании. Если кормить ее досыта свежими овощами и фруктами и все время держать при себе (так, чтобы она касалась моего тела) — она была счастлива. Усилия с моей стороны требовались минимальные; более того, я возился с ней с удовольствием — кормил, купал в ванне... возможно, сублимировал таким образом отцовский инстинкт. Впрочем, иногда я испытывал к Мари и не вполне отцовские чувства — особенно ночью, когда она

всем телом прижималась к моей руке. Но что тут можно было поделаться?..

Сама же фея, несмотря на внешнюю сексуальность, была вполне целомудренна, и ее постоянно декларируемая любовь ко мне не требовала ничего, кроме телесного контакта. И еще она изо всех сил старалась услужить: лечила меня от царапин и простуд, а перед сном воспаряла к потолку и, повиснув в позе креста, пела заклинания, защищавшие нас от чар. В чары я, разумеется, не верил, но находил ее усилия трогательными.

И все же Мари даже близко не могла заполнить брешь, образовавшуюся в моей жизни после разрыва со Сьюзен.

Поначалу произошедшее выглядело досадным недоразумением: как только моя жена осознает свою неправоту, думаю, она сразу же извинится, и я смогу вернуться домой. Однако время шло, а Сьюзен в своем заблуждении упорствовала. Тогда я сам попытался объясниться с ней, приурочив разговор к свиданию с Джэнет (я навещал дочь каждое воскресенье). Но жена лишь холодно заметила, что свой выбор я уже сделал — в тот момент, когда принес в дом эту «микрошлюху», эту «маленькую лгунью»... Я опять было рассердился, однако гнев быстро перешел в испуг: мне казалось, что вести себя столь непреклонно можно, лишь если ты так и так решил уйти. У Сьюзен, наверное, кто-то есть, и она использует произошедшее как предлог... Я стал приставать к ней с вопросами (на которые она отвечала, что это не мое дело) и даже чуть было не начал следить за ней... В общем, вел себя как последний ревнивец.

Но самым неприятным было то, что, несмотря на все старания, я ни на секунду не мог выкинуть Сьюзен из головы. Что бы я ни делал, чем бы ни занимался, на втором плане непрерывным потоком текли мысли о жене: я вспоминал историю нашего знакомства... мелкие, ничего не значившие эпизоды. Стоило закрыть глаза, как передо мной начинало мелькать бесконечное слайд-шоу: вот Сьюзен сидит в кресле и, теребя волосы, читает книгу, вот она играет с Джэнет (обе сдержанно, по-английски, смеются), а вот моя жена выходит из душа... Стекая по маленькой груди и плоскому жи-

воту, капли воды оставляют на ее коже длинные извилистые траектории.

Однако вернуть Сюзен можно было, лишь избавившись от Мари, а предать беспомощную фею я, конечно же, не мог.

14. СНЫ, КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ НАС

В ту ночь мы с Мари никак не могли уснуть: фея все время вертелась, да и мне любая поза казалась неудобной. Я почувствовал приближение дремы лишь около часа: перевернулся на живот и попытался расслабиться... Перед тем как провалиться в мягкую пучину сна, я почувствовал, как Мари прижалась к моей руке.

И приснилось мне, что я стою на опушке леса. Сквозь сетку ветвей просвечивают звезды и луна. Воздух теплый — намного теплее, чем бывает в мае... но я почему-то не удивляюсь.

А потом меж стволов деревьев я вижу девичий силуэт. Это Мари. Едва касаясь травинок босыми ногами, она приближается ко мне и берет за руку. «Пойдем», — выдыхает она мне в ухо. Я чувствую тепло ее слов.

Мы углубляемся в лес. Кроны деревьев смыкаются над нами, становится темно. Но Мари поднимает руку, и на кончиках ее пальцев возникает пламя — как огни Святого Эльма на реях «Летучего Голландца». Мы приближаемся к ручью и переходим его по бревну... вернее, я иду по бревну, а фея, держась за мою руку, летит рядом. Затем лес начинает редеть, мы выходим на поляну. Я вижу силуэты людей... нет, фей, ибо все они наги и крылаты. Некоторые стоят небольшими группами и разговаривают, другие летают или ходят по поляне, воздух полон негромких разговоров и шума от вибрации крыльев. Держась за руки, мы с Мари пересекаем поляну; феи замолкают и расступаются, потом провожают нас глазами. Я чувствую их взгляды кожей спины — сквозь рубашку.

Мы приближаемся к противоположному концу поляны. Я вижу толстое дерево — могучий дуб. «Не отпускай

мою руку», — шепчет Мари и плавно взмывает, увлекая меня за собой. Странно: ни ей, ни мне не тяжело — будто я плаваю в воздухе в состоянии безразличного равновесия. Мы медленно поднимаемся... выше... выше... Вокруг становится просторнее — больше воздуха и ветра, меньше веток: мы у самой крыши леса. В стволе дуба открывается дупло; мы плываем внутрь и оказываемся в небольшой комнате. Пол устлан одеялами, вдоль обтянутых шелком стен лежат подушки. Низкий потолок расписан странными узорами: переплетениями волнистых полос. На стене — овальное зеркало в массивной золотой раме. Мари делает плавный жест, и туманная дымка затягивает вход в комнату... густеет, становится плотней... превращается в зеркало — точную копию зеркала напротив.

Мари хлопает в ладоши; огни Святого Эльма брызгами слетают с ее пальцев и летят в стороны — к висящим на стенах канделябрам. Вспыхивают свечи. Повернутые лицом друг к другу зеркала умножают их число, заполняя комнату трепещущим, как облако мотыльков, желтым светом. «Иди ко мне», — зовет фея... но я остаюсь на месте. Она подходит сама и обнимает меня. Целует в губы. Я возвращаю объятие и поцелуй... На губах остается горький привкус неиспользованных возможностей. Фея опускается на пол и тянет меня за собой, но я знаю, что нам никогда не быть вместе. Сердце мое рвется от жалости: «Зачем я тебе? Ведь утром, когда мы проснемся, все вернется на круги своя». В воздухе зарождается низкий вибрирующий звук, будто кто-то коснулся самой толстой струны самой большой в мире арфы. «Не вернется», — шепчет Мари. «Почему?» Прежде чем ответить, она почему-то колеблется... Вереница легких секунд летит мимо нас, как звон серебряного колкольчика. «Если человек соблазнен пришедшей в его сновидение феей, он становится одним из нас... — Мари ласково улыбается и целует мою руку. — Феи бесплодны, они не могут иметь детей — это единственный наш способ размножения». Вибрирующий звук становится громче, резонируя у меня в груди, горле, висках. «В чем дело? — тревожно шепчет Мари, глядя снизу вверх. — Ведь ты выбрал меня... решил остаться со мной!» — «Я не могу быть с тобой», — хрипло отвечаю я. Свечи вспыхивают ярче, высекая из зрачков феи длинные голубые ис-

кры. Низкий вибрирующий звук достигает невыносимой громкости — и я понимаю, что он звучит внутри меня.

«Из-за нее?» — спрашивает Мари.

Прежде чем ответить, я на мгновение закрываю глаза.

А когда открываю, комнаты с зеркалами и свечами уже нет. Я лежу у себя в спальне на кровати. В окно светит полная луна. У моего лица, подобрав ноги, сидит Мари. Глаза феи открыты, и я опять удивляюсь глубине их голубизны.

— Из-за нее, — хрипло выдыхаю я.

15. РАССТАВАНИЕ

Мы проговорили до пяти утра, а потом... потом Мари улетела. Я не хотел отпускать ее, однако фея была непреклонна. Она объяснила, что без труда найдет где жить, ибо колонии фей как бы растворены меж людских поселений... Теория сия явно противоречила предыдущей, однако ловить Мари на слове я не стал. А когда рассвело, фея на мгновение прижалась к моей щеке и вылетела в форточку. Я успел разглядеть, как она мелькнула на фоне прозрачной утренней луны и затерялась в водянисто-голубом небе.

На следующий день я вернулся к Сьюзен. Жена встретила меня настороженно, и мне поначалу пришлось спать в кабинете. Но однажды, недели через три после воссоединения, она сама пришла ко мне ночью и с плачем влезла под одеяло (если честно, то я немножко струхнул: в столь растрепанных чувствах я видел ее впервые). После этого жизнь вернулась в привычную колею. У нас в доме царит мир и согласие, и о Мари никто вслух не вспоминает.

И лишь иногда — всегда в полнолуние — мне снятся странные сны: будто я иду по ночному лесу, а у меня над головой (но ниже верхушек деревьев) летит неясная тень... Я почти не различаю ее, но знаю, что это Мари. А бывает и по-другому: будто я выхожу на поляну, а фея исчезает меж деревьев на другой стороне. Мари никогда не подходит ко мне, а мне никогда не удается ее догнать...

Господи, коль скоро ты заставляешь нас делать выбор, то почему не избавляешь потом от сомнений в его правильности?

NEBEL

1

 ненавижу, когда движутся флаги...
Я повернул голову, с удивлением посмотрев на Лану.
Она сидела, напряженная, будто сжавшаяся в комок, готовая к внезапному неконтролируемому взрыву эмоций.

Я не ответил. Взгляд вернулся к дороге.

На фасаде здания сразу за светофором холодный зимний ветер полоскал российский триколор. По обе стороны проезжей части рабочие, разбившись на две группы, подвешивали праздничную иллюминацию в виде длинной гирлянды разноцветных лампочек. Чуть дальше другая бригада крепила меж фонарными столбами протянутые над проспектом флажки.

Мельком взглянув на светофор, я отметил, что все еще горит красный. Уже наступили сумерки, снега в этом году выпало мало, и город выглядел мрачно. Тонкий трос с нанизанными на него флажками, больше похожими на вымпелы, начал рывками выбирать слабинку. Видимо, я засмотрелся, потому что сзади начали настойчиво сигналить машины.

Лана молчала.

Я медленно тронул машину с места, наплевав на назойливые гудки и бьющие по зеркалам вспышки дальнего света фар. Кому надо — обгонит, проспект широкий. Нехорошо, конечно, но в тот миг я сам почувствовал смутное, неосознанное беспокойство.

Что-то шевельнулось в груди. Словно мягко, но болезненно царапнул изнутри острый коготок.

Флаги. Вымпелы. Боевые штандарты...

Огни горда внезапно расплылись перед глазами.

Всего на миг я увидел их — разноцветные, заостренные книзу полотнища, трепещущие на ветру, движущиеся навстречу ровной нескончаемой линией, протянувшейся, как показалось, от горизонта до горизонта...

Рывок был мгновенным. Мое сознание тут же вышвырнуло назад из непонятного пространства в реальность скользкой, посыпанной песком городской улицы.

В салоне машины играла музыка.

Раммштайн. «Feuer Frei».

Я машинально придавил педаль газа. За те секунды, что длился морок, мы едва миновали перекресток, и я, взглянув в зеркало заднего вида, показал правый поворот, прижимаясь к тротуару.

— Что случилось, Лана?

— Ничего. Сама не могу понять, — сухо ответила она. — Эти флажки, что поднимали над дорогой, как-то странно на меня подействовали. Извини, Андрюша, сейчас пройдет.

Я не стал настаивать. Сегодня мы много ездили по городу, оба устали. Сейчас вернемся домой, и все войдет в привычную колею. Так уже бывало не раз. Мы с Ланой разные по характеру, практически антиподы, но тем не менее мы вместе вот уже двадцать лет, со школьной скамьи, и, на мой взгляд, вполне удачно дополняем друг друга.

* * *

Вечер собирался прокрасться незамеченным.

Именно собирался. Смутное беспокойство, как и царапавшая изнутри боль неявных, секундных воспоминаний больше не возвращались.

Так думалось мне, но совсем иначе чувствовала себя Лана.

Боль в душе, что саднила уже не первую неделю, после внезапного инцидента с безобидными на первый взгляд флажками стала вдруг резче, отчетливее.

Странные вещи порой вытворяет наше подсознание.

Она чувствовала распутье, но не видела тех дорог, на перекрестке которых стояла ее душа.

Внутри копилась непомерная усталость от невысказан-

ных чувств — кому и как их поведать, если боль внутри не имеет никакой связи с реальностью?

«Я схожу с ума...»

Хотелось закричать, взорвать воем бубнящую тишину, так чтобы заткнулся на полуслове телевизор, дрогнули стекла в оконных рамах, лопнула, разлетаясь брызгами дешевого фарфора, тарелка в руках.

Нет.

Лана бессильно прикрыла глаза. Это становилось невыносимым.

Андрей за компьютером. Сын в своей комнате делает уроки. За окном густой холодный зимний вечер обволакивает ветви деревьев хрупким бархатом голубоватого инея.

Она стояла, прижавшись спиной к небольшой арке, отделанной под белый мрамор. Нужно готовить ужин. Только в голове метались совершенно иные мысли и желания, далекие от сиюминутных проблем приготовления ужина.

Перед закрытыми глазами, на фоне плотно смеженных век, внезапно начала проступать незнакомая картина.

Низкие хмурые облака. Под ними притихший в ночи акуратный западноевропейский городок. Темный лес отделяет пустынные в этот час улицы от территории военной базы. Лана почувствовала, что уже когда-то видела это. Откуда в ней родилось знание, что городок маленький, а освещенные площадки перед приземистыми зданиями за высоким бетонным забором принадлежат именно военной базе, она не имела ни малейшего понятия, но главным, знаковым ощущением была вовсе не эта уверенность, поясняющая размер поселения и предназначение сопутствующих ему объектов.

На окраине города, там, где бескрайнее заснеженное поле смыкалось с темной полоской леса, на небольшом холме стоял католический храм.

Ощущение бестелесного полета над заснеженным полем в первый момент вызвало ощущение тошноты, но это чувство быстро прошло. Лана уже утвердилась на узком скошенном отливе, перед огромным витражом, и тошнота мгновенно отступила, словно наличие скользкого, обледеневшего козырька под ногами имело какой-то практический смысл...

Чудилась тихая, печальная, тревожная музыка. Низкий

голос колокола вторил ей, отдаваясь в душе глухой непреходящей болью. Взгляд помимо воли тянулся туда, за прозрачный фрагмент огромного витража, в терпкое от запаха свечей тепло.

Священник стоял спиной к ней.

Лана не видела ни длинных рядов скамей для прихожан, ни дрожащих язычков пламени, что освещали небольшое пространство перед фигурой женщины с младенцем на руках.

Ее взгляд неотрывно следил за священником. С высоты она могла видеть лишь его затылок, ссутуленные плечи да толстую цепь, на которой, по всем канонам, должен был висеть крест.

Сзади, за ее спиной, над лесом и городом, вдруг начал подниматься плотный туман.

Священник что-то читал, низко склонив голову, чтобы разобрать готический шрифт толстого древнего фолианта. Внезапно цепь на его шее шевельнулась. Крест, который скрывала темнота, видимо, был тяжел, раз сумел привести в движение свою массивную подвеску.

Лана плотнее прижалась к цветному стеклу.

Ее душа рвалась внутрь, ранив себя о несуществующие осколки цветных стекол, и чем острее, резче, больнее проявлялось это стремление, в котором смешались непонятная надежда и столь же непонятная скорбь, тем сильнее, зримее становилось движение цепи, словно висевший на ней крест внезапно превратился в маятник Фуко, черпающий силы из напряженности магнитного поля Земли...

Только священник, казалось, не замечал происходящего.

Туман за ее спиной поднимался все выше. Деревья уже тонули в нем, завитки эфемерного кружева касались ветвей, обтекали их, длинными языками тянулись к взгорку, превращая огни города и военной базы в смутные пятнышки света.

Крест раскачивался все сильнее, с каждым разом увеличивая амплитуду колебаний, и наконец Лана увидела его.

Взрыв...

Брызжущие искры света, безумный хаос туманных об-

разов, рвущихся из подсознания, набат, который моментально глож в молочной пелене, оставляя звучать лишь редкие удары сердца.

Крест.

Он раскачивался все сильнее, будто рвался к ней, изо всех сил стремясь порвать удерживающую его цепь.

Строгий, без вычурных украшений, лишенный камней и позолоты, необычайно массивный, казалось, он сейчас оторвет священнику голову в своем безудержном порыве...

Первой не выдержала цепь.

Туман уже облизывал стены храма, грозя затопить все сущее.

Тусклый свет лился сквозь витраж.

Цепь порвалась абсолютно беззвучно, мягко соскользнула с плеч поглощенного чтением молитвы священника, и вдруг...

Крест рванулся вверх, к покрытому замысловатыми узорами изморози витражу, за которым притаилась Лана.

Медленно поворачиваясь в воздухе, он задрожал, на секунду превратился в сгусток тумана и материализовался вновь, на глазах меняя очертания.

Лана, в немом оцепенении наблюдавшая за метаморфозами креста, отчетливо видела, как с него, будто окалина, отлетают фрагменты оболочки, обнажая четыре лезвия кинжальной заточки, тускло сверкнувшие в неверном свете свечей.

Туман, поднимаясь все выше, коснулся ее ног.

Уже не было видно ни города, ни окрестностей, она сама стала частью этой эфемерной субстанции, просачиваясь сквозь витраж, навстречу видоизменившемуся кресту, вращающемуся в полете. Лана непроизвольно протянула руку навстречу остро отточенным лезвиям, ощущая, что она уже внутри, на головокружительной высоте, под самыми сводами храма.

В этот миг с ледяным звоном брызнули осколки разбитого витража, крест, сверкнув глубокими кровостоками, на миг канул в туман, слился с ним и... секундой позже вернулся, замедлив свой полет.

Лана внутренне жалась, похолодела, но не от какого-то

дурного предчувствия, а скорее от запредельного напряжения событий.

Крест-нож.

Обрывок цепи коснулся ее запястья, захлестнул его, подарив ощущения веса, и крест, сияя кинжальной заточкой лезвий, спокойно повис на правой руке, медленно раскачиваясь из стороны в сторону.

Вздрогнув всем телом, Лана открыла глаза.

Взгляд затуманивали слезы. Обстановка столовой двоилась, не желая обрести резкость. Правая рука была согнута в локте, на запястье, казалось, ощущался вес цепи и креста.

Лана медленно повернула голову, заставив себя посмотреть на руку.

Креста не было.

Конечно, рука устала, — сколько она удерживала на весу блюдо из дешевого китайского фарфора?

От резкой смены ощущений в ушах стоял звон. Сердце глухо ломилось в грудную клетку, словно обезумев от желания вырваться наружу. Волна горечи плескалась в сознании, требовала немедленного, сиюсекундного выхода, мышцы дрожали от переизбытка адреналина в крови.

Украшенное незатейливым растительным орнаментом блюдо с резким звенящим хлопком ударило в стену, разлетаясь жалобной дрожью осколков.

Выйдя из-за барной стойки, Лана еще секунду помедлила, а затем решительно поднялась на второй этаж, где Андрей уже вскочил из-за компьютера, обеспокоенный звуком разлетевшегося вдребезги столового прибора.

— Что случилось, милая?

— Ничего. — Лана старалась овладеть собой, но получалось из рук вон плохо. — Нам нужно поговорить. — Она присела на край дивана, перед которым стоял стол с компьютером.

Андрей отодвинул в сторону клавиатуру, прикурил сигарету.

Лана не знала, с чего начать. В принципе, Андрей не противился ее внезапному увлечению эзотерикой, но, будучи материалистом, не имел способности воспринимать на веру

то, в чем не мог убедиться на личном опыте. Впрочем, сейчас она не собиралась пересказывать суть только что произошедшего. Еще поднимаясь наверх, она уже знала, о чем хочет поговорить.

— Что за шум был в столовой?

— Так, уронила тарелку. Мне нужна твоя помощь.

Андрей глубоко затынулся, внимательно посмотрел на бледное лицо Ланы и уточнил:

— В чем конкретно?

— Мне нужен крест.

— В смысле?

— Крест, — повторила Лана. — Необычный. В церкви такого не купишь. — Она поискала взглядом лист бумаги, взяла ручку и стала быстрыми движениями делать схематичный набросок.

Андрей, посмотрев на рисунок, нахмурился.

«Да, — мысленно согласился он с последним утверждением Ланы. — Такого не купишь ни в церкви, ни в оружейном магазине». Перед ним было изображение креста, имевшего четыре обоюдоострых лезвия. Два боковых чуть короче, чем центральное, далее тонкая незатейливая рукоятка, как раз по ширине ладони, оканчивающаяся четвертым лезвием, напоминающим остро отточенный наконечник копья.

Сказать, что рисунок был странным, — означало не сказать ничего.

Что удивительно — я не противился.

Рисунок лежал передо мной, взгляд постоянно возвращался к нему, и не хотелось задавать лишних вопросов. Я видел состояние Ланы и понимал: начать сейчас расспрашивать, с чего это вдруг ей понадобился столь необычный и опасный, на мой взгляд, крест, было бы неправильно. Я действительно мог изготовить подобную вещь. В свое время мне пришлось поработать инструментальщиком, и я был уверен, что руки не утратили навыков. Разглядывая рисунок, я сам не заметил, как начал мысленно прикидывать практическую сторону вопроса. Что потребуется? Есте-

венно, хорошая сталь, которую после обработки следовало закалить, иначе грош цена этим лезвиям. Сама конструкция не вызвала у меня долгих размышлений. Все четыре лезвия не должны изготавливаться по отдельности — изделие предполагает монолитность. Значит, нужно найти достаточную по размерам пластину четырех-пятимиллиметровой стали, из которой необходимо сначала вырезать крест, а уж затем придать его элементам форму лезвий.

В принципе, работа несложная, хотя и трудоемкая. В моем распоряжении не было ни фрезерного, ни заточного станка, значит, все придется делать вручную, при помощи тисков, ножовки по металлу и набора напильников.

Я вновь посмотрел на Лану. Она сидела бледная, напряженная, встревоженная.

— Успокойся, милая. Нужно — значит, сделаем.

С моей стороны это не было конформизмом. Конечно, я не мог даже предполагать, к каким последствиям для нас обоих приведет эта внезапно высказанная просьба, но идея внезапно захватила меня. Есть такая черта в мужском характере. Не знаю, к какой стороне — сильной или слабой — ее следует отнести, но иногда у меня возникает внезапная, настойчивая потребность в самореализации. Не стану утверждать, что годы, проведенные на инструментальном производстве одного из промышленных предприятий города, являлись лучшими в моей жизни, скорее наоборот, но сейчас задача показалась мне творческой: столь необычная конструкция ножа не могла прийти в голову никому, кроме Ланы. И для меня вдруг стало абсолютно неважно, откуда в ее мыслях возник этот эскиз...

— Завтра, — подытожил я свои мысли, окончательно согласившись с ее желанием. — Съездим на завод, я поговорю с мужиками. Думаю, у них найдется нужная заготовка.

— А если нет?

Я пожал плечами.

— Тогда на металлобазу. Там уж точно отыщется подходящая пластина.

— Завтра мы собирались съездить в деревню, — напомнила Лана.

— Вот и совместим. Все будет хорошо, милая.

Похоже, она успокоилась.

Ни я, ни Лана не думали в тот вечер, что он станет для нас точкой отсчета нового времени.

Пока не думали.

2

Утром мы сначала съездили в деревню.

Проведав стариков, возвращались в город по дороге, выходящей меж заснеженными полями. В салоне машины тепло, приятно под тихий шепот двигателя наблюдать за зимними пейзажами, когда между тобой и трескучим морозом лежит прослойка цивилизации.

Приближался поворот.

Начиная притормаживать, я посмотрел направо и вдруг заметил, что Лана сидит будто окаменев, с уже знакомым выражением лица: черты заострились, щеки побледнели, а взгляд полуприкрытых глаз как будто направлен внутрь ее самой.

Трудно объяснить, почему я в тот момент обратил внимание на музыку.

В последнее время мы слушали немецкую группу «Раммштайн», хотя манера и ритмика их исполнения резко отличалась от любимых нами еще с юности групп так называемой «новой волны».

Композиция, которая звучала в данный момент, называлась «Nebel», что в переводе с немецкого, если мне не изменяет память школьных лет, означало «туман».

Не понимая сути происходящего, я предпочел прижаться к обочине. Заметив мои действия, Лана, не выходя из транса, сделала знак рукой: все в порядке, подожди.

И в этот миг я увидел его.

Бескрайнее заснеженное поле граничило с темной полоской леса. Оттуда, из-под сени хвойных деревьев, толчками выдавливалось густой молочно-белый туман.

На небольшом взгорке у распахнутых сводчатых дверей католического храма, рухнув на колени, неподвижно застыл священник. С его шеи на белый снег капала алая кровь.

В воздухе над ослепительно-белой равниной навстречу Лане, медленно вращаясь; летел крест-нож, увлекая за собой массивную цепь, которая чертила в морозном воздухе гудящую на низких нотах округлость.

Последние аккорды композиции «Nebel» совпали с тем, как крест, сверкая своими смертельно опасными гранями, вдруг потерял резкость контура, затуманился и в следующий миг уже висел, медленно покачиваясь, на запястье согнутой в локте правой руке Ланы.

Музыка стихла, и в салоне машины наступила оглушительная тишина.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Лана открыла глаза и вдруг с безмерной усталостью в голосе произнесла:

— Теперь он со мной.

Я не стал спрашивать — кто.

Слова на какое-то время утратили смысл. Хотя что там слова — сама моя жизненная позиция в ту минуту дала первую, едва заметную трещинку.

Мое неверие пошатнулось.

Я видел его — крест-нож, который мне еще только предстояло сделать.

И я знал его имя.

* * *

Домой мы вернулись во второй половине дня.

На улице уже сгущались зимние сумерки. Лана держала обернутую куском ткани металлическую пластину толщиной в пять миллиметров. Сталь 65G. В просторечье ее именуют «пружинной». Идеальный вариант для изготовления задуманного. В сыром виде легко обрабатывается обыкновенным напильником, но после термообработки обретает высокую прочность в сочетании с некоторой пластичностью.

Я нес полиэтиленовый пакет с купленными в магазине напильниками, двумя наборами надфилей и абразивными брусками. Ножовка по металлу, дрель, тиски — все было дома.

В квартире шел затянувшийся ремонт, а если говорить

вернее — перепланировка. Поднявшись на второй этаж, я сложил инструмент на бетонированный пол будущего зимнего сада. Рядом выступал мощный фундамент камина. Чуть поодаль в качестве временной меры возвышался круглый раздвижной стол, на котором стоял компьютер. Завершали обстановку помещения диван и сложенные вдоль стены обрезки арматуры вперемешку с металлическим уголком.

Пока Лана готовила ужин, я занимался обустройством рабочего места. Верстака, естественно, дома не было, но выход из положения нашелся легко: взяв старую чугунную батарею, я обложил ее гранитными валунами, предназначенными для отделки зимнего сада, поперек положил полутора-метровый обрезок массивного швеллера, оставшегося после изготовления перекрытия. Один конец металлической балки я положил на готовую кладку, второй лег в углубление между звеньями чугунной батареи, на него я закрепил тиски и опробовал конструкцию на прочность.

Получилось вполне приемлемо. Если особо не усердствовать, то выдержит.

За ужином мы разговаривали на отвлеченные темы, не касаясь необычного дневного происшествия и моих очевидных приготовлений. Я уже примирился с мыслью, что внезапное видение является плодом моей богатой фантазии. Лана со всей очевидностью была убеждена в обратном, и потому мы избегали откровенного разговора, понимая, во что может вылиться радикальное несовпадение взглядов.

Пужинав, я забрал кофе и ушел наверх.

Прежде чем приступить к первому этапу работы, я включил компьютер, вставил в CD-привод диск с «Раммштайном», нашел композицию «Nebel» и запустил непрерывное воспроизведение. Тихая, чуть печальная и одновременно будоражащая воображение музыка зазвучала в унисон мыслям.

Кофе так и остался остывать на столе, я взял инструмент и начал размечать заготовку.

Время постепенно теряло смысл. Никогда я не работал с таким упоением, не понимая, что за сила завладела моим сознанием. Нет, я не ощущал себя марионеткой, внезапно

попавшей под власть чуждой воли, наоборот, я чувствовал сравнимый с вдохновением душевный подъем.

Закончив разметку, я зажал заготовку в тиски, и спустя минуту в помещении раздался характерный визг ножовки по металлу. Сталь поддавалась легко, пропилил шел ровно, никто не подгонял меня, не ограничивал во времени, благо мы живем в доме, построенном еще до революции, — стены из красного кирпича толщиной в семьдесят сантиметров прекрасно глушат звук, так что я мог продолжать свое занятие хоть до самого утра.

Так оно, собственно, и вышло.

Не помню, сколько часов потребовалось на выпиливание грубой заготовки. Несколько раз я менял полотна, время застыло, словно мое сознание погрузилось в густой сироп, подспудно ожидая каких-то событий. В руках ощущалась усталость, но я подсознательно понимал, что не остановлюсь, пока не увижу крест.

Наконец уже за полночь, соединив два последних пропила, я поймал в ладонь нагревшийся прямоугольный обрезок металла и, взглянув на тиски, понял — в них зажат крест. Некоторое время я смотрел на него, разминая сигарету в испачканных металлической пылью пальцах.

Получилось.

Мысль пришла спокойная, удовлетворенная, в те минуты я не вспоминал о странном дневном видении, просто был доволен результатом проделанной работы.

Докурив, я понял: несмотря на поздний час, спать мне совершенно не хочется.

Что ж, пожалуй, можно сделать окончательную разметку и спилить под углом оконечности крестообразной заготовки, придав им заостренный вид будущих лезвий. Погасив сигарету, я вновь взял в руки штангенциркуль, собираясь размечать скосы.

В эту минуту в очередной раз зазвучала повторяющаяся раз за разом композиция. Я освободил заготовку из тисков, ощущая, как нагревшийся металл отдает моей ладони накопленное тепло. Словно в руках притаилось живое существо, с которым я уже успел сродниться.

Приятное, необычное чувство.

Мы любим одухотворять вещи, поэтому в первый момент, услышав в своем рассудке голос, я не вздрогнул, не смутился, лишь удивился странной игре воображения, пока вдруг с необычайной отчетливостью не осознал: мысль хоть и созвучна ситуации, но не может принадлежать мне.

Прошу, оставь меня крестом.

Легкий озноб коснулся затылка, пробежал мурашками вдоль спины.

Почему, машинально спросил я, полагая, что разговариваю с собственным сознанием.

Смерть, лаконично пояснил голос. Я достаточно убивал.

Нет, строго ответил я, поражаясь двойственности внезапно возникшей ситуации, и все же продолжил мысленный диалог: ты должен понимать, что форма клинков не меняет твоей сущности. Ты не убьешь, если не пожелаешь чьей-либо смерти. В этом твоя сила. Главное — не форма, а ее содержание.

Да, я знаю. Ты тоже перед боем вонзал в землю меч и обращался с молитвой к Создателю, глядя на рукоять в форме креста.

Меня прошиб холодный пот.

Бремя воина. Откуда мне так хорошо знаком потаенный смысл этого сочетания слов?

Я смотрел на крест, удобно лежащий в ладони, и продолжал ощущать его тепло.

Нет. Это откровенный бред. Я не могу разговаривать с только что выпитой металлической заготовкой.

Голос в моем рассудке смолк. Либо он испугался моей реакции, либо я действительно говорил с собственным воображением. Последнее показалось мне предпочтительнее, иначе следовало признать, что пора обращаться к психиатру.

Аккуратно зажав заготовку в тиски, я выключил компьютер, погасил свет и ушел спать. В первый и последний раз в ту ночь мне удалось бежать от самого себя, наглухо отгородившись полным неверием от внезапных ранящих мыслей и ощущений.

* * *

Утром я встал поздно, невыспавшимся, совершенно сбитым с толку. Весь остаток ночи мне снились странные образы, не имевшие на первый взгляд ни единой точки соприкосновения с реальностью.

Мне очень хотелось спросить у Ланы, что означала ее вчерашняя фраза: «Теперь он со мной». Однако я удержался от вопроса, чувствуя скептический настрой своего сознания.

Собственно, оставался один путь — наверх, к кресту, но, поднявшись на второй этаж, я лишь мельком взглянул на зажатую в тисках заготовку и сел за компьютер.

Почему именно «Раммштайн»?

Раньше я не задавался подобным вопросом, хотя, по логике вещей, следовало его задать. Слишком резко все произошло. Столько лет отдавать предпочтение Цюю, Бутусову, Гребенщикову, и вдруг — незнакомая до недавней поры немецкая группа, о которой мне не известно ровным счетом ничего.

Соединившись с Internet, я вошел в поисковую систему Rambler, задал ключевые слова для поиска и коснулся клавиши ввода.

К моему удивлению, информации оказалось в избытке. Однако по мере чтения биографии группы меня постепенно охватывало разочарование. Не за что зацепиться.

Наткнувшись на тексты песен (на немецком языке, естественно), я скопировал их и перешел на страницу он-лайн переводчика. Нет, к своему разочарованию, я не нашел в текстах песен никаких явных аналогий со странными видениями последних суток. Скорее всего, музыка просто совпадение, подумалось мне. Конечно, слушая мелодию, без понимания слов легко представить себе любую картинку — это вопрос работы воображения. Например, вступление композиции «Nebel» гармонично сочеталось с моим представлением о плавном полете над заснеженным полем. Однако перевод песни убедительно показал, что в тексте нет даже намек на крест, храм, лишь упоминание тумана совпадало с моим вчерашним видением...

В конце концов я разозлился сам на себя. Вечно ищу про-

блемы там, где их нет. Слышатся голоса? Ну и что? С раннего детства я мысленно спорю сам с собой, обдумывая ту или иную житейскую задачу. Почему тогда вчера ночью я вдруг приписал возникший в моем рассудке голос неодушевленной металлической заготовке? Только оттого, что крест был теплым, казался живым?

С такими мыслями я включил свет над импровизированным верстаком.

3

Два часа спустя я закончил грубую обработку: убрал весь лишний металл, придавал оконечностям креста заостренную форму лезвий, сделал двустороннюю выборку в той части, где предполагалась рукоятка, оставив за ней короткое двухсантиметровое лезвие, действительно похожее на наколеник копья.

Теперь наступал самый долгий и ответственный этап: при помощи напильника я должен был придать лезвиям правильный угол заточки, начиная от размеченных кровостоков и заканчивая рабочей режущей частью.

Здесь главное — твердость руки и спокойствие. Завалить плоскость можно двумя-тремя неверными движениями, а вот исправить ошибку будет во сто крат сложнее.

Никто более не пытался заговорить со мной, я не ощущал стороннего давления на разум и постепенно забылся, втягиваясь в ритм движений. Напильник слегка вибрировал в руках, снимая один за другим тонкие слои металла. Мысли текли плавно, взгляд не сосредотачивался на деталях, пока мои усилия не обозначили явные скосы кинжальной заточки центрального лезвия.

Срыв произошел внезапно.

Нет, у меня не дрогнула рука, не изменился ритм достаточно монотонных, утомительных движений, но лезвие перед глазами вдруг начало терять черты, расплываться, словно все окутала чернота, а на шероховатой поверхности металла отразились огни беснующегося пожара.

Мое сознание неодолимо потянуло в темный водоворот...

Это была страшная ночь.

Ментальное рождение и физическая смерть неразрывно переплетались меж собой, даруя способность осознать мир и тут же покрывая пеплом любое чаяние.

Город пылал.

Нападение произошло за глухую полночь, когда не спит только нечисть. Двое распахнутых ворот — в нижнем кольце стен и в барбакане верхнего укрепления — немо кричали о предательстве, щерясь в огонь пожарищ пустыми провалами отомкнутых створов.

Враг был повсюду.

Хранитель, отягченный кровью, то взмывал вверх к серым равнодушным небесам, то стремительно снижался, плутая меж черными, плюющими искрами столбами дыма. Воины пали, и теперь темные приливные волны, продолжавшие накатываться на город со всех сторон, будто гонимые злой вездесущей силой, практически не встречали сопротивления. Неистовая злоба металась по кривым улочкам меж пылающих домов, смерть уже пресытилась, ее рвало кровью на истоптанный в кашу, покрытый хлопьями сажки снег, но чернота продолжала наступать, алчность и ненависть уже переродились, захмелели, еще раз сошли с ума от безнаказанности легких убийств.

Предательство.

Высокие зубчатые стены, полуодетые павшие воины, распахнутые ворота.

Он несся над прогорклой землей, выкрикивая единственное имя, но не слышал иного ответа, кроме треска пожарищ, звериных рыков похоти и отчаянных предсмертных стонов. Хранитель не ведал страха, но самосознание, родившееся этой ночью, в полной мере вкусило иной рок: он ощущал безысходность.

Хозяйка исчезла. Он не чувствовал ее тепла в ледяной бездне своего полета.

Если бы она сразу вдохнула в него настоящую жизнь... Он помнил ласковый жар кузницы, ритмичные удары молота, тихие голоса, взгляд покрасневших глаз в обрамлении глубоких морщин. Его выковали, закалили, опробовали на прочность, ошлифовали до зеркального блеска, а затем тща-

тельно сокрыли смертельные лезвия в ножны, повторяющие форму креста.

Хозяйка носила его на груди, ласково называя «хранителем».

Он с благодарностью впитывал ее тепло и постепенно, на протяжении многих лет, по капле собирал энергию жизни. Ее аура постепенно меняла структуру стали, пока Хранитель не начал смутно воспринимать окружающий мир. Не сам, конечно. Энергия Хозяйки, воплощенная в мыслях, резонировала в нем, пробуждая отклик.

Она обладала великой силой.

Юная, прекрасная, владеющая древним знанием, она отдавала предпочтение своему дару, развивая, совершенствуя его, не желая замечать взглядов мужчин, подчиняясь лишь позывам собственной души.

Не в этом ли крылся один из истоков страшной ночи?

Любовь и ненависть ходят, как известно, рука об руку.

Среди тех, кто боготворил Хозяйку, Хранитель ощущал людей, источающих эманации вязкой тьмы, но сейчас ее источники исчезли, растворились в прогорклом мраке, оставив взамен вязкую патоку полуживотных мыслей, затопивших пылающий город.

Он запомнил каждого из них в лицо и сейчас, изнывая от горя, жалел лишь об одном: почему его окончательное пробуждение не наступило раньше, почему только сейчас пришла способность оторваться от грешной земли и лететь, вращаясь в потоках диких необузданных энергий, ощущая, как дрожит воздух...

Напильник сорвался.

Я сидел, совершенно потеряв ощущение реальности, не чувствуя крови, что выступила из ссадины и капала на пол. Наконец, очнувшись, я посмотрел на руку, машинально отер кровь лежавшей рядом тряпкой и, закурив, в глубокой задумчивости перевел взгляд на Nebel.

Да, именно в тот миг я мысленно назвал его по имени.

Некоторое время я сидел, не чувствуя вкуса сигареты, и думал: что произошло минуту назад с моим сознанием? Оно

действительно побывало там или я все же тешу себя иллюзиями, вкушая плоды собственной фантазии?

Сложный вопрос.

С одной стороны, признать, что твой разум способен проникать в иной темпоральный поток, означало весьма вольное допущение, противоречащее всем жизненным принципам.

С другой стороны, для обыкновенной фантазии мои ощущения были слишком реальны. Раньше такого не случилось.

Что мне делать? Спуститься вниз, поговорить с Ланой? Не преждевременно ли? По здравом размышлении, что я смогу рассказать?

Мои пальцы машинально смяли сигарету, и я вновь взял в руки напильник.

Не помню, сколько прошло времени, но ничего не повторилось. Я работал как одержимый, хотя руки уже ломило от усталости.

Перевернув заготовку, я едва успел наметить нужный скос и почувствовать плоскость, как внезапно сознание вновь ухнуло в темную бездну...

Его разбудил гулкий вибрирующий набат.

Огромный колокол звучал, не умолкая, тревожный рокот заставлял тонко дребезжать стекла, он был везде, в нем бушевала холодная ярость металла, и каждая частичка Хранителя откликнулась на голос, напитываясь зловещей силой непоправимой беды. Много лет он воспринимал энергию жизни, а сейчас тревожный набат нес обжигающий холод смертельного рока.

Хозяйки не было. Она исчезла.

Он лежал на полу, и обрывок цепи пластался рядом. Ножны были сорваны, но лезвия Хранителя так и не окропила кровь врага.

Набат не смолкал.

Лезвия вибрировали от низкого звука, и Хранитель внезапно начал приподниматься над полом. Обрывок цепи выскользнул из изящного крепления, словно силы земные

окончательно отпустили его. Он ощущал собственный вес и в то же время был легок, как порыв ветра.

Первый поворот вокруг оси.

Четыре лезвия сверкнули, поймав отблеск огарка свечи, и в этот миг со всех сторон нахлынуло необузданное сонмище энергий.

Он задрожал.

Агония плескалась вокруг, отлетая к небесам бледными сполохами душ, а по земле ползла, вливаясь в кривые улочки города, вязкая удушливая смерть, бессмысленная и жестокая, озверевшая от крови, не встречающая достойного отпора.

Хранитель будто обезумел, почувствовав непоправимость случившегося. Его лезвия дрожали от напряжения, каждый сполох отлетающих душ воинов — тех, кто пытался оказать разрозненное сопротивление ворвавшимся в город ордам, — вливал в него все новые и новые силы, пока дрожь клинков не трансформировалась в действие: он рванулся навстречу огню пожарищ, рассыпая за собой хрустальный перезвон выбитого витража...

Я встал, не в силах справиться с охватившим меня волнением.

Отойдя от импровизированного слесарного станка, присел подле компьютера, вновь машинально прикурив сигарету. Рядом на столе уже лежали две пустые пачки. Во рту ощущалась горечь.

Нет, это следовало понять либо, на худой конец, пережить. Нельзя останавливаться на полпути. Возможно, в конце меня ждет наконец объяснение?

Испачканный въедливой металлической пылью палец коснулся клавиши компьютерной мыши, запуская знакомую композицию Раммштайна.

Здесь должна быть связь.

И вообще, что мы знаем о собственном сознании? Возможно, оно хранит много больше, чем мы привыкли отмерять объемами осознанной памяти? В таком случае ему необходим ключ, отпирающий ту самую «темную комнату»?

Посмотрим.

С этой мыслью под тихое, но тревожное музыкальное вступление я направился к кругу света, падающего от лампы на мой импровизированный верстак.

Выбив стекло, он оказался высоко над городом.

Хранитель не выбирал направления — неодолимая сила влекла его на звук набата.

Панораму окрестностей застилал дым, хмурая ночь без звезд озарялась сполохами пламени, надрывный гул колокола заставлял вибрировать воздух, наполняя его упругими волнами ярости, но, приближаясь к храму, Хранитель все острее чувствовал: зло уже свершилось и некому подхватить призыв о яростном мщении...

Подле колокольни на белом, не оскверненном чужими следами снегу лицом вниз лежал звонарь. Его душа уже отлетела ввысь, из-под серого мешковатого балахона сочилась кровь, из спины торчали два оперенных обломка стрел.

Кто же тогда там, наверху?

Хранитель взмыл к небесам.

На деревянном помосте, ухватившись за веревку большого колокола, стояла Клементина, кормилица Хозяйки. Ее ноги были босы, седые волосы развевались на ветру, глаза источали безумие, но руки продолжали тянуть за канат, раскачивая тяжелый язык басовитого гиганта.

Энергия.

Хранитель ощущал ее, темную и вязкую, там, где смерть разлилась по улицам, чистую, сильную, тревожную — исходящую от колокола. И еще, переворачиваясь в воздухе, он вдруг увидел сполохи ослепительного сияния, уловить которое не мог обычный смертный, — то отлетали чистые души невинных жертв кровавого безумия...

Стремительно снижаясь, он устремился к пылающим кварталам, где сквозь клубы дыма, разрывая тяжкий саван тьмы, в нескольких местах вспыхивали и гасли короткие ослепительные зарницы — то добрая, честная сталь разила врагов.

И нигде, сколько ни зови, не ощущалось теплой янтарной ауры Хозяйки.

Обезумев от горя, он желал лишь одного — выплеснуть обретенную силу в лицо врагу.

Я закончил центральный клинок.

За окном снова начало темнеть. Короткие видения, в чем-то новые, а в чем-то повторявшие друг друга, приходили внезапно и так же неожиданно отпускали разум, словно я слой за слоем снимал забвение, очищая прах времен с далеких событий, придумать которые попросту не мог.

Значит, я должен поверить в то, что грезится? А вместе с этой верой допустить, что в мире существуют иные силы, отличные от явлений природы, законов физики и других аксиом бытия? И что мне в таком случае делать с устоявшимся мировоззрением? Признаться, что тридцать лет жил полуслепым?

Не выдержав, я все же прервал свой труд и спустился к Лане. Она почувствовала мое состояние, но не задала вопроса; молча сделала кофе, села напротив и заглянула в глаза.

— Скажи, почему ты решила изучать эзотерику? — задал я прямой вопрос.

Некоторое время она молчала.

— Ты же знаешь, Андрюша, я всю жизнь пытаюсь найти себя, — наконец произнесла Лана. — Много чего испробовала, но все не то. Мне кажется, я что-то потеряла, и это не дает мне покоя.

Я кивнул, принимая объяснение. Да, Лана действительно быстро увлекалась, но и быстро остывала в своих начинаниях, стоило ей только преодолеть первоначальные трудности и достичь конкретных вершин. Неважно, каков был род ее занятия, она всегда действовала так, словно раз за разом доказывала себе — я могу, но как только доказательства становились явными, она тут же теряла интерес к достигнутому. Стоило взглянуть на ее картины, чтобы понять — талант несомненный, но и они не стали главным делом ее жизни.

— Скажи, милая, у вещей может быть душа? — осторожно задал я новый вопрос.

Лана насторожилась.

— Что-то случилось?

Я не знал, что ответить. Просто смотрел на нее, не желая кривить душой.

— Разве книги по эзотерике, которые ты читаешь, не дают ответа на мой вопрос?

Она усмехнулась, и я понял: все не так просто. Истина порой неуловима, она скрыта от нас то наслоениями времен, то нашим собственным невежеством, то самоуверенностью, не дающей открыть глаза и взглянуть на мир под другим углом. Мы держимся каждый за свой устоя, страшась отпустить его, не желая терять почвы под ногами, и часто оказывается, что это не твердая жизненная позиция, а всего лишь узкий, удобный, но субъективный взгляд на мир, обеспечивающий внутренний комфорт существования без отражения истины.

— В книгах пишут многое, — нарушил мои мысли голос Ланы. — Я еще только в самом начале, ты же знаешь. Но думаю, у предметов, особенно у тех, к которым есть особое отношение людей, не одно, а два тела. Физическое — то, которое мы непосредственно воспринимаем, и энергетическое. Увидеть его дано немногим.

Я не стал оспаривать это утверждение.

4

В очередной раз поднявшись наверх, я принялся при помощи дрели выбирать кровостоки на лезвиях. Грубая работа была окончена, три клинка и тонкая металлическая рукоять с наконечником, смыкаясь друг с другом, образовывали прямоугольник.

Глядя на эту небольшую площадку, от которой уже уходило углубление первого кровостока, я внезапно ощутил неподолжимый внутренний порыв. Отложив в сторону дрель, я взял в руки молоток и миниатюрный штихель.

Там, где три лезвия сходились с рукояткой, должно быть начертано имя.

Легкие удары молотка выбивали частички металла, снимая тонкую стружку. *Nebel* — вот слово, что буква за буквой выходило из-под острого жала штихеля.

Теперь я осознанно ждал, когда он заговорит со мной.

И он заговорил.

Заговорил так, как умел, — тревожа рассудок смутными, нечеткими картинами прошлого.

Сполохи света приближались.

Рассекая воздух остро отточенными лезвиями, Хранитель то терял материальность, то вновь обретал ее. Он не управлял метаморфозами. Жуткая энергетика бойни продолжала вливаться в него, и закаленная сталь не выдерживала, она как будто таяла, на миг превращаясь в туманный, ослепительный росчерк, потом снова возвращался вес, и он начинал вращаться, содрогаясь от свистящего воя собственных лезвий.

Хранитель перерождался.

Его Хозяйка, юная Госпожа, сама не догадываясь о том, наделила Хранителя способностью воспринимать факт собственного существования, но долгое время его это являлось лишь частицей ее собственного самосознания: он смотрел на мир ее глазами, оценивал события ее мыслями, жил ее чувствами и помыслами...

В эту жуткую ночь, оставшись в одиночестве, он неистово звал ее, не понимая, что этим порывом притягивает к себе беснующиеся вокруг разнородные энергии. Он уже не являлся ни частицей ауры Госпожи, ни простым изделием из стали — сначала Хранитель уподобился пушинке, которой играют воздушные потоки, но стремительные трансформации продолжались, и вихрь энергий, способный изменять структуру материи, внезапно подчинился его собственному неистовому порыву, став неотъемлемой частью новорожденной сущности.

Не разбираясь в хитросплетениях происходящих с ним метаморфоз, Хранитель воспринимал лишь данность. Как говорила Госпожа: на все воля Создателя, а пути Господни, как известно, неисповедимы.

Он просто был.

Одинокий, отчаявшийся, заблудившийся в дыму пожара и собственном горе.

Холодный яростный свет. Он бил, словно разряды молний.

Хранитель нырнул под черный саван дыма, пронесся над обугленными стропилами провалившейся внутрь дома крыши, со свистом развернулся и наконец увидел ЕГО.

Это был Самуэль, старший брат юной Госпожи.

Обагранный кровью, испятнанный сажей снег превратился в кашу под его ногами. Гнедой конь, принявший на себя десяток предназначенных хозяину стрел, неподвижно лежал в талой луже, лишь его огромные, полные боли глаза продолжали жить...

Самуэль был могучим воином. Могучим и благородным.

Хранитель еще не забыл, как недавно в их замке появились три рыцаря, возвращавшихся на родину, в германскую Саксонию. Их путь лежал из далеких земель Палестины, где они бились за освобождение Гроба Господня. Один из них, по имени Андреас, безумно влюбился в юную Госпожу. Отправив товарищей одних, он задержался в замке, совершив явное безрассудство: пришел к отцу Госпожи и попросил у него руки единственной дочери. Что мог ответить ему человек, чей род восходил к Вильгельму Завоевателю? Указать безумцу на то, что младший сын мелкопоместного саксонского дворянина не может претендовать на взаимность наследницы великого рода? Намекнуть, что жаркие пески Аравийской пустыни помutilи рассудок храброго крестоносца?..

Охваченная страстью душа не внемлет голосу рассудка. Андреас должен был смириться, уйти, но он привел самоубийственный довод: что значат титулы и земли в сравнении с честью воина и его чистыми чувствами?

При такой трактовке разрешить проблему сватовства мог только поединок.

Честь семьи по традиции защищал Самуэль — старший брат и наследник. Против него у Андреаса не было абсолютно никаких шансов, но воин не дрогнул, не бежал темной ночью, изнывая от позора, — он вышел на ристалище.

Самуэль никогда не пользовался щитом. Его броней была сила, помноженная на опыт, да несокрушимый для врага

двуручный меч, способный отразить любой удар не хуже, чем иной щит.

Стоял стылый полдень. Снег только недавно покрыл замерзшую землю, и звук копыт отдавался звонким эхом над притихшей в ожидании поединка толпой.

Бой был коротким. Два гнедых сорвались с места, стремительно неся своих хозяев навстречу друг другу. Ярко сверкала прихваченная инеем сталь доспехов, Андреас, как и Самуэль, вооружился мечом, но не успел воспользоваться им: как только лошади поравнялись, Самуэль первым нанес сокрушительный боковой удар, прорубивший щит Андреаса и выбивший крестоносца из седла.

Толпа ахнула, глядя, как с лязгом рухнул на замерзшую землю заезжий рыцарь. Завязки его шлема порвались, открывая бледное лицо. Сияясь встать, он хватал ртом загустевший морозный воздух, а Самуэль уже был рядом — его огромный меч резко пошел вверх, поймав скупой луч зимнего солнца, который вспыхнул алым, пройдя сквозь треугольный рубин, инкрустированный в рукоятку.

Казалось, еще секунда, и голова самонадеянного крестоносца отлетит прочь... Но Самуэль поступил иначе: коротким движением вонзив клинок в стылую землю, он снял шлем, перчатку и протянул руку поверженному противнику.

— Вставай, сэр Андреас. Кровь доброго христианина не обогрит эту землю.

Ледяной пот выступил у меня на лбу. Не в силах расслабить напряженные, сведенные судорогой мышцы, я сидел, глядя на сверкающие лезвия, а перед глазами медленно таяли три образа — Андреаса, юной Хозяйки Хранителя и ее брата Самуэля.

Я узнал их.

Враги приближались со всех сторон. Они окружили Самуэля плотным кольцом, страшась переступить границу незримого круга, очерченную гудящим взмахом длинного двуручного меча. Ощерившаяся разнородным вооружением толпа, которую неведомая сила согнала сюда, грубо играя на струнах алчности, самонадеянности, невежества, — именно так воспринимал эту орду Хранитель. Они были грязными... не доведенными до отчаяния скудной жизнью, а именно

грязными, как телом, так и помыслами. Доказательством тому являлся весь город, подвергшийся тяжелой волне бессмысленного, животного насилия.

Самуэль с презрением смотрел на толпу, хотя понимал: ему уже не вырваться из тесного круга, — некому прикрыть спину, силы на исходе, нет более надежды, в душе лишь клочущая ярость: отец мертв, сестра исчезла, а он даже не знает имени врага, что управлял этой ордой, напададая исподтишка, прячась от солнечного света, в котором мог быть узнан.

Хранитель четко воспринимал мысли Самуэля, но вот беда — тот не мог слышать его.

Четыре клинка пришли в стремительное вращательное движение. В этот миг среди нестройной толпы раздался гортанный возглас, понукающий передние ряды атаковать. Ответом ему послужило стихийное движение тел в сопровождении рыка, исторгнутого из десятка глоток.

Самуэль не подался назад, напротив, он сделал шаг навстречу всколыхнувшейся толпе, и, прежде чем та успела отпрянуть, меч описал низкий свистящий полукруг, подрубая ноги наиболее рьяным противникам.

Вопли боли и ужаса огласили стылую тишь погруженной в предрассветные сумерки площади. Кровь хлестала из отрубленных конечностей, несколько тел выгибались в агонии, а те, что находились сзади, решили, что наконец настал их миг — Самуэлю пришлось припасть на одно колено, чтобы не потерять равновесие при сокрушительном ударе, и его спина представилась им беззащитной.

Зверье в человеческом обличье ошибалось.

Спину Самуэля теперь прикрывал Хранитель, и первый, кто посмел сделать шаг к воину, вдруг в ужасе подался назад, в последний миг перед смертью увидев, как воздух обретает форму и леденящий блеск стали.

Самуэль услышал за своей спиной звонкий удар и резко обернулся. По снежной каше катилась голова. Тело еще стояло на ногах, потом они подогнулись, и несостоявшийся убийца мешковато осел в лужу собственной крови.

Сбоку раздался яростный крик, с десятков врагов резко вытолкнуло вперед, и Самуэлю пришлось отвечать: направ-

ленный снизу вверх взмах меча разрубил подбородок опасно приблизившегося противника, и, тут же, не останавливая инерции, он перевел удар в плоскость, одновременно разворачиваясь, вновь очерчивая смертельную круг, но теперь уже полный. Сталь меча со звоном и хлопанием разрубала преграды скверных доспехов, добираясь до плоти, казалось, оружие рвется из рук и нет сил, чтобы удержать его.

Резкая боль в боку, куда вскользь угодила шальная стрела, заставила Самуэля пошатнуться. Рана была неопасной, но от потери крови и постоянного напряжения звенело в ушах, а перед глазами периодически начинала плавать искрящаяся муть. Вот и сейчас, восстанавливая равновесие после удара, он увидел, как искрится воздух, словно там промелькнули вращающиеся вокруг незримого центра клинки.

Он все еще пытался понять или отыскать глазами того, кто так вовремя обезглавил подкравшегося сзади противника, когда муть перед глазами рассеялась, и он теперь уже отчетливо увидел, как неведомая сила прореживает толпу, выбивая кровавые брызги из суматошно пытающихся уклониться тел.

Самуэль понял — это сам Создатель дает ему шанс. Чем, кроме Божьей воли, он мог объяснить неведомую силу, что на глазах рассеивала толпу, превращая стаю диких зверей в стадо, бестолково пытающееся избежать невидимой, разящей наповал смерти?

Собрав все силы, Самуэль ринулся вперед.

Погибнуть на центральной площади города, когда точно знаешь, что отец мертв, а сестра загадочно исчезла, — не честь для воина, а лишь злой рок. Он молча прорубался сквозь охваченные паникой ряды захватчиков, не ради спасения своей жизни, но ради восстановления попорченной чести. Если он умрет, кто отыщет сестру, кто распознает истинного врага среди лживо скорбящих лиц?

Удар за ударом, на одном вдохе, не издавая ни звука, он рубил, чувствуя, что рядом кто-то незримый крушит врагов, надежно прикрывая его спину. Через минуту враг дрогнул. Тонкие панические ручейки устремились прочь от внушающей ужас площади, вливаясь в покрытые копотью улочки разоренного города.

Самуэль смог остановиться, только когда понял, что перед ним распахнутые ворота родного города, а за ними нетронутая белоснежная целина, словно навалившееся этой ночью сонмище не пришло по земле...

Скорее он ошибался, но сейчас не осталось сил, чтобы думать об этом.

Он выжил. Значит, выжили и другие. Нужно собрать уцелевших воинов, чтобы изгнать ополоумевших выроdkов из замка.

Самуэль стоял, тяжело дыша, опираясь двумя руками на меч, а его покрасневшие, ввалившиеся от горя глаза встречали первые бледные краски робкого зимнего рассвета.

На площади среди изрубленных тел, вонзившись в шлем предводителя рассеянной по городу орды, торчал обломок короткого клинка с кинжальной заточкой лезвия.

Физическое тело Хранителя не выдержало ярости безудержной схватки — защищая спину Самуэля, он не смог сберечь своей оболочки, и теперь высоко над городом плыл туманный сгусток энергии, по форме напоминающий крест.

* * *

— Я знаю, Nebel, ты не погиб... — прошептал Андрей. — Ты долго искал свою Хозяйку, пока не иссякли силы, и тогда ты нашел себе новое физическое тело, верно? Где еще ты мог пережить века, если только не в кресте, под сводами храма?

Разжав тиски, он положил на ладонь остро отточенные лезвия.

Тепло металла перетекало в руку, свет играл в кровостоках, отвечая: «Да».

Андрей спустился по изгибающейся лестнице, остановился у окна, взглянув на часы. Приближался рассвет. Морозный воздух за окном курился зыбкими полосами тумана. В столовой тихо бормотал телевизор. Лана забыла выключить его, уходя спать.

Я подошел к кровати и долго смотрел на любимую.

Она спала.

Юная хозяйка Хранителя, родившаяся вновь спустя ве-

ка. Я узнал ее, мою безответную любовь, как узнал Самуэля, однажды протянувшего руку неизвестному воину креста.

Неисповедимы твои пути, Создатель.

Мы спешим жить, не вникая в суть многих вещей, требуя неоспоримых доказательств твоего существования, и годы проходят мимо, безликие, бездушные, полные мелочной суеты.

Я знал, с нами все будет иначе. Утром я положу перед Ланой ее Хранителя, и с той секунды мы будем вместе открывать темные комнаты, скрывающиеся в глубине возрожденных душ.

Ничто не происходит просто так, без причины. Если вновь рождены мы, значит, возможно, где-то притаился и он, не найденный в прошлом враг.

Если это так, то кара не минует его.

Я еще раз взглянул на Лану и вернулся в столовую. Nebel тускло сверкнул гранями, отражая свет своим новым физическим телом.

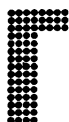
Я сел за стол, в задумчивости глядя на экран телевизора. Работал второй канал. Передавали русскоязычную версию европейских новостей. Я оцепенел, увидев знакомый пейзаж — темную полосу леса, заснеженное поле, далекие огни города и католический храм на небольшом взгорке.

— Загадочное происшествие на днях взбудоражило военнослужащих базы Раммштайн, расположенной неподалеку от одноименного населенного пункта. Необычное явление для этого времени года — густой туман практически парализовал движение воздушного и автомобильного транспорта. Как установили метеорологи, центр аномальной области расположен за окраиной города возле древней церкви. Неизвестно, как долго еще продержится необычный для этих мест туман...

Круг замкнулся.

МОСКОВСКИЕ ГОЛЕМЫ

големы вторглись в пределы Третьего Рима около четырех часов дня по Гринвичу.

Пути, приведшие их в столицу нашей родины, оказались крайне причудливы и весьма разнообразны.

Кани Мягкий Краб, к примеру, взял и вывернулся прямо из газона, зажато между посыпанной гравием детской площадкой и выстроенными в линию гаражами-«ракушками». Как известно, нобелевскому лауреату Альберту Эйнштейну для того, чтобы обосновать свою знаменитую теорию относительности, пришлось ввести в научный обиход умозрительное понятие идеального наблюдателя. Возможно, он украл это самое понятие у какого-нибудь любавичского ребенка или позаимствовал без спросу из записных книжек безымянного элевсинского иерофанта; впрочем, в рассматриваемом нами случае это, право, вовсе неважно. Так вот, если бы вышеуказанный умозрительный наблюдатель, сферический, бесконечный, имеющий нулевую плотность, абсолютно неподвижный в абсолютном вакууме и полностью независимый от влияния парламентской еврокомиссии по правам человека, оказался в этот момент времени во дворе дома номер 161 по Люблинской улице, он получил бы уникальную возможность созерцать, как пронизанный белесыми корнями травы дерн неожиданно вспучился и подернулся зыбью, точно лужа под внезапным порывом ветра. Обиженно за скрипели воткнутые в землю скамейки и псевдорусские деревянные домики на детской площадке: циклопическая невидимая рука медленно стягивала плодородный слой почвы к эпицентру локального катаклизма, словно полиэтиленовую пленку с упаковки двухлитровых бутылок кока-колы, и скамейки по мере сил сопротивлялись странным тектоническим подвижкам. Топорщась внушительными складками, дерн деловито подползал к узкой полоске газона, оказавшей-

ся в центре происходящего, и заворачивался в огромный жгут двухметровой высоты, напоминавший хобот торнадо. Только этот смерч состоял не из воздушных потоков и водяной пыли, а из смеси травы, глины, песка и чернозема. Чернозем местные власти пару недель назад завезли сюда на трех самосвалах и при помощи гостей столицы рассыпали по газонам в надежде облагородить окрестности. Непредвиденный форсмажор в лице Кани Мягкого Краба, как всегда, спутал местным властям все расчеты.

Загадочный торнадо продолжал расти и уплотняться, торжественно попирая своим существованием многие из известных человечеству законов физики. Вращающийся жгут понемногу приобретал очертания стилизованной человеческой фигуры в масштабе 1:1,5. Фигура имела устрашающие гипертрофированные мускулы и грудь, напоминавшую пивной кег. Огромная голова, похожая на вывернутый ковшом экскаватора пласт земли, качнулась из стороны в сторону на массивной шее. Из земляного смерча возникли мощный торс и две ноги-тумбы без малейших первичных половых признаков между. Завершив воплощение, голем задрал к небу бесформенную голову с торчащими из нее ромашками, трогательно покачивавшимися при каждом движении, и огласил окрестности оглушительным ревом:

— Сдыгр ашпр устр устр!!!

Могучее эхо беспокойно заметалось меж высотных домов и в конце концов вонзилось в одинокий уличный фонарь, вдребезги разбив стеклянный колпак и ртутную газоразрядную лампу. Старичка в белоснежной хламиде и с резным молитвенным посохом в руках, имевшего неосторожность прогулочным шагом приближаться к месту разворачивающихся драматических событий, осыпало осколками и едва не сбilo с ног звуковой волной.

— Молодой человек! — возмутился он. — Не могли бы вы вести себя потише? Я пытаюсь сосредоточиться на благочестивых помыслах!

Безусловно, всякий прочий смертный на его месте, отшвырнув в сторону посох, уже давно улепетывал бы без оглядки по Братеевскому мосту через Москву-реку в сторону области, что и проделывала в настоящий момент группа гос-

тей столицы, только что торговавшая неподалеку от места разворачивающихся драматических событий гнилыми фруктами, червивыми орехами и чешской бижутерией. После того как сто лет назад черносотенцы подвергли гостей жесточайшим гонениям и вырезали практически всех, кто не успел удрать за черту оседлости, оные успешно приспособились к новым условиям, выработав у себя повышенную реакцию, поразительную чуткость к внешним раздражителям и способность различать до тысячи оттенков красного цвета. Кроме того, в процессе ускоренной эволюции, вызванной неблагоприятными переменами во внешней среде, гости столицы подверглись также физической метаморфии, отрастив по дополнительному суставному сочленению на каждой ноге, что позволяло им свободно сгибать колени назад, — а это, как свидетельствует опыт саранчи и прочих близкородственных насекомых, неизбежно влечет за собой увеличение скорости и повышение прыгучести. К сожалению, лишний сустав выдавал гостей столицы с головой, в результате чего московские блюстители порядка без труда выделяли их из толпы; а поскольку денег у первых всегда был некоторый избыток, московская же регистрация имелась в лучшем случае у двоих из трех, неудивительно, что после нескольких лет патрульной службы вторые уходили в отставку, покупали себе гипермаркет где-нибудь на окраине или сразу за Кольцевой дорогой и продолжали карьеру в качестве почтенных негоциантов.

Однако старичка с посохом взять на испуг оказалось трудно. Он был потомственным москвичом до сорок четвертого колена, за некоторые прегрешения высланным с улицы Балчуг в микрорайон Марьинский Парк (скорее всего, особняк, в котором он жил раньше, понадобился какому-нибудь крупному рыцарскому ордену под офис); кроме того, старичок являлся известным кудесником и председателем домового комитета, поэтому права свои знал крепко. Воздев руки к небу, воинственный пенсионер начал торжественно декламировать страшное древнее заклятие, кое долженствовало примерно наказать дерзкого голема, не соблюдающего своего места в магической иерархии; однако оно, к несчастью, оказалось столь длинным, что прежде, чем минула по-

ловина, Кани Мягкий Краб протянул обе лапы к заклинателю и ласково взял его за плечи, после чего быстро разорвал пополам, еще раз пополам и еще раз пополам. Колдовской посох голем с наслаждением хряпнул о колено и швырнул в кусты.

Ощувив недобрые эманации совершенной экзекуции, гости столицы еще прибавили ходу и через несколько минут уже пересекли кольцевую автодорогу, испокон веков служащую Москве естественной границей. Дурашливо гикнув им вслед, Кани отряхнул лапы и начал высматривать своих сподвижников, кои должны были прибыть с минуты на минуту.

Собственно, Унаги Копченый Угорь уже почти прибыл. Это можно было уверенно определить по той целеустремленности, с какой выворачивались из асфальта бордюрные камни тротуара. Для составления твердого тела Унаги хватило двух с половиной десятков камней. Некоторое время Копченый Угорь экспериментировал с продолговатыми серыми призмами, словно с кубиками из детского конструктора, соединял их в разных комбинациях и в итоге изобразил нечто вроде спичечного человечка — палка, палка, коробочек. Впрочем, такое ощущение было обманчивым и возникало только при достаточно большом удалении от объекта наблюдения: вблизи становилось ясно, что каждая спичка, изображавшая голень или предплечье голема, на самом деле — пара бордюрных камней, обладающая солидной массой и способная при желании хозяина нанести неосторожному удар сокрушительной силы.

Завершив метаморфирование, Унаги шагнул к коллеге и деловито отдал честь.

— Господин Краб, если не ошибаюсь? — осведомился он глухим металлическим голосом.

— Можно просто Кани, — замогильным басом отозвался Мягкий Краб. Казалось, что говорит погребенный внутри его земляного тела полуразложившийся покойник. — Без чинов. Сегодня у нас не войсковая операция.

— Унаги. Унаги Копченый Угорь, если угодно. Сделайте милость, сударь, просветите, куда нас занесло на сей раз?

— Аборигены называют это место Москвою. Хотя на-

звание явно автохтонное и возникло много раньше, нежели нынешняя титульная нация истребила автохтонов, так что возможны ошибки в произношении.

— Ах, как славно! — Унаги Колпченый Угорь со скрежетом потер каменными ладонями, демонстрируя неподдельное радостное оживление. — Это мы удачно попали, смею вас уверить. Красные, между прочим, до сих пор не покаялись ни за Крым, ни за голодомор, ни за позорное убийство царской семьи. А территории, нагло отторгнутые у Польши, Румынии и Японии? А полувековая оккупация Прибалтики? А, наконец, собственный могучий и широкий душою народ, низведенный до уровня полуголодного, забитого, подлого раба?.. Я полагаю, за всякого раздавленного сегодня красного червя каждому из нас спишется до семи — да нет, о чем я, до семидесяти семи смертных грехов!

— Полноте, коллега, — произнес Кани. — Не увлекайтесь так. У власти в России нынче ваши единомышленники.

— Ерундистика, милостивый государь! У власти сейчас бывшие красные директора, кагэбэшники и комсомольские вожаки. Вы в курсе, какие знамена эта краснопузая сволочь несла на параде в честь шестидесятого юбилея победы во Второй мировой войне? Сплошь багряные, с серпом и молотом! Свое пропагандистское дерьмо, украшенное взбитыми сливками, комиссары могут предлагать лидерам мировых держав и собственному населению, одураченному продажными СМИ, но не нам с вами.

— Ну, ведь то были знамена, под которыми русское оружие одерживало беспримерные победы на полях сражений, не так ли?

— А где тогда знамена, под которыми казаки входили в Париж? Где суворовские знамена и нахимовские штандарты? Где военно-морской андреевский флаг императора Петра? Где, черт побери...

Он именно так, на старомодный манер, и сказал — «чорт побери», а вовсе не «черт», как могло бы показаться умозрительному наблюдателю, если бы он не был идеальным.

Беседа неожиданно оказалась прервана появлением третьего персонажа по имени Ика Сырой Кальмар. Он уверенно вышагнул из боковой стены стоматологической кли-

ники «Президент» — словно бульдозер, успешно решивший задачу по преодолению намеченного препятствия. Клубы кирпичной пыли окутывали его пурпурным императорским плащом, вслед ему неслись грохот ломающейся кладки, звон разбитого стекла и надсадный хрип рассеченных коммуникаций. Следует отдать Сырому Кальмару должное, он появился крайне, крайне эффектно.

— Всем сбросить скорость! Трамваю принять вправо! — рывкнул Ика во всю пасть. Если бы идеальный наблюдатель в этот момент находился где-нибудь на соседней улице, он непременно присягнул бы, что во дворе дома номер 161 заработал мощный компрессор. — Приготовить документы для проверки! Налоговая инспекция!

— Рад тебя видеть, чучинько, — заулыбался Кани, широко раскрывая объятия.

Некоторое время они с Икой крепко обнимались, похлопывая друг друга по спинам от избытка чувств, при этом во все стороны летели клочья дерна и кирпичная крошка. Когда Мягкий Краб выпустил наконец Сырого Кальмара на свободу, тот вежливо раскланялся с Унаги: они были едва знакомы и не могли пока позволить себе подобных фамильярностей.

— Однако чем же так провинились местные туземцы, что удостоились нашего визита? — поинтересовался Ика, покончив с приветствиями. — Поговаривают, копрофагия и демонолатрия процветают здесь? Потянет ли это на несколько тысяч лет в четвертом круге ада по совокупности деяний?

— Чего только не процветает здесь, в этой великой Багряной Блуднице, — сокрушенно покачал бесформенной головой Кани. — Копрофагия, демонолатрия, инцест, адюльтер, содомия, ксенофобия, метросексуализм. Отмечались даже отдельные случаи сидеродромафобии. Оперативным работникам твоего уровня всегда найдется занятие.

— Ну, добро! — обрадовался Сырой Кальмар. — В последний-то раз я, смешно сказать, не проломил ни одной башки!.. — Его слегка качнуло, и он поспешно отступил с ползшего из-под ног участка тротуара.

Шиитаке Императорский Гриб составил себе твердое

тело из асфальта. Для этого он стянул в огромную воронку все дорожное покрытие в радиусе семи метров от уже воплотившихся големов. Пластичный и вместе с тем прочный материал позволил ему точнее, нежели коллегам, передать очертания человеческой фигуры, однако эти же свойства асфальта привели к тому, что Императорскому Грибу не хватило сил раскрыть глаза: они никак не хотели разлепляться.

— Подымите мне веки, засранцы! — захохотал Шиитаке. Голос у него был масляный и шелестящий, словно вытекающий из разбитой цистерны горячий гудрон. — Категорически не вижу!

Ика вытянул острый указательный палец из колотого кирпича и снайперскими тычками пробил в неподвижных глазницах товарища две неровные дыры. Чудесным образом прозревший Шиитаке Императорский Гриб неспешно перездоровался с коллегами, оставляя на их лапах и плечах тягучие следы разогретого асфальта, и начал с интересом озираться по сторонам, разглядывая многоэтажные здания, обступившие двор дома номер 161 по Люблинской улице.

— Однако и архитектура же, — уважительно произнес он. — Тысяча морских чертей! Вот это инсулы! Пожалуй, даже римские пониже будут. Я имею в виду эпоху расцвета Первого Рима, конечно, — через триста лет они уже все обрушились от ветхости. Слышишь, Ика? Эти здания больше напоминают неприступные скалы Финикии — помнишь, когда мы с тобой топили галеры феаков в проливе?..

— Ну, зиккурат Этеменанки-то повыше был, — заметил Унаги Копченый Угорь.

— Эка сравнил! — возмутился Шиитаке. — То ж Вавилонская башня, а то жилища простых смертных!..

— И за это, кстати, они тоже будут примерно наказаны, — заявил Кани Мягкий Краб. — Когда они построили гигантскую башню для своего божества движущихся картинок по имени Останкин, никто им ни слова не сказал. Сакральные объекты налогом не облагаются. Но после того, как появился величайший артефакт человеческой гордыни — жилой комплекс «Алые паруса», терпение небес иссякло. Хотя события 11 сентября 2001 года, казалось бы,

должны были навести смертных на определенные размышления.

— Имеющий уши да увидит, — фыркнул Ика.

— Имеющий зубы да укусит, — проговорил Унаги, надменно озирая обреченные многоэтажки.

Со стены расположенной рядом элитной школы внезапно потекла облицовочная плитка, точно пена из огнетушителя, случайно попавшая на вертикальную поверхность, — лихая Эби Сладкая Кроветка энергично формировала себе твердое тело.

— Привет, мальчишки! — воскликнула она, едва приняв форму, которую с известной долей условности можно было назвать антропоморфной. Звуки ее голоса подскакивали, громыхали и перекачывались, словно гравий в катящейся со склона железной бочке. — Чего у нас новенького за последние триста лет?

— Хай, куколка. — Куколка скорее напоминала деревянного солдата Урфина Джюса, для разнообразия выполненного из глазурованной керамики, но Кани это отнюдь не смущало. — Все по-старому. Пассионарии правят, плебс безмолвствует. Хлеба и зрелищ. Илиас малорум. Земля крестьянам. Все как обычно, ничто не меняется в подлунном мире. — Он дружелюбно хлопнул Эби по заднице, и на землю посыпались расколота я плитка и цементная крошка.

Сладкая Кроветка чмокнула его в щеку и уже собралась перецеловать по часовой стрелке всех присутствовавших, как вдруг плитка на том месте, где согласно проекту должно было находиться лицо прелестницы, озабоченно заскрипела.

— Але, Кани, тут же храм! Ты что, совсем ку-ку?!

— Храм? — забеспокоился Ика. — Не, на храм мы с пацанами не подписывались! — Он быстро дотянулся до ноосферы и подключился к ней через астральный тридцативухконтактный разъем. — Ага. Так... Храм неустановленного божества «Утоли моя печали» в Марьине... Великий Дагон, что за дурацкие названия у святилищ в этой местности! Почему бы не назвать храм просто и со вкусом, как поступают все нормальные люди, — именем того из богов, которому он посвящен? В конце концов, почему в слове «мой» опечатка? Это уже просто ни в какие ворота!

— Это не опечатка, — пояснил Кани Мягкий Краб. — Просто это написано на другом языке, хотя и родственном. Возможно, по-болгарски. Среди местных жрецов официально принят болгарский язык, на нем же осуществляются культовые службы, молебны, гимнопения и мистерии.

— Болгары — это местное название шумеров? — поинтересовался Шиитаке. — После того как шумеров истребили, все цивилизации Междуречья, помнится, пару тысячелетий пользовались их языком как сакральным.

— А все-таки, Краба, — снова влезла Эби, — хреновое соседство. Ты бы думал головой, прежде чем выбираться на поверхность в таких местах.

— Ай, брось, — отмахнулся Кани. — РПЦ с трудом прикрывает центр до Садового кольца. Вот туда действительно лучше не соваться — поджарят за полминуты, пикнуть не успеешь. В этом же храме наверняка один пьяный сторож с собакой и служба из бомжей. Не хватает обученного боевого персонала. Да и вообще крепость местной веры сейчас уже далеко не та, что пятьсот лет назад. Ну, хочешь, я войду в алтарные врата и изопью из крестильной купели?

— Ладно, убедил. Но к храму я приближаться все равно не стану. Однажды из одного такого вышел злоим и так меня отымел, что я потом четыреста лет кровью мочилась. Удовольствие, знаешь, так себе, на трючку.

— Нет тут никаких злоимов. Все истреблены во время последней великой войны. Расслабься, детка.

— Глади же, чучинько. Ты обещал.

Над соседними домами колыхнулись отзвуки оглушительного грохота, и вскоре из-за угла показался Магуро Ломтик Тунца. Он с ног до головы был осыпан цементной пылью, из его тела во все стороны угрожающе торчали куски ржавой стальной арматуры.

— Во имя Альмонсина-Метатрона! — еще издали вскричал он, яростно потрясая уродливыми лапами. Его обиженный рев напоминал грохот механизированного саморасклада поточной линии по производству карамели «Театральная», установленного на четвертом этаже кондитерской фабрики «Красный Октябрь». — Что за хрень эти долбаные шумеры

стали добавлять в саман вместо рубленой соломы? Бронзовые дротики?! Я едва сумел выломиться из стены!

— Надо же! — обрадовался Шиитакэ Императорский Гриб. — Абаси, старый черт! Пovyползал на солнышко весь цвет нашего террариума.

— Коллега, — снисходительно обратился к Ломтику Тунца Мягкий Краб, — долбаные шумеры вымерли уже тысячелетий пять как.

— Ах, гадство, — помотал кубической башкой Магуро, сердечно здороваясь с присутствующими. — В преисподней все замечательно, кроме одного: совершенно утрачиваешь чувство времени... Ладно, проехали. Где мы? Синайский полуостров? Верхнее царство Кеми? Земля Офир?.. Не то чтобы это имело какое-либо принципиальное значение, я чисто из академического интереса. Кто у нас здесь вместо шумеров?

— Ай, да какая разница! Взвешено, отмерено, предрешено. Тебя столь интересуется, как именно величают себя черви, кои корчатся под твоими ногами, когда ты гордой поступью выходишь из Черных Врат?

— В общем-то не очень. Я чисто из академического интереса. Хорошо; растолкуй тогда хотя бы алгоритм действий. У нас, к примеру, сегодня карательная акция или так, операция устрашения?..

— Просто гуляем увольнительную.

— А. То есть дела города совсем плохи.

— Точно. Сутки на разграбление и втаптывание в грязь. Всякого встречного надлежит бесчеловечно уничтожить, а Верховный Архитектор потом на небесах как-нибудь разберет своих.

— Ах, господа! — в ажитации вскричал Унаги Копченый Угорь, не в силах более сдерживать клокочущие в груди эмоции. — Станемте убивать! Станемте разрушать и бесчинствовать, повергнем этот город в ужас и причиним его населению неисчислимые страдания!.. Во имя Альмонсина-Метатрона, отчего големы не летают, как птицы?.. Мы могли бы устроить массивную бомбардировку с воздуха!

— Необходимо как можно большее число гражданских жертв, братие, — повысил голос Кани Мягкий Краб. — От

успеха сегодняшнего произвольного выступления зависит наше дальнейшее финансирование. Воины при исполнении и городская стража, уничтоженные в ходе акции, в счет не идут. Так что просьба отнестись к делу со всей серьезностью. Предупреждая дурацкие вопросы, сообщаю сразу: невинных в городе нет. Нету этих проклятых десяти праведников, ради которых можно было бы пощадить данное место. Ну, все в сборе? Где Васаби Тертый Хрен?..

— Застрел в канализационном коллекторе, — сообщил Ика. — Какой-то ненормальный сантехник нанес на стену колодца пентаграмму Силы, Лунную Свастику в круге и два разомкнутых обратных пентакля. Васаби сейчас пытается решить эту проблему, но пока без особого успеха.

— Ясно. Этот тип всегда найдет себе приключений на задницу, даже если будем десантироваться в центр Сахары. Оп, ладно! Работаем, ребята! Смерть и разрушение!

Оставляя в асфальте следы неправильной формы, големы неспешно двинулись туда, откуда доносился шум машин. Попавшиеся навстречу прохожие в количестве четырех особой разных полов и возрастов были обращены в кровавые лохмотья быстрее, нежели ибис сподобился бы крикнуть дважды.

— Всякий раз, когда в моих лапах трещит очередной череп, — проникновенно поведала Эби Сладкая Креветка, — я много думаю о том, как хрупка и недолговечна жизнь человеческая, как легко уничтожить этот уникальный микрокосм, эту неповторимую и многогранную вселенную духа — проще, чем задуть огонек масляного светильника. Много проще, поскольку мне нечем дуть. Я такая гуляю без легких, блин.

Едва оказавшись на оживленной Люблинской улице, они натолкнулись на милицейский патруль. Выбравшиеся из машины милиционеры увлеченно боролись в греко-римском стиле прямо на тротуаре близ северного выхода со станции метро «Марьино». Заметив неторопливо приближающихся големов, они прекратили возиться, вскочили с асфальта и, отряхивая форменные рубашки, поспешили укрыться за автомобилем.

— Жандармы! — яростно взревел Унаги Копченый Угорь. — Душителы свобод!.. Извольте лицезреть, господа!

— Что это за крестообразный амулет с человечком болтается на шее у смертного? — подозрительно осведомился Магуро Ломтик Тунца, близоруко щурясь на опасливо выглянувшего из убежища патрульного. — Или тут тоже чтут Священный Анх и Солнечную Свастику, я не понял?

— Это символ местной веры, — пояснил эрудированный Кани Мягкий Краб. — Стилизованное изображение предмета, при помощи которого они замучили до смерти своего бога, высокого Учителя Праведности, аскета Езуса Хризостома.

— Эффектно, — одобрил железобетонный голем. — Полагаю, мне понравится эта религия, в которой люди убивают богов и делают пыточные орудия предметами культа. Надо будет на досуге ознакомиться поподробнее. Кани, ты мне подберешь нужные файлы, добро?..

— Эй, ребята, стойте где стоите! — распорядился милиционер с крестообразным амулетом. — И руки держите так, чтобы я их видел. Я полагаю, неприятности не нужны ни нам, ни вам. — Он высунул из-за машины руку и выразительно покачал на указательном пальце наручниками.

— Почему это? — удивился Шиитакэ Императорский Гриб. — Лично я не отказался бы от легких неприятностей. В ассортименте.

— Послушай, красавчик! — свирепо рыкнула Эби Сладкая Креветка. — Пойдем лучше вкусно перепихнемся! Для городской стражи я всегда делаю скидку.

— Ага, — удовлетворенно прокомментировал голос из-за милицейской машины, — граждане отморозки! Серега, никаких конечностей — бить только на поражение: в корпус и в голову.

— Хорошая тактика, — одобрил Ика Сырой Кальмар. — Сам бы в подобной ситуации действовал аналогичным образом. У меня все-таки солидный полевой опыт. Я только хотел бы уточнить, о любезные милиционеры: базака-то у вас есть?

Патрульные озадаченно переглянулись. На самом деле базака у них имелась, однако она была куплена в незапамят-

ные времена на благотворительном аукционе и ее гарантийный срок истек четыре года назад, так что выстрелить никто из них все равно не рискнул бы. Дураков в патруль не брали уже давно.

— Я жду! — поторопил Сырой Кальмар, полируя гипотетические ногти о свой кирпичный корпус. — Если моя мысль вам все еще непонятна, попытайтесь причинить кому-нибудь из нас ущерб из имеющихся у вас в наличии укороченных автоматов системы «АКМС». Вас ожидает незабываемое потрясение.

Он еще не успел договорить, как два табельных автомата уже звякнули об асфальт. У доблестных милиционеров не было на ногах дополнительного суставного сочленения, как у гостей столицы, но скорость они все же развили преизрядную. Правда, удалились они не в сторону области, а в направлении Кузьминского лесопарка. Нет, определенно, дураков в патруле не держали.

— Мы вполне могли разорвать их в клочья, — недовольно заметил Унаги Копченый Угорь. — Для чего они не лежат бездыханными у наших ног, господа?

— Кани сказал, что за городскую стражу очки не начисляют, — пояснил Ика. — К чему зря тратить силы? Это нон-комбатанта приятнее убить, воина же гораздо интереснее напугать.

— Мужики! — внезапно донеслось из глубины переулка. — Мужики, подождите! Я десантировался!

Васаби Тертый Хрен наконец сумел воплотиться. Во имя Альмонсина-Метатрона, лучше бы он этого не делал. Видимо, он выбрался наверх через магазин сети «Новый Книжный», расположенный неподалеку, поскольку его твердое тело состояло исключительно из книг — больших и маленьких, в твердых и мягких обложках, тяжелых альбомов на финской мелованной бумаге и покетбучных дамских детективов. Ноги Васаби были сложены из нескольких десятков комплектов «Гарри Поттера», благо их в изобилии нашлось на витринах, необъятное чрево — из сочинений Акунина, Сорокина и Пелевина; правую руку составляли многочисленные переиздания Мулдашева, Суворова и Фоменко, левую делили между собою Мураками, Козьло, Перес-Реверте

и Стогофф. Грудь доблестного голема образовывали произведения Донцовой, а голову изображала пачка «Энциклопедии военной техники Третьего рейха». Вместо плаща за плечами Тертого Хрена развевался длинный шлейф разноцветных листов, позаимствованных из нескольких номеров газеты «Книжное обозрение».

— Пресвятый Гермес Трисмегист! — только и сумел вымолвить Магуро Ломтик Тунца, глядя на приближающуюся нескладную фигуру, из которой то и дело вываливались и шлепались на асфальт отдельные тома.

Эби Сладкая Креветка захихикала басом, и через несколько мгновений уже все големы ржали в голос, тыча негнущимися пальцами в Васابي.

— Чего вам смешно? — ошетинился Тертый Хрен, приблизившись.

— Видишь ли, чучинько, — взял на себя труд пояснить Кани Мягкий Краб, положив тяжелую земляную лапу на плечо Васابي, отчего того несколько перекосило набок, — существует мнение, что у нас в подразделении есть один патологический придурок. Вот оттого нам и смешно. Ты что, серьезно решил, что составил себе приличное плотное тело, или просто кривляешься?

— А чего такого? — вскинулся Тертый Хрен. — Плотное тело, составленное из колдовских гримуаров или списков Некрономикона, не в силах разрушить даже лесной демон Хумвава! Неужели же в этой библиотеке не хранилось ни одной книги Силы?

— Если бы среди этой макулатуры оказались книги Силы, — вздохнул земляной голем, — ты не смог бы даже сдвинуть их с места. Впрочем, если ты действительно не понимаешь, изволь, я попробую продемонстрировать наглядно.

Он слегка отстранился от коллеги, после чего почти без замаха ударил его кулаком в грудь. От удара книжный голем разлетелся по всему тротуару.

— «Движенья нет», сказал мудрец брадатый, другой смолчал и стал пред ним ходить, — продекламировал Унаги Копченый Угорь. — Сильнее бы не смог он возразить; хвалили все ответ замысловатый.

— За каким дэвом мы вообще держим в команде этого

тормоза? — возвела глаза к небу Эби. — Он нам все время портит показатели, чмо болотное.

— Решения, принимаемые наверху, отменять не нам, детка, — пояснил Мягкий Краб. — Ладно, ребята, за дело! — скомандовал он, брезгливо переступая через разбросанного по асфальту Васabi. — Итак, смерть и разрушение!

— Великий Маниту! — разбежались глаза у Ики, едва он огляделся по сторонам. — «Джекпот», «Вулкан», «Супер-слотс», «Игровой клуб», магазин «Интим», «БЕСТ-Недвижимость»! Какие бездны порока на столь невеликом пятачке пространства! Сколько разбойных вертепов предстоит нам разрушить в ближайшие четверть часа!..

Он уже двинулся было к залу игровых автоматов «Вулкан», небрежным движением плеча опрокинув по дороге палатку с несвежими курами гриль, однако его остановил визг Эби:

— «Макдоналдс»! Мальчишки, честное слово, «Макдоналдс»!

Сырой Кальмар быстро повернул голову влево и зафиксировал знакомую сакральную букву М, вознесенную над улицей на высоком металлическом шесте. «Макзавтрак с 8.00 до 10.00» — гласила надпись на заднем фасаде здания.

— Во имя Альмонсина-Метатрона! — воскликнул Ика Сырой Кальмар. — Увидеть «Макдоналдс» и не разрушить его немедленно — это недостойно истинного воина! — Он повернулся к залу игровых автоматов и сурово погрозил ему кирпичным пальцем: — Никуда не уходи, чучинько. Я сейчас вернусь, и мы неукоснительно продолжим.

Пару минут спустя в заднем фасаде ресторана быстрого питания насчитывалось до шести внушительных проломов, повторявших очертания големов. Находившийся внутри Унаги загоразживал главную дверь, Шиитакэ контролировал боковой вход, Кани и Эби заслоняли окна, Магуро перекрывал служебный выход с кухни. Ика стоял посреди зала, среди разбросанных подносов и растоптанных гамбургеров, и терпеливо втолковывал окружающим:

— Поймите наконец: вы кормите транснационального спрута. Он пичкает вас вредными для здоровья эмульгаторами, канцерогенными красителями и пищевыми добавками,

от коих растут волосы на ладонях, а вы питаете его своими деньгами, своими внутренностями, своими желудками, своими капиллярами. Каждый гамбургер, каждый пакетик картошки, каждый жирный молочный коктейль — очередной слой холестериновой штукатурки на стенках ваших сосудов. Дабы безусловно предохранить вас от столь безрассудного манкирования собственным здоровьем, мы сейчас убьем вас всех. Просьба отнестись с пониманием и сохранять полное спокойствие, пока к вам не подойдет.

Големы были решительны и безжалостны, однако отнюдь не имели садистских наклонностей, посему массовая санитарная экзекуция не отняла более пяти минут.

— Мне говорили, что всякий, питающий свое тело плотной пищей в «Макдоналдсе», рано или поздно умрет, — задумчиво проговорил Магуро. — И скорее рано, чем поздно. Се печальное подтверждение данного тезиса, — он обвел железобетонной лапой заполненное растерзанными трупами помещение.

— Однако следовало бы разрушить до основания это гнездо порока, этот храм одного из семи наиболее вопиющих смертных грехов, — заметил Унаги Копченый Угорь. — Негоже оставлять стоять эти стены, пропитанные гнусным дымом от прогорклого масла, дабы они продолжали дерзко бросать вызов божественной природе человека. Позвольте мне? В прежнем подразделении меня называли убийцею «Макдоналдсов». У меня особая оригинальная методика.

— Что ж, извольте, — сообразовали разрешить Кани Мягкий Краб.

Унаги сосредоточился, набыл угловатую каменную голу, напрягся — и окружающее пространство внезапно лопнуло, брызнули искры, сместилась кристаллическая решетка материи. Здание «Макдоналдса» треснуло и запылало.

— Да вы недюжинный умелец, любезный! — почтительно изумился Шиитакэ Императорский Гриб, стряхивая с плеч осколки стекла и просыпавшюся с потолка побелку.

— Ну, не без этого, — с достоинством согласился Унаги.

— Ты крутой парниша, факт! — поддакнула Эби Сладкая Креветка. — Вау! Что ты делаешь сегодня вечером?

— Бесчинствую в Москве, — ответил Копченый Угорь.

— Какое совпадение! — сказала Эби. — Давай как-нибудь найдем немного времени, чтобы приятно уединиться?..

— Поговорим об этом позже, сударыня, — слегка смутился Унаги. — В раздевалке на базе.

— Луноликая Иштар, — строго, но не сердито сказал Кани, — отнюдь не развращайте мне личный состав.

— Слушаюсь, Нибиру, — козырнула Эби.

Покинув разгромленный и пылающий «Макдоналдс», големы выбрались на проезжую часть, нарушив своим появлением размеренный поток машин. Один простолюдin на «Лендкрузере» развил значительную скорость, дабы сбить Магуро с ног и показательно опрокинуть его, однако потерпел сокрушительное фиаско: врезавшись в коренастую фигуру голема, машина разбилась вдребезги, сам же Ломтик Тунца даже не шелохнулся. Торчащая из его тела арматура по инерции последовательно пронзила лобовое стекло машины, мгновенно вздувшуюся подушку безопасности, тело незадачливого водителя и спинку водительского сиденья.

— Это потому, что я молниеносно врос в асфальт, — пояснил коллегам очень довольный Магуро. — Так меня с места не сдвинешь. Разве что расколешь на части грузовиком, да и то вряд ли.

Сзади в разбитый «Лендкрузер» врезалась престарелая «Дзу Нексия», в нее, соответственно, микроавтобус «Газель», а в последний — «Ока». «Ока» вообще весьма примечательная машина: идеальный наблюдатель однажды видел собственными глазами, как ее ударили в зад, а она повалилась набок. Рассказывают также, что при лобовом столкновении она делает обратное сальто в воздухе; впрочем, все это, право, не относится к теме данного повествования. В кучу битых машин влетали все новые и новые конфиденты, не успевшие затормозить на дальних подступах к месту происшествия. Тех, кто затормозить успевал, чаще всего били в зад менее внимательные и удачливые коллеги, сминая багажник в лепешку и глубоко впечатывая осмотрительных автолюбителей в растущую на глазах грудy металлолома.

А потому что надлежит соблюдать дистанцию, господа, и отнюдь не превышать скорости на столь ответственных участках автомобильной трассы.

— Эй, мужики! — внезапно оглушительно прогудел автомобильный сигнал автоцистерны с каким-то горючим веществом, которая чудом успела затормозить перед местом массовой катастрофы.

Големы изумленно приостановились.

— Чтоб мне лопнуть! — рывкнул Императорский Гриб. — Васаби!

Огромный грузовик с цистерной медленно вставал на дыбы, словно кто-то большой и невидимый приподнимал его за шкуру, как котенка. Передние колеса оторвались от земли, сиротливо крутанувшись в воздухе, и взляду идеального наблюдателя предстало покрытое ровным слоем коричневой грязи днище машины. Потеряв точку опоры, кабина грузовика из-за сместившегося центра тяжести свесилась вперед, как голова доисторического ящера.

— Поглоти меня мегалодонт! — вскричал Шиитаке. — Неужто удержит?..

Грузовик медленно, но неумолимо продолжал подниматься и вскоре встал на попа. Многометровая стальная колонна цистерны угрожающе закричала под собственной тяжестью. К ней словно магнитом потянуло остановившиеся неподалеку легковушки, из которых с воплями ужаса прямо на асфальт начали выпрыгивать водители. Лишь шофер автоцистерны не бросил своего поста, оглашая окрестности пронзительными криками с пятнадцатиметровой высоты.

— Давай, Хренушко, чучинько! — закричала Эби Сладкая Креветка. — Ты офигенно крут! Жми, я уже вся мокренькая!

— Ай, молодец! — одобрил Ика Сырой Кальмар. — Вот это по-нашему! Но сколько же раз подряд он способен воплотиться?..

— Он много чего способен сделать большее количество раз подряд, чем кое-кто, — фыркнула Эби. — Давай, малыш, жми!..

Тем временем вставшая вертикально цистерна оторвалась от земли и медленно поползла вверх. Шансы ее водителя покинуть кабину невредимым таяли с каждой секундой. Взмывшие в воздух «Лада Спутник» и «Форд Скорпио» обривали левую руку огромного голема, автобус «Икарус» с

сочленением-гармошкой — правую. Кистями рук стали «Фольксваген Пассат» и полуразбитая «Ока». Ноги себе Васаби соорудил из «ГАЗа Волги», «Хюндай Элантры» с синими милицейскими номерами, «Опеля Вектра» и «Ниссана Альмера». Ступнями гиганту послужили джип и маршрутное такси. Из-за некоторого дисбаланса в габаритных размерах автомобилей, ставших его ногами, голем ощутимо заваливался набок.

— Во имя Альмонсина-Метатрона, — пробормотал Унаги. — Не удержит.

Телом новому голему послужила блестящая цистерна, а головой — ее кабина. Васаби двинул кабиной из стороны в сторону и оглушительно бибикнул. Затем с усилием поднял ногу-джип и втоптал в асфальт нескольких автомобилистов, в панике метавшихся между брошенных машин.

— Кайф!!! — пронесся над микрорайоном трубный глас Васаби.

Этот возглас словно подстегнул силы всемирного тяготения. Левая нога гигантского голема подломилась, «Волга» опрокинулась на крышу. Упав на одно колено, Васаби попытался подняться, опираясь на руки, но у него отвалилась «Лада». Перевернувшись в воздухе, она с грохотом рухнула на дорожное покрытие. Больше Тертый Хрен был не способен удерживать на весу столь солидный груз, и автомобильный гигант рассыпался под собственной тяжестью. Цистерна с огнеопасным обрушилась с высоты десяти метров, ударилась об асфальт, лопнула и взорвалась. Големов разметало во все стороны. Окна соседних домов дружно брызнули стеклами, в небо устремилось огромное, тонущее в жирном черном дыму огненное облако, посреди улицы разлилось пылающее озеро, отдаленно похожее на то, в которое непременно будут ввергнуты грешники по истечении времен.

— Ай, молодец! — в восторге кричал сметенный взрывной волной Ика Сырой Кальмар, кувыркаясь через голову. — Ат, добре!

— Таппарасама! — обиженно выл Шиитакэ Императорский Гриб, которого лизнул солидный язык пламени, из-за чего асфальтовое тело голема размягчилось и тягуче потекло.

Огненный вихрь пронесся по улице. Поднявшись с земли, големы с удовольствием наблюдали, как заживо горят покинувшие свои машины автомобилисты.

— Клянусь Дагоном! — воскликнул Унаги Копченый Угорь. — Идиот он, конечно, порядочный, однако одним ударом причинить столько бедствий!..

— Восемнадцать трупов, не считая раненых, — флегматично заметил Магуро Ломтик Тунца, дотянувшись до ноосферы. — Вполне приличный результат.

— Не здесь надо было высаживаться, господа! — заявил Унаги, подключившись к соседнему разъему. — Чорт побери! На другом берегу, вон там, за домами — нефтеперегонный завод! Ах, какие перспективы! Сколько взрывоопасно го материала!..

— Остыньте, сударь, — осадил его Кани Мягкий Краб. — Где высадились, там высадились. Точка высадки обычно здорово плавает — в пределах сотни стадиев. А теперь, пребывая уже в твердых телах, мы не переберемся через текучую воду даже по мосту. Мы же демоны.

— Очень жаль, — сокрушенно покачал башкой — бордюрным камнем Копченый Угорь. — Славная могла бы выйти катастрофа. Но давайте тогда по примеру господина Тертого Хрена внесем хотя бы посильную лепту в приумножение скорби этого города!

Поскольку с трех сторон бушевало яростное пламя, взгляды големов были вполне закономерно обращены в противоположном направлении. За спиной у них оказалось высотное цилиндрическое здание, напоминавшее поставленную на попа и увеличенную во много раз автомобильную цистерну с огнеопасным — дом номер 165 по Люблинской улице. В основании каменного колосса располагались многочисленные магазины, рестораны и офисы. «Диваны тут», — зазывала прохожих Реклама. «Скидки до 100 процентов», — обещала Реклама. «Ощути прелесть движения», — настаивала Реклама. «У нас есть все, даже слон», — соблазняла Реклама. «Казино 24 часа: облако днем, столп огня ночью», — интриговала Реклама. «Лучшие товары для животных», — указывала Реклама.

— Ох ни фи́га себе! — возмутился Магуро. — Аборигены торгуют даже с животными!

— Может быть, они просто считают животными своих клиентов? — предположил Кани Мягкий Краб. — Зачем сразу думать самое плохое?

— Сто двадцать лет мы греем воду, — прочитал Унаги надпись на одном из рекламных щитов. — Немецкие водонагреватели. Хм. Честно говоря, на месте обывателей я бы остерегся покупать бытовой электроприбор, работающий столь медленно.

— Сто двадцать дней мы занимаемся содомом, — откликнулся Ика. — Маркиз де Сад. И на месте обывателей я бы поостерегся... далее по тексту.

Шиитаке Императорский Гриб проявил более интереса к витринам, нежели к рекламным щитам и транспарантам.

— «Елки-палки», — по складам прочел он, затем перевел взгляд на соседнюю вывеску: — «Маленькая Япония». Великий Энлиль, ну и дурацкие же названия у местных харчевен! Заглянем, братие?

— Желаете перекусить, чучинько? — поинтересовалась Эби Сладкая Креветка.

— Так точно, богоравная Лилит! — загоготал Шиитаке. — Желая перекусить пополам всякого, кого обнаружу внутри!

— С чего же начнем? — деловито осведомился Магуро Ломтик Тунца. — С того или с этого?

— Пожалуй, с «Японии», — решил Кани. — Она маленькая.

— И, кстати, японцы так пока еще и не ответили за зверства Квантунской армии в Китае и за деятельность Отряда 731, — влез Унаги. — Хотя, с другой стороны, ядерные бомбардировки...

— И еще они зверски расправились с Сайго Такамоори, — вспомнил Мягкий Краб. — Все, решено! Сегодня явно не их день.

Вломившись в ресторан, големы быстро и умело пресекли эвакуацию посетителей и персонала, вызванную произошедшим на улице взрывом.

— О высокопоставленные негодяи! — с чувством обра-

тился Ика Сырой Кальмар к присутствующим. — Позвольте швырнуть в ваши сытые морды беспощадные слова правды. В то время как в Африке ежегодно умирают от голода несколько миллионов человек, вы набиваете свои ненасытные утробы изысканными деликатесами. Паштет из вареных язычков жаворонков! Вареные муравьиные яйца! Морские гребешки в устричном молочке!.. Да если бы каждый из вас перечислил в пользу Красного Креста, Полумесяца и Могендовада хотя бы десятую часть своих несправедливо нажитых капиталов, в мире давным-давно было бы покончено с болезнями!..

— Вот откуда у нас в этот раз такие дурацкие клички, — между прочим заметил Магуро, изучив меню, которое он бесцеремонно отобрал у официантки с японской внешностью и бурятской фамилией. — Недоноски! — Он с такой силой метнул папку в лицо девушки, что официантку вместе с куском стены вынесло в кухню, где на тэппане аппетитно шкворчало нечто из дальневосточной кухни. С навесных полок с грохотом полетели гипсовые хотэи, раскрашенные фарфоровые драконы, декоративные сосуды для вина, чая и соуса, затрещал высохший бамбук. — Сдачи не надо, уважаемая!

Около двух десятков посетителей ресторана были обращены в кровавые лохмотья менее чем за три с половиною минуты. Заминка случилась ровно один раз. За дальним столиком расположились два боевых мага из ордена РАО «ЕЭС», темный владыка ситхов Дарт Сидоров и его падаван, воин четвертого дана Дарт Вейнгарт. Они возвращались из центра после чрезвычайно выгодной сделки, заключенной с магистрами из «Газпрома» (всего по две отрубленные головы и по несколько отсеченных рук с каждой стороны), и на свою беду решили завернуть в «Маленькую Японию», дабы заморить червячка перед вечерним конклавом. Дарт Сидоров опрокинул тарелку с недоеденным хотатэгаем тэппаньяки и выставил перед собой угрожающе гудящий, словно линия высоковольтной электропередачи, световой меч. Ика попытался сдуру сунуться напролом, и боевой маг эффективным движением кисти отсек ему кирпичную руку по локоть. Падавана Вейнгарта подвела всегдашняя расхлябанность: по-

сле битвы в здании «Газпрома» он сунул свой меч в барсетку и теперь не имел возможности выдернуть его достаточно быстро. Однако он тут же сориентировался и начал ловко метать во врага болюсы хуато, которые лежали у него во внутреннем кармане пиджака в пластиковом пузырьке. Раскаленные добела болюсы вонзались в тела големов, оставляя в них сквозные незатягивающиеся дыры. Асфальтовый корпус Шиитаке вновь поплыл от воздействия повышенной температуры.

— Йомалаут! — пронзительно вскричал Ика Сырой Кальмар, волоча по полу свою отрубленную руку. — Кани, елки зеленые, нас обижают!

Големы беспорядочно отступили к дверям, дав Дарту Вейнгарту время выдернуть световой меч из злополучной барсетки. Теперь пара магов в строгих черных костюмах и галстуках, спиной к спине застывших возле столика, оцетинилась светящейся буквой «ви», составленной из двух лучей перенапряженной материи. Взять ситхов голыми руками оказалось не так-то легко, пусть эти руки и состояли из кирпича и железобетона.

— Пацаны, а вот и я! — донеслось сзади.

Это снова был Васаби Тертый Хрен. На этот раз он не придумал ничего лучшего, как составить себе твердое тело из воды, удерживаемой в форме человеческой фигуры силами поверхностного натяжения. Твердым данное тело можно было назвать весьма условно, скорее оно напоминало пластиковый пузырь сложной формы, в котором непрерывно переливалась и плюхала подозрительная бледно-желтая жидкость. Мутную воду Васаби позаимствовал из небольшого искусственного водоема на задах храма «Утоли моя печали». Шагнув через разбитую витрину за спинами ситхов, он энергично рывкнул:

— Бу!!!

Дарт Вейнгант резко развернулся и на противоходе полоснул обиженно крякнувшего Васаби поперек корпуса. Поврежденное тело голема тут же распалось и обрушилось на боевых магов несколькими десятками ведер воды. Что-то замкнуло, раздался оглушительный треск, пахнуло озоном, и световые мечи ситхов соединила широкая, отчетливо ви-

димая невооруженным глазом вольтова дуга. На мгновение глазам умозрительного идеального наблюдателя стало нестерпимо больно, а затем на пол, под ноги големам, рухнули две обгорелые мумии в черных костюмах. Ударившись об пол, световые мечи пискнули и выключились.

— А вы спрашиваете, на кой черт мы держим в команде Васabi, — хмыкнул Кани Мягкий Краб. — Так вот именно за это самое. За то, что он всегда оказывается в нужное время в нужном месте. Если бы кто-нибудь из вас умел так же, любезные соратнички, цены бы вам не было.

Когда они выбрались из разгромленной «Маленькой Японии», в «Елках-палках» уже не было ни одной живой души: все разбежались кто куда, напуганные взрывом и учиненной в соседнем ресторане резней. Зато прямо перед «Елками-палками» клубилась небольшая толпа, собравшаяся из метро и соседних домов поглазеть на пожар.

— Славно! — обрадовался Кани. — Не бывает такого, чтобы гора не шла к Магомету! Так, взяли в клещи с трех сторон! Начали!

И големы без всякой подготовки обрушились на толпу, неустанно сея разумное, доброе и вечное: смерть и разрушение.

— Что? — свирепо выкрикивал Кани Мягкий Краб, расшвыривая в разные стороны окровавленные ошметки плоти. — Что? Слатенько вам? Не любите коллективной ответственности, господа москвичи? А зачем вы убивали женщин и детей в Чечне? А? Любим, значит, вкусно есть, сладко спать, много получать? Вы в курсе, что в провинции платят в несколько раз меньше, чем в Москве, за одну и ту же работу? Вы знаете, скоты, что большая часть налогов россиян стекается в столицу, чтобы продажное правительство имело возможность строить вам многоуровневые торговые комплексы с подземными парковками, тропические парки и педерастические ночные клубы, чтобы у вас были заоблачные зарплаты и клубника зимой?..

— Краснопузая сволочь! — яростно вопил Унаги Копченый Угорь, то широко махая каменными лапами (кровавая улица среди плотной толпы), то коротко размахиваясь (соответственно переулочек). — Азиатские варвары! Вся ваша

боль, все ваши страдания не стоят одной слезинки замученного вами святого барона Врангеля! Прокляты вы до седьмого колена, и так до семидесяти семи раз! Н-на! Н-на!..

— Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю животных! — орал Ика Сырой Кальмар, сладострастно вколачивая мечущихся в панике зевак в дорожное покрытие. — Мерзкие двуногие без перьев с плоскими ногтями! Вы проказа на лице земли, вы короста тонкого мира! Вы кланяетесь вещам, режете на части собственное сознание, гадите в храмах, откусываете друг другу головы и курите тлен! Вы недостойны малейшей жалости! А тех редких просветленных, которые изредка выходят из вашей серой массы, вы зверски и радостно топите в собственных фекалиях! Сократ, Ян Гус, Ганди, Че Гевара, Джон Леннон — сколько еще нужно замученных праведников, чтобы хоть что-то всколыхнулось в ваших заплывших жиром мозгах?..

— Сухопутные крысы! — надрывался Шиитакэ Императорский Гриб, размахивая над головой полуразорванными останками какого-то несчастного, кои он удерживал за ногу. — Вот вам порт семи морей! Вот вам северные реки вспять! Вот вам не ждать милостей от природы!.. Да вы хотя бы знаете, что это такое — раскачивающаяся палуба корабля под ногами, соленые брызги в лицо, холодный ветер, завывающий в мачтах? Одинокий альбатрос в небе?.. Фосфорическое мерцание поднимающегося из глубины планктона, плеск экваториальных вод, экзотические острова, беспощадное тропическое солнце? Что вы понимаете в жизни, вы, подвальная плесень, бледные поганые грибы многоэтажных погребов, загорающие в соляриях, о волшебных островах узнающие из передачи «Вокруг света», а о вольных ветрах вообще не имеющие представления, ибо еще несколько поколений назад окружили свои города пузырями смога?.. Для чего вам жить — дабы плодить новых уродцев и инвалидов? Не гуманнее ли устроить новый всемирный потоп, как учит нас «Энума Элиш»?..

— Гнусные самцы! — рычала Эби Сладкая Креветка, приплясывая на трупах своих жертв, словно богиня Кали. — Мерзкие твари, вечно пьяные, воняющие едким потом, cedящие слюну прямо на асфальт! Вы, с плешивыми головен-

ками и волосатыми мослами, в перепачканных семейных трусах, растянутых майках и растоптанных тапках! Как же я вас ненавижу! Как же мне хочется оторвать вам всем жалкие крантики и растоптать у вас же на глазах!..

— Я дерусь просто потому, что дерусь, — флегматично пояснял Магуро Ломтик Тунца, догоняя очередную жертву и сокрушительным ударом сбивая ее с ног. — Ничего личного, просто у нас, у оперативников, такая работа. Хотя, честно говоря, ваш биологический вид мне совсем не нравится. Для чего вы не умеете жить по понятиям? Вот вроде бы хорошо сказано: не замочи. Или, допустим, еще правильно сказано: не крысятничай по чужим шконкам. Ну, там, соответственно, не верь, не бойся, не проси, не раскатай губу, не настучи, не восхрапи в доме ближнего своего, ибо он не возрадуется. Да приколется обломавшийся и да обломается приколотившийся, ибо не фига. Казалось бы, простые, правильные все слова. Так какого же тогда хрена?..

Из переулка вынырнул человек с цифровой камерой в руках, начал торопливо снимать панораму побоища. Через несколько мгновений за его спиной опустился небольшой черный вертолет без опознавательных знаков, из вертолета выпрыгнули двое, с ног до головы одетые в черное — строгие костюмы, галстуки, ботинки, непроницаемые очки. Сгоряча идеальный наблюдатель вполне мог бы перепутать их с боевыми магами РАО «ЕЭС», однако они явно проходили по другому ведомству. Один из людей в черном достал из нагрудного кармана нечто вроде толстой авторучки и окликнул оператора. Когда тот обернулся, колпачок «авторучки» сверкнул ослепительно серебристой вспышкой, и оператор застыл на месте. Второй человек в черном вверх-вниз провёл перед камерой странного вида прибором, дистанционно уничтожив всю записанную на ее электронных носителях информацию. Завершив молниеносную экзекуцию, загадочные люди погрузились в вертолет, который тут же взмыл в небо и исчез за домами. Неудавшийся стрингер на негнущихся ногах двинулся обратно в переулок. По дороге он налетел на мусорный бак, но был до того ошарашен, что даже не заметил этого.

Вскоре големы стояли по колено в кровавой каше. Убивать больше было некого.

— Мир и покой во веки веков! — выкрикнул Шиитаке, задрав оплывшую асфальтовую башку к небесам.

— На милицейской волне сообщают, — произнес Унаги, отключившись от ноосферы, — что нам на перехват с Садового кольца брошен взвод воинов-дендроидов. Однако, будучи детьми природы, они принципиально и категорически отказываются пользоваться любым механическим транспортом, а сами передвигаются столь медленно, что их следует ожидать не ранее чем к сумеркам.

— Успеем еще порезвиться! — обрадовалась Эби. — Честно говоря, давно уже я так круто не колбасилась, как последние десять минут. — Она устало облокотилась на забрызганный кровью, опрокинутый в пыль резни автобус.

— Чорт возьми, — проговорил Копченый Угорь, — надо было все-таки зверски, с особым цинизмом прикончить тех двоих жандармов.

— Пустое, — возразил Кани Мягкий Краб, — нас все равно быстро отследили бы. Ничего, у нас еще уйма времени. Найдем себе новое развлечение, не беспокойтесь. Айда по трассе в сторону центра!

И они двинулись по трассе в сторону центра, опрокидывая на ходу палатки с буржуазными цветами и не подобающими аскету напитками — туда, где на огромном телеэкране высоко над дорогой кувыркались, прыгали и кривлялись мерзкие рекламные мультяшки.

Если бы идеальный умозрительный наблюдатель соблаговолил мгновенно перенестись в «Президент-отель», что расположен значительно севернее, между кинотеатром «Ударник» и Домом художника на Крымском валу, то в одном из люксов предпоследнего этажа он имел бы удовольствие созерцать бездыханное тело Роджера Уотерса. Труп видного композитора и музыканта в черной помятой футболке и потертых джинсах лежал поперек гигантской двуспальной кровати, его костлявая левая рука бессильно свесилась до пола. На руке четко обозначались натянутые, словно гитарные струны, сухие фиолетовые вены. На лошадином лице покойного композитора и музыканта с глубоко

прочерченными каньонами скул застыла гримаса безграничного страдания. В правой ладони Уотерса был намертво стиснут стакан из-под молока.

Дверь, ведущая в гостиную, тихо отворилась, и в спальню вошла Нэнси Спанжен. Когда-то она была подругой Сиды Вишеза, лидера культовой группы «Секс Пистолз». Тогда по всему выходило, что Вишез вскоре убьет ее, после чего будет выпущен из тюрьмы под залог и через четыре месяца сдохнет от передоза на ее могиле. Однако в предначертанное вмешался Господин Случай в лице Роджера Уотерса. Высокий угрюмый аутист в черной джинсовой куртке набил Вишезу морду, после чего забрал Нэнси с собой и поселил ее в своем доме недалеко от Лондона. Тем самым он внес похвальную поправку сразу в две юные судьбы, поскольку вразумленный Сид начал новую жизнь, вылез из наркотической зависимости, организовал несколько благотворительных рок-концертов и стал петь по воскресеньям в церковном хоре. Теперь, четверть века спустя, он постоянно присылал Уотерсу на Рождество трогательные открытки с барашками.

— Родж! — позвала Нэнси.

Бездыханное тело на кровати тихо и мучительно застыло.

— Роджер, звонили из мэрии, — сказала Нэнси. — На южной окраине опять прорыв инферно. Требуется твое вмешательство.

Уотерс с трудом приоткрыл глаза и тут же болезненно зажмурился.

— Fuck myself, — скрипучим старческим голосом проговорил он. — OK, just a little pin prick?..

— There'll be no more aaaaaaaah?.. — печально хмыкнула Нэнси. — Нет, Родж. Об этом не может быть и речи. Если хочешь, я подогрею тебе еще молока.

— Долбаный город, — не открывая глаз, с усилием произнес видный композитор и музыкант, оказавший серьезное влияние на развитие современной популярной музыки. — Долбаная страна. Долбаный Уотерс.

— Никто не заставляет тебя сюда приезжать, Родж. Это был жест доброй воли с твоей стороны.

— Знаю, заткнись, сука... — Уотерс хрипло застонал. — Убейте меня кто-нибудь. Убей меня, Нэнси.

— Родж, — мягко сказала Нэнси, — нам надо спешить. Там гибнут люди.

— Я понимаю... — Роджер начал медленно, с закрытыми глазами, подниматься с постели, словно восстающий из гроба Дракула, но на середине траектории замер, побалансировал несколько мгновений и снова повалился на спину. — Я не могу. Ну, just a little pin prick, ha?..

— Роджер, — устало проговорила Нэнси. — Ты помнишь, как сторчался Сид?

— Помню, — неохотно буркнул Уотерс. — Сам тайком подмешивал ему кислоту в чай. Для смеха.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнула Нэнси. — Ты помнишь, как сторчался Джим?..

— Король ящериц? — уточнил Уотерс. — Он просто не мог перенести, что я победил его в честном поединке на крышах Парижа. Это было чистое самоубийство.

— Ты помнишь, на чем он сторчался? — Нэнси не позволила ему увести разговор в сторону.

— Помню, — нехотя признался Уотерс.

— Ты помнишь, как сторчались Дженис, Джимми и Элвис?..

— Ладно-ладно, помню. — Уотерс перевернулся на живот и безуспешно попытался скатиться с кровати. — Высокий Учитель Элвис до сих пор болит в моей душе. Но мне нужно. Правда, нужно. Я так лучше работаю, чем на сухую. У меня открывается второе дыхание.

— Роджер, — мягко проговорила Нэнси.

— Ну, ладно, ладно. Понял. Понял все, — пробурчал Уотерс, в три этапа сползая на пол: ноги, обтянутый джинсами зад, обтянутый футболкой торс. — Не надо мне никакого pin prick. И молока не надо больше, меня от него вырвет. Сделай мне двойной эспрессо, пожалуйста. Давай, сигнал нашему роуди, пусть седлает коней. И позвони туга, пускай готовят сцену. — Он наконец сумел немного открыть глаза и теперь сидел на полу, обхватив голову руками, в тихом отчаянии раскачиваясь всем телом, понемногу привыкая к

солнечному свету. — Господи, как же я ненавижу, когда это случается...

— Родж, ты ведь приехал сюда, чтобы помогать людям, — напомнила через распахнутую дверь Нэнси, которая уже гремела кофеваркой на кухне.

— Ну, да, да... Черт. — Уотерс наконец утвердился на корточках и теперь медленно-медленно выпрямлялся, боясь утратить с таким трудом завоеванные позиции. — Hanging on in quiet desperation in the English way... Плащ мне, живо!..

Меж тем големы, благополучно разгромив все значные места вокруг северного выхода со станции метро «Марьино», целеустремленно продвигались по Люблинской улице в сторону центра. Их усилиями движение в обе стороны уже давно застопорилось, на дороге образовалась солидная пробка, и оперативники из преисподней не смогли отказать себе в удовольствии растоптать раздвоенными каменными копытами полтора десятка автомобилей. Некоторые водители, сообразив, что происходит что-то совсем не то, спаслись бегством, прочие же упрямы, оставшиеся с машинами, были раздавлены прямо в своих железных гробах либо выволочены наружу и разорваны в клочья на открытом воздухе.

Миновали по дороге Управу Марьинского района и Управление социальной защиты населения. К счастью, эти скромные вывески ничего не сказали големам, иначе не избежать бы двух жестоких погромов. Миновали странное здание под названием «Фэнтази-Парк»; и название, и архитектура, и индейская боевая раскраска фасада данного общественно-культурного объекта просто взывали к небесам, чтобы их немедленно стерли с лица многострадальной земли и навеки забыли как дурной сон, однако стены причудливого строения, всем своим видом непрерывно наносящего хлесткие пощечины общественному вкусу, оказались украшены бесчисленным количеством символов Великой Иштар, как-то: звездами и полумесяцами, поэтому по настоятельной просьбе Эби здание оставили в покое.

Миновали выложенный тротуарной плиткой пятачок свободного пространства между домом номер 157 по Люблинской улице и домом номер 52 по улице Перерва. Посреди данного пятачка имел находиться памятник с надписью

«СОЛДАТУ ОТЕЧЕСТВА». Это была согбенная приматообразная фигура, в одних штанах сидящая на камне и положившая на колено нечто длинное и определенно огнестрельное — вероятно, магический посох. На человека истукан походил мало: решительно и мужественно отбросив рабское подражание реальности, талантливый скульптор приложил воистину титанические усилия, дабы нарушить все пропорции человеческого тела, которые только были ему известны, и его труды не пропали даром. Особенно поражала неимоверно длинная, хищно вытянутая в направлении зрителя шея запечатленного в статуе причудливого гуманоидного существа. Идол желтого цвета отчасти напоминал терминатора из жидкого металла, внезапно замершего в самый разгар процесса метаморфоз. Лицо существа наводило на мысль о кукольном Кристофере Уокене из «Пластилиновых боев насмерть». Рот терминатора Уокена был искривлен и безвольно полуоткрыт, словно у слабоумного, а дикий расфокусированный взгляд невозможно было поймать, сколь ни присаживайся перед изваянием на корточки и ни заглядывай ему в глаза. Бедра истукана неестественно оттопыривались в стороны, словно под штанами скрывались широкие лапы или плавники, что позволяло уверенно отнести данное существо к слугам Дагона, Кутулу или другого водяного бога-чудовища. Идол производил гнетущее и пугающее впечатление, как, впрочем, и положено всякому уважающему себя идолу.

За спиной истукана имело место выстроенное полукругом архитектурное нечто, напоминавшее кусок храмовой стены и алтарных врат с батальными барельефами. В багряный камень стены были вмурованы греческий крест, изготовленный из того же желтого материала, что и истукан, кентерберийский крест, пятиконечная Звезда Воина и десятиконечная звезда Аполлония Тианского; кроме того, над предалтарными вратами были выдавлены два больших андреевских креста. Капище оказалось защищено от внешних магических воздействий по всем правилам.

Закономерно решив, что Солдату Отечества — могучий божок данного микрорайона либо доблестный голем, временно отдыхающий в своем святилище от тягот физическо-

го воплощения, оперативники почтительно обошли его стороной. И хотя перед Солдату лежали увядшие цветы, а не остатки жертвоприношений, что свидетельствовало о некроважности божка и, соответственно, о том, что особой мощью и свирепостью он не отличается, все же ввязываться в драку очертя голову не стоило: когда дело касается богов, невозможно сказать наверняка, на кого нарвешься. Случались уже довольно неприятные прецеденты.

Кани и его команда пересекли троекресток и хотели с ходу вломиться в небольшое придорожное строение, на котором висел огромный плакат «Осторожно! Зона удовольствий 24 часа!», но их напугали загадочные слова, которые располагались над входом на кривых вывесках: «МОНТАЖ», «ШИН», «СХОД» и «РАЗВАЛ». Закономерно решив, что это вполне могут быть страшные заклинания места, големы благоразумно обогнули непонятное строение, ограничившись тем, что побили в нем камнями все стекла.

Оперативники с лихвою вознаградили себя за осмотрительное воздержание, последовательно сровняв с грунтом магазинчик запчастей, две автозаправки с сакральными названиями «Юкос» и «Корус», а также павильончик «Пицца-фабрики», после чего гурьбой вломились в расположенный чуть дальше многоэтажный публичный балаган, завлекавший празднующую публику яркими лентами, воздушными шарами, надписями необычного дизайна и причудливой архитектурой.

— Древние боги, ну что за идиотское название для общественного увеселительного заведения — «Каланча»! — простонал Шиитаке, разрывая на части попытавшегося преградить ему дорогу охранника.

Едва они проникли в помещение боулинга, бармен в углу моментально сориентировался в обстановке, выдернул из-под стойки крупнокалиберный «винчестер» и всадил Ике в грудь солидный заряд.

— Упс! — вскричал Ика, отлетая в противоположный угол и собирая спиной бильярдные столы.

— Невежливо, — покачал головой Кани, тяжело направляясь к барной стойке.

Бармен уже сам понял, что слегка погорячился. Так бы у

него еще оставалась исчезающе малая надежда выжить, но теперь испарился даже этот мизерный шанс. Ика уже встал с пола, отряхиваясь и с неудовольствием оглядывая свой выщербленный пулями кирпичный корпус.

— Ну что, бедолага, — произнес Кани, тяжело нависая над барменом. — Есть у тебя базука, чучинько?

Тот испуганно помотал головой: нету, начальник.

— Так какого же дэва ты тут нам устраиваешь?! — повысил голос Кани.

Бармен виновато развел руками: дескать, сам не знаю, как такое вышло.

— Понятно, — сказал Кани.

После этого Мягкий Краб протянул к бармену обе лапы и сделал с ним так, так и вот так. Короче говоря, ужас что сделал.

— Мда, — произнес Магуро Ломтик Тунца, наблюдая, как Кани тщательно очищает свои клешни от крови и остатков мозга строптивного бармена. — При жизни этот тип был весьма лаконичен.

— Триста спартанцев под руководством царя Леонидаса тоже были лаконичны, — напомнил Кани, не прерывая своего занятия. — Это не пошло им впрок.

— Персы сделали из них фарш. Как же, помню. Лежал на соседнем холме с биноклем.

Развлекательный центр «Каланча», включая боулинг, бильярдный зал, суши-бар, супермаркет «Седьмой континент» и бар «Кошкин дом», был разгромлен и продырявлен во многих местах в самое непродолжительное время. Таинственное название заведения оказалось блистательнейшим образом разгадано, когда обрушилась его боковая стена: прямо за нею, в паре десятков метров, находилось трехэтажное здание пожарной команды со специальной башней. Големы сгоряча попытались было вломиться и туда, однако пожарные оказали столь неистовое сопротивление, отбрасывая врага от ворот мощными струями воды из брандспойтов, что в конце концов Кани велел отступать, напомнив, что за городскую стражу очки не начисляются. Пожарные заперлись в своем здании и злобно блестили глазами из окон — им хотелось ехать тушить «Макдоналдс» и прилегающую тер-

риторию, однако големы решительно этому препятствовали.

— Се прекрасный пример того, как жителям данной местности следовало бы организовывать отпор оперативникам инферно. — Мягкий Краб со значением поднял палец вверх. — Укрепленный замок, массивные ворота, тяжелые водометные орудия, солидный запас влаги на случай затяжной осады. Аборигенам неплохо бы жить в небольших каменных башнях на одну-две семьи, оснащенных необходимым оборудованием и натуральным хозяйством в виде огорода и некоторого количества мелкого скота; время же проводить отнюдь не в праздности, разврате и винопитии, но в неустанных молитвах, благочестивых размышлениях и совершенствовании воинских навыков. Тогда жертв при очередном прорыве было бы несоизмеримо меньше. Однако эти странные люди не хотят менять свой гедонистический образ жизни, невзирая ни на какие жертвы: они искренне верят, что в следующий раз накроет не их, но непременно кого-нибудь другого. Это невероятно облегчает работу диверсионного центра и позволяет раз от разу осуществлять все более и более масштабные акции.

— Эй, балбесы! — На пороге полуразрушенного здания возник Шиитаке Императорский Гриб. — Не с боулинга надо было начинать! Масштаб не тот, и вообще здесь растрясаят жир одни богатые бездельники, которыми общественное сознание не поразишь, хоть всех перебей. Айда через дорогу, я учуял там небывалое скопление женщин, детей и стариков! Столько невинных жертв — мир содрогнется от благоговейного ужаса!

Големы высыпали на улицу и недоуменно уставились на огромное колышущееся облако через дорогу, на которое указывал Шиитаке.

— Это ловушка, — негромко произнес Магуро Ломтик Тунца.

— Брось! — махнул лапой Императорский Гриб, хотя уже не так уверенно. — Просто зловонные миазмы заполнившего низину болота. Возможно, у аборигенов этого города здесь традиционное место для слива нечистот. Айда! На том берегу — женщины, старики, дети!..

— Элоим отводит нам глаза, кретин! — прошипел Ика Сырой Кальмар. — Кани, сделай что-нибудь!

Мягкий Краб выступил вперед, воздел лапы к небу и оглушительно возгласил:

— Барра! Барра, ала! Какамму!

Лохматое туманное облако, до сей поры надежно скрывавшее от взора идеального наблюдателя окрестности на противоположной стороне дороги, внезапно рассеялось, открыв взглядам големов величественное здание странной архитектуры. Вдоволь накурившись ароматического бамбуку или приняв в организм значительно превышающее норму количество жидких алкалоидов, вполне можно было вообразить, что это священный зиккурат из розового туфа, серого полированного гранита, серебристого металла и стекла, коий с одной стороны нехстати оказался раздут огромным каменным флюсом. Из опознавательных знаков на здании имелась одна только огромная красно-белая цифра 153, заключенная в зеленый магический треугольник. Впрочем, подключившись к ноосфере, Магуро покрутил зиккурат в разных проекциях и на противоположной, скрытой от глаз големов стене обнаружил внушительную красную надпись: «АШАН гипермаркет». В заглавной букве А сидела в профиль такая маленькая флегматичная птичка.

— Чую, пахнет нашим общим приятелем, — напряженно сказал Кани.

— Элоим? — опасливо произнесла Эби.

— Нету здесь злоимов, — проговорил Кани, не отрывая пристального взгляда от карикатурного зиккурата. — Похоже, здесь эгрегор. Мощный эгрегор. Только любви и смерти уступает он мощью, да и то не всегда, далеко не всегда...

— Ты имеешь в виду... — испуганно зашептал Шиитаке.

— Вот именно его я и имею в виду.

— Алчность?

— Алчность.

— Что будем делать, комиссар? — озабоченно спросил Ика.

— Драться, чучинько! — решительно заявил Унаги. — Объекты под покровительством данного эгрегора — цель номер один для атаки!

— Маммона, он же Златый Телец, он же Алчность, — глухо, нараспев заговорил Кани Мягкий Краб. — Великий демон, правящий ныне человечеством, князь мира сего, могущественный Всадник Без Головы. Велик был древний демон Азатот, божество хтонических рас, но пал, когда род человеческий переполнил землю и истребил населявших ее чудищ, поклонявшихся Азатоту. Велик был Энлиль, демон беспощадный и вездесущий, но не сумел сдержать неистового натиска юного Осириса. Велик был демон Осирис, разрубленный на множество частей, но распалось его фрагментированное тело и обратилось в пыль веков с приходом Римской империи и падением последних фараонов. Велик был лукавый демон Иегова, долго и умело выдававший себя за Единосущего, но повержен во прах был возмущенными собратьями, и вот, мертв уже много веков. Велик был демон Мабузе — игрок. Велик был змееногий и петушиноголовый Абрахас. Велик был кровожадный Бафомет, демон аравийских пустынь, эоим Лунной Свастики, коему поклонялись тамплиеры и вожди великого северного народа, но был смертельно ранен с разгромом рыцарей Храма и окончательно повержен во время Второй мировой войны, когда предводимые им стальные армии тевтонов сгнули на ледяных просторах Гиперборей, не сумев сломить несметные полчища Гога и Магога, ведомые Иальдабаофом. Велик был свирепый Иальдабаоф, демон масонов и гностиков, астральный император гиперборейского Гога и североатлантического Магога, но подобно Бафомету падок оказался до кровавых жертвоприношений и для сего спровоцировал две мировые войны, в коих едва не обрел вечное упокоение, а также учинил бесчисленное множество войн мелких, пока не сломал себе хребет, из неопишуемой жадности пытаясь держать под своей дланью и Багряную империю, приносящую ему бесчисленные жертвы, и преклонявшиеся перед его лживыми речами Соединенные Ложи Нового Света.

И, наконец, Маммона... Маммона, некогда слуга земных королей и их дворов, Маммона, подвизавшийся при предыдущих великих демонах мальчиком на посылках или в лучшем случае тайным советником, Маммона — демон избранных, покровитель богатства и бессмысленной роскоши, ку-

мир элиты, внезапно подхвативший под мышки падающий наземь труп Иальдабаофа и набекрень надевший его золотую корону... Маммона — изобретатель гипермаркетов, Маммона, покрывший планету сетевыми ресторанами и кинотеатрами, Маммона, мановением руки которого вырастают элитные жилые комплексы, многоуровневые парковки и поля для гольфа... Маммона торжествующий, Маммона глобалист, Маммона — основной мировой спонсор, дилер, инвестор и супервайзер. Это очень осторожный, слабый и трусливый демон, но он сумел поставить дело так, что у него всегда находятся заступники. Темный император единственной на сегодняшней день супердержавы, совет директоров возрожденной Священной Римской империи, хозяин тайги, председатель политбюро деспотов Поднебесной, глава террористического интернационала — все они кланяются Маммоне, целуют край его плаща и кадят ему. Маммона, который выигрывает войны, просто покупая вражеских военачальников. Маммона, который меняет неудобные ему правительства, просто покупая лидеров оппозиции. Маммона, который выигрывает дела в судах, просто покупая присяжных. Маммона Великий, Маммона Сияющий, Маммона Властелин!..

Маммона неизменно побеждает, ибо не уничтожает врагов, делая из них мучеников для грядущих поколений пассивариив, но покупает, делая своими друзьями. Либо покупает друзей своих врагов. Либо покупает всех вокруг, и его враг вдруг остается в полном одиночестве или внезапно с изумлением осознает, что уже давно и плодотворно работает на Маммону, даже не подозревая об этом. Недавно скончался верховный понтифик, по мере сил боровшийся с демоном торжествующим и даже добившийся некоторых скромных результатов в этом похвальном деле, — и его изображения моментально растиражировали в миллионах экземпляров на шоколаде, молочных десертах, коробках конфет, дамских сумочках, нижнем белье и прочих пустяках, кои тут же бросились скупать просвещенные понтификом неопиты; а дабы окончательно унижить учителя праведности, его именем назвали улицу в Кракове, на которой расположено несколько секс-шопов и пип-шоу. И сколь ни

талдычь теперь о его великой чистоте и прижизненном бес-сребренничестве, сколь ни причислай его к лику святых — бесполезно: понтифик стал поп-идолом, одним из винтиков гигантской машины под названием Маммона. Именно этим страшен последний из ныне живущих князей мира сего: даже самый убежденный его враг не может быть уверен до конца, что не выполняет задуманную и рассчитанную Маммоной многоходовую комбинацию. Да и нет уже у него убежденных врагов, мало кто может теперь устоять перед блеском золота: все старые боги мертвы, а значит, все позволено. Жить роскошно и распутно, бахвалясь собственной нечистотой, стало основной целью современного рыцаря, его священной миссией и высшим предназначением, его модернизированным Священным Граалем.

Лишь немногие индейцы, некоторые горцы, а также часть азиатов осмеливаются возражать Маммоне и чтить древних демонов. Они отказываются кланяться златому тельцу и ублажать его, дергая за вымя подобно всем прочим народам. Но они слишком малы и незначительны, чтобы тратить на них драгоценное внимание властелина. Их удел — прозябать в нищете и время от времени принимать на своей территории бомбы, сброшенные невидимыми бомбардировщиками темного императора Атлантики. Таков Закон.

Братие, везде, где вы увидите, услышите или ощутите проявления Маммоны, бейтесь немедленно, беспощадно и до последней капли вашей холодной крови. Если рассматривать шкалу духовных ценностей по нисходящей, существуют Вещи В Порядке Вещей, существуют Вещи Неприятные, Но В Принципе Допустимые, и существуют Вещи, Которые Терпеть Никак Нельзя. Проявления Маммоны относятся к четвертой группе вещей.

Я кончил.

— Вау, — уважительно сказала Эби Сладкая Креветка. — Мощно сформулировал! Ты просто ураган-парниша у нас. Командир, а что ты делаешь сегодня вечером?..

— Брат, а нельзя ли то же самое в двух словах, для бес-толковых? — деликатно поинтересовался Магуро Ломтик Тунца. — То есть это все очень интересно, что ты нам тут

сейчас рассказал, но что конкретно из этого вот всего происходит?

— Если в двух словах, — рассердился Кани Мягкий Краб, — тогда так: вперед! Мочи!..

— Вот! — обрадовался Шиитакэ. — Такую команду даже я понимаю!

— Дикари-с!.. — Повернувшись к Мягкому Крабу, Унаги развел лапами. — Кстати, а ведь это я, между прочим, придумал и запустил в массы этот дивный анекдот. Не знаете? Сидят этак два белоэмигранта в парижской Гранд-опера. И один другому говорит: а что-с, поручик, не подняться ли нам, знаете ли, на сцену, как некогда в Санкт-Петербурге, и не насрать ли, прошу прощения, в этот замечательный бело-снежный рояль? А второй ему отвечает: да нет, штабс-капитан, что вы, не поймут. Дикари-с!..

Кани не отвечал, сердито взирая на свирепо вздымающееся перед ними здание. Перед входом была сооружена огромная, автоматически вращающаяся дверь, умевшая заглатывать до дюжины человек разом. А перед дверью в полной неподвижности и в молчании, обратясь лицами к адским оперативникам, стояли до трех десятков спецназовцев при полной боевой выкладке. Самые их угрюмое молчание и пугающая неподвижность лучше всяких слов и действий говорили о том, что к дверям големам приближаться не стоит.

— Это может послужить нам помехой? — озабоченно поинтересовался Унаги Копченый Угорь.

— В общем-то нет, — ответил Кани Мягкий Краб, — если мы станем действовать решительно и применим правильную тактическую схему.

— Знаю, знаю! — Унаги повернулся к коллегам. — Господа, извольте выстроиться в атакующий конус!..

Марв, герой культового комикса Фрэнка Миллера «Город грехов» и одноименного культового же фильма Роберта Родригеса, тоже голем, кстати, убедительно продемонстрировал массовой аудитории, что десяток копов в бронежилетах и шлемах с пуленепробиваемыми забралами паразитально легко отправить в Гулкую Пустоту при помощи небольшого туристического топорика, если тот окажется в умелых руках. В данном случае копов было несколько боль-

ше, топорика же ни у кого из големов под рукой не случилось; однако адские оперативники с лихвой компенсировали этот недостаток хорошей полевой выучкой и слаженными действиями. Они вращающимся атакующим конусом обрушились на храмовую стражу, как стая голодных хорьков на обитателей птичьего двора. Стремясь прорваться к святилищу смертельного врага, разъяренные големы разили его прихвостней с такой силой и яростью, что те разлетались во все стороны, точно каскадерская массовка в ранних фильмах Джеки Чана, на расстояние от пятнадцати до сорока пяти метров включительно. На сей раз у стражи имелась исправная базака, даже целых две базаки, но применить их по назначению големы спецназовцам все равно не позволили: первую без особых разговоров согнул Унаги, жерло второй же мощным ударом кулака заклепал Магуро. Прочее оружие, примененное воинами против гигантов, составленных из строительных материалов, обнаружило свою малоэффективность, оттого исход схватки оказался predetermined в первые же минуты.

Когда тяжелая дверь провернулась за големами, размазав по полу обширную лужу крови, на стоянку перед гипермаркетом тяжело вползли два концертных трейлера с огромными надписями «Мистер Пинк Флойд» на бортах. Рядом припарковался длинный белоснежный лимузин. Отодвинув занавеску на окошке лимузина, Роджер Уотерс окинул гипермаркет тоскливым взором, ненадолго задержав взгляд на окровавленных ошметках перед парадным входом.

— Этот народ никогда не причитается к порядку и чистоте, — печально произнес он.

Сидевшая рядом с ним на заднем сиденье Нэнси, внезапно очнувшись от дремоты, произнесла:

— Знаешь, в школе у меня был учитель, который умел превращаться в молоток.

— Ты мне этого не рассказывала. — Роджер внимательно посмотрел на нее, потом вынул из кармана маленькую черную книжечку и сделал несколько пометок механическим карандашом. — Надо будет использовать это в следующем шоу.

— Конечно, дорогой.

Он захлопнул книжечку, откинулся на спинку сиденья, прикрыл воспаленные глаза.

— Распорядись, пожалуйста, чтобы монтаж оборудования занял не более четверти часа, иначе я просто усну.

— Да, Родж.

— И тогда меня разбудит только little pin prick.

— Я поняла, Роджер.

Между тем големы вступили в святилище Маммоны. Чутье не подвело Мягкого Краба: это был храм изобилия. Циклопический зал сорока локтей в высоту был уставлен высокими, в три человеческих роста, стеллажами, на которых лежали, стояли, висели и торчали следующие предметы: стеклянная, металлическая и пластиковая посуда, корзинки для кошек, джинсы, периодические печатные издания, чистые циновки, фотографические камеры и соответствующие аксессуары, пахитосы, березовый уголь для каминов и аутодафе, кондитерские изделия, колониальные товары, компакт-диски в несметных количествах, папирус и письменные принадлежности к нему, разнообразнейшая обувь, мобильные телефоны, китовый ус, полимерные швабры, известняковые блоки разных размеров, пакеты для мусора, музыкальные инструменты, бытовая техника, мышинное дерьмо в прозрачных пакетиках, видеокассеты, гигиенические повязки для женщин, деревянный шпон и горбыль, противогазы, бикарбонаты натрия, предметы мебели, детская одежда, индивидуальные наборы для суицида и эвтанизии, сомнительная бытовая химия, меховая рухлядь, тяжелая вода и соли цезия, альбомы Сальвадора Дали и Бориса Вальехо, звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, сексуальные рабыни, жидкое мыло, слабокислый грунт для кактусов, паровозные поршни, картонные подставки под пиво, книги «Компьютер для идиотов», пылесосы, радиоактивные изотопы в специальных защитных капсулах, растопка для барбекю, велотренажеры, крошечные модельки самобеглых экипажей, держатели для салфеток, портативные печи для домашних крематориев, игральные и контурные карты, губные гармоники, постельное белье и агрессивные игрушки — и это, следует заметить, только то, на что первым упал взгляд идеального наблюдателя.

Из дальнего конца гипермаркета устойчиво тянуло сибирским морозом: там располагались уходящие к горизонту ряды холодильных шкафов, распираемые изнутри неимоверными количествами скоропортящихся мяс и рыб, птиц и дичи, многочисленных карбонатов и колбас из падалы и требушины, ящичков с животными маслами и кулинарными жирами, десятилитровых бидонов с йогуртом, микробиологических штаммов в пробирках, копченостей в вакуумных пакетах и стеклянных сосудов с человеческими органами для трансплантации. Вне морозильников располагались штабеля разнообразных напитков в пластиковых бутылках, отечественные и импортные алкалоиды, оливки и каперсы в жестяных банках, сухофрукты, матово поблескивавшие кувшины с шоколатем и коричневые палочки табако, чай и кофе в ассортименте, растительные масла, курительные и жевательные ароматические смолы, консервы и пресервы, мистический мескаль в бутылках с ацтекской резьбой, чищенные абрикосовые косточки, соленые моллюски и человеческие эмбрионы, сушеные воблы и щуки, маринованный имбирь; и это, необходимо подчеркнуть еще раз, лишь первое, на что падал взгляд при входе.

В самом торце зала располагались мини-цеха по производству кур и щеночков гриль, шаурмы, корейских острых салатов, горячего хлеба, печеных на шпажках крысиных тушек, турецких сладостей и японских ролов. Посреди зала был устроен внушительный параллелепипед из мелко наколотого и впоследствии спрессованного льда, на котором в специально проделанных плоскими палками углублениях покоились внушающие ужас массы тигровых креветок, конечностей камчатского краба, черной и красной икры, морского коктейля на развес, лосося, семги, налима, судака, зубатки, омаров, осьминогов, лангустов, устриц, каракатиц, кальмаров, морских гребешков, мидий... взгляд идеального наблюдателя захлебывался слюною, не справляясь с таким количеством аппетитного. В огромных цинковых ящиках, наполненных водою и заботливо продуваемых кислородом из резинового шланга, обитали живые раки, карпы, рапаны, сомы, морские коньки и осетры, и всякий желающий мог извлечь их из аквариума, дабы унести домой и там бесчеловеч-

но сварить заживо для дальнейшего поедания. Непрístupными холмами громоздились на специальных наклонных стеллажах свежие овощи, зелень и фрукты, в том числе столь неоднозначные, как киви, лимонное яблоко, кумкват, черешшня, маракуйя, карамбола, питахайя, рамбутан и помело. Изобилие! изобилие!..

Сотни молящихся адептов хаотично перемещались по залу с плетеными корзинками и металлическими тележками, сгребая в них выложенное на стеллажах добро. Огонек алчности цвел во взорах. Дрожа от неимоверной жадности, адепты доверху набивали свои тележки добром, при этом абсолютно не разбирая, что сметают с полок; иные катили десятки килограммов фруктов, у некоторых тележки были доверху заполнены спиртными напитками, отдельные индивидуумы везли сразу дюжину прозрачных пятилитровых емкостей, наполненных родниковой, с позволения сказать, водой. На освобождающиеся места служители храма непрерывно несли все новые и новые груды товара. Судя по всему, товары раздавались всем желающим бесплатно, дабы укрепить их в грехе алчности и раздуть потребности до астрономических пределов, — по крайней мере, големы не обнаружили, чтобы за вещи и продукты взималась звонкая золотая монета.

Однако платить все равно приходится всегда и за все. Выход из зала был перекрыт рядом узких загончиков вроде тех, в которые загоняют скот для клеймения. Изнывающий от алчности адепт въезжал в загончик вместе со своей тележкой и начинал выкладывать товары на чудодейственно движущуюся ленту перед жрицей храма, а та брала каждый предмет в руки и подносила к странному серебристому зеркалу, в центре которого мельтешило нечто непонятное, вращающееся столь стремительно, что взор не успевал ухватить деталей и лишь сигнализировал подсознанию, что там перемещается что-то крошечное, реагировать в принципе смысла не имеет, но на всякий случай лучше держать эту штуку в уме, а еще лучше пойти на кухню, взять мясной тесак и начать убивать всех, чьи имена начинаются на «Е»... Когда товар подносили к магическому зеркалу, раздавался пронзительный писк, который свидетельствовал, видимо, о

том, что обитающий в зеркале элементаль поставил на товар свое незримое демоническое тавро. По окончании клеймения адепт протягивал жрецу какие-то мятые прямоугольные кусочки пергамента — видимо, прошения и молитвы боже-ству, касающиеся торгового ассортимента. Жрица принимала прошения, вкладывала их в странного вида механизм с железным ящиком, манипулировала клавиатурой и выдавала в обмен крошечный листок беленого папируса с текстом. Поскольку она ничего не писала на листке от руки, но лишь штамповала его при помощи своей машины, логично было предположить, что это стандартная сакральная формула данного святилища, вырезанная на нефрите и оттискиваемая на папирусах после предварительного прокатывания клише красящим составом, сваренным из тутовых ягод и саж: «Отпущены тебе грехи твои, дитя, ступай и более не грехи, мяфа», «666 Зверь» или «Уплочено; иди и помни, что за сии прекрасные товары отдаешь ты добровольно в бессрочную аренду Маммоне очередную частицу своей бессмертной души. Обмен товара производится только при наличии чека».

— Со всего мира свозят сюда товары, которыми непрерывно испражняются в регионах Маммона и его бесчисленные падаваны, — произнес Кани Мягкий Краб. — Качество товаров вполне соответствует способу изготовления. Тем не менее выдрессированные с детства адепты охотно их потребляют, через самое непродолжительное время извергают на помойку и потребляют новые, не в силах обходиться без оных.

— Убьем их всех? — деловито осведомился Унаги, разминая запястья. — В назидание?

— Нет, что ты! — Эби Сладкая Креветка схватила его за плечо. — Нельзя убивать в храме! Грех, грех! К тому же они и так уже серьезно наказаны, пробыв столько времени под влиянием эгрегора алчности. Это же настоящие адские мушки! Пшли, пшли! — Она стала махать лапами, разгоняя молящихся, словно стаю голубей.

К Ике бочком подобралась ухоженная старушка с цифровой фотокамерой.

— Простите, — сказала она, — можно я с вами сфотографирую внука? Вы так забавно выглядите.

— Йомалаут, командир! — опешил Сырой Кальмар. — Нас снова обижают!

— Вот чорт, — расстроился Унаги. — Достаточно один раз никого не убить, и тебя уже не принимают всерьез. Куда катится этот мир?..

— Дядя, — старушкин внук постучал Ику по кирпичному корпусу, — а вы кого рекламируете?

— Так, все! — рассердился Кани. — Уйди отсюда, мальчик! — рывкнул он. — Поднимемтесь на второй этаж, — распорядился Мягкий Краб, когда старушка с внуком поспешили укрыться в кассах. — Святая святых всегда расположена у вершины культового сооружения — дабы быть ближе к объекту культа, а также максимально затруднить взбунтовавшейся черни или степным варварам доступ к священным сосудам и изготовленным из редкоземельных элементов культовым предметам. Какамму!

Кани и Эби поднялись наверх на лифте. Шахта лифта была изготовлена из какого-то прозрачного материала, поэтому пытливый идеальный наблюдатель вполне мог проследить весь процесс подъема, все этапы движения кабины, малейшие перемещения приводящих механизм в действие железных цепей и тросов, за которые, видимо, тянули находившиеся в подвале черные невольники — эфиопы и нумидийцы. Поскольку кабина лифта оказалась чрезвычайно узка для шести массивных существ, Шиитаке предпочел воспользоваться эскалатором, а Магуро и Унаги, опасаясь за сохранность не рассчитанных на их запредельный вес машин храма, взошли пешком по лестнице из полированного камня.

Доступ на второй этаж святилища, судя по всему, имел далеко не всякий смертный, ибо людей здесь по сравнению с нижним залом было немного. Потерявших от изумления дар речи големов окружали золото, редчайшее прозрачное стекло, ливанский кедр, слоновая кость и полированный каррарский мрамор. В центре зала, в залитом светом атриуме, стояли широким квадратом обтянутые дорогим белым сафьяном сиденья, дабы утомленный сложной инициацией

неофит, уставший от земных забот адепт или согбенный старческой немощью почтенный иерофант могли без помех насладиться покоем в этом тихом уголке святилища. Откуда-то из-под купола струилась медитативная музыка. На стенах размещались цветные фрески, с невероятной степенью детализации изображавшие лики высоких богов. Эти существа выглядели вполне антропоморфными, но в десятки раз превосходили тех, кто толпился на первом этаже, красотой лица, совершенством телесных форм и изяществом одежд. Без сомнения, это были боги населявших Москву аборигенов, создавшие себе народ по образу и подобию своему, — общеизвестно, что копия никогда не превосходит оригинала. Высокие боги и богини часто были изображены прикрытыми минимумом тканей, они не боялись демонстрировать обнаженные руки и ноги, они радостно улыбались, носили стильные тонированные очки, имели чувственные губы, выразительные глаза, смелые модельные прически и гармоничный рельеф мышц, чем выгодно отличались от своих невзрачных, слепленных на скорую руку детей с первого этажа — кривоногих, бледных, унылых, с безжизненными волосами, необъятными целлюлитами и пивными животами.

Пораженные големы медленно двигались по залу, с детским любопытством разглядывая окружающее их роскошество. Все здесь блистало и сверкало. В глубине помещения виднелись сетевые харчевни «Иль Патио» и «Планета суши», в которых сидели власть имущие и вызывающе ели скромное («Хватит с меня уже на сегодня ниппонской кухни», — проворчал Шиитакэ). В одной из стен обнаружился самый настоящий водопад, стекавший по металлическим направляющим. Везде, куда обращался взор оперативников, располагались банки, обмены валют, многочисленные блистающие кумирни, предлагающие адептам высшей ступени посвящения готовое платье, ткани, отборный развесной чай, бытовую технику, еще готовое платье, обувь, часы, маленьких серебряных идолов, кулинарные излишества, снова готовое платье, кожаные аксессуары и все, что только может породить воспаленное человеческое воображение, — в общем, практически то же самое, что и на первом этаже. Однако если внизу толпы ошалевших от жадности неофитов

могли получить в личное пользование массовый, штампованный ширпотреб, то здесь раздавали ширпотреб элитный, солидный, произведенный на оборудовании более высокого класса.

— Братие! — внезапно вскричал Ика Сырой Кальмар, появившись из бокового коридора. — Ни за что не угадаете, что сейчас со мной было! Я въехал сюда на *травалаторе!*

— Святой Энлиль! Что это?!

— Сам не понял, но безумно интересно! Вроде такой эскалатор без ступенек.

Бесшабашное появление Ики несколько разрядило обстановку. Големы стряхнули оцепенение, перебороли восхищение упадочной роскошью святилища. Магуро даже осмелился потрогать белокаменную стелу с изысканной лепниной — и шлифованный камень внезапно треснул, проломился под его лапой. На роскошный пол посыпались древесная труха, пластик, чешуйки краски.

— Обман! — изумленно выкрикнул Магуро. — Надувательство!

Для пробы он попытался согнуть золотой настенный подсвечник и без труда отломал его. Для золота этот металл был слишком легок.

— Маммона — покровитель надувательства, — напомнил Кани. — Он бог торгашей и менял, а следовательно, сам фантастический плут. Вполне естественно, что в его храме все насквозь фальшиво.

— Круши! — взревел Магуро. — Круши фальшивое могущество!..

— Можем мы вам чем-нибудь помочь?

Из полумрака выступили и остановились на границе освещенного пространства так, что половина их лиц оставалась в темноте, шесть человекообразных фигур. Это были монахи-сенобиты, гвардейцы Маммоны, его слуги и верные защитники, шесть великих воинов: Капитан Копирайт, Спам, близнецы Ренаульт и Пеугеот, Антиперспирант, Хэпи Мил и Нато. Воинов было именно шесть, поскольку Ренаульт и Пеугеот являлись сиамскими близнецами, соединенными коротким коаксиальным кабелем в области головы: они всегда сражались вместе и едва ли могли рассматриваться как са-

мостоятельные боевые единицы. Согласно политкорректности, один из близнецов — Пеугеот — был афроамериканцем. На его блестящем эбеновом черепе скалился вытатуированный фосфором вставший на дыбы мерцающий лев. Одетый в черный кожаный плащ Пеугеот небрежно похлопывал о ладонь левой руки, затянутой в кожаную черную перчатку, шипастым набалдашником железной дубинки. Аналогичное оружие держал Ренаульт, но только в левой руке, поскольку был левшой, дабы иметь возможность сражаться одновременно с братом. Ренаульт был в белых лайковых перчатках и белом замшевом плаще; за спиной у него торпорцились небольшие лебединые крылышки.

— Желаете что-нибудь купить, господа? — очаровательным голосом с сексуальной хрипотцой, вежливо, но со скрытой угрозой проворковала Хэпи Мил.

У нее было кукольное личико анимэшной девочки с утрированной европейской внешностью, мальчишковой стрижкой, огромными глазищами в пол-лица и крошечным ротиком, также способным распахиваться на пол-лица в моменты изумления, ярости или оральных ласк. На Хэпи Мил был стильный жесткий топик-бронезжилет, который открывал плоское пузико и соблазнительный пупок, проколотый маленькой серебряной розой, короткая бронеюбка и высокие кольчужные ботфорты. В руках она держала тяжелую плазмоплеть с длинным асбестовым кнутовищем, из которого вызмеивались три шипящих, потрескивающих, плотных огненных хвоста; шевелясь, они скребли по полу, высекая искры.

— Желая купить тебя, демоница! — нахально заявил Ика Сырой Кальмар.

— Я только по золотым кредитным картам «Виза», — холодно произнесла Хэпи Мил. — Или по обоюдному согласию. Обоюдное согласие в данном случае отпадает. У тебя есть «виза»?..

Шиитак нервнo сглoтнул.

— У них даже кредитные карты из золота! — зашептал он Мягкому Крабу.

— Остынь, — осадил его Краб. — Это такое же надува-

тельство, как и все остальное. На самом деле они из пластика, только выкрашены золоченой краской.

— Итак, уважаемые? — произнес Капитан Копирайт, безучастно глядя на големов через прорези блестящего черного шлема, увенчанного массивными рогами. На нем был черный нейрожилет, прорезиненные черные штаны, высокие черные сапоги и перчатки, за спиной струился на виртуальном ветру длинный черный плащ из тончайшего шелка; на груди белой эмалевой краской была изображена большая буква С в круге — могучий пентакль его клана, ежедневно приносящего Маммоне силу, власть и богатство. — Будете что-нибудь покупать или желаете покинуть гипермаркет без лишних проблем?

— Только предварительно придется компенсировать причиненный ущерб, — произнес Нато, поднеся правую, механическую руку к виску и прислушиваясь к вставленному в ухо наушнику-горошине. Его узкие черные очки брезгливо блеснули в мягком сиянии утопленных в стене светильников. Вместо левого глаза у него был вживлен светодиод Мятликова, который багрово мерцал из-под темного стекла. — Торговый зал контролируется при помощи видеоконтролера, господ.

— Хватит делать умные лица! — взревел Кани. — Вы отлично знаете, что мы пришли драться!

— Ах, как неосторожно с вашей стороны! — закашлял нечеловеческим хохотом Капитан Копирайт. — Надеюсь, работаем фулл контакт?

— Фулл контакт и запрещенных приемов нет! — запальчиво крикнул Кани Мягкий Краб.

— Что ж, превосходно! — Верховный сенобит дал знак коллегам, и те, не спуская глаз с големов, начали понемногу рассредоточиваться по залу, образуя широкий полукруг. — Один на один, как взрослые, или стенка на стенку?

— Один на один!

Големы подобрались, насупились, глядя на беззвучно перемещающихся противников.

— До первой крови или до смерти?

— До полной и безоговорочной молекулярной дезинтеграции!

— Что ж, прекрасно, прекрасно.

Возникла пауза. Немногочисленные посетители второго этажа в панике спешно покидали его, ощутив по сгустившейся атмосфере, что в ближайшие минуты это место не вполне подходит для медитаций.

Големы сурово молчали, разглядывая своих противников. Бесстрастно молчали сенобиты, тоже разглядывая своих противников. Трудно сказать, что творилось в их головах — пронизанных фосфором и металлической арматурой, испещренных татуировками и плиточными сегментами, увенчанных панковскими гребнями и бычьими рогами, черными шлемами и белыми ромашками. В этом зале встретились достойные бойцы, и каждый из них сейчас остро ощущал, что победа легкой не будет.

— Митапиру! — внезапно громовым голосом вскричал Кани Мягкий Краб, и големы стеной обрушились на сенобитов.

Они сошлись: вода и камень, стихи и проза, лед и пламень. Монтекки и Капулетти. Годзилла и Заратустра. Розенкранц и Гильденстерн. Метценгерштейн и Берлифитцинг. Ирландская футбольная команда первого дивизиона и сборная Мексики по водному поло. Белые боевые носороги в черную полосу и черные боевые носороги в белую полосу. Первые минуты происходящее посреди торгового зала напоминало массовое побоище, однако затем умозрительный наблюдатель все же сумел вычленить отдельные элементы схватки.

По праву старшего Кани Мягкий Краб схватился с Капитаном Копирайтом. Если бы кто-нибудь из коллег решил оспаривать у него это право, он убил бы паскуду не задумываясь. Как требовали того складывавшиеся тысячелетиями традиции дуэлей между высшими демонами, поединщики плавно кружили в центре зала, пытаясь поразить соперника зычными гортанными выкриками, от которых осыпались уцелевшие стекла в витринах, уверенной поступью, битием себя в грудь и громогласными цитатами из Гермеса Трисмегиста.

Вокруг них тем временем происходил оживленный обмен мнениями. Магуро, изрыгая страшные проклятия, обеи-

ми руками отбивался от близнецов, синхронно обрушивавших на него с двух сторон железные дубинки. Унаги сошелся в рукопашной с Нато, конечности коего мелькали с такой стремительностью, что сбитый с толку зрительный аппарат идеального наблюдателя начал раскладывать их движения на отдельные фазы, из-за чего возникло ошибочное впечатление, будто у Нато по меньшей мере шесть рук, четыре ноги, два щупальца и пара выдвижных челюстей, как у Чужого.

Шиитакэ и Антиперспирант закрутили бешеный фехтовальный хоровод, причем сенобит фехтовал двумя узкими и острыми скорпионьими клешнями, которыми его руки заканчивались вместо ладоней, голем же избрал в качестве орудия зонтик, позаимствованный им в одной из местных кумирен. Кроме того, слуга Маммоны то и дело норовил достать Императорского Гриба огромной колючкой с ядом, которая венчала его жилистый сегментированный хвост, раз за разом взмывавший над левым плечом сенобита; голем же в такие моменты всячески старался поймать противника за колючку, дабы вырвать ее с корнем, но пока не преуспел.

Что касается Ики, то ему достался наиболее неудобный противник, ибо Спам напоминал вставшую на задние лапы гигантскую жабу размером с человека, коя постоянно раскрывала смрадную пасть, но вместо языка выстреливала в противника омерзительными струями лягушачьей икры. Пока вся тактика Сырого Кальмара заключалась в виртуозном увертывании от липких струй и ускользании от клинча, однако, сколь ни был ловок голем, время от времени по его кирпичному корпусу все-таки стекали какие-то странные, составленные из лягушачьей икры слова: «ВИАГРА»; «Центр Американского Английского»; «МУЖ НА ЧАС». Эти таинственные заклинания страшно нервировали Ику; ситуация также осложнялась тем, что у него не хватало одной руки, отсеченной ситхом в ниппонском ресторане, в руках же Спама угрожающе поблескивали титановый трезубец и стальная сеть.

— Поди сюда, зайка, — поманила Сладкая Креветка Хэпи Мил. — Я вобью тебе твой хлыстик поглубже в дупло.

— Ты вообще-то мужик или баба? — криво усмехнулась Хэпи Мил.

— А ты сучка! — приятно изумилась Эби. — Тогда я не просто засуну его тебе в задницу, а ласково проверну там несколько раз!..

Битва разгоралась. Нато провел коварный прием «симатта ё», и Унаги улетел в стеклянную витрину парфюмной кумирни «Midianin». Дорогие притирания, мази и благовония разлетелись по помещению.

— Вот ведь дрыгоножец, — проворчал Копченый Угорь, крайне медленно выбираясь из разрушенной витрины, дабы хоть немного прийти в себя после нокдауна. — Сие невыносимо, как я погляжу!

— Надо говорить: спасибо за науку, мастер, — надменно процедил Нато.

— Мать!.. — вскрикнула Эби Сладкая Креветка, схлопав плазменной плетью пониже спины.

— А, мастабарру! — заревел Магуро Ломтик Тунца, получая железной дубинкой по пальцам то слева, то справа.

— Мьянма! — невнятно выругался Ика Сырой Кальмар, поймав заряд лягушачьей икры прямо в лицо и не в силах разлепить челюсти.

— Кани! — возопил Шиитаке, в очередной раз зафиксировав туше от Антиперспиранта. — Они определенно побеждают нас по очкам! Что будем делать, чучинько?

— Переходим к плану «Б»! — распорядился Мягкий Краб. — То бишь включаем наше фирменное секретное оружие.

— Медвежью силу, помноженную на осознание собственной правоты?

— Нет, бесконечную подлость, помноженную на безграничное коварство! Этак вот...

Отбивая атаки Капитана Копирайта, Кани вдруг отшагнул в сторону и технично подставил ногу Спаму, который под напором Ики Сырого Кальмара по чуть-чуть пятился в его сторону. Запнувшись о лапу земляного голема, Спам оказался на полу, выронив трезубец. Издав оглушительный боевой йомалаут, Ика взвился в воздух, растопырив руки и ноги, словно белка-летяга или звезда кетча, забравшаяся на одну из угловых стоек ринга и бросившаяся вниз, дабы расплющить поверженного противника своим внушительным

весом. Спам попытался кунфуистским прыжком перейти из упора лежа в оборонительную стойку, одновременно начав раскручивать сеть для броска, но оказавшийся рядом Магуро, не переставая отмахиваться руками от Ренаульта и Пегеота, как бы невзначай зацепил его ногой за щиколотку, и сенобит немедленно вернулся в исходное положение.

Меж тем Ика неумолимо рушился на него сверху; особенно хорош Сырой Кальмар был в замедленной съемке — несколько центнеров прессованного кирпича, плавно плывущих по воздуху, угрожающе разевающих пасть, корчащих страшные рожи и свирепо сучащих ногами. Спам хотел прыгнуть в сторону, но вотще: случившаяся поблизости Эби Сладкая Кроватька, которая как раз пригнулась, уходя от плазменной плети Хэпи Мил, ухватила его за плечо и могучим рывком возвратила на исходную позицию. В результате всех этих пертурбаций Ика столь точно приземлился на сенобита, полностью покрыв его своею кирпичной тушей, будто на Спаме была нарисована большая концентрическая мишень с пунктирами и поясняющими стрелочками: «Падать сюда». Раздался аппетитный чавкающий звук, брызнула во все стороны мутно-желтая кровь, словно из раздавленного гнилого персика.

— Все-таки солидный вес при прочих равных тактико-технических характеристиках имеет в бою весьма ощутимые преимущества, — заметил Ика, пытаясь отклеиться от пола.

Упокоив соперника и поборов-таки непомерное количество липкой лягушачьей икры, выделившейся из Спама под большим давлением, он нашел в себе силы подняться и начать диверсионную деятельность согласно плану «Б». В частности, он подкрался сзади к Антиперспиранту и крепко ухватил того за предплечья. Пока Сырой Кальмар мертвой хваткой сжимал противника Шиитакэ, сам Императорский Гриб, пользуясь временной беззащитностью сенобита, немедленно пронзил последнего зонтиком, койй тут же и раскрыл, разрывая гигантскому скорпиону жизненно важные внутренние органы. После этого, слегка перекурив, пара победоносных големов навалилась на Нато и помогла Унаги измочалить несчастного до полубесчувствия. Основная их по-

мощь заключалась в двух увесистых ударах в затылочную кость; прочее Копченый Угорь с удовольствием доделал сам.

Затем они вчетвером с охотно примкнувшим Магуро отпинали близнецов, переломав им все кости и позвонки. Несколько сложнее пришлось с Хэпи Мил, ибо девушка оказалась виртуозом в обращении с плазменной плетью; однако даже величайшее мастерство можно задавить числом, что бы ни утверждали по этому поводу наивные продюсеры Брюса Ли.

Когда шесть угрюмых големов с недобрыми, совсем недобрыми ухмылками окружили Капитана Копирайта, он тотчас осознал свою жалкую участь и немедленно сделал себе сэппуку при помощи соломинки для коктейлей, которую позаимствовал в ближайшей закуской. Наружу из вскрытого сенобита интенсивно полезло такое, такое, что големы в ужасе отвернулись, зажимая ладонями рты, дабы из них не вывалились жаждущие обрести свободу рвотные массы.

Более сопротивляться натиску големов было некому. Из всего подразделения сенобитов подавал неуверенные признаки жизни только Нато, левый глаз которого тревожно мигал, словно аварийная сигнализация за лобовым стеклом импортного автомобиля.

— Сдавайся в позорный плен или изволь продолжить поединок, как то подобает настоящему мужчине, — обратился к нему Унаги. — И встать, когда с тобой разговаривает подпоручик!

Измордованный Копченым Угрем Нато валялся у него в ногах, похоже, почти не осознавая, что происходит. Он бессмысленно смотрел в потолок и бормотал что-то неразборчивое — возможно, пытался молиться своему фальшивому богу. Проникшись внезапным состраданием, Эби Сладкая Креветка шагнула вперед и решительно наступила ему на голову каменной ногой.

Голова сенобита треснула под ее тяжелой конечностью, как орех. Как орех.

Разрушительным атакующим конусом големы прошлись по второму этажу святилища, круша стеклянные перегородки, уничтожая презренные товары и беспощадно срывая со стен изображения лжебогов, предавших свои народы Мам-

моне. Когда элитный этаж был достаточно разгромлен и начал напоминать Землю в первый день творения, големы изволили коротко передохнуть и принести походные жертвы начальнику своего аналитического отдела, после чего неудержимо двинулись вниз.

— Что ты крутишься под ногами, любезный?! — рявкнул Ика на подсобного рабочего, который прямо перед его носом пытался протащить какую-то железную конструкцию.

— Концерт! — пискнул перепуганный рабочий. — Скоро будет концерт! Сцену готовим!

— А! — разъярился Сырой Кальмар. — Еще один певец Маммоны! Как зовут этого беспококлонника?!

— Уотерс, дядечка! — закричал рабочий, закрывая голову руками. — Роджер Уотерс! Не бейте, родненький!

— А! — неожиданно обрадовался Ика. — Это тот социалист и пацифист, что материально помогает бедноте из лондонских предместий? Нет, этот пусть поет. Маммона, конечно, все равно поймет с него свои проценты, но уж больно человек хороший. За двойной альбом «The Wall» ему можно простить многое. Может быть, чему-нибудь научит заплывших свиным жиром буржуа своими пламенными песнями протеста. Ну, чего встал? Быстренько потащил декорацию!

Подсобный рабочий ухватил металлическую конструкцию и торопливо поволок ее в расчищенный от холодильников угол, где на глазах вырастал сценический помост.

К чести иерофантов святилища, те уже почти закончили эвакуацию охваченных паникой простолюдинов. В отсутствие растерзанных храмовых стражников организационные функции пастырей взяли на себя жрицы из загончиков. Опасливо озираясь на спускающихся по лестнице адских оперативников, они лупили отставших неопитов резиновыми дубинками по хребтам и головам и надрывно вопили: «Скорее! Скорее!»

— Пусть их, — произнес Унаги Копченый Угорь, хотя никто и не думал преследовать разбегающихся мистов. — Соблазнительно, конечно, было бы обрушить на их головы кровлю и тем самым похоронить заживо более тысячи человек, дабы они окончили свои дни в страшных муках и благодаря этому вознеслись к престолу Великого Архитектора

очищенными, однако боюсь, что подобная гекатомба, совершенная в святилище Маммоны, пойдет лишь на пользу последнему.

— Оттого уставом и запрещено убивать в святилищах, — кивнул Кани. — Не из человеколюбия же. Для чего своими руками подпитывать собственного противника?

— А что, уважаемый, — Ика повернулся к Унаги, — в вашем предыдущем подразделении не называли ли вас также убийцею гипермаркетов?

— Вообще-то нет, — честно признался Копченый Угорь. — Великоватое помещение. Но попытка не пытка...

Он сосредоточился, на его теле обозначились напрягшиеся каменные жилы. Осыпались стекла во вращающихся дверях, лопнуло с грохотом несколько квадратных плафонов дневного света, бабахнул где-то в дальнем конце зала наполненный замороженными курами морозильник, который вышибло из сети. Не успевшие покинуть гипермаркет остатки паствы пронзительно завизжали, резиновые дубинки заработали с удвоенной силой.

— Не волнуйтесь, сохраняйте спокойствие, — обратился Кани к отступающим в беспорядке пасомым. — Организованно продвигайтесь к выходу. Пока вам ничего не угрожает. Мы начнем убивать вас, только когда вы окажетесь на улице.

— Изрядно, друг мой, изрядно! — обратился Ика Сырой Кальмар к Унаги со словами искреннего восхищения и поддержки. — Как это вы делаете... — Он напрягся, закусил губу от усердия, захрипел — и с расположенных поблизости полок внезапно посыпались плюшевые мишки и пластмассовые ведра.

— Ура! Мочи гниду глобализма! — радостно возопила Эби Сладкая Креветка, присоединяя свои ментальные усилия к потугам Ики и Унаги. Теперь товары сыпались на пол и с дальних стеллажей, а когда к разрушителям гипермаркета подключился Шиитакэ, предметы начали неуверенно перемещаться по полу, собирая прах бесчисленного множества ступавших по этому залу ног и понемногу закручиваясь в спираль.

— Эх, молодежь, — проворчал Магуро, покосившись на

Кани. — Ни хрена толком не могут... Тряхнуть разве старинной?..

Он присоединился к квартету упражняющихся в низшей магии коллег, и на полу загудел стремительно вращающийся циклон, составленный из огромного числа товаров народного потребления, а также их отдельных частей и деталей, отломавшихся в ходе формирования вихря.

— Умри, брат Маммона! — восторженно вскричал железобетонный голем.

Пожав плечами, Кани поддержал подчиненных. Миниатюрный атмосферно-вещевой фронт обрел третье измерение: он вознесся над полом и теперь вращался на высоте полтора метров, постепенно набирая скорость. Баловства ради големы попытались сформировать из сего мусорного смерча новое плотное тело для Васаби Тертого Хрена, но у них ничего не вышло, поскольку каждый тянул в свою сторону. Смерч разрастался, вбирая в себя все новые и новые предметы. Рассыпался ледяной холм с покоившимися на нем рыбами, морепродуктами и ракообразными; кубики льда и представители морской фауны незамедлительно были втянуты в бушующий посреди супермаркета циклон. Живописно поскакали по помещению ярко-оранжевые апельсины из надломившегося бурта. Рушились стеллажи, распаивались холодильные шкафы, их содержимое неизменно присоединялось к бешеной пляске смерти. Вихрь предметов угрожающе гудел, раскручиваясь все быстрее и быстрее, дико хохотали и выли големы, пищали в ужасе застрявшие в дверях последние адепты Маммоны. Казалось, наступил долгожданный конец света и всем теперь достанется по первое число сообразно заслугам, казалось, нет в мире силы, которая сможет положить конец этой безумной разнузданной вакханалии, которая сумеет призвать к порядку и одернуть распоясавшихся астральных хулиганов, которая самым решительным образом воспрепятствует...

— Stop.

Это прозвучало негромко, но весомо и явственно различимо. Это повисло в пространстве, словно табачный дым. Это коротко ударило изнутри в черепа всех присутствующих.

Вращающиеся предметы на мгновение замерли в воздухе, затем безвольно осыпались на пол.

Големы в невыразимом раздражении развернулись на сто восемьдесят градусов.

Уотерс в длинном черном плаще, похожем на крылья летучей мыши, мягко выступил вперед. Под его ногами негромко звякнул сценический помост. Над его головой развернулось и заполоскалось на ветру черное полотнище с двумя перекрещенными молотками в красном круге.

So ya
Thought ya
Might like to go to the show,

— вкрадчиво произнес Мистер Пинк Флойд.

Где-то в кассах бабахнуло, и за спиной Уотерса выросли огненные фонтаны фейерверков. Стоявшая за клавишами в глубине сцены Нэнси взяла пронзительный аккорд, громом прокатившийся по ввергнутому в хаос торговому залу. Замелькали стробоскопические вспышки, пополз по залу разноцветный туман, подсвеченный расширяющимися лепестками лазерных лучей.

— Занять круговую оборону! — поспешно скомандовал Кани Мягкий Краб, нутром почуяв неладное.

Роджер слегка дернул струны бас-гитары, отозвавшиеся низким мелодичным гулом.

— Вы испытываете свинцовую тяжесть во всех членах, — тягуче, нараспев произнес Уотерс, ткнув пальцем в Магуро. — Вам тепло и хочется спать. Все ваши члены наливаются свинцом. Вы стремительно тяжелеете...

— Эй, секундочку! — забеспокоился Ломтик Тунца, погрузившись в каменный пол по колено.

— Вас неудержимо тянет вниз, — продолжал Уотерс. — Невозможно сопротивляться. Ваше тело налилось такой тяжестью, что грунт не способен вас удержать...

— Ребята, сделайте что-нибудь! — в панике возопил Магуро, проваливаясь по пояс.

— Эй, любезнейший! — обратилась к Уотерсу Сладкая Креветка.

— А вот вам значительно легче! — заметил Мистер Пинк Флойд, обращая неподвижный змеиный взгляд на Эби. — There is no pain, you are receding. Вы чувствуете невероят-

ную легкость во всем теле. Безусловно, вы вот-вот взлетите...

— Убейте его кто-нибудь! — взревела Сладкая Креветка, ощутив, что ее ноги уже еле-еле касаются пола.

Она взлетела, словно воздушный шарик, и крепко треснула башкой о распорку потолка, повредив какую-то трубу, из которой, весело журча, тут же побежала мутная вода.

— Магуро! — заорала она, пытаясь сфокусировать взгляд на оставшемся внизу товарище, однако того уже не было видно — только огромная дыра в полу, которая затягивалась прямо на глазах. — Сука!!! — выкрикнула Эби, беспомощно барахтаясь в воздухе и пытаясь вновь отыскать взглядом своего обидчика.

Уотерс меж тем сместился в сторону и уже мастерски фехтовал там с прочими адскими оперативниками грифом бас-гитары, висевшей у него на шее на широком нейлоновом ремне. Наноструны его гитары толщиной в две молекулы каждая исправно резали твердые корпуса нападавших, словно сыр бри. Пока музыканту удавалось лишь состругивать по касательной асфальтовые, каменные и кирпичные стружки, прозрачные и невесомые, которые лебедиными перьями печально и плавно опускались на пол, но не возникало ни малейшего сомнения, что если кто-либо из големов проявит несколько менее разворотливости и проворства, страшный гитарный гриф развалит его пополам несколько не хуже меча Зигфрида или гиперболоида инженера Гарина. Оперативники внезапно с тоскою ощутили, что нарвались наконец на фигуру, которая им не по зубам. Кани Мягкий Краб вскоре блестяще подтвердил это, кубарем покатившись по полу с разрубленным бедром.

— Йомалаут, дядя! — вскричал загнанный в угол Ика, неуклюже закрываясь единственной лапой. — Брэк! Тачдаун!

— Буся! — выкрикнул Уотерс, направив гриф бас-гитары на Сырого Кальмара, и тот моментально лопнул, забрызгав кирпичной крошкой всех присутствующих.

— Сударь, извольте биться по правилам! — оскорбился Унаги Копченый Угорь, брезгливо стряхивая с себя бранные останки Ики.

— Я всегда бьюсь по правилам, любезный, — с достоин-

ством ответственвал Уотерс, — только правила в большинстве случаев устанавливаю сам.

— Что ж, достойно, — оценил Унаги, нервно разминая запястья.

— И весьма, — подтвердил Мистер Пинк Флойд.

Унаги Копченый Угорь нашел свой славный конец, когда прогрессивный западный композитор и музыкант дернул струну бас-гитары, и невыносимый резонанс, возникший вследствие этого, расколол бордюрные камни, из которых было сложено тело Копченого Угря, на множество бесполезных кусков, побудить которые к движению не смог бы теперь даже ринпоче Ульянов (Ленин).

Шиитаке Императорский Гриб, весьма верно и вовремя оценив обстановку, благоразумно бежал к выходу, но Уотерс ловко снял его на бегу тремя метательными медиаторами. Остро отточенные медиаторы рассекли голема на четыре части. Продолжавший угасающее вращение металлический остов двери подхватил кучу асфальтовых обрубков и начал толкать ее перед собой по концентрической орбите.

Уотерс выполнил энергичное физкультурное упражнение, восстанавливая дыхание, после чего с изумлением взглянул на покачивающуюся возле потолка Эби Сладкую Креветку, которая уже оставила бесплодные попытки спуститься вниз и теперь молча пыталась понять, каким образом этот худой бледнолицый дьявол за три с половиною минуты умудрился шутя разделаться с обученным штурмовым подразделением адских оперативников.

— А вы, дорогуша, как я посмотрю, возомнили себя стратостатом? — ехидно осведомился Уотерс. — *Your hands feel just like two balloons, don't they?..* Вы что, не в курсе, что предметы тяжелее воздуха не имеют способности к самостоятельному полету?..

— Упс! — только и успела выговорить ошарашенная Эби. Вслед за этим она рухнула с высоты, ударилась о гранитный пол и разбилась вдребезги. Кусочки Сладкой Креветки разлетелись по всему помещению.

Прогрессивный композитор и музыкант обратил свой взор туда, где охал на полу полуразрушенный Кани Мягкий Краб.

— Ты, демон, — произнес Уотерс, презрительно кривя губы в своей фирменной неподражаемой манере, — вставай и дерись как мужчина, если хочешь умереть красиво. В противном случае я отсеку тебе голову и покрошу ее в горшки в своей оранжерее. Это ведь чернозем, buddy, ha?

— Во имя человеколюбия! — прохрипел Кани. — Десять минут, чтобы собраться с мыслями!

— Пять, — великодушно разрешил Уотерс. — С половиною. Нэнси, детка, задай нам, пожалуйста, размер.

В тишине разгромленного гипермаркета раздался усиленный через динамики мерный стук метронома, коий отсчитывал время, оставшееся Мягкому Крабу до перехода в Гулкую Пустоту.

— Хопа, пацаны! А вот и я!..

Неугомонный Васаби Третий Хрен воплотился в очередной раз. Теперь материалом для плотного тела ему послужили без числа разбросанные по полу обледенелые трупки лангустов, омаров, креветок, кальмаров, крабов и прочих панцирных океанических обитателей, коих зоологическая классификация видов категорически не позволяет именовать рыбами, как, впрочем, и китов с дельфинами, которых тем не менее на полу гипермаркета отнюдь не было. Престранное нечто, похожее на гигантского ледяного кузнечика, воздвиглось за спиной у Нэнси, задрало плоскую морду к потолку, издало тоскливый утробный рев и всей массой обрушилось на обернувшуюся в испуге женщину, одновременно распадаясь на составляющие — Васаби потратил сегодня слишком много сил и был уже не способен на сколь-нибудь продолжительное воплощение. Дождь ледяных морепродуктов застучал по каменному полу.

Острые и твердые, как сталь, клешни и усы морских гадов не успели причинить Нэнси особого вреда, кроме нескольких синяков и царапин. Она скончалась от термического удара. На ее посиневших губах выступил иней, кожа превратилась в холодный пергамент. Глубокозамороженные морепродукты валялись вокруг нее, превращая соприкасающийся с ними воздух в кристаллики ядовито-зеленого снега.

Волоча гитару за ремень, Уотерс медленно, не веря своим глазам, приблизился к месту произошедшей трагедии.

— Нэнси, — утасающим голосом проговорил он, опускаясь на колени перед бездыханным телом подружки, — как же это?.. Ooooh babe! Don't leave me now... How could you go? When you know how I need you to beat to a pulp on a saturday night...

— Мужик, ты это... — Прихрамывая, Кани осторожно подошел сзади, попытался положить Уотерсу лапу на плечо. — Ты не обижайся. Ну, так получилось... Пацаны не хотели...

Не оглядываясь, Уотерс резко взмахнул рукой и располовинил Мягкого Краба ребром ладони, по которому стремительно проскользнули голубые и сиреневые искры. Две бесформенные груды земли, некогда бывшие командиром подразделения големов, глухо ударились об пол.

— Нэнси, — жалобно проговорил Уотерс, глядя в никуда. Как всякий аутист, он не умел душевно страдать и даже не знал толком, как это правильно делается. Пока он осознавал с ужасом лишь одно: о внятном эспрессо и распарованных точно по оттенку носках после стирки ему придется забыть на неопределенно долгое время. Возможно, навсегда.

За его спиной послышалось вкрадчивое шевеление. Хаотично разбросанные по полу предметы медленно, но целеустремленно сползались, притягиваясь друг к другу, явно образуя нечто огромное и страшное. Уотерс привстал, обернулся через плечо и задумчиво наблюдал, как в десятке метров от него неудержимо воздвигается гигантское чудовище. За основу для креатуры явно был принят ледяной кузнечик Васаби. Опираясь на шесть суставчатых ног, существо неторопливо пожевывало широкими хелицерами, бессмысленно глядя мимо боевого мага выпуклыми фасеточными глазами. Возможно, именно так выглядел бы Маммона, соблаговоли он лично воплотиться в плотном теле для защиты своего зиккурата.

— Блин, ну и цирк... — бормотало чудовище на несколько голосов. — Эй, сухопутные, хорош толкаться!.. А чего, я всегда любила групповухи. Господа, вы звери, господа!.. Йомалаут, ну прими же вправо, елки! Убери ногу!.. Ат, дэв

побери! Мастабарру! Пацаны, кто испортил воздух?.. Слушай, ты, чмо худое, ты что, не в курсе, что семьи достойных комбатантов трогать строго запрещается? Под трибунал пойдешь, сука, он же озверееет сейчас... А у тебя, к примеру, базука есть?.. Цыц, ребята, он на нас смотрит!..

Чудовище замолчало и выжидающе уставилось на Уотерса.

— So ya, — произнес срывающимся голосом тот, поднимая гитару, словно автомат Калашникова. — Thought ya.

Его тон не предвещал нововоплотившимся големам ничего хорошего.

— Спаяшем?.. — нагло предложило чудовище голосом Васаби Тертого Хрена.

И вот тут-то началось самое интересное из того, что произошло этим бурным вечером.

Московский мэр вихрем взлетел по ступеням башни мэрии, бросил кепкой в направлении вешалки, пожал руку своему падавану — молодому человеку в деловом костюме, поднявшемуся при его появлении с гостевого диванчика, — велел секретарше сделать два чая с медом и не впускать никого, кроме референта, после чего прошел в свой кабинет и жестом пригласил падавана следовать за собой. В кабинете он первым делом опустил в кресло, включил компьютер, ввел длинный пароль и начал быстро пролистывать последние сводки ГУВД. Молодой человек, заняв кресло напротив, почтительно молчал, неторопливо перебирая четки с кипарисовым пацификом вместо креста.

— Сколько? — проронил наконец мэр, не отрываясь от монитора.

— Триста тридцать один, Юрий Михайлович. Это только те, что целиком. Там еще фрагментов тел — несколько машин.

— Не вовремя, — пробормотал мэр, ожесточенно орудуя мышью, — вот не вовремя... Инвесторы и так морщатся... А сейчас вовсе нельзя, чтобы это всплыло. Не видать тогда нам Олимпиады, как своих трахей...

— Люди в черном сработали оперативно, — доложил падаван. — Все утечки информации перекрыты. Два человека

зачищены. Очевидцам и пострадавшим откорректированы воспоминания. Единственная проблема — по какой статье списывать материал. Дорожные происшествия?..

— Слушай, число погибших в дорожных происшествиях не резиновое, однако! На прошлой неделе уже списали под эту статью девяносто семь человек в Южном Бутове. Запаятовал? Поднимется хай, что не обеспечиваем в должной мере безопасность дорожного движения. Нас мигом сожрут...

— Может быть, раскидать тогда на увеличившееся количество смертей от СПИДа?.. Это уж точно никто не проверит. Мы каждый год резервируем под это дело на тысячу мест больше, чем в предыдущем, — делаем вид, что заболеваемость потихоньку растет. Это беспокоит обывателя, но лишь постольку-поскольку. У него есть проблемы поважнее.

— Только все должно быть четко и без сбоев. Информацию для ТВЦ необходимо подготовить через три часа. Взрыв цистерны с горючим, повредивший здание «Макдоналдса». Четыре человека получили ожоги, погибших нет. Рестораны и «Ашан» — закрыть на ремонт. В районе северного выхода из «Марьино» огородить все бетонным забором к чертовой матери. Общегосударственные каналы и газетных писак не подпускать на пушечный выстрел. Не дай бог пронюхает какая-нибудь акула пера — предупреждаю сразу: полетят головы.

— Ну, президенту паника в столице тоже ни к чему. Думаю, сумеем договориться, чтобы он слегка прикрутил кислород общегосударственным каналам.

Секретарша принесла чай, и они замолчали.

— Уотерса уже доставили? — спросил мэр, когда девушка вышла.

— Так точно.

— Во имя Альмонсина-Метатрона, какая досада, что у него убили подругу! Как он себя чувствует?

— В шоке. Кремлевские врачи накачали его стабилизаторами и уложили спать в «Президент-отеле». Ничего, аутисты — крепкий народ.

— Крепкий-то крепкий... — Мэр поморщился, украдкой массируя поджелудочную железу. — Тем не менее он едва

не погиб. Последний поединок, с тем большим монстром — он же выиграл только чудом, практически по очкам! Когда он придет в себя, надо будет еще раз прокрутить запись и разобрать всем вместе допущенные ошибки... — Он помолчал. — Как ты думаешь, не слишком ли мы доверяем легионерам? Не пора ли наконец воспитывать собственные кадры? Если с Уотерсом что-нибудь случится, что будем делать? Маккартни после того инцидента на Красной площади к нам больше ни ногой. Да и Уотерс — что? Скажет: у меня в России убили подругу, ну вас на хрен, поехал-ка я домой...

— Юрий Михайлович! — Падаван страдальчески опустил уголки губ. — Ну кого мы с вами воспитаем? Две всего фигуры в России, по могуществу хоть как-то приближающиеся к Уотерсу: Пугачева и БГ. Но Пугачева, извиняюсь, сама скорее нас с вами воспитает и построит по стойке «мирно», а БГ — убежденный буддист: какая-то сволочь вбила ему в юности в голову, что не стоит противиться злу насильем. Кто еще способен претендовать на звание магистра хотя бы в ближайшие десять лет? Земфира? Глюкоза? Мумий Троль?..

— Надо было делать пару могучих боевых магов из «Тату», — устало произнес мэр. — Сразу, с самого детства. Как только прорезался потенциал.

— Поздно теперь. Славные были девчонки, вечная память...

— Есть, конечно, еще кандидатуры... — задумчиво проговорил мэр.

— Вы имеете в виду ведомственных боевых магов?... М-да. Близок локоть, да не укусишь. Там такие бабки вращаются и на таких уровнях, что не стоит и соваться...

— Да в курсе я, в курсе, — проворчал мэр. — И все равно с рунархом РАО «ЕЭС» мы рано или поздно сочтемся.

— Юрий Михайлович, наши бокоры делают все возможное, но вы ведь понимаете, Рыжего экранируют лучшие маги его ведомства...

— Понимаю, не оправдывайся, — махнул рукой мэр. — Плетью обуха не перешибешь... — Он вздохнул. — Устал я. Смертельно устал. Наверное, не буду выдвигаться на очередной срок. Хотя звезды благоволят мне и гаруспики заяв-

ляют, что Абсолют не станет возражать против небольшой поправки к конституции. Правила правилами, а московский мэр все-таки уникален, и в истории немало примеров того, как великие герои устанавливали новые правила для игры с мирозданием. Однако я больше не могу. Не могу. Устал смертельно от всего этого.

— Понимаю, Юрий Михайлович.

Мэр вылез из-за стола, подошел к окну, бросил тоскливый взгляд на панораму Москвы. Падаван почтительно развернулся вместе с креслом в его сторону.

— И дернул же нас черт принять к массовой застройке серию жилых домов П44Т, которые снаружи обкладывают красным кирпичом, — безнадежно проговорил мэр. — Раньше еще как-то можно было обманывать Провидение, но теперь Москва — однозначно великая Багряная Блудница из пророчества. Кремль, Красная площадь, старое здание мэрии, теперь еще и эта злополучная серия домов... Необходимое условие выполнено, пророчество начало сбываться. Дальше будет только хуже.

— Что предсказывает оракул? — осторожно осведомился падаван.

Мэр с неудовольствием покосился на терафим, который был установлен на журнальном столике в дальнем конце кабинета. Терафим изготовили неделю назад из отсеченной головы младенца, коя покоилась на серебряном блюде, и от него уже весьма ощутимо припахивало.

— Я уже боюсь вопрошать. Последние оракулы были совершенно беспросветны, и истолковать их в положительном смысле невозможно никак, хоть ты тресни.

— Печально.

— Не то слово.

Мэр подошел к окну, с тоской уперся лбом в поляризованное стекло, озирая с высоты магической башни растилающуюся у его ног агонизирующую Багряную Блудницу. Откуда-то из Хорошево-Мневников поднимался в безразличное серое небо плотный столб жирного дыма. Подозрительное бледное зарево мерцало над МИФИ. Огромный мерзкий эгрегор боли колыхался над институтом Склифосовского, глубоко погрузив толстые полупрозрачные шу-

пальца в распахнутые по случаю жары окна больничного корпуса; щупальца подергивались и конвульсивно сокращались, словно шланги, подсоединенные к аварийной помпе, коя жадно откачивает морскую воду из трюма. Немного правее башни мэрии, на Садовом кольце, вспыхивали яростные сполохи в небе: боевые маги РПЦ деловито жгли в воздухе полчища горгулий, пытавшихся прорваться к Большому театру со стороны аэропорта Шереметьево-2. Дружественный голем, разъезжая по крыше театра на квадриге каменных лошадей, сбрасывал вниз зажигательные бомбы, что изредка роняли на крышу отдельные прорвавшиеся враги. Над куполом храма Христа Спасителя бились обитающие в нем эгрегор и злоим, в очередной раз не поделившие паству и инвестиции; куски сусального золота разлетались во все стороны и сыпались на набережную, калеча прохожих и припаркованные автомобили. Массивный золоченый крест, венчавший купол, внезапно накренился, полетел вниз и вонзился в асфальт, словно огромный тесак. Спустившись в грязную воду со своего постамент на стрелке Москвы-реки возле кинотеатра «Ударник», огромный черный царь Петр уверенно форсировал водную артерию, стремясь приблизиться к месту битвы; на противоположном берегу, у основания Патриаршего моста, его появления уже дожидалась в полной готовности артиллерийская батарея Министерства чрезвычайных ситуаций, инспектора дорожно-патрульной службы спешно перекрывали движение по Берсеневской набережной.

Идеальный умозрительный наблюдатель, который как раз висел вверх ногами в пространстве по ту сторону стекла и смотрел невидимыми глазами в лицо мэру, сокрушенно покачал головой, закурил ароматную сигариллу, бросил вниз использованную спичку, оставившую в воздухе короткий дымный росчерк, и беззвучно растворился в окружающей среде.

НЕБО

ерег на той стороне реки был крутым, заросшим наглою осокой. У кромки воды торчали ветви козьей ивы, с которых свисала засохшая тина, похожая на паклю.

— А трава-то примята, — отметил Дубенко.

Он лежал среди молодых березок и разглядывал этот самый берег в бинокль. Полноватый, черноволосый, вдумчивый и рассудительный — до войны он работал плотником на селе. Говорят, был лучшим в районе.

— Самое удобное место, чтобы незаметно переплыть реку, — ответил Волков, придавив растопыренной пятерней сползающую фуражку. Его череп, угловатый и на редкость крупный, выделялся над щуплой фигурой, отчего командир разведроты казался эдаким головастиком.

Дубенко аккуратно сложил бинокль в рыжий чехол, застегнул кнопку и обратился к карте. За излучиной прогремел взрыв, стая перепелов в той стороне вспорхнула в небо.

— Переправа — твой первый пункт, — сообщил Волков.

— А всего сколько?

— Всего четыре. Но переправа — первый.

Исписанным карандашом ротный попытался прочертить на карте отрезок, но только продавил лист. Крякнув от досады, он высыпал из планшета остальные, но и те оказались не лучше.

Пока Николаич хлопал себя по карманам в поисках затерявшегося огрызка, задумчивый Дубенко подобрал карандаш и заточил его несколькими мастерскими взмахами ножа.

— Вот дьявол! — растерянно пробормотал командир, принимая карандаш, больше похожий на маленький шедевр.

Сам он так не умел орудовать ножом. Обычно Волков спешно срезал рубашку, чтобы только обнажить графит и

начать писать. Поэтому обитатели его планшета в большинстве своем напоминали инвалидов.

— Давай дальше, — попросил Дубенко, очиняя следующий.

— Пункт два. Заболоченная низина, по которой вы пройдете до этой рощи. — Ротный заключил топографическую рощу в круг и испытал от правильно оточенного карандаша маленькое счастье. — Пункт три. За рощей стоит моторизованный полк. Здесь перелески, балки, овраги — укрыться есть где. Пройдете как будет удобнее. И уже дальше, вот здесь, возле полустанка обнаружите колонну грузовиков.

— Что за колонна? — Витя убрал нож, на воценом листе карты остались четыре красавца. Пятым командир роты сейчас заштриховывал прямоугольник, обозначавший полустанок Ярмолино.

— Это вам и нужно выяснить. Это ваш пункт четыре. — Волков облизнул губы, испытывая острую потребность в куреве. — В штабе дивизии планируют танковое наступление. Где — не скажу, потому как сам не знаю. Полковая разведка проведена, вроде все готово. И вдруг — бац! Пришла эта колонна, которую охраняют так, словно кузова доверху набиты золотом. Случайно грузовики появились перед самым наступлением или нет? В штабе не хотят рисковать, поэтому Федорычев настоятельно просил выяснить, что там.

— Выясним, — кивнул Дубенко, глядя с прищуром на противоположный берег.

Этот кивок, едва заметное движение подбородком, многое значил для людей, знакомых с ним. С Витей, который был когда-то лучшим плотником сельского района, а сейчас, в конце лета сорок третьего, по праву считался лучшим разведчиком роты... Так он кивнул комдиву, который попросил привести «технического языка». Сквозь тройную линию обороны Дубенко ушел один. Вместо шести дней, отпущенных на поход в тыл врага, пропал на полторы недели. Все думали, что погиб. Но он вернулся. И притащил на себе целого полковника инженерных войск.

— Наш позывной — Земля, ваш — Небо, — говорил Волков. — Частота та же, что и позавчера. Докладывать будешь после выполнения каждого из четырех пунктов, комполка

так просил. Пойдете сегодня, как стемнеет. На все про все у тебя ночь и день.

— Угу.

— И это... аккуратнее иди. Немцы округу из минометов простреливают.

— Слушай, Николаич, мина ведь нас не спрашивает, куда ей падать, — философски заметил Дубенко. — Если положено нам на голову, никуда от нее не деться.

— Так-то оно так. Но я говорю про другое. Если вдруг учуешь чего, если какие голоса внутри себя услышишь: мол, не ходи туда и не делай того, — значит, включи на полную свое радио и делай так, как оно вещает. Вот я чего хочу сказать.

— Понял. Значит, под бомбами не ходить, от пуль в стороне держаться.

Он в который раз задумчиво посмотрел на противоположный берег. А на их берегу, где-то на другом конце разрушенной деревни, снова ухнул взрыв, за которым послышался треск падающих деревьев.

— Какой-то ты сегодня сам не свой, Витя, — сказал Волков. — Что за муха тебя укусила?

— Да все нормально. Глянул на речку, и дом вспомнился. Сразу захотелось своих повидать: Веру, младшего. Катька небось девица уже, тоже охота глянуть. — Дубенко помолчал, закусив нижнюю губу, которая начисто исчезла под копной усов. — Знаешь, мы с ребятами решили после войны в одном месте поселиться. Восемнадцать месяцев вместе через линию фронта ходим, будто срослись за это время. Хотим, чтобы наши дома рядом стояли. Все ведь деревенские. Хозяйство перевезем, без работы не останемся. Мужики с руками везде нужны. Как думаешь, получится?

— Здорово. — Волков попытался скрыть сомнение. Кажется, получилось. — Мне бы с вами. Но я городской.

Когда опустились сумерки, Волков пришел на край деревни к овощному погребу, в котором готовились к заданию четверо разведчиков. Докуривая трофейную сигарету, он остановился возле темного земляного бугра...

А парой метров ниже при свете керосиновой лампы бойцы, оставшись в чем мать родила, укладывали одежду в кули.

Посторонний мог подумать, что мужики собираются в баню, только лица мужиков были чересчур сосредоточенные, словно это была самая важная помывка в их жизни.

Дубенко собирал свой узел неспешно и основательно, выверяя каждую складку. Рядом с ним Серега Тюрин, резкий в движениях, весь покрытый волосами, словно шерстью, уже завязал свой куль и беспокойно вертелся.

— Ну на кой ты так выкладываешь, Витек, словно на выставку народного хозяйства? Все равно скоро развязывать!

— Это я чтоб твой голос услышать, — ответил Дубенко. — Ведь страшно сказать: целых четыре часа мучился, пока ты спал!

— Не переживай, браток! Впереди ночь и день... — Вниманием Тюрина уже завладел другой куль. — А ты как вяжешь, Антоха? Ну что это за узел? Он же у тебя развалится посереде реки! Всю ночь будешь шаровары по камышам собирать!

Молчаливый Антон-младший только ухмыльнулся. Вместо него к Тюрину придвинулся старший «брат»:

— Ну давай, Сережа, научи нас, как в разведку ходить. Заодно Расскажи, зачем ты в прошлый раз зимний маскхлат в свой куль завернул.

Худощавые и жилистые Антоны были похожи друг на друга лишь фигурами. Многие за глаза называли их братьями, хотя в лицах не было сходства, а уж характерами они и вовсе были противоположными. Первый Антон, что постарше, хорошо знающий немецкий, слыл открытым и добродушным парнем, легко сходящимся с людьми. Второй, что помоложе, отвечавший за рацию, был серьезен и задумчив. В свободное время «младший брат» чертил в тетрасточке электрические схемы. В такие моменты Тюрин обычно говорил: «Во! Опять наш Кулибин электроны гоняет. Смотри, не рассыпь по окопу!»

— Думал, я маскировку перепутал, да? — обиделся Тюрин. — Ты просто не проникся моей военной хитростью! Да меня... — Он подумал. — Меня в прачечной у фрицев было в бинокль не разглядеть! Да я там как медуза в чайнике был — хрен отыщешь! Это вы в своих болотных торчали у всех на виду!

В момент этого откровения в погреб спустился Волков, пышущий трофейным никотином.

— О, командир пришел! — обрадовался Тюрин. — Николаич, угости сигареткой! А то с этих голяков и взять-то нечего!

...Они курили, впятером устроившись на одной лавке. Снаружи гремели далекие взрывы, а под сводами погребка не утихал Серега Тюрин, зажатый между Антоном-младшим и ротным. Извергаемые им потоки слов вливались в табачный туман, вместе с ним оплетали голых солдат, лезли в ноздри и глаза, стелились по своду погребка.

Волков тоже курил, потому что хотел поддержать ребят, побыть с ними, может, частично влиться в замкнутый и устоявшийся коллектив. А еще он чувствовал себя неудобно, потому как был единственным в одежде. Каково было бы, если бы он еще и не курил?

Сигареты быстро превратились в мятые чинарики. Затупив их, поднялись. Теперь уже в тишине по очереди сдали командиру солдатские книжки, партийные и комсомольские билеты, ордена. Фотографии жен и детей, а также письма от них Волков поместил в отдельный карман планшета.

Дубенко пригладил волосы, затем усы. Шумно выдохнул.

— Возьми!

На одно плечо разведчики подняли по автомобильному баллону, на которых предстояло переправляться через реку. На другое закинули по пистолету-пулемету Сударева — легкому, удобному, со складывающимся прикладом. Подобрали кули (Антон-младший водрузил на себя ящик с РБМ). По одному стали выбираться из погреба.

Антонны прошли, по очереди пожав командиру руку. Один улыбнулся, второй лишь качнул головой.

Тюрин неожиданно задержался. Выглядел он на удивление смущенным, в костлявом кулаке мял треугольное письмо.

— Тут... моим... — Вся его говорливость куда-то подевалась. — Ежели что. А, Николаич?

Волков взял письмо и кивнул.

Последним выходил Дубенко. Ротный стиснул его твердую ладонь.

— Докладывай по каждому пункту. О времени не договариваюсь. Вызывать будем постоянно.

— Хорошо.

— Доберись до этих грузовиков, Витя.

— Не волнуйся. Все сделаем.

Ротный вылез из погребка последним, распрямился и вдохнул полной грудью прохладный сырой воздух.

Разведчиков встретил Гриша Остапов, назначенный наблюдать за переправой и в случае чего помочь. Остапов умудрился где-то застудиться и теперь негромко, но продолжительно кряхтел и кашлял. Четверка нагих бойцов с баллонами на плечах, кулями и автоматами вскоре растворилась в темноте, и Волков направился в свой блиндаж, откуда предстояло следить за походом во вражеский тыл.

Радист, робкий светлоглазый паренек лет восемнадцати, настраивал волну. Треск и завывания эфира наполнили тесное помещение. У дальней стены на ящике из-под снарядов стоял телефон — тяжелый квадратный блок с трубкой. Волков подумал, что нужно бы заварить крепкого чаю. Ночь обещала быть долгой.

Снаружи грянул еще один взрыв, и по земляному полу пробежала короткая дрожь. Взрыв показался ему ближе, чем предыдущие. Ротный по инерции посмотрел в ту сторону и вместо чайника взял телефонную трубку.

— Слушаю, — раздалось на другом конце провода.

— Товарищ гвардии майор. Ушли.

— Докладывай по каждому пункту. — Собеседник помедлил и добавил: — Мы тут тоже не спим.

— Есть, товарищ гвардии майор!

— Давай, Николаич, до связи.

Вернув трубку на базу, Волков постоял в задумчивости.

— Чай будешь? — спросил он у молодого радиста.

— Нет, спасибо, — смутился парень.

— Попей чайку-то. Ночь предстоит долгая. А ты мне тут бодрячком нужен.

— Нет, я не усну! — Радист смутился еще больше, повер-

нулся к станции и повторил несколько раз: — Небо, Небо, я Земля! Небо, я Земля!

Волков пожал плечами и стал наливать воду в чайник. Когда фляга опустела, он услышал со стороны входа знакомое покашливание. Ротный оглянулся на Остапова, который протискивался в дверной проем.

— Ну что, переплыли? — спросил он, накручивая пробку на горлышко фляги. — Чай будешь?

Приступ кашля согнул Остапова. Он наметился пристесть на лавку, но промахнулся и съехал по стене на пол. Удивленный Волков шагнул к подчиненному. И только тогда обратил внимание на его бледное перекошенное лицо.

— Николаич... — Остапов выдал в кулак такую очередь, словно собирался выхаркнуть свои легкие. — Николаич, мина... Прямо в них! Даже в воду не успели ступить...

Глядя на Остапова, Волков внезапно ощутил внутри себя пустоту. Вернее, не совсем пустоту. По груди словно прошелся невидимый нож, который одним махом срезал верхушки его чувств, оставив бесполезные стебли и корни. Радость, грусть, тревога о бойцах, которых он отправил за линию фронта, воспоминания о последней встрече с ними — все это вдруг стало для него чужим и далеким.

Он зачем-то достал из кармана письмо Тюрина. Выведенный химическим карандашом адрес в одном месте уже расплылся.

— Всех четверых накрыло! — истерично говорил сидящий на полу Остапов. — Прямо на берегу. Обоих Антонов в куски, Тюрина осколками! Один Витя лежит целенький. Но он тоже мертвый, у него кровь из ушей... Как же это, Николаич?

— Пошли, — сказал Волков и не узнал своего голоса.

Небо загоразивали темные тучи. Вода в реке казалась смолью, а сама река мрачной и чужой. Совсем не такой, какой она была днем, когда они лежали среди березок, когда Волков раскладывал по пунктам задание, а Витя точил карандаши, превращая их в маленькие шедевры.

Трудно, почти невозможно поверить, что от группы Дубенко никого не осталось. Не прошло и десяти минут, как Волков разговаривал с ребятами, как они вместе курили в

зброшенной землянке, слуша́я грохот далеких разрывов и трескотню Тюрина.

Он не поверил и тогда, когда увидел разбросанные по берегу запорошенные песком тела.

— Это не они, — поведал он.

Остапов испуганно посмотрел на командира.

— То есть как?

— Не они. Не видишь, что ли? Те разговаривали и были живыми.

— А теперь они мертвые, — объяснил боец.

На этих словах его пробило. Половинки обрезанных чувств вернулись. На грудь навалилась чутунная тяжесть.

...Около получаса они собирали тела в старую санитарную палатку, которую Остапов притащил из обоза. Он хотел позвать еще кого-нибудь из бойцов, но Волков с излишней резкостью ответил, что двоих достаточно.

Складывая останки в брезент, он пытался подавить горечь равнодушными мыслями о заботах и делах, которые предстоят. Он всегда так делал, когда терял друзей. Тогда потерю легче переносить. Вот и сейчас он пытался думать о том, что делать дальше. Ведь задание никто не отменял.

Жутко хотелось закурить сигарету — так хотелось, что сводило челюсти. Но это было самое глупое, что он мог сотворить на открытом со всех сторон речном берегу.

Нужно в спешном порядке собирать еще одну группу. Прямо сейчас будить Савельева или Кикнадзе, их ребят. Собирать, переправлять на ту сторону, пока темно, пока есть возможность остаться незамеченными. Савельев и Кикнадзе — неплохие разведчики. Правда, не такие, как...

Витя казался целым, только от ушей по щекам тянулись две темные струйки. Осколок вошел в лоб, под волосы. Но не это было главным, а Витины распахнутые глаза, в которых стоял предсмертный ужас. Возможно, Дубенко заметил мину, что падала на них. А может, успел ее почувствовать, как о том говорил Волков. Только предчувствие не спасло. Оно лишь вогнало страх в Витины глаза. Николаич поспешил закрыть их, потому что предсмертный взгляд был лживым и не соответствовал тому человеку, которого все знали.

— Эх, Витя, Витя! — простонал Волков.

Они перетащили тела в погреб, в котором бойцы готовились к походу. Последнему, как выяснилось. Среди запаха прелых овощей в воздухе еще различался табачный дым и, казалось, еще слышался неутомонный голос Сереги Тюрина.

Волков вернулся в блиндаж заторможенным, будто с недосыпу. Проходя через проем, больно ударился о брус косяка. Радист сидел, как пришпиленный к табурету, ибо не получил приказа, что операция закончена. Станция работала, из динамика раздавался треск помех. Неуверенным голосом радист передавал в эфир позывные группы, и Волков подумал, что в данных обстоятельствах это выглядит невообразимо глупо.

— Гаси, — глухо приказал он.

Парень обернулся. Лицо у него было таким, словно кто-то его ударил — несправедливо и больно. Взгляд задержался на руках ротного. Волков посмотрел на свои ладони и обнаружил, что они перепачканы кровью.

Он полез в нагрудный карман за платком и измазал гимнастерку.

В этот момент треск из динамика сделался громче. И сквозь него прорезался голос:

— Земля, Земля, я Небо!

Сидя спиной к радиостанции, молодой радист очумевшими глазами смотрел на командира роты, который замер с окровавленным платком в руках. А позади продолжало раздаваться:

— Земля, Земля, я Небо! Я Небо! Как слышите?..

Парень медленно повернулся к аппарату и с изумлением посмотрел на шкалы настройки, словно видел их первый раз в жизни.

Волков обессиленно опустил на лавку.

— Что мне делать? — дрожащим голосом спросил радист.

— Ответь, раз вызывают.

— Небо, Небо, я Земля! — суетно заговорил радист, припав к микрофону. — Слышим вас. Слышим!

— Земля... — Помехи притушили голос, но через секунду тот возник вновь: — ...слышим плохо!

— Небо, говорите! Слышим вас нормально!

— Ага... — Снова треск помех. — Сообщаю, что прошли пункт один! Прошли пункт... Движемся по пункту два! По пункту два! Как поняли? Как поняли? Прием!

Если бы разорванные тела разведчиков не лежали сейчас в погребке на окраине разрушенной деревни, если бы Волков не оттащил их туда собственными руками, то из этого сообщения он понял бы, что группа Дубенко переправилась через реку и сейчас движется по болотам.

...А еще он узнал голос Антона-младшего...

— Поняли вас, поняли! — отвечал радист.

— До связи, Земля!

Голос исчез. Пространство под тяжелым сводом блиндажа вновь наполнилось треском необитаемого эфира. Вещи и люди в помещении остались прежними: стол, который заняла громоздкая станция, зеленый лицом радист рядом с ней, у дальней стены угрюмый телефон, а посередине он, гвардии старший лейтенант Волков. Все были на своих местах, все выполняли свою функцию.

Но что-то изменилось.

— Что мне делать? — спросил радист.

— То же, что и раньше.

— Но... тот боец говорил, что разведчики погибли.

— Кто погиб? Ты что, не слышал? — Волков сердито сверкнул глазами, закинув платок в карман. — Они сейчас на болотах! Как пройдут, доложатся.

Звонок телефона врезал по нервам.

— Ну, как у вас? — раздался из трубки голос начальника разведки.

«Как у нас? — растерянно подумал Волков. — Четыре трупа в овощном погребке, вот как у нас!»

— Реку перешли, — произнес он в эбонитовую чашечку. Сглотнул и добавил: — Сейчас по болотам идут.

— Так это ж хорошо! А почему не докладываешь? Мы тут волнуемся, не случилось ли чего?

Он с удивлением отметил, что руки у него не дрожат.

— Виноват, товарищ гвардии майор.

— Докладывай, как будет развиваться.

Волков положил трубку, вышел из блиндажа и упал на землю.

Он уже не был уверен в своих словах, сказанных радисту. Он уже не был уверен в том, что слышал голос Антона-младшего, хотя никакой он не младший. Но он не верил. Потому что стоило пройти полторы сотни метров, спуститься в погреб, сдернуть брезент, и перед ним предстанет Витя с искаженным от страха лицом и пробитым черепом. И все иллюзии тут же развеются.

Полежав на земле, Волков поднялся. Стряхнул с коленей чернозем и вернулся в блиндаж.

Радист продолжал вызывать Небо. Волков прошел мимо него, запалил керосинку — благо чайник стоял на конфорке залитый.

— Чай будешь?

Радист подпрыгнул на своем табурете.

— Буду, — хрипло отозвался он.

— Вот и молодец.

Лучше всего не думать о погребе. Все шло так, будто ничего не случилось. Вот он заваривает чай, который и собирался заварить. Вот дует в кружку, чтобы остудить чай, а рядом дует в кружку радист, который сперва пить не хотел. Они сидят, дуют на чай и с трепетом ожидают следующего сообщения, которое раздастся непонятно откуда и непонятно через что — обломки разбитой РБМ тоже покоились в погребе. Но не думать об этом! Все обстояло так, как и должно. Словно не было кашляющего Остапова, севшего мимо лавки. Словно он сам не собирал останки тел, которые были разбросаны по берегу точно ненужные вещи.

Однако избавиться от мыслей все равно не получилось. И Волков продолжал думать о телах из погреба и голосе из эфира. Он пытался свести эти противоречивые факты воедино, поставить их на твердую почву логики, но по прошествии половины ночи ощутил, что начинает терять связь с реальностью, а мозги медленно съезжают набекрень.

Как ни парадоксально, в реальность его вернул вновь раздавшийся из динамика голос:

— Земля, Земля! Я Небо! Я Небо! Как слышите?

Снова Антон. Слышен хуже, чем в прошлый раз. Но все равно...

— Небо, Небо, я Земля! Слышим вас! — Радист отвечал, немного волнуясь, но уже не суетился.

— Земля, плохо вас... Прошли пункт два! Прошли пункт два! Все нормально! Видим поросят. Много поросят, но пройти можно! Как слышите? Прием!

— Слышим вас! Прошли пункт два, наблюдаете поросят.

Волков едва сдержался, чтобы не отобрать у него микрофон. Он сам не знал, что будет говорить, да это и неважно. Просто хотелось убедиться, что ему отвечает настоящий, живой Антон-младший. Ведь его тетрадка с зарисовками электрических схем тоже лежала сейчас в командирском планшете.

— Плохо вас слышно! — говорил Антон. — После пункта три на связь не выйдем. Опасно! Повторяю: после пункта три на связь не выйдем! Следующая связь после пункта четыре! Счастливо...

Это «счастливо» растворилось в треске помех. Волков посмотрел в пустую кружку.

— Я, наверное, свихнусь, — поведал он ей.

Он сухо доложил в штаб о новом сообщении, затем отправился в одну из уцелевших изб.

На полу погруженных во мрак комнат мирно почивали около двух десятков бойцов. По воздуху разливалась замысловатая смесь из кряхтенья, храпов, бормотанья, тиканья настенных ходиков. Осторожно ступая между рук, голов и вещевых мешков, Николаич выделил из этих звуков знакомое покашливание и двинулся в сторону его.

Выведенный к околице Остапов изумленно таращился на командира. Прежде чем заговорить, Волков долго и задумчиво смотрел куда-то в темноту.

— Ты кому рассказывал о том, что случилось?

— Никому, — ответил Остапов, изрядно напуганный слегка сумасшедшим лицом командира.

— И не рассказывай.

— А как же...

— Я сам, когда придет время. А ты помалкивай о погребке. Уразумел?

Вместо ответа Остапов залился своим опостылевшим кашлем, который в этот раз получился несколько заинтриго-

ванным. Отправив бойца обратно в избу, Николаич некоторое время задумчиво рассматривал заслоненное тучами небо. Затем вернулся в блиндаж.

Нового сообщения не было. Он опустил на лавку и уткнулся на бритый затылок радиста.

Монотонные позывные убаюкивали, и ротный незаметно уснул, уронив крупную голову на грудь. И снилось ему, будто он продолжает сидеть на лавке; снаружи ночь, а он все смотрит в затылок радисту и ждет нового донесения из ниоткуда.

Из дремоты его вырвал громкий голос:

— Небо, Небо! Я Земля! Слушаю вас! Слушаю!

Солнечный свет пробивался сквозь щель в пологе, сооруженном из плащ-палатки. Волков вытер мозолистой ладонью лицо и проворно поднялся.

— Земля. Я Небо... — говорил сам Дубенко. Николаич едва не ошалел от счастья, услышав Витин голос. — Добрались до пункта четыре. Добрались!

Он сам не заметил, как оттеснил радиста от микрофона.

— Что там, Витя? Что?

— Мы добрались до грузовиков. Там в ящиках... ружья, стреляющие гранатами! Повторяю! Ружья, стреляющие гранатами! Немцы называют... «Панцерфауст». Море ящиков! Третий день развозят по... — Короткий гудок. — ...говорит, насквозь прожигают танк. Повторяю: с тридцати метров прожигают танк. Как слышно, прием?

— Слышу, Витя! Слышу!

Дубенко сделал паузу.

— Николаич!

— Я, Витя! Я!

— Николаич... тут происходит что-то странное... — Голос потух, съеденный помехами, затем появился вновь. — Сереге худо. И еще эти... — Опять помехи. — ...нас преследуют всюду. И у них нет ртов!

— Витя, возвращайтесь! Слышишь меня? Возвращайтесь!

— Я вас почти не слышу, Земля! Но мы возвращаемся. Мы идем домой! Конеч...и!

Волков еще долго стоял возле радиста, который вопроси-

тельно поглядывал на него снизу вверх. Когда удары молота в груди утихли и Николаич смог вздохнуть, он двинулся к телефону.

— «Панцерфауст»? — удивленно переспросил начальник разведки и сказал в сторону: — «Панцерфауст», товарищ полковник. Не те это штуковины, из-за которых Боровский потерял больше половины танков?

Короткое молчание, после которого раздался басистый голос:

— Звоню в штаб дивизии. Нужно менять план наступления... — Пауза, в которой Волков угадал затяжку от папиросы. — Да, поблагодари своих. Скажи, для каждого буду ходатайствовать об увольнительной на родину.

Майор вернулся к трубке:

— Слышал, Николаич? От имени командира полка выражаю благодарность тебе и ребятам! Потом еще будет приказ о награждении!.. Слышишь меня? Але! Слышишь?

— Да, — ответил Волков. — Слышу.

...День пролетел незаметно. Настал вечер. В ожидании нового сообщения Николаич больше не выбирался наружу. Сменщика радиста он отправил назад — новый человек не нужен, да паренек и сам отказался уходить. Потом явился Остапов с двумя котелками гречневой каши. Пока проголодавшийся радист уминал ложку за ложкой, Николаич присел на его табурет. В глубине души он надеялся сам получить ответ на позывной «Небо».

Но ответа не было.

Ближе к ночи Волков уже склонялся к мысли, что сообщение Дубенко было последним. Им не вернуться. Куда они могут вернуться? В свои обезображенные тела, которые лежат сейчас в погребке? Это совершенно невозможно. Он не мог себе такого представить. Им некуда возвращаться...

С каждым часом на душе становилось все поганее. Он больше не ждал сообщения, но по-прежнему не выходил из блиндажа и заставлял измотанного радиста снова и снова повторять в эфир позывные.

Это случилось около полуночи, когда Волков сидел с котелком в руках, а рот был набит остывшей гречневой кашей, которая напоминала размякшую плоть. Наверное, по вине

этой ассоциации, что не выходила из головы, он долго не мог проглотить порцию. Именно в этот момент противоборства физиологии и психики из глубины эфира возник голос Дубенко.

— Мы потерялись, — устало говорил Витя. Голос был далеким, словно доносился из другой галактики. — ...не знаю, где оказались. Тут какие-то кривые деревья, земля горячая... — Треск. — ...Из них поднимаются испарения, и дышать невозможно.

Радист испуганно посмотрел на Волкова, который вслушивался в сообщение динамика и не решался проглотить или выплюнуть мерзкую кашу, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Не знаю, куда идти. Но я вижу далекие строения на холме. Тропа ведет туда... но легче спуститься вниз... — Долгий провал связи. — Сереге совсем худо, у него... провалилась грудь... У меня кровь из ушей и все время болит голова...

На этом сообщение оборвалось.

Радист вцепился в микрофон, ожесточенно вызывая группу, но Дубенко не откликнулся. Волков выплюнул кашу в котелок и отставил его в сторону.

Они шли напрямиком туда, куда достойные люди вроде них попадать не должны. Он уже догадывался, чем закончится поход. Даже был уверен. Ведь там с ними начало происходить то, что *здесь* сотворила ухнувшая под ноги мина.

Перед глазами вновь встало лицо Дубенко, искаженное предсмертным страхом.

Ночь за пологом казалась глубокой и бесконечной. Молодой радист уснул, прижавшись щекой к столу так, что губы по-детски съехали в сторону и раскрылись. Волков не стал его будить и сам сел за рацию. Где-то на исходе второго часа, когда тяжелые мысли переполняли голову, он сбился и уже неосознанно повторял омертвевшими губами:

— Витя! Витя, ответь! Витя! Витя! Витя!..

И ответ пришел. Невероятно, но пришел!

Правда, он был таким далеким, словно его не существовало. Словно он был слуховым миражом.

— Николаич! — Кажется, Дубенко был взволнован. Хотя при такой слышимости легко ошибиться. — Забудь о том,

что я говорил в прошлый раз. Все забудь! Тут... ты не позеришь! Мы забрались на холм! Эти строения... это наши дома, понимаешь? Серегин дом напротив моего. Антоны тут же. Стоят рядышком, и такая благодать кругом, что... — Станция взвизгнула, проглотив остаток предложения. — Катька моя и в самом деле вымахала! Николаич, дай нам сутки! И мы вернемся...

Он старался не смотреть на радиста, который проснулся и, хлопая глазами, непонимающе тараторил на командира.

— Да, Серега просил передать... — Волков едва различил эти последние слова. — Не отправляй письмо! Не отправляй! Надобности теперь нет...

Больше от группы Дубенко радиogramм не поступало. Никогда.

Волков сообщил роте и командованию, что группа Дубенко героически погибла, выбираясь из вражеского тыла. А следующей ночью они с Остаповым похоронили тела.

..К лету сорок четвертого года о старшем лейтенанте Волкове, командире разведроты 93-го гвардейского стрелкового полка, ходили две странные байки. Рассказывали, что в планшете у него лежат пять великолепно оточенных карандашей, которыми он никогда не пишет, а только изредка их рассматривает. И еще говорили, что иногда, хлебнув горькой после удачного наступления или взятия города, он присаживается возле радиостанции и, вращая ручку настройки, вслушивается в бездонный эфир.

ДВЕРЬ В ЗИМУ

Но ногам тянуло пронизывающей «майской жарыню». Волька — в драной психоделической футболке, пуховике и шортах —пил вечерний кофе. Пил на балконе, потому что настоящая весна хоть в июне приди, а закаляться путешественнику надо. А еще — потому, что воскресенье. Квартира не убрана.

Но это пустяки. Отубирался, бродяга, больше не придется. Сегодня в путь.

Засыпающая Рига сладко ворочалась в своих бетонных постелях. Люди еще суетились по привычке, но что до них городу?.. Так, морока одна. В светлом небе робко проклюнулась луна. Сосны во дворе тянули к ней загребущие лапы. С высоты девятого этажа было прекрасно видно, что шансов у них нет.

Скоро. Уже совсем скоро... Прихлебывая кофе, Волька одним глазом косился в книжку на коленях. «Мальчик и тьма» Лукьяненко. Читать не хотелось, но что еще прикажете делать, когда осталось так мало? Дымящийся термос, аромат кофе. Крик чайки в стремительно темнеющем небе. Последние четверть часа в этом мире — не основы же интегрального исчисления штудировать.

Ветер растрепал страницы:

«Действительно неважно, за что воевать. И правду можно найти где угодно. Просто выбери вначале, как ты хочешь видеть, — и становись на ту или иную сторону».

Волька вздохнул и бережно отложил книжку. Хватит. Скоро у него будет собственная правда. Будильник в кармане куртки тикал, отмеряя оставшееся время. Еще целых тринадцать с половиной минут!

Сквозь приоткрытую балконную дверь виднелся старенький трехногий шкаф. Выбитым зубом чернел след «Мальчика и тьмы» — среди разноцветья Фрая и строгой го-

тики Лавкрафта. Книжки стояли как попало, некоторые даже вверх ногами. Но все на месте. Ни одну, самую заваливающую книжужку друзья не зачитали. Даже дурацкое и совсем ненужное по работе «Программирование в локальных сетях».

Финней, Хайнлайн, Толкиен. Крапивин — весь. Железны — тоже весь.

Назови, что у тебя в шкафу, говорили древние мудрецы, и мы расскажем всю твою жизнь. А что у тебя под кроватью, храни в тайне. Это твоя душа.

Под кроватью у Вольки пылились ненадеванные лыжи, ружье для подводного плавания, боксерские перчатки и альбом с марками. На стене топорщился воробыными перьями ловец снов.

Врали мудрецы. Душу свою Волька хранил не там. Она валялась у окна, бесстыдно оттопырив клапаны на карманах, сверкая серебряными кольцами. Широкие лямки, титановая станина, яркая синтетика боков — синий с зеленым. Рюкзак Волька сложил чуть ли не за неделю до Урочного Часа. А лабиринтами и янтрами соседнюю комнату разрисовал и того раньше. Теперь оставалось только ждать. Целых двенадцать с третью минут.

Когда за спиной грохнуло, Волька вздрогнул и чуть не выронил книжку. Ох, ничего себе! Уже?! Забились страницы-крылья, кофе выплеснулся на голую коленку. Волька рванулся к балконной двери.

Изнутри в стекла хлестнуло снежной крупой. Дверь не поддавалась.

— Эй! Вы чего?! Откройте!!!

Бултыхнулось в груди сердчишко, ох бултыхнулось. Жаром-холодом обдало, мурашки прыснули по коже. Волька рванул облезлую скобку-ручку:

— Ну вы ж, блин!!! Эй! Колдуны хреновы!

Облупившиеся планки прогнулись под дрожащими пальцами. Какой-то миг Волька был готов психануть, врезать по стеклам табуреткой. Сдержался. Квартиру-то надо в целости оставить! И хорошо сделал, что сдержался: дверь тут же распахнулась.

В комнату Волька не вбежал — ворвался. Порыв ледяно-

го ветра ожег лицо. За спиной снова хлопнуло, да так, что задребезжали кастрюли на кухне.

— Во блин! — плачущим голосом выкрикнул Волька. — Началось. Двенадцать минут же еще!

Ураган высекал слезы из глаз. Ноги сводило от холода, но Волька ухитрился прорваться в заветную комнату. Ту, что с янтрами и лабиринтами.

Любовно разрисованный портал в иномирье работал всюю. За инеистым объективом входа ворочалось нечто соблазнительное, яркое — в тон Волькиной футболке. Те, кто читает правильные книжки, знают, что *туда* кого попало не пустят. Тут и выстрадаться надо, и чужесть мира всей шкурой своей ощутить. Но главное — правильно одеться. В любимую футболку, любимые джинсы и любимые кроссовки. Так везде написано.

Тут-то и вышел прокол. С футболкой еще туда-сюда, а остальное Волька по дому трепать не любил. В шортах да босиком удобнее. И вот — донежился, придурок! Пока впихивался в негнущиеся штанины, пока рвал зубами узлы на шнурках, ураган оборвался. Грянула тишина. Счета за телефон и газ осыпались на пол, превратив квартиру в подобие птичьего базара. С трудом застегнув «молнию», Волька запрыгал к portalу.

Упустил! Сверкающие тигровым огнем янтры погасли и смазались. Лабиринты превратились в дрань и лохмотья. Но главное не это.

Портал исчез. Стек янтарными разводами по обоям — все-таки эмульсионка дрянная краска, что бы там ни говорили в магазине. Сине-зеленый рюкзак — близнец Волькиного — жабой распластался у стены. На нем сидело существо в драных джинсах и несусветной лохматке-футболке. Нечесанные волосы торчали в разные стороны. Глаза светились диким восторгом. Горбилось существо так, как может горбиться только бестолковая девчонка лет восемнадцати.

Волька взвыл.

Обычно эскаписты думать и наблюдать не любят. Река жизни несет нас; сильный выгребет против течения, слабого выбросит в тину. Там он и будет валяться — среди гниющих ракушек, среди щепок и фантиков, исписанных словами

«Недеяние», «Множественность миров», «Раскрытие себя». Они нужны, эти фантики. Без надежды человек почти мертв. Но рано или поздно из тины придется выбираться.

Первый шаг Волька сделал, когда в руки ему попал потрепанный томик Уэллса. Книга сама раскрылась на сто тридцать седьмой странице. С первого же взгляда Волька понял, что зачитает ее. Зачитает во что бы то ни стало.

С тех пор он погиб для общества. Исчез в чате «Мистериоус Валлентайн». Валифаро, таинственный и неповторимый, забыл дорогу на улицу Маленьких монеток. И ведь не блажь это! Даже Волькин живой журнал не перечеркнулся страдальческой риской. Просто в нем перестали появляться новые сообщения.

Волька нашел смысл жизни. На сто тридцать седьмой странице украденной книжки начинался рассказ «Дверь в стене». Если вы читали Уэллса, должны помнить, что дверь, погубившая мистера Уоллеса (ах, какое совпадение имен!), была зеленого цвета. Иллюстрация же изображала дверь янтарную. А рядом — янтра, как в «Золотом драконе». Ну откуда, откуда, скажите, в иллюстрации советского издания возьмется индийская янтра? А звезды Соломоновы? Да художника за такое вмиг прищучили бы. Вон даже Логинову пришлось Витмана в себе давить.

Янтарная дверь, колдовские знаки... Волька хотел даже в Валенсу переименоваться вместо Валентина. Чтоб созвучно было Уэллсу и Уоллесу. Душа его жаждала подвига. Чужие миры манили, и ради них Волька готов был пожертвовать жизнью.

«Братьев Карамазовых» Достоевского он не читал. А зря... «Хотя, к несчастью, не понимают эти юноши, что жертва жизнью есть, может быть, самая легчайшая из всех жертв во множестве таких случаев, и что пожертвовать, например, из своей кипучей юности жизни пять-шесть лет на трудное, тяжелое учение, на науку, хотя бы для того только, чтоб удесятерить в себе силы для служения той же правде и тому же подвигу, который излюбил и который предложил себе совершить — такая жертва сплошь да рядом для многих из них почти совсем не по силам».

Как в воду смотрел, колдун бородатый... Недели не прошло — Вольку отыскал Небылец. Проводник по иномирию,

магистр, шаман, маг и нагваль. Называйте как хотите. С тех пор минуло пять лет. Эти годы Волька с чистой совестью мог вычеркнуть из «своей кипучей юностью жизни».

Он превращался в путешественника по мирам.

Девчонка озиралась с блаженно-счастливым видом. И чего тут такого? Ну краска поплыла, обои отклеиваются, грязь. Было бы чему радоваться... Волькина тень придвинулась вплотную. Девчонка утасла.

— З-здравствуйте...

Волька не ответил. В душе поднималось гаденькое чувство. Он как-то сразу все понял. И откуда взялась гостья, и чьим порталом она воспользовалась. Так, значит? Прибыла на готовенькое, да?..

А он? Он как же?!

Незнакомка жалобно захлопала ресницами. От этого Волька еще больше разозлился. Боишься, значит?! Ежишься? И правильно! Бойся, тварь! А страшная-то какая... Ладно бы принцессу занесло... хотя нет, принцессы с Небыльцами не связываются. Им и в своем мире хорошо.

Открыть янтарную дверь не так-то просто. Надо забыть себя. Разорвать привязанности, погрязнуть в аскетизме. До боли, до крика вызверенного ощутить, как чужд и безобразен этот мир. Дверь пропустит лишь одного. Одного, понимаете?.. Даже мысли о ком-то другом не должно возникнуть. Потому что если возникла — значит, держит. Значит, не пройти.

И вот эта лохма веснушчатая похитила его блистательное «там-не-здесь». Сожрала тупо, не задумываясь. Ладно бы другая, но эта, эта! Да вы взгляните на нее, дуру! Вон, сидит, трясется.

Стены придвинулись, не давая вздохнуть. Краски выцвели, посерели, все стало каким-то ненужным. Куда он теперь?.. Будь Волька девчонкой, он бы заплакал. Но мужчины не плачут, это всем известно.

— А ну, проваливай!!! — заорал он, топая ногами. Схватила гостью за ворот. — Слышь? Это мой дом!

От рывка ветхая футболка девчонки лопнула. Гостья испуганно вскочила и побежала. Ага, не нравится! Волька мчался следом, норовя пнуть побольнее. Так тебе, вору!е!

Коридор кончился. Отступить было некуда. Девчонка ревели у его ног, уткнувшись носом в потертый дерматин, а Волька путался с ключами, все не мог и не мог открыть замок. Но вот справился. Вытолкнул ее на лестничную клетку и, хлопнув дверь, привалился спиной к мокрому от слез дерматину.

Ф-фу-у... Все!

Из-за двери доносились всхлипывания. Волька зажал уши. Еще реветь будет, зараза. Сама все испортила и еще ревет. Как будто это он виноват! Ничего. Теперь бочком, ползком — к телефонному аппарату. Он этого дела так не оставит. Он еще жаловаться будет. Ишь!

Пальцы сами выстучали номер Небыльца. Трубка отозвалась длинными гудками.

Раз. Два. Три. Ну же!.. Четыре. Пять.

Дольше семи ждать нельзя. Таковы правила. В этот раз повезло: Небылец снял трубку после шестого гудка.

— Алло! Волька? Что случилось?

С пятого на десятое, путаясь и давясь слезами, Волька пересказал свою историю. Небылец слушал сочувственно, без лишнего озлобления. Когда Волька иссяк, он вздохнул:

— Всегда одно и то же... Ты ловца снов развязал?

Волька горестно шмыгнул носом. А надо было? Всего-то не упомянешь.

— Ладно, тень с тобой, — смиловивился Небылец. — Ничего страшного не случилось. Правил ты не нарушил, а забывчивость — не грех. Даже наоборот. Не хмурь свой незабвенный лик, о дремучий, река придет в небо!

Говорил Небылец в точности так, как, по мнению Вольки, должен говорить проводник *туга*. Это обнадеживало. Волькин голос против воли дрогнул:

— Точно? Неб, обещаешь?

— Обещаю, обещаю, о дремучий Вершитель. Свет над тобой пятном, да ты же совсем расслюнился! Завтра в восемь приходи. Все совется. Летящих тебе снов.

— Летящих снов.

Волька с трепетом положил трубку. Душевный все-таки мужик Небылец. Другой бы ругать стал, а он — ничего. Помочь обещал. Не в силах сдержаться, Волька запрыгал по квартире. Кастрюли немытые, горшки цветочные... Про-

щайте навсегда! Впереди ждут другие цветы и другое небо. Глянуть, что ли, на звезды последний раз? Волька высунулся в окно. Бр-р-р! Вот и лета здесь толкового не дождешься. И вообще...

Под порталом валялся девчонкин рюкзак. Оставила, расстрепа... Волька брезгливо, двумя пальцами его подцепил. Ткань дешевая, станина — чугун. Как они там живут? Лазить по чужим вещам нехорошо, но именно поэтому Волька, не колеблясь, распустил завязки. Он путешественник, ему можно.

Продранный на локтях свитер, застиранное полотенце, перетянутый аптекарской резинкой пакет с неизвестными пряностями. Привет из чужого мира. Повезло. Термос, халатик, трусики — их Волька сразу же стыдливо отложил в сторону. Тяжелая, битая молюю куртка. Теплая, наверное...

Под ложечкой тоскливо засосало. Как она там, бедняга? На улице, в драной футболке...

«Первое попавшееся слово, — решил Волька. — Если нечетное число букв — остаюсь. Четное — пойду ее проведаю».

Слово придумалось — «Горменгаст». Десять букв. Стесняясь сам себя, Волька подошел к двери. Неслышно отворил, выглянул.

Девчонка сидела лицом к стене, зябко обхватив колени. Разодранная футболка свисала по сторонам бессильными крыльями. Волька на цыпочках прокрался к ней. Под лопаткой темнела свежая царапина. Голые плечи покрылись гусиной кожей; время от времени по ним пробегала дрожь.

И почему лицом к стенке? Не по-людски это.

— Ну, ты... Ты чего, а?.. — Он присел на корточки. Худенькое плечо оказалось совсем рядом — только руку протянуть.

— Уйди! — Голос девчонки звучал глухо. — Уйди, пожалуйста.

— Ты это... ну, прости...

— Ну уйди, прошу! — Она измученно обернулась. Слезы промыли на щеках блестящие дорожки, нос распух. — Как ты не понимаешь! Я хочу умереть! Это же не тот мир!.. — И путешественница разрыдалась, уткнувшись носом в Волькино плечо.

Ткань футболки тут же намокла. Женские слезы —

страшное оружие. Вольке оставалось шептать глупые утешения, прижимая девчонку к груди, глядя по грязным волосам. Это надо ж дураком таким быть! А вдруг она — как он?.. Все правила соблюдала — и книжки, и привязанности... Она же не виновата! А вдруг бы с ним так — в чужом мире? Пиннок под зад, иди куда хочешь?.. А иди некуда.

— Пойдем... — Волька неловко помог девчонке подняться. — Хоть переночуешь у меня. Надо отдохнуть... после дороги...

Когда человек хочет обнять девушку, но боится, зрелище получается комичное. Путешественница не стала смеяться. За ее плечами оставалась Зима.

— Вот ванная. Вымоешься, ну и вообще...

Девчонка впервые подняла на него взгляд. Все приготовленные заранее мужественные слова куда-то исчезли.

— Спасибо... тебе.

Сердце оборвалось, как на американских горках. Какие глазищи!

— Подожди, я из одежды подыщу... что-нибудь... А то это, — он ткнул в пояс девчонкиных джинсов, — ужас просто.

— У нас все так ходят... — пожалала она плечами. Растерзанные лоскуты смешно вспорхнули, едва не свалившись. — И порталом сюда добираться две недели. А мыться негде и...

Две недели? То-то она такая чумазая!

— Вот и хорошо, вот и ладненько, — зачастил он, чтобы скрыть смущение. — С водой разберешься? Тут горячая, это холодная. Здесь душ.

— Это все мне?

— Тебе, тебе. И не вздумай экономить. У нас не принято.

Под аккомпанемент льющейся воды Волька помчался перерывать шкафы. Вот так приключение! Если бы только она не была такой страшненькой... А так ничего девчонка. Одеть бы только во что.

Никто в здравом уме и твердой памяти перед Урочным Часом постирушек не устраивает. Волька не исключение. Из одежды нашлись только огромная клетчатая рубашка и

старые пузырястые треники. В отчаянии Волька полез на антресоли.

И тут началось.

По ушам полоснул визг:

— А-а-а-а!

В клубах пара из ванной вырвалось нечто розовое, истошно вопящее. Путешественница сбила Вольку с ног, сорвала покрывало с постели и мгновенно в него замоталась.

— Там!.. Там!.. — беспомощно лепетала она, указывая в облако. Не помня себя, Волька ринулся в жерло вулкана.

Так и есть! Оба крана — напрочь. Ну и силища у девчонки.

Хотите, открою секрет? Даром отдаю, заметьте. Никогда — слышите?! — никогда не закрывайте первым вентиль с холодной водой. Плохо будет.

Струя взорвалась кипятком. Лед и пламя... Говорят, сигнал по нервным окончаниям распространяется со скоростью сто двадцать метров в секунду. Если так, то у Вольки руки длиной полкилометра. Потому что он успел закрутить второй вентиль и лишь потом понял, что обварился.

— Прости... Прости... Прости...

В глазах у девчонки застыло отчаяние. Да что ж за напасть такая!.. Нет, наверное, мы, путешественники, все недоделки... Или это мир такой дурацкий, что все ломается?

— Я же не знала, — оправдывалась гостя. — Они хрупкие... здесь... Чуть пальцем тронь, сразу ломаются!.. Тебе очень больно?..

Волька помотал головой. Понятно, что ломаются... Сама тоненькая, хрупкая, а силы — на трех Конанов хватит. И как он ее только из квартиры выкинул?

— У вас здесь вообще все ломкое, — бесхитростно сообщила она. — И ходить легко. Прыгуче. Ой, я же у тебя все переколошмачу! Или потолок проломаю.

— Ничего, — махнул Волька здоровой рукой. — Мне все равно отсюда скоро... — Он запнулся. Вместо привычного «сваливать» вырвалось нейтральное: — Уходить. И знаешь что?.. Я с Небьльцом... того... переговорю. Пусть он квартиру тебе оставит. А то сама видишь: трудно тут.

— Ой! Спасибо. Хочешь, я чаю заварю?

— Завари. — И, опомнившись, вдогонку: — Чайник только не убей!

С чайником по-людски вышло. Все-таки не совсем она косорукая. Волька припомнил все книжки, в которых герой-землянин попадал на планеты с пониженной гравитацией, и вздохнул. Мастерство меча, рожа просит кирпича... Пишут же, придурки. А что пишут, зачем — сами не знают.

— А еще я лечить умею, — робко предложила девчонка. — Биоэнергетикой. Хочешь?

— Давай, — без энтузиазма согласился Волька, вытягивая руку. — Как тебя зовут, кстати?

— Меня? Аллериана Сонни-Катено донья Машиаро.

Чего-то в этом роде следовало ожидать. Волька подавился заранее приготовленным «Валифаро Димитиро» и буркнул:

— Волька. Имей в виду: у нас длинно нельзя. Засмеют. Кем хочешь быть: Алей, Соней, Катей? Или, может, Машей?..

— Ух ты! Совсем как в книжках. Тогда... — Она смешно наморщила лоб. — Тогда пусть Алей. Или доньей Алей.

— Перетопчешься — доньей.

...Просидели они до утра. Ничего эта биоэнергетика не помогла, но болеть стало меньше. Давно замечено: болтать о разных пустяках интереснее всего ночью. Когда серп луны за окном и холод, а в доме — чай, теплое одеяло и свечка потрескивает.

Не воскресенье, но еще не понедельник. Ни тот мир, ни этот... Завтра в путь, и Волька — нездешний, овейанный беззаботной магией дороги — с покровительственной улыбкой слушает сбивчивый говорок доньи Али. Она-то уже пришла. Ее приключение закончилось, а его — только начинается.

Вот только с той стороны двери осталась Зима. Холод, безводье, тяжесть. Банды озверелых подростков, стаи одичалых псов. И не дай бог кому попасть в Алины родные края. Лишь безумец ищет покровительства ее мира.

— Спи. Я посторожу, — тихонечко сказал он. — Мне здесь все привычно, а ты спи.

— Спокойной ночи, Волька. И знаешь что?.. Ты хороший.

Утром Вольку толкнуло: Небылец! На будильнике без

двадцати восемь, но стреляного воробья на мякине не проведешь. Осторожно, чтобы не потревожить спящую Алю, Волька собрался и лавиной выкатился на улицу. Лифтов он принципиально не признавал.

Куртку брать не стоило. После пропахшего кошками и свежими газетами лестничного полумрака майское солнце оглушило его. Навалилось всей силой нерастроченной весны.

Теплынь! Воробьи орут! И деревья в зеленой кисее, словно старшеклассницы на ролевке. Вот защелкали по асфальту сандалии. Выбежал мальчишка лет десяти — с ранцем, в оранжевой курточке. Взгляд лукавый, озорной. Прогуливает, наверное. Или ищет северо-западный проход, как у Крапивина.

На Вольку напало беззаботное настроение. Теперь-то все уладится, все приметы совпадают... Вот только за Алю страшно — как она тут одна? Ну, да ладно. Знала, на что идет. Может, скрытые способности у нее прорежутся. Ясновидение там или целительство.

Ага, целительство. Рука вон до сих пор пухнет. Колошмательство и разрушительство у нее. И водопроводчика вызывать придется, кран менять. Но это уже другим. Тем, кто в квартире останется.

Волька нащупал ворох амулетов на груди. Отыскал трилистник бледного нефрита, и скрещенными пальцами обвел по контуру:

— Пусть у меня все получится. Пусть у меня все получится. Пусть у меня все получится.

После этого пришло спокойствие. Талисманы никогда не подводили. В основном их дарил Небылец, с каждым добавляя ученику капельку могущества, но кое-что он купил сам. Например, кубик-подсказчик на двадцать граней. Или стеклянного утенка. Нельзя пожаловаться, что земные амулеты работали хуже иномирянских. Но разница ощущалась.

— Пусть у меня все пойдет рекой.

На пустырь Волька успел раньше Небыльца. Тоже победа, пусть и маленькая. Обглоданная тень тополя ласкала ржавое железо свалки. Деловито шныряли утренние коты и бомжи. Небылец опоздал совсем чуть-чуть: едва Волькино дыхание успокоилось, воздух заколебался и потек. Ворох тень разметался по жухлой траве. Сгустилась полосатая ено-

товая шкура, проступили в белесом мареве пятна татуировки. Ковылявшая по дорожке бабка крикнула и испуганно отвела взгляд.

— Садись, вселенский кошмар. — Небылец вытряхнул из рукава легкомысленную кафешную стол-плетенку и два стула. Пальцы его забегали, перевивая тени разных миров. — Чувствуй себя как дома, сумрачный, и все такое.

О столешницу глухо стукнули бокалы. Цветные полосы закручивались спиралями, запахло свежей медуницей и ромом. Волька уселся и взял коктейль.

— Тени твои в перекрест, дремучий Вершитель! Натворил ты делишек, не расхлебать. — Небылец придвинулся почти вплотную.

— В смысле?

Никогда Вольке не удавалось разглядеть его так близко. Сердце испуганно трепыхнулось: половина лица у колдуна была женская, половина мужская. Или показалось?..

— Я все понимаю, — продолжал тот, — высшие смыслы, предназначения Вселенной и прочая заумь. Но девчонку-то зачем было в дом тащить?

— А что? Нельзя, что ли?

— Тихо, тихо! Ты зря бычишься, сумрачный. Все путешественники рано или поздно узнают эту великую и ужасную тайну. Портал, которым прошла твоя подружка...

— ...она мне не подружка!

— Твоя не-подружка, — согласился Небылец. — Кстати, что это у тебя?

Спрятать перевязанную руку Волька не успел. Жилистая лапа Небыльца ухватила его за запястье. Ожог рвануло болью — чистой, ослепительной. Волька едва сдержался, чтобы не заорать.

— Душа ба, энергия ки и все такое... Бинт сними, загадочный и неповторимый, я все там вылечил. Это девчонка тебе такую радость сосватала? — Волька молчал, но ответа его собеседнику не требовалось. — Она, она, больше никому. А это ведь только начало.

— Ты же сам говорил — путешественник открывает умения. Свою истинную суть.

— Мало ли что я говорил? Мудрости — они меняются со временем.

Небылец взлетел на спинку стула. Сплел ноги полулotosом. Передвигался он легко, танцуя — Питер Пэн в звериных шкурах и с детским черепом на цепочке.

— Суть, Волька, она разная. Я не стану говорить страшных слов, которые любят астрологи и колдуны — песок под ними в стекло! Но тебе надо беречься твоей гостью. Сечешь? — Он скорчил клоунскую гримасу. — В межмирье обитают опасные твари, и все такое.

— И что же мне делать?

— Порвать ее Харумони с твоим порталом.

— Ее что?

— Она питается твоей силой Зова. Пока она рядом, ты связан. Уведи ее подальше от двери. Я пошлю Двит Лира, он ее вернет.

— Куда? — тупо спросил Волька.

— Выпей. — Перед носом Вольки появился еще один бокал. — И поторапливайся. Лишь в первый день эти твари уязвимы. Потом — хуже. Даже Двит не поможет, хоть он мастер из мастеров, и все такое. Хэй! Ага-ра!

Волька едва успел отпрыгнуть. Закрутился смерч в траве, сожрал Небыльца и стол. Только бокал с сине-золотым коктейлем остался в руках. Волька постучал скрещенными пальцами о кроссовку, защищаясь от порчи.

Так, значит, сам Двит Лир? Чудеса! Он выпил коктейль, не чувствуя вкуса. Затем поставил бокал в траву и со всех ног припустил домой.

Рука больше не болела.

— Волька! Ты?!

Донья Аля выскочила навстречу — в огромной развевающейся рубаше и обвислых трениках. В глазах — радость и испуг одновременно:

— Доброе... утро...

Что это у нее за спиной, интересно?

— Волька... — Девчонка заискивающе смотрела ему в глаза. — Волчонок... Прости меня, пожалуйста! Я уборку хотела... и вот...

В ее руке, поблескивая серебристыми изломами, чернел кусок металла. Единственный раз в жизни Волька видел,

чтобы кто-то умудрился сломать сковородку, словно плитку шоколада.

— Ну-ка, ну-ка... — Он потянулся к обломку. — Ого!

— Это очень плохо? Да?

— Я все равно ухажу. Какая разница!

Стены на кухне блестели чистотой. Пол сверкал. Посуда (правда, далеко не вся) отбрасывала на потолок гроздья кипучих солнечных зайчиков. В углу, заботливо прикрытое газеткой, стояло ведро с обломками кастрюль и гнутыми вилками.

Такого порядка квартира не знала бог знает сколько месяцев.

Волька вышел в комнату. Аля, конечно, постаралась, но от этого убожество квартиры стало лишь заметней. Потолок побелить надо. Окна не мыты годами. Батареи красить столет поре... Ну зачем, зачем ему, путешественнику, заботиться о жилье?

— Ну... — промямлил Волька, — спасибо, конечно... Только это...

Аля словно ждала чего-то. Не дождавшись, вздохнула, отошла в сторону. Хорошо хоть за разбитую посуду ругать не будет.

— А знаешь что? — предложил Волька, чтобы скрыть неловкость. — Погода-то вон какая. Пойдем, я тебе город покажу. Тебе ведь здесь оставаться... потом.

— Правда? Ой, здорово!

Аля подпрыгнула, захлопала в ладоши. Волька закусил губу. Не будет у нее никакого «потом»... Вообще ничего не будет. Так получилось, что Волька знал истинный титул Двиги Лира. Не полагалось ему, но — знал. И от этого сердце дергало злой болью. Такой, чтобы выть и головой о стену.

Ничего. Путешественник должен быть сильным. А еще — мудрым и всезнающим.

Как Небылец.

Вчера донья Аля не смогла бы уйти с этажа. Она не умела ходить по лестницам.

— У вас что, только коттеджи строили?

— Не-а. Мы больше под землей... Волчонок, я же, пока убиралась, ни разу в окно не глянула. Страшно.

Она подошла к перилам. Честно посмотрела вниз, потом бочком-бочком двинулась обратно. Веснушки резко проступили на ее лице. Волька едва успел подхватить легкое, почти невесомое тело.

— Я... я справлюсь, — прошептала она. — Я не трусиха.

После этих слов мысль о том, чтобы ехать на лифте, отпала сама собой. Закусив губу, зажмурившись, Аля спускалась по лестнице. Волька придерживал ее за локоть — боясь отпустить, но и поближе придвинуться не решаясь.

Вольку терзали сомнения. С одной стороны, за ночь в девчонке ничего не изменилось, но с другой... Вчера она была такой дурнушкой! А сегодня?.. Выспалась? Отдохнула? Смыва дорожную грязь?

— Все. — Аля открыла глаза. — Дальше я сама.

Волька шагнул в сторону, готовый в любой миг броситься, подхватить. Помощь не потребовалась. Уже к четвертому этажу гостя из Зимы бойко стучала каблуками по ступенькам.

— Вот и первое мое умение открылось, — обрадовалась она, когда подъезд остался позади. — А в книжках — по-другому. Там телепатия, волшебство...

— По лестницам ходить — тоже волшебство, — хрипло отозвался Волька.

Ему было тошно.

Она не настоящая, а все равно... Продал девчонку. Где-то рядом бродит опасный Двит Лир, сумеречная душа. Вот сейчас как выпрыгнет... Интересно, как это, когда разрывают Харумони?.. Пусть бы она просто исчезла. Растворилась в воздухе прядью тумана. Так... так спокойнее.

— Куда пойдем?

— Ну, не знаю... Одежду тебе купить.

— Здорово. — Аля оглядела себя и захихикала. — А то я как пугало. Или нет, как путешественница по чужим мирам.

Она расправила полы рубашки и закружилась в дурашливом танце. Худенькая, невысокая — на полголовы ниже Вольки, — в чужой одежде она выглядела инопланетянкой. Проходившая мимо бабка что-то неодобрительно проворчала. А что ей еще остается? На то она и бабка.

В салоне Аля забыла все и вся. Носилась меж вешалок, разглядывая цветастые платья, кожанки, легкомысленные топики и шорты. Девушки-консультантки сперва пришли в ужас, потом оттаяли. И чем она их взяла? Может, это тоже дар, из тех, что раскрываются в других мирах?

Волька маялся. Из-за какой-то дурацкой щепетильности он обошел вниманием очень важный вопрос. Ох, скандал будет... Мерзко. И дураком себя выставить — тоже радости мало.

Кто-то дернул его за рукав. Аля стояла, нагруженная ворохом тряпок — румяная, счастливая.

— Волчонок, а сколько у тебя денег?

Вот он, этот вопрос. Вольку перекорежило от такой непосредственности. Хотя с чего бы? Сам должен был сказать. Кроме того, путешественнику по мирам мелочность не пристала.

— Понимаешь... э-э... — Он раскрыл кошелек и беспомощно протянул донье Але. — У меня нынче...

— О, здорово! — Она вытащила три бумажки и выгребла мелочь. — Спасибо, волчонок!

Горячие губы коснулись его щеки. Казалось бы, какая ерунда — девчонка поцеловала. Но вот ведь... Не ерунда, оказывается.

Аля сбросила добрую половину вешалок на руки консультантше, а с остальным шмыгнула в примерочную кабинку.

— Твоя подруга? — Охранник приятельски подмигнул Вольке. — Симпатичная.

— Чего?

— Живенькая, — развил тот свою мысль. — Бойконькая. И улыбка — без жабства. Не то что у этой доски, — покосился он в сторону снежной блондинки кассирши. — Ты своей бабы держись, парень.

Затылок доски-кассирши одеревенел. Сказано все это было с умыслом. То ли охранник мстил, то ли буштовал — бессмысленно и беспощадно. А может, заведено у них так. Местные брачные традиции. Путешественнику по мирам и не такое встречать приходится.

Возилась донья Аля долго. Волька заскучал и принялся глазеть по сторонам. Витрины, плакаты... В одном из зеркал

мелькнул рукав серой рубашки с кружевами, и скука с Вольки мигом слетела.

Проверяй не проверяй, но покупателей в зале — две крашенные бабки-авоськи, питбуль в синем пиджаке и припевочка-тинейджер с кольцом в носу и двумя в пупке. Чья же она? Или рубашка сама по себе гуляет?

Небылец даром времени не теряет. Послал Двит Лира. Волька скрестил пальцы и коснулся носа — думай, думай, голова!

Закрытие подействовало. Мир словно вывернулся наизнанку, открывая свои тайны. Припевочка украдкой перевесила два платья на одну вешалку. Можно спорить: заглянет через пару часов и хапнет — якобы для примерки. Бог с ней. Воровство — не преступление по меркам путешественников. Может, она тоже из мира в мир гуляет, разве ее поймешь?..

А вот лишнее отражение — это серьезно.

Стараясь не маячить перед глазами охранника, Волька принялся осматривать зеркала. Обманное нашлось скоро — в закутке между плащами и женским бельем.

— Привет! — помахал рукой парень в серо-стальной рубашке. — Привел свою краю?

— Ты почему с оружием? — зашипел Волька. — Что за шутки?!

Отражение опустило глаза:

— Театр... Он еще и спрашивает. А что мне с твоей девицей — целоваться?

Рубашка заколебалась, перетекла в синюю бархатную безрукавку. По лицу Двит Лира расплылись седые бакенбарды, а в уголках глаз обозначилась старческая сеточка морщин. Лезвие же на поясе никуда не делось — уродливое, с оловянным блеском.

— Но Небылец обещал... Только выхватить!..

— Теленок! Так и выхватим же. Проснется у себя дома, в постели. А эти все — тут же забудут. Обещаю. Ну так где она?..

Волька молчал. Оловянное лезвие притягивало взгляд. Вот, значит, как... Вляпалась донья Аля. Все знают, когда и для чего Двит Лир вынимает меч из ножен.

Убийство — тоже не грех для путешественников. Сэ

Макс, апостол и святой библии эскапистов, убивал людей десятками. Плевками и пальцами, огнем и мечом... Каждый раз находя прекрасные философские оправдания, среди которых самое простое: «Так надо». Или еще проще: «Мне подсказало какое-то предчувствие».

— Ну так что? — ослабилось отражение. — За такие бабки подъезда не надо? В молчанку играть будем?

Волька попятился.

— Зачем она тебе? — Слова звучали беспомощно и жалко. — Какая тебе разница, попаду я в свое «там-не-здесь» или нет?

— Мне — никакой. Если ты, мозгляк, сдохнешь в канаве, я лишь обрадуюсь. Но мой господин дал слово. Понимаешь, что это значит?

Рука волшебника метнулась, как жабий язык. Двигая схватил Вольку за грудки, подтянул к зеркалу. Футболка затрещала. Нос и щека больно уперлись в ледяную поверхность стекла.

— У вас нет колдунов. — Слова гудели колоколом, не давая собраться с мыслями. — У вас нет хороших воинов, потому что ваши слова утоплены во лжи. Все у вас наполовину, все понарошку. У нас — иначе. А ну, показывай!

Ноги ослабли. Хана... Нет, убивать он не станет. Небылец обещал отправить Вольку в другой мир.

В иной мир.

В Зиму.

Волька обреченно огляделся. Да ведь не помнит он, в какой кабинке Аля. Хоть убей! Может, она уже переоделась? Взяла, ушла — и запросто. Чего он привязался-то?!

Девушка-консультантка в сером костюмчике участливо наклонилась к нему:

— Простите... с вами все в порядке?

В лице — искреннее участие. За это все можно простить, даже дурацкую казенную фразу.

— Нет, спасибо... Все хорошо.

Ой, врет. Ой, нехорошо все... Припевочка оказалась глупее, чем можно было ожидать. Схватила вешалку с двумя платьями — и в крайнюю кабинку. Еще одну заняла дамочка в бледно-зеленом пиджачке.

Невидимые пальцы передвинулись выше, легли на гор-

ло. Двит Лир не поймет. Для него нет разницы между женщинами. Опасную гостью должен указать именно Волька.

Пять лет. Пять лет он превращался в путешественника по мирам. Ломал сон, привыкая парить в тонкой грани между явью и забытьем. Собирал книги о предшественниках. Изнывал на скучной беспросветной работе — чтобы понять, насколько бессмысленно все его существование.

Это не испытание. Настоящий выбор — он сейчас. На что ты пойдешь ради мечты? Чем пожертвуешь?

Волька вытер верхнюю губу. Из носа текло — как всегда, когда приходилось волноваться. «А может, она тоже... кого-нибудь... — мелькнула гаденькая мысль. — Она же ведь путешественница».

— Быстрее, — шепнул Двит. Волька поднял глаза. В зеркальном потолке отражался он сам, а рядом стоял худенький мальчишка с оловянной саблей.

— Ага, сейчас...

Что делать? Кто подскажет? Нога за ногу, словно на эшафот, ползлелся он к кабинкам. Вот та, что с наивной маленькой воровкой. Вот здесь модница в зеленом. Чужая. Незнакомая. Всего-то — кивнуть незаметно, отойти в сторону.

И после этого его повсюду примут с распростертыми объятиями. Хоть в Ехо, хоть в Амбере. Мерзавцы повсюду в цене.

У Алиной кабинки шаг его замедлился. Отражение Двит Лира встрепенулось. Вот и все... Дело сделано, ничего не воротишь.

— Аля... — сипло выдохнул он. — Беги!!!

— Что?! — Ледяная рука сжалась. — Предатель!

Клацнули зубы. Невидимый кулак прошел вскользь, едва зацепив скулу, но этого хватило. Волька мотал головой, не до конца веря в то, что бьют именно его. И кто?! Двит — невидимка!

Удар. Над головой крутнулся зеркальный потолок. Холодная рука убралась с горла, и тут же срезанные невидимым лезвием портьеры рухнули на пол. От женского визга заложило уши. Кричали все — снежногривая кассирша, полураздетые девицы в кабинках, консультантши.

— Ух, с-сука!

Болтливый охранник уже рвал из кобуры пистолет. Лира

он не видел, зато прекрасно понимал, что вся эта катавасия как-то связана с Волькой. С хрустом разлетелась никелированная стойка. Еще и еще одна. Платья стай тропических птиц разлетелись по залу.

— Чего разлегся? — Аля схватила Вольку за локоть, едва не оторвав руку. — Бежим!

— Ты?!.. куда?.. Я... не могу...

Пол качался зыбкими волнами. Тошнота плескалась у самого горла, грозя вырваться наружу. Донья Аля присела, перебросила Вольку через плечо и бросилась бежать.

Вырвало Вольку уже на улице. Он стоял, уцепившись за забор, а перед глазами плавали зеленые крути. Аля бережно придерживала его, не давая упасть.

— Пойдем, горе ты мое... Я тут фонтан видела. Умоешься.

— Ага...

Левая половина лица онемела и налилась огнем. Волька с трудом доковылял до фонтана и уселся на выщербленный мраморный поребрик. На душе было гадко и тускло, как всегда бывает после драки. Струи скатывались по плечам веселых медных детишек, заставляя воду бурлить гроздьями серебристых пузырьков. Аля сосредоточенно обтирала ему лицо мокрым платком. Воняло ржавчиной и духами.

— Он сказал, что ты — из межмирья. — Слова давались Вольке с трудом. — Что у тебя этот... Харумони...

— Он? Кто он?

— Небылец...

Слово за слово Волька рассказал все. Исповедь принесла горькое облегчение, правда, не совсем такое, как он думал. Волька ждал, что Аля отвернется с презрением. Он ведь предал, не устоял... Но девчонка молчала.

— Знаешь, Волчонок, — наконец сказала она, — Небылец прав. Я действительно не дам тебе уйти. Я слишком хорошо знаю, зачем им это.

— Но тогда что же?.. Ты...

Губы онемели. Сколько ненужных слов... Ну почему?.. Почему он не может сразу спросить нужное?..

— Мне некуда возвращаться, Волчонок. Все двери ведут в Лето, а я пришла из Зимы. Когда-то я была такой же, как ты. Небылец, Двит Лир — у нас их называют ильсами. Ты

должен знать. Детям о них рассказывают во всех мирах. Они крадут младенцев, любят танцевать, и время в их доме течет иначе, чем везде. Они обожают леса и чужие мучения.

Волька осторожно прикоснулся к распухшей щеке. Аля расправила горячий платок, вновь намочила его и приложила к синяку. Второй рукой она делала пассы, вытягивая боль.

— Н-не... — промычал он.

— Поможет. Только не сразу. Сразу ничего не бывает. Посмотри на свою руку.

Волька опустил глаза и охнул. Ожог, исцеленный Небыльцом, никуда не делся. Он так и краснел на коже болезненным пятном. Но его же не было! Не было!

— Ильсы не лгут. Они всегда говорят правду. Просто ты слышишь лишь то, что тебе нравится. Еще не поздно, Волчок. Можешь отвести меня к зеркалу и позвать Лира. Если страшно, можешь отвернуться. А потом Небылец вновь откроет портал. И ты окажешься в мире своей мечты.

Волька сжал кулаки. Горло перехватило от обиды. Да за кого она его принимает?!

— Я не предатель!

— Тихо, тихо. — Озорная улыбка скользнула по ее лицу. — Ты не предатель, Волчик мой. Ты просто ребенок. — Девичья рука дотронулась до связки амулетов на его шее. — Что это у тебя?

— Это? Н-ну...

Вольке стало стыдно. Амулеты, счастливые монетки, сувенирчики на удачу. Каждый отвечает за что-то свое. А еще — волшебные слова, жесты-обереги. Никакое дело не начиналось без них. А зачастую на них же оно и заканчивалось.

— Так... На всякий случай...

— Ты с ними советуешься? Часто?

Он кивнул.

— Сними. Прошу тебя!

— Но зачем?

— Ну как ты не понимаешь?! Ты в хороводе ильсов. Помнишь легенду?.. Если зачарованного удержать, обхватить руками... тогда не уведут. Но я не смогу удержать, пока ты в амулетах. — И Аля едва слышно добавила: — У меня ведь нет никого... кроме тебя...

Никого. Медленно, словно во сне, Волька потянулся к цепочкам. Рука его остановилась на полпути. «Вон ворота, — мысли помчались по привычному кругу. — Если первым выйдет мужчина — сниму. Если женщина, то оставлю».

Выбежал ребенок неопределенного пола. За ним нога в ногу маршировали родители — длиннолицая шатенка в джинсовом костюме и лысоватый боровичок в очках.

— Сам выбери. Ну хоть раз в жизни! — В глазах Али блеснули слезы. — Пожалуйста!

Волька скрестил пальцы. Ничего. Последний раз...

Девчонка поднялась и, ссутулившись, пошла прочь. Белая с золотом блузка, загорелые ноги в разрезах тонкой юбки.

— Эй!.. Аля! — Распухший язык не слушался. — Аля! Стой!..

Путешественница не обернулась. Хоть и очень хотела.

Сквозь зелень деревьев сверкали зеркала витрин. В них прятался жестокий ребенок Двит Лир. За ними начиналось Лето.

Ты выбрал.

Сам.

Во второй половине дня погода испортилась. Небо затянуло мусорным облачем. Пронизывающий ветер швырял в лицо мокрую пыль.

«Если пройдет третий троллейбус, она жива».

Не шел никакой. Люди бежали, прячась от надвигающейся бури под «дипломатами» и белыми «стокмановскими» пакетами. Одуревший от горя и невыплаканных слез, Волька плелся, не разбирая дороги.

«Если до Вантового моста не встречу ни одной маршрутки — она жива».

Как назло, из-за поворота вынырнула желтая коробка со знакомыми шашечками. Волька забормотал, вытягивая руку с расставленными «козой» пальцами:

— Не в счет! Не в счет! Я пальцы не скрестил!

На перекрестке остановился переполненный автобус. К дверям прислонилась девушка в бело-золотом. Волька рванулся, задыхаясь в сумасшедшем стакато сердца, но тут девушка обернулась.

Не Аля...

Ошибался он еще дважды. Последний раз несколько кварталов бежал за тонкой фигуркой в мокрой обвисшей юбке. Девчонка брела, сторбившись, обняв себя за плечи. Обернувшись и увидев парня с разбитым лицом, ойкнула. Припустила по улице, забыв обо всем.

Не она...

Волька выбрел на набережную. Спустился к воде, оскальзываясь на строительном мусоре. Тревожно закричали чайки, разлетаясь прочь от непонятного бродяги. Ветер хлестнул по лицу мокрой плетью. На изгаженных ступенях Волька остановился — вода почти заливала кроссовки.

«Если река выйдет из берегов...»

Нестерпимо болела рука. И челюсть.

Волька нащупал на шее кольцо цепочки с тигровым глазом. Защитник от злой энергетики... Крохотный замочек скрипнул, защемляя кожу. Волька подержал в ладони теплую металлическую змейку и выбросил ее в реку.

Хватит защитников. Пора самому сражаться за себя.

— О мудрый и сумрачный! — послышался веселый голос. — К тебе пришла пора прозрения?

По растрескавшейся бетонной плите прыгала одинокая чайка. Может быть, Джонатан Ливингстон. Может, просто безымянная птица.

А может...

Чайка встопорщила крылья и принялась расти, одновременно меняя форму.

— И что это такое? Асфальт под тобой в прах, я ведь предупреждал! — Небылец развел руками, осыпая себя сверкающей пылью. Татуировки на его лице вспыхнули синим и золотым. — Зря ты ее слушал, вселенский кошмар.

Волька помотал головой и потянул за шнурок. Закачалась над водой деревянная уродливая обезьяна — божок обаяния.

Некого больше очаровывать. Такой ценой.

Небылец провел пальцами над ожогом. Отдернуть руку Волька не успел. Из ладони ильса брызнули бенгальские огоньки, и боль ушла, впиталась в землю. Еще движение — и расщелкнулись обручи, сковавшие лицо.

— Даже этого она не сумела. А врала небось, что подарит тебе — тебя?

— Она не врала. Она сказала про вас... все...

— Да? И что же она рассказала, милый?

Проклятая магия! Волька вцепился пальцами в щеку. Хоть бы отголосок! Хоть каплю той боли, что была только что! Синяк ведь никуда не денется...

— Дурачок. — Небылец завел руки за спину и отбил ирландскую чечетку. — Что она сказала тебе?

— Что вы не врете.

— Это правда, глупый вселенский кошмар. Остальное — тоже правда. Пришла пора тебе становиться мудрым. — Он обернулся к воде. — Истинные маги обходятся без этих дурацких побрякушек. Это все, — он плюнул в сторону плывущей по воде обезьяны, — для тупых профанов. Хочешь настоящего могущества? Без дураков?

Свинцовая поверхность сбросила грязные барашки пены. Разорвала масляные пятна, проглотила грязные перья и клочки бумаги. Под тусклой поверхностью зажглись изумрудные искры. Река вскипела зеленью и перламутром и загорелась всеми оттенками бирюзы.

— Что это?

— Это зеленые воды Лета. Тысячи магов мечтали увидеть их. Они проводили кучу заумных ритуалов, пили кровь девственниц и все такое. Ты стал мудрее и опытнее, мой милый вселенский кошмар. Ты видишь их без всей этой мистической мишуры.

— И что я должен сделать?

— Один глоток. Там — настоящая жизнь. Там ты сможешь щелчком пальцев подчинить врага и расправиться с ним. Смотри!

Из реки выходили утопленники. В прогневших пиджаках, обрывках платьев и тельняшек. За их спинами стоял человек в мантии с перламутровыми костями. Фигура его скрывалась в тумане, черты лица расплывались. Зато колпак выделялся ярким сочным пятном. За спинами утопленников появились латники в шипастых доспехах, кольчатые чудовища.

— Здесь нет справедливости. Здесь все наполовину, понимаешь? В задницу любое могущество, какое найдется в

этом выморочном мире. Думаешь, мы зря встретились? Нас притянуло друг к другу.

Волька принялся развязывать полосатую фенечку с иероглифом на сосновой бирке. Что она дарила ему? Удачу в деньгах, наверное... Только вот не в деньгах удача. И счастье тоже.

Полосатый червячок сполз с запястья. На какой-то миг Вольке показалось, что Аля стоит за спиной. Легкое дыхание щекотало затылок. Теплые ладошки коснулись плеч.

«Если зачарованного удержать, обхватить руками»...

— Теперь я знаю. — Амулет полетел в изумрудную кипень. Драгоценное сияние истаяло, оставляя после себя неприглядное месиво городской реки. Утопленники сползли в воду комками водорослей. — Я знаю, для чего вам наши мечты.

Он шагнул вперед, сдирая с шеи оставшиеся талисманы. Выворачивая карманы — чтоб ни камешка, ни единой счастливой монетки не осталось.

— Вы давно с нами соперничаете. Тысячелетиями. Только мы сильнее. Мы железо знаем! И разное другое.

— Так-так, милый. Продолжай.

— Эти все, что в книжках... Корвин, сэр Макс — они же дети. Вечные дети. Ребенок ничего не решает. Когда ему плохо, он ждет, что появится взрослый и все исправит. Даст новую игрушку... Тени, плевков там ядовитый, щелчок — чтобы щелкнул и все сразу хорошо стало. А чтоб подумать и самому сделать — этого нет. По мирам мотаться — это вы тоже здорово придумали. Дети, когда испортят что-то, они же не убирают за собой. Просто идут в другое место. Где стены дерьмом не вымазаны и окна пока целы. А вам хорошо. Потому что у вас и слово сильное, и власть. И когда все станут детьми, а миры с целыми стеклами кончатся — вот тут и наступит ваше время.

Небылец слушал, не перебивая. Когда горячечный поток Волькиных откровений иссяк, он усмехнулся:

— А ты поглупел, вселенский кошмар. Сделался унылым сухарем. Что ж, ты выбрал. Ешь свой выбор, дырку над тобой в небе! Кутайся в него!

Облик Небыльца стек в землю. Перед Волькой стоял Двит Лир — изменчивый ильс, перетекающий из одного те-

ла в другое. Титановый клинок Лира прятался в деревянных ножнах. Волькино время еще не настало.

— Я снимаю с тебя свои чары, щенок. Поживи без моей власти. Ага-р-р-ра!

Силуэт ильса высверкнуло белым. Пока Волька тер глаза, пытаясь содрать с сетчатки огнистый след, в небе зарокотал гром. Землю вспоролو градом.

Куртку все-таки следовало взять.

Гроза бушевала над Ригой. Первая гроза в году. Еще две — и можно будет купаться... По тротуару, пошатываясь, брел человек. Он не пытался скрыться от рушащейся с небес непогоды. Град сек его плечи белыми искрами-щербинами.

Искр этот человек не видел. Проклятие короля ильсов не прошло даром. Для Вольки больше не существовало свеч кипарисов и барашков волн. Гром не ворчал, а стук сердца не напоминал барабан. Иллюзии и метафоры ушли из его жизни.

Рядом с Волькой притормозила машина. Дверца приоткрылась, высунулся мужичок в кожанке. Бородка и усы делали его похожим на скотчтерьера, но от Вольки это ускользнуло.

— Тебе куда, малахольный?! — Слова потонули в раскатах грома. — Садись!

Волька покорно забрался в теплый салон.

— На Краску.

— Ну и славно. Не по пути, конечно... но в такую погоду довезу. Так и быть.

Кожаное сидение противно скрипело под мокрыми джинсами. Под ногами набралась лужица воды.

— Эк, ты паря... — бормотал водитель, энергично переключая передачи. — В маечке, нате вам. А вот не месяц май!.. Хотя именно май. Это все от фреону, говорят. Озоновая дыра гадит.

«Это от двери в Зиму», — хотел сказать Волька, но передумал. Вместо этого спросил:

— А скажите... тучи — на что они похожи?

— Тучи? В смысле — похожи? Тучи — они тучи и есть.

«Да, — обреченно подумал Волька. — Они всю жизнь

так... И ничего. Не жалуются. Даже не подозревают, что что-то потеряли. Неужели и я привыкну?»

Пока ехали, водитель вытряс из Вольки всю душу. Выспросил, где тот живет, чем занимается, учится ли. Сколько зарабатывает. Кто ему челюсть разбил. Есть ли девушка. В общем, все то, что собаки узнают, просто понюхав друг у друга под хвостом. Волька на вопросы отвечал невпопад, мыслями витая далеко.

«Дверь в Зиму открывается», — думал он. Показалось ли ему — там, на берегу реки?..

«У меня нет никого... кроме тебя...»

Что ты отдашь ради Лета?

Нет, не так.

Ради чего ты пожертвуешь Летом?

Высадив Вольку на переезде, водитель укатил обратно. Ему и в самом деле было в другую сторону. Добрый человек, почаще бы такие встречались. Волька устало поплелся вдоль железной дороги.

«Рельсы, — думал он. — Рельсы должны быть похожи на нити. И на лезвия ножей. На... на что же еще?..»

Не помогало. Проклятые железки не хотели становиться ни лезвиями, ни нитями. Только рельсами и ничем больше.

У дверей своего подъезда Волька остановился передохнуть. Привалился без сил к грязному стеклоблоку. Где-то наверху — его квартира. Чистая, убранная. Ледяная. Добро пожаловать в новый мир, Волька. Мир, где все приходится решать самому...

Зато никто не вынудит его убивать и предавать. Титул Двиг Лира на языке ильсов красив и чарующ. А на человеческом звучит неуклюже: «Мастер, лучше всех знающий, чья жизнь бесполезна».

Волька закрыл глаза. Устал... Пора домой. Пусть этот проклятый день закончится наконец.

— Волчонок мой... Ты вернулся! — Теплая маленькая ручка коснулась его локтя. — А я без тебя не могу по лестнице.

Волька дернулся, едва не сбив Алю с ног:

— Ты?!

Тяжелые капли на клеенчатом дождевике. Намокшая темная прядь из-под капюшона. И улыбка — та самая. С которой ильсам-эльфам ничего не поделать.

Какая она легкая!.. Черно-белый дождь, ранние фонари, нерасцветшая сирень — вымокший город закружился вокруг Вольки, сливаясь в сверкающие полосы.

— Отпусти, сумасшедший!!! Уронишь!

— Никогда! Теперь я тебя держать буду.

— А я — тебя. Ох, как же мне было плохо одной...

Волька поставил девушку на ступеньки:

— Только знаешь... Двит Лир... Он...

— Я знаю. Знаю, Волька. Когда вытягиваешь из круга, всегда так. Ты не плачь, хорошо?.. Мужчины не плачут... А я... мне можно...

Горло перехватило.

— Пойдем... Я научу тебя подниматься.

Лампочек, как всегда, не хватало. Темные пролеты Аля преодолевала с закрытыми глазами, вытянув вперед руки. Один раз она споткнулась, но Волька оказался рядом. Подхватил, прижал к себе, вслушиваясь в оглушающее биение сердца.

— Волчонок мой. — Ласковые нежные пальцы перебирали пряди Волькиных волос. — Неужели ты так и не понял? У Двит Лира нет власти над красками жизни. Иначе зачем бы ему вся эта катавасия с мирами?

Волька кивнул, закрывая глаза. Ничего... Главное — закрыть дверь в Зиму.

А Лето в наш мир мы принесем сами.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Положив ноги на стол (дурацкая привычка, позаимствованная им у американцев, но сейчас полюбившаяся), он смотрел в потолок. Лепнина складывалась в странный узор, если раскачиваться равномерно. На седьмом году Революции она пошла трещинами — узор был причудлив, что-то в нем читалось. Но доброе или дурное предзнаменование — непонятно.

Только что, по привычке, он попробовал провести несколько опытов — они всегда веселили друзей. Однажды он долго думал о кружке и таки заставил ее исчезнуть. «Где же кружка? Где же кружка?» — повторяла мать недоуменно, растерянно разводя руками посреди горницы, но он так и не раскрыл ей тайны. Она ведь еще жива, моя старушка, и я пока жив. А над ее избушкой сейчас струится легкий дымок...

Впрочем, он отвел этой женщине глаза так, что фокус с кружкой кажется детской шалостью.

Ложки, кстати, поддавались мистическим практикам куда лучше.

Ему вообще поддавался мир русских вещей — вещи заграничные слушались хуже. То же было и с русскими словами — там буквы подбирались одна к другой, как рожь на поле, а латиница шла с трудом.

Раньше, много лет назад, он знал латынь, но теперь время вытравило из него все языки, кроме русского. Многие звали его Сережей — когда тебе под тридцать, это немного обидно.

Но он-то знал, что ему никогда не будет больше. Что он просто не может стареть.

Сережа сжимал в руке стакан — водка-рыковка, только что подорожавшая, давно степлилась на столе.

Скрипнула тяжелая резная дверь — наконец-то.

Он пришел — человек в черной коже, с его лицом.

В первую секунду Сережа даже поразился задумке — действительно, зеркало отражало близнецов: одного в костюме, с задранными ногами, а другого — в черной коже и коворотке.

— Вот мы и встретились, Сергунчик.

Черный человек говорил с неуловимым акцентом.

Интересно, как они это сделали, грим? Непохоже — наверное, все-таки маска.

— Пришел твой срок, — продолжал человек в пальто, садясь за стол.

Поэт про себя вздохнул — тут надо бы сыграть ужас, но что знает собеседник о его сроке? Можно сейчас глянуть ему в глаза, как он умел, — глянуть страшно, как глядел он в глаза убийце с ножом, что пристал к нему на Сухаревке, так что тот сполз по стене, выронив свой засапожный инструмент.

Но сейчас Сережа сдержался.

— Помнишь Рязань-то? Помнишь, милый, детство наше...

Это было бы безупречным ходом, да только кто мог знать, что Серезино детство прошло совсем в другом месте? Какая Рязань, что за глупость?

Он родился в Константинополе.

На второй год Революции Сережа встретился с Морозовым, только что выпущенным на свет шлиссельбургским узником. Старика-народовольца неволя законсервировала — он был розов, свеж, грозно топорщилась абсолютно белая борода. Морозов занимался путаницей в летописях и нашел там сведения о нем, Сергунчике. Он раскопал, что переписчики перепутали документы (знал бы он, сколько это стоило) и заменили Константинополь на Константиново.

Сережа улыбнулся, глядя ему в глаза. Кто ж тебе поверит, старичок, разве потом какой-нибудь академик начнет вслед тебе тасовать века и короны, но и ему никто не поверит.

А сам он хорошо помнил тот горячий май пятьсот лет назад, когда треск огня, крики воинов Фатиха и вопли жителей окружили храм. Со звоном отскочили петли, и толпа янычар ворвалась внутрь. Среди них было несколько выде-

лявшихся, даже среди отборных головорезов Фатиха. Отрок знал — эти воины, похожие на спешившихся всадников, были аггелами. Лица их были покрыты чертами, будто выточены из дерева.

Звуки литургии еще не стихли, и священники один за другим вошли в расступившуюся каменную кладку, бережно держа перед собой Святые дары.

Отрок рвался за ними, но старый монах схватил его за руку и повел через длинный подземный ход к морю. Они бежали мимо подземных цистерн, и в спины им били тяжелые капли с потолка.

Монах посадил его на рыбацью лодку — два грека хмуро смотрели на полыхающий город.

Это были два брата — Янаки и Ставраки, что везли отрока вдоль берега, боясь потерять землю из вида. Он читал им стихи по-гречески и на латыни — море занималось цензурой, забивая отроку рот соленой водой. Но скоро они достигли странной местности, где степь смыкалась с водой, и отрок ступил на чужую землю.

С каждым шагом, сделанным им по направлению к северу, что-то менялось в нем.

Он ощущал, как преобразается его душа — тело теперь будет навеки неизменным.

Он стал Вечным Русским — душа была одинока и привязана не к земной любви, а к небесной. Но никогда не забывал он о Деревянных всадниках, ибо про них было сказано еще в Писании: Михаилъ и аггели его брань сотвориша со змиємъ, и змій брася, и аггели его. И сражение это было вечным.

Гость в черном бубнил что-то, время от времени посматривая на него. Верно, он думал, что Сережа совсем пьян.

Точно так же думал мальчик, что приходил вчера, — в шутку Сережа записал ему кровью свой старый экспромт — и понял, что случайность спасла его тайну.

Кровь сворачивалась мгновенно — пришлось колоть палец много раз. И только наивность мальчика не дала ему заметить, как мгновенно затягивается ранка.

Стихи — вот что вело его по жизни, но этот виток надо

было заканчивать. Он действительно обманулся во времени, Вечный Русский купился — купился, как мальчишка, которого папаша привез в город. Да тайком сбежав, проиграл мальчишка все свои замотанные в тряпицу копейки на базаре.

Его предназначение — стихи, а стихов на этом месте не будет.

Без стихов вечность ничего не значит, все остальное ничего не значит. Вот когда он дрался с известным поэтом Сельдереем, то внезапно почувствовал его особую ненависть. Только сейчас он догадался, что Сельдерей ненавидел не его, а судьбу. Судьба распорядилась так, что Вечный Жид, вечный поэт-еврей — не он, а нищий Мосштамп. Сельдерей не понимал этого вполне, он, как тонкая натура, чувствовал обман судьбы и дрался именно с ней, а не с товарищем по цеху.

Ему была уготована жизнь человека, что умрет в своей постели, испытав раннюю и позднюю любовь, хулу и хвалу, но умрет навсегда, а Мосштамп будет вечно странствовать по Земле, выбравшись из-под груды мертвецов на дальневосточной пересылке.

Человек за дверью переминался неловко, шуршал чем-то в ожидании дела, и Сережа совсем загрустил. Было даже обидно от этой топорной работы.

Он вспомнил, как в берлинском кабаке встретил Вечного Шотландца. Сережа сразу узнал его — по волнистым волосам. Они всю ночь шатались по Берлину, и, захмелев, Вечный Шотландец стал показывать ему приемы японской борьбы баритцу. Совсем распаяясь, Шотландец вытащил из саквояжа меч и начал им махать, как косарь на берегу Оки.

В одно движение, поднырнув сбоку, Сережа воткнул ему в бок вилку, украденную в ресторане.

Шотландец хлопал глазами, икал и ждал, пока затянется рана.

Он признал себя побежденным, и до рассвета они читали стихи: Вечный Шотландец читал стихи друга — о сухом жаре Персии, о волооких девушках, руки которых извиваются, как змеи, а Сережа — шотландские стихи о застигнутом в

зимней ночи путнике, о северной деве, что, приютив странника, засыпает между ним и стеной своего скромного дома. Наутро она шьет путнику рубашку, зная, что не увидит его больше никогда, и Сережа понимал, что это стихи про них, про неприютную жизнь вечно странствующих поэтов.

Прощаясь на мосту через Шпрее, Сережа подарил Шотландцу злополучную вилку, которую тот сунул в футляр для меча. Роберт МакЛауд, или Бернс, как Сережа звал его по привычке, удалялся в лучах немецкого рассвета со своим нелепым мечом, и волосы его развевались на ветру.

И теперь, сидя в фальшивой ловушке, Сережа понимал, что может убить их обоих, чекистов (а у него уже не было сомнения, кто это), выдернуть из жизни, как два червивых гриба из земли, оставив небольшие, почти невидимые лунки в реальности. Зарезать, скажем, вилкой. Или — ложкой... Нет, ложка исчезла во время медитативных опытов.

Но не то было ему нужно, не то. Поэтому он и был поэтом, что тащила его большая цель, а не звериная жажда крови.

Как зверю берлогу, нужно было ему покидать свое место, потому что ошибся он с рифмой на слово Революция.

Гость достал откуда-то из недр пальто засаленный том и, шелестя рваными страницами, принялся читать вслух какие-то гадости — кажется, слезное письмо Гали (стоны вперемешку с просьбами). Вот это было уже пошло — как-то совершенно унижительно. Он позволил себе не слушать дальше — про счастье и изломы рук, про деревянные всадников.

А вот он действительно знал, кто такие Деревянные всадники, что появились внезапно в высокой траве, едва лишь он сошел с поезда у Константинова. Надо было убедить родных в собственном существовании (это удалось), но всюду за ним следовали Деревянные всадники — в одном из них он сразу узнал Омара, одного из Воинов Фатиха, который чуть было не зарубил его в соборе пятьсот лет назад.

Деревянные всадники — вот это было бы действительно страшно, ибо только им дана власть над странствующими поэтами. Один из них гнался за автомобилем, в котором он ехал с женой, и, поняв, что не может достать Сережу кривой саблей, дернул синий шарф, вывалив жену из машины.

Сережа не мог простить себе этой смерти, хоть и не любил жену. Мстить было бессмысленно — у Деревянных всадников была особая, неодолимая сила, и тогда он плакал, слушая, как удаляется грохот дубовых подков о брусчатку.

Ангелы — это не наивные и доверчивые чекисты, если бы он сейчас услышал деревянное ржание их коней на Исаакиевской площади, здесь, под окнами, весь план бы разрушился. А эти... Пусть думают, что поймали его в ловушку гостиничного номера.

Гость в этот момент завернул про каких-то гимназистов, и Сережа нарочито неловко налил себе водки.

У водки был вкус разочарования — да, от красной иллюзии нужно уходить...

Вдруг человек в пальто прыгнул на него, и тут же в номер вбежал второй. Они вдвоем навалились на него, и тот, второй, начал накидывать на шею тонкий ремень от чемодана.

Поэт перестал сопротивляться и отдал свое тело в их руки.

Ловушка сработала — сработала их ловушка, но тут же начал воплощаться и его замысел. Пусть они думают об успехе.

Человек в черном еще несколько раз ударил поэта в живот — и тот запоздало удивился человеческой жестокости.

Он ждал своей смерти, как неприятной процедуры, — он умирал много раз, да только это было очень неприятно, будто грубый фельдшер ставит тебе клистир.

Глухо стукнув, распахнулась форточка, и он почувствовал, что уже висит, прикасаясь боком к раскаленной трубе парового отопления.

«Вот это уже совсем ни к чему», — подумал он, глядя сквозь ресницы на чекистов, что отряхивались, притоптывали и поправляли рукава, как после игры в снежки. Один вышел из номера, а второй начал обыск.

Висеть было ужасно неудобно, но вот человек утомился, встал и скрылся за дверью туалета.

Поэт быстро ослабил узел, спрыгнул на пол и скользнул за дверцу платяного шкафа.

Ждать пришлось недолго.

Из глубины шкафа он услышал дикий вопль человека,

увидевшего пропажу тела. Он слышал сбивчивые объяснения, перемежавшиеся угрозами, слышал, как отправили ко-го-то в морг за ничейным мертвецом.

Мертвец был найден, но оказалось, что это самоубийца, вскрывший себе вены.

Однако чекистам было уже не из чего выбирать, время удавкой схлестывало им горло — подтягивало на той же форточке.

Сквозь щелку двери поэт видел, как мажут клеем гуттаперчевую маску и натягивают на лицо незадачливого самоубийцы.

В просвете мелькнули ноги мертвеца, безжизненная рука — и вот новый повешенный качался в петле.

Чекисты еще пытались поправить вмятины и складки маски, нервничали, торопились, и поэт слышал их прерывистое дыхание.

Когда наконец они ушли, Сережа выбрался из шкафа и с печалью посмотрел в безжизненное лицо своего двойника. Прощаясь с самим собой, он прикоснулся к холодной мертвой руке и вышел из номера.

Сережа закрыл дверь, пользуясь дубликатом ключа, и вышел на улицу мимо спящего портье в полувоенной форме.

Ленинград был черен и тих.

Сырой холод проник за пазуху, заставил очнуться. Волкодав промахнулся — и ловушка поэта сработала, как, впрочем, и чекистский капкан.

Теперь можно было двинуться далеко, на восток, укрыться под снежной шубой Сибири — там, где имена городов и поселков чудны. Например, «Ерофей Палыч». Или вот — «Зима»... Почему бы не поселиться там?

Жизнь шла с нового листа: рассветным снегом, тусклым солнцем — сразу набело.

ПОБЕДИТЕЛЬ ДРАКОНА

Der aber ritt schön weit von der
Stadt, und es war ein Himmel voll Lerc-
hen über ihm.

Rainer Maria Rilke. Der Drachentöter¹.

тароста, не веря своим глазам, смотрел на горизонт — тонкий вначале, дальше размазанный вширь, треугольник поднявшейся пыли приближался.

А так все хорошо складывалось, все им было рассчитано — никакого соревнования. Но правила были нерушимы, нужно было трижды позвать всех, кто хотел биться с Драконом. Один раз надо было крикнуть вверх, в небо. Один раз прошептать приглашение на бой воде. И наконец произнести его, глядя в степь — туда, откуда приближался Победитель Драконов.

А у старосты был давно продуманный верный план, и этот план сидел сейчас на лавочке, глядя себе под ноги. План сплевывал семечки, и ему было шестнадцать лет.

Староста давно хотел выдать дочь за сына мельника. И мельников сын должен был завтра идти биться с Драконом.

Того, кто пришел вчера, он не считал за конкурента — второй был нищим, человеком воздуха. Воздух гулял по его карманам и звенел в его голове. Он добрался сюда на чихающем бензином дребезжащем драндулете о двух колесах, к которому был привязан воздушный змей. Всего имущества, что увидел староста, у чужака была зеленая труба с пороховой ракетой внутри да очки на раскосых китайских глазах.

А дочь старосты была предназначена мельнику уже тогда, когда завопила в первый раз от шлепка повивальной бабки, уже тогда, когда произнесла первое слово, когда за-

¹ Но рыцарь был уже далеко-далеко от города и над ним было небо, полное жаворонков. Райнер Мария Рильке. *Побегитель Дракона* (нем).

думчиво глядела на вращающееся колесо и бездумно слушала журчание воды.

Теперь все рушилось, но староста еще не хотел верить. Была еще одна примета, и вот он услышал хриплый металлический звук — сначала тонкий, как писк комара, но нарастающий с каждой минутой.

I got on the phone and called the girls, said
Meet me down at Curly Pearls, for a...

И сердце его упало, а рот наполнился кислой слюной.

«Ney, Nah Neh Nah» — жестью гремел динамик, и староста в раздражении дернул себя за бороду.

Механическое чудовище, пыля по гладкой как стол равнине, приближалось. Деревня высыпала на край оврага, глядя, как, поводя башней, танк поднимается на бугор. Сначала он исчез на секунду, а потом выпрыгнул и в облаке пыли двинулся вдоль деревенского забора.

Боевой слон остановился на площади — рядом с бронированным трактором мельника. Трактор был похож на ежа — из каждой дырки в броне торчал ствол. Но рядом с пришельцем он казался детской игрушкой. Однако как раз пришелец был пятнист разным цветом — от ржавого до грязно-белого, украшен оранжевой бахромой по бортам, и все еще хрипел на нем репродуктор-колокольчик:

In my high-heeled shoes and fancy fads
I ran down the stairs hailed me a cab, going
Ney, Nah Neh Nah

When I pushed the door, I saw Eleanor
And Mary-Lou swinging on the floor, going Ney, Nah Neh Nah

Sue came in, in a silk sarong
She walzed across as they played that song,
Going...

Но тут что-то щелкнуло, и музыка кончилась.

Сухая земля на секунду замерла в воздухе, будто думая, осесть ли на лица крестьян, решила наконец, и вот облако пыли начало редеть. Из башни вылез Командир — высокий и длинный, в выцветшем до белизны комбинезоне, сладко потянулся и спрыгнул вниз.

Староста ждал его, не двигаясь.

— Когда? — только и спросил танкист.

— Завтра, после рассвета, как в правилах сказано — ударим в рельсу и начнем...

— Ну и хорошо. — И, к удивлению старосты, высокий, не дослушав, вернулся к машине, стукнул в броню железякой: — Ганс, Мотя, вылезайте.

Из машины выползли, будто нехотя, щурясь на солнце как кроты, еще двое.

Экипаж пошел на базар мимо селян, что тупо смотрели на эти чудеса. Последним шел горбоносый радист в шлеме с наушниками, который вдруг обернулся и показал замешкавшейся селянке «козу» двумя пальцами.

Та отшатнулась, подавшись назад, наступила на спящую в пыли собаку, разом поднялся лай, крики, но танкисты уже шли к торговым рядам, горбоносый раскрывал мешок, показывал издали разные диковины — батарейки да ножики, блестящую кастрюлю с крышкой и странную диковину — большой шар, весь разрисованный непонятными кляксами, покрытый непонятными письменами и ровными линиями.

Они вернулись, нагруженные и повеселевшие, отогнали танк к ржавой, но действующей заправке — по давнему правилу бесплатной для них.

— Что удивительно, — бормотал Мотя, — это то, что у меня глобус купили. Два месяца с собой глобус возил, а только сегодня купили. Красота!

Мехвод сосредоточенно грыз морковку — это был угрюмый немец, знавший толк в ожидании.

— Глобус — это хорошо. А вот масло у них дрянь. Так всегда перед выходом — масло дрянь и солярки недолив.

— Это потому, что они привыкли к правилам — раз в год придут халявщики. А Дракон придет — не придет, то никому не известно. Про Драконов никому никогда не известно.

— Мы не халяфщики, — сказал немец упрямо. — Мы исполняем правило. А по правилам нас должны заправить и дать оружие.

Механик кривил душой — они с заряжающим знали, что в правилах ничего не значилось про качество оружия и топлива. Дадут тазик для варенья и столовый нож — и возразить нечего. Правила есть правила.

А разоряться крестьянам нечего — победитель тот, кто

первым достигнет границы, убедится, что Дракона нет, и вернется в деревню с радостной вестью.

Из домика торговца горючим вышел Командир:

— Все, переговоры, теперь поедем — я вам кое-что покажу.

Танк харкнул сиреневым выхлопом и медленно поехал по улицам. На него хмуро смотрели мужики, дети против обычного не бежали за машиной.

Командир ткнул пальцем в склон.

— Что там, видите?

— Ничего не вижу, — отозвался честный механик.

— Стоп, приехали. Туши свет — сейчас увидишь.

Перед ними были руины странного здания, гигантские колеса, через которые проросла трава. Жестяной непонятный кузов, подломленная мачта, висевшая на тросе.

— Это канатная дорога, — сказал Командир дрогнувшим голосом. — Я тут родился — влево дома наши были. А теперь что-то нет ничего... Я, конечно, знал, что... нет, не так чтобы совсем ничего...

Экипаж принялся обустроиваться. Ганс вытащил самодельный мангал, а Мотя нашел в развалинах почти целый стол и стал приделывать к нему недостающую ножку. Командир курил и глядел на склон вверх, туда, куда уходили рваные тросы.

Староста в этот момент лихорадочно соображал, что делать, — за столом у него сидел озабоченный мельник. Плескался в кружках самогон, табачный чад лежал на полу белым одеялом, покрывая сапоги, копошился под низким потолком. Солярки старосте уже было не жалко — он представлял, как его дочь подсаживают на гусеницу, она карабкается на стальную круглую башню, и чернявый танкист, задерживая руку на девичьем задугу, толкает ее вверх. Он даже помотал головой, отгоняя видение.

— Сосед, — вдруг сказал мельник, — а пошли им свою дочку поздно вечером. С припасом.

— Ты думай, что говоришь, — у нас ведь слажено все, — с тревогой глянул на него староста.

— Слажено — не разладится. Девка все равно в цене, одним разом больше, другим меньше, а мы в рельс стукнем тихо — на рассвете стукнем, пока остальные спят. Мой сынок и двинется пораньше, и вернется первым. А дочку твою он все равно возьмет. Хорошая ведь дочка, крепкая.

Это был выход, и староста понял это сразу, но для виду еще долго охал, сомневался и говорил невнятное, запивая каждое слово самогоном, будто чередуя питье и закуску.

Дочь старосты долго наблюдала за танкистами из-за кустов, пока не вскрикнула от неожиданности. Кто-то схватил ее в охапку и вытащил на открытое место. За спиной пахло машинным маслом, металлом и потом — чужие руки держали крепко, а их хозяин захохотал у нее над ухом.

Она сказала, что принесла обед, чтобы все было по правилам.

— По правилам, у нас все по правилам, — шептала она.

Руки разжались, и она чуть не упала. Человек, пахнувший машиной, исчез в кустах и снова вернулся с корзиной, что она выронила.

Танкисты, не обращая на нее внимания, склонились над корзиной и присвистнули.

Еды было вдосталь — и это было необычно. Необычным были и две бутылки, лежавшие на самом дне.

Дочь старосты усадили за стол, но она жевала, не чувствуя вкуса, только думала, возьмут ли они ее все сразу или по очереди. Командир ей нравился, и она решила, что лучше по очереди и Командир будет первым.

Она хлебнула самогона, но в этот момент почувствовала его странный вкус. Дремота начала наваливаться на нее, она заваливалась на плечо механика и вскоре начала падать в черный колодец забвения.

Тогда механик аккуратно положил ее на деревянную скамью.

— Я сразу понял, — сказал Мотя, — что дело нечисто. Да только зачем?

— Я догадываюсь — зачем, — мрачно сказал Командир. — Но дело не в этом. У меня нехорошие предчувствия. Дракон появился. Я чувствую Дракона, а это чутье меня ни-

когда не обманывало. Так что завтра будет очень трудный день. Все спим тихо и без фокусов.

Мотя с сожалением хлопнул бесчувственное тело девушки по какой-то округлости (сам не понял, по какой) и ушел спать в танк, где уже ворочался мехвод. Командир расстелил спальник на земле и принялся смотреть в зоревое небо.

Предчувствия его не обманывали, и времени до рассвета оставалось немного. Нужно было спать, но он не мог закрыть глаза. Это были звезды его детства, и много лет назад он лежал так же, только дрожа от холода в своей мальчишечьей курточке, и смотрел в такое же небо, усыпанное жемчугом. Здесь, чуть севернее, был сделан его танк, и танк был немногим моложе его. Теперь они вернулись в то место, где оба родились и где не было никаких следов прежней жизни.

Экипаж храпел, девушка спала беззвучно. Он подумал, не пойти ли к ней. Но в тот же момент Командир услышал, как девушка мычит, просыпаясь. Пауза... Треснула ветка, другая, но уже тише, дальше — девушка, запинаясь, бежала прочь.

И он, перевернувшись на бок, сразу заснул.

Во сне он летел, будто вернувшись в детство, над городом — над зеленью парков, над садами и узкими улицами, заросшими каштанами, над рекой с полуобнажившимся дном. Он искал свой дом и не мог найти, но все равно сон был сладким, как бывает сладок леденец в детстве, и светел, как летнее утро.

Он проснулся оттого, что мехвод тряс его за плечо.

— Кажется, пора.

— Не торопись, Ганс, — ответил он. — Не торопись. Тут вот какая штука... Сегодня не надо быть первым, нужно быть вторым, а лучше — третьим. Третьим быть лучше всего. А староста уже подал знак, я чувствую, что подал — все давно началось.

Они молча доели снедь, оставшуюся с вечера, мехвод выбулькал самогон в бак, а хозяйственный Мотя прибрал бутылки.

Так они и двинулись — в розовых лучах рассвета, мимо

тихих домов, пустынной площади и дома старосты. Староста злорадно смотрел на них, сплющив нос об оконное стекло. Дочь жалась к стене, не рассказав ничего, но старосте хватило того, что платье ее не порвано, а на теле нет синяков.

Староста смотрел в окно и смеялся над тем, что Победитель Драконов едет в другую сторону, а значит, длинным путем.

И танк действительно, урча, лез в гору, поднимался по кривой, петляющей по склону, и наконец оказался на самой вершине. Командир велел ждать, а сам стал глядеть в холодные глазки стационарного бинокля. Раз за разом он обшаривал оптикой горизонт — и вот наконец увидел то, что искал.

На горизонте поднимался тонкой стружкой дымок.

«Упокой Бог душу сына мельника», — подумал он и забыл и о мельнике, и о его сыне навсегда.

— Все! Работаем! — крикнул он и не узнал своего голоса. Командир никогда не мог понять, как звучит его голос в этот момент, но именно теперь, как ему показалось, голос дрогнул. — Штурман! Курс на дым, триста десять, десять! Держать курс, пошли.

Заревел двигатель, и они пошли вниз, набирая ход. Но на равнине, миновав обгорелый остов трактора, они увидели еще несколько воронок, в одной из которых лежал искореженный мотоцикл.

Мотя восхитился:

— От ить, косоглазый, — всех обставил. Жалко его...

Но косоглазый обнаружился живым и невредимым, и Мотя выдернул его из окопа-недомерка прямо на ходу, как морковку из грядки.

— Звать-то тебя как?

— Меня зовут Ляо. Я умею чинить электрические цепи, слаботочную ап...

— Молчи, парень, — прервал его Командир. — Сиди сзади, ничего не трогай, в телевизор гляди.

Ляо немного обиделся, но не подал виду. Он воевал с Драконами всю свою жизнь и всю жизнь перед боем раскрывал потрепанный томик Книги Перемен — сегодня был день перемен именно для него, и переменам нужно было подчиняться безропотно.

Он только сказал Командиру, что видел, как Дракон

ушел на север, но он, Ляо, знает, что Дракон всегда возвращается к месту победы после того, как сделает круг.

Его снова похлопали по плечу, и Ляо уже стоило труда не обидеться.

Внутри танка звучала песня, и Ляо вслушивался в неизвестные слова:

Annie was a little late
She had to get out of a date with a
Ney, Nah Neh Nah
Curly fixed another drink
As the piano man began to sing that song
Ney, Nah Neh Nah

— А про что ваша песня-то? — спросил Ляо у штурмана. Мотя в первый раз замаялся и ответил невнятно, оглянувшись на широкую спину Командира:

— Ну, знаешь... Это хорошая довоенная песня. Народная. Там девчонки пляшут, суженых зовут. Хорошая песня — казачья еще.

It was already half past three
But the night was young and so were we, dancing
Ney, Nah Neh Nah Oh Lord, did we have a ball
Still singing, walking down that hall, that
Ney, Nah Neh Nah

О, лорд! — это Ляо понял. Это значило — с богом. Раньше он воевал вместе с ирландским батальоном, пока ирландцы не прорвались на север, через минные поля. Ирландцы говорили похоже, часто восклицали «Лорд!», хотя, может, это и были настоящие казаки.

Но песня быстро кончилась.

Старый радар работал плохо, и прошло еще много времени, пока они выделили из облака помех Дракона. Главнее было то, что Дракон заметил их.

Теперь все стало простым, все встало на свои места, как снаряды в ленте автомата заряжания.

Дракон, завершая круг, шел прямо на них. Его видели все — в перископах и телевизорах.

Ляо заворуженно смотрел, как Дракон в сиянии ослепительного круга пропеллера над тушей и боевой подвеской под ней прерывает разворот и выходит точно по их курсу. Маленький китаец не боялся ничего — он знал, что Перемена свершилась и больше никто сегодня не умрет.

Он, Ляо, не должен сегодня умереть, а значит, все те, кто подобрал его, будут жить. Ведь Дракон убьет всех, если победит. Всех или никого. Так говорит книга, а книге Ляо верил.

— Ганс, готовься! На счет «два»... — Командир начинал какой-то давно отработанный маневр. — Два! — и танк резко остановился. Ляо в последний момент уцепился за скобу, его бросило вперед, но привязной ремень не дал ему разбить лицо.

Прямо перед танком встал столб огня и дыма. Дракон плюнул первый раз.

Мелькнуло наверху его жестяное брюхо и радужный гигантский круг над ним, но Командир уже орал:

— Мотя! Давай, давай, давай!

Танк вздрогнул от отдачи, с шорохом что-то слетело с башни, потом мгновенно повернулась сама башня, прижав Ляо к броне, и ухнула уже пушка.

— Еще! Еще вдогон!

Снова ухнуло. Ляо посмотрел в телевизор, но на экране был только дым. Танк стронулся с места и медленно начал выходить из облака дыма и пыли.

— Мотя, видишь засветку, видишь засветку? Не спи, Мотя...

Ляо перестал понимать, что происходит. Ревел мотор, они мчались по степи, и время от времени клекот Дракона наполнял воздух над ними. Ляо был спокоен и волновался только о том, как бы не разбить себе нос.

Вдруг танк трянуло, и над ухом у Ляо закричали тревожно. Было понятно, что что-то идет не так, и вот Дракон снова вышел им навстречу, снова приближалась его туша, но экран перед Ляо был серым, полным мигающих точек и дрожащих линий.

— Мотя, я буду сам наводить, с пульта навожу...

Ляо увидел, как плывет по ленте снаряд с прозрачной головкой, как переворачивается, исчезает в жерле, как вдруг воцаряется внутри тишина. Он слышит, как пощелкивает какой-то прибор над головой.

И через секунду бронированный слон присел на задние лапы, дернув хоботом. Снаряд, вылетев из ствола, раскрыл

крылышки, закрутил стеклянной головой — всего этого не слышит Ляо, только видит, как вдруг появился Дракон в телевизоре и прыгнул на Ляо.

Прыгнул и тут же снова пропал, превратившись в жар и грохот.

Даже под броней Ляо втянул голову в плечи. А танкисты заревели, как кабаны, кричат — разворачиваться нужно. Только не видно ничего, и вот Командир откидывает люк и лезет наверх.

Сзади лежит туша Дракона, пробегают по ней язычки пламени, а лопасти-крылья — тонкие, длинные — лежат куда дальше.

Командир внимательно посмотрел на ворочающегося врага, врага в последних судорогах, но для верности крикнул вниз:

— Ганс, Ганс, надо переехать ему хвост! Сдавай назад, я буду командовать. Левая стоп, правая полный, разворот, малый, еще тише — вперед!

Тяжело переваливается раненый боевой слон, и вот уже хрустит у него под ногами тонкая Драконья кожа, хоть и железная, да кто поборет слона на земле. Это в воздухе Дракон силен, а тут он вышел весь, понемногу растворяется в огненном озере своей крови.

Командир почувствовал, как набухает внутри его счастье — здесь был его дом, и здесь он убил Дракона, круги замкнулись, образуя важную геометрическую фигуру.

Если бы эти горизонтальные черточки и круги, что представил себе Командир, показать Ляо, то все спокойствие слетело бы с китайца.

Но в этот момент что-то лопнуло в черной, объятый пламенем туше, и вылетел оттуда тонкий острый осколок. Этот осколок влетел Командиру точно в горло, и тот почувствовал, как воздух его родины проникает в него сразу с двух сторон, мешаясь с кровью. Он еще успел сжать воротник рубкой, прежде чем начал сползать вниз.

Танк тронулся с места и уполз подальше от места сражения — в овраги.

В деревне уже стоял шум. Старый священник лупил в

рельс и приплясывал между ударами, как юноша, визжали свиньи под ножами, щебетали девушки, а мужики тормозили тех, кто видел, как умирал Дракон.

Только мельник выл, катаясь по полу, как собака, которой отрубили лапу.

Дочери старосты мать вплетала в волосы ленты с тем же усердием, с каким хорошая хозяйка вставляет в рот жареному поросенку метелку укропа. Девушка сидела смиренно, но вдруг поняла, что никто к ней не придет. Она пыталась представить, как механическое чудовище остановится у ворот и на пороге появится Он, — и не могла.

Она чувствовала, что теперь должна принадлежать ему как вещь, но одновременно понимала, что оказалась бесполезной — как ножны без меча. Но все равно, она не прерывала свою мать, что хлопотала и суежилась над ее телом, как над блюдом.

Экипаж отправился в путь только к вечеру.

А в этот момент мертвого Командира привязали тросом к моторному отсеку. Командир лежал на спине и смотрел остановавшимися глазами в небо. Ляо протянул руку, чтобы закрыть эти страшные глаза, но наводчик перехватил его за запястье:

— Не надо. Это его небо — пусть досмотрит.

Ляо ничего не ответил и полез внутрь. Мотя спустил ноги в люк, крикнул что-то вниз и перекинул тумблер на проигрывателе.

Танк двинулся прочь от деревни к ровной линии между степью и исчезающей солнечной долькой.

Командир, изредка качая головой, плыл под родным небом, в котором не было ни облачка, только полыхало красным в одном краю и накатывало фиолетовым с другого края.

Боевой слон пылил степью, держа на закат, и только угасала песня вдали:

It was already half past three
But the night was young and so were we, dancing
Ney, Nah Neh Nah Oh Lord, did we have a ball
Still singing, walking down that hall, that
Ney, Nah Neh Nah

ДЕНЬ ГОРОДА

Но вагону каталась бутылка — только поезд наберет ход, она ласкалась им в ноги, начнет тормозить — покатится в другой конец. День города укатился под лавки, блестел битым пивным стеклом, шелестел фантиками.

Мальчики ехали домой и говорили о важном — где лежит пулемет и как обойти ловушку на шестом этаже. Каждого дома ждали черный экран и стопки дисков. Они шли по жизни парно, меряясь прозвищами — Большой Минин был на самом деле маленьким, самым маленьким в классе, а Маленький Ляпунов — огромным и рослым, ходил в армейских ботинках сорок пятого размера. Витек Минин любил симуляторы, а Саша Ляпунов — военные стратегии, но в тринадцать лет общих правил не бывает. Мир внутри плоского экрана или лучевой трубки интереснее того, что вокруг.

Они ехали в вагоне метро вместе с двумя пьяными, бомжом, старушкой и приبلудной собакой.

Женский голос наверху сообщил об осторожности, и двери закрылись.

Следующая — «Маяковская», и бутылка снова покати-лась к ним.

— А что там, в «Тайфуне»? Это про лодку? — спросил Минин.

— Это про войну. Там немцы наступают — я за Гудериана играл. Тут самое главное — как в спорте, последние несколько выстрелов.

По вагону пошел человек в длинном грязном плаще. Он печально дудел на короткой дудочке — тоскливо и отрывисто.

Старушка засунула ему в карман беззвучно упавшую мелочь.

— Там самое важное — время рассчитать, это как «Тет-

рис»... Да не смотри ты на него, у нас денег все равно нет. — Витек потянул Сашу за рукав. — Пойдем посмотреть новый выход.

Они вышли в стальные арки между родонитовых колонн — вслед за нищим музыкантом.

Станция была тускла и пустынна. Посередине мраморного пространства стоял обыкновенный канцелярский стол. Музыкант подвел их к столу, за которым листал страницы большой амбарной книги человек в синей фуражке.

— Это кино, кино... — Витек обернулся к Саше, но никакого кино не было. Он повторил еще раз про вход, но их только записали в странную книгу, и музыкант повел мальчиков к эскалатору.

Чем выше они поднимались, тем холоднее становилось. Наверху холодный воздух, ворвавшийся через распахнутые двери, облил их, как вода.

Площадь Маяковского странно изменилась — памятника не было, исчезли путепровод и дома напротив. Была старинная пушка на колесах с деревянными спицами. Вокруг стояла удивительная тишина, как в новогоднее утро. Снег неслышно падал на мокрый асфальт, и жуть стояла у горла, как рвота.

Мальчики жались друг к другу, боясь признаться в собственном страхе. Два солдата посадили их в кузов старинного грузовика, и он поехал в сторону Белорусского вокзала.

Москва лежала перед ними — темна и пуста. Осенняя ночь стояла в городе, как черная вода среди кочек торфяного болота. На окраине, у «Сокола», они вошли в подъезд — гулкий и вымерший.

Музыкант-дудочник вел их за собой — скрипнула дверь квартиры, и на лестницу выпал отрезанный, как сыр, сектор желтого света. Высокий подросток молча повел Ляпунова и Минина в глубь квартиры. Такие же, как они, дети, испуганные и не понимающие, выглядывали из-за дверей бесконечного коридора.

Сон накрывал Минина с Ляпуновым, и они заснули еще на ходу — от страха больше, чем от усталости, с закрытыми глазами бросая куртки в угол и падая на один топчан.

Когда Большой Минин открыл глаза, он увидел грязную

лепнину чужого потолка. Мамы не было, не было дома и вечно горящего светодиода под плоским экраном на столе. Был липкий ужас и невозможность вернуться. В грязном расцветном свете неслышно прошла мимо Минина высокая фигура — это вчерашний музыкант встал на скрипучий стул рядом с огромными, от пола до потолка, часами. Тихо скрипнув, открылось стеклянное окошечко — дудочник открыл дверцу часов.

Он начал вращать стрелки, медленно и аккуратно. Через прикрытые веки Большой Минин видел, как в такт каждому обороту моргает свет за окном, и слышал, как при каждом обороте с календаря падал новый лист. Листки плыли над Мининым, как облака.

Минин зажмурился на мгновение, а когда открыл глаза, то никого рядом не было. Только лежал рядом листок календаря с длинноносим человеком на обороте — и социалист Сен-Симон отворачивался от Минина, глядел куда-то за окно, на свой день рождения.

Пришел бледный Ляпунов, он уронил на топчан грузное тело и принялся рассказывать. Это не кино — никакого их мира не было этом в городе, на улицах ветер гонял бумаги с печатями, а люди грабили магазин на углу. Ляпунов взял две банки сгущенки, потому что взрослые прогнали его, и вернулся обратно.

Квартира оказалась набита детьми — одних приводили, других уводили, и пока не было этому объяснений.

Ляпунов, начитавшийся больше фильмов, чем книжек, строил предположения. В комнате шелестело что-то о секретных экспериментах, секретных файлах.

— Мы мировую историю должны изменить. Это Вселенная нами руководит! Гоме... Гомо... Гомеостаз!.. — Но все эти слова были неуместны в холодной пыльной комнате, где только часы жили обычной жизнью, отмеряя время чужого октября.

Ляпунов был похож на хоббита, нервничающего перед битвой с силами зла. Где Гендальф, а где Саурон, было для него понятно изначально, но вдруг он хлопнул по топчану:

— Слушай, мы ведь выстрелить не сумеем! Тут ведь на всю Красную армию ни одного автомата Калашникова. Ты

вот винтовку мосинскую в руках держал? Ну, зачем мы им, зачем, а?

Через несколько дней молчаливого и затравленного ожидания пришли и за ними — старшим оказался тот мальчик, что открывал им дверь, назвался Зелимханом. Он вывалил перед Мининым и Ляпуновым груды вещей, нашел в ней пятый, лишний валенок, забрал его и велел одеваться.

Так они и вышли на улицу в курточках с чужого плеча — набралась целая машина, и Дудочник, прежде чем сесть за руль, долго шуровал ручкой под капотом.

Их везли недолго и выгрузили где-то за Химками. Там на обочине лежал труп немца — без ремня и оружия, но в сапогах. Рядом задумчиво курил старик, отгоняя детей от тела.

Зелимхан собрал мальчиков и повел их на запад — заходящее солнце било им в глаза, и они первый раз переночевали в разоренном магазине. Мальчики спали вповалку, грея друг друга телами, и Минин слышал, как ночью плачет то один, то другой. Он и сам плакал, но неслышно — только слеза катилась по щеке, оставляя на холодной коже жгучий след.

Зелимхан разрешил звать себя Зелей. У него единственного было оружие — «наган» с облезлой ручкой.

И через несколько дней к нему, закутанному в женскую шаль, подъехал обсыпанный снегом немец на мотоцикле. Немец подозвал Зелю, а его товарищ в коляске раскрыл разговорник.

Зея подошел и в упор выстрелил в лицо первому, а потом и второму, без толку рвавшему пистолет из кобуры.

Из-за сугробов вылезли остальные мальчики, и через минуту мотоцикл исчез с дороги, и снова только поземка жила на ней, вихрясь в рытвинах. Тяжелый пулемет, пыхтя, нес Маленький Ляпунов — как самый рослый, а остальное раздали по желанию. Солдатка, у которой они ночевали в этот раз, валяясь в ногах, упростила их уйти с утра.

Так они кочевали по дорогам, меняя жилье. Минину стало казаться, что никакой другой жизни у него и вовсе не было — кроме этой, с мокрыми валенками, простой заботой о еде и легкостью чужой смерти.

В начале ноября Минин убил первого немца.

Зеля предложил устроить засаду на рокадной дороге километрах в десяти от деревни. Полдня они ходили вдоль дороги, и Зеля выбирал место, жевал губами, хмурился.

Потом пришли остальные.

— Давай не будем знать, откуда он это знает? — сказал Ляпунов.

И Минин с ним согласился — действительно, это знать ни к чему.

Они лежали на свежем снегу, прикрыв позицию хоть белой, но очень рваной простыней, взятой с неизвестной дачи. Мальчики притаились за деревьями по обе стороны дороги. Зеля выстрелил первым, сразу убив шофера одной машины, а со второго раза Минин застрелил шофера шедшей следом.

Вторая машина оказалась пустой, а раненых немцев из первой Зеля зарезал сам.

Минин слышал, как он бормочет что-то непонятное, то по-русски, то на неизвестном языке.

— Э-э, декала хурда вейн хейшн, смэшно, да. Ца а цависан, да. Это мой город, уроды, это мой... — услышал краем уха Минин и, помотав головой, отошел.

Они завели вторую машину и подожгли другую. Началась метель, и следа от колес не было видно.

Мальчики вернулись домой и всю ночь давились сладким немецким печеньем и шоколадом.

Зелимхана убили на следующий день.

Немцы проезжали мимо деревни, где прятались мальчики. Что-то не понравилось чужим разведчикам, что-то испугало: то ли движение, то ли блик на окне — и они, развернувшись, шарахнули по домам из пулемета. Зеля умирал мучительно, и мальчики, столпившись вокруг, со страхом видели, как он сучит ногами — быстро-быстро.

— Я их маму... — выдохнул Зеля, но не выдержал образ и заплакал. Он плакал и плакал, тонко пищал, как котенок, и все это было так непохоже на ловкого и жестокого Зеля.

Он тянул нескончаемую песню «нана-нана-нана», но никто уже не понимал, что это значит на его языке.

Через несколько дней они наткнулись на очередную деревню. Рядом с избами, поперек дороги, стоял залепленный снегом немецкий бронетранспортер. Мальчики обошли вокруг и нашли замерзшего часового.

Минин с трудом вынул из его рук винтовку, а из вымороженной машины взял канистру с соляркой. Солярка стала похожа на желе, и мальчики просто намазали ее на стены. Потом они приперли дверь бревном и стали смотреть на огонь.

На них из узкой щели погреба с ужасом смотрели две старухи. Но мальчики не думали, что кто-то, кроме врага, может быть рядом, они вообще ни о чем не задумывались — и в этом была их сила. Однажды они убили немецкого заблудившегося офицера: когда его, оставшегося после налета, вытащили из машины, он был похож на жука в муравейнике — только сапоги взмахивали в воздухе. Когда мальчики расползлись в стороны, отряхиваясь, офицер и вовсе не походил на человека.

Через пару недель они, обманувшись, завязали бой с танковой разведкой — и танкисты, не разбираясь, кучно обстреляли отряд из пушек. Часть убили сразу, а несколько расползлись по снегу ранеными зверьками — и по следу сразу было видно, кто куда дополз.

Их осталось четверо — Ляпунова ранило в руку, но он не подавал виду, что ему больно. Зато к вечеру они нашли новую пустую деревню.

Но это была не деревня, а дачный поселок. За крепкими заборами стояли богатые дома — два младших мальчика, близнецы без имен, растопили печь стульями, а обессиленный Ляпунов сразу заснул.

Минин проснулся от того, что раненый дергал его за руку.

— Давай поговорим, а? — Ляпунов задышался. — Я умру, и мне страшно. Ты можешь понять, что с нами произошло, а? Мы ведь умрем и сразу воскреснем? Это ведь такая игра?

— Я не знаю, Саня, — ответил Минин, слушая потрескивание остывающей печи.

— Мы должны умереть, — печально сказал Ляпунов. — Мы все умрем, это ясно и ежу. Это город затыкает нами дыру во времени. Мы с тобой как эритроциты.

— Что?

— Эритроциты. Это... Нет, неважно. Знаешь, что такое саморегуляция в городе? Ну там прокладывают дорожку какую-нибудь пафосную в парке, а потом оказывается, что так ходить неудобно, и вот протоптали тропинку. А через дорожку проросла трава, асфальт потрескался, фонари расколотили, и все — нет ни пафоса, ни дорожки. Это ее не кто-то уничтожил, а город целиком — так со многими вещами бывает, большой город все переваривает, как организм. Он и в ширину растет — только иногда растет не только вширь, но и во времени.

— Ну ладно. Если ты такой умный — отчего именно нас сюда закинули?

— Я и сам не знаю. Может, нас просто не так жалко, мы маленькие, у нас самих детей нет. А может, мы все в игры играли про войну. Самое обидное знаешь что? Самое обидное, если это городу все равно — вот ты думаешь о том, сколько эритроцитов... То есть ладно — как у тебя организм с болезнью борется? Ты об этом думаешь? А тут город берет у будущего — а что ему взять, кроме нас?.. Я утром уйду, ты ребят не буди — лучше я в снег лягу, говорят, когда замерзаешь, не больно. Плохо быть маленьким кровавым тельцом. Или тельцом?

— Каким тельцом?

— Ты меня не слушай, это все из книжек...

Тогда Минин схватил руку Ляпунова — мокрую и жаркую, и они так и заснули — рука в руке.

Минин проснулся поздно. Ляпунова уже не было, а два оставшихся мальчика, чумазных и печальных, что-то варили на печи. Они поняли все без объяснений.

Они снова вышли на охоту, но в этот раз немецкий патруль оказался умнее, он расстрелял их, не дав приблизиться. Оба близнеца повалились в снег, одинаково держа руки за пазухой, где грелись пистолеты.

Минину пуля попала в бок, но прошла мимо тела, и он спокойно ждал, когда уедет немецкая разведка, и только когда прошло полчаса, когда тарактение мотоциклов давно не слышалось, уполз прочь, не приближаясь к убитым.

Вернувшись на чужую дачу, он нашел табуретку и, встав, примерился к старым ходикам на стене.

Он попробовал повернуть стрелки вперед, но они не поддавались, вот обратно они шли с охотой, а при движении в будущее только гнулись.

Он выпил кипятку с вареньем, что нашли, да не доели близнецы, и попробовал еще раз. Стрелки встали намертво, и он понял, что и его время кончилось.

Ляпунов был прав — город зачерпнул их пригоршней, и уже не выяснишь, из-за какой игры отобрали его, Минина. Может, мы просто слишком сильно любили этот город, подумал он, но при чем тут близнецы?

Но он одернул себя — много ли он знал о близнецах, ведь сейчас он не помнил даже их имен.

Минин услышал далекий рокот мотора и, подхватив винтовку, выбрался из дома.

Там, на холме неподалеку появился кургузый, будто игрушечный танк. Минин прицелился и стал ждать, когда голова танкиста покажется над башней. Беззвучно отвалилась крышка, и через мгновение Минин выстрелил. Пуля ударила в броню и высекла длинную искру. Танк фыркнул мотором и начал сползать обратно, на другую сторону холма. Трещали разряды в радиотелефонах, доклад ушел командирам, обрастая другими сведениями, часто придуманными и противоречащими друг другу, — так радиоволны сливались, шифровались и расшифровывались, чтобы печальный немец далеко-далеко от Москвы открыл под лампой дневник и записал на новой странице: «Противник достиг пика своей способности держать оборону. У него больше нет подкреплений».

В этот момент его противник встал и пошел обратно, волоча винтовку по снегу, но через минуту с танка разведки выстрелили в сторону деревни — наугад, без цели. Шар разрыва встал за спиной мальчика, и крохотный осколок, величиной с копейку, попал Минину в спину. Он упал на живот и еще успел перевернуться на спину, сползая с дороги в канаву.

Холод схватил его за ноги — не тот зимний холод, к которому он привык, а особый и незнакомый. Сначала он схва-

тил его за ступни, погладил их, поднялся выше, и вот Минин вовсе перестал чувствовать ноги.

И тут ему стало ужасно одиноко, потому что он знал, что мама не придет — они все звали маму, те, кто успевал. Теперь нужно было совсем потерпеть, чтобы не заплакать.

Мороз усиливался, и ночь смотрела на него тысячью звезд. Город жил где-то рядом, там, откуда должно было вылезти солнце, но повернуться к восходу уже не было никаких сил. Мир завис на краю, и чаши невидимых весов где-то там в вышине, на черном пространстве без звезд, колебались, ходили вверх-вниз, чтобы потом показать, чья взяла.

Минин ждал, когда они встанут, как ждал результата контрольной — все уже сделано, и переписать начисто уже не дадут.

Город был рядом, и Минину было лучше многих, умиравших в ту ночь, — он знал, чем кончится дело, он знал ответ в конце задачника.

Минин прожил еще несколько долгих часов, пока не услышал нарастающий шум. Это с востока, в темноте, шло новое боевое стадо.

Танки шли, поводя хоботами и перемаргиваясь фарами.

Минин еще успел почуять запах гари и двигателей, и лучше запаха не было на земле. И в этом морозном воздухе, став частью снега и льда на окраине Москвы, он почувствовал, как окончательно сливается со своим городом.

ЦАРЬ РЫБ

 от ты знаешь, рыбу выбрать — это как жену выбрать. — Шеврутов хитро поглядел на меня и положил перед собой судака. Хрустнули кости, и судачья голова отлетела с разделочной доски. — Ты можешь выбрать себе геморрой, а можешь земное счастье, и никто не знает, что для кого счастье, а что геморрой. А можешь выбрать снулую рыбу, пустую и никчемную, можешь получить от судьбы ледяную рыбу, прозрачную гостью южных морей. Тебе скажу, как аквариумист со стажем.

Над нами действительно высились железные стеллажи со снующими рыбками. Стучали компрессоры на балконе, в воде что-то булькало, и даже, кажется, кто-то бил хвостом.

Шеврутов любил рыб и сам понемногу становился рыбой. Он ел рыб, разводил рыб, кормил рыб и жил рыбами. Тайными тропами к нему приезжали люди за редкостями, с ненадежными людьми встречались посредники.

Он давно стал тайным магистром ордена аквариумистов.

Я приехал к нему с вечера, чтобы потом утром выехать на рыбную ловлю. Как настоящий тайный магистр, Шеврутов имел занятия, которые не мог передоверить никому.

Тайное рыбное место — вот что ждало его завтра. И в знак особого доверия он взял меня — зачем, можно было только гадать. Сейчас, когда мы сидели под сенью черной аквариумной воды, в световом кругу маленькой лампы, я думал, что тайному магистру все-таки хочется славы.

Если найдется кто-то, кто расскажет о нем, очарованный тайнами и сказками, то пусть это буду я. Самые знаменитые разведчики — это разведчики провалившиеся, говорили мне коллеги.

Если судьбе нужно раскрыть тайну тайному магистру, то я буду ее орудием — всю жизнь я занимался созданием репутаций.

Толстосумы и политики с жирными глазами, журналы-однодневки и химические заводы (восемь труб, дым-отрава шести цветов и кипящая от стоков даже в мороз речка) — мы занимались всеми.

Что уж до Шеврутова, то мы были знакомы давно — я бы согласился ехать с ним в любом случае.

— А жены, — сказал Шеврутов, — те же рыбы. Их нужно хорошо кормить и чаще менять воду.

Мы выпили странной китайской водки — со вкусом рыбьего клея.

Спалось плохо — жужжал над головой демисезонный комар, что завелся в шеврутовском доме от сырости. Однажды, на старой квартире, к нему пришел сосед снизу, жалуясь на шум компрессора. Прямо в прихожей он увидел, что над его квартирой зависло полторы тонны воды — он еще не видел всего шеврутовского водяного царства. Сосед изменился в лице и решил не жаловаться, а тихо молиться вышестоящей власти, чтобы та усмирила промежуточную власть третьего этажа и оттянула потоп.

Теперь Шеврутов жил на первом этаже старинного дома с сохранившимся на фронтоне гербом неизвестного дворянина и пентаграммой Осоавиахима над единственным подъездом. Перед сном я долго курил, пытаюсь понять его выбор — я собирался уйти из рекламы, скучал и ленился дома. Шеврутов спал сном праведника. Я перелез через провода и трубки, на цыпочках миновал его кровать и пошел в прихожую, чтобы проверить кое-что из собранного нами на завтра.

Мы выехали в утренней темноте. Мусор кривых переулков хрустел под колесами, большую машину качало на ухабах. Шеврутов рассказывал, как много лет назад один молодой человек пришел к нему просить денег. Молодой человек проиграл грузинам в карты свою квартиру, а время было горячее, как пистолетный ствол после стрельбы.

Шеврутов не дал молодому человеку денег, он рассказал ему секрет выращивания стеклянного окуня. Скоро тот расплатился с долгами, поднялся круто и быстро, а потом следы его потерялись. Но раз в год курьерская служба брэнчала ящиком французского коньяка у дверей Шеврутова.

Мы разогнались по серому утреннему проспекту, затем свернули от него в промзону. Мелькнула огромная гармоника цементного элеватора, страшные птицы речных кранов, и вот уже мы ехали мимо неосвященного берега реки.

Странный запах вдруг ударил в ноздри. Я заерзал на сиденье — было такое впечатление, что у меня на ботинках вдруг оттаяло прилипшее дерьмо.

— Не мучайся. — Шеврутов заметил это мое движение. — Тут всегда так. А кто живет, давно уже привыкли. Даже не замечают, сидят на лавочках, целуются. А знаешь, что тут было во время войны? Там дальше — нефтеперегонный завод, его немцы бомбили до сорок третьего года. Так тут был фальшивый факел, который отвлекал бомбардировщики на себя.

Я представил себе, как «Хенкели» заходят на цель, как отделяется от каждого из них две тонны бомб и фонтаны говна поднимаются над поверхностью канализационных отстойников. Я представил себе и этот звук, воющий, ноющий звук падающей взрывчатки и чавканье фильтрационных полей.

От этой воображаемой фантастической картины меня отвлек Шеврутов. Он остановил машину рядом с небольшим проломом в бетонной стене, и я вылез наружу, ежась от утренней сырости. Тайный магистр вынул из багажника чехлы и жужжал «молниями» на них.

Наконец он вынул несколько блестящих странных предметов и запер машину.

Мы шагнули в проем, как десантники шагают в пустоту за бортом.

Дальше тропинки не было — Шеврутов шел в утренних сумерках по одним только ему известным приметам. Я иногда утыкался ему в спину, иногда отставал на несколько шагов и видел, как дорогое черное пальто метет глину.

Рядом под поверхностью мрачных луж шла загадочная внутренняя жизнь. Как в гигантском аквариуме, что-то булькало, ухало. Над жидкостью в лужах поднимался пар, курились дымки близко и далеко в этих полях.

— Ты не думай, настоящие поля аэрации дальше, а здесь старая зона... Так вот, — продолжил Шеврутов какую-то

фразу, начало которой я упустил. — Рыба здесь особенная. Начало здешней рыбе положили бракованные телескопы, которых лет пятьдесят назад спустил в унитаз аквариумист Кожухов. Он вывез свою коллекцию из Берлина в сорок шестом. Я видел эти аквариумы — увеличительные вставки в стеклах, бронзовая окантовка с орнаментом... Когда его пришли брать в пятидесятом, дубовая дверь продержалась ровно столько, сколько понадобилось Кожухову, чтобы спустить последнюю рыбу в канализацию. Но сейчас у нас другая радость — наша рыба очень живуча. Мои продавцы возили ее в пластиковых мешках с кислородом по всей Европе. Переезд до Парижа ей совершенно нипочем. И это не самое интересное. Мне мутанты не интересны, мутанты нежизнеспособны и мрут, как первый снег тает. Мне интересны новые виды. Я тебе покажу совершенно иное...

Мы прошли мимо криво погрузившегося в лужу трактора с экскаваторным ковшом и заброшенного бетонного здания. Дальше начинались лес ржавой арматуры и странные постройки без крыши.

— Вот, можешь поглядеть. Спустишься по ступенькам, пока я сачок свинчиваю. Подивишься.

Я начал спускаться по обнаружившимся ступенькам мимо забора из сетки-рабицы. Рядом с кроватной спинкой, вросшей в землю как поручень, начиналось небольшое озерцо. Вода в нем, или то, что было водой, стояла ровно и неподвижно. Если бы озерцо возникло из бомбовой воронки военных времен, то я не удивился бы.

Я наклонился к воде, чтобы разглядеть новый аквариумный вид, составивший Шеврутову славу.

Но никто не роился в этой неожиданно прозрачной воде. Роиться там было некому.

Огромный глаз глядел на меня бесстрастно и мудро. Огромное существо изучало меня, как червяка, зашедшего на обед. Царь рыб ждал гостей в своей страшной глубине.

Я отшатнулся и сделал несколько шагов по ступенькам вверх. Там уже стоял Шеврутов. Неожиданно он толкнул меня в грудь.

— Ну, что стоишь? Иди, прыгай.

— Ты что? — шепотом спросил я и прибавил еще тише: — Ты с ума сошел?..

— Давай, давай, — толкал меня вниз Шеврутов. — Нечего тут...

Схватившись за ржавую кроватную спинку, я попытался отпихнуть аквариумиста. Шеврутов печально достал из кармана пистолет «ТТ», показавшийся отчего-то гораздо большего размера, чем на самом деле.

— Ну, давай — он мертвечины не любит. Он тебя сам выбрал, он всегда сам выбирает.

Глаз приблизился к поверхности и бесстрастно смотрел на нас.

— Леха, ты что, стрелять в меня будешь? А как ты в меня стрелять-то будешь?

Шеврутов сопел, еще ничего не понимая. Наконец, догадавшись, он суетливо выщелкнул пустую обойму в грязь. Он тупо смотрел на горсть патронов в моей руке и тускло блеснувший нож, который я достал из кармана. Если Царь рыб действительно выбрал меня, то он сделал хороший выбор.

Шеврутов завыл тоненько, спустился на одну ступеньку, потом одолел еще несколько ступенек, и тут я дернул его за плечо. Полы черного пальто взмахнули в воздухе, как крылья птицы, и Шеврутов рухнул в озеро.

Ни одного пузырька не поднялось оттуда. Глаз скрылся, но я спокойно ждал. В общих чертах я представлял, что будет дальше.

И вот огромная рыба голова возникла над поверхностью.

Теперь была моя очередь загадывать три желания.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Черный джип, напомилавший ожившую коробку из-под обуви, мягко стелился по асфальту, едва касаясь его грубой сущности идеальными покрывками из мира рекламы. Недоделанный «пацифик» поблескивал в лучах заходящего солнца, радостно приветствуя наступающий вечер щербатой улыбкой. Джип чуть подрагивал: внутри бился неукротимый пульс музыки, толкаясь в обшивку мягкими волнами. Казалось, что машина покачивается в такт ударным и едва заметно пританцовывает на ходу. Водитель такого аппарата, что сложно назвать просто автомобилем, должен быть абсолютно счастлив просто от самого факта обладания подобным чудом. Он и был.

Женя брился налысо и носил черный костюм-тройку. Налысо — потому что не по годам ранняя лысина выглядела несолидно, не то что бритая голова. Костюм — потому что он недавно остепенился и стал начальником кредитного отдела одного небольшого, но очень перспективного банка. У него была солидная должность, приличный счет, пара надежных друзей и чудесный образец германского автопрома. Женя считал, что в тридцать лет — это все, что нужно. Он ехал с работы домой, радовался, что на кольцевой дороге сегодня мало машин, и был абсолютно счастлив.

Странного человека он приметил издали. Ему как раз пришлось перестроиться в крайний правый ряд и сбросить скорость: по левым рядам мчался целый кортеж машин — то ли спасателей, то ли депутатов. Пришлось прижаться вправо, и поэтому Женя сразу увидел сгорбленную фигуру, голосящую у дорожных щитов.

Человек, голосующий на Московской кольцевой автодороге, сам по себе примечателен. Ему просто неоткуда взять-

ся. Слева — разделительный борд и поток машин, справа — глухая стена из огромных щитов. Сюда нельзя забраться просто так, из баловства. Да и вряд ли найдутся желающие. Мало кто будет торчать на скоростной дороге, рискуя оказаться под колесами в любую минуту.

Что-то случилось, ясно как божий день. Женя быстро окинул взглядом дорогу, но не заметил никаких следов аварии. Кому-то стало плохо? Или ограбили и выпихнули из машины? Или...

Он еще пытался понять, что могло случиться, а рука сама по себе переключила сцепление. Джип едва слышно вздохнул и сбросил скорость.

Вопреки всем правилам Женя остановился на кольцевой. Он притормозил так, что правая дверь очутилась ровно напротив голосующего человека. Это было приглашение, и человек воспользовался им.

Правая дверь распахнулась, и на пассажирское сиденье забрался сухонький старичок с белой профессорской бородкой. Его старое драповое пальто выглядело очень старым, но опрятным, словно только что из химчистки. В руках он сжимал кожаный портфель — объемистое чудовище родом из прошлого века, способное вместить и несколько пачек документов, и пару бутылок с хорошей закуской.

Нежданный попутчик напомнил коммерсанту его старого учителя географии, давно покинувшего этот беспокойный мир, и Женя сразу проникся к гостю расположением.

— Евгений, — представился он, протянув руку гостю.

— Петр. Петр Сергеевич, — представился старичок, машинально ухватив сухой ладошкой Женину клешню.

— Что случилось, Петр Сергеевич? — спросил Женя, включая первую передачу. Стоять на кольцевой не рекомендовалось: сам не едешь — приедут к тебе.

— Ничего, — отозвался старичок и оглянулся. — Вы не могли бы подбросить меня до Юго-Запада?

— Конечно. — Коммерсант кивнул, хотя ему было нужно совершенно в другую сторону. — Куда именно?

— Куда? — Старичок снова обернулся. — К метро, пожалуйста. К «Университету».

— МГУ?

— Что? — рассеянно спросил Петр Сергеевич. — Нет. То есть да. Но к метро, если вас не затруднит.

Женя усилием воли подавил ответ «не извольте беспокоиться», готовый сорваться с языка, и нажал на газ.

С довольным урчанием джип снова влился в ряды машин, мчавшихся по кольцевой. Старичок, которого Женя окрестил про себя профессором, снова оглянулся. Женя взглянул в зеркальце заднего вида и недовольно поморщился: их догнала волна машин, и от прежнего раздолья не осталось и следа. Теперь придется тащиться в среднем ряду, уступая дорогу лихачам на податанных «европейцах», стремящихся доказать всему миру, что их аппарат не так плох, как кажется на первый взгляд. И еще придется сторониться безумных водителей на рассыпающихся «ВАЗах», страдающих от комплекса неполноценности и оттого жутко агрессивных.

Петр Сергеевич оглянулся еще раз, а потом сел ровно, обхватив портфель обеими руками.

— А как вы оказались на дороге? — спросил Женя.

Профессор вздрогнул и повернулся к нему всем телом, прижимая портфель к груди, словно боялся, что его отберут.

— Я?

— Ну да. Как вы туда попали?

— Обыкновенно, знаете ли. Ногами.

— А, — сказал Женя.

Он резко взял вправо, обогнал замешкавшуюся «Волгу» и замолчал. Старичок, похоже, был немного не в себе. Трясетя, оглядывается... Пожалуй, не стоит больше расспрашивать. А то еще от волнения случится у него сердечный приступ.

Женя молчал ровно минуту, а потом понял, что умрет от любопытства, если не сейчас, то завтра к вечеру точно, если не узнает, что все-таки случилось.

— Знаете, — сказал он, — а вы похожи на моего учителя географии.

— Да? — сказал профессор и снова оглянулся. — А нельзя ли побыстрее?

— Увы, Петр Сергеевич, — отозвался Женя в тон пассажиру. — Слишком много машин. Опасно.

— Понятно, понятно, — забормотал старичок, щурясь на стройные ряды машин за окном. — И все же, может, хоть чуточку быстрее?

— Чуточку — можно, — согласился Женя, нажимая на газ.

Джип басовито рыкнул и неуловимым движением вклинился между новой «десяткой» и старой «Волгой». Оттуда он рывком перебрался в левый ряд, увернулся от догонявшей «Скорой» и снова оказался в середине потока.

— Петр Сергеевич, — позвал Женя. — Так что случилось? Вы не бойтесь. У меня отец в МГУ учился. Давно, правда. Может, я вам смогу помочь?

— Это вряд ли, Евгений, — отозвался профессор.

— Ладно. Вы историк?

— Археология, — отозвался Петр Сергеевич, судорожно прижимая к груди заветный портфель.

Он с подозрением глянул на водителя, словно ожидая следующего каверзного вопроса, но Женя не отрывал взгляда от дороги. Он выбирал удобный момент для рывка в левый ряд, но при этом краем глаза следил за странным пассажиром. Его история интриговала. Сейчас Евгений боялся одного — что профессор выйдет, а он уже никогда не узнает, что произошло и чем все кончилось. Он даже пропустил пару машин вперед, нарочно придержав джип. Покосился на Петра Сергеевича — не заметил ли? Но тот был полностью поглощен портфелем — побелевшими руками прижимал его к груди и чуть ли не поглаживал, как кота. Евгений подумал, что нужно попробовать его разговорить, и начал прикидывать, какой вопрос задать. Но в этот момент профессор снова обернулся, взглянув в заднее стекло.

Он разом переменился в лице. Глаза широко раскрылись, брови белыми бабочками вспорхнули к редющему пробору, а бородка затряслась, словно у ее владельца застучали зубы. На морщинистые щеки легла мертвенная бледность.

— Нет! — взвизгнул профессор бабьим голоском. — Нет!

Евгений быстро сбросил скорость, и старичок повернулся к нему.

— Быстрее! — взмолился он, вцепившись костлявой ладонью в локоть Жени. — Быстрее, ради бога!

Послушная машина, повинувшись толчку, вильнула в сторону и чуть не снесла с дороги возмущенно загудевшую «Тойоту».

— Мля! — бросил Женя, рывком возвращая джип в свой ряд. — Да что ж такое!

— Быстрее, быстрее, — подвывал профессор, сжимая его локоть, — умоляю!

— Да что случилось, твою... — возмущенно бросил Женя и тут же осекся.

Старичок выглядел так, словно увидел привидение: Бледный, как простыня, с посиневшими губами и выпученными глазами, он напоминал глубоководную рыбу, вытасченную на борт корабля. Женя подумал, что до сердечного приступа профессору осталась пара минут — не больше.

— Они догоняют, — пожаловался Петр Сергеевич.

Женя взглянул в зеркало заднего вида, но не заметил ничего подозрительного. Поток машин — и только. Кто-то идет на обгон, кто-то отстает, уступает место... Все как всегда.

— Кто догоняет? — спросил он, аккуратно отцепляя руку профессора от локтя.

— Они, — прошептал старичок. — Они...

Женя снова взглянул в зеркало и на этот раз заметил — кто.

Эту машину сложно было не заметить. Битый «жигуленок» первой модели, «копейка», рвался вперед, отчаянно дымя выхлопной трубой. Когда-то он был белым, но теперь его покрывала корка серой грязи. По капоту и крыльям расползлись пятна ржавчины. Лобовое стекло затянуло паутиной мелких трещин, да так плотно, что нельзя рассмотреть, кто сидит внутри. Это был тот самый уникум, что можно встретить в любом старом дворе. Обычно на них ездят пенсионеры — на дачу. Но чтобы на кольцевой... Женя бросил

взгляд на спидометр и присвистнул. Неплохо идет. Неужели движок не родной? Поменяли?

— Евгений, — прошептал профессор, — прошу вас, быстрее!

— Да запросто, — отозвался коммерсант, нажимая на газ. — Держитесь.

Джип заурчал и рванулся вперед, проскользнув в щель между «Скорой» и «девяткой». Женя взял резко влево, потом вправо, потом снова влево... Шашечки. Вот как это называется. Если быстро перестраиваться из ряда в ряд, то можно продвинуться вперед — и довольно быстро. Но это чертовски рискованная игра. Особенно здесь, на левой полосе кольцевой, где никто и не думает снижать скорость. Но Евгением овладел азарт погони — в самом деле, как может «копейка» догнать его машину? И, главное, зачем?

Женя взглянул в зеркальце и тихо выругался. Битый «жигуленок» не отставал. Напротив, он догонял джип, сокращая разрыв. И он не шел на обгон, он именно догонял.

«Совсем обалдели, — подумал Евгений, вспоминая, куда сунул старый газовый пистолет, — башню дедам, в натуре, сорвало». Он вспомнил, что пистолет остался в старой «Ладе». «Ладно, — решил он. — Монтировкой обойдусь, если догонят». И тут же ухмыльнулся. Догонят. Вот это будет номер!

— Евгений! — взвизгнул профессор. — Женя!

Коммерсант очнулся, бросил взгляд в зеркало и выругался — «жигуленок» таки догнал их и пристроился сзади, едва не упираясь носом в задний бампер джипа.

— Портфель, — простонал профессор, — не отдавайте им портфель!

— А вот хрен! — с чувством произнес Женя, нажимая на газ.

Джип рванулся вперед, завывая гудком как океанский лайнер, заблудившийся в тумане. Евгений жал на газ, нарушал все правила — и писанные, и неписанные — и гнал машину вперед. Те, кто успел, расступались перед обезумевшим джипом. Кто не успел — получали царапины: на крылья, дверцы...

«Как в старые времена, — подумал Женя, объезжая на полной скорости престарелый «БМВ», — только Серегу с битой не хватает...»

Машины перед ним сошлись, Женя вдавил педаль газа в пол. Машины разошлись, и джип проскочил в щель между ними, ободрав борта. Вслед возмущенно завопили гудки, и Евгений, торжествуя, бросил взгляд в зеркальце. «Жигуленок» должен остаться там, позади машин. Либо притормозивший, либо осевшей беспомощной грудой металла.

«Копейка» прошла. Она подрезала синюю «девятку», и та должна была врубиться в борт наглеца. Но не врубилась. Она прошла сквозь «копейку», словно та была сделана из тумана. Водитель «девятки» ударил по тормозам, машину занесло, в нее воткнулась идущая следом «Газель», обе машины перевернулись, осколки стекол брызнули сверкающим фонтаном... А битый «жигуленок» как ни в чем не бывало промчался вперед, догоняя джип.

— Это что? — прошептал Женя. — Это что, мля?! — Он обернулся к старику и одной рукой ухватил его за лацкан старенького пальто. — Что за нахрен! — крикнул он, чувствуя, как вспотела бритая голова. — Что это?

— Это кольцо, — прошептал профессор, жадно втягивая воздух. — Замкнутый круг... Все из-за круга!

— Твою поперек! — выдавил Женя.

— Они тут! — завизжал очнувшийся старик. — Не отдавай им портфель!

Женя отпустил старика, бросил взгляд назад и закричал.

«Копейка», шедшая следом, прыгнула вперед, и грязно-белый капот вошел в черную плоть джипа.

Удара не было. Битый «жигуленок» просто вошел в машину Жени и заполнил ее изнутри, как вода заполняет пустой стакан. Коммерсант заорал от ужаса, но не услышал сам себя. Все звуки отрезало как ножом. Дорогой кожаный салон заполнился серым туманом, откуда-то повеяло сыростью, и соленые капли осели на губах Евгения. Издалека пришел громовой раскат, заглушивший все звуки, а следом — шум прибора.

Женя не видел дороги, не видел руля, да что там — он

собственных рук не видел. Продолжая беззвучно вопить, он на ощупь ударил по тормозам и крутанул баранку. Ничего не произошло.

Туман внутри салона загустел, в нем замелькали серые тени, закружились в хороводе, как звено истребителей. Женя замахал руками, отгоняя видение. Из тумана вынырнуло оскаленное лицо профессора — перекошенное от ужаса. Тотчас тени налетели на него и утянули в густую серую пену.

Евгения обдало волной ледяного холода, и он увидел, как одна из теней обретает плоть. Ребра с клочьями гниющей плоти, железный браслет на запястье, клок жидких волос на черепе... Коммерсант рванулся вбок, всем телом ударился в закрытую дверь машины и судорожно зашарил по ней руками в поисках ручки. Ее не было. Только голый холодный металл, шершавый и мокрый, как якорная цепь.

Из тумана раздался раскат грома, и Женя обернулся. Там, в метре от него, на пассажирском сиденье раскрывалась черная воронка вихря. Из нее веяло холодом и страхом. На бурлящую поверхность всплыло бледное лицо профессора, но на этот раз оно не было испуганным. Губы плотно сжаты в синюю нитку, глаза горят огнем, волосы развеваются, как от штормового ветра.

— Это кольцо! — крикнул Петр Сергеевич. — Замкнутый круг! Осторожнее!

И черная воронка снова засосала его. Но перед тем как исчезнуть, профессор вскинул руки, взмахнул ими, и синий огонек вспыхнул на его пальцах. И даже когда темнота скрыла старика, синий огонь продолжал светиться в ее глубинах. А потом он взорвался ослепительной вспышкой.

Салон содрогнулся от хора голосов. Десятки, сотни, тысячи глоток застонали в едином порыве, заставив Евгения зажать уши. Но он слышал, он продолжал все слышать и, что хуже всего, видеть.

Туман распался на грязные клочки. Черная воронка разлетелась на куски, исторгнув из себя человеческий череп с ошметками подгнившей плоти. На глазах коммерсанта череп пошел серыми пузырями и распался в прах. Следом за

ним из тумана показались обезглавленное тело, отрубленная рука, сапог с торчащей костью... Все это пеплом рассыпалось по салону.

Туман издал последний стон и вдруг исчез, обнажив нетронутый салон джипа.

Женя сидел за рулем, зажимая уши руками. Его рот был раскрыт, а нижняя челюсть дрожала. Из уголка рта сочилась слюна.

Еще миг он сидел неподвижно, потом моргнул и шумно слотнул. Руки опустились на руль, и Евгений, чувствуя под собой противную сырость, обернулся.

Джип стоял у самого ограждения, впритирку, словно Женя успел припарковаться. Он мешал другим, и машины, проезжавшие мимо, возмущенно сигналили. Но коммерсант не слышал гудков. Он смотрел на пассажирское сиденье.

Петр Сергеевич лежал, откинувшись на подголовник. Он был цел. Вот только... Вот только от него остался лишь истлевший скелет. На Евгения пялился пустыми глазницами серый череп, из рукавов пальто торчали костлявые руки, лишенные плоти. Они прижимали к груди заветный портфель.

Евгений шумно слотнул, не веря глазам. Потом протянул руку и осторожно коснулся плеча старика. Внутри пальто что-то зашуршало, Женя вскрикнул, и скелет в один миг рассыпался в серый прах. Оставшаяся одежда осела на кресло, как пустая оболочка. Сверху ее прижал портфель.

— Что за... — прошептал Евгений и потянулся к блестящим застегкам.

Он должен узнать, что случилось. Нужно разобраться в том, что произошло. Он не мог оставить этого просто так.

Черный джип стоял неподвижно минут пять. Потом тихонько вздрогнул и заурчал. Постоял на месте, разогреваясь. Его била мелкая дрожь. Потом он медленно двинулся вперед, в салоне зазвучала музыка, и джип робко подпрыгнул на выбоине, примериваясь — танцевать ли? Не стал. Не сложилось.

Взревел мотор, и черная машина, блеснув недоделанным «пацификом», рванулась вперед. Ее подрезала «девятка», въехала в левый бок и спокойно прошла дальше, словно никакого препятствия и не было.

А потом, набирая ход, джип пролетел сквозь поток машин, выбрался в левый ряд и полетел навстречу заходящему солнцу.

ПСЯ КРЕВ

 наступлением темноты с болот за лагерем привычно подкрался туман. Как хорошо обученная армия, он тихо окружил стоящий на возвышении лагерь и уже беспрепятственно сочился сквозь колючую проволоку. С запада тянуло сыростью и близкой зимой, хотелось поежиться и никуда не идти, оставить в покое старые кости и просто наслаждаться теплом сторожки.

Но у него были свои обязанности.

И не было случая, чтобы он уклонился от их выполнения.

Мимо вытянутой одноэтажки, ворот, карцера и помещений офицеров, вдоль стены приземистого барака для постоянного персонала лагеря, в желтых прорезях еще не погашенных окон плавно двигался темный поджарый силуэт.

Сквозь шум ветра и звуки засыпающего лагеря он мог слышать, как напряженно принохивается в вольерах молодежь, безупречно узнающая в разноцветье ароматов его запах. В звуках их дыхания отчетливо угадывалась стойкая зависть к его обширным привилегиям, в то время как им приходилось ночь за ночью мерзнуть на осеннем ветру. Но даже несмотря на это, молодняк уважал и почитал его. Он прекрасно об этом знал и очень гордился своей будущей смелой.

Впрочем, он действительно не собирался задерживаться на улице слишком долго. К тому же сегодня дежурит Розенкранц...

Закончив проверку меток вдоль южной стороны ограждения, он повернул на восток. Оставалась самая последняя и самая неприятная часть ежедневного обхода.

Старый Тойфель служил при этом пересылочном лагере уже больше трех лет. Вряд ли кто-то еще, даже из офицеров, мог похвастаться таким сроком безупречной работы в бес-

просветной глухомани северной Польши, как этот большой темно-шоколадный доberman.

Вряд ли кто-либо знал каждый квадратный сантиметр территории так, как он.

И знал о существовании той лазейки...

Ноябрьская земля пронзительно холодила брюхо своим прикосновением, пока он полз под колючей проволокой промытым осенними дождями протоком. Почти не хоронясь от прожекторов, миновал заминированный участок, снова пролез под проволокой и вышел к своей цели.

Он ненавидел это место. Он ненавидел бывать здесь.

Тойфель был уже достаточно стар, чтобы, оглядываясь, видеть у себя за спиной достойную жизнь, но еще не настолько стар, чтобы начать присаживаться, как сучка.

Гордость породы доbermanов, он видел приход фюрера к власти и видел начало войны. В какой-то мере он ощущал себя частью Третьего рейха. Несколько поколений его детей служили Германии. Высшими истинами своей жизни он почитал служение и верность и считал, что таковыми должны быть идеалы любой собаки.

Но на болоте к северо-востоку от лагеря его идеалы втаптывались в грязь.

Там обитали Пся Крев.

Они знали, что он придет. Тойфель чувствовал их взгляды сквозь пелену тумана и темноту, даже несмотря на то, что ухудшившееся за годы зрение уже не позволяло ему увидеть их. Он стоял у самой черты, той невидимой границы, что отделяла лагерь с его доbermanами от болота и Пся Крев. Стаи псов-трупоедов. Тех, кого война оставила без дома и хозяев и заставила пойти на самый чудовищный грех — есть человеческое мясо. То, чего в ямах у болота было вполне достаточно (маленький лагерь не мог позволить себе собственно крематория).

Как и Тойфель, Пся Крев уважали границу и ни разу не пытались ее пересечь. Все, что они могли, — это ждать, пока старый доberman настолько выживет из ума, чтобы самому переступить черту.

Западный ветер, завывая, гулял над болотистой низиной, развевал длинную густую шерсть поднявшегося при виде за-

клятого врага вожака Пся Крев — огромного волкодава по кличке Паньч.

Два пса стояли в тумане, на пронзительном ветру и смотрели друг на друга.

Сумевший подчинить себе более чем пару дюжин озверевших на голоде бродячих псов, Паньч был достойным противником для Тойфеля. Воплощением всего того, что было неприемлемо для старого добермана. Позором всего собачьего рода. Предводителем падальщиков, жрущих трупы своих бывших хозяев.

И, судя по яростному взгляду Паньча, ему тоже было за что ненавидеть добермана.

Только при всей своей бурлящей матерой силе Паньч был еще достаточно молод, в то время как Тойфель сам понимал, что, возможно, эта зима будет в его жизни последней...

И все же Тойфель невольно чувствовал, как клокочет глубоко в груди глухой рык, как поднимается шерсть на холке.

Они стояли, рычали и смотрели.

А потом, подволакивая ноги, к ямам вышел Урод.

Тойфель отвлекся: черная повязка с белой надписью на левом рукаве и нашивка «Blod» обязывали его приглядеть за этим позором рода человеческого.

Кривоногий, хромой и горбатый дурачок волок за собой мешки с мусором. По случаю холода ему, как и остальному постоянному персоналу лагеря, выдали положенную правилами телогрейку, совершенно нелепо смотревшуюся на его огромном горбу, мешавшую ему нормально двигаться. Невкогда обритые налысо, но уже немного отросшие темно-пепельные волосы трепались на ветру как хотели, сами по себе, создавая самые немыслимые прически. Часто моргая подслеповатыми глазами, Урод дотащил мешки и принялся методично вытряхивать в яму с трупами их содержимое.

Среди заключенных были завистники, считавшие его любимчиком фашистов, пользующимся большей свободой, нежели остальные. Были и те, кто жалел дурачка, ничего не понимающего в происходящем и по горло нагруженного самой тяжелой и грязной работой, какую только можно было найти в лагере.

Что же касается солдат рейха, то для них Урод был наглядным доказательством деградации иных наций. Его ничтожество позволяло раз за разом убеждаться в своем превосходстве.

Словом, то, что Урод был уродом, понимали даже собаки.

Как только он закончил свою работу и поковылял обратно, Тойфель тоже повернулся, чтобы уходить. Подушечки лап щипал мороз, пес сильно озяб и хотел есть. Его породу выводили не для таких температур...

Удаляясь все дальше от болота и Пся Крев, он невольно почувствовал облегчение и с трудом сдерживался от того, чтобы не прибавить шагу.

Конечно, сегодня будет спокойная ночь, но все же...

В болоте были вещи и похуже Пся Крев. На границе тумана и сырости там обитали этти. Тойфель никогда не видел их, никогда не давал им приблизиться достаточно близко. Он просто знал, что они там есть. И каждый раз, когда он ощущал их присутствие, шерсть на теле добермана невольно поднималась дыбом. Даже в лучшие свои годы он поостерегся бы этти. Остерегались их и Пся Крев, предусмотрительно исчезая куда-то, как только наступали Их Ночи.

Пролезая под внутренней полосой ограждения, Тойфель подумал, что в принципе для места массового захоронения этти должны быть нормальным явлением. К тому же у них тоже были свои ограничения. Этти обретали призрачную плоть лишь в густом тумане и не могли далеко уйти от своей могилы.

С такими мыслями озябший пес наконец поскребся в двери караулки. Подождал, поскребся еще и только потом позвал. Долго мерзнуть на ветру его не заставили.

Внутри было довольно сильно накурено, но недалеко от растопленной буржуйки ждал постеленный на пол тюфяк, а оторвавшийся от эрзац-кофе Розенкранц уже спешил к нему, чтобы поделиться едой.

Тойфель с достоинством прошептал на свое место и лег, снисходительно принимая от Розенкранца лакомства.

По-своему он даже симпатизировал этому высокому сухопарому пареньку с белесыми волосами и прозрачными глазами истинного арийца. Розенкранцу было всего восем-

надцать, он свято любил Фатерланд и больше всего на свете боялся оставшегося дома строгого отца, никогда не позволявшего наследнику завести собаку. Так что Тойфеля Розенкранц чуть ли не боготворил. Отвернуться от такого щенячьего восторга старый пес не мог и часами позволял Розенкранцу гладить себя по голове, а в минуты хорошего настроения даже чесать себе брюхо. В конце концов, ему нравилось приносить этому простоватому парню немного радости, ведь тот по жизни был хроническим неудачником, потому что один звук фамилии Розенкранца неотвратимо наводил начальство на мысли о неблагонадежности. Так он и оказался в этом богом забытом лагере на севере Польши, где даже полному крестину не посчастливится попасть в плен к партизанам.

Сам Розенкранц, впрочем, об этом даже не подозревал, умудряясь находить маленькие радости везде, где только можно.

Тойфель вытянулся на тюфяке и прикрыл глаза, едва заметно подергивая ухом при звуках голосов охранников. Люди говорили о войне, и их голоса звучали хмуро и безрадостно.

Шел ноябрь сорок четвертого года.

В холодной, продуваемой ветрами низине бродили людоеды Пся Крев. Ненормально огромный кобель Паныч, как внимательный пастырь, следил за своим ужасающим стадом, лишь изредка бросая недобрые взгляды в ту сторону, откуда всегда появлялся старый доберман.

В тумане ждали над своей общей могилой забывшие себя и алчные эти.

Визит высокого армейского начальства оказался сколь неожидан, столь и нежелателен.

Все-таки обершттурмбанфюрер СС. И не из расположенного поблизости Штуттгофа, а непосредственно из самого Хелмно.

Лежавший на высоком крыльце сторожки Тойфель внимательно наблюдал, как солдаты фюрера строят на апельплаце пересыльных. Каждую из образуемых четко геометрических фигур сопровождал офицер с доберманами на сворке. С молодыми.

Прижатые боком к боку, застывшие нога к ноге, сильные и нетерпеливые, они были молоды и прекрасны. Каждая пара — пример идеального экстерьера. Двухголовые черберы лучшей в мире породы.

Тойфель смотрел на них, и глубоко внутри его грела гордость.

А он свое уже отслужил.

Впрочем, когда из осенней сырости вынырнули первые мотоциклы сопровождения, он поднялся и расправил плечи, приветствуя гостей. Вряд ли кто-то обратил бы внимание на старого пса около каморки дежурных, но это не имело значения. У доbermanа были свои представления о положенном и должном.

В нескольких метрах от него чуждый всей этой торжественности и суете, нелепый и отвратительный, Урод все еще тупо возился с метлой, бесконечно долго пытаясь подмести боковую дорожку. И кто бы знал, что, будучи в исключительно дурном настроении из-за последних сводок с фронта, оберштурмбанфюрер заметит проклятого горбуна и не замедлит выразить свое раздражение коменданту лагеря, не очень затрудняя себя в выборе фраз и выражений! Да и сам разговор у них вышел коротким и не очень приятным, так что вряд ли можно найти хоть что-то удивительное в том, что проведив блестящие черные машины, комендант отдал соответствующие распоряжения, и к нему незамедлительно притащили Урода.

Горбун мычал что-то на своем никому не понятном языке и вяло сопротивлялся, но шел. По короткому кивку начальника лагеря с Урода содрали нелепую телогрейку, оставив в одной лишь серой каторжной паре. Затем пинками отогнали шагов на двадцать.

Положив голову на вытянутые лапы, Тойфель равнодушно наблюдал за людьми. В карих глазах собаки отражались ранний вечер, и серое небо, и забор, и абсолютная уязвимость одинокой человеческой фигурки с непонимающим выражением на некрасивом бесхитростном лице.

Остроконечные уши доbermanа коротко дернулись при звуке первого выстрела.

Горбун схватился за плечо и с удивленным видом по-

смотрел на начальника лагеря с дымящимся «вальтером» в руке. Под пальцами Урода постепенно расплзлось темное пятно. Только после второго выстрела, попавшего в ляжку, Урод наконец что-то понял и, повернувшись, побежал прочь от возмущенного крика: «Schießen Sie!»

Комендант лагеря не был Белоснежкой, так что стрелять начали буквально все, кому посчастливилось оказаться достаточно близко от безобразной сцены.

Урод бежал удивительно медленно, переваливаясь нелепой иноходью и смешно отмахивая на бегу левой рукой, и лишь невнятно мычал в ответ на новые попадания. А в него все стреляли и все не могли остановить этот странный нелепый бег.

Кто-то из солдат засмеялся, остальные охотно подхватили, даже комендант, похоже, немного расслабился.

Тойфель поднялся и, встряхнувшись, стал спускаться с крыльца.

У него были свои обязанности. В конце концов, начинало темнеть, пора было совершать обход.

Неспешно трусая вдоль навесов, где жались друг к другу наблюдавшие этот пародийный расстрел пересыльные, старый пес привычно отвернул морду. Ничего не мог с собой поделаться, он с трудом переносил запах этих грязных полубезумных животных.

Темнота стремительно сгущалась вокруг, где-то по-прежнему продолжали стрелять солдаты, и на самом сколе темноты отдаленно звучал чей-то смех.

Впрочем, к тому времени, как доберман прошествовал к столь нелюбимой им восточной стороне ограждения, все уже стихло, и в лагере снова воцарились тишина и порядок.

У самого лаза он почему-то обернулся и с непонятной ему самому щемящей тоской посмотрел на бараки и навесы лагеря, на вольеры и возвышающиеся над всем сторожевые башни. Желтый луч прожектора скользнул по его одинокому силуэту у ограды, и наваждение сгинуло.

Пес собрался и полез под колючей проволокой. Низкие тучи обильно посыпали его мелким мокрым снежком, земля обдавала брюхо пронзительным холодом.

«Я хочу умереть летом, — подумал пес. — Следующим летом, в светлую и лунную ночь».

Снаружи ждало болото.

Болото ждало в молчании, и сколько ни всматривался старый доберман, сколько ни принимался к тяжелому воздуху — Пся Крев будто растворились в тяжелой недоброй тишине. Тойфель напрягся, не позволяя себе нервничать, пытаясь уловить присутствие этти.

Но уловил он нечто совершенно другое. Не веря нюху и своим старым глазам, доберман потрусил вдоль ограды, чтобы убедиться в своих подозрениях.

Которые оказались не напрасны.

Он слишком хорошо знал, как пахнет свежая кровь. И когда слегка припорошенный снегом холмик в стороне от помойных ям болезненно шевельнулся, Тойфель понял, что не ошибся.

Каким-то чудом Урод сумел добежать до единственного известного ему спасительного выхода и даже как-то открыть его. Теперь обессиленный ранами и холодом забавный человек умирал на снегу, в том самом месте, куда обычно отгаскивали трупы других погибших или убитых заключенных.

Доберман сделал неуверенный шаг в сторону Урода и остановился.

А потом он почуял Пся Крев. Что бы ни заставило их уйти, свежая кровь как магнитом тянула трупоедов обратно.

Человек тихо застонал, он был еще жив, и Тойфель сам не понял, как бросился вперед.

Пересечь границу оказалось удивительно легко. Коричневым пятном на белом снежке доберман кинулся вниз по склону, к умирающему Уроду, и встал над ним, с глухим рыком поднимая загривок.

Из темноты на него уже сверкали красные огоньки глаз, все болото будто вибрировало от низкого, все нарастающего рыка. Темными, подрагивающими от напряжения силуэтами Пся Крев крались к нему по снегу. Первым, не скрываясь, шел Паныч.

Паныч был огромен и страшен, и оскаленная, вызверенная морда его выражала ликование. Настал его час.

Тойфель заложил назад уши, чувствуя, как глухо kloчет ярость в его глотке. Ярость и нечто большее, нечто заложенное глубинным внутренним инстинктом и чувством собачьей гордости — стремление защищать.

Оставляя свою свору чуть позади, Паньч приблизился первым. Разномастные прихвостни слушались его беспрекословно, образуя широкое кольцо вокруг еле живого человека, застывшего над ним добермана и своего жоака. Трупоеды хорошо понимали, что, невзирая на возраст, доберман еще способен разорвать или покалечить первого, кто рискнет напасть на него, и охотно предоставляли эту честь Паньчу.

Чудовищный волкодав остановился на расстоянии прыжка от Тойфеля. Будто знал, что скованный своими принципами доберман не сможет и на шаг отойти от Урода.

Глазам не верю. Ты все-таки вышел к нам? Вышел защищать ЭТО?

Карие глаза волкодава насмешливо поблескивали.

В холодной, не до конца промерзшей жиже болота у Тойфеля дьявольски мерзли лапы, но это было лучше, чем если бы болото успело совсем замерзнуть. На льду у него было бы меньше шансов.

Впрочем, шансов не было бы при любом раскладе.

Не понимаю.

Старый доберман и матерый волкодав стояли друг против друга, готовые биться за умирающего выродка человеческой породы. Выбор верности. В пронзительной холодной темноте ветер приносил с Балтийского моря таинственные непонятные звуки.

Твои хозяева приговорили его, как многих других. Почему ради него ты нарушил нашу границу? Зачем отдавать за него свою жизнь?

Ты не поймешь, трупоед.

Доберман стоял над истекающим кровью, замерзающим горбуном неведомого рода, как стоял бы над любым немецким солдатом, нуждающимся в его помощи. Он знал, что прав. Он не смог бы объяснить это не то что Паньчу, а даже собственным детям.

Почему, старик?

Волкодав медлил и ждал ответа, и в глубине его глаз уже не было ни ярости, ни торжества, а только чистая, такая детская еще обида. Мощная почти болезненная судорога узнавания накатила волной, заставляя его жадно втянуть воздух, будто в попытке почуять то, чего нельзя объяснить или увидеть.

Ты никогда не понимал этого, Рогоро.

Паныч дернулся, как будто его обожгли. Напряженно ждавшие Пся Крев отпрянули, напуганные его резким движением. Когда ему удалось справиться с собой, в темных глазах на ощеренной морде сияли безумные искры, веселые и горькие одновременно.

Гррао?

Пронзительный взгляд — внутрь, глубоко, чуть ли не до боли.

Гррао. Вот уж кого я не гадал встретить — здесь и в такое время.

Да, Рогоро, с нашей последней встречи прошло много жизней.

Урод завозился на снегу, быстро, нелепо бормоча что-то гнусаво-плаксивым голосом. Тойфель покосился на него, на мгновение упуская из внимания Паныча, открывая горло...

Проклятый Гррао, ты никогда не считал меня чем-то стоящим, да?

Волкодав обнажил страшные клыки и шагнул ближе.

Старая тварь с гурацкими идеалами, ты умрешь, так и не поняв, как нелепо и смешно твое стремление защищать. Мы — Псы Большой Охоты, если ты еще помнишь, мы живем не для этого.

Доберман спокойно смотрел на ярящегося вожака Пся Крев.

Мы — Псы Большой Охоты, в этом ты прав, Рогоро. Питаться мертвыми для нас — позор. А теперь, прошу тебя, не заставляй меня ждать.

Торопись умереть, старик?

Рогоро, молодой горячий Рогоро, как же ты докатился до такой жизни, малыш?

Доберману было даже почти жалко трупоеда.

Ты... ты... ты — идеальное создание, ты не поймешь! Не поймешь, как это бессмысленно — равняться на подобных тебе! Как это глупо — служить и защищать! Какие суки наши Хозяева! Гррао, ты не поймешь! А я знаю. Я перерос твои идеалы. Я мочился на них. Я опустил так низко, как только мог. Ты не поймешь... что иногда единственный шанс выйти из твоей тени — это встать против тебя! Но даже сейчас... даже сейчас ты не считаешь меня достойным противником, Гррао!!!

Рогоро, мальчик, успокойся...

Гррао, преданный безупречный Гррао, даже в этой жизни. Даже сейчас...

ПРЕКРАТИ ИСТЕРИКУ, КНАВЕ!

От рыка добермана даже ветер, казалось, приутих, даже снег на мгновение застыл в воздухе, боясь привлечь непрошеное внимание. В повисшей тишине глухо застонал несчастный Урод. Вряд ли он понимал, что происходит. Доберман переступил с ноги на ногу, разминая застывшие от холода лапы, и посмотрел Панычу прямо в глаза.

Ревнивый обидчивый щенок Рогоро, ты знаешь все сам. Знаешь о выборе верности, о жизни и смерти. Ты хороший боец, я никогда в этом не сомневался, даже не зная, что тот огромный пес на болоте — это ты. Просто мой выбор верности остается неизменен.

Ты бы подох, окажись на моем месте!

В голосе Паныча прозвучала плаксивая интонация.

Да, скорее всего. Но выбор смерти мы тоже делаем сами. Я делаю свой сегодня.

Но он все равно бы умер!

Разве это имеет значение, Рогоро?

Паныч отвернулся. Он долго молчал, не двигаясь и не поднимая глаз, заставляя терпеливого добермана ждать, потом сделал еще один совсем маленький шаг вперед и лег перед Тойфелем на мерзлую землю. Позой подчинения. На брюхо.

Не было сказано ни слова, но выбор был сделан.

Я рад снова видеть тебя, малыш.

И доберман подвинулся, подпуская волкодава ближе к человеку. Паныч пристыженно вылизал ему морду и встал рядом, огромный и теплый.

Как давно это было...

Переступивший через свою гордость, огромный пес задумчиво наблюдал, как начавшая понимать, что произошло, его бывшая стая медленно выступает из своих убежищ.

Предательство — последнее дело. Ему пощады точно не будет.

Всю жизнь предатель, да, Гррао? Как бы я ни поступал, я всегда предатель. Такая собачья жизнь.

Не грусти, малыш. Умершие рядом возрождаются вместе. В следующей жизни я присмотрю за тобой.

Ну, ты обрадовал, Гррао.

Пся Крев сжимали кольцо, но нападать пока опасались.

Оставь первых мне. Я сильнее. Лучше прикрывай мне бока.

Главное, не забудь, что это не просто грака. У нас есть кого защищать.

Постараюсь. Я, знаешь ли, немного отвык.

Плечом к плечу они ждали атаки Пся Крева, шоколадный доберман с поседевшими подпалинами и молодой волкодав вполтину больше его. У них под ногами совсем тихо стонал забывшийся человек.

Спасибо тебе, Рогоро. Я этого не забуду.

Волкодав готовился драться и улыбался. Луч прожектора скользил по тонкому слою мокрого снега, чуть-чуть не достигая будущей сцены боя.

Жизнь — забавная штука, правда, Гррао?

Правда, сынок.

Я совсем не боюсь, Гррао, ты веришь мне? Эта шваль, моя бывшая стая, бояться их — значит презирать себя.

Большое косматое плечо совсем рядом, надежное и теплое.

Верю, сынок... Я рад, что ты рядом.

Как раньше?

Как во времена Охоты, малыш.

Оба пса напряглись, чувствуя, что самые ярые из Пся Крев готовы к броску. Паныч выступил чуть вперед.

Далекий-далекий вой прорвался в музыку ветра, отдаваясь от колючей проволоки ограждения и далеких деревьев за болотом. Пся Крев замерли. Насторожились. И попятись прочь.

Конец.

Паныч тяжело опустился всем телом на холодную землю.

Не раскисай. И подвинься ближе к человеку, он замерзает.

Тойфель тоже все понял, но так легко сдаваться не собирався. Убедившись, что Рогоро подчинился его приказу, сам он лег по другую сторону от Урода.

Все еще сочившаяся кровь дразнила его ноздри, кожа человека была холодной, и пес крепче прижался к умирающему, отдавая последний комфорт своего тепла.

Гррао?

Зов прозвучал просительно.

Что, Рогоро?

А ты правда думаешь, что это Охотник?

Что? Ну, ты мечтатель, малыш!

Ну, я подумал, с чего еще Гррао, такой старый, рискнет выйти против всех, как если не ради Охотника?

Доберман неодобрительно покачал головой.

Этот человек совершенно никто. Недочеловек. Я сомневаюсь, что в нем мог бы жить дух нашего Охотника.

И все же ты вышел защищать его...

Наверно, я вышел бы защищать его в любом случае.

Рогоро поднял большую голову с передних лап и через плечо Урода посмотрел на старшего пса.

Я так и думал, что ты так скажешь. Твоя душа всегда была более чуткой, чем ты сам, Гррао. Может, поэтому тебя и наказали родиться в породе. Но твои дела убедительнее слов.

Охотник...

Старый пес с сомнением посмотрел на уродливое лицо потерявшего сознание, замерзающего, истекающего кровью человека.

Вряд ли... Наш Охотник просто не мог стать таким. Даже неверие людей, забывших Охоту, не заставило бы его так деграгировать.

Волкодав тоже смотрел на Урода.

И все же если это Охотник...

Большой пес вздохнул и поник.

Охотник, мне тебя жаль.

Ты остался все таким же искренним и все таким же еретиком, Рогоро.

Они лежали, и мерзли, и грели своими телами израненного Урода, чувствуя, как по всему телу поднимается шерсть от близости этти. Этти тоже чуяли, что Урод еще жив.

Знаешь, даже если бы он не был ранен, нам все равно некуда уходить.

Рогоро снова поник.

Я знаю, некуда.

Тойфель не ответил, он плохо видел, но видел достаточно, чтобы уловить за мельтешением мелко́го снега парение смутных теней. Тени выползали из мертвых ям и лизали кровавые следы, оставленные Уродом, пока он бежал от калитки. Тени искали свою добычу. Живую душу.

Доберман не умел сражаться с голодными тенями.

Далеко, на границе леса, хором выли Пся Крев. Они знали, что им снова достанутся только трупы. Безобразно скрюченные, вывороченные трупы, из которых заживо пожрали души.

Наверно, при других обстоятельствах этти не тронули бы двух собак, но псы понимали, что, если они встанут на пути мертвых, остановить мертвых им вряд ли удастся.

Паныч занервничал.

Я... Гррао, я... Этти знают меня, понимаешь? Знают мой запах.

Лежи смирно, щенок.

Пойми, Гррао. Я не чист, я причастен. Я ел их мясо. Они найдут нас по моим следам.

Они найдут нас в любом случае. Лежать.

Гррао, я пойду им навстречу. Я грязный, от меня мало пользы. Но по меньшей мере я их отвлеку, задержу их... хоть немного...

Лежать, Кпабе, я сказал!

Этти рыскали вокруг по болоту, слепо шаря перед собой когтистыми тощими руками. Первые бледные призраки уже начали осторожно просачиваться по следам Паныча.

Что нам делать, Гррао, что делать? Их нельзя убить, с ними нельзя сражаться, мы ничего не сделаем им, я знаю. О, Фенрир!

Успокойся, Кпабе, успокойся и помолись Сестре.

Паныч посмотрел на него чуть ли не в ужасе.

Я не могу.

Можешь. Мы будем молиться вместе. Если это действительно Охотник, Сестра-Хозяйка не откажет нам в помощи.

А если нет?

Значит, мы умрем, защищая обычного человека.

Далеко в низине, среди тонких голых силуэтов редкого леса, Пся Крев затихли, слушая слившуюся в один голос молитву двух псов на болоте.

Этти заколебались, но все же продолжили свое плавное приближение.

Иногда молитва отнимает больше силы, чем бой. Старый доберман выдохся и опустился на снег, с печальной радостью внимая отчаянному плачу огромного блудного щенка по кличке Паныч. Даже если они не спасутся, ему есть чем гордиться в этой жизни. Ведь хотя бы на одну ночь он обрел Охотника и товарища из стаи.

Он не боялся.

Надрываясь, плакал и кричал к небу матерый волкодав. Все ближе тянулись этти. Из носа Урода, пузырясь, текла кровь.

«Если будет надо, я сам убью его, чтобы он не достался этти, — спокойно решил доберман. — Неважно, Охотник он или нет».

Плакал и кричал Рогоро.

Будто в ответ на его молитвы, между туч высоко в небе неожиданно выглянул бледный краешек холодной луны.

Следующим утром пришли машины и началась эвакуация лагеря. В суете сборов почти никто не обратил внимания на то, что трупа Урода на болоте не оказалось.

К тому же что удивительного? Там, знаете ли, эти собаки...

Дежуря на вышке, одиноко хлюпал носом Розенкранц, все утро искавший и так и не сумевший найти старого добермана. Парень еще не знал, что с этого самого дня удача повернется к нему лицом. Он благополучно переживет поражение Германии и даже не попадет в плен. Поселится в тихом провинциальном городке в Австрии. У него будет жена, много детей и полный дом разных собак.

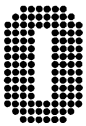
Он еще не знал этого.

Ему никогда в жизни не доводилось слышать о Сестре-Хозяйке.

И он не веровал в Дикую Охоту.

ЧЕРТОВА ШТУКА

 н лежал с огнестрельной раной в животе и, уже преодолев боль, с некоторой отстраненностью наблюдал за тем, как из него по каплям уходит жизнь. И дело было даже не в крови, хотя ее вытекло порядочно — она пропитала рубашку и джинсы, а пятно на песке сделалось похожим на срез замерзшего мяса. Кровь и жизнь — не всегда одно и то же. Кровь просто сворачивалась, становилась пищей для каких-то тварей, вместе с падающейся плотью поддерживала круговорот веществ. С жизнью, как он думал, все обстояло гораздо безнадежнее. Она исчезала бесследно каждую секунду, и каждую секунду неведомо откуда и по чьей воле поступала новая порция — будто вдох. Теперь ему перекрыли кислород. Но, возможно, смесь была только наркозом.

Если бы раньше какая-нибудь гадалка сказала ему, что он умрет из-за женщины, он рассмеялся бы и послал ее ко всем чертям, не заплатив ни гроша. Умирать из-за другого человека глупо и бесполезно. У кого хватило бы наглости умереть вместо Иисуса Христа? Не означало бы это крушение Плана? Не было бы это подарком сатане?

Но умирающий мужчина чувствовал себя слишком поганым для подобных вопросов. Он не готовился к встрече ни с Иисусом, ни с дьяволом. Он вообще ни к чему не готовился, потому что считал себя обманутым. В оставшиеся минуты он пытался всего лишь смириться с нелепостью смерти. Раньше, когда он был молод и здоров, это получалось у него без особого труда. Фраза «все там будем» уравнивала гениев и идиотов, героев и подлецов, святых и мерзавцев. Теперь же он ощущал невероятную горечь оттого, что поддался на примитивную уловку природы, позволил сердцу взять верх над разумом. А сердце мужчины находится известно где...

Он любил женщину, из-за которой умирал, но это ничего

не меняло. Значит, любовь была силой, которая убивает, и тем более следовало держаться от нее подальше. Он забыл об осторожности и поплатился за свою глупость.

Сейчас, когда в его теле оставалось все меньше крови, любовь сделалась чем-то далеким, почти забытым и утраченным, как звездное небо детства — то небо, которое еще внушало трепет перед бесконечностью и вечностью, а не серый колпак над помойкой, безраздельно принадлежащей двуногим крысам.

Он с трудом отнял руку, которой зажимал рану. Рука была очень тяжелой и чужой. К пальцам прилипли бумажные деньги, тоже залитые кровью; деньги цвета заката, страсти, искусанных губ, ночного отчаяния... Он смотрел на свою багровую ладонь. Линии на ней превратились в складки, напоминавшие трещины в красной глине. Это было кладбище хиромантии.

Самое смешное, что судьба его не обманула. Он ведь и не ждал от нее невозможных подарков, был доволен тем, что имел, и готовился к худшему.

Осталось самое трудное — умереть без сожалений, без ненависти и презрения к себе. Тут не помогут никакие красоты творения, ни чья-то благодарность, ни собственная сила воли. Когда все вокруг заволакивает тьма, красота исчезает, как всякая иллюзия, сотканная из времени и надежды. Благодарность не добавляет смысла к изначальной бессмыслице, а сила воли — всего лишь тупой фельдфебель, пославший на смерть последнего вымуштрованного им солдата и недоуменно озирающий опустевший плац.

...Тень упала на лицо. Прохлада. Оказалось, в ней нет ничего приятного. Выдох вскрытого подземелья.

Кто-то подкрадывается. Что-то прорастает сквозь кожу, как ледяные кристаллы. Мошकारа роится, мешая рассмотреть стервятников. Черные птицы, терпеливые птицы описывают круги в ослепительном небе...

Или белые птицы в черном небе? Очень странно. Кто же крутит ему предсмертное кино в негативном изображении? А может, это Чертова Штука начинает действовать? Нет, не должна — ведь рядом до сих пор ни души. Мужчина осознал, что все еще надеется на чудо...

Удивительно, что он вообще сумел добраться до перекрестка. Видения окружали его, предательски уводили от реальности. Всякий раз он с трудом заставлял себя возвращаться.

Солнце, проклятое солнце. Черная дыра, высасывающая свет, воду, воздух. Жажда. Пекло. Повсюду песок — в ране, в глотке, в ноздрях. Адская жаровня...

В минуту относительной ясности мужчина понял, что солнце сместилось и теперь палит прямо в лицо. Он полулежал, привалившись к накалившемуся борту своей черной машины. Но он не мог вспомнить, как оказался на перекрестке. Несколько раз во время поездки его рассудок мутился на секунду-другую, однако затем он каким-то чудом выкруливал на проезжую часть, избежав смерти в канаве. Зачем? Чтобы сдохнуть здесь. А какая, собственно, разница? Как там насчет последнего шанса?

Вот он, этот шанс, — бредет по одной из дорог, образующих перекресток. Силуэт, расширяющийся книзу. И вдобавок трехногий. Уродливое искаленное паукообразное...

Когда фигура приближается, умирающий мужчина различает в ней старуху. Уж не та ли Проруха, что всучила ему Чертову Штуку? Кстати, взамен чего? Чем он расплатился? Будь он проклят, если помнит! Но старуха отдала ему эту штуковину явно не от доброты душевной.

О черт! Мозг плавится в башке. Может получиться настоящий деликатес. Для тех, кто понимает. Подавать с головой. Особую изысканность блюду придадут глаза, в которых застынет баранье удивление: «Почему я?..»

Старуха совсем близко. Ее тень падает ему на лицо. Даже тень воняет. Старуха тоже скоро сдохнет. В любом случае это не то, на что мужчина рассчитывал, когда ценой невероятных усилий добирался до перекрестка. И не знал, как ему удалось добраться. Последний, самый мучительный участок пути начисто стерся из памяти.

Перекресток не был обозначен ни на одной карте. После того как мужчина получил пулю в живот и пришел в себя, он сумел влезть в машину и даже проехать несколько километров по городу. В какой-то момент исчезли дома и улицы. Исчезли привычные ориентиры. Осталась пустыня. И появи-

лась дорога. И придорожные канавы. И стервятники в небе — верные спутники идущих к смерти.

Кажется, это соответствовало тому, что обещала ему Проруха. Ведь он был не настолько глуп, чтобы понимать ее буквально. И если она бормотала: «Долина Страха, Дорога Проклятых, Стена Отчаяния», — он знал, что ничего подобного не существует нигде, кроме, может быть, странной реальности в промежутке между жизнью и смертью. Там сброшены маски и вещи теряют прежние названия и блеск. Там любимая черная машина становится паровозной топкой, а птицы — значками шрифта, составляющими вполне внятный текст приговора.

...Вонючая тень сбежала с лица. Святое дерьмо, как долго уже длится эта пытка? Госпожа Желтуха разглядывала его маленькими гноящимися глазками, в которых было (о нет, только не это!) сочувствие. Ковыляй дальше, карга. И не ступай своими черными замшевыми туфлями на мою кровь. Не задень Чертову Штуку, мать твою! Не ковырай песок своей корявой клюкой...

Палка старухи прочертила линию в каких-нибудь пяти сантиметрах от песчаного холмика, который мужчина нагреб ладонью, закапывая Чертову Штуку. Если бы кто знал, чего ему стоило это простое движение! Но он все сделал так, как объяснила Проруха. Кажется, ничего не упустил, хотя прошло много лет с той встречи. И черный день, конечно, наступил — а кто бы сомневался? Мужчина не сомневался. Он оказался готов. Ну, почти готов. Трудно выглядеть как огурчик, когда получаешь кусок свинца в живот и после этого еще надо отыскать место, в существование которого верит только парочка свихнувшихся на черной магии придурков.

Теперь холмик превратился в островок, окруженный багровой лужей. Впрочем, лужа быстро высыхала. Скоро от нее не останется и следа. Мужчина смотрел на бугорок так, словно это была Голгофа в лучах заката. Голгофа, на которой еще не воздвигли крестов для Него и двоих разбойников. И мужчина начинал понимать: с его головой творится что-то неладное.

Видения возвращались. Огромные жирные мухи лопались на лету и оставляли тошнотворные потеки на стекле.

Откуда взялось стекло? Стекло возникло из песка, и накрытый этой банкой раненый медленно сходил с ума. Он высыхал, как овощ, забытый в парнике, и думал: «Проруха, сука, все-таки обманула меня, а я, дурак, расплатился сполна, хоть и не помню как. Отдал больше, чем мог, но меньше, чем хотел». Может, в этом и было дело? Может, он не угадал с чаевыми?..

Снова человеческий силуэт соткался из нитей, которые умирающий не мог долго удерживать. Но зато он мог быть уверен, что это не очередная призрачная марионетка его гаснущего разума. Нет, это была чужая марионетка.

Мужчина заскрипел песком на зубах. То, что он видел перед собой, не тянуло на последний шанс. Восьмилетний сопляк — заплаканный, перепуганный и грязный. Какого черта! Кто притащил сюда этого щенка? Дыра в животе сильно ограничила способность и желание выражать какие бы то ни было эмоции. Дыра в животе создала такую проблему, по сравнению с которой все остальное казалось обрамлением издевательства — чрезмерным и безвкусным, ибо клиент уже был не в состоянии оценить его. Выбора не осталось. Смерть караулила за ближайшим вдохом.

Мужчина смотрел в круглые от ужаса глаза мальчишки, словно надеялся прочесть в них ответ на вопрос: понимает ли тот, что такое судьба? Судьба приводит тебя в плохое место в плохое время, а все прочее — детские забавы.

Для этого сопляка забавы кончились. Он и впрямь двигался, как кукла-автомат. На деревянных ногах, с приклеенными к бокам руками. Последние разделявшие их три метра он преодолевал с неопишуемой гримасой на лице, словно три ночи подряд варился в кошмаре. Вот он ступил в кровавую лужу. Сделал еще шаг — и раздавил Чертову Штуку.

В тот же миг вверх ударил фонтан песка и крови, кто-то завыл под землей, а мужчина провалился в темноту.

* * *

Он нашел себя в тени большой черной машины. Жестокое солнце падало к горизонту.

Теперь его звали... А, черт, что значит имя, если роза уже не пахла розой? Ему было десять лет, но выглядел он на во-

семь. Вернее, так было несколько часов назад. На первый взгляд сейчас ничего не изменилось.

Чуть позже, когда он достал с заднего сиденья машины флягу с теплой водкой и сделал пару хороших глотков (после этого тоскливый мир слегка заискрился по краям), а затем посмотрел на себя в зеркало заднего вида, у него появилось странное чувство, что его рассматривает кто-то другой. Дитя из пурпурного зазеркалья, где время течет совсем-совсем иначе. Может быть, даже в обратном направлении — от смерти и старости к колыбели и рождению.

Он смачно плюнул в зеркало, вылез из машины и быстрыми уверенными движениями обыскал труп. Найдя залитую кровью пачку сигарет, он выругался и пнул ногой колесо. Его прежде белые кроссовки выглядели так, словно он целый день провел на бойне. Впрочем, отчасти это соответствовало действительности.

После такого приключения не мешало бы расслабиться. А потом разобраться со всеми. Он знал, где это сделать, знал — как, однако слабо представлял себе практическое воплощение идеи.

Он залез в машину, открыл бардачок и проверил пистолет — слишком громоздкий для его хилых лапок, но с плавным спуском. С удовлетворением отметил, что в обойме осталось восемь патронов. Спрятал пушку под сиденье — ее законным владельцем был мертвец.

Некоторое время ушло на подгонку водительского кресла. Даже сдвинутое вперед до отказа, оно все-таки находилось слишком далеко от педалей, и ему пришлось усесться на самом краю; при этом глаза оказались лишь немного выше крышки капота.

Пару минут он раздумывал, не зарыть ли труп в пустыне. Ему выпал уникальный случай устроить собственные похороны. В багажнике лежала саперная лопатка. Однако он трезво оценивал свои теперешние возможности. Ему предстояла очень утомительная и, вероятно, долгая поездка. И он вовсе не был уверен, что сумеет отыскать обратную дорогу. Что там болтала Проруха? Стена Отчаяния? Он уже был замураван в ней заживо. Долина Раскаяния? О да, он раскаял-

ся, но было поздно. Дорога Проклятых? Посмотрим, куда она приведет.

Он завел мотор и, смутно понимая, что направление в сущности не имеет никакого значения, поехал в сторону заходящего солнца.

* * *

Истек третий час пути, судя по часам на приборной доске. Он чувствовал себя так, словно ему в поясницу всадили раскаленный стальной прут. Стемнело. Над пустыней зажглись звезды. Он не узнавал ни одного созвездия, и вообще небо выглядело необычно. Звезды образовывали плотные скопления, и больше всего это напоминало... ну да, города, когда смотришь на них ночью с высоты. Например, с борта самолета.

Он отчего-то представил себя в некоем аттракционе под названием «Опрокинутая земля». На какие-то секунды у него закружилась голова, в глазах потемнело, а когда прояснилось, он увидел свет фар впереди, множество огней, которые точно принадлежали городу, и он знал, как называется этот город. Именно сюда он и хотел попасть.

Его не удивило, что он въезжает в город с запада. Вот и все коловство: долгий полусон, в который со временем веришь меньше и меньше... пока кошмар не вернется.

Он крепче вцепился в рулевое колесо. Он был готов к тому, что очень скоро перед ним возникнет множество мелких проблем, начиная с первого попавшегося ретивого представителя власти и заканчивая поисками временного пристанища. Мир был скоплением раздражающих, ничтожных, пошлых мелочей, болотом, в котором увязала птичка страсти. Истощенная страсть рано или поздно умирала — будь то любовь, жажда мести, одержимость красотой или стремление облагодетельствовать весь род людской. В лучшем случае болото исторгало миазм, в котором мало что оставалось от первоначального намерения. Поэтому он не обольщался на свой счет. Как и раньше, он держал в голове и запасной вариант: «Что-Если-Ничего-Не-Выйдет». Его прежняя жизнь почти всегда текла по второму руслу.

А сейчас вдобавок и собственная слабость внушала от-

вращение. Он сознавал, что жалок, но не жалел себя. Когда его взгляд падал на бледные детские ручки, ему снова начинало казаться, что это дурацкий сон, фрейдистская проекция бессилия — особенно на фоне того, что он собирался сделать. Женщина, которую он любил, теперь годилась ему в матери. Получалось интересное кино. И страшное — в первую очередь для него. А если повезет, он скоро узнает, чем оно закончится.

Городскую черту он пересек без помех. Машину старался вести аккуратно, но не слишком, чтобы не приняли за пьяного. В крайнем случае он просто остановился бы и убежал, ведь машину все равно пришлось бросить. Расставаясь с грудой штампованного железа, он испытал недолгий, но сильный приступ гложащей тоски, словно лишился еще одного огромного куска прошлого. Кроме того, что он исколесил множество дорог, в этой машине ему случалось есть, спать, заниматься любовью, истекать кровью. Она являлась символом его дутой респектабельности, измеряемой такими же кретинами, каким он был когда-то. Совсем недавно. Напоследок ему захотелось сжечь машину, чтобы она не досталась никому. Как женщина.

Он свернул в переулок и навсегда потерял ее из виду. Теперь он старался думать не о прошлом, а об оставшемся времени. Время, как известно, деньги. Он обладал суммой, которой хватит в лучшем случае на неделю. Если, конечно, он не собирается полностью соответствовать своему новому имиджу. Странное дело: чисто умозрительно перспектива жизни в ближайшие десять лет казалась ему довольно скучной. По правде говоря, он не знал бы, чем заняться. Он поневоле стал носителем своеобразного извращения, когда мнимые ровесники представляются идиотами. А чему новому могли бы научить его приемные родители, попы, школьные учителя? Это была бы трагикомедия, истинный смысл которой понимал бы он один. Как ни крути, лучше ограничиться неделей, а там видно будет.

Долгая поездка утомила его, требовалась передышка. В гостиницы он даже не совался. Навещать старых приятелей было не менее глупо. Некоторое время он вертел в голове вариант с одной знакомой потаскушкой, которая, пожалуй,

приютила бы его за деньги, не задавая дурацких вопросов, но она была наркоманом со стажем и, кроме того, могла принимать очередного клиента. Поэтому он поступил иначе: присмотрел квартиру с темными окнами в плохом районе, взломал замок, воспользовавшись неутраченным навыком, и расположился с относительным комфортом. В случае появления хозяев пушка давала ему явное преимущество. Стрелять он, конечно, не собирался. Разве что не будет другого выхода. Он собирался тихо удалиться.

Это была квартира площадью метров шестьдесят. Дешевая мебель, несколько десятков книг, пара репродукций на стенах, велосипед, старый телевизор, музыкальный центр и равнодушный к вторгшемуся чужаку кот.

Он порылся в шкафу, но не обнаружил одежды подходящего размера, да и вообще мужской одежды. Судя по всему, тут жила молодая незамужняя женщина. Относительно рода ее занятий он мог лишь строить догадки. Он быстро принял душ, настороженно прислушиваясь к посторонним звукам сквозь шум воды, сунул в стиралку свои заскорузлые шмотки, набросил чужой халат, опустошил холодильник, удивляясь тому, сколько жратвы влезло в это тощее тельце, и сыто задремал в кресле, положив пистолет на колени. Ночная тьма обступила его.

Так далек был рассвет, и так близка вполне взрослая тоска. Она снова брала за горло — как целую жизнь назад.

Тускло мерцавшие цифры на электронных часах уводили в туннели искаженного времени, где блуждают потерявшиеся лунатики. Лучи фар скользили по стенам, изредка скрещиваясь на потолке, будто конусы прожекторов ПВО, рыскающие в плоском убогом небе. Он вспоминал фильмы о давней войне, которые видел не этими глазами, и на гладком лице внезапно обозначились морщины, будто кто-то изуродовал отверткой куклу.

* * *

...Тихий звук вернул его к действительности. Мяукнув, метнулся к двери кот. Ключ поворачивался в замке. Он продолжал сидеть в кресле, но накрыл руку, державшую пистолет, полой халата.

Вспыхнула лампа на стене у входной двери. Вошли двое — мужчина и женщина. Он успел рассмотреть их из темноты. Она была вульгарна, слишком сильно накрашена, но тени под глазами были следами усталости. Лицо простоватое, лживое, продажное. Крашенные волосы, проколотая бровь, браслеты, маникюр. Если она и работает, решил он, то разве что официанткой в дешевом кабаке.

Мужчина принадлежал к другой породе и явно оказывал ей снисхождение. Видно было, что он здесь впервые и разочарован увиденным. Но покувыркаться со шлюхой можно и тут. Возможно, он даже счел это экзотикой. Кота он брезгливо отпихнул ногой в сторону, да так, что чересчур доверчивая и разжиревшая домашняя тварь вмазалась в стену.

Женщина не протестовала, однако в глазах ее промелькнуло особое выражение. Заметив это, незванный гость напрыгся. Она сбросила туфли на высоких каблуках, и ее фигура сразу потеряла в эффектности. Она направилась к кухонной стойке, чтобы приготовить выпивку, и по пути щелкнула выключателем. Открыла холодильник и озадаченно хмыкнула, глядя на пустые полки.

Тем временем мужчина устался на сидевшего в кресле мальчишку. Тот смотрел на него в упор и не двигался. Оба молчали. Через несколько секунд мужчина криво ухмыльнулся. Тут женщина поднесла ему бокал.

— Что это за сопляк? — спросил он.

Женщина уставилась на мальчишку широко открытыми глазами и после долгой паузы сказала:

— Первый раз его вижу.

— Да пошла ты! — небрежно бросил мужчина и удалился, преисполненный достоинства и уверенности, что таких, как она, на каждом углу десятк. Он не потрудился закрыть за собой дверь. Чуть позже это пришлось сделать «сопляку». Но вначале он, забыв, как нелепо может выглядеть восьмилетний ребенок с пистолетом, встал и сказал ей:

— Спокойно. Я не сделаю тебе ничего плохого.

На мгновение ему показалось, что он снова заметил то самое ускользающее выражение, которое в данных обстоятельствах могло означать: «А вот я тебе этого не обещаю».

Но она уже перевела взгляд с его лица на бокалы в своих руках, выпила из одного, а затем из другого.

Он хотел было попросить, чтобы она налила и ему, но потом вспомнил, что еще не знает возможностей своего тщедушного организма.

Женщина немного расслабилась, хотя все еще с опаской поглядывала на оружие.

— Ну и откуда ты такой взялся? — спросила она, когда ее начало немного разбирать.

— Если скажу откуда, ты не поверишь, — ответил он и отметил про себя, что теперь многое из того, что он скажет, будет понятно ему одному.

— Чего тебе надо?

— Пустяки, переночую и уйду. Не волнуйся, я тебе заплачу.

Он вдруг поймал себя на том, что разговаривает слишком по-взрослому. Да и женщина, несмотря на алкогольный туман, обращалась с ним не так, как с ребенком, возможно, еще не осознавая этого. Самое время было выдать душещипательную историю про папашу-алкоголика, издевавшегося над сыночком, или что-нибудь в этом роде.

Но он не успел. Она посмотрела на него так, что ему вдруг захотелось увидеть себя в зеркале. В этом взгляде было узнавание.

Выражение лица женщины внезапно изменилось. Оно перестало быть лицом молодой простушки; вульгарный макияж и гладкая кожа оказались всего лишь маской, под которой скрывалось... что? Он, конечно, мог бы перечислить некоторые ингредиенты: ум, дьявольская хитрость, превосходство, знание людской натуры, опыт, — но для остального у него не хватило бы слов.

Впрочем, он и не утруждал себя. И с этой минуты избегал смотреть ей в глаза без крайней необходимости. Взгляд его поневоле переместился на медальон, который поблескивал в глубоком вырезе ее топа. Даже странно, что он не заметил его сразу. Возможно, сработала лучшая из всех маскировок: вещь все время была на виду. Устроилась прямо в ложбине между спелых налитых грудей, как змеиная голова. Лифчи-

ка женщина не носила, и соски вызывающе торчали под тонкой тканью.

В этот момент до него дошло, что он попал сюда не случайно. Он был марионеткой, не подозревавшей прежде о своем абсолютном и непреодолимом рабстве. То, что привело его в эту квартиру, к этой женщине (или старухе?), было нематериальной путеводной нитью, чем-то вроде запаха, но ни в коем случае не запахом — скорее уж искаженным инстинктом. А теперь, когда он осознал это, было слишком поздно.

Притворяясь, Проруха выиграла время. Он не сумел бы выстрелить, даже если бы захотел. По правде говоря, он не мог пошевелить ни одним из пяти пальцев правой руки. Но Проруха не овладела пока его мыслями, и они заметались, как псы, запертые в горящем доме. Вскоре осталась одна: «Зачем я ей нужен?»

Вначале было просто поганое предчувствие с кислым привкусом непоправимой, роковой ошибки, а потом он догадался, что расплата еще впереди. И то, что он отдал тогда, при первой встрече, покажется мелочью по сравнению с тем, что предстояло ему в будущем. В близком, очень близком будущем. Таким близком, что оно душило страхом, как подушка на лице.

По ту сторону смерти он был мужчиной. Здесь от него остался призрак в игрушечном теле. Проруха превратилась из дряхлой ведьмы в цветущую женщину, полную разрушительной силы.

Ее медальон приобрел нестерпимый опасный блеск. Он слепил и одновременно гипнотизировал. Кролик не пытался сбежать. Куда он мог деться от этого всепроникающего влияния, которое подчинило его чужому замыслу, непостижимому в своей гнусной полноте? Возможно, все началось гораздо раньше, чем он думал. Был ли он свободен до того, как притаился на перекресток с простреленным брюхом? Он знал ответы или думал, что знал. И от этого ему становилось только хуже.

Сейчас больше чем когда-либо он чувствовал себя игрушкой — но на этот раз не слепой судьбы, а вполне определенного существа. Хозяина. Это слово заменило слишком устаревшее и слишком благородное для ада такого перерож-

дения слово «бог». Кроме того, и слово «игрушка» означало что-то почти невинное. Может быть, на языке кошмара ему следовало называть себя вещью, наделенной способностью мыслить, страдать и испытывать страх. Как ни называй, это не поможет избежать того, что ему уготовано.

Следующие несколько часов он запомнил плохо, как будто все происходило на дне мутного водоема, куда почти не проникает солнечный свет, где трудно дышать и увязать в иле, а всплыть невозможно, потому что голова превратилась в полый камень, внутри которого остался иссушенный разум.

Кажется, Проруха послала его за другой нужной вещью, и, выйдя за дверь, он обнаружил эту вещь. Вещь не успела уйти далеко. Все такая же большая и мужеподобная, она стояла в темноте на лестничной площадке. Она не дышала, хотя жизнь была заперта в ней, как дитя в заваленной шахте, — без малейших шансов на спасение.

Одному доставить вещь в квартиру ему было не под силу, и Проруха помогла ему. Вдвоем они ввели вещь в ванную, раздели, положили на кафельный пол, и Проруха принялась за работу.

К утру ванна наполнилась кровью и чем-то еще, а муляж был готов. Мальчишка «надел» его и отправился с Прорухой по ее делам. Он довольно быстро освоился, хотя в этом не было его заслуги ни в малейшей степени. Он просто был послушным. Таскать муляж оказалось не труднее, чем собственную тень, только тень эта окружала со всех сторон. Разница в размерах, как ни странно, не имела значения. Он даже почувствовал себя в некоторой степени более защищенным, будто надел доспехи, но длилось это недолго и могло стоить ему жизни.

Он сыграл отвлекающую роль в схватке Прорухи со столь же сильным колдуном и принял удар на себя. Вернее, она подставила его под удар, и прежде чем ей удалось пробиться к другой хорошо защищенной Чертовой Штуке, заключавшей в себе жизненную силу врага, муляж непоправимо пострадал.

Сама схватка выглядела чем-то нереальным, хотя происходила на фоне реальности, правда, выцветшей, как наскучившие старые обои, утратившей вкус, свежесть, краски,

аромат. Реальность сохранила только обязательное частичное присутствие — некое напоминание о неизменных шаблонах смерти, под которые рано или поздно должно быть подогнано любое проявление силы, возмнившее себя живым.

Все начиналось на улицах города, под аккомпанемент автомобильных сирен, и ветер ощущался как удары крыльев летучих мышей, и солнце было замысловатым иероглифом, зачем-то скользившим по небу, и редкие деревья пытались удержать тени — руки торчали из земли, но тени вырывались из корявых пальцев и носились, пронизывая тела, наполняя их безумием, заставляя вещи умирать окончательно, и тьма настаивала на возвращении...

* * *

Так вещь исполнила свое предназначение, а он снова стал маленьким и слабым. С тех пор в его груди появилась дыра напротив сердца и больше уже не зарастала. Сквозь эту дыру была продета нить Прорухи, вдоль которой он мог брести — будто ослепленный вьюгой пробирался через заснеженные руины. Он задавался вопросом, чего стоит жизнь, в которой нет ничего своего, кроме точки сознания — средоточия сожаления и безысходности.

Был день, когда, как он ошибочно решил, ему удалось ускользнуть от Прорухи. Это напоминало старую сказку о страшном доме ведьмы в дремучем лесу, где заблудившиеся дети ожидают своей участи — быть съеденными. А он уже давно чувствовал себя съеденным — там, на перекрестке. Но это не изменило ужасной сущности ожидания.

И вот он шел по лабиринту города, и дыра в груди как будто затянулась паутиной, и паутина дрожала, издавая самую тихую музыку на свете. Музыка заключала в себе некое эхо прежней жизни и прежней любви — теперь, конечно, невозможных. Он шел к женщине, из-за которой уже умер однажды.

Он увидел ее в сквере, где они когда-то часто гуляли вместе. Она постарела, морщинки легли под глазами. Она держала за руку мальчика. Она выглядела как человек, который тщетно пытается обрести покой и ради этого готов обманывать даже самого себя.

Он открыл рот и беззвучно закричал, чтобы боль не разорвала его на куски. Та, которую он любил больше жизни, была абсолютно недосыгаема. Он стал ровесником собственного сына.

Он поймал ее взгляд — она настороженно посмотрела в его сторону. Должно быть, увидела нечто пугающее: карлика, застывшего с ужасной гримасой на лице и безумными глазами. Именно карлика, а не ребенка. И в то же время у нее появилось необъяснимое предчувствие, что она его откуда-то знает и будет помнить об этой мимолетной встрече до самой смерти. Он излучал боль и заражал страданием, он был как-то связан со старой, едва затянувшейся раной в ее сердце. Тень упала из прошлого. И что-то вернулось. Расцвело, будто черный цветок, наполнив все тело своим мертвящим ароматом, кожа сделалась дряблой, волосы сплошь седыми, кости хрупкими. Старость пришла внезапно, как выпавший за ночь снег...

А он понял, что и эта встреча произошла не по его воле. Только еще одна попытка — возможно, последняя. Правда, он не узнает зачем. Мир был устроен так, что некоторые вопросы — самые важные — остаются без ответов. Мир страданий, вины, страха, пустоты, одиночества. От всего этого негде было спрятаться, кроме как в смерти. Но он отказался от последнего пристанища.

И, значит, ему некуда было деваться. Проруха, забравшая спасительную любовь, заодно забрав и смерть, кривлялась у него за спиной, радовалась обретенному наследнику, но, возможно, она тоже была всего лишь чьей-то вещью.

Он задержался, словно искалеченное точным ударом животное, однако это не было сопротивлением — только судорожной реакцией, а затем им снова овладело медленное, неотвратимое, покорное движение.

Его ожидало «детство», в конце которого он, может быть, увидит, как будут умирать дряхлыми стариками те, с кем он сыграет в их первые игры. И еще его ожидала «мать», которая дала ему эту жизнь и подвела к двери в ад. Он не хотел идти с нею еще дальше.

Но пришлось.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОРОЧЕСТВА

Первым, кто заметил в моем будущем что-то неладное, была моя жена. Я уходил на работу, она вышла в прихожую, чтобы закрыть за мной дверь, мы поцеловались, и вдруг она отстранилась, посмотрела мне в глаза пытливым взглядом и задумчиво произнесла:

— Что-то не так.

— Что? — спросил я.

— Не понимаю. Что-то нехорошее в ближайшем будущем. Сегодня или завтра.

— Проблемы на работе? Несчастный случай?

— Не вижу... Что-то плохое. Будь осторожен.

Она поцеловала меня еще раз, и я пошел на работу.

По дороге на работу никаких происшествий не случилось. Никто из попутчиков ни о чем плохом меня не предупредил. Впрочем, я ни с кем и не соприкасался достаточно тесно, чтобы вызвать случайное прозрение. Зимой, когда все укутаны в дубленки и шубы, ездить в метро скучно. То ли дело летом, когда каждая поездка оставляет в памяти целый калейдоскоп картинок личной жизни случайных попутчиков. Иногда даже предоставляется возможность сделать доброе дело, поделившись со своим ближним ценной для него информацией.

Я не рассчитывал, что сегодня мне представится такой случай, но он представился. Это произошло в самом конце пути, когда я уже поднимался по ступеням парадного подъезда нашей конторы. Чуть впереди меня шла девушка в роскошной горностаевой шубке и щегольских сапожках на невероятно высоком и тонком каблуке. Как только она не падает в такой обуви на гололеде?

Едва я об этом подумал, девушка поскользнулась, и, если

бы не моя помощь, она обязательно скатилась бы с лестницы. Но я успел. Одной рукой я подхватил ее под локоток, а в другую руку она вцепилась своими острыми коготками, один из которых оставил на моей ладони небольшую царапину.

— Спасибо, — сказала она. — Извините.

— Не за что, — улыбнулся я, стараясь не обращать внимания на расцарапанную руку. — У вас проблемы с машиной, вечером она не заведется.

Девушка нахмурилась, но тут же просветлела лицом.

— Точно! — воскликнула она. — Я все время забываю выключать габариты. Большое спасибо. А у вас...

Она нахмурилась и некоторое время задумчиво смотрела на мою руку, которую все еще сжимала в своей.

— Не знаю, — сказала она. — Но у вас серьезные неприятности.

— Какие неприятности?

— Не знаю.

— Когда?

— Тоже не знаю. Извините, — улыбнулась девушка, — я плохо вижу будущее. Вам лучше обратиться к специалисту.

— Обязательно, — сказал я. — Прямо сейчас и обращусь.

Она еще раз улыбнулась и бодро сбежала вниз по ступенькам, ни разу не поскользнувшись. Иронии в моих словах она не уловила. Наверное, не может себе представить, что бывают люди, для которых цена визита к профессиональному прорицателю составляет почти четверть месячной зарплаты. Ну и бог с ней.

Через пять минут я уже входил в свою комнату.

— Привет! — обратился я к своим коллегам и помахал рукой.

Костя Песцов, суетившийся около чайного столика, оторвался от своего занятия и протянул мне руку. Я пожал ее и застыл в изумлении.

— Ну ты даешь! — только и смог я вымолвить. — Классная у тебя девушка.

— Ну так! — самодовольно ухмыльнулся Костя. — Только выспаться не дала. Погоди... — Он вдруг нахмурился. — У тебя проблемы.

— Какие?

— Не понимаю. Вижу, что проблемы будут, причем большие, а какие...

В течение следующих пятнадцати минут мою руку пожали все семеро коллег-сокомнатников, человек шесть, проходивших мимо нашей комнаты по своим делам, и Иван Федорович, начальник нашего сектора, заглянувший посмотреть, что за посторонние разговоры творятся в рабочее время в его епархии. Узнав причину суеты, он заинтересовался и минуты полторы держал меня за руку, безуспешно пытаясь разобраться в происходящем.

Результаты импровизированного консилиума были плачевны. Никто не сомневался, что меня ждут серьезные неприятности, но, в чем они будут выражаться, никто не понимал. Софья Леопольдовна из бухгалтерии предположила, что проблемы несут криминальный характер, прочие участники дискуссии потискали мне руку по второму кругу и согласились с ее выводом. Иван Федорович вдруг потребовал, чтобы все проверили и его будущее на предмет возможных криминальных разборок. Недоумевающие подчиненные поочередно пожали руку начальника и не усмотрели в его судьбе никакой опасности.

Иван Федорович еще раз вздохнул и снял пиджак, под которым обнаружилась кобура с револьвером.

— В прошлом месяце мне было дурное пророчество, — пояснил Иван Федорович. — Пришлось револьвер купить. Стал носить с собой — рассосалось. Попробуй, Витя, может, и тебе поможет.

— А как же вы? — проямлил я.

— У меня теперь все нормально, он мне больше не нужен. Бери, не стесняйся, потом отдашь.

Иван Федорович объяснил мне, где находится предохранитель, а затем потребовал завершить митинг и заняться наконец работой.

* * *

Первая половина дня прошла спокойно, ничего достойного упоминания не произошло. А во время обеденного перерыва будущие неприятности снова напомнили о себе.

Расплачиваясь на кассе, я случайно коснулся руки кассирши, та вздрогнула и рассыпала мелочь.

— Что-то не так? — осторожно спросил я.

Кассирша беззвучно пошевелила губами, пытаясь подобрать подходящие слова, и произнесла:

— Молодой человек, сходите к прорицателю, не ищите судьбу.

Ситуация начала меня нервировать. Если мое будущее пугает людей *настолько*, это уже совсем нехорошо. И револьвер Ивана Федоровича пока не помогает. Что же делать-то?

После обеда я попросил коллег еще раз подержать меня за руку. Энтузиазма у них стало меньше, а тревоги — больше. Слава Печников сказал, что увидел в моем будущем много крови. Больше ничего дельного он не сообщил — картинка была очень смутная, но и этого было достаточно, чтобы я забеспокоился по-настоящему.

В самый разгар дискуссии появился Иван Федорович. Он немного подержал меня за руку, посмотрел в глаза, выпустил руку и неодобрительно покачал головой.

— Сходи к прорицателю, Витя, — посоветовал он.

— Я не могу, — замялся я. — То есть могу, но...

— Можешь — сходи, — отрезал он. — Прямо сейчас.

— Но работа...

— В субботу отработаешь. В таком состоянии ты мне не нужен, ты только людей отвлекаешь.

* * *

Визит к профессиональному прорицателю обошелся мне в три тысячи рублей, что составляло ровно половину нашего семейного бюджета на ближайшие две недели, оставшиеся до следующей зарплаты. Не люблю обращаться к друзьям с просьбой одолжить кто сколько может до получения, но другого выхода, к сожалению, не предвиделось.

Можно было вежливо отказаться от настоятельного совета начальника, но... Нет, от таких советов лучше не отказываться. В конце концов, моя зарплата не настолько мала, чтобы неожиданный расход в три тысячи рублей стал катастрофой для семейного бюджета. Если бы я сказал Ивану Федоровичу, что у меня нет денег, он бы подумал, что я пыта-

юсь выбить халявное прорицание за счет фирмы, и обиделся бы. А если бы я сказал, что Наташа на прошлой неделе спустила пять тысяч в ювелирном, он посмотрел бы на меня как на слабохарактерного придурка и был бы в общем-то прав. Я свою жену очень люблю, но ее закидоны в последнее время не просто раздражают, а уже конкретно достают.

Я позвонил Наташе и обрисовал ей ситуацию. Она сказала, что мой начальник — жлоб, а я слишком нерешителен. В первом пункте она была не права, а во втором — права на все сто, и оттого ее заявление было особенно обидным. Я сказал ей, что не просил оценивать мое поведение, что я позволил только для того, чтобы проинформировать ее о сложившейся ситуации и чтобы она подождала с покупкой нового музыкального центра хотя бы до следующего месяца. В ответ Наташа заявила, что денег на новый музыкальный центр у нас как не было, так и нет и вообще никогда не будет, потому что ее муж... Я приготовился выслушивать длинную и нелицеприятную характеристику моей личности, но тут Наташа заявила, что к ней пришли заказчики, и повесила трубку.

К прорицателю я явился в далеко не самом лучшем расположении духа.

Прорицатель оказался старым лысым евреем, он носил ермолку и говорил с одесским акцентом. Первым делом он убедился, что визит оплачен, а вторым делом взял меня за руку, наморщил лоб и тут же отпустил руку, вернее — даже не отпустил, а отбросил, как будто случайно схватился за кусок дерьма.

— Вы пришли не по адресу, молодой человек, — сказал он. — Вам надо было звонить в милицию.

— Все так плохо? — спросил я.

— Хуже не бывает. Если не принять срочных мер, до вечера вы не доживете.

— Это точно? — спросил я с некоторым сомнением.

— Точнее не бывает, — заверил меня прорицатель. — У меня все как в аптеке.

— Как это случится? Где, когда?...

— А я-то откуда знаю? — развел руками прорицатель. — Я вам не судмедэксперт, я не собираюсь ковыряться во всей

этой мерзости. Обращайтесь в милицию, молодой человек, и не морочьте мне голову.

— Деньги вы мне вернете? — спросил я. — Хотя бы часть?

— Денег я вам не верну, — решительно заявил прорицатель. — Вы внимательно читали договор, который подписывали? Зря, договоры нужно читать, тогда не будет лишних вопросов. Прощайте.

Мне вдруг очень захотелось вытащить револьвер и проделать в маленькой лысой голове этого гада еще одну дырку. Но я сдержался. Единственное, в чем я проявил свои эмоции, — сильно хлопнул дверью, выходя из кабинета.

— Шарлатан! — провозгласил я, глядя поверх голов посетителей, ждавших своей очереди.

Ответом мне были только саркастические ухмылки. Я понял, как глупо выгляжу со стороны, смутился и быстро ушел.

Выйдя на улицу, я направился к метро и уже спустился в подземный переход, как вдруг сообразил, что советом старого шарлатана надо воспользоваться. Если я хочу дожить до вечера, надо обратиться в милицию. Подойти к ментам на станции? Они меня пошлют куда подальше и будут правы. Я вытащил мобильный телефон и набрал 112.

— Вы позвонили в службу спасения, — сообщил приятный женский голос. — Все разговоры по данному номеру записываются. Штраф за ложный вызов составляет пятьдесят долларов США. Слушаю вас.

— У меня проблемы, — сказал я. — Прорицатель говорит, что я не доживу до вечера, мне нужна немедленная помощь.

— Какой прорицатель? — спросила женщина на другом конце провода. — Впрочем, это пока неважно. Он не уточнил, по каким причинам вы не доживете до вечера?

— Я полагаю, что-то криминальное. До этого мое будущее смотрели мои друзья... Прорицатель сказал, что мне нужно обратиться в милицию.

— Он отпустил вас?

— Да. Отпустил и велел позвонить в милицию.

— Если он вас отпустил, — сказала женщина, — значит,

вашей жизни не угрожает непосредственная опасность. Обратитесь в отделение милиции по месту жительства. Сожалею, но я вынуждена признать ваш вызов ложным. Пятьдесят долларов США будут списаны с вашего счета. Всего доброго.

Телефон высветил конец соединения. Я набрал номер, обозначенный в телефонной книге словами «сколько денег», и услышал, что задолженность моего лицевого счета составляет сорок восемь долларов шестнадцать центов США. Замечательно. До зарплаты придется обходиться без сотовой связи.

* * *

В отделении милиции я обрисовал свою ситуацию сонному, медлительному и невозмутимому майору, прятавшемуся от посетителей за решеткой. Майор внимательно выслушал меня и направил к участковому.

Офис участкового размещался в соседнем здании, в обычной квартире на первом этаже обычного подъезда. Я позвонил в дверь, но реакции не последовало. То ли участковый где-то бродил по своим участковым делам, то ли он вообще решил устроить себе выходной день. Следующие полчаса я просидел на скамейке у подъезда, но ни один человек в милицеской форме в подъезд не заходил.

Я вернулся в подъезд и минуты две звонил в квартиру с табличкой «Участковый», но по-прежнему безрезультатно. Время приближалось к пяти часам, уже почти стемнело. Мне стало страшно.

Я снова заявился в отделение милиции и снова был послан к участковому. Я рассердился, накричал на майора и потребовал принять от меня заявление. Майор сказал, что принять заявление он, конечно, может, но чем это сможет мне помочь, он не представляет. Я просунул руку в узенькое окошко и схватил его за руку, майор вдруг побледнел и весь покрылся холодным потом.

— Я сейчас вернусь, — сказал он и скрылся из поля зрения.

Минут десять в зарешеченном окошке никого не было, а потом там появился очень молодой и тщедушный старший

лейтенант, смотревший на меня с заметной опаской, которую безуспешно пытался скрыть. Перед тем как сесть на стул, он отодвинул его на полметра назад. Очевидно, опасается, что я и его тоже ухвачу за руку.

— Мне нужна помощь, — заявил я.

Старший лейтенант страдальчески развел руками.

— Вы можете посидеть здесь, пока проклятие не рассосется, — он указал взглядом на жесткую лавку у стены. — Если у вас есть деньги, наймите охрану на вечер...

— Нет у меня таких денег, — перебил я его. — Но я плачу налоги...

Старший лейтенант состроил такую гримасу, как будто вот-вот расплачется.

— Извините, — сказал он, — но мы и вправду ничего не можем сделать.

Глупо было надеяться на что-то иное.

Я сел на лавку и просидел там ровно час, а затем вышел на улицу покурить. Мимо проходила благообразная старушка с палочкой, я подошел к ней и вежливо попросил посмотреть мое будущее. Старушка осторожно коснулась моей руки, закатила глаза и рухнула навзничь, при этом ее голова громко ударилась о край тротуара.

Старушка не шевелилась. Я взял ее за руку и попытался нащупать пульс. Пульс был. В этот момент бабушка открыла глаза и тихо простонала:

— Убирайся.

Я попытался помочь ей подняться, но больно получил тростью по голени и был вынужден отступить. Кряхтя и охая, бабуля кое-как приняла вертикальное положение и впилась в меня ненавидящим взглядом.

— Что вы увидели, бабушка? — спросил я.

Старушка неожиданно разразилась витиеватой тирадой, сплошь состоящей из мата. Я непроизвольно ссутулился и втянул голову в плечи. Интеллигентная бабулька, матерящаяся как сапожник, — это настолько нелепо, настолько противоестественно... Мне вдруг захотелось срочно исчезнуть куда-нибудь, чтобы мое присутствие не отравляло жизнь другим людям.

Должно быть, вид у меня стал совсем жалкий. Бабулька вдруг смягчилась и сказала:

— Берегись маленького человека с усами.

И ушла.

Я смотрел ей вслед, тупо наблюдая, как она удаляется из поля зрения. Я понимал, что должен догнать ее и расспросить о деталях пророчества, она ведь явно увидела что-то новое, так ведь и должно быть, сбывающееся пророчество всегда обрастает деталями по мере того, как приближается его срок, но... Но она ведь не виновата, что встретила на моем пути, она не обязана давать мне детальные пояснения, в конце концов, ей неприятно ковыряться в моей несчастной судьбе.

Я понимал, что на карту поставлена моя жизнь, что, если я хочу пережить эту ночь, я должен наплевать на все остальное, выпытать у кого угодно все детали этого чертова пророчества и выяснить наконец, что я должен сделать, чтобы оно рассосалось. Но ничего делать не хотелось. Хотелось просто стоять в стороне и наблюдать, как происходит то, что не должно происходить. Это было ненормально, это было противоестественно, но это было так.

Я вернулся в отделение милиции и снова уселся на лавку. В зарешеченном окошечке теперь снова сидел майор, он неодобрительно взглянул на меня, тут же отвернулся и больше не встречался со мной глазами.

Через некоторое время со мной случилась истерика. Я подошел к окошку и начал требовать сделать для меня хоть что-нибудь, все, что угодно, но только чтобы это помогло, ведь время пророчества приближается, скоро меня убьют и ни одна живая душа не хочет мне помочь. Я сделал огромную глупость, когда пришел сюда, понадеявшись, что моя милиция меня бережет... как же! Функции у милиции очень простые — сначала посадить, а потом стеречь. А если преступник не пойман, толку от ментов никакого. Мне не нужно было сюда идти, мне нужно было прийти домой, запереться на все замки и не пускать домой никого, кроме Наташи... да и ее тоже лучше не пускать. Она должна понять, что на карту поставлена моя жизнь, а если ей на мою жизнь наплевать, если она не готова ради ее спасения один вечер поужинать в

«Макдоналдсе», то это ее проблемы. Мне такая жена не нужна.

Все эти мысли роились в моей голове, пока я приставал к майору, просунув руку в окошко и пытаюсь ухватить его за какую-нибудь часть тела. Майор старательно уворачивался.

Неожиданно я обнаружил, что по моим щекам текут слезы, это было очень противно и унижительно. Осознав этот факт, я разрыдался в полный голос и понял, что это еще более унижительно. Этот майор смотрит на меня, думает, что я полнейшее чмо, и ведь он не далек от истины...

Я выкрикнул что-то злое и выскочил на улицу. И чуть не сбил с ног маленького, коротко стриженного мужичка с шальным взглядом и большими усами. Одет он был в неприметный серый бушлат, да и весь был какой-то неприметный. Если бы не старушка, я бы не обратил на него никакого внимания.

— Закурить не найдется? — вежливо поинтересовался мужичок.

В его серых глазах плясали дьявольские искорки. Он надо мной издевался. Сейчас я дам ему сигарету, а потом...

Неожиданно для самого себя я успокоился.

— Найдется, — сказал я и полез за пазуху.

Не вытаскивая револьвера из-за пазухи, я снял его с предохранителя, как бы невзначай повернулся к собеседнику боком и нажал на спусковой крючок. Быстро выхватил револьвер и выстрелил еще два раза.

Куда попали первые две пули, я не заметил, а третья пуля вошла мужичку точно в лоб. «Контрольный выстрел», — подумал я и глупо хихикнул. Было в этом хихиканье что-то истерическое.

И упал, срезанный автоматной очередью. Револьвер выпал из руки, немного прокатился по льду и остановился. Было совсем не больно, и сознание не затуманилось. Я просто не мог пошевелиться. Я лежал и наблюдал за тем, что происходит вокруг.

А происходило вокруг много чего интересного. Откуда-то набежало много людей в серых бушлатах с автоматами, они громко и матерно ругались, причем не столько в мой ад-

рес, сколько в адрес человека, которого я только что застрелил.

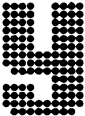
— Дурак! — орал один голос. — Чувство юмора решил проявить, остолоп!

— Почему он был вооружен?! — орал другой голос. — Вы куда смотрели, мать вашу?!

В поле зрения нарисовался давешний майор, он виновато разводил руками и пытался оправдываться, путано и бестолково. А потом какой-то из голосов произнес слово «закольцовка», и я все понял. И в этот момент сознание начало гаснуть.

Я УМЕЮ ЛЕТАТЬ

 меня в очередной раз прихватило печень. Фельдшер «Скорой» считал себя парнем что надо. — Не д-дрейфь, С-серега, — сказал он, слегка заикаясь, — я тебя в такую больничку отвезу — закачаешься!

— Не хочу, — говорю, — качаться, хочу оставаться прямоходящим.

— Б-будешь ходячим, — отвечает он радостно, — и совсем даже не под себя ходячим... Ха-ха-ха! Т-тебя там поддечат, на н-ноги поставят. И сможешь опять водяру глушить в неограниченных количествах.

Он хохотнул. В этот момент я даже пожалел, что назвал ему свое имя. Ну что это за фамильярность, в самом деле! С-серега! Какой я ему С-серега?! Да еще водяра эта... Если печень у человека больная — непременно в алкоголики запишут!

Почувствовав отвращение ко всему на свете, я отвернулся к покрашенному белым окну. Сквозь процарапанную в краске дырку мелькали деревянные домики и припорошенные снегом деревья — явно не городской пейзаж.

— Куда это мы? — спросил я.

— Б-больничка в пригороде, — пояснил фельдшер, — да т-ты не д-дрейфь, С-серега, я ж плохого не посоветую... Там такие врачи, что и м-мертвого на ноги п-поставят. З-зуб даю.

— Ясно, — рассеянно кивнул я. Уверенности в том, что на ноги поставят, не было — только глухая тоска и желание послать все и вся к черту. В общем, мой обычный депрессивный настрой. От жизни я уже не ждал ничего хорошего. Жизнь выколотила меня, как прикроватный коврик, истязая напоследок страшным недугом.

Прибыли. Держась за больной бок, я выбрался из маши-

ны «Скорой помощи». Неподалеку возвышался трехэтажный корпус «больнички». Нас уже ждали. Предупредительные врачи в белых халатах спешили навстречу, словно я — важный правительственный чиновник, а не простой писатель-фантаст.

— Здравствуйте! — крикнул фельдшер издалека.

— Здравствуйте, здравствуйте, — откликнулись они и затрясли головами дружно, как бараны в мультфильме.

— Мое почтение, — пробормотал я и закусил губу — накатила такая боль, что я едва не потерял сознание.

— Так-так-так, — проговорил один из докторов, обходя меня полукругом, — что тут у нас?

— Тут у нас печень, — с кислым видом сказал я, — очередной приступ, похоже...

— Так-так-так, — повторил доктор, не выказав и тени сочувствия. Впрочем, к отсутствию сочувствия со стороны врачей за долгие годы лечения я успел привыкнуть. — Ну что, пойдете?

— Я вас провожу, — взял меня под локоть тот, что помоложе, с открытым приятным лицом.

— Не надо, — отказался я, высвобождая локоть, — сам дойду.

— Надо, надо, — мягко сказал он. — Я помогу вам, вы не волнуйтесь.

Тут я заметил, что врачи и толстый фельдшер как-то странно переглядываются. Словно знают что-то такое, о чем я и представления не имею.

— Пока, С-серега, — проговорил фельдшер с какой-то слишком торжественной интонацией и поднял руку — попрощался.

— Увидимся еще, — сказал я.

Он махнул ладонью, развернулся и полез в «Скорую» — толстый хамоватый фельдшер, предопределивший мое возвышение.

Палата, куда меня поселили, совсем не походила на больницу, скорее на комфортабельный гостиничный номер с душевой кабиной и туалетом. На тумбочке, дополняя уют, стояли цветы в синей вазе. На стенах висели картины —

пейзажи и портрет какого-то мрачного типа в круглых очках. Огромное зеркало занимало почти половину стены. На стуле лежала аккуратно сложенная пижама, рядом стояли тапочки. Я сел на широкую кровать и вздохнул...

Моя бывшая жена считала меня неудачником, потому, наверное, и ушла от меня однажды осенью. Она, бывало, кричала мне в порыве накатившей на нее беспричинной ярости:

— От таких, как ты, нет никакого проку! Что ты можешь?! Ну что ты можешь?! НИ-ЧЕ-ГО!

— Я умею летать, — отвечал я.

— Другие мужики как мужики, покупают квартиры, меняют машины!..

— Любовниц, — вставлял я и тут же жалел об этом. Своими шутками я выводил ее из себя до крайности.

— Все бы тебе шутить! — орала она. — Ты — бестолочь! Беспольный предмет мебели!

— Вовсе нет, — возражал я, — я летать умею.

— Что ты заладил одно и то же?! Вот тоже выдумал глупость! Что ты хотя бы сказать этим хочешь? Нет от тебя никакого проку!

— Как же нет, если я летать умею...

Со временем ей все же удалось убедить меня в том, что я неудачник. Лузер из лузеров. Эта мысль приходила ко мне постепенно, после каждого очередного скандала я подолгу стоял на балконе, курил, смотрел на звезды и думал. С возрастом все меньше веришь в свою счастливую звезду, все чаще осознаешь, что многое уже не успеешь сделать. Вспоминая свою жизнь до болезни, я не мог припомнить, чтобы мне хотя бы раз по-настоящему повезло. Всякий раз, чтобы что-то получить, мне приходилось прилагать слишком много усилий. Ничто и никогда не давалось мне просто так, с бухты-барухты. Всю свою жизнь я карабкался на скалы и неизменно срывался вниз, на острые камни.

— Прости меня, Инночка, — говорил я все чаще и чаще. С тех пор, как я осознал себя неудачником, извиняться перед ней вошло у меня в привычку.

Она воспринимала мои «прости» как должное. Но лицо ее в эти моменты кривилось от презрения ко мне. Она отво-

рачивалась, не желая меня видеть. Молчала в ответ на мои слова, не желая со мной разговаривать. И все реже бывала дома, не желая даже чувствовать меня рядом.

А потом наступила осень, и она ушла. И еще много произошло такого, о чем даже вспоминать не хочется.

Потом я заболел, и болезнь протекала мучительно. Дошло до того, что я уже не узнавал себя, глядя в зеркало, так измотала меня эта неожиданная и страшная хворь. Желтая кожа, растрескавшиеся губы, темные круги под глазами, тусклый взгляд человека, уставшего от всего на свете...

Она навестила меня только однажды. Во время очередного приступа в больнице я потерял сознание от боли. Я лежал и медленно приходил в себя, глядя в расплывающийся белый потолок. Ее красивое лицо вдруг вынырнуло из ниоткуда и оказалось прямо передо мной. В первый момент я даже не понял, как такое произошло, откуда выплыло это удивительное видение, и едва не задохнулся от охватившего все мое существо счастья.

Случилось чудо. Инночка пришла меня навестить. Она принесла апельсины, салат в пластиковой коробочке и какие-то китайские таблетки, которые, по ее мнению, должны были способствовать моему выздоровлению. Врач потом высыпал их в раковину, назвав отвратительной гадостью, которая мне противопоказана.

— Ты замечательно выглядишь, — пробормотал я, как только осознал, что мое волшебное видение чудесным образом материализовалось, обратившись в мою бывшую жену.

— Тебе только кажется, — ответила она, — я устаю, много работаю...

— Как с личным? — не удержался я от вопроса.

— А тебе не все равно? — огрызнулась она.

— Да, ты права, — я вздохнул, — теперь уже, наверное, все равно. — И прикрыл глаза. Страшная усталость навалилась, раздавила меня. Меня душили рыдания, но я не мог позволить себе плакать в ее присутствии, она и так считала меня слабаком и неудачником. — Знаешь, Инн, — сказал я, с трудом справившись с собой, — когда я умру, то обязательно прилечу за тобой.

— Опять ты говоришь глупости, — она вздохнула, — мне не нравятся твои глупые фантазии.

— Думаешь, мертвые не могут летать? — спросил я.

— Ты не умрешь, — ответила она, — я говорила с врачом. И он сказал...

— Если бы ты только знала, как я люблю тебя, — выдохнул я. — Я обязательно прилечу за тобой, когда умру. Вот увидишь.

— Ну, все, мне пора.

Она встала. На ее лице читалось неудовольствие. Моя бывшая супруга явно жалела, что пришла меня навестить. Мне хотелось броситься к ней, обнять, заставить остаться, но я ничего не мог поделать, просто лежал и смотрел на нее.

— Выздоровливай, — сказала Инна, повернулась и ушла. Больше я ее не видел.

Дверь открылась. В палату вошел молодой доктор, тот, что поддерживал меня под локоть. В руке у него был медицинский пластиковый чемоданчик с красным крестом на крышке.

— Давайте-ка сделаем вам укольчик, — сказал он.

— Давайте, — согласился я, — если это поможет.

— Еще как поможет, еще как...

Он положил чемоданчик на стол и открыл его.

— Послушайте, — обратился я к нему, — я не совсем понимаю. Эта палата похожа на гостиничный номер. Я не заметил таблички у входа. Это вообще больница?

— Научный центр, — ответил он, вскрывая ампулу. — Могу вас заверить, что вам очень повезло. Здесь у нас стационар. Тут мы проводим лечение...

— И пишете диссертации, — кивнул я с самым кислым видом.

— Напрасно вы так, — заметил доктор. — Наши методы лечения — самые прогрессивные в мире. Вам очень повезло, что вы у нас оказались.

— Поживем — увидим, — ответил я. — Только хотелось бы пожить подольше.

— Еще как поживем, — заверил меня доктор. — И хорошо поживем. Ложитесь...

Укол оказался весьма болезненным.

— Ну вот, — сказал доктор, — скоро должно наступить облегчение. Полежите пока. Если что-нибудь понадобится — жмите на кнопку. Она расположена с правой стороны от кровати. К вам придет дежурный врач.

— Хорошо, — ответил я и тут, к своему удивлению, ощутил, что боль из правого бока уходит. Неужели укол помог? Так скоро?!

— В чем дело? — спросил доктор, заметив, что я чем-то озабочен.

— Мне кажется, что болит уже меньше, — ответил я. — Такое может быть?

— Ну, процесс восстановления пока начаться не мог... — Доктор помолчал, размышляя. — Скорее всего, дело в блокировке некоторых болевых центров. В общем, вы можете быть уверены, что с вами все будет в порядке. Скоро боль совсем уляжется. Кстати, ходить вам не стоит. Лучше лежите. Кормить вас будут здесь. Обед доставят через пару часов. А пока отдыхайте, набирайтесь сил.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Антон.

— Спасибо вам, Антон, — сердечно поблагодарил я его.

— Не за что, это мой долг. — Доктор ободряюще мне улыбнулся и повернулся к двери. Некоторое время он стоял ко мне спиной, словно раздумывал о чем-то, я заметил, что его рука, сжимавшая чемоданчик, немного дрожит. Он обернулся ко мне, пожевал губами, явно собираясь что-то сказать, но так и не решился и вышел.

«Приятный человек, — подумал я, — только немного странный».

Вскоре боль в боку в самом деле совсем оставила меня, и я заснул.

Разбудил меня звук открывающейся двери. В палату вошла девушка. Она несла поднос с едой. Поставив его на стол, она повернулась ко мне.

— Вы можете есть, — сказала она. Вид у нее при этом был весьма отстраненный. Такой, словно мысленно она находилась где-то далеко отсюда.

— Спасибо.

Не сказав ни слова в ответ, она развернулась и вышла. Я решил, что у девушки, наверное, какие-нибудь проблемы, и пожалел ее. Жалко, она не захотела со мной поговорить. Может, я бы смог чем-нибудь ей помочь. Или просто утешить добрым словом.

Я тронул бок и понял, что печень совсем меня не беспокоит. Да и чувствовал я себя просто превосходно, словно помолодел лет на десять. Доктора в этом научном центре творили чудеса.

Я сел за стол и принялся за еду. Грибной суп на первое. Отварной язык и пюре на второе. А еще салат из огурцов и помидоров. И ванильный пудинг на десерт. Кормили здесь замечательно.

После еды я обычно лежал, отдыхая, но сейчас мне хотелось двигаться. Я встал и прошелся по комнате. Открыл форточку, впуская свежий воздух. Затем подошел к зеркалу и занялся исследованием правого бока. Я щупал его, мям пальцами. Обычно он отзывался болью в ответ на любое прикосновение, но сейчас ничего подобного не происходило. Мне показалось, что печень на ощупь чересчур твердая, словно в правом боку у меня бульжник. Но, поразмыслив, я решил не придавать значения своим ощущениям. Врачам виднее. Раз уж они взялись за лечение, значит, все так и должно быть.

Походив по комнате, я выбрался в коридор.

Впервые за несколько лет у меня возникла мысль, что, возможно, жизнь еще не кончена, а значит, рановато мне ставить на себе крест. Я почувствовал необыкновенную благодарность к врачам, которые умеют творить чудеса.

В коридоре никого не было. Не оказалось никого и в обширном холле. Кругом царили тишина и запустение. Даже лампы не горели. Сквозь стеклянные витражи проникали солнечные лучи и лежали на сером мраморе светлыми квадратами. Будка администратора выглядела давно покинутой. Я приблизился и провел ладонью по дереву. На толстом слое пыли остался хорошо различимый след. Мне вдруг стало не по себе. Было во всем происходящем что-то ненормальное, словно привычная реальность вдруг раскололась надвое и я остался совсем один в каком-то потустороннем мире, в то время как все остальные люди продолжали существовать в

истинной действительности. Я был совсем один посреди огромного, покинутого всеми живыми существами здания. Я стоял перед заброшенной будкой администратора и дрожал от страха. Мое сердце глухо колотилось о грудную клетку. На лбу выступил пот.

Быстрым шагом я вернулся в свою палату и нажал на кнопку вызова. Сначала ничего не происходило, потом в коридоре послышались шаги, и в палату вошел пожилой доктор. Я ожидал Антона, и визит этого нового человека стал для меня неожиданностью. К тому же на лице у доктора было написано неудовольствие, словно я оторвал его от какого-то чрезвычайно важного дела.

— Что случилось? — спросил он строго.

— Я... я просто испугался, — смутился я, — я вышел в холл, а там никого нет...

— Лучше вам пока не покидать палату, — заметил доктор, сверля меня сердитым взглядом, — всякое может случиться.

— А где все? То есть я хочу сказать, там так пусто...

— А вам нужно шумное общество?

— Нет, но...

— По-моему, для бурного общения нет никаких предпосылок. Вы не находите?

— Да какое бурное общение? — удивился я. — Простите, не знаю вашего имени...

— Профессор Стукалов. Леонид Леонидович.

— Рад знакомству. — Я протянул руку, которую доктор после короткой паузы пожал.

— Ложитесь, отдохните, — скомандовал профессор, — вполне допускаю, что у вас могут возникать сейчас довольно странные ощущения. Я бы посоветовал вам не придавать значения подобным мелочам. Лечение, которые мы проводим, крайне действенное, но оно сопряжено с некоторыми побочными эффектами. Вы должны вести себя спокойно при их возникновении. Вы меня поняли?

— Понял, — кивнул я. Ради выздоровления я готов был даже лежать, не вставая, если потребуются. Раз уж их современная метода оказывается такой действенной, что я уже не

чувствую боли в боку, я сделаю все от меня зависящее, чтобы лечение прошло гладко. — Обещаю вести себя хорошо.

— Отлично, — кивнул профессор, — я буду наблюдать за вами.

Он мельком глянул на массивное зеркало, и у меня впервые возникла мысль, что, возможно, это двустороннее стекло, за которым находится комната для наблюдений. Что ж, если такой контроль за моими действиями является необходимостью, я тоже не стану возражать, лишь бы это современное лечение помогло мне.

Больные обычно цепляются за любую соломинку, только бы выкарабкаться из своей болезни, продлить себе жизнь. Пусть на короткий срок. Они даже обращаются к шарлатанам, колдунам и целителям в надежде, что их недуг сможет победить нетрадиционная медицина, если не способна справиться традиционная. Итог, как правило, всегда один. Всех прибирает к рукам безжалостная смерть.

После ухода профессора я некоторое время пытался заснуть, но так и не смог. В голову лезли самые разные мысли. Я представлял, как выздоровею, приду к Инне и попытаюсь убедить ее начать все сначала. Ради того, чтобы быть с ней, я брошу писать книги, найду такую работу, которая устроит ее и позволит ей меня уважать. Я стану совсем другим человеком. Я буду жить для нее.

Я разволновался, поднялся с кровати и начал расхаживать по комнате. Я заразился неумеренной активностью, чего со мной не случалось уже несколько лет.

«Модификация органов слуха произведена!» Громоподобный рев грянул прямо у меня в голове. От неожиданности я взмахнул руками и рухнул на колени. Некоторое время я стоял так, не двигаясь, пораженный происшедшим до глубины души. Потом растянулся на полу, прислушиваясь к тому, что творится внутри моей черепной коробки. Рев, к счастью, не повторился.

Что это было?! Я приложил ладони к ушам, убрал их. И внезапно понял, что с моим восприятием действительности случилось нечто странное. Оно определенно изменилось. Во всяком случае, мир я теперь воспринимал иначе, чем раньше. Я слышал, как я дышу, как в звенящей тишине действи-

тельность разлагается на множество звуковых составляющих. Никакой какофонии звуков, какая обычно сопровождает нашу жизнь, четкая упорядоченность аудиоряда — я мог вычленил из него любую составляющую звукового спектра. Вот в отдалении кричит птица, вот шумят водопроводные трубы, а вот какие-то люди идут по коридору. Причем идут довольно странно. Два шажка. Остановка. Два шажка. Остановка.

Хотя профессор Стукалов не велел мне выходить в коридор, я решил посмотреть, кто это там шагает. Распахнул дверь и просто задохнулся от ужаса.

В коридоре стояли пять мертвецов. Все в таких же пижамах, как у меня. У них были иссиня-черные лица, слипшиеся веки и скалящиеся в улыбках приоткрытые рты. Они стояли друг за другом на расстоянии метра. И шагали синхронно. Два шажка. Остановка. Два шажка. Остановка.

Я в ужасе отпрыгнул в комнату. Меня охватил такой ужас, что я даже кричать не мог. Мертвецы резко, как по команде, повернули головы в мою сторону. Их улыбающиеся рты; казалось, смотрели на меня. Я даже почувствовал исходящий из этих ртов отвратительный запах — тошнотворный запах тления. Так пахнет гниющая палая листва, темно-коричневым ковром укрывающая сырую землю осенью.

Из моего горла вырвался крик, я захлопнул дверь и припал к ней всем телом, стараясь унять дрожь. Я слышал, как по окну, перебирая лапками, ползет паук, как где-то в дальних комнатах открыли кран и как бьет крыльями птица, пролетая мимо научного центра. До меня долетали хлопки и свистящий звук ее дыхания. И еще я слышал, как идут мертвецы по больничному коридору. Шажок, еще шажок. Остановка.

Я кинулся к кнопке и нажал ее. На этот раз пришел Антон.

— Что происходит? — спросил я.

— А в чем дело?

— Что со мной происходит? Я слышу какой-то рев в голове. И еще я видел... там... там... — Я решил, что мертвецы — это уже слишком и, услышав от меня такое, доктор, пожалуй, решит, что я свихнулся.

— Рев? — В его голосе прозвучало такое неподдельное удивление, что я растерялся.

— Что тут происходит? — глухо спросил я. — У меня был профессор. Он говорил что-то, что я не слишком понял. Я хочу знать, какому именно лечению меня подвергают...

— Ну, хорошо, — проговорил Антон и замолчал, не зная, с чего начать. — М-м-м, это, собственно, не совсем научный центр, это, так скажем, экспериментальный театр. Мы используем для лечения больных самую современную методику. Мы — нанотехнологи.

— Та-а-ак, — выдавил я, — значит, вы сделали из меня подопытного кролика.

— Ну, зачем вы так? — Доктор покачал головой. — Эксперименты мы проводим уже очень давно. Вы хотя бы представляете, какие перед человечеством откроются перспективы, если нам удастся освоить нанотехнологии в медицине? Ведь...

— Меня не интересуют эти перспективы, — перебил я его, — я подаю на вас в суд. Вы подвергли опасности мою жизнь.

— Зря вы так, — обиделся Антон, — мы ведь вас почти вылечили уже, между прочим. Печень не болит?

— Не болит, только мне почему-то кажется, что в правом боку у меня камень. И еще эти звуки вокруг... И видения. Галлюцинации. Что-то мне не нравится такая методика лечения.

— Галлюцинации? — удивился доктор. — Странно. Весьма странно. Если вас это успокоит, подопытные животные после эксперимента вели себя нормально, даже проявляли признаки повышенной активности и сообразительности.

— Я не хочу проявлять признаки повышенной активности и сообразительности! — взорвался я. — Я просто хочу, чтобы ко мне относились как к человеку! Вы спросили меня, хочу ли я подвергнуться такому лечению или нет? Вас интересовало мое мнение?!

— Спокойнее, — попросил Антон, — в вашем случае вам не помог бы ни один традиционный врач. У вас был рак в последней стадии. Потому «Скорая» и привезла вас к нам.

— Ерунда, — буркнул я, — откуда вы знаете, что у меня рак в последней степени? Вы же даже не проводили никаких анализов.

— Все анализы давно проведены во время вашего пребывания в городской больнице, — ответил Антон, — мы только ждали, когда наступит очередной приступ, чтобы доставить вас к нам.

— Вы ставите надо мной эксперимент, как над подопытным кроликом, а теперь пытаетесь оправдаться, — упрямо заявил я. — Я подаю на вас в суд.

— Вы не правы, — скорбно сказал Антон, — вы к нам несправедливы... Вам ведь все равно уже...

Лицо доктора вдруг придвинулось ко мне, и я разглядел его черепную коробку, а в ней полушария мозга, оплетенные сетью кровеносных сосудов. Глазные яблоки, похожие на пару шариков для пинг-понга, сидели в черепе. От них тянулись пучки нервных волокон.

— О господи! — выкрикнул я и отшатнулся от кошмарного монстра.

— В чем дело?! — спросил доктор настороженно.

— Я вижу ваши мозги. Кажется, мне в голову вживили рентгеновский аппарат.

«Модификация зрительных анализаторов завершена!» — возвестил громоподобный голос у меня в голове. На этот раз я отнесся к его присутствию гораздо спокойнее.

— Скажите, доктор, — проговорил я, стараясь не смотреть на Антона, — в своей работе мне приходится изучать много научной литературы. Я кое-что читал о нанотехнологиях. Вы хотите сказать, что засунули в меня микророботов?

— Медицинских наноботов, — подтвердил он, — самое современное решение. Наноботы — саморазвивающийся высокотехнологичный комплекс, произведенный у нас в России в секретной военной лаборатории.

— Сдается мне, они воспринимают мое тело как опытный полигон, — с самым несчастным видом проговорил я, — и достраивают его по своему вкусу.

— Это невозможно, — улыбнулся Антон. За эту улыбку мне захотелось его придушить. — Ваши наноботы настроены только на восстановление клеток печени.

— Черт побери, — заорал я, — скоро я сам стану одной большой печенью! Надо же что-то делать! У меня в глазах теперь рентгеновский аппарат, а слух такой, что я могу различить, как по стене ползет паук!

— Но это же неплохо, — заметил Антон.

— По-вашему, это неплохо?! — выкрикнул я. — А как насчет пятерки мертвецов в таких же пижамах, как у меня? Я и сейчас слышу, как они ходят по коридору. — Я поднял вверх указательный палец. — Вот. Шажок. Еще шажок. Остановились.

Доктор заметно побледнел.

— Не понимаю, о чем вы, — проговорил он, — но обещаю сделать все, чтобы вам помочь.

— Вот-вот, сделайте все, — сказал я, — или я уезжаю прямо сейчас и обращаюсь в правоохранительные органы. Куда, кстати, вы дели мою одежду?

— Не волнуйтесь так, — посоветовал Антон, — все будет в порядке. Ваша одежда в прачечной. Мы вернем ее по первому вашему требованию. Полагаю, эти эффекты временны. Очень скоро все придет в норму. А сейчас попробуйте поспать.

— Хорошо, — пообещал я, будучи уверен, что уснуть не смогу. Если ты слышишь, как бьет крыльями птица за окном, ползет по стене паук и шагают мертвецы в коридоре, вряд ли тебе удастся забыться успокоительным сном.

Доктор ушел. Я лежал под одеялом, прислушиваясь к своему телу. Мне было очень и очень страшно. Кто-то прошел по коридору, приблизился к двери моей палаты и несколько раз повернул ключ в замке. Он ушел, все стихло. Меня заперли.

Я прорычал ругательство. Вскочил с кровати, подбежал к двери и ударил в нее кулаком в знак протеста. Потом нажал на кнопку. На этот раз никто не откликнулся на мой призыв. Я давил кнопку снова и снова, но доктора-экспериментаторы меня игнорировали. Вспышку гнева и угрозу обратиться в суд они восприняли по-своему, решив изолировать меня от внешнего мира.

Я пару минут понаблюдал за ползущим по стене пауком

и почему-то подумал, что неплохо бы и мне овладеть умением перемещаться по вертикальной плоскости. Движимый внутренним импульсом, я приложил руки к стене и вдруг ощутил, что с пальцами что-то происходит: суставы уплотнились, стали плоскими и прилипли к гладкой поверхности. Я не на шутку испугался, отдернул руку и с ужасом поглядел на тыльную сторону ладони. Рука менялась на глазах. Пара крупных присосок втянулась в пальцы, кожный покров разгладился, и ладонь приобрела привычные очертания.

Через некоторое время я повторил эксперимент. Поползал по стенам и потолку, спустился на пол.

Следующим моим шагом была попытка стать абсолютно невидимым, но все, чего я добился, это полупрозрачности кожного покрова и тканей. К тому же хрящевая ткань, которой в теле было великое множество, оставалась беловатопрозрачной. Выглядел я после этого эксперимента кошмарнее некуда. Поэтому усилием воли я вернул себе привычный облик.

Я попытался менять по своему усмотрению очертания тела и весьма преуспел в этом начинании. Наноботы из секретной лаборатории являлись настоящей находкой для всякого, кто хотел бы почувствовать себя сверхчеловеком. Должно быть, произошла нелепая ошибка и вместо целебных наноботов для печени меня накачали наноботами, разработанными для военных нужд.

Я разбил дверь в щепки массивными кулаками, похожими на пару кувалд, и выбрался в коридор. Мертвецы стояли, не двигаясь. Я прошел мимо них и принялся блуждать по пустынному научному центру в поисках своей одежды. Ни на одном из этажей я не встретил ни одного человека.

Я взломал дверь, ведущую в комнату наблюдения. Зеркало на самом деле оказалось двусторонним. В комнате обнаружилась девушка, приносившая мне еду. Мое появление она восприняла абсолютно апатично. Попросту говоря, никак не отреагировала на то, что узник выбрался из запертой комнаты. Хотя она и так могла видеть через зеркало, как я ползаю по стенам и ломаю дверь.

Доктор, разумеется, меня обманул: моя одежда вовсе не была сдана в прачечную, а обнаружилась в стенном шкафу.

Я торопливо переоделся, не обращая внимания на присутствие странной девицы. Затем прошел по коридору и через пустынный холл вышел на улицу. Вдохнул свежий воздух, развел руки в стороны и начал медленно возноситься.

Поднявшись над деревьями, я полетел к городу. Сначала я двигался весьма неуверенно, опасаясь, что что-то может не сработать и я упаду, но потом набрал хорошую скорость и даже освоил несколько фигур высшего пилотажа. Ветер трепал мои волосы, овеивал лицо. Чувство полета показалось мне чертовски приятным.

Поиски нужного дома заняли у меня совсем немного времени. Я бывал здесь пару раз еще до того, как мы поженились. Инна жила здесь с мамой. Заглянув в несколько окон, я наконец обнаружил нужное. Четырнадцатый этаж. Она, конечно, не ожидает моего появления.

Я покружил перед окнами, заложил напоследок красивый вираж и приземлился на подоконник. Плоские пальцы прилипли к стеклу. Сквозь щель в занавесках я видел Инну. Моя бывшая жена сидела перед телевизором и держала в руках пакет с чипсами. Рядом с ней развалился на диване какой-то мужик в синих тренировочных штанах и футболке.

Я деликатно постучал...

Инна завизжала как безумная, на одной ноте. Потом, прикрыв ладошкой перекошенный в крике рот, осела на пол. Мужик безостановочно тыкал в меня толстым, как сарделька, пальцем. Он весь побелел от ужаса.

А я топтался на узком подоконнике, недовольный произведенным эффектом. Я хотел сказать Инне, что прилетел за ней, как и обещал, но что-то непоправимо изменилось для меня в окружающей действительности. Да и сам я тоже изменился. Я перестал быть неудачником. И даже более того: я стал главным счастливецом на свете. Ведь мне так необыкновенно, так сказочно повезло.

Я захохотал от накатившего на меня счастья, отправив этим безумным смехом мужика в глубокий обморок, и вспорхнул с подоконника в ночь.

— Я умею летать! — прокричал я, наревая круги над сонным кварталом...

— И этот тоже умер. Шестой уже. Не хочу больше в этом участвовать, — сказал Антон. — По-моему, надо закрывать программу.

— Мы слишком далеко зашли, чтобы ее закрывать, коллега! — В голосе профессора Стукалова зазвучали металлические нотки. Он всегда выходил из себя, когда кто-то подвергал сомнению его идеи или пытался обвинить его в бесчеловечности.

— По крайней мере он умер счастливым. — Антон вздохнул и провел ладонью по лицу умершего, закрывая ему глаза. — Никогда не забуду этого смеха и того, как он кричал: «Я умею летать!.. Я умею летать!..»

— Они все умирают счастливыми. Относитесь к происходящему легче, Антон, — посоветовал профессор, — ведь все мы рано или поздно отправимся на тот свет. Он по крайней мере послужил науке.

— Не понимаю, — выдохнул Антон, — почему любая анатомическая перестройка на молекулярном уровне вызывает столь сильный галлюциногенный токсикоз? Необъяснимая загадка.

— Необъяснимая загадка? — проворчал профессор. — Как бы не так. Я докопаюсь до истины. Непременно докопаюсь.

Ничего не видно. Если бы только можно было разлепить веки. И куда-то зовет голос. Куда-то нужно идти. Шажок, еще шажок. Остановка...

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ, ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

ТЕМНЫЙ ОХОТНИК

Маска, которую люди носят в обществе, всегда интереснее, чем лицо, скрывающееся за ней.

О. Уайльд. Упадок лжи.

Вивиан сидел в библиотеке, изучая книгу, которую дал Кристоф. Продираться сквозь дебри монотонных фраз удавалось с большим трудом, и он был счастлив, что учил латынь в университете, — все простейшие заклинания оказались написаны на этом «мертвом» языке. Ученик покрывался испариной от умственных усилий над псевдо-научным трактатом, когда вдруг услышал быстрые легкие шаги и певучий голос, произнесший: «Кристоф у себя?»

Кадаверциан поднял голову и обомлел.

Такой красивой женщины ему не приходилось видеть никогда в жизни. Серебряное платье вызывающе обнажало великолепную фигуру, мягкое сияние скользило по плечам незнакомки и озаряло лицо — чуть удлиненное, бело-розовое, с нежной линией высоких скул. Глаза у нее были ярко-голубые, в изящном носике виднелась едва заметная легкомысленная курносость, а в подбородке — твердость характера. Пышные волосы лежали на голове тяжелым венцом, чуть оттягивая ее назад своей тяжестью, и от этого осанка казалась горделивой.

Вивиан понимал, что уставился на нее возмутительно невежливо, но не мог отвести взгляда. И не мог понять, из какого она клана, только чувствовал бурлящую, искрящуюся энергию, которая скользила по губам женщины, сверкала в ее глазах, делая их то темными, то совсем прозрачными... «Красива, как Фэриартос — но те играют в богему, а она...»

Нежданная посетительница излучала такую яркую, ослепительную страстность, что ее появление действовало как удар в солнечное сплетение, как электрический разряд над головой.

— Кристоф у себя? — повторила она, не замечая состояния Вивиана или просто не обращая на это внимания.

Ученик не успел ответить, Мастер Смерти уже входил в комнату.

— Добрый вечер, Флора. — Он поцеловал протянутую для приветствия руку. — Я не ждал тебя сегодня.

Вивиан наконец очнулся и вскочил, чтобы оставить их наедине, но Кристоф взял гостью под локоть:

— Пройдем в кабинет.

Когда за ними закрылась дверь, молодому кадаверциану оставалось только сесть в кресло и тупо уставиться в книгу.

Теперь он не мог прочитать ни строчки — так жгло любопытство. *Кто* эта женщина? *Откуда*? О чем они будут говорить?...

Вивиан знал, что если встать сбоку от двери, то голоса в кабинете становятся слышны совершенно отчетливо...

Это был отрывок какого-то давнего спора.

— ...нет. Я сказал — нет! — резко прозвучал голос Кристофа.

— Но почему, Крис?! Объясни мне, почему?! — Бархатное контральто Флоры потеряло певучую мягкость и теперь звучало властно и не менее резко.

— Сколько тебе лет, Флора?

— Я не буду отвечать на этот дурацкий вопрос, которым ты пытаешься уйти от ответа. Мы сильны, Кристоф, очень сильны сейчас. Мы, пожалуй, самый многочисленный и могущественный клан, поэтому Фэриартос и Вьесчи лебезят перед нами.

— У вас очень много молодежи. Неопытной и необученной.

— Ну и что?!

— Она — ваш балласт. Вы не сможете рассчитывать на молодяк, если начнется реальная война. У них нет ни знаний, ни опыта.

— Они будут делать то, что им скажут Старейшины.

— Да, ваши мудрые жрицы...

— Сколько иронии!.. Кристоф, ты — самый сильный из кадаверциан?

— Хочешь проверить? — В его голосе послышался смех. Вивиану показалось, что сейчас учитель сидит в кресле, закинув ногу на ногу, и с усмешкой смотрит на Флору, нервно расхаживающую по кабинету.

— Я хочу знать точно.

— Тогда разочарую тебя. Не самый. Первый — Вольфгер...

— О нем давным-давно ничего не слышно, — перебила она. — Фактически ты — глава клана.

— Нет. Я не принимал Присягу. И никогда не приму.

— Это пустая формальность! Главное, что у тебя есть реальная власть и сила.

— Флора, чего ты хочешь от меня? Что тебе нужно?

Похоже, она остановилась напротив его кресла, и голос ее зазвучал взволнованно:

— Мне? Мне нужно все! Мне не нравится то, что творится сейчас в моем клане. Фелиция, конечно, очень мудра, но она начинает делать ошибки.

— Девочка моя, а не мечтаешь ли ты занять ее место?..

— А если и так?

— И что бы ты изменила, если б это могло произойти?

— Во-первых... я бы сделала так, чтобы один упрямый, невыносимый кадаверциан стал моим союзником и...

— Телохранителем? — подсказал Кристоф.

— Почему нет? Когда-то ведь было модно держать в качестве телохранителей Леарджини, — рассмеялась она. — Еще он был бы...

— ...советником?

— Да, может быть. И...

— ...любовником?

— Сударь, вы забываетесь! Моей благосклонности добились короли!

— Да, — легко согласился Кристоф. — Я не король.

— Но ты могущественнее любого из них. Поэтому я сейчас здесь, с тобой...

Тембр ее голоса изменился, и у Вивиана мороз побежал

по коже от звучащей в нем чувственности. Эта женщина действительно могла повелевать королями. Интересно, что чувствует сейчас учитель? Там, наедине с ней.

— Флора, послушай меня, — произнес кадаверциан на удивление спокойно и холодно. — Мне наплевать, кто будет главой клана Даханавар. Меня это не касается! Но я знаю одно. Даже не думай тягаться с Фелицией. Она тебя испепелит.

— Кристоф, она стара и уже устала.

— Она очень сильна. А ее «усталость» — хорошая приманка для таких дурочек, как ты.

— Ты считаешь меня дурой?!

— Ты умная женщина, Флора, но ты еще очень молода. У тебя нет ее опыта, ее знаний.

— Поэтому я прошу помощи у тебя, кадаверциан! Помоги мне, Кристоф! Ты же знаешь, я в долгу не останусь...

— Ты опоздала со своим предложением на несколько сотен лет. Раньше я, быть может, подумал бы об этом, но теперь мне не нужно ничего.

— Ты притворяешься или тебе действительно ничего не нужно?! Совсем?!

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я чувствую, что появилось много желающих нарушить шаткое равновесие, которое установилось наконец в мире. И я не хочу стать тем первым камнем, который увлечет за собой лавину. Ты не застала прошлую войну, но, поверь мне, это было страшно. Даже для нас — клана Смерти... Наверное, потому мы и устали от жизни, что пережили слишком много смертей. Так много, что в них можно было захлебнуться.

— Ты странный, Кристоф, — произнесла Флора задумчиво. — Ты не доверяешь мне.

— Я не доверяю никому.

— Даже этому мальчику в библиотеке?

Вивиан вздрогнул и напрягся, поняв, что речь о нем.

— Никому, кроме кадаверциан. Будь я Даханавар, я бы не доверял ни одному из своих братьев.

— Почему?

— Я уже говорил — почему. Вы разделены. Элита из мудрых прекрасных жриц и рядовые невежественные послушники.

— Они будут защищать нас, что бы ни случилось, — высокомерно заявила Флора.

— О да, — равнодушно отозвался Кристоф. — Они вас — будут. А вы их?.. Я сомневаюсь, что великолепная умная Флора отдаст жизнь за молодого, хотя и обладающего выдающимися способностями Дарэла. А вот «мальчик в библиотеке» может в любой ситуации рассчитывать на мою помощь и защиту.

— Какую чушь ты несешь! — медленно, холодно возразила она. — Неужели ты не понимаешь, насколько дороже ценятся моя жизнь, мои способности, моя сила, чем жизнь любого рядового члена Клана?

— Вот поэтому ты — Даханавар, а я — Кадаверциан.

— Да! Благородный кадаверциан! — Ее голос насмешливо дрогнул. — Почему же вас осталось так мало? Почему вы сидите, как крысы в норе? Кристоф, неужели ты не понимаешь, что вы уже никуда не годитесь? Вы просто выдохлись, вас раздавят, и все ваши бесценные знания исчезнут вместе с вами!

Колдун рассмеялся весело и беззаботно.

— Так вот в чем дело. Ты печешься о наших знаниях. Даханавар мечтают сохранить древнюю мудрость кадаверциан? Похвально! А я-то думал, что ты собираешься совершить маленькую подлость — выведать наши секреты, чтобы получить побольше власти. Извини, я ошибся.

— Какой же ты мерзавец, Кристоф! — прошипела Флора сквозь зубы. — Что за манера — извращать любое совершенно искреннее желание! Ты просто помешанный некромант!

Кристоф снова засмеялся.

— Мне нравится, когда ты называешь вещи своими именами.

— А еще тебе нравится злить меня, — сказала Флора, неожиданно успокаиваясь. — Я знаю. Ты делаешь это специально. Это одна из твоих уловок, как и дурацкие вопросы и не менее дурацкие рассуждения. Какой бы ни была система нашего управления, мы существуем уже много веков, и сила наша постоянно растет. А вы скоро отправитесь вслед за Лерджини и Обайфо.

— Что ж, мысль о том, что ты заплачешь, узнав о смерти одного старого, упрямого, помешанного кадаверциана, будет утешать его, когда он станет гореть на солнце.

— Я разучилась плакать, Кристоф, — промолвила Флора тихо. — Иногда очень хочется, но... Слезы — это слабость, мягкость... а во мне осталась одна злость.

— Тогда я утешу тебя. Быть может, ты умрешь раньше меня.

— Ну уж нет! — со смехом воскликнула даханавар. — Я не умру никогда! Я буду жить вечно!

— Обещаешь? — спросил Кристоф серьезно.

— Обещаю, — ответила она весело.

— Тогда посмотри, там, на столе... Думаю, тебе понравится.

Шорох платья, негромкий стук и удивленно-восхищенный возглас:

— О, Крис! Какая прелесть!

— Девятый век, бронза.

— Да, знаю! Продай мне ее!

— Продать не могу.

— Тогда подари.

— Взамен на обещание не связываться с Фелицией.

— Ладно, я подумаю... А что это внутри? Боже, Кристофер, это же... это «Жертвенный Огонь»?!

— Да.

— Заклинание Асиман! Высшая магия! Ты даришь его мне?!

— Да.

— Где ты его достал?! Как тебе удалось?!

— У меня свои пути... и методы.

— Ты прелесть! Спасибо... Но я была бы счастлива, если бы ты подарил мне «Темного Охотника».

— Нет! — резко и глухо.

— Но почему? Почему?!

— Потому что это не комнатная собачка. Его нельзя водить на веревочке. И я не могу позволить тебе ходить с Охотником в кармане. Ты просто из любопытства скормишь ему половину своего клана.

— Во-первых, я не сумасшедшая, — с достоинством ска-

зала Флора, — чтобы проводить подобные эксперименты. А во-вторых, — голос ее снова опасно «поплыл», — на этом платье нет карманов. Посмотри.

— Флора...

— Я хочу, чтобы ты посмотрел...

— Флора, прекрати!

— Ты дашь мне «Охотника»?

— Нет!

— Нет? А теперь?

— Нет. — Голос Кристофа сел, и говорил он с явным трудом.

— А теперь?

— Н-нет...

— Ну же, решайся. Теперь тоже нет?

— Нет! — Голос учителя окреп, стал жестким и решительным. — Я сказал — *нет!*

Секундная пауза и громкий вскрик.

— Упрямый болван!

Вивиан отскочил от двери и метнулся к креслу очень вовремя. Разъяренная Леди вылетела из кабинета и выбежала из комнаты. Спустя минуту оттуда же вышел Кристоф. У него был вид человека, выдержавшего тяжелую осаду, но сожалющего, что не сдался на милость врага. Прислонившись к дверному косяку, он смотрел Флоре вслед.

— Эта женщина вьет из меня веревки.

Вивиан изо всех сил делал вид, что читает.

— И рано или поздно она добьется того, чего хочет.

— Она очень красивая. — Ученик покосился на него.

Кристоф усмехнулся.

— Да. А кроме того, эгоистичная, умная... и очень ранимая. Она считает, что может все. Она ослеплена своей силой, но так беззащитна...

— Она даханавар?

— Да... Опасное очарование, буря эмоций, море страсти. Она хочет всего — власти, денег, развлечений... И чем больше получает, тем больше ей нужно.

Он вздохнул и провел ладонью по лбу, словно пытаясь стереть тяжелые мысли.

— Она пытается манипулировать мною. Я прекрасно это вижу, но тем не менее ей это удается.

— А почему ты не дал ей то заклинание, которое она просила?

Кристоф иронично приподнял бровь, поняв, что ученик подслушал разговор, но ничего не сказал.

— Эти знания должны быть доступны только кадаверциан. Лишь мы умеем в совершенстве управлять существами потустороннего мира... И все-таки я научил бы ее, пусть она и сожгла бы дотла весь город и всех своих братьев в придачу. Но эта магия уничтожит ее саму.

«Он любит ее! — понял Вивиан, но у него хватило ума не произнести этого вслух. — Любит, и боится потерять». Молодой кадаверциан вдруг по-новому увидел своего наставника. Мудрый, спокойный, уверенный Кристоф ходил по кабинету, бесцельно передвигая статуэтки на полках. И не нужно быть телепатом, чтобы понять, о ком он думает.

Не придумав ничего лучшего, ученик снова уткнулся в книгу, а Кристоф, побродив еще немного в задумчивости по кабинету, удалился.

Следующие полчаса прошли спокойно, но Вивиану так и не удалось постичь суть мудрых изречений — в дверь позвонили, и спустя несколько секунд в библиотеку вошел новый посетитель.

Высокий, светловолосый, с открытым мужественным лицом и той же брызжущей через край энергией, что отличала Флору. Казалось, ему не больше двадцати пяти, но Вивиан уже научился не доверять внешнему облику.

— Привет, — улыбнулся он. — Я Дарэл Даханавар.

— Вивиан.

— Где Крис?

Про себя ученик поразился популярности Кристофа в клане Леди. Но ничего не сказал.

— Его нет дома, он...

— Ничего подобного, я его чувствую. Где-то... где-то там!

Дарэл указал на коридор, ведущий в западное крыло дома, и Вивиан понял, что перед ним великолепный сканэр. Пришлось признаваться:

— Да. Кристоф дома, но просил его не беспокоить. Он очень занят.

— Ко мне это не относится. — Парень легкомысленно улыбнулся и уверенно направился к комнатам Мастера Смерти.

Вивиан нехотя пошел следом.

Колдуна они нашли без труда. Дарэл прошел мимо библиотеки, лаборатории, спален и кабинетов и безошибочно толкнул дверь спортивного зала.

Открывшееся зрелище впечатляло. Широкое лезвие фальчиона выписывало в воздухе сверкающие круги и зигзаги. Кристоф двигался легко и стремительно, нанося молниеносные удары в голову и грудь воображаемого противника, периодически его шумное дыхание срывалось на короткие резкие вскрики перед особо сильным ударом, и после на манекене оставалась глубокая длинная зарубка.

Учитель снова изумил Вивиана. И, хотя он не промолвил ни слова, Дарэл, глянув на него искоса, усмехнулся.

— Удивлен? Так он тренируется довольно часто.

— Но зачем? Он же может победить любого врага магией.

— Может, — лениво отозвался Дарэл, усаживаясь на пол у стены. — Однако зачем бить из пушки по воробьям? Не стоит тратить внутренние резервы силы, если можно решить проблему проще. И, кроме того, можешь мне поверить — ему это нравится.

Кристоф никак не показал, что заметил в зале зрителей. Он довел тренировку до конца, последним мощным ударом разрубил манекен пополам и бережно протер сверкающий клинок.

— Ты был великолепен, Крис, — рассмеялся Дарэл.

Кадаверциан поднял брошенную на пол рубашку, оглянулся и повторил вслух недавнюю мысль Вивиана:

— Я пользуюсь бешеной популярностью в клане Даханавар последнее время.

Дарэл прищурился, и под маской жизнерадостного, довольного собой и окружающими парня, которую он очень успешно носил, мелькнуло вдруг другое лицо — настороженное, с острым пронзительным взглядом.

— Что, «мамочка» была здесь? Можешь не отвечать — была. И зачем?

— Мы очень мило обсудили проблемы воспитания и нравственности.

Дарэл задумался или сделал вид, что задумался, глаза его потемнели и сузились. Он был недоволен новостью.

— Странно, — сказал он наконец. — Мне это совсем не нравится.

— А мне нравится, что она заходит, — ответил Кристоф, улыбаясь. — И даже очень.

— Она что-то затевает, но я никак не могу понять — что.

— Прочти ее мысли.

— Не могу. Как моя самая прямая родственница, она абсолютно нечитаема.

Оба замолчали.

— Ладно, — произнес Дарэл после долгой паузы. — Я пришел не за этим. Передаю тебе приглашение во дворец Даханавар. Сегодня там вечеринка для избранных, выпивка бесплатно.

— Зря стараешься. — Кристоф равнодушно покрутил в руках тонкую золотую пластинку с затейливыми вензелями. — Я не пойду.

У Вивиана мгновенно испортилось настроение. Нет, конечно, он не рассчитывал, что приглашение на «вечеринку» распространяется и на него, но все же... все же, нужно признаться, опасное очарование леди Даханавар его зацепило. И если все женщины этого клана такие же яркие и привлекательные, он желал бы их увидеть... Кроме того, хотелось сделать перерыв в постоянной зубрежке, побыть среди таких же, почти таких же, как он сам, хотелось, чтобы было много света, музыки, выпивки...

Вивиан заметил, что Дарэл уже несколько секунд наблюдает за ним, «читая» словно открытую книгу.

— Не хочешь идти сам, отпусти Вивиана. Ему будет интересно.

Кристоф чуть поморщился и несколько секунд изучал ученика.

— Я не могу отпустить его одного.

— Пусть идет со мной. Не бойся, я не дам его в обиду.

Кадаверциан еще раз поиграл пластинкой, потом зачем-то внимательно осмотрел свой меч.

— Ладно. Передай Фелиции — я буду.

— Отлично... Кстати, Флора просила тебя заехать за ней. Кажется, у нее сломались оба «Кадилака». Или она поужинала обоими шоферами... Не помню.

Кристоф рассмеялся заразительным веселым смехом, и Вивиан снова почувствовал легкую зависть к тому, что, прожив столько веков, учитель может смеяться так искренне и легкомысленно.

— Интриганка, — сказал он довольно. — И ты тоже. Как всегда, до последнего держишь козырь в рукаве. Хорошо, я заеду...

Провожая Дарэла до двери, Вивиан так и не был уверен, подразумевает ли согласие Кристофа, что и он попадет во дворец.

Ясновидящий Дарэл мельком глянул на него и улыбнулся:

— Не волнуйся. Он возьмет тебя с собой. Это входит в программу обучения.

Внешне оставаясь безмятежным, Вивиан волновался. Поэтому, выйдя в просторный холл, стал рассматривать флаги с эмблемами кланов — это занятие всегда странным образом его успокаивало.

Кристоф спустился ровно в одиннадцать, когда ученику от нетерпения впору было выйти из себя.

— Спокойно, — сказал он, появляясь на галерее. — Держи себя в руках.

— Не могу. Мы опаздываем.

— Это сделает наше появление более эффектным.

Мастер Смерти критически окинул взглядом костюм воспитанника (довольно скромный, хотя и вполне приличный), повел черной бровью, но промолчал. Сам он был одет в наряд эпохи Возрождения, с тонкой кружевной отделкой и тусклым серебром вышивки. Выглядел кадаверциан блестяще, и Вивиан с тоской подумал, что сам смотрелся бы в таком виде ужасно глупо. По его мнению, умение соответствовать столь изысканному стилю могло быть лишь врожденным...

— Сначала поедем на «Рю де ля Фэ». — Кристоф сел рядом с неофитом, уже занявшим место водителя. — Знаешь, где это?

— Да.

Аристократический квартал, прозванный так среди богемы по названию улицы в Париже, на карте Столицы был обозначен совсем под другим наименованием. Очень дорогие дома. Роскошные магазины. Скверы с фонтанами.

«Конечно, — подумал Вивиан, — Флора может жить только там».

— Мы едем к ней? — спросил он, глядя на дорогу, и почувствовал, как горло предательски дрогнуло.

— Да. — Голос Кристофа не выражал ничего.

Ученик понял, что больше вопросов задавать не стоит.

Серебристый автомобиль влился в поток машин, несущихся по Садовому кольцу. Шорох шин по асфальту объединился с ровным рокотом мотора. В открытое окно залетал ветер, пахнувший бензином и зеленью с бульваров, огни фар сбивались в длинные желтые полосы и снова разлетались золотыми брызгами. Черная ночь вспыхивала зеленым, красным, оранжевым светом, а потом бледнела и гасла.

«Рю де ля Фэ» тонким изломанным зигзагом пересекала центральную часть города. Один ее конец слепил огнями ночных магазинов, другой тонул в темноте набережной. Флора жила посередине.

Вивиан остановил машину возле пятиэтажного дома, украшенного резными балкончиками и мраморными фигурками амуров на крыше, и нерешительно посмотрел на Кристофа.

— Может, мне подождать здесь?

— Нет, ты пойдешь со мной.

Они остановились на втором этаже, напротив двери с гнутой бронзовой ручкой. Кристоф позвонил, и та сразу распахнулась.

Вивиан собрался внутренне, готовый вновь пережить болезненное волнение, но напрасно. Флору он не увидел. На пороге стоял молодой мужчина лет двадцати девяти в белой рубашке навыпуск и серых джинсах. Высокий, с длинными русыми волосами, темноглазый. Интересный, яркий, необычный, но... смертный.

Вивиан замер от неожиданности. Меньше всего он ожидал встретить в квартире Флоры человека. Привлекательно и чем-то рассерженного. На лице того проступали красные гневные пятна, губы, еще совсем недавно перекошенные от злости, были почти белыми, дышал он прерывисто и нервно. Одним взглядом отметив все это (люди — не киндрэт, их читать Вивиану было легко), кадаверциан услышал, как колотится сейчас сердце парня, почувствовал запах его крови, бурлящей от адреналина, и поспешно опустил взгляд, пытаясь подавить в себе инстинкты «хищника», требующие немедленно схватить близкую, не контролирующую себя жертву... Он покосился на Кристофа. Тот был абсолютно спокоен и слегка улыбался, только его зеленые глаза сверкали.

— Добрый вечер, — сказал учитель очень вежливо. — Могу я видеть Флору?

Лицо человека посерело. С ненавистью глядя на позднего гостя, он ответил звенящим от ярости голосом:

— Флору?! Нет! Она занята! Ее нет! Проваливай отсюда!

Если бы Мастер Смерти услышал что-либо похожее от себе подобного, несчастный был бы уничтожен на месте. Но к людям кадаверциан относился более снисходительно.

— Передай, что я буду ждать ее в машине еще пять минут, — спокойно произнес он.

Парня мелко затрясло от бешенства, но он не успел ничего ответить. Где-то хлопнула дверь, и резко прозвучал окрик Флоры:

— Эд! Прекрати немедленно!

Человек мгновенно сник, опустил глаза, уронил руку, перекрывающую вход в квартиру, на его лице мелькнуло выражение совершенно детской растерянности, даже губы смягчились. Секунду назад он был готов спустить Кристофа с лестницы, а сейчас отступил в коридор и произнес бесцветным голосом:

— Проходите. Она сейчас выйдет.

Эд провел посетителей в гостиную, заставленную дорогой антикварной мебелью.

— Располагайтесь. Хотите выпить?

Вивиан отрицательно покачал головой, даже не пытаясь

понять, что происходит в доме Флоры. Кристоф неизменно вежливо кивнул:

— Ирландский виски с двумя кубиками льда.

Хозяин подошел к бару, достал нужную бутылку, открыл, аккуратно бросил в стакан два кусочка льда, залил их янтарной жидкостью, притворил дверцы и вернулся к креслу, в котором сидел кадаверциан. На мгновение Вивиану показалось, что сейчас он выплеснет содержимое стакана в лицо неудобному гостю, но человек сдержался.

— Ирландский виски, — промолвил он без всякого выражения, поставил стакан на столик и измерил Кристофа быстрым взглядом, в котором было столько бешеной ярости, что у Вивиана похолодело в груди от нехорошего предчувствия.

— Спасибо.

Эд круто развернулся и вышел из гостиной, зацепив плечом дверной косяк.

Ученик настороженно покосился на наставника, но тот не ответил на вопросительный взгляд, задумчиво рассматривая стакан, в котором плавился лед. В глубине квартиры снова хлопнула дверь, послышались голоса. Вивиан напрягся, сообразив, что сейчас станет свидетелем весьма неприятного скандала.

— Флора, скажи хотя бы, куда ты идешь!

— Я уже все тебе сказала. Мы договорились, что я не вмешиваюсь в твои личные дела, а ты не вмешиваешься в мои.

— Какие дела? О чем ты говоришь?! Ты едешь ночью непонятно куда! Бог знает с кем! Что это за хлыщ в серебряном камзоле?

Вивиан снова покосился на Кристофа. Тот с безмятежным видом покачивал стакан, наблюдая, как янтарный напиток плещется вокруг кусочка льда.

— Эд, хватит! Ты ведешь себя как ребенок! Я устала от твоих глупостей!

— Глупостей?! Ты считаешь это глупостями?! Я люблю тебя...

— Я сказала — довольно!

Голоса приблизились, и уже через мгновение Флора вошла в гостиную, а за ней шел злой и расстроенный Эд.

Леди Даханавар была великолепна. Длинное тонкое платье с перламутровым отливом вилоьсь вокруг ее тела, оставляя обнаженной спину. Прозрачный шарфик, сколотый большой сверкающей брошью, небрежно прикрывал одно плечо. Такие же яркие камни сверкали на ее руках и груди. Вивиан не сомневался, что это бриллианты. Ослепленный сиянием драгоценностей и красотой их хозяйки, он снова на некоторое время выпал из реальности, Кристоф же, не теряющийся никогда, поднялся из кресла. Улыбаясь радостно и как будто облегченно, Флора стремительно подошла к нему, наполняя комнату ароматом тонких духов и дорогой косметики.

— Крис, дорогой, как я рада тебя видеть!

Кадаверциан легко прикоснулся губами к ее щеке, подставленной для поцелуя, и Эд в дверях помрачнел еще больше.

— Флора, ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо. Так мы идем?

— Да.

Нежно улыбаясь, она взяла Кристофа под руку и повела к дверям. Эд молча посторонился. Теперь его взгляд, полный жгучей ревности, достался Вивиану, и тот, заглушив в себе рефлекс охотника, мог только пожалеть темпераментного парня. Слишком велико было расстояние между ним и прекрасной Даханавар.

— Пока, Эди, — пропела Флора. — Я вернусь поздно.

Тот скрипнул зубами, круто развернулся и ушел в глубь квартиры, оглушительно хлопнув там дверь. Флора как будто не заметила этого, подхватила сумочку, лежащую на тумбочке, окинула взглядом свое отражение в зеркале, осталась довольна и все так же, не выпуская руки Кристофа, пошла по коридору.

Всю дорогу до машины никто не проронил ни слова. Потом, когда Вивиан сел за руль, а леди устроилась на заднем сиденье, Кристоф, занявший свое прежнее место рядом с водителем, спросил негромко:

— Что ты делаешь, Флора?

Вивиан ожидал высокомерного и резкого ответа, но она неожиданно сказала так же тихо:

— Не знаю, Крис. Я... не знаю...

— Зачем тебе этот человек?

Вивиан быстро взглянул в зеркальце заднего обзора. Флора сидела, чуть склонив голову к плечу, в облаке белого холодного сияния драгоценных камней и перламутрового мерцания платья. Голубые глаза ее казались огромными, завораживающими, а взгляд чуть рассеянным. Красивые руки лежали на коленях, на тонких пальцах сверкали массивные кольца. Вивиану показалось на мгновение, будто он понимает, что имел в виду Кристоф, когда говорил «прекрасна и ранима», но только на мгновение.

— Он любит меня, — сказала Флора, и ее прозрачные глаза вспыхнули.

— Любит, — медленно повторил Кристоф, и в его голосе Вивиану послышался странный незнакомый акцент. — А твои наставницы знают, что ты живешь с человеком?

— Знают. И ничего не имеют против. Мне регулярно нужна свежая кровь.

— Значит, он для тебя всего лишь донор? Очень удобно. А сам Эд в курсе?

Флора опустила глаза, но тут же посмотрела прямо в зеркало, пытаясь найти взгляд Кристофа.

— Нет. Он ни о чем не догадывается.

— Ты очень хорошо умеешь замутнять сознание, — сказал кадаверциан, и акцент снова пропал. — А ты? Любишь его?

— Крис, — интонации Флоры стали певучими и мягкими, — ты ведь знаешь, невозможно любить человека, чью кровь пьешь. Тебе тоже нравится виски, но вряд ли это чувство ты назовешь любовью.

Кадаверциан промолчал, рассматривая пронсящиеся мимо витрины ночных магазинов.

— Что? Ты осуждаешь меня? — Флора подалась вперед, и ее тонкая рука легла на спинку кресла, в котором сидел некромант. — Скажи, осуждаешь?

— Мне жаль этого мужчину, — ответил Кристоф. — Он

любит, ревнует, страдает, дает тебе все, что только может дать, и даже более того. И не знает, какая ты... ведьма.

Флора расхохоталась, и у Вивиана побежали по спине мурашки от ее дразнящего смеха.

— Ты прав, мой колдун. Я ведьма. Я могу очаровать кого угодно. И тебя, и твоего птенца.

Кристоф резко повернулся к ней. Флора отпрянула, вздрогнув от неожиданности.

— Его зовут Вивиан, и он не мой «птенец». Он мой друг и помощник. Сделай одолжение, перестань считать его мебелью.

— Хорошо, — сказала Флора спокойно, — если ты хочешь.

Взгляд голубых глаз остановился на Вивиане, словно заметив его впервые, и неофит опять почувствовал, как сбивается дыхание. Лучше быть мебелью в ее присутствии, чем испытать на себе целенаправленную магию клана Леди.

Машина вырвалась на Садовое кольцо, и Кристоф очень вовремя переключил внимание ученика, показывая дорогу.

Дворец Даханавар стоял на тихой улице в окружении высоченных тополей.

Здание сверкало. Все — от фундамента до кровли. Матовым желтым огнем светились окна, паутина огоньков обвивала конек крыши, мощные прожекторы подсвечивали статуи атлантов, держащих портик подъезда, белые стены отражали это искусственное сияние, а подъезжающие машины рассеивали остатки сумрака светом фар. И только деревья черными тенями крон парили над ослепительной суетой. Неподвижные, молчаливые, похожие на призраков.

Повинуясь указаниям учителя, Вивиан провел машину по дороге, усыпанной хрустящим гравием, к самому подъезду.

Распахнув заднюю дверцу, Кристоф помог выйти Флоре, а к водителю уже бежал молодой вампир и требовательно тянул руку. Вивиан в недоумении уставился на него. «Ключи давай, — прошипел тот. — Быстро». Неофит наконец сообразил, в чем дело, и протянул ключ от автомобиля. Парень оттолкнул его от дверцы, сел за руль и укатил куда-то. Про-

водив взглядом «Астон Мартин», Вив направился следом за спутниками.

Высокие стены холла были целиком из розового мрамора, в массивных зеркалах многократно отражались вазоны с живыми цветами и белые статуи. В центре зала бил фонтан, разбрызгивая сверкающие капли на кружевные ветви аспарагусов. Фиолетовые головки ирисов выглядывали из пучков острых зеленых листьев, растущих между камнями, в живописном беспорядке разбросанными по глубокой чаше бассейна. Среди этой веселой зелени стояла фигурка мраморного мальчика, прижимающего к груди тяжелую чашу. Видимо, мальчишка споткнулся, чаша наклонилась, и тонкая струйка воды теперь вечно переливалась через ее край и падала, разбиваясь.

Вивиан с удовольствием постоял бы возле этого фонтана подольше, но Кристоф с Флорой уже поднимались вверх по лестнице, и он поспешил за ними.

Край роскошного платья леди, мягко шелестя, летел по мраморному полу, тонкая ладонь лежала на согнутой руке Кристофа. Казалась, она уже забыла неприятный разговор в машине и теперь наслаждается удивленными взглядами, которыми провожают ее гости. Еще бы! Прийти на бал в обществе кадаверциана... двух кадаверциан. Сам Кристоф (тот самый! Кристоф!) почтительно сопровождает ее, а рядом плетется его... телохранитель. Сенсация. Новость сезона.

Возле одного из зеркал Флора остановилась, чтобы поправить прическу, улыбнулась спутнику, что-то шепнула, тот усмехнулся и отвесил шуточный поклон. Она рассмеялась, а Вивиан вдруг понял, что любит их. Колдун из клана Смерти и прекрасная Леди Даханавар. Великолепная пара.

Они были неуловимо похожи. Огнем, который загорался в их глазах, когда они смотрели друг на друга, спокойной учтивостью, с которой отвечали на приветствия, красотой. В своем темном простом костюме Вивиан вдруг почувствовал себя серым уличным воробьем, попавшим в клетку с райскими птицами. Слишком много золота, бриллиантов и разноцветного шелка, слишком много любопытных, оценивающих взглядов. Было видно — Кристофу безразлично, что

его рассматривают, как музейную редкость, а ученик вдруг почувствовал, что скоро получит комплекс неполноценности в полном объеме. Конечно, собственного достоинства, он полагал, у него должно быть не меньше, чем у любого из клана Смерти, но ощущал, что еще не умеет им пользоваться.

Еще немного, и Вивиан пожалел бы, что напросился на бал, но вдруг из боковой галереи появился Дарэл, и (какое счастье!) одет он был почти так же неброско, как молодой кадаверциан. Он подошел, поцеловал руку Флоре, обменялся легким полупоклоном с Кристофом и едва заметно подмигнул неофиту.

— Прошу прощения, — произнес даханавар, — но Вива я забираю.

Флора осталась равнодушна к перспективе исчезновения «подмастерья» из поля ее чар, Кристоф кивнул с улыбкой.

— Пора тебе обзаводиться новыми связями, — говорил Дарэл, проводя протеже мимо разряженных, весело болтающих гостей. — Я познакомлю тебя с королевой.

— С кем? — озадаченно переспросил тот.

— С Фелицией. Слышал о такой?

Вивиан вспомнил недавний подслушанный в библиотеке разговор и понял, что совсем не хочет знакомиться с этой дамой — не сболтнуть бы мысленно чего-нибудь лишнего.

— Идем-идем, не трус. Это традиция — представлять нашей Гранд-Леди всех новых гостей. Думаю, ей не особенно интересно беседовать с очередным «птенцом», так что можешь не волноваться, через пару минут тебя отпустят.

Глупо, но Вивиан вдруг осознал, насколько сильно робет перед всеми этими высокородными дамами и джентльменами. Хотя и понимал — тем в общем-то глубоко безразлично, как он одет и что про них думает: они в упор не видят его с заоблачных высот своего опыта, возраста и силы. Поэтому можно спокойно глазеть по сторонам и делать невинные глупости. Но одновременно в душе его жило и абсолютно противоположное чувство. Вот уже несколько минут молодой кадаверциан чувствовал в себе присутствие невидимого второго «я», которое ворчалось и дергалось из-за того, что... на

него никто не обращает внимания. Вон та дамочка в изумрудной диадеме не смотрит взволнованно и нежно, а этот мужчина с аристократическим профилем не спешит пожать ему руку. В отличие от Вивиана, его внутреннему голосу было вполне комфортно в этом дворце. Ему здесь нравилось. И ученик Мастера Смерти решил смириться: «У меня мания величия».

Дарэл насмешливо хмыкнул, видимо, прочитав часть его мыслей:

— Что, клановая гордость взыграла?

— Ну да... — ответил Вивиан немного смущенно. — Что-то типа того.

— Бывает, — улыбнулся эмпант. — Понимаю и сочувствую. Мне тоже иногда хочется все здесь разнести, а еще лучше встать посреди бальной залы и начать вслух читать мысли всех присутствующих. Было бы очень забавно.

«Забавно» — не то слово. Иногда Вивиану страстно хотелось обладать талантами Дарэла... ну, хотя бы десятой частью его талантов. Неофит уже понял, что, кроме умения читать мысли, даханавар обладает магнетическим влиянием на окружающих. В его присутствии становилось спокойно, раскованно, весело. Куда-то уходило неприятное напряжение и зажатость, даже привередливому «голосу» было комфортно рядом с ним.

Вивиан подумал, что на людей Дарэл должен действовать также — они расслабляются, забывают об осторожности и наслаждаются искренним вниманием и открытой улыбкой этого обаятельного симпатичного «человека»... «Хотя, пожалуй, с точки зрения нравственности, — решил он, — это еще хуже «Равновесия», которому обучает Кристоф. Можно смириться с охотой, когда быстро и безболезненно подманиваешь жертву, не оставляя у нее в памяти никаких воспоминаний о себе, хотя и это недостойное, пусть и вынужденное занятие. Но оболванивать человека, очаровывать его, заставляя испытывать к себе искреннюю симпатию, всего лишь для того, чтобы украсть его кровь... подло».

Дарэл смерил его внимательным и долгим взглядом.

— У тебя, оказывается, есть моральные принципы?

— Просто принципы, — ответил кадаверциан довольно резко.

— Ничего. Это скоро пройдет. — Даханавар как будто не заметил его недовольства, оглядываясь по сторонам. Или не придавал ему значения. — А вот и Гранд-Леди, — сказал он.

Сердце Вивиана неожиданно подпрыгнуло в груди. Причин для волнения не было, но он все равно почувствовал нервную дрожь.

Фелиция действительно оказалась гречанкой. Теперь Вивиан окончательно поверил в это. Невысокая, статная, она была один в один похожа на статую Афродиты, которая выставлена в греческом зале Художественного музея. Все линии тела, почти не скрытые длинным, струящимся до пола хитоном, плавные и округлые, высоко поднятые волосы открывают белую нежную шею, руки, обнаженные до локтей, тоже вызывают ощущение беззащитной мягкости.

Неофиту странно было смотреть на нее и знать, что эта женщина жила тысячу... нет, две тысячи лет назад. И те времена, о которых он читал только в учебниках по истории, для Леди Даханавар — ее собственное, живое прошлое. Она своими глазами видела древние города, от коих не осталось даже камней. Может быть, говорила с Сократом, Платоном и Аристотелем. Молилась Зевсу и Афродите. Наблюдала за тем, как строили Парфенон, а затем — как персы разбивали в мелкий камень его кариатид. Мифы, на которых росла цивилизация Европы, — реальность для нее...

С этим сумбуrom в голове он и подошел к Фелиции. Та разговаривала с двумя мужчинами благородно-вампиrской наружности, но, заметив Дарэла, медленно повернула голову. Ее собеседники с любопытством посмотрели на ученика Мастера Смерти. Вивиан же, решив, что не стоит его разглядывать, как редкое насекомое, сделал вид, что не замечает их.

— Леди, — произнес Дарэл почтительно. — Позвольте представить, Вивиан Кадаверциан.

Даханавар не назвал ее имени, как обычно бывает при знакомстве, — Первую Леди должны знать все.

Мормолика́я смотрела на них снизу вверх, и за ее доброжелательной улыбкой скрывалось пристальное внимание. Глаза гречанки были не голубыми, не синими и не фиолето-

выми — все эти оттенки смешивались, как в море. Бледно-фиалковые по краю и густо-кобальтовые у зрачка. Холодные, пронзительные, оценивающие. Лицо юной девушки, а взгляд...

Вивиан потупился, чувствуя, что больше не может выдерживать ее пристальное внимание.

— Очень рада, Вивиан. — Голос у Фелиции был мелодичный, мягкий, но молодой некромант несколько бы не удивился, услышав в нем сухой металл. — Всегда приятно видеть новые молодые лица. Развлекайтесь.

Он осторожно взял ее руку, протянутую для поцелуя, наклонился, кажется, не слишком изящно, коснулся губами гладкой прохладной кожи, пахнущей резедой. А когда выпустил тонкую ладонь, отступил на шаг и поднял голову, то с облегчением увидел, что Фелиция снова повернулась к своим собеседникам.

Дарэл незаметно толкнул неопфита, кивком головы указал на выход и сам неторопливо направился в указанном направлении. Вивиан поспешил за ним, чувствуя облегчение и неудовольствие одновременно. Его вторая личность продолжала ощущать собственную нереализованность на этом празднике, но кадаверциан привычно не обращал внимания на ее ворчание.

— И что теперь? — спросил он Дарэла, когда они покинули зал с птицами на стенах.

— Что хочешь. — Тот пожал плечами, а потом вдруг остановился, наклонил голову, как будто прислушиваясь к чему-то. Взгляд Даханавара стал невидящим, обращенным внутрь себя. — Извини, Вив, — сказал он голосом, лишенным всякого выражения, потом тряхнул головой, покосился на спутника, улыбнулся и стал прежним ироничным, жизнерадостным парнем. — Дела клана требуют моего личного присутствия.

Оставалось последовать совету Фелиции — идти развлекаться. Но, чувствуя себя не совсем уютно в огромном чужом доме, Вивиан отправился на поиски Кристофа...

Ночь не задалась для Миклоша Тхорнисха с самого начала. Девчонка, которую привезли в особняк, поняла ситуацию, уже когда он спустился к ужину и остался с ней наеди-

не. Скорее всего, она рассчитывала, что удастся провести вампира и вырваться из клетки, особенно если подкрепить этот расчет тяжелым канделябром. Девушка воспользовалась подсвечником, как только нахтотер отвернулся, чтобы налить своей жертве вина.

Будь Миклош человеком, он бы уже валялся на полу с проломленным черепом, а так удар по затылку его лишь разозлил. Сегодня он хотел быть вежливым с этой овцой, но она, как и все люди, не оценила милости. «Чем больше с ними возишься, — раздраженно подумал господин Бальза, — тем сильнее они садятся на шею. И наглеют».

Но не это заставило его рассвирепеть от злости. Во время жалкой попытки нападения красное вино пролилось на рукав новой рубашки — вещь оказалась безнадежно испорчена, а глава клана Тхорнисх слыл среди киндрэт известным чистоплюем и педантом. Неприятность с рубахой, которую он надел на грядущее в особняке Фелиции торжество (которое сам Миклош приравнивал для себя по степени важности к цирковому шоу), заставила его впасть в бешенство. Он с рычанием отмахнулся от строптивного ужина, который и не думал успокаиваться, на этот раз метя Миклошу в лицо. В последний момент нахтотер сдержал удар, но и того, что осталось, хватило, чтобы сломать девушке несколько ребер и отбросить ее в противоположный конец зала. Однако и после этого она не подумала успокоиться. Уличная девка сражалась, словно отчаявшаяся кошка. В ход пошли ногти и зубы. Она умудрилась расцарапать ему лицо, оторвать воротник рубашки и вцепиться зубами в шею. Последнее господина Бальзу позабавило, и он сделал то же самое, но с гораздо большим эффектом.

Миклош отпустил жертву лишь через несколько минут после того, как она перестала биться в агонии. С безразличной миной оттолкнул от себя мертвое обескровленное тело, встал с колен, взял лежащую на столе салфетку и подошел к старому, привезенному еще из Праги высокому зеркалу.

Оттуда, сыто и довольно шурясь, на него смотрело отражение. Невысокий молодой человек лет двадцати, хрупкий, белокурый и голубоглазый. Похожий на ангела с окровавленными губами и уже почти затянувшимися царапинами на щеках. Пройдет еще минута, и никто не скажет, что глава

клана Золотых Ос только что поучаствовал в незначительной «семейной» ссоре — на лице не останется и следа. Его волосы находились в некотором беспорядке, рубашка надорвана и испачкана, но плохого настроения, которое досаждало всю последнюю неделю, как не бывало.

Нахттотер промокнул губы салфеткой, смял ее и отбросил в сторону.

— Роман! — рявкнул он.

Почти тут же высокие двери обеденного зала распахнулись.

— Вы звали, нахттотер? — проникновенно спросил тхорнисх, на которого взвалили обязанности дворецкого.

— Скажи, чтобы здесь прибрали. — Миклош небрежным жестом руки указал на царящий разгром. — И мне нужна новая рубашка.

— Будет сделано.

Господин Бальза поднялся по широкой мраморной лестнице на второй этаж, прошел по крытой галерее в кабинет. Бросил взгляд в окно. Лимузин уже подогнали, и шофер поспешно протирал тряпкой ручки дверей, чтобы глава клана не устроил ему очередной нагоняй за неприличный вид машины, порочащий честь Золотых Ос. Рядом стояли два авто сопровождения, возле которых крутилось с десятков «солдат». Все как один при параде. Миклош довольно кивнул: «Никто из тхорнисхов не ударит в грязь лицом перед сборищем блаутзаутеров, которые смеют считать себя киндрэт». Он ценил, когда в семье выполняли его приказы точно и в срок.

Роман все еще не пришел, и на лице нахттотера отразилось мимолетное недовольство. Впрочем, оно стало постоянным, как только на столе зазвонил телефон. Миклош ненавидел это изобретение человеческой мысли. «Мерзкая дрянь», — прошипел он сквозь зубы, жалея, что теперь уже ничего не изменить и выкорчевывать ненавистную заразу надо было много раньше. Телефоны, как и другие достижения человеческой цивилизации, проникли в каждый дом.

Господин Бальза с тоской вспомнил прежнее логово клана, скрытое в подземельях пражского Вышеграда. Конечно, там было не так комфортно, как здесь, но четырнадцатый

век и не предполагал никакого комфорта. Жизнь являлась суровой. Впрочем, не лишенной множества приятных мелочей... Например, тогда можно было выйти в город в любое время ночи или отправиться в близлежащую деревушку и устроить охоту на овец. Теперь же приходится не слишком афишировать свое присутствие и перетаскивать добычу с улиц к себе в особняк. Это проще и предполагает гораздо меньшее число проблем, чем открытое сафари по освещенным проспектам Столицы.

Телефон не умолкал. Нахтотер, выругавшись, снял трубку, гаркнул в нее: «Я занят!» — и бросил на место. Ему было все равно, кто звонил. Никакого желания сотрясать воздух, не видя глаз собеседника, сегодня он не испытывал. Немного подумав, Миклош вновь поднял трубку и аккуратно положил ее на стол рядом с телефонным аппаратом, чтобы никто больше не смел его беспокоить никчемным трезвоном.

Тхорнисх в раздражении посмотрел на настенные часы. Времени оставалось не так много, как он хотел.

В кабинет вошел Роман, и следующие двадцать с лишним минут господин Бальза был занят тем, что выбирал себе надлежащий случаю фрак, заставив дворецкого сбиваться с ног. Наконец, оставшись удовлетворен полученным результатом, он отпустил его. Достал из верхнего ящика стола длинный конверт из дорогой английской бумаги, где мелким аккуратным почерком было начертано несколько строк. Адрес особняка клана Тхорнисх, полное имя Миклоша и его официальный титул. Имени отправителя не наблюдалось, но оно и не требовалось. Бальза хмыкнул — и так ясно, чьи это доведенные до совершенства каракули.

Фелиция Даханавар.

Мормоликая.

Главный и самый опасный враг его клана.

Нахтотер так и не открыл конверт. И на то были две причины. Первая и самая прозаическая — он знал, что там находится: приглашение на ежегодный светский раут «Полуночный бал», который устраивал клан Даханавар для всех кровных братьев Столицы.

Вторая причина заключалась в том, что Бальза был осторожен. И хотя не ожидал, что в письме окажется некое подо-

бие «могильной гнили» — дряни, разъедающей плоть кадаверциан, — все же решил не рисковать. Вдруг античная змея совсем выжила из ума и решила, что стоит избавиться от жала, давно засевшего в ее очаровательном горлышке. Женщины коварны. А женщины, задержавшиеся на этом свете на несколько тысяч лет, коварны до бесконечности. Внешний вид элинки может обмануть только дураков (которых, по мнению Бальзы, конечно, огромное большинство), не видящих дальше собственного носа. За всеми этими хитончиками, сандаляками, высокими прическами, статуйками, арфами и прочей противной сердцу нахттотера мишуре скрывалась (Миклош не испытывал иллюзий) отнюдь не дура. Он знал: Фелиция могла, когда надо, хлопнуть глазками, сверкнуть улыбочкой и скорчить из себя несчастную обиженную принцессу, но это всего лишь ширма и приятная для мормолика роль. Когда это ей надоедало, проявлялась настоящая, вылитая из лучшей стали — Леди Даханавар.

Решительная, умная, расчетливая, безжалостная и безумно опасная.

Фелиция входила в тройку самых сильных киндрэт мира. И Миклош не знал ответа на вопрос — кто бы вышел из схватки победителем, встретиться он с ней на узкой дорожке?

За элинкой стояли опыт тысячелетий и сила, которую она черпает из бурлящей в ее крови бездны. Господин Бальза всегда помнил о том, что у него есть один шанс победить — из двух. Именно поэтому он вот уже которое столетие сдерживал себя и не устраивал с кланом Леди открытого противостояния. Нахттотер был терпелив — он ждал, когда его шансы повысятся. Рано или поздно это должно случиться — никто не может вечно сидеть на троне, и вот тогда он рискнет и разорвет горло античной сукке.

Нахттотер еще раз изучил конверт, а затем небрежным жестом вложил его во внутренний карман фрака. Скажи ему кто месяц назад, что он воспользуется приглашением Даханавар, он бы лишь рассмеялся. Глава тхорнисхов ненавидел вечеринки подобного рода и всячески их игнорировал.

Но на этот раз на званом вечере надлежало быть, хотя Бальза и предполагал, что к утру у него обязательно начнется мигрень и испортится настроение. Он всегда начинал

злиться, когда его окружали малодушные блаутзаутеры, смеющие называть себя киндрэт. На его взгляд, эти создания мало чем отличались от людей. Мякотелые, изнеженные, пьющие консервированную мерзость растения, забывшие, что такое настоящая охота, горячая живая кровь и исходящая от умирающей жертвы волна ужаса. Подкаблучники мормоликаи, смеющие ставить грязное человечество на одну ступеньку рядом с собой. Если бы только Миклош мог, он бы с радостью выбросил весь этот сброд на солнце. Как существ, недостойных вечной жизни.

За спиной вежливо кашлянули. Господин Бальза обернулся и кивком поприветствовал своего главного помощника, доверенное лицо и правую руку — Йохана Чумного. Здоровый, широкоплечий, с бритой башкой и густой черной бородой, тот казался разбойником с большой дороги. Белый фрак делал его вид еще более угрожающим и подходил бывшему ландскнехту, как дьяволу — ангельский нимб. Даже несмотря на то, что костюм шился по точным меркам лучшими портными Столицы, казалось, как только здоровый тхорнисх напряжет мышцы — фрак лопнет по швам.

Лицо у Йохана было мрачное и угрюмое. Любого другого это заставило бы броситься наутек, но Миклош лишь понимающе усмехнулся. Он знал причину недовольства своего птенца.

— Ты готов?

Вместо ответа тот неловко помялся и, стараясь не смотреть господину в глаза, недовольно пробурчал:

— Нахттотер, почему я?

— А кто же еще? — делано удивился Бальза.

— Роман. Я приспособлен для дел совсем другого рода. Вы же понимаете...

— Не понимаю! — отрезал Бальза, впрочем, тут же сбавив тон: — Роман тупой идиот. Он в состоянии подмести пол и распахнуть дверь гостям, но ответственные дела ему поручать нельзя. Что до тебя, Йохан, то ты все-таки не изнеженный фэриартос, предназначенный лишь для украшения и использования. Ты должен уметь все. Иначе зачем клану тот, кто не может поддержать его в трудную минуту?

Помощник слушал Миклоша, мрачно сдвинув кустистые

брови. Он понимал, что над ним издеваются, но это его нисколько не обижало. Преданностью ландскнехт мог переплюнуть даже кадаверциан. Бальза доверял бывшему птенцу если и не на сто процентов, то гораздо больше, чем всем остальным, вместе взятым.

— Да, нахтготер. Вы правы, нахтготер.

— Вот и замечательно, — мягко произнес глава Золотых

Ос. — Ты сделаешь то, что я тебе сказал. И сделаешь хорошо.

— Она может не согласиться.

— Согласится, — отмахнулся Миклош. — Флора тще-славна и не упустит шанса заставить некроманта поревновать. Ей это сейчас очень нужно, можешь мне поверить.

— Хорошо, нахтготер. Но что будет, если они не придут?

Лицо Миклоша посуровело.

— Тогда танцы отменяются, и тебе вообще не о чем беспокоиться.

У ворот особняка, где мормоликая устраивала прием, кроме кровных братьев, несли стражу и люди. Один из них, хорошо одетый и предупредительный, вежливо попросил у опустившего стекло господина Бальзы приглашение. Миклош чуть не лопнул от злости — он не собирался показывать конверт, а тем паче отдавать его в грязные вонючие руки говорящей мартышки. Йохан заметил, как потемнели глаза нахтготера, и пришел на выручку, прежде чем тхорнисх оторвал ничего не подозревающему человеку руку. Бывший ландскнехт вышел из машины и дал себя увидеть одному из киндрэт, несущих дежурство на проходной. Тому хватило ума заглянуть в салон, где сидел белый от бешенства Бальза. Охранник-вампир, естественно, узнал его сразу, округлил глаза и поспешно приказал распахнуть ворота.

Спустя секунду лимузин уже мчался по парковой аллее, ведущей к штаб-квартире Даханавар.

— Вот за что я ненавижу Даханавар и подобные мероприятия, — произнес Миклош, не отрывая взгляда от распахнутого окна. — Они не гнушаются считать овец ровней себе. Запомни, Йохан. До тех пор, пока людям позволяют стоять с нами на одном уровне, ни о каком величии киндрэт не может быть и речи.

Помощник мрачно кивнул. Он слышал это утверждение не раз и не два, но был полностью согласен с боссом. Людей ландскнехт, так же как и Миклош, считал не более чем пищей.

Машина подъехала к крыльцу почти одновременно с канареечно-желтым «Мазерати». Оттуда выпорхнули весело щебечущие красавицы-фэриартос в дорогих вечерних нарядах, отдали ключи слуге и, сопровождаемые восхищенными взглядами мужчин, скрылись в особняке. Господин Бальза дождался, когда Йохан выйдет и откроет ему дверь.

Нагнав на лицо выражение презрительной скуки, он отправился по красной ковровой дорожке вслед за фэри. Йохан шел сзади, пристроившись за его правым плечом. Невысокого блондина в черном и громилу в белом узнавали сразу, и никто не посмел их остановить, а тем паче потребовать приглашение — слава о дурном характере Миклоша давно бежала впереди его обладателя.

Известие о том, что светское мероприятие посетил Бальза, разлетелось со скоростью лесного пожара. На тхорнисха опасно поглядывали, за спиной слышались встревоженные шепотки. Никто не знал, зачем он пришел сюда и чем это может обернуться для всех. Глава клана Золотых Ос слыл сумасшедшим, а коли так — он вполне мог выкинуть какую-нибудь гадость, вплоть до объявления войны. Всем было известно, что Тхорнисх ненавидит Даханавар. И весь вопрос в том, сколько еще вспыльчивый Бальза будет терпеть, что клан Леди диктует свою волю на Совете Кланов.

Миклошу не нравилось это слащавое место. Не нравились ужасающие звуки, которые здешние недоучки смели называть музыкой. Не нравился запах падали, исходящий от фужеров с консервированной кровью, разносимых проворными и расторопными официантами. Не нравилось повышенное внимание к себе. Не нравилась многоцветная недалекая публика. Ему вообще ничего не нравилось. Но он решил, что будет выглядеть веселым и удовлетворенным. Поэтому улыбался, кивал знакомым и с интересом осматривался.

Эффект оправдал себя на все сто. Братья и сестры, увидев нахтотера довольным, занервничали еще больше. Не-

сколько слабаков как бы невзначай оказались возле выхода. Йохан одарил их мрачным взглядом и пробурчал в бороду несколько ругательств на старонемецком о презренных трусливых кровососах.

Дабы соблюсти рамки приличий, следовало поприветствовать королеву бала — Фелицию, но Бальза плевать хотел на приличия. Он скорее бы вышел на солнце, чем стал выказывать уважение кому-то, кроме себя. Поэтому, вместо того чтобы пойти с вновь прибывшими гостями в центральный зал, Миклош остановился у большого аквариума с разноцветными тропическими рыбками всех возможных расцветок. От пестроты легкомысленных красок у него сразу начали болеть глаза и заломило виски. Жители морей напомнили ему фэриартос, с тем лишь исключением, что молчали, а не рассуждали с умным видом об искусстве. Именно поэтому Бальза выбрал общество рыб, а не выкорышей Александра Мело, коих в этом помещении было предостаточно. Пожалуй, начини они с умным видом рассуждать о звучащей здесь музыке, которая казалась тхорнисху, обладающему идеальным слухом, страшной какофонией, — и он забыл бы о приличиях окончательно. По меньшей мере, его стошнило бы прямо в злосчастный аквариум. В худшем случае «знарок» мелодий лишился бы головы.

В буквальном смысле этого слова.

— Иди, — тихо сказал нахтготер Йохану, который ловил каждый его взгляд. — Посмотри, здесь ли они.

Помощник молча растворился в многоцветной веселящей толпе.

Рядом с аквариумом стояли два глубоких кожаных кресла с греческим орнаментом на ручках и невысокий стеклянный столик с вазой в виде бога Гермеса. Вместо цветов в ней красовалась оливковая ветвь.

Миклош поморщился: это было в стиле лицемерной Фелиции — подсунуть им всем под нос символ мира. Мало того, что пошло, так еще и совершенно не соответствует истине. Женское царство Даханавар в мир и справедливость всегда играло только на словах. На деле же они давно стали главенствующим кланом, подмяв под себя основной процент голов в Совете — и отнюдь не добрыми действиями. Раньше на Леди была управа в виде Лудэра и Кадаверциан. Но первые

погибли в межклановой войне, а вторые, победив в ней, отошли от политики и пустили все на самотек.

Тхорнисх же в то время был не слишком многочислен, и его никто не поддержал. В итоге глупцы дали Фелиции возможность взять себя на поводок. На очень крепкий поводок. Даханавар стал тем, чем стал, и теперь редко нуждался в поддержке других кровных братьев. Он давно уже не предлагал решения, а диктовал свою волю. Лишь Золотые Осы да время от времени Асиман и Грейганны поступали по-своему. Все остальные, включая Мастеров Смерти, по твердому мнению Миклоша, продались клану Леди, и лишь делали вид, что самостоятельны. Впрочем, возможно, на счет кадаверциан он и погорячился, но считал, что неучастие некромантов в делах сообщества киндрэт — такое же «да» на Совете в пользу Фелиции, как и вопли прихлебателей вроде Фэриартос.

Господин Бальза уселся в кресло, закинул ногу на ногу, отстукивая тростью по полу только ему слышимую мелодию, и, прищурившись, изучал находящихся в зале. Большинство из них он видел впервые — это было новое поколение, многим из них не исполнилось еще и пятидесяти лет. Таких он раскусывал сразу — жалкие птенчики, корчащиеся из себя умудренных опытом киндрэт. Веселые, еще не уставшие жить, еще находящиеся в восторге от своих возможностей, магии и бессмертия. Сверкающие, искрящиеся, весело смеющиеся и... пустые. Нынешнее поколение в чужих кланах господина Бальзу удручало и в то же время радовало. Слабаки. Когда придет время, тхорнисхи перемелют их без всяких проблем.

Кровных братьев даханавар было большинство. Впрочем, хватало и фэри, и вьесчи. Асиман было меньшинство и в основном молодняк. Кадаверциан Миклош пока не заметил. Их вообще было не так много (хотя сколько точно — не знал никто, кроме них самих), и они в большинстве своем жили не в Столице. К тому же некромантов редко привлекали пляски и веселье.

Тхорнисхи, конечно же, отсутствовали. Бальза держал свой клан в ежовых рукавицах. Никто из них, даже самый молодой из чайлдов, никогда и ни при каких обстоятельствах не пришел бы на вечеринку ненавистных даханавар.

Прошло еще немного времени, и Миклош заметил входящих в зал грейганнов. Он не любил этот клан — Вриколакос¹ были для него столь же странны и непостижимы, как волки, в которых они по случаю и без случая воплощались. Могли припереться на дипломатические переговоры всей стаей, а могли и проигнорировать, отдав предпочтение ночной охоте за каким-нибудь несчастным зайцем.

Сегодня пришли пятеро седовласых желтоглазых мужчин в плащах, подбитых волчьим мехом, холщовых рубахах и кожаных штанах, на широких поясах которых висели клановые ножи. С вриколакосами были их женщины. Русоволосые красавицы, смуглокожие, высокосукуые, гибкие и по-звериному грациозные. Облаченные в белые рубашки с острыми воротниками и этнической вышивкой и простые длинные юбки с красной оторочкой, они тем не менее ничуть не проигрывали дамам в дорогих вечерних туалетах. Скорее, наоборот. Они вызывали у Миклоша желание, но он знал, что никогда и ни при каких обстоятельствах не будет к ним прикасаться. Во-первых, мало приятно обнаружить у себя в постели волчицу. Во-вторых, Иован Светлов не тот киндрэт, который спустит, если чужак залезет в его курятник, да еще и против воли куриц. Тут же возникнут проблемы, а связываться с перевертышами, которых и понять-то нелегко, себе дороже. Потом лет сто не избавишься от их пристального внимания и дурацкого рычания.

Из дальнего конца зала быстро шел Йохан.

— Они здесь, — ответил он на вопросительный взгляд главы клана. — Через два зала. В бальном.

— Превосходно, — улыбнулся Миклош. — Ты знаешь, что делать.

— Господин Бальза! Какая честь! — Нахттотер не заметил, как Фелиция Даханавар оказалась рядом, и внутренне едва не подпрыгнул от раздражения, услышав ее голос, однако внешне остался невозмутим.

— Фелиция... — Он встал и сдержанно поклонился. — Благодарю за приглашение. Оно было очень кстати. Решил отложить дела и развеяться.

¹ Вриколакос — носящие волчью шкуру (греч.).

— Ну конечно, — не моргнув глазом, сказала элинка. Она не поверила ни одному его слову, но продолжала вести себя согласно этике любезной хозяйки. — Желаеть чего-нибудь выпить?

— Нет. Я предпочитаю консервантам живую пищу. — Он мило улыбнулся, заметив, как ее глаза опасно прищурились. Фелиция трепетно относилась к Договору, запрещавшему древние правила охоты на людей, в особенности если после этого они умирали. Тхорнисх Договор не подписывал, и это являлось основным камнем преткновения между двумя кланами.

— Золотые Осы не меняются...

— Как и Леди, — усмехнулся Миклош. — За это мы и уважаем друг друга, правда? Постоянство — одна из последних ценностей, которые остались в этом безумном мире. Ну, не буду тебя задерживать и отвлекать от других гостей. Ты хозяйка бала, а нас здесь так много.

Она сохранила приветливую улыбку, но ее светлые глаза нехорошо блеснули.

— Полагаю, у нас еще будет счастливая возможность побеседовать, — благосклонно кивнула мормолика.

— Конечно, — ответил господин Бальза и, насвистывая, направился прочь. Настроение у него, несмотря на присутствие на этом сомнительном празднестве, резко пошло вверх.

Он сразу заметил Кристофа и Флору, стоящих на верхней ступеньке мраморной лестницы. Те о чем-то тихо беседовали, и, судя по лицу некроманта, он чувствовал себя абсолютно счастливым.

Словно по мановению волшебной палочки грянула музыка. Возможно, никто из тех, кто присутствовал в большом зале, не заметил, что скрипка фальшивит, а виолончель запаздывает на четверть такта, но нахттотер был искусным знатоком и, более того, творцом музыки — и от столь вопиющего непрофессионализма у него свело зубы. Бальзе немедленно захотелось придушить музыкантов, а особенно дирижера, позволившего коллективу упасть на столь низкий уровень. Скрывая раздражение и нацепив любезную улыбку, он направился прямо к Флоре и Кристофу.

Те, не замечая ни музыки, ни танцующих пар, были по-

глощены тонким флиртом. Но в какой-то момент колдун поднял взгляд и заметил Миклоша. Беседа тут же прекратилась.

— Прекрасная Флоранс де Амьен. Благородный Кристоф де Альбьер, — учтиво поприветствовал их тхорнихс и отвесил два совершенных полупоклона. — Рад застать вас в добром здравии и прекрасном расположении духа. Не помешал?

Флора ослепительно улыбнулась, дипломатично сделав вид, что не замечает настороженности кадаверциана.

— Приятно побеседовать с таким редким на нашем празднике гостем, как вы.

Сказав это, она протянула руку, и Миклош, не колеблясь, поцеловал ее. Пожалуй, Флора не менее талантливая интригантка, чем Фелиция... До нахттотера, конечно, доходили слухи о ее романе с кадаверцианом, но он не думал, что все *настолько* серьезно.

— Я не мог пропустить этот бал, — солгал Миклош и переложил трость из правой руки в левую. — Это ведь юбилейный год прихода Даханавар в Столицу.

— О да... — Флора улыбнулась и замолчала, увидев, что к ним направляется высоченный, облаченный в белый фрак Йохан. Зрелище это само по себе было настораживающим, в особенности если знать, что ландскнехт веками предпочитал черное и кожу. — О! — мелодичным голосом пропела леда. — Ваш помощник сегодня сам на себя не похож.

Миклош развел руками: мол, я здесь ни при чем, а спустя секунду Йохан уже приглашал ее на танец. Это заставило насторожиться не только Мастера Смерти, но и его спутницу. Она оправилась первой, быстро просчитала все выгоды и, насмешливо стрельнув в Кристофа глазками, ответила:

— Благодарю за приглашение. Польщена.

Через мгновение они уже кружились в вальсе вместе с другими парами. Миклош какое-то время наблюдал за ними, отмечая, что Йохан оказался вовсе не так плох, как он думал. Затем скосил глаза на Кристофа и увидел, что тот смотрит не на Флору, а на него:

— Что тебе нужно, тхорникс?

— Нужно? Мне?! — искренне удивился Миклош, в глазах которого плясали бесенята. Его план удался.

— Не стоит считать окружающих настолько глупыми, — равнодушно произнес кадаверциан. — Ты хотел остаться со мной наедине. Зачем?

Господин Бальза улыбнулся уголками губ. Да, все было просчитано заранее. Последние две недели он пытался поговорить со строптивым некромантом, но тот проигнорировал все приглашения к разговору. Не отвечал на звонки и письма. Так как дело не терпело отлагательства, Миклош решил приехать в берлогу Даханавар. Он знал — шанс повстречать Кристофа на ежегодном балу велик. Именно поэтому нахттотер и пришел сюда. Разговор был для него так важен, что он готов был вытерпеть всех мормоликай мира, лишь бы перебраться с главой клана Смерти парой слов.

Его расчет оправдался. Кристоф, конечно же, приехал с Флорой, которая в последнее время слишком часто находилась с ним рядом. Третья Старейшина Даханавар была нужна Миклошу, как загар асиманам, поэтому он нашел простой и незатейливый способ от нее избавиться — Йохан приглашит ее танцевать. И это, естественно, сработало, поскольку Даханавар слишком хорошо воспитана, чтобы отказать в танце мужчине.

— Что тебе нужно, Миклош? — повторил Кристоф.

— Кадаверциан и Даханавар вместе. Это что-то новенькое, не находишь? — вместо ответа произнес нахттотер.

— Не твоего ума дело. — В голосе некроманта проскользнула нотка угрозы. Он сделал шаг, явно порываясь закончить беседу.

— Если ты хочешь и дальше быть с ней, лучше бы тебе раскрыть глаза пошире.

Это заставило Кристофа остановиться.

— К чему ты клонишь?

— Просто дружеский совет. Я не переживу, если ваш союз вдруг развалится. До меня доходят слухи... Возможно, и до тебя они уже дошли, — продолжил господин Бальза. — Но

я счел, что повторить их, дабы помочь другу, не будет лишним. Говорят, некоторые члены клана Даханавар ищут мощные боевые заклятия.

— И что? Они обратились к тхорнисхам? — сухо поинтересовался Кристоф.

— Нет-нет... Но, возможно, они обратятся к клану Кадаверциан, — сказал Миклош и увидел ответ в глазах колдуна.

— Это все? — Некромант был необычно хмур.

— Да. Это все.. Больше не смею надоедать тебе своим присутствием.

Откланявшись, Миклош быстро пошел прочь, не дожидаясь следующих вопросов. Господин Бальза не привык объяснять свои поступки кому бы то ни было, иначе он бы сказал кадаверциану, что мечтает о том, как клан Даханавар упадет с пьедестала, на который умудрился забраться благодаря своей наглости. А упасть он может, только если Фелиция отправится в ад.

Флоранс де Амьен возжелала власти? Хочет стать Первой? Это достойно. Это в духе настоящих киндрэт. Но сейчас она не готова. Слишком слаба для того, чтобы противостоять главной Старейшине клана. Если она решится бросить вызов, то, вне всякого сомнения, проиграет. А Миклошу это невыгодно. Флора — единственная из даханавар, кто может суметь уничтожить гречанку и за кем потом пойдет клан. Но это случится не раньше чем через несколько веков. Если она затеет драку сейчас, то всем радужным надеждам Бальзы потанцевать на могиле Фелиции придет конец. Мормоликая лишь укрепитя во власти, больше никто не посмеет бросить ей вызов, и Даханавар останется на своих позициях. Миклош понимал, что справиться с Первой Старейшиной Даханавар — это не то же самое, что справиться с Флорой, займи та ее место. Поэтому и намекнул Кристофу об опасности. Если тот не идиот, то должен понять намек. И идеальным вариантом было бы, если бы колдун, защищая свою любовницу, сам уничтожил ненавистную Бальзе элинку. Миклош удовлетворенно усмехнулся, спускаясь вниз по лестнице. Теперь все зависело от некроманта. Только он способен обуздать свою подружку или помочь ей

убить Фелицию. И только он способен привести Даханавар к упадку, а Тхорнисх к грядущему величию, пускай об этом Мастер Смерти даже и не подозревает.

Похоже, вечер удался. Гостей было много, и все они выглядели довольными, веселыми и беззаботными. Вивиан обошел большую часть особняка, когда набрел наконец на большой зал, где звучала музыка, и увидел среди кружащихся пар Флору с Кристофом. Под вальс Штрауса они, казалось, летели, едва касаясь паркета...

Молодой кадаверциан все еще смотрел на них, как вдруг почувствовал легкое прикосновение к плечу и услышал:

— Ну что, потанцуем?

Он обернулся. Рядом стояла невысокая черноволосая девушка, стриженная под мальчишку, в легкомысленном костюмчике «а-ля тореадор» — красные клеша с черными вставками по бокам и короткая красная курточка. В обычной человеческой жизни это лицо с чуть широковатыми скулами и острым подбородком казалось бы не особенно привлекательным, как и худенькая гибкая фигурка не выглядела бы соблазнительной, но кровь Даханавар сделала девушку удивительно яркой, экстравагантной, почти красавицей. Огромные темные глаза смотрели пристально и вызывающе, полные губы улыбались пленительно и нежно.

— Потанцуем? — повторила она, сверкая улыбкой.

— Здесь? — спросил Вивиан, почувствовав вдруг, что вряд ли впишется в элегантную величавость бальной залы.

Девушка рассмеялась.

— Конечно, нет, дурачок. От этой викторианской древности помереть можно. Здесь рядом есть классный кабак. Ты уже представлен Гранд-Леди?

— Фелиции? Да.

— Тогда пойдем со мной. У нас отличная компания. Тебе понравится. Кстати, ты?

— Вивиан Кадаверциан.

— Ух ты! — Девушка распахнула глаза от восхищения. — Вот это да! Кадаверциан! Девчонки умрут! Это будет что-то! Пошли скорей! У нас милая тусовка — парочка Даханавар,

парочка Фэри... Да, я — Нола Даханавар. Приятно познакомиться.

— Подожди, — Вив с трудом удержал темпераментную барышню. — Я не могу уйти. Я здесь не один. Мой наставник...

— Тоже хочет повеселиться. — Нола снова потянула его за собой. — Не бойся, он вернется домой не раньше завтрашнего утра. Пошли.

Вивиан оглядел зал. Кристофа и Флоры уже не было. «Наверное, Нола права, — решил он. — Мне совсем не обязательно хранить верность сюзерену и почтительно дожидаться, когда он решит уйти. Он без меня не пропадет, я без него — тоже, значит, можно не волноваться».

— Ладно, пошли.

«Классный кабак» действительно оказался недалеко.

Вивиан уже был здесь — в этом самом баре он познакомился с Сэмом, старшим учеником Кристофа. Назывался бар «Гардиан» и находился в квартале от дворца Даханавар. Это был относительно небольшой зал на два десятка столов, отгороженных от стойки деревянной решеткой. На стенах грубой кирпичной кладки висело несколько картин в простых рамах. Здесь был шумно, накурено и толпилась самая разная публика.

Схватив за руку спутника, Нола потащила его к столику у стены.

— Привет! — закричала она издали, махая рукой. — Смотрите, кого я вам привела!

На них обратили внимание, и Вивиан тут же почувствовал, как его внутренняя «защита» начинает дрожать под любопытными взглядами.

Во главе стола восседали две девушки. Одна с длинными, ниже поясицы, волнистыми волосами, ясными невинными глазами и нежным овалом лица — Дездемона или Офелия. Другая — полная противоположность, произведение современного искусства: темные кудри взбиты чуть небрежно, над губой яркая родинка, естественная бледность лица полностью устранена, и цвет кожи напоминает спелый персик. Вивиан сразу догадался, что белокурая леди — Даханавар, а

темноволосая — Фэриартос. Справа от «Офелии» сидел парень очень интеллигентной внешности, в дорогом костюме, с видом равнодушным, отрешенным и самодовольным. «Вьесчи», — решил Вивиан с неожиданной вспышкой злобы, которую тут же подавил в себе. Слева, положив руку на спинку стула девушки-фэри, расположилась самая колоритная личность в компании: на первый взгляд — типичный небритый байкер, но если присмотреться...

Забыв о вежливости, Вивиан уставился на него, пытаясь сообразить, какой это клан. Было в узком выразительном лице что-то необычное. Странное. Глаза с тяжелыми веками казались темно-желтыми, а когда в них отражался свет электрических ламп, в глубине зрачков вспыхивали яркие огоньки. Густые черные брови сходились у переносицы, чуть широковатый нос, великолепная грива стального оттенка. На запястье байкера чернела татуировка — оскаленная морда волка. И, ко всему прочему, на широченные плечи была небрежно накинута черная кожаная куртка с массой цепей и заклепок. А еще от него исходило яркое чувство полной свободы и вседозволенности. Невозможно было понять, что он сделает в следующее мгновение — шарахнет об стол здоровенной кружкой, которую держит в руке, или обратится с галантным комплиментом к своей белокурой соседке.

Парень на пристальный взгляд Вивиана ответил усмешкой, продемонстрировав клыки длиннее и острее, чем у остальных.

— Ребята, — сказала Нола торжественно, — это Вивиан. Кадаверциан.

«Ребята» проявили явную заинтересованность.

— Ух ты! — изумилась современная красавица. — Кадаверциан. Я думала, они все уже вымерли.

— Не больше, чем ты, крошка, — отозвался байкер и махнул рукой. — Садитесь. Вьесчи, дай ему стул.

Тот улыбнулся равнодушно и выдвинул из-под стола еще один табурет. Вивиан сел, а Нола немедленно устроилась на его коленях.

— Вив, знакомься. Это Патриция и Эридана. Пат — блондинка, Эри — брюнетка, Даханавар и Фэриартос. Наш меценат и филантроп — Виктор. Естественно, Вьесчи.

— Для кого естественно? — пробормотал «филантроп», но на него не обратили внимания.

— А это Ярослав.

Байкер, сидящий во главе стола, поднял кружку и произнес хриловатым низким голосом:

— Похоже, Нола, твой парень в затруднении. Грэйганн — приятель, слышал о таких?

Вивиан чуть не рассмеялся вслух. Грэйганн! Конечно! Этим объясняется диковатость его образа, мерцающие глаза, острые клыки хищника — «нецивилизованного» хищника, в отличие от Даханавар, Фэри и Вьесчи.

— Да. Я много слышал о вас.

— И что же? — с искренним любопытством спросил тот.

— Вы умеете превращаться в волков и предпочитаете жить подальше от города.

— Не много, — усмехнулся он. — Это все равно как если бы я сказал, что кадаверциан обожают мертвецов.

Вивиан не успел решить, намеренное это оскорбление или естественная манера общаться, как вдруг Патриция-Офелия взмахнула длинными ресницами и спросила певучим «даханаварским» голосом:

— Да, правда, Вив. О кадаверциан плетут столько ерунды, противно слушать. Впрочем, так же, как и о Даханавар, да и о Фэриартос тоже...

— Что же говорят о Фэриартос? — подозрительно осведомилась Эри.

— Ну, например, что вы постоянно заискиваете перед состоятельными Вьесчи и полностью попали под их влияние.

Виктор наклонил голову, скрывая улыбку, Нола тихонько захихикала, а Эридана вспыхнула.

— Какая чушь! И кто только распускает такие гнусные сплетни?!

— Не знаю, дорогая. Все говорят.

— И ты в числе первых болтаешь об этом!

Ярослав стукнул кружкой об стол.

— Хватит!

Девушки замолчали. Эри закусила губы от злости, а Патриция снова погрузилась в возвышенную задумчивость.

— Поэтому мы, вриколакос, предпочитаем держаться подальше от наших мнимых братцев и сестер, — сказал грейганн. — Вечные склоки, грызня и куча дурацких правил, которые нарушаются направо и налево.

Нола рассмеялась, поворачиваясь к нему. Во время короткой стычки между прекрасными представительницами двух кланов она вела себя довольно резво: перегнувшись через стол, тихонько пошептала о чем-то с вьесчи, крутилась на коленях Вивиана и одновременно переглядывалась со своими многочисленными знакомыми в баре.

— Вив, а скажи, ты действительно умеешь оживлять умерших?

— Нет. — Признаваться в этом не хотелось, но солгать он считал ниже своего достоинства. — Я умею пока совсем мало. Так, бытовая магия.

— А... — разочарованно протянула девушка. — Отвести глаза, привлечь жертву?..

Она наморщила хорошенький носик, и Вивиан пожалел, что так быстро раскрыл свою несостоятельность. Но долго сокрушаться по этому поводу не пришлось. Нола вдруг радостно завопила и, перегнувшись через него, звучно расцеловалась с очередным знакомым, подошедшим к столу. Пока тот пожимал руку грейганну и любезно улыбался девушкам, она зашептала кадаверциану на ухо:

— Здорово, что он пришел! Теперь будет по-настоящему весело! Знаешь, кто это? Один из асиман.

Вивиан замер, разом перестав чувствовать приятную тяжесть Нолы на своих коленях. Асиман! Что скажет Кристоф, если узнает, что ученик сидел за одним столом с его врагом? Темная сила, спящая в душе, которая шевельнулась при виде Фелиции, и теперь недовольно заворчала. Не громко, так, предупреждая о своем недовольстве.

Нола почувствовала его напряжение и снова наклонилась к его уху.

— Ты что?

— Как ты можешь говорить с ним?!

— А в чем дело? Он милый парень.

— Но он Асиман!

— Ах, вот в чем проблема!

Она рассмеялась.

— Какая разница — Асиман, Даханавар или Вьесчи? Мы все здесь второго-третьего года обучения, мы еще не слишком изменены царственной кровью наших предков. А Алек вообще не прошел обряд посвящения, и с ним можно очень нормально общаться.

— Что за обряд?

Нола округлила и без того огромные глаза.

— Ты не знаешь?! Ну да, ты же еще совсем птенец! На определенной ступени обучения все молодые асиманы проходят магический ритуал посвящения. Ну, как бы присягают в верности своему клану. Приносят человеческую жертву и проходят испытание огнем. Зрелище жуткое, я сама не видела, но мне рассказывали... Просто ужас. Так вот, после этого посвящения они очень сильно меняются. Что-то у них поворачивается в голове, и они начинают верить во всякий бред, типа того, что они — самые могущественные, достойные и великие.

— Понятно. — Вивиан по-новому, почти сочувственно, посмотрел на молодого асимана, во всю заигрывающего с очаровательной Эри. Он казался вполне нормальным, обычным. Не хуже и не лучше любого из компании. И кадаверциану стало жаль, что через некоторое время «что-то» обязательно «повернется у него в голове» и этот парень превратится в жестокого, высокомерного хищника-эгоиста.

— Обидно, правда? — спросила Нола, как будто прочитав его мысли, и крикнула асиману: — Эй, Алек, ты принес?

Тот усмехнулся в ответ и похлопал себя по боку куртки:

— Конечно, как всегда.

— Тогда чего ждешь?! — воскликнул грейганн, протягивая кружку. — Наливай!

Асиман полез в карман и вытащил плоскую фляжку, украшенную неизменными короной и скипетром клана «знающих». Нола захохотала и, чтобы не упасть, схватила Вивиана за шею.

— Слушай, Алек, вы что, на всем ставите это свое дурацкое клеймо?! Оно вышито и на твоих носках?

— Конечно, — невозмутимо отозвался тот, разливая по

стаканам содержимое фляжки. — И не только там. Хочешь посмотреть?

— Нет, спасибо. — Нола улыбалась. — Эри покажешь. Ей это будет очень интересно.

Эридана собралась ответить что-нибудь достойно едкое, но асиман опередил ее:

— Ладно, хватит соревноваться в остроумии. Все равно проигравших не будет. — Он заткнул пробкой флягу. — Давайте быстрее, пока не остыло.

Все разобрали бокалы, и перед Вивианом Нола тоже поставила высокий стакан, до половины наполненный густой красной жидкостью.

— Что это? — спросил он тихо, чтобы не услышали другие.

— Не бойся, пей. Потрясающая штука. Салют! — Стекланные стенки издали мелодичный звон.

— Салют. — Кадаверциан решил держаться правила, принятого в начале вечера, — оттягиваться по полной программе.

Конечно же, в клейменной фляжке асимана была кровь. Но с очень странным привкусом. Вивиан вдруг почувствовал покалывание в затылке, зал поплыл и закружился, на глаза опустилась легкая пелена. А потом стало хорошо. В груди потеплело, искры безудержного веселья заплясали по всему телу, заботы, проблемы и опасения растаяли во всевозрастающем восторге. Компания за столом стала казаться совершенно замечательной: грейганн — славным и добрым малым, вьесчи — душой общества, асиман — своим парнем, а Нола — самой соблазнительной девушкой на свете.

— Ну как? — прошептала она, прижимаясь крепче и обдавая Вивиана волнующим запахом терпких духов.

— Потрясающе. — Он вдруг обнаружил, что под экстравагантным одеянием Нола скрываются более чем приятные формы.

— Алек мастер готовить такие штуки. Эта называется «Эликсир жизни».

Название подходило как нельзя лучше. После «эликсира» хотелось сворачивать горы и перелетать через самые высокие деревья.

— Еще есть «Эликсир смерти», но от него страшно глючит, а на следующий день хочется удавиться.

Вивиан рассмеялся, прижимая к себе девушку:

— А как насчет «Эликсира любви»?

— Это ты осведомись у Эриданы. Она — специалист в делах любви.

Заглянув в близкие темные глаза Нолы, светящиеся безмерным лукавством, Вивиан спросил:

— А ты?

— Я? Я обычная скромная даханаварская девушка без особых талантов.

— Это неправда. Ты...

Тут у Вивиана впервые в жизни отказало воображение, и он не нашел ничего лучшего, чем поцеловать ее. У Нолы оказались горячие, послушные и умелые губы, они затягивали в поцелуй, как в омут, оторваться от них было невозможно. Через несколько минут «скромная даханаварская девушка» сама отстранилась и заулыбалась довольно.

— Ты тоже ничего, кадаверциан. Давай выпьем по второй.

Они еще выпили, потом потанцевали...

Когда Вивиан с Нолой вернулись с танцпола, компания за столом недвусмысленно разбилась на пары. Эри млела в объятиях асимана, Офелия-Пат прислонилась к мощному плечу грейганна и с полузакрытыми глазами слушала его военно-романтические воспоминания. Из угла периодически доносилось что-то типа... «полная луна... длинные тени, крадущаяся походка... белые ночные цветы» и «вцепиться в глотку». Вьесчи уныло сидел над стаканом с «эликсиром», погруженный в свои мысли.

Потом молодежь выпила по третьей, и Вивиан неожиданно понял, что курточка Нолы умеет очень удачно распахиваться и под ней нет ничего, кроме тоненькой золотой цепочки с маленькой даханаварской стрелочкой.

После четвертой Вивиан встал и, стараясь глядеть только прямо перед собой, отправился в туалет, где засунул голову под кран с холодной водой. Сознание сразу прояснилось, и он увидел асимана, который освежался над соседней раковиной. Тот заметил, что за ним наблюдают, и рассмеялся.

— Ну? Мое зелье хорошо ставит на место мозги?

Пришлось признаться:

— Еще как.

— У меня есть и кое-что получше.

— «Эликсир смерти»? — осведомился кадаверциан с видом знатока.

Асиман усмехнулся.

— «Эликсир смерти» — пошло для дураков, обделенных фантазией.

Он полез в один из карманов своей многофункциональной куртки и вытащил маленькую зеленую бутылочку с красной пробкой и два крошечных, чуть больше наперстка, железных стаканчика.

— Это называется «Огненный вихрь».

Асиман наполнил «наперстки» и протянул один Вивиану.

— Давай за знакомство.

Вивиан взял стопку и одним глотком выпил ее. Жидкость огненным шаром взорвалась в желудке и прокипела по всему телу. Когда во рту погас пожар, заговорить удалось с трудом:

— Как вы... это делаете?!

Довольный Алек бережно закрыл бутылочку пробкой.

— Классное зелье, да? Мой рецепт. Я, между прочим, неплохой химик... Нам первое время все равно нечем заняться, к Высшей магии не допускают, к старшим не подойди — обольют презрением. Вот и развлекаемся — придумываем рецепты выпивки и кадрим фэриартосских дамочек. Пошли, что ли, в баре зависнем.

Они сели на высокие табуреты у стойки, и асиман снова разлил по стопочкам огненную жидкость. Вторая рюмка «вихря» пошла у Вивиана легче, без прежней жгучей дрожи, только убрала муть из глаз и обострила чувства.

— Алек, слушай, Нола говорила о каком-то посвящении, которое вы проходите.

Асиман равнодушно повел плечом:

— А, Нола, даханаварская крошка... Да, проходим. Старшим родственничкам мало того, что мы загибаемся при обращении, нужно дополнить эффект. Помнишь ощущение после первой рюмки «вихря»? Так вот, мне придется испытать нечто похожее, только в сотню раз более жгучее. Счита-

ется, что даже после превращения в нас остается слишком много от прежней жизни, поэтому все человеческое выжигается Огнем. Потом я стану обычным асиманским выродком и вряд ли вспомню, что пил когда-то с тобой в этом баре.

— И ты говоришь об этом так спокойно? — Вивиан бесцельно смотрел в пустую рюмку.

— А чего дергаться? Это неизбежно. Лучше повеселиться напоследок как следует... Ты тоже, кстати, не можешь похвастаться выбором клана. Я слышал много странного про кадаверциан.

— Да, может быть, — отозвался Вивиан неопределенно. — Но нас никто не будет жечь, и учитель у меня хороший.

— А кто у тебя? — с искренним любопытством поинтересовался асиман.

— Его зовут Кристоф.

— О! — Во взгляде Алека появилось уважение. — Слышал о таком. Сильный колдун... Говорят, он нас ненавидит. Чем-то асиманы так насолили ему в прошлом, что он до сих пор не может успокоиться.

Вивиан промолчал. Активная неприязнь Кристофа к «огненному» клану была ему известна, но за что именно он их не любил, не мог сказать никто. Действительно, дела давно минувших веков, современной молодежи непонятные.

— Ладно, — сказал асиман. — Пойдем к ребятам, а то этот сиволапый болван грейганн отобьет у меня Эри.

— Ты не любишь Вриколакосов?

— А за что их любить? Нецивилизованные, хамоватые, примитивные животные и ничего больше. Другое дело Фэриартос. Умницы, красавицы и всегда знают, кто заказывает музыку. Вот уж кто понимает, на чьей стороне сила. Заметил, как наша богема постоянно вьется вокруг Вьесчи? У ребят есть деньги, а творческой элите нужны меценаты и почитатели. Поэтому они отлично спелись. Так что, если увидишь где-нибудь Вьесчи, не сомневайся — поблизости крутится Фэри...

— Послушай... — Вивиан решил задать вопрос, который давно его мучил. — Почему все так носятся с красотой фэри? Я считаю, что девушки-даханавар ничуть не хуже.

Алек указал в зал:

— Смотри. Вот Патриция и Эридана, кто из них тебе больше нравится?

Кадаверциан повернулся.

Эри Фэриартос достала пудреницу и подкрашивала губы, Патриция Даханавар чему-то улыбалась, рассматривая вино в рюмке.

— Так какая?

— Пат, — признался он честно. — Сам не знаю почему.

— А я тебе объясню. Эри более эффектна, ухоженна и вообще... а в Патриции есть что-то таинственное.

— Офелия, — пробормотал Вивиан, заражаясь романтическим настроением.

— Вот-вот, — подхватил он, — Офелия. И все же я останавливаю свой выбор на хорошенькой Эри.

— Но почему?

— Потому что все даханаварские дамы слишком много внимания уделяют межклановым отношениям. А я предпочитаю в постели болтать о милой чепухе, а не о политике. И потом они очень коварны.

— Я так не думаю. Нола...

— Нола уже успела навешать тебе лапши на уши, которые ты развесил, как дурак. Дружок, их с момента обращения учат повелевать, подчинять и властвовать...

Вивиан снова оглянулся на Патрицию. Она почувствовала его взгляд и подняла глаза. Спокойно, без улыбки, думая о чем-то своем. И от этого ее спокойствия в душе у Вивиана осталось странное смятение, снова вспомнилась Флора, совершенно другая — яркая, импульсивная, страстная и точно такая же загадочная.

— Я не могу понять ни одну из них, — сказал он задумчиво.

— А тебе и не нужно их понимать, — ответил асиман. — Просто наслаждайся.

— О чем это вы? — Сзади неожиданно возникла Нола. — Прелестная парочка, просто залюбуешься — Асиман и Кадаверциан. Болтают как лучшие друзья!

Она обняла Вивиана и через плечо заглянула в его рюмку.

— Что это вы тут пьете? Боже, какая дрянь! Вив, тебе уже хватит. Пошли, ребята собираются свалить в еще одно место.

Асиман многозначительно усмехнулся:

— Подчинять и властвовать, дружок! Не забывай об этом.

Он спрятал в карман фляжку и поднялся.

— Ладно, пошли. Ночь продолжается.

Земля под ногами Вивиана мягко покачивалась, в голове звенело, и голоса окружающих казались то слишком громкими, то понижались до едва слышного шепота.

— Хорош, нечего сказать, — Нола взяла его под руку. — Наасиманился.

— Нет, все нормально. Просто немного жарко.

Они вышли на улицу. Грейганн уже сидел на мотоцикле. Здоровый, похожий на черного буйвола «Харлей» глухо рокотал и периодически взрывал, сотрясаясь хромированным телом, но Ярослав крепко держал его за круто загнутые рога и не давал сорваться с места. За его спиной сидела Патриция, ее белокурые волосы выбивались из-под шлема, подол длинного тонкого платья трепетал на ветру. Грейганн говорил что-то скептически улыбающемуся вьесчи. Эри повисла на руке у асимана, тот рассеянно слушал ее болтовню и поглядывал по сторонам.

— Эй, народ! — сказала Нола. — Всем пока. Мы с вами не едем. У нас другие планы. Пат, увидимся завтра. Смотри не заблудись в лесных кущах и берегись волков.

Та в ответ подняла тонкую руку и послала остающимся что-то типа воздушного поцелуя из-под глухого шлема. Грейганн кивнул Вивиану, обменялся рукопожатием с асиманом и отпустил «Харлей». Мотоцикл трубно заревел, сверкнул красными глазами-фарами и рванул в сторону проспекта.

Асиман подбросил на ладони ключи от машины и вложил их в ладонь Эри.

— Ты поведешь, крошка. Вивиан, надеюсь, мы еще встретимся до моего преобразования. Нола, удачной охоты.

Фэри улыбнулась и опустила длинные ресницы. Асиман обнял ее за талию — и вторая странная парочка удалилась.

Вьесчи незаметно исчез еще раньше. Нола посмотрела на Вивиана и взяла его за руку.

— Пойдем. Я живу рядом.

...Домой Вивиан вернулся только на следующую ночь, ближе к утру. И, конечно же, натолкнулся на Кристофа.

Он ожидал, что не избежит хорошей взбучки или в крайнем случае долгих объяснений. Но наставник был в отличном настроении. По всему было видно, что он тоже неплохо провел время.

Кристоф осмотрел ученика с головы до ног смеющимися зелеными глазами и поставил диагноз:

— «Эликсир жизни», «Огненный вихрь» и даханаварская девушка. Есть что сказать в свое оправдание?

В свое оправдание говорить было нечего. Вивиан опустил глаза, в очередной раз думая, когда же перестанет робеть перед учителем, словно тот действительно способен наказать. «И в чем, интересно, состоит обвинение? В легкомысленном поведении? В побеге с бала с отягчающими последствиями? И, черт возьми, он ведь снова читает мои мысли...»

Кристоф улыбнулся довольно-таки ехидно, снова окинул ученика взглядом, развернулся и удалился, насвистывая.

«Интересно, а чем он сам занимался все это время? — спросил себя неофит. — Нет, я не хочу лезть в личную жизнь наставника, просто... забавно, что у могущественного Кристофа вообще может быть личная жизнь».

И Вивиан направился к себе в комнату, повторяя мотив той же самой песенки, которую в хорошем настроении напевал учитель.

Не то чтобы Алек Асиман боялся, но испытывал некую внутреннюю дрожь, ознобом пробегавшую по спине, хотя одиннадцать месяцев в клане благородных Асиман кого угодно сделают невосприимчивым к страху. Развлечения старших «товарищей» весьма способствуют утрате последних человеческих слабостей. Один «Огненный Молот» чего сто-

ит. К колесу, подвешенному на цепи в одном из нижних бункеров, привязываются двое людей или кто-нибудь из молодых киндрэт. Цепь раскручивают, колесо поджигают, и оно раскачивается, словно гигантский огненный маятник. На каменные стены подземелья падают красные отсветы огня и жуткие черные тени. Жертвы вопят от боли и ужаса. Зрители наслаждаются зрелищем идеального человека Леонардо да Винчи, объятого пламенем, и делают ставки, кто из пленников продержится дольше. Очень готично. Кто, увидев такое, может сказать, что асимамам чужда эстетика?!

Сам Алек, увидев «Молот» впервые и ощутив вонь обугленной плоти, почувствовал, как его выворачивает наизнанку, и выбежал вон, решив, что больше никогда и ни за что не примет участия в подобных забавах. Но кто станет интересоваться мнением младшего чайлда? Или будь, как все, или Якоб найдет тебе более подходящее употребление. Материалов для опытов всегда не хватало.

Впрочем, Алеку повезло, даже за крупную провинность его не положат под скальпель бездумно. Талантливые химики всегда ценились в клане, а молодой асиман без ложной скромности признавал, что талантлив очень. Чрезвычайно. Пожалуй, близок к гениальности. И если учитывать его последние разработки (пусть пока теоретические), то еще пара лет — и он займет место рядом с Амиром, наравне с Якобом и Эрнесто.

На минуту отвлекшись от честолюбивых планов, Алек сунул руку в карман, нащупывая маленький цилиндрический пузырек. Огляделся по сторонам. Ну где же она?! Уже почти час. А должна была прийти в половине...

Он стоял под аркой одного из домов в тихом дворике. За поворотом шумел оживленный Цветной бульвар, но здесь было безлюдно и темно. Гигантские тополя глухо шелестели листьями в порывах ночного ветра и оглушающе пахли смолистой зеленью после недавнего дождя. Тучи уже уползли на запад, и теперь над головой синело глубокое летнее небо.

Асиман стиснул пузырек крепче и подумал, что, если даханавар не появится через десять минут, он уйдет. Эта мысль вызвала облегчение и досаду одновременно. Но прошло десять минут, потом еще три раза по десять, а он оста-

вался стоять на прежнем месте. И наконец уже на исходе следующего часа услышал шелест шин по асфальту.

Из темноты переулка к дому с аркой медленно приближался «Рено» с выключенными фарами. Водителя за тонированными стеклами было не разглядеть. Стихло мерное урчание мотора, хлопнула дверца, и спустя мгновение по дорожке зацокали каблучки. Чайлд отошел от стены и встал так, чтобы его было видно с дороги, хотя в этом не было особой необходимости — его уже должны были почувствовать.

Девушка быстро шла по темному переулку. Разрез на длинной узкой юбке расходился почти до бедер, открывая великолепные ноги. Блестящая пряжка на широком поясе, казалось, насмешливо подмигивала в темноте. Алек видел, как при каждом шаге под тонким свитерком вольно покачиваются полушария груди, не стесненной нижним бельем, и вдруг понял, что ладонь, все еще сжимающая пузырек, повлажнела. У него никогда не было проблем с женщинами. Хорошенькие фэри обычно гроздьями вешались на экстравагантно-загадочного асимана, и он получал в их обществе все, что хотел, но сейчас почему-то ощутил себя тринадцатилетним сопляком, впервые увидевшим коллекцию «Плейбоя». Он продолжал пялиться на грудь идущей к нему стремительной и одновременно плавной походкой — словно это было последним, что видит в своей жизни.

Леди приблизилась, остановилась, ладонью вверх протянула руку, затянутую в тонкую перчатку. Молодой асиман поспешно достал пузырек, глядя в ее глаза. Они были топазовыми, в тон серьгам, поблескивающим в маленьких розовых мочках. И пахло от нее терпким, чуть горьковатым, сушащим горло ароматом. Она слегка шевельнула пальцами вытянутой руки, глядя требовательно и насмешливо. Алек почти готов был положить склянку в ее ладонь, но в последнюю секунду сжал флакон в кулаке.

— Леди Даханавар, — произнес он, слыша в голосе несвойственную легкую дрожь, — я не могу отдать это вам просто так. Без... оплаты.

Она вдруг рассмеялась, коснулась кончиками пальцев впадинки на своем белом горле, и ее изумительные глаза за-

блестели почти так же ярко, как и холодные драгоценные камни.

— Ты хочешь платы? Чтобы я заплатила тебе? Сейчас? Здесь?

После каждого вопроса она делала шаг вперед, и асиман, чувствуя непонятную одуряющую робость, отступал перед ней, пока не уперся спиной в стену. Ни о чем таком он не думал, пока не увидел, как грудь Флоры нагло вытанцовывает под тонким свитером, и все его мысли тут же устремились в одном-единственном направлении.

— И как ты хочешь, чтобы я тебе заплатила?

Ее плечо прижалось к его плечу, маленькая рука крепко взяла за подбородок, а взгляд смеющихся голубых глаз, казалось, читал все буйные нескромные фантазии, вспыхивающие в его воображении без участия разума.

Флора снова рассмеялась, ее пальцы, затянутые в шелковую ткань перчатки, скользнули по его щеке, прикоснулись к уголку губ, слегка оттягивая его, чтобы открыть клыки.

— Я тебе не по зубам, мальчик, — прошептала она. — Хотя они, как я вижу, очень острые.

Алек чувствовал, как колотится его сердце и на лбу выступает испарина. Безумно хотелось, чтобы она не отнимала руки от его лица, но в то же время асиманская гордость вопила от возмущения и осознания того, что над ним нагло смеются. Он сам не заметил, как флакончик оказался в руке Флоры и не понял, когда отдал его.

— Спасибо, — шепнула Даханавар ему на ухо, обдав горячим дыханием и ароматом головокружительных духов. Отступила на шаг.

— Этот состав... без цвета и запаха. Его нужно добавить в кровь, если подопытный — киндрэт или в любое питье — если человек, — пробормотал он, пытаясь отдышаться.

— Действует быстро? — Она провела рукой по блестящим пышным волосам, с улыбкой рассматривая флакон.

— Да. Конечно. Почти мгновенно.

Ее нежное лицо стало вдруг жестким и решительным. Такое выражение появлялось на физиономии Якова во время самых жестоких экспериментов. Возбужденная одурь вдруг мгновенно выветрилась из головы асимана, и ему ста-

ло слегка не по себе, когда он понял, что перед ним не просто сексуальная красавица, а одна из трех Старейшин клана Леди.

— На представителей всех кланов?

— Да.

— Срок действия?

— Три часа.

— Отлично. — Она крепко сжала флакон, взглянула на Алека, а потом вдруг снова мягко улыбнулась. Еще раз погладила его по щеке, развернулась и пошла прочь, плавно покачивая бедрами.

Асиман смотрел ей вслед, но почему-то с каждым шагом стройный силуэт Флоры все сильнее расплывался у него перед глазами. А потом и вовсе исчез, забрав вместе с собой все воспоминания прошедшего часа.

Он стоял, тупо глядя в пустоту, и не мог понять, что забыл в этой подворотне. Не мог вспомнить, зачем пришел сюда. Вроде хотел встретиться с кем-то? Но с кем? И почему именно здесь?

За спиной послышались торопливые шаги, и под арку вошел Кайл — один из старших учеников Эрнесто. На его смазливой смуглой физиономии читалось жадное любопытство.

— Ну? — нетерпеливо спросил он, хватая Алека за отворот куртки. — Она приходила? Ты отдал?

— Кто? — озадаченно спросил тот, машинально пытаясь сбросить с себя его руку.

— Хватит дурака валять! — рявкнул тот. — Что она тебе сказала?

— Да кто «она»?!

Кайл грозно засопел.

— У тебя что, проблемы с мозгами? — Он встряхнул младшего брата, а потом вдруг замер с открытым ртом и уставился на него с безмерным удивлением. Крепко схватил его за шею и заставил смотреть себе в глаза. — А ну иди сюда. Гляди на меня! Гляди, говорю!

Несколько долгих неприятных минут он внимательно читал воспоминания молодого асиманского химика, а потом с тихим смешком оттолкнул его от себя и произнес с чувством:

— Вот стерва даханаварская! Да она стерла у тебя из башки все воспоминания про себя и про ваш разговор. Говорил я магистру, надо было послать кого-нибудь покрепче. Ни одной улики не осталось. Вообще зацепиться не за что. Вычистила в ноль.

— Я не понимаю... — пробормотал обалдевший Алек. — Что произошло?

Кайл отмахнулся от него.

— Ничего. Кроме того, что Даханавар обвела тебя вокруг пальца. Ладно, мы свое тоже скоро получим. Идем.

Услышав телефонный звонок, Вивиан бросился снимать трубку.

— Привет, кадаверциан!

Так и есть! Бархатное, чуть приглушенное контральто, от которого у него бежала сладкая дрожь по позвоночнику.

— Привет, Нола.

— Чем занимаешься?

— «Овладением».

— Хм... и как, успешно?

— Да не очень...

— И кем овладел?

— Одним... родственником.

— Печально. Я могу предложить лучшую кандидатуру.

— Согласен. Когда и где?

Нола засмеялась совершенно обворожительно. «Честное слово, по-моему, даханаварских девушек специально учат искусству обольщения», — подумал Вивиан.

— Какой ты быстрый. А учитель тебя отпустит?

Язвить она тоже умела.

— Я не собираюсь спрашивать разрешения.

— Ну хорошо. Встретимся через час у того же клуба.

— Договорились. Через час.

— Не опаздывай.

Она повесила трубку, и Вивиан бросился переодеваться.

Ладно, все это очень мило и замечательно — «копи силу», «сдерживайся», «выбирай жертву». Но о личной жизни тоже не стоит забывать.

Он посмотрел на себя в зеркало и остался доволен почти

всем, что там увидел. Вот только средство передвижения... Не тащиться же на свидание пешком. Вивиан понял, что пойти к Кристофу сегодня все же придется.

Учитель был в библиотеке. Он сидел за столом, развернув перед собой широкий лист бумаги, и что-то сосредоточенно чертил. На полу возле его ног возвышалась стопка книг по астрономии и астрологии, с соседнего кресла свешивалась карта звездного неба. Интересно, чем он так занят? Мешать кадаверциану, конечно, не стоило. Вивиан видел однажды, как Сэм нарвался на откровенную грубость, не вовремя сунувшись с вопросом. Но рискнуть во имя любви стоило.

— Кристоф, извини, я...

— Что?! — резко спросил тот, на миг поднимая взгляд от чертежа. — Чего тебе?

Подавив некоторую робость в душе, ученик продолжил:

— Можно я возьму в гараже...

Договорить не удалось.

— Бери.

— А...

— Бери любую и отстань от меня!

— Большое спасибо, — пробормотал Вивиан, благодарно закрывая дверь. «Вот и прекрасно, — решил он. — Значит, мы оба избавлены от необходимости вдаваться в подробности моих планов на этот вечер. Мне не нужно оправдываться, ему — выслушивать объяснения». Что-то подсказывало ученику, что Кристоф не будет в восторге от стремительного романа с очаровательной даханаварской Леди.

Из всех машин, стоящих в гараже, он выбрал огненно-красный «Форд» породы «Мустанг» с открытым верхом. И не ошибся.

Нола уже ждала у входа в клуб. Сегодня она была в мини. Вивиан не сдержался и несколько минут просто разглядывал ее, притормозив у обочины. Очень короткая юбка из черной лакированной кожи, полусапожки на высоченных каблуках и курточка из лохматого, пушистого, явно не существующего в природе существа. Черные волосы юной даханавар были взбиты в крупные кудри и блестели в тщательно уложенном беспорядке. Губы накрашены алой помадой.

Женщина-вамп! От подобного великолепия дух захватывало не только у Вивиана, он заметил, что проходящие мимо парни с жадностью скользят взглядами по длинным стройным ногам. Кадаверциан усмехнулся — наивные даже не подозревали, что эта красотка может с легкостью переломить пополам любого из них.

Нола напряженно высматривала кого-то в толпе прохожих и, похоже, начинала нервничать. Громкий гудок «Мустанга» заставил ее вздрогнуть. Она еще раз стрельнула глазами по улице и наконец заметила Вивиана за рулем роскошной, вызывающе красной машины.

Тонкие каблучки быстро простучали по асфальту, когда она подбежала. На прелестном лице восторг смешался с недоумением.

— Вив! С ума сойти!

Он улыбнулся. Не вылезая из машины, перегнулся через сиденье и открыл дверцу.

— Привет.

— Привет, дорогой!

Она впорхнула, устроилась в удобном кресле (и без того короткая юбочка поползла вверх, еще больше обнажая ноги) и зажмурилась от удовольствия.

— Кайф! Где ты отхватил такое авто?!

— Досталось по наследству.

Тихо пофыркивая, «Мустанг» тронулся с места.

— Куда едем?

Нола помотала головой с тугими колечками кудрей.

— Давай покатаемся.

Вивиан до отказа вдавил в пол педаль газа, и послушная машина рванулась вперед. Нола откинулась на спинку и рассмеялась.

— Как можно быстрее!

Свет реклам и фонарей слился в длинные полосы разноцветного огня по обеим сторонам дороги. Шелестящее асфальтовое покрытие разматывалось под колесами машины с бешеной скоростью. «Мустанг» неся, рассекая ночной воздух, и ветер, со свистом омывающий его алые бока, бушевал за капотом.

— Быстрее, — шептала Нола. — Еще быстрее можешь?

Каждый из них понимал, что любая неровность дороги, бугор или яма — и они улетят ко всем чертям. Но какое наслаждение — чувствовать в этой бешеной скорости, как колотится от восторга сердце.

С шумом и свистом ветра они вылетели на Кутузовский. Несколько автомобилей испуганно шарахнулись в сторону от огненно-красного «психа» и долго недовольно гудели вслед. Потом над ними проплыла черная громада арки. Потом «Мустанг» заложил крутой вираж вокруг обелиска, белой стрелой уходящего в низкое ночное небо. И спустя несколько минут выехал на набережную. Тут Вивиан слегка притормозил, и машина заскользила над черной водой медленно и бесшумно.

— Потрясающе, — сказала Нола с глубоким дрожащим вздохом. — Ты изумительно водишь.

Он покраснел бы от удовольствия, если бы не утратил эту возможность вместе с некоторыми другими человеческими способностями.

— Тебе понравилось?

— Еще бы...

Она потянулась к нему и поцеловала в щеку.

— Спасибо, Вив. А теперь мы можем поехать куда-нибудь в тихое место и... поговорить...

Однажды Флора Даханавар прогуливалась по парку в сопровождении господина Перро. Тогда знаменитый сказочник Шарль сделал вслух наблюдение, что если в руки прелестной маркизе попадет волшебное зеркальце, она не станет докучать ему нелепыми вопросами о том, которая из женщин при дворе самая прекрасная. Ее беспокоило бы другое — кто наделен большей властью.

И он был прав. Единственным, чего Флора хотела, о чем мечтала и чего добивалась, являлась власть. Ради нее Леди была готова на все. Заключать опасные союзы, рисковать, соблазнять и убивать. Даже мимолетное ощущение превосходства давало ей безграничное, безмерное наслаждение.

Ее машина неслась по Тверской. Ночная Столица переливалась разноцветными огнями, словно открытая коробка с драгоценностями. Казалось, стоит лишь протянуть руку,

чтобы черпать оттуда славу, роскошь, поклонение, горсти сверкающих комплиментов, лстивых улыбок в оправках из страха и бессильной зависти. Но пока ключик от заветной шкатулки в руках у Фелиции, и держит она его крепко. Но это только пока...

Время от времени Флора начинала тихо смеяться, вспоминая. Асиманский щенок был просто неподражаем. Жалкий, слабовольный, дрожащий от вожделения. Обмануть такого ничего не стоило. Не труднее, чем дергать за веревочки марионетку. Игра, которой она в совершенстве владела уже несколько веков. Дурачок-асиман подумал, что она пытается совратить его, а она всего лишь вновь убедилась в силе своей воли и умении подчинять. Ей все подчинялись. Практически все. Кроме одного. Но и его совсем скоро удастся уговорить...

Флакочик, тускло отсвечивающий темным стеклом, лежал на соседнем сиденье. Флора бросила на него мимолетный взгляд. Вот он — ее ключик к этому холодному великолепному городу, а потом и ко всему миру. Если она сумеет им правильно воспользоваться. Нет, Леди-даханавар не собиралась рисковать и использовать снадобье сразу. Сначала надо проверить действие на менее ценном объекте.

Она оставила машину на стоянке у дома. Набрала код и вошла в просторный светлый подъезд, заставленный цветами и увешанный зеркалами. Прошла мимо охраны, и молодой парень в форме, как всегда, вытянул шею, чтобы проводить ее взглядом до лифта.

В квартире было пусто. Эд еще не вернулся с очередного совещания, на котором пытался выбить из упрямых акционеров как можно больше денег, чтобы достойно содержать красивую и требовательную возлюбленную.

Флора вошла в спальню, с отвращением стянула с себя вульгарные тряпки, которые привели в бурный восторг щенка-асимана. Быстро приняла душ и надела нечто более элегантное. Надушилась любимыми духами Кристофа.

Потом подошла к телефону, но не успела снять трубку, как щелкнул замок входной двери. И спустя минуту появилась Эд. «Пожалуй, ему подошло бы стать вьесчи», — мельком подумала Леди, рассматривая своего постоянного донора.

Он был одет в отлично сшитый деловой костюм, на лице застыло привычное сосредоточенно-строгое выражение банковского работника высшего звена.

— Добрый вечер, дорогой, — нежно проворковала она.

Он улыбнулся в ответ, но, разглядев ее вечерний наряд, нахмурился:

— Ты уходишь или только что пришла?

— Только что пришла и уйду. — Она прошла мимо него, мимоходом погладив по щеке.

— А можно узнать — куда? — Человек направился следом, и Флора спиной чувствовала его пока еще сдержанную досаду.

— Ты их не знаешь, — отозвалась она, вынула из бара бутылку мартини, налила в бокал и, ничуть не стесняясь присутствия Эда, капнула немного асиманского эликсира. Повернулась к мужчине, требовательно посмотрела ему в глаза и «попросила»:

— Выпей это.

В его взгляде мелькнуло нечто похожее на удивление, но, подчиняясь ее даханаварской воле, он послушно взял бокал.

Несколько мгновений Флора внимательно наблюдала. Бледное лицо Эда покраснело, дыхание стало чаще. Он растянул узел галстука, словно тот душил его, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Нетвердой походкой подошел к дивану.

— Что с тобой? — Она присела рядом, рассматривая его с любопытством, которое человек принимал за искреннее беспокойство.

Эд привалился к кожаной спинке и произнес вялым, обморочным голосом:

— Тянет в сон. И хочется в конце концов надавать тебе пощечин, чтобы ты прекратила шляться по ночам.

Флора рассмеялась довольно.

— Прекрасно. Номер твоего счета?

Не сомневаясь ни секунды, Эд выдал набор цифр.

— Код сейфа?

Он покорно отвечал на вопросы, хотя в трезвой памяти обычно отказывался обсуждать количество денег на своих счетах и место, где прячет ключ от банковской ячейки. На-

ивный. Полагал, что она может потратить все его сбережения за один раз.

— Спасибо, Эди. Ты мне очень помог. — Флора поцеловала его в щеку и пошла в спальню, к телефону.

Сняла трубку, набрала выученный наизусть номер и стала ждать, рассеянно обводя взглядом комнату, обставленную дорогой мебелью. Все здесь было так, как хотела она. Бедняга Эд! В глубине души он ненавидел стиль «ампир» и не мог смириться с зеркалом на потолке, но терпел. Лишь бы Флора была довольна. Но теперь, если все получится, она сюда уже не вернется...

Трубку сняли после десятого гудка.

— Добрый вечер, Крис, — произнесла она негромко.

— Здравствуй, Флора. — В голосе кадаверциана ей слышалась улыбка. — Рад тебя слышать.

— Ты очень занят сейчас?

— Для тебя у меня всегда есть время.

— Сколько?

Он рассмеялся тихо и спросил:

— Чего ты хочешь?

Она выдержала короткую паузу и ответила:

— Тебя... — А потом добавила спустя мгновение: — Хочу тебя видеть. Помнишь тот клуб, где мы были в прошлом месяце?

— Да.

Ей показалось, что это ответ и на ее желание, и на вопрос.

— Я буду ждать тебя через полчаса. Приезжай, — прошептала она страстно и многообещающе. И положила трубку.

Конечно, он приехал. Флора нервно расхаживала по небольшому уютному кабинету, расположенному на втором этаже респектабельного ресторана. На столике стояли ваза с фруктами и два бокала «вина». В один Леди налила «Эликсир правды», приготовленный талантливым асиманским чайдом. Проследила, чтобы прозрачная жидкость до конца растворилась в крови, и выбросила пустой пузырек. Осталось надеяться, что зелье подействует. Иначе придется при-

думывать что-нибудь иное. А на это потребуется время и необходимость снова терпеть ненавистное ожидание!

За окном, выходящим во двор, горел круглый фонарь, похожий на луну, а его двойник-месяц, срезанный напополам, висел над деревьями в прохладном летнем небе. Было тихо, лишь с первого этажа время от времени долетали негромкие человеческие голоса и просачивались струйки ароматов женских духов и душистого трубочного табака.

Флора сама не замечала, как жадно вдыхает теплый человеческий запах. Она не была голодна, жажда, мучившая ее, была совсем иного рода. Многие киндрэт признавались, что страдают от пресыщенности жизнью и отсутствия желаний. Но в душе Флоры постоянно возникали десятки, сотни вожелдений, и она не успевала заткнуть все их жадные рты. Когда в минуту откровенности она призналась в этом Кристофу, он посмотрел на нее с понимающей улыбкой:

— Ты похожа на ребенка, которого привели в магазин и он хочет получить все игрушки сразу. А ему предлагают выбрать лишь одну... Ты живешь так, словно завтра уже не будет, и мысль о том, что ты не успеешь получить все сегодня, приводит тебя в ужас.

Он сказал правду. Он понимал ее, как никто другой. И лишь он один мог дать возможность насытиться наконец идолу алчности, пожирающему ее сердце. Мог... Но не хотел.

Флора отошла к окну, обхватила себя за плечи обеими руками, глядя на белый мраморный подоконник. Непонятное волнение одолевало ее все сильнее. «У меня все получится, — думала она, стараясь вернуть неожиданно утраченную уверенность. — Я все продумала. Ошибки быть не может. В крайнем случае придется отложить...»

— Что отложить? — прозвучал за спиной знакомый голос, и она, вздрогнув от неожиданности, обернулась.

Кристоф стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нее, чуть прищурившись. Флора даже приблизительно не представляла, сколько времени он уже находится здесь, наблюдая.

— Я начала разговаривать вслух сама с собой? — Ни еди-

ным жестом она не выдала своего волнения. Улыбнулась. Но кадаверциан продолжал пристально рассматривать ее. И Леди вновь с досадой почувствовала, что иногда магия ее очарования на него не действует.

— Ты начала думать очень громко. — Кристоф по-прежнему стоял у двери, не делая попыток подойти. — А на моей памяти это случалось дважды. Первый раз, когда ты натравила на меня Акселя Тхорнисха, чтобы проверить мой магический потенциал...

Флора нахмурилась, нетерпеливо постукивая носком туфельки по полу. Встреча началась не совсем так, как она рассчитывала.

— Ты, кажется, была с ним очень... дружна до тех пор, пока не поняла, что некоторые боевые заклинания кадаверциан мощнее, чем магия клана Нахтцеррет. А второй раз...

— Может быть, достаточно?! — воскликнула она резче, чем хотела. — Я пришла сюда не для того, чтобы вспоминать недоразумения прошлого.

— Недоразумения? — Он насмешливо поднял черные брови. — Вот как это называется.

И она снова с досадой подумала, что кадаверциан — не Эд, которого можно заставить делать все, что угодно, одним щелчком пальцев, не Дарэл и даже не Аксель Тхорнисх, ставший в конце концов вполне управляемым. Колдун был упрям не меньше, чем она, и не менее горд.

— Именно так! Это было давно. Тогда я еще не... — она запнулась.

— ...не сделала свой выбор, — закончил Кристоф, лукаво сверкая глазами. Он отошел наконец от двери, приблизился, взял ее руку, развернул и коснулся губами ладони. — И теперь я смело могу признать, что, кроме скучной практической выгоды от своей силы, я получил неожиданный великолепный подарок в виде твоего интереса к моей персоне.

Флора невольно усмехнулась, выслушав это высокопарное заявление.

— Ты невозможен. Ты же знаешь, мой интерес к тебе вызван не кадаверцианским могуществом.

— Быть не может... — Он завладел второй ее рукой, про-

долгая иронически улыбаться. — Неужели сейчас я буду очастливлен признанием?

Леди Даханавар поняла, что если бы она была человеком, то побелела бы от злости. Он играл с ней. Потешался. Как будто чувствовал, что сейчас она вынуждена мириться с его насмешками и заставлять себя сдерживаться, чтобы не ответить нахалу достойной едкой фразой. Сделав над собой усилие, Флора обворожительно улыбнулась и сказала тихо:

— Почему бы и нет? У тебя была возможность убедить-ся...

— О да. — Кристоф поцеловал по очереди ее руки и со смехом выпустил их. — Я убедился. Твое сердце действительно занято страстным влечением... к власти. И я преклоняюсь перед этим постоянством.

Теперь она рассердилась по-настоящему: «Каков мерзавец! Я открываю ему душу, признаюсь в своих чувствах, а этот хам имеет наглость смеяться! Да любой... валялся бы сейчас у меня в ногах и целовал руки, не веря своему счастью!» Естественно, вслух Флора этого не сказала, но искренне веселящийся кадаверциан прочитал все гневные упреки в ее бешено сверкающих глазах.

Продолжая улыбаться, он подошел к столу, провел ладонью над бокалами, снимая с них заклинание, не позволяющее крови остыть, и сердце Флоры замерло на мгновение. Она уже совсем было простилась с возможностью осуществить сегодня вторую часть сложного плана, но, похоже, снова появился шанс...

С равнодушно-высокомерным видом она подошла к столу, взяла бокал с «чистой» кровью и сказала безразлично:

— Не понимаю, что вообще заставляет меня находиться рядом с таким невежей, как ты!

— Да, сударыня, мое воспитание слегка хромает.

Он коснулся ее бокала своим и выпил кровь двумя длинными глотками.

На секунду Флора почувствовала острое сожаление оттого, что сейчас это красивое гордое лицо превратится в тупую бессмысленную маску, а вяло перекошенный рот будет послушно произносить ответы на вопросы. Но тут же усми-

рила глупое чувство, с жадным вниманием глядя в лицо кадаверциана.

Сначала ничего не происходило. Он спокойно поставил пустой фужер на стол. Потом вдруг медленно повернул к ней голову, ярко-зеленые глаза сузились.

— Флора, что было в бокале?

Она ощутила укол страха, но ответила спокойно:

— Кровь, первая группа. Как ты любишь.

Кристоф поднял руку, схватился за кружевной воротник рубахи.

— Я спрашиваю, что там было?! — Его голос вдруг стал сдавленным и угрожающим. Ладонь сжалась в кулак, засветившись зеленым.

Флора неожиданно почувствовала легкое замешательство, вдруг осознав до конца, что рядом не глупый влюбленный человеческий мальчишка и не одураченный ею недоросль-асиман, а кадаверциан, некромант, Мастер Смерти. Нет, в здравом уме он никогда бы не навредил ей, но сейчас ее невинная проделка могла закончиться совсем не так, как она рассчитывала.

— Я... не понимаю...

Кристоф с размаху сел на диван, его дыхание стало частым и затрудненным, а магический огонь в руках загорелся ярче.

— Флора... скажи сейчас, что ты... сделала?

— Ничего! — воскликнула Даханавар, невольно отступая назад. — Я ничего не делала!

Она была в панике: «Почему эликсир действует на него так медленно?! Почему он сопротивляется до сих пор?!»

Зеленое пламя внезапно исчезло из ладони кадаверциана. Колдун прислонился затылком к спинке дивана и закрыл глаза. Выждав несколько минут, Леди медленно приблизилась к нему, осторожно присела рядом и тихо спросила:

— Крис, ты меня слышишь?

— Слышу. — В его голосе не было ни дрожи, ни безволия. На мгновение Флора снова усомнилась в правильном действии зелья, но продолжила:

— Ты скажешь мне... то, что я хочу?

— Что ты хочешь? — Он посмотрел на нее. Глаза колду-

на не были мутными и покорными, лишь глубоко в зрачках клубился туман. Похоже, эликсир не подавил полностью его волю, лишь оглушил слегка. Значит, надо торопиться.

— «Темный Охотник», — сказала она тихо, но твердо. — Ты дашь мне его?

На мгновение спокойное лицо Кристофа напряглось, а под смуглой кожей вдруг четко проступили очертания его черепа, засветившегося зеленым. Это было жутко, но Флора не отвела взгляд, требовательно глядя на некроманта.

— Ты дашь мне его?

— Нет, — ответил он так, как всегда отвечал на ее просьбу получить высшее заклинание кадаверцианской магии.

— Почему?

— Он... убьет тебя, — произнес он после секундной паузы.

Сожаление от отказа переплелось с удовлетворением от неожиданного признания. Значит, он действительно боится за нее? Флора придвинулась, запустила пальцы в его густые черные волосы, прижалась щекой к щеке и зашептала страстно:

— Кристоф, пожалуйста. Мне нужен «Темный Охотник». Очень. Сейчас. Дай мне его. Ты не можешь отказать. Напиши... просто напиши формулу.

Она стремительно отстранилась, вытащила из сумочки блокнот, вложила ручку в его пальцы.

— Напиши. Только напиши.

Его рука дернулась, потянулась к листу, но замерла на подороги.

— Давай же. Пиши. Пожалуйста. Мне нужен «Темный Охотник»! Пиши.

Кристоф боролся с собой, и Флора не знала, что сильнее действует на него — зелье или ее настойчивый шепот, объятия, поцелуи.

— Пожалуйста... пожалуйста, — повторяла она без остановки. — Дай мне заклинание «Темного Охотника». Оно мне очень нужно.

Какая-то непонятная внутренняя боль искажала его лицо. Колдун пытался оттолкнуть ее, стряхнуть с себя нежные руки, настойчиво обнимающие за шею, но не мог. Флора чувствовала — еще немного, и он сломается.

— Я люблю тебя, — прошептала она наконец, уже почти поверив в то, что говорит, сама, — дай мне заклинание. Пожалуйста...

Кристоф снова медленно протянул руку к блокноту. Первая чернильная линия легла на лист бумаги. Леди прижалась к плечу колдуна, сжавшись внутренне, вложив все силы в одно-единственное страстное желание, готовая взглядом подталкивать ручку в его пальцах, лишь бы он не переставал чертить схему вызова.

— Дальше, — шептала она страстно, следя за появляющимися на бумаге древними рунами. — Пиши дальше. Да. Вот так. Хорошо. Не останавливайся.

Наконец он поставил точку и отбросил ручку.

Флора нетерпеливо схватила блокнот, прыгнула с дивана, еще раз жадно прочитала заклинание, чувствуя, как начинает дрожать от восторга, упоения долгожданной победой и предвкушения новой. «Темный Охотник» — самое могущественное заклятие некромантов. Она не сдержалась и поцеловала неровные строчки, написанные резким почерком.

Кристоф сидел, откинув голову на спинку дивана, закрыв глаза, и выглядел очень усталым, словно после тяжелой магической схватки.

— Я скоро вернусь, — пообещала ему Флора. — Ты даже не успеешь заметить, что я уходила.

Уже спускаясь по лестнице, она вспомнила, что забыла спросить у него еще кое-что. Любит ли он ее? Кадаверциан ни разу не признавался в этом. Но возвращаться было уже поздно.

Во дворе Леди мысленно начала читать заклинание и почувствовала мощный прилив чужой силы. Сильный порыв ветра бросил ей в лицо горсть пыли, прогнул вершины деревьев и загрохотал железом на крыше противоположного дома. А где-то далеко послышался низкий вой.

Флора содрогнулась внутренне и поспешно оборвала магическую фразу. Рассмеялась, услышав в своем голосе легкую дрожь. Заклинание действовало. И каким же мощным оно было!

«Я справлюсь»! — уверенно подумала она и пошла к машине.

Вивиан остановил «Мустанг» под раскидистым дубом на самом краю парка. Погасил фары. И Нола тут же потянулась к нему...

А потом вдруг в дверь машины громко, требовательно постучали. Девушка неторопливо оторвалась от губ Вивиана, подняла взгляд и вздрогнула, едва не подпрыгнув на сиденье. Отшатнулась, и лицо ее стало откровенно испуганным. Кадаверциан обернулся и увидел встрепанного, злого Дарэла.

— Ты что здесь делаешь? — залепетала Нола, хлопая густо накрашенными ресницами.

Но телепат не ответил ей, обращаясь к Вивиану:

— Где Кристоф?

— Не знаю. Был дома, когда я уезжал. А что... случилось?

Дарэл пристально посмотрел на девушку, сжимающуюся под его взглядом.

— Он позвал меня. Я услышал его голос, а потом вызов оборвался. И я не могу поймать его снова. Пришлось искать тебя.

— Я ничего не знаю, — прошептала вдруг Нола. — Дар, честное слово. Не смотри на меня так! Я ничего не сделала!

— Что происходит? — резко спросил Вивиан.

Не открывая дверцы, Дарэл запрыгнул на заднее сиденье машины и ответил:

— Происходит то, что тебя нагло используют. Моя дорогая мамочка затеяла очередную гадость и втравила в нее эту дуру. — Он шарахнул кулаком по спинке кресла и потребовал: — А ну говори! Что она тебе приказала?!

— Ничего! — крикнула девушка в ответ, и в глазах ее заблестели слезы. — Ничего...

— Тогда почему ты уже месяц прячешься от меня?

— Я просто... — Нола всхлипнула, жалобно взглянула на Вивиан, но тот, ощущая странное внутреннее оцепенение, не испытал к ней ни капли сочувствия. — Я просто рассказала, что Алек... Асиман здорово умеет делать всякие составы. Он хвастался, что со временем сможет изготовить даже эликсир, позволяющий выходить на солнце. Флора вдруг заинтересовалась и велела мне попросить его сделать зелье, похо-

жее на человеческую сыворотку правды. Чтобы действовало и на нас тоже.

— Дальше! — жестко потребовал Дарэл.

— Я попросила. Он сделал.

— А сегодня Флора, вооруженная «Эликсиром правды», пригласила Кристофа на свидание, а тебе велела увезти Вивиана, чтобы он не помешал случайно?

Нола не ответила, отворачиваясь. А телепат продолжил жестко:

— Это ведь она приказала тебе познакомиться с учеником Мастера Смерти, очаровать его, приручить, втереться в доверие. И потихоньку выведывать всевозможные маленькие кадаверцианские секреты. Например, не оставляет ли Кристоф открытой свою лабораторию или не валяется ли где-нибудь без присмотра заклинание «Армагеддон».

— «Темный Охотник»... — прошептал Вивиан, внезапно начиная догадываться. Даже горечь от осознания, что его использовали, на мгновение отступила. Он обернулся к Дарэлу, забыв о Ноле. — Флора просила у Кристофа «Темного Охотника», но он отказал ей.

— Куда они поехали?! — Телепат подался вперед и схватил девушку за плечо, резко встряхнул. — Ну?!

— В «Геллу», — сказала она после короткой паузы.

— Значит, так, — Даханавар взглянул на кадаверциана, — сейчас ты поедешь и заберешь Кристофа. Если он еще не разнес весь этот клуб по камню. А я попытаюсь перехватить Флору.

Он выбрался из машины.

— Надеюсь, успею.

Вивиан завел мотор и, больше не обращая внимания на притихшую пассажирку, вывел машину на дорогу.

— Вив, — прошептала девушка после долгого молчания, — я не хотела этого. Не хотела использовать тебя. Ты мне, правда, нравишься...

Он ничего не ответил. Алек был прав. «Подчинять и владеть». Похоже, это действительно девиз всех даханаварских Леди. Даже юная Нола не исключение.

— Мне очень жаль, — прошептала она.

— Мне тоже, — ответил он равнодушно и прибавил скорости.

Он не знал дорогу к клубу, но спутница тихо давала указания:

— Прямо... за светофором поворот... следующий переулок...

— Флора хочет убить Фелицию? — спросил он наконец, чувствуя, что не может больше молчать.

— Она хочет занять ее место. — Нола по-прежнему сидела, отвернувшись так, что, поглядывая на нее, кадаверциан видел лишь спутанные черные кудри. — Здесь налево.

— Если у нее получится, она станет новой главой клана, а если нет...

— Мормоликая убьет ее, — жестко ответила девушка, оборачиваясь, и лицо ее исказилось от злости. — Что, тоже запал на блистательную Флору? Она сотнями убивала таких дурачков, как ты. А они до самого последнего вздоха жаждали увидеть ее улыбку. У нее всегда было все самое лучшее, но ей всегда было мало.

«Она хочет всего — власти, денег, развлечений... И чем больше получает, тем больше ей нужно», — вспомнил Вивиан слова Кристофа.

Хотел сказать, что думает про Флору, но не успел.

Свист, резкий удар, грохот, лязг покореженного, рвущегося металла. Вивиана бросило на руль, ремень безопасности впился в грудь, рядом пронзительно вскрикнула Нола. Потом еще один удар, посыпались осколки стекла, перед глазами замерцала, запульсировала буро-зелеными пятнами темнота, и что-то липкое поползло по лицу. Кровь...

Нола вскрикнула еще раз. Дверцу распахнули, и кадаверциана грубо потащили из машины. В своем мерцающем сознании он видел «Мустанг» со смятыми боками. Над ним хищно нависал черный джип с тонированными стеклами. «Он в нас и врубился», — мелькнуло в голове, и в ушах тут же зазвенели вопли Нолы:

— Сволочи! Мерзавцы! Асиманы вшивые! Отпустите меня! Немедленно!

— Темпераментная крошка, — слышался незнакомый низкий голос.

— Разуй глаза, урод! Ты соображаешь, что делаешь?!

— О, даханаварская кошечка! Какая неожиданность! Ловили кадаверцианского ублюдка, а поймали еще и красотку-ведьмочку. Слышишь, малыш, у тебя хороший вкус.

Из серо-зеленого тумана, висящего перед глазами, выплыло белое лицо с перекошенным в презрительной улыбке ртом и холодными, голодными глазами.

— Так спешил на помощь мастеру, что попался сам...

— Слушай, Кайл, оставь его, — послышался новый голос. — Яков сказал, что надо торопиться, пока Кристоф не очнулся. А этот уже и так готов. Помешать не сможет.

— Говорят, у вас древняя благородная кровь. Никогда не пробовал.

— Не трогай его, урод! — отчаянно вскрикнула Нола. — Вы за это заплатите! Пустите!

Нагло усмехающееся лицо исчезло. Вивиан увидел черное небо, свет фонарей, бьющий в глаза, а потом вдруг почувствовал резкую, едва переносимую боль в шее и липкое горячее прикосновение жадного рта к коже. В то же самое мгновение он услышал высокий пронзительный вопль Нолы и понял, что делают с ним. *Кто унижает его. «Я их ненавижу... Ненавижу».*

Темная половина души, оглушенная вместе с Вивианом, вдруг налилась жуткой, чудовищной силой и хлестнула из него, обретая материальную гибкость. Кто-то закричал от боли и ужаса. В воздухе запахло мертвечиной, и крики слились в долгий оглушительный вой. А потом... потом все вдруг стихло. Прошли долгие секунды тишины, прежде чем кадаверциан понял, что лежит на спине на холодном мокром асфальте, а Нола, заплаканная, с растрепавшимися кудрями и черными подтеками туши под глазами, трясет его за воротник и хлещет по щекам:

— Вив! Вив, не надо! Перестань! Они все умерли! Ты их убил! Пожалуйста, перестань!

Сначала он не мог сообразить, о чем она так жалобно и отчаянно просит. Было хорошо, спокойно и тепло. А потом понял, что из него медленно, тоненькой струйкой, вытекает та самая сила, которая заменяла большую часть прежней человеческой энергии и которую Вивиан высвободил в при-

ступе ярости. Он как будто истекал кровью и не мог ее остановить. Впрочем, настоящая кровь тоже была. Она застыла на шее, лице, на руках, порезанных разбитым ветровым стеклом.

— Вивиан! Сделай что-нибудь!.. Позови Кристофа! Он твой учитель! Он приедет! Он поможет!

— Не могу...

— Только не это. Стэфания! Стэф, помоги! Ты слышишь?! Проклятье! Помогите! Кто-нибудь! Кто слышит! Дарэл?.. Дарэл!! Помогите мне. Помогите!!

Вивиана качало и кружило на каких-то гигантских волнах. В темноте за всхлипами Нолы слышался ровный многоголосый гул, который приближался, приближался, дрожал и бился вокруг него, как невидимый прибой, и хотелось одного — закрыть глаза и слушать странную чарующую музыку, звучащую в пении сотен голосов. А потом вдруг совсем рядом, уже в реальности, взвизгнули тормоза останавливающейся машины, хлопнула дверца, и Вивиана встряхнули с удвоенной силой.

— Что с ним? — прозвучал нетерпеливый, резковатый голос.

— Не знаю! Я никогда такого не видела. На нас... напали, а он... это было похоже на огромную черную плеть из воздуха. Он порубил этих несчастных в лапшу. Я не знаю такого заклинания.

— Это не заклинание... Расстегни ему куртку. И прекрати рыдать.

Следующее, что Вивиан увидел, приходя в сознание, был кожаный салон «Линкольна», несущегося по пустому пред рассветному шоссе. Молодой кадаверциан полулежал, прислонясь спиной к дверце, Кристоф за рулем сосредоточенно смотрел на дорогу.

— Кристоф! Я... разбил твою машину. — Говорить громко не получилось, Вивиан едва слышно шептал, но учитель услышал его.

— Я знаю.

— А еще... вся моя сила...

— Она восстановится.

— На нас напали асиманы, — сказал он, ища взглядом Ноу. Растрепанная, заплаканная, та сидела рядом, но не решалась прикоснуться к нему. — Я спешил предупредить тебя. Флора раздобыла у асиман эликсир, лишаящий воли, ты не должен пить его... Если бы ты не позвал Дарэла... — Он замолчал, потому что колдун смотрел прямо перед собой застывшим взглядом. Лицо его было окаменевшим, зрачки сузились. — Крис... что?

— Я дал ей заклинание «Темного Охотника», — сказал колдун. — *Неправильное заклинание.*

Машина с такой скоростью рванулась вперед, что всех пассажиров вдавило в кресла. Вивиан еще никогда не видел учителя настолько взвинченным, нервным, встревоженным.

— Что будет, если она использует его? — спросил Вивиан, чувствуя, как его начинает трясти от нехорошего предчувствия.

— Ничего, — коротко бросил Кристоф. — Ничего не будет! Она не сможет его использовать. Не сможет вызвать...

«Линкольн» выехал наконец на Садовое и мчался по дороге, с каждой секундой наращивая скорость. Вылетал на встречную полосу, подрезал. Немногочисленные машины шарахались от него, возмущенно гудя. Свет фар сливался в две яркие полосы, размазанные по стеклам.

— Подожди... — прошептал Кристоф и с такой силой сжал руль, что суставы его пальцев побелели. — Подожди меня.

На светофоре загорелся красный, но кадаверциан не обратил на это внимания. Машина пролетела прямо перед передним бампером грузовика, едва избежала столкновения с первым трамваем. А потом руки Кристофа засветились ярким зеленым огнем, и Вивиан почувствовал, как вокруг некроманта начинает скручиваться тугая спираль малахитового цвета...

Особняк Фелиции в этот раз был темен, тих и мрачен. Не светилось ни одно окно, и дом казался необитаемым.

Кристоф вышел из автомобиля первым. Следом за ним поспешил Вивиан, Нола осталась в машине.

На нижней ступени лестницы сидел Дарэл. Издали казалось, что телепат просто устал и решил отдохнуть пару минут. Но, увидев его вблизи, молодой кадаверциан понял, что тот недавно пережил жестокую магическую схватку. Лицо Даханавара было белым, по щеке размазана полоса засохшей крови, вокруг глаз черные круги, возле рта глубокие морщины, руки, бессильно свешенные между колен, обожжены. Минуту они с Кристофом смотрели друг на друга — видимо, разговаривали мысленно, потом Дарэл произнес хрипло вслух:

— Я не смог ее остановить.

Кадаверциан промолчал, прошел мимо него вверх по лестнице. Сканэр невесело усмехнулся, провожая его взглядом, а потом закрыл глаза и лег на ступени.

Двери в особняк были закрыты, но колдун одним взмахом руки выбил их. Сейчас же внутри мерзко завывала сирена, предупреждая о враждебных намерениях визитера. К нему навстречу бросились несколько вампиров из охраны, но колдун смел их со своего пути не глядя. Вивиан спешил следом за учителем, он чувствовал сторожевые заклинания, вспыхивающие одно за другим, но кадаверциан, ослепленный горем и гневом, казалось, не замечал их.

Вокруг его тела вилась «Спираль Гиенны» и сметала любого, кто смел приблизиться. Похоже, он вызвал всю силу клана, подвластную ему, и был готов разрушить здание до основания, лишь бы выплеснуть свою боль.

Двери в конце длинного пустого коридора оказались распахнуты. Кристоф вошел и остановился у порога. Ему навстречу со скамьи, стоящей у стены, поднялась Фелиция. Она больше не выглядела юной — казалась постаревшей лет на триста.

— Я вижу, ты пришел убивать, Кадаверциан, — сказала она тихим, надтреснутым голосом. — Можешь делать это, я не сумею сопротивляться. Она была очень сильна.

В ее последних словах неожиданно прозвучала гордость.

— Самая талантливая, самая знающая из моих детей.

— Ты убила ее, — глухо произнес колдун. Спираль над его головой затянулась туже.

Фелиция покачала головой.

— Я защищала свою жизнь. Но Флора умерла из-за твоего «Охотника». Она слишком понадеялась на него и не смогла воплотить. Потому что в нем была ошибка, не так ли? Если бы она не получила его — не пришла бы сюда. Не решилась...

Кристоф на мгновение закрыл глаза, лицо его вновь исчезло от внутренней боли.

— Значит, она завладела заклинанием обманом... — Казалось, мормолика разговаривает сама с собой, не обращая внимания на грозящую смертельную опасность, разделяет с колдуном его горе, искренне скорбит. — Ты можешь убить меня и начать новую войну между кланами, Кристоф. Я готова умереть, чтобы напоить твою ненависть. Твоя боль утихнет, если ты будешь видеть страдания сотен других? Смерть Флоры покажется тебе менее ужасной, если за ней последуют тысячи новых смертей?

Несколько мгновений кадаверциан стоял, глядя на Фелицию, потом зеленое пламя вокруг него стало медленно гаснуть. И вместе с огнем, казалось, уходила жизнь из его глаз. Они стали пустыми, тусклыми, неподвижными. Колдун медленно отвернулся от Первой Леди, сказал глухо:

— Я заберу ее тело. — И вышел из зала.

— Как тебе будет угодно, — устало ответила она ему в спину.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЦАРЯ

а-да-да-да... Скорей-скорей-скорей-скорей...

Такие вещи не залеживаются. Да-да-да-да...»

Когда в тебе без малого полтора центнера, ноги начинают болеть после первого шага. Ступни.

А щиколотки — после десятого. Не дай бог торопиться куда-нибудь, одышка начнется на второй минуте. Если ты поднимаешься по лестнице, легкие жалобно всхлипнут на третьем лестничном пролете. Один — десять — два — три. Эта арифметика работает всегда. Зимой и летом, при дурном настроении и хорошем, в дождь и снег, после аванса и даже в отпуске.

Впрочем, к своему весу он привык. И даже подумывал о том, что похудание было бы неорганичным. Род предательства? Возможно.

«Да-да-да-да... Скорей-скорей-скорей-скорей... Желающих будет достаточно. Желающих на такую вещь — хоть отбавляй!»

Лифт не работал. Что может быть омерзительнее техники, отказывающей в повиновении человеку? Как смеет тварь предавать своего Творца!

Лестничная клетка четвертого этажа. Пот хлюпает в ботинках. Охранник. Паспорт. Унылая галерея офисных врат. «...заботится о каждом клиенте!»... «...оформляем всего за месяц!»... «...смысл жизни... недорого»... «Секретариат»... «...любую мечту!»... «...и от глаза»... «...ликвидация...». Разводы подсыхающей грязи на линолеуме. Табачная вонь въелась во все. Форточка, открытая в стылый ноябрь. За окном — поздний год, тиски холода впиваются в плоть и жизнь. «Вход на сертификацию к Антидеоненко — из соседнего подъез-

да». Где же? Домом ошибиться невозможно, он тут уже бывал. Дом 34 по Хорошевскому шоссе, строение 2.

«Скорей-скорей-скорей-скорей...»

Да вот оно! Дранный советский кожзаменитель, справа заплатка, снизу дырочка, по форме напоминающая пролетарскую звезду... сплошной мемориал сгинувшей эпохе. Эти кретины просто поменяли вывеску. Теперь здешний клондайк называется «Книжная лавочка 600». Внутри, как обычно, неприятный запах. Оглушительная тишина. И сухо. Очень сухо, кожа начинается чесаться от такой непереносимой сухости...

— Проходите же! Закройте дверь. Поплотнее, пожалуйста, — здесь ужасно сквозит.

Продавец не скрывает раздражения.

— Почему 600? Почему вы теперь — 600?

Его собеседник игнорирует вопрос.

— Василий Васильевич? Дмитриев? Вы?

— Дмитриев. Я. Но почему? Я едва не пропустил вашу дверь.

— Очень хорошо. Замечательно. Мы вас ждали. Постоянный покупатель... Что вы спросили? Почему 600?

Ага, все-таки обратил внимание...

— Именно.

Темновато. И пыль, всюду пыль, пыль, пыль... Жучок у них еще не завелся? Придя домой, надо будет обработать вещь. Основательно обработать. И все-таки слишком темно для такого заведения. Знаток ничего не купит, не рассмотрев как следует. Цены не располагают, так сказать. Отчего здесь все устроено не по-человечески?

— ...потратит на нашу лавочку всего десять минут, а это и есть шестьсот секунд...

О чем это он? Ах да...

— Благодарю вас. Я просил кое-что отложить. Помните, мы разговаривали по телефону.

— О да! Несомненно. Конечно. Разумеется. Пожалуйста.

Вот оно. Вот оно!

— Сколько?

Доски в коже с тиснением. Переплет... от другой книги, поздний, наверное, рубежа XVIII — XIX столетий. Бумага

припереплетных листов — голубоватая. То есть по времени соответствует. Кое-где следы старообрядческой реставрации. Маргиналии... простенькие.

— Нисколько. В подарок.

Купчая запись по нижнему полю... филиграни соответствуют... Что? Что? В подарок?

— Я не понимаю.

Мудрено понять такое предложение!

— Вы приобретаете у нас десятую книгу, Василий Васильевич. Мы решили сделать вам дар от заведения с намеком на плодотворное сотрудничество в ближайшем будущем. Примите.

— Шутите?

— Нет. Поверьте, именно таков современный бизнес в нашей сфере.

— Как-то... неправдоподобно.

Быстро проверить. То? Листы с выходными данными... родные. То. Оно самое: Устав 1610 года, напечатанный при лжепатриархе Игнатии и впоследствии отвергнутый церковью. Весьма редкая вещь, будет украшением коллекции. Выше — только фрагмент из Слободской Псалтыри, его, к сожалению, пришлось украсть у этого невежды, отца Николая... Еще раз проверить филиграни. Нет, ошибки быть не может.

— Вы уверены, я вам ничего не должен? Совсем ничего?

— Ни копейки.

— Я...

— Разве что вашу благодарную улыбку. И расположение вашей души. Такой обмен вас устроит?

— Спрашиваете! Да я по гроб жизни буду вам благодарен. До сих пор как-то... не верится.

— Не верится? Это обычное состояние современного человека. Простите за высокопарный слог, но сомнение — способ жизни интеллектуала наших дней. Не правда ли?

— По гроб жизни... по гроб жизни...

— Вы правы.

— Что?

— Вы правы в том, что не стесняетесь признаваться в добрых чувствах. Распишитесь, пожалуйста.

— Нда-да. Здесь? Хорошо. Вот. Все? Я могу уйти?

— Попробуйте. Э-э... то есть... не заблудитесь тут у нас.

Куда он дел бланк? Кажется, еще секунду назад... на этом самом месте... Впрочем, не имеет значения. Просто здесь столь... сумеречно. Свинцовая темень. Нельзя так работать, в конце концов!

— До свидания.

— Совершенно верно! До свидания.

Смешной человечек. Забавные времена! Каждый недоучка разглагольствует о высоких материях...

Скорее домой!

«...и от глаза»... «...ликвидация»... Поворот, здесь же был поворот! Налево. Или направо? А, вот он, оказывается, чуть дальше... Устать до такой степени! Надо бы отоспаться за всю прошлую неделю. А лучше — за весь прошлый месяц.

«...на сертификацию...» Все-таки поворот был. И коридор не раздваивался. Просто здесь отделялось... глухое коленце... да... как раз напротив стеклянной двери.

Форточка, открытая в ноябрь, обжигающе неуютный месяц.

Откуда здесь кровь? Секретарши таскали друг дружку за шиньоны? Насмотрелся! Теперь на языке играет кровяной привкус. Заболело горло.

Тупик.

Скорее всего, перешел в соседний корпус. Иногда вот так соединяют разные здания, чертовски запутанно... Жарко. Кочегарка рядом? Как же болит горло! По нему как будто резанули ножом.

...иначе как лабиринтом, назвать невозможно.

...вернуться туда, где все начиналось.

...наверное, служебный проход.

...«аварийный выход».

...сужается.

...дверь.

...о!

* * *

На верхних этажах каменного цветка я чувствую себя омерзительно. Если бы мог, ни за что не совался бы сюда.

Сам воздух этих мест рождает боль в моей груди. Неумолимый свет ранит мою кожу. Громкий звук вызывает зуд во

всем моем здешнем теле. Глоток воды убил бы меня. В любых предметах и любых веществах заключено нечто, не имеющее названия на ста одиннадцати языках Нижнего мира, нечто беспощадное и притом безусловно враждебное в отношении меня.

Когда я восхожу по черным каменным лепесткам к толще Плода, я забываю, какова моя сила и сколь много воли отпущено мне Хозяином. Я забываю о своей власти над Металлическим садом. Я забываю о своей принадлежности к владетельному роду Нэг-и-Моокш, укорененному в юности мира. Я забываю о праве раз в шесть лет на эфирной ладье, пребывая в теле сна, посещать остров Анхестов и развлекаться там среди высших существ и могущественных господ. Я забываю о ярости, наполняющей мои пальцы, когда я в огненном теле сокрушаю грязных ратников Каура. Я забываю, как прекрасен бывает Вечный Вечер, когда поднимаешься в Истинную Обсерваторию маяка Хааргад и смотришь на потолок Нижнего мира, испещренный созвездиями сумеречных рун... Я знаю мощь и знаю красоту, но забываю и о первом, и о втором. Я, Симмаархаал Нэг, ловец имен!

Я помню лишь одно: если дверь в лавчонке продержат открытой хотя бы на протяжении одного таллита, от меня останется одна пустая оболочка. Иная реальность — жесткая среда; ее грубая мощь слишком разрушительна для моей плоти, и даже когда врата, ведущие за пределы Плода, закрыты, сквознячок, невидимо сочащийся сквозь замочную скважину, способен довести меня до судорог.

Но именно такой службы требует от меня Хозяин за доброе поместье Металлический сад и высокую скамью в Гильдии лордов.

— ...Почему 600?..

Каждая душа крепится к днищу имени того существа, которому она принадлежит... А значит, имя связывает существо с его истинным предназначением, даже если душевладелец нимало не подозревает об этом его свойстве. Хозяину требуются значительные люди. Те, кому даровано высокое предназначение.

И тянутся из Нижнего мира тонкие башни каменных цветов. И плоды наливаются в тех местах, где роду моему в древности поклонялись. И я становлюсь частью Плода...

— ...Сколько?..

Такова жизнь владетельного лорда. Третью ее он проводит, сливаясь с хаосом, не помнит о ней ничего, а потом долго привыкает к себе самому, изгоняя из тела своего ожидание того мига, когда плоти суждено опять расточиться тонкими прядями тьмы. Другую треть он чувствует себя деталью огромного механизма, приводящего в действие Календарное Колесо. Для каждого времени — свой ужас. Вращение наших тел распахивает перед ним двери... Лорды Нижнего мира не могут действовать по своей воле, но о второй трети помнят все. Последнюю треть мы служим и развлекаемся. Только тогда мы полноценны, обретаем тень, волю, власть и желания.

Хозяин дает много.

И пусть моя служба неприятна мне, но так было, есть и будет.

Тот, кого я сверг и поглотил ради права обладать Металлическим садом, сказал мне напоследок: «Тебе понравится. Ведь это искусство высших ступеней: менять малое на великое...» Мне понравилось.

— ...Шутите?..

Принять грязь как благо, не услышать прямых оскорблений и отдать за ничто лучшее, чем владеешь... Раньше было сложнее. Раньше здесь бывало не только тяжело, но еще и опасно. Иногда являлся кто-нибудь, имеющий силу изгонять нас... Теперь я чувствую себя здесь как зрячий в стране слепых.

Из вселенского эфира я подтягиваю к себе Алмазный нож и Клокочущий жезл. Последнее действие ритуала приводит меня в состояние благородного ликования. Каждая частичка моей несовершенной плоти чувствует юное дыхание неизбежности. В любой службе есть приятные моменты...

— ...Я могу уйти?..

О нет. Душа простая и вороватая из Плода не выйдет никогда. Простота невежд и простота блаженных столь не близки! А блаженные сюда не приходят. Души изощренные иногда выпутываются, ободрившись до полусмерти... Один великий гордец был тут, скоро оставил свою гордость и криком кричал, выпрашивая помощь. Чувствовать не был при-

учен — додумался! И ушел, все-таки ушел. А сегодняшний... сегодняшний даже представить себе не может, как это — взывать из бездны.

Кончено. Хорошо. Лучшее совершено.

До срока я покидаю Плод.

Здесь грязь, боль и суета. В древности лорды Нижнего мира произносили не более одного слова за всю жизнь. И к этому слову их влекло грозное стремление неназываемых стихий, как волны кипящего моря влекут корабль на скалы, наполняя сердце капитана восторгом и трепетом.

Сколько слов я сказал сегодня, пребывая внутри Плода? О! Моя жизнь становится в такие моменты унижительно пестрой.

* * *

Растворяются железные врата. Железная трава, раскаленная докрасна, — до самого горизонта. Порттик из шипастых железных колонн — до самого горизонта. На каждой колонне — железная перекладина распятия с человеком из плоти и крови, и так — до самого горизонта...

В глазах вошедшего стоит ужас: господи, почему ты меня покинул?

Вывернутый наизнанку скорпион пятиметрового роста с головой давешнего книгопродавца. Впрочем, скорпион — это слабо сказано... Улыбается ласково и просительно. Смотрит беззлобно. Говорит негромко и торжественно:

— Нагим принимаем мы тебя, мертвый царь и сын царя из древнего рода землепашцев.

Язык не сразу подчинился вошедшему:

— Нет. Не-ет. Это какая-то чудовищная ошибка! Я всего лишь...

— Василий Васильевич Димитриев?

— Димитриев. Но я...

— Жертвоприношение завершено.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ УЛАНОВ	
Беженец	5
БОРИС РУДЕНКО	
Измененный.	31
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ	
Кто следующий?	57
БОРИС ФОКИН	
Наваждение	66
ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ	
Охота на Белого Оленя.	80
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ	
Восстань, Лазарь	142
ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ	
Острое решение	161
АНТОН ОРЛОВ	
Станция Беспечный Берег	172
ЕВГЕНИЙ БЕНИЛОВ	
Лгунья	192
АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ	
Nebel	218
ВАСИЛИЙ МИДЯНИН	
Московские големы	247
ОЛЕГ СИНИЦЫН	
Небо.	314

АНДРЕЙ БАСИРИН	
Дверь в зиму	330
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН	
Смерть поэта.	358
Победитель дракона.	365
День города.	376
Царь рыб	385
РОМАН АФАНАСЬЕВ	
Замкнутый круг.	390
ЕКАТЕРИНА КАМЫНИНА	
Пся Крев.	400
АНДРЕЙ ДАШКОВ	
Чертова штука.	416
ВАДИМ ПРОСКУРИН	
История одного пророчества.	431
АНДРЕЙ ЕГОРОВ	
Я умею летать	442
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ, ЕЛЕНА БЫЧКОВА, НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА	
Темный Охотник	458
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН	
Жертвоприношение царя.	532

Литературно-художественное издание

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ — 2006

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Ю. Потолков*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Чаплыгина*
Корректор *Н. Самойлова*

В оформлении переплета использована иллюстрация *D. Mattingli*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

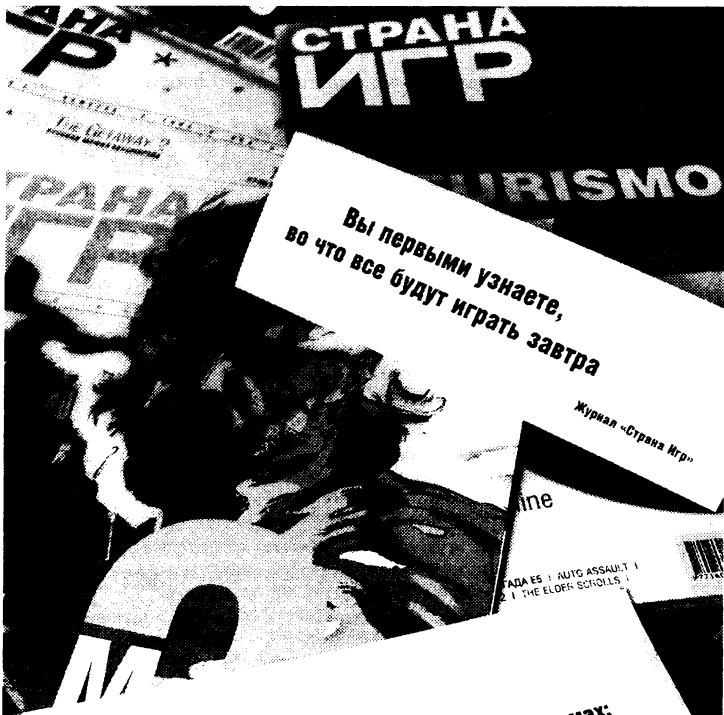
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 12.04.2006.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 15000 экз. Заказ № 4602227.

Отпечатано с готовых монтажей
на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Вы первыми узнаете,
во что все будут играть завтра

Журнал «Страна Игр»

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

КАБОЧЕ
2
ИЗДАНИЙ

192
СТРАНИЦЫ

DVD
85
ЧАСОВ

НОВЫЙ УРОВЕНЬ ФАНТАСТИЧЕСКОГО БОЕВИКА — ВЛАДИМИР БРАЙТ —

Три новые трилогии — три новых фантастических мира:
«32», «Империя неудачников» и «Цвет крови».

Владимир Брайт поднимает планку фантастического боевика на новую высоту. Ураганный экшн держит в напряжении в течение каждой страницы, каждого абзаца... Добавьте сюда еще неподражаемый юмор, и удовольствие от прочитанных книг превзойдет самые смелые ожидания.

«Восемь выстрелов разорвали тишину улицы, и два трупа практически синхронно легли на прогретую солнцем мостовую...»

«— Я взял его. — сообщил темный ангел своему напарнику. — Игра окончена.»

ИГРА ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ!

ВЛАДИМИР БРАЙТ — новая восходящая звезда фантастического боевика!

СЕРИЯ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Прими участие
в космических войнах!

Лучшие фантастические боевики
современных отечественных
фантастов!

ТАКЖЕ В СЕРИИ В 2006 ГОДУ:

АЛЕКС ОРЛОВ «Штурм базы», «Испытание огнем», «Дорога в Амбеир», «Застывший огонь»
и другие книги непревзойденного мастера фантастического боевика.

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ, АНДРЕЙ ЕГОРОВ «Космический капкан»

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ «Сезон туманов», «Меч Прометея», «Часовые вселенной»,
«Игры шестого круга», «Затерянные среди звезд»

АЛЕКСАНДР ДИХНОВ «Три луны Кертории», «Один мертвый керторианец»

ОЛЕГ МАКУШКИН «Кристаллическая решетка»

ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО «Пилот с границы»

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ 2006

Городская фэнтези – это магия современного мегаполиса, рыцари ночных автострад, колдуны компьютерных сетей и механические драконы, оснащенные крупнокалиберными пулеметами и ракетами «воздух–земля». Это «Хроники Амбера» Р. Желязны, «Ночной дозор» С. Лукьяненко и «Тайный город» В. Панова. Этот литературный сборник, предлагаемый вашему вниманию, – новые произведения отечественных писателей-фантастов, центральное место в которых занимает сочетание древней магии и современной техники.

ISBN 5-699-16506-1

9 785699 165063